

Сочиненія и письма
А. С. Пушкина.

Томъ пятый.

Сочиненія и письма

А. С. Пушкина.

Критически провѣренное и дополненное по рукописямъ изданіе, съ біографическимъ очеркомъ, вступительными статьями, объяснительными примѣчаніями и художественными приложеніями,

подъ редакціей

П. О. Морозова.



С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“, 7 рота, 20.

Городская контора: Невскій 50.

Сочиненія и письма

А. С. Пушкина.

Томъ пятый.

Повѣсти и драматическія произведенія
въ прозѣ (1827—1835).

1-ый и 2-ой томы допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.



С.-Петербургъ.

Типографія Товарищества „Просвѣщеніе“, 7 рота, 20.

1904.

Бумага без примеси древесной массы (веленевая)



Оглавленіе.

	Стр.		Стр.
I. Арапъ Петра Великаго	1	Въ одно изъ пер- выхъ чисель . .	212
II. Повѣсти Бѣлкина:		Въ 179* году . . .	215
Введеніе	51	Гости съѣзжались на дачу	217
Отъ издателя	55	Марія Шонингъ . .	227
Выстрѣль	60	Въ Коломнѣ	235
Метель	77	V. Дубровскій	239
Гробовщикъ	93	VI. Капитанская доч- ка	335
Станціонный смо- тритель	103	VII. Пиковая дама . .	495
Барышня-крестья- янка	119	VIII. Египетскія ночи	533
III. Исторія села Го- рохина	143	IX. Русскій Пеламъ	567
IV. Отрывки и наброс- ки повѣстей:		X. Сцены изъ рыцар- скихъ временъ и драматическіе отрывки	597
Введеніе	173	Примѣчанія	609
Отрывки изъ рома- ма въ письмахъ	177		
Участь моя рѣшена	194		
Рославлевъ	198		

Еще въ 1824 г., въ III-й главѣ Онѣгина (строфа XIII) Пушкинъ намекнулъ, что его занимаетъ мысль объ историческомъ романѣ, въ которомъ онъ хотѣлъ пересказать

Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины.

Поэтъ очень дорожилъ своими семейными преданіями и собиралъ матеріалы для исторіи своихъ предковъ Ганнибаловъ: въ его бумагахъ, среди разныхъ фамилныхъ документовъ, остались „Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ“, нѣмецкая біографія „арапа Петра Великаго“, жизнеописаніе генераль-поручика Ивана Абрамовича Ганнибала, героя первой Наваринской битвы и основателя Херсона, вмѣстѣ съ его автобіографическою запискою, и пр. Но съ особеннымъ вниманіемъ относился Пушкинъ къ родоначальнику этой фамиліи, знаменитому Абраму Петровичу, о которомъ часто вспоминалъ и въ стихахъ (Моя Родословная, II, 141), и въ прозаическихъ замѣткахъ, и въ анекдотахъ. Его-то и выбралъ поэтъ героемъ своей исторической повѣсти. Повѣсть эта осталась неоконченною, потому что Пушкинъ отвлекся другими занятіями; но мысль объ историческомъ романѣ изъ русской жизни стала любимымъ его предположеніемъ. „Богъ дастъ“, говорилъ онъ друзьямъ, — „мы напишемъ историческій романъ, на который и другіе полюбуются“ (Анн., Мат., 191). Въ 1827 г. (15 сент.) онъ показывалъ начало своей повѣсти посѣтившему его въ Михайловскомъ А. Н. Вульфъ и говорилъ, что „главная завязка этого романа будетъ невѣрность жены сего арапа, которая родила ему бѣлаго ребенка и за то была посажена въ монастырь“ (Дневникъ Вульфа у Майкова: „Пушк.“, 177).

При жизни Пушкина въ печати явилось только два небольшихъ отрывка изъ „Арапа Петра Великаго“, оба — безъ подписи автора. Одинъ изъ этихъ отрывковъ, подъ заглавіемъ: „IV глава изъ историческаго романа“ и съ эпигра-

фомъ изъ Руслана и Людмилы, напечатанъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 г., а другой (изъ 3-й главы), подъ заглавіемъ: „Ассамблея при Петрѣ I“, — въ Литературной Газетѣ 1830, № 13, гдѣ сдѣлана была ссылка и на источники: „Дѣянія Петра Великаго“ Голикова и альманахъ Корниловича „Русская Старина“ 1825 г. Затѣмъ оба эти отрывка были перепечатаны, съ нѣкоторыми исправленіями, въ книгѣ: „Повѣсти, изданныя Александромъ Пушкинымъ“, Спб., 1834. Остальной текстъ повѣсти, сохранившійся въ бумагахъ поэта, напечатанъ былъ, весьма небрежно уже послѣ его смерти, въ Современникѣ 1837, т. VI.

„Арапъ Петра Великаго“ извѣстенъ намъ въ перебѣленной и затѣмъ снова исправленной рукописи Моск. Муз. № 2378 и въ нѣсколькихъ черновыхъ отрывкахъ, сохранившихся въ №№ 2367 и 2368. Въ первой изъ указанныхъ рукописей, на первой же страницѣ, выписаны эпитафьи, подобранные Пушкинымъ для отдѣльныхъ главъ повѣсти. Для первой главы назначалось двустишіе изъ шуточного стихотворенія Дмитріева: „Путешествіе NN (т. с. Вас. Льв. Пушкина) въ Парижъ и Лондонъ“:

. Я въ Парижѣ,
Я началъ жить, а не дышать.

Для слѣдующихъ главъ были выбраны стихи:

1) Изъ Аблесимова („Мельникъ“):

Я тебѣ жену добуду,
Иль я мельникомъ не буду.

2) Безъ указанія источника:

Ужъ столъ накрытъ, ужъ онъ рядами
Несчетныхъ блюдовъ отягощенъ.

3) Также безъ указанія источника:

Какъ облака на небѣ,
Такъ мысли въ насъ мѣняютъ легкой образъ;
Что любимъ днесъ, то завтра ненавидимъ.

4) Изъ Языкова:

Желѣзной волею Петра
Преображенная Россія.

5) Изъ Державина:

Не столько нѣжить красота,
Не столько восхищаетъ радость,

Не столько легкомыслень умъ,
 Не столько я благополучень,
 Желаніемъ честей размучень...
 Зоветь, я слышу, славы шумъ.

б) Эпиграфъ изъ Руслана и Людмилы, самимъ Пушкинымъ помѣщенный при IV главѣ, которая была напечатана въ Сѣв. Цвѣтахъ.

Кромѣ того, въ рукописи № 2370, л. 36 об., находимъ еще набросокъ, относящійся, по своему содержанію, къ этой же повѣсти, но записанный раньше, — въ 1825 году:

Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку:
 Какъ жениться задумалъ царскій арапъ;
 Межъ боярынь арапъ похаживаетъ,
 На боярышень арапъ поглядываетъ.
 Что выбралъ арапъ себѣ сударушку,
 Черный воронъ — бѣлую лебедушку.
 А какъ онъ, арапъ, чернешенекъ,
 А она - то, душа, бѣлешенька...

Время написанія повѣсти опредѣляется приведеннымъ выше указаніемъ Вульфа и помѣтами черновыхъ рукописей: среди отрывковъ 1-й главы — 31 іюля 1827 и среди отрывковъ 3-й главы — 10 августа.

„Будь этотъ романъ конченъ, какъ пачать“, писалъ Бѣлинскій (1846) — „мы имѣли бы превосходный историческій русскій романъ, изображающій нравы величайшей эпохи русской исторіи. Поэтъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ своего романа выводитъ на сцену и великаго преобразователя Россіи, во всей народной простотѣ его пріемовъ и обычаевъ. Не понимаемъ, почему Пушкинъ не продолжилъ этого романа. Онъ имѣлъ время кончить его... Эти семь главъ неоконченнаго романа, изъ которыхъ одна упредила всѣ историческіе романы гг. Загоскина и Лажечникова, неизмѣримо выше и лучше всякаго историческаго русскаго романа, порознь взятаго, и всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ“.

Въ настоящемъ изданіи текстъ „Арапа“ вновь свѣрненъ съ рукописью и съ печатнымъ текстомъ 1834 г. Мѣста, зачеркнутыя Пушкинымъ въ рукописи, приведены въ примѣчанія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ числѣ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для пріобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ государству преобразованному, находился его крестникъ, арапъ Ибрагимъ. Онъ обучался въ парижскомъ военномъ училищѣ, выпущенъ былъ капитаномъ артиллеріи, отличился въ испанской войнѣ — и тяжело раненый, возвратился въ Парижъ. Императоръ, посреди обширныхъ своихъ трудовъ, не переставалъ освѣдомляться о своемъ любимцѣ и всегда получалъ лестные отзывы насчетъ его успѣховъ и поведенія. Петръ былъ чрезвычайно имъ доволенъ и неоднократно звалъ его въ Россію; но Ибрагимъ не торопился. Онъ отговаривался подъ различными предлогами: то раною, то желаніемъ усовершенствовать свои познанія, то недостаткомъ въ деньгахъ, — и Петръ снисходительствовалъ его просьбамъ, просилъ заботиться о своемъ здоровьѣ, благодарилъ за ревность къ ученію — и, крайне бережливый въ собственныхъ своихъ расходахъ, не жалѣлъ для него своей казны, присовокупляя къ червонцамъ отеческіе совѣты и предостерегательныя наставленія.

По свидѣтельству всѣхъ историческихъ записокъ, ничто не могло сравниться съ легкомысліемъ, безумствомъ и роскошью французовъ того времени. Последние годы царствованія Людовика XIV, ознамено-

ванные строгой набожностію, важностію и приличіемъ двора, не оставили никакихъ слѣдовъ. Герцогъ Орлеанскій ¹, соединяя многія блестящія качества съ пороками всякаго рода, къ несчастію, не имѣлъ и тѣни лицемѣрія. Оргіи Пале-Рояля не были тайною для Парижа; примѣръ былъ заразителенъ. На ту пору явился Law ²; алчность къ деньгамъ соединилась съ жаждой наслажденій и разсѣянности; имѣнія исчезали, нравственность гибла; французы смѣялись и расчитывали, — и государство распадалось подъ игривые припѣвы сатирическихъ водевилей.

Между тѣмъ, общества представляли картину самую занимательную. Образованность и потребность веселиться сблизили всѣ состоянія. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность — все, что подавало пищу любопытству или обѣщало удовольствіе, было принято съ одинаковой благосклонностію. Литература, ученость и философія оставляли тихій свой кабинетъ и являлись въ кругу большого свѣта угождать модѣ, управляя ея мнѣніями. Женщины царствовали, но уже не требовали обожанія. Поверхностная вѣжливость замѣнила глубокое къ нимъ почтеніе. Проказы герцога Ришелье ³, Алкивіада новѣйшихъ Аѳинъ, принадлежать исторіи и даютъ понятіе о нравахъ сего времени.

Tems fortuné, marqué par la licence,
Où la folie, agitant son grelot,
D'un pied léger parcourt toute la France,
Où nul mortel ne daigne être dévot,
Où l'on fait tout excepté pénitence.

Появленіе Ибрагима, его наружность, образованность и природный умъ возбудили въ Парижѣ общее вниманіе. Всѣ дамы желали видѣть у себя le nègre

du czar, и ловили его на перехватъ. Регентъ приглашалъ его не разъ на свои веселые вечера; онъ присутствовалъ на ужинахъ, одушевленныхъ молодостию Аруэта и старостию Шольё, разговорами Монтегкье и Фонтенеля; ⁴ не пропускалъ ни одного бала, ни одного праздника, ни одного перваго представленія, и предавался общему вихрю со всею пылкостью своихъ лѣтъ и своей породы. Но мысль — промѣнять это разсѣяніе, эти блестящія забавы на простоту петербургскаго двора — не одна ужасала Ибрагима; другія, сильнѣйшія узы привязывали его къ Парижу. Молодой африканецъ любилъ.

Графиня L., уже не въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, славилась еще своей красотой. Семнадцати лѣтъ, при выходѣ ея изъ монастыря, выдали ее за челоуѣка, котораго она не успѣла полюбить и который впоследствии о томъ не заботился. Молва приписывала ей любовниковъ, но, по снисходительному уложенію свѣта, она пользовалась добрымъ именемъ, ибо нельзя было упрекнуть ее въ какомъ-нибудь смѣшномъ или соблазнительномъ приключеніи. Домъ ея былъ самый модный: у нея соединялось лучшее парижское общество. Ибрагима представилъ ей молодой Мервиль, почитаемый вообще послѣднимъ ея любовникомъ, что и старался онъ дать почувствовать всѣми способами. ⁵

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безъ всякаго особеннаго вниманія: это польстило ему. Обыкновенно смотрѣли на молодого негра, какъ на чудо, окружали его, осыпали привѣтствіями и вопросами — и это любопытство, хотя и прикрытое видомъ благосклонности, оскорбляло его самолюбіе. Сладостное вниманіе женщинъ, почти единственная цѣль нашихъ усилій, не только не радовало его, но даже испол-

няло горечью и негодованіемъ. Онъ чувствовалъ, что онъ для нихъ родъ какого-то рѣдкаго звѣря, творенія особеннаго, чужого, случайно перенесеннаго въ міръ, не имѣющей съ нимъ ничего общаго. Онъ даже завидовалъ людямъ, никѣмъ не замѣченнымъ, и почиталъ ихъ ничтожество благополучіемъ.

Мысль, что природа не создала его для взаимной страсти, избавила его отъ самонадѣянности и притязаній самолюбія, что придавало рѣдкую прелесть обращенію его съ женщинами. Разговоръ его былъ простъ и важенъ; онъ понравился графинѣ L., которой надоѣли важныя шутки и тонкіе намеки французскаго остроумія. Ибрагимъ часто бывалъ у нея. Мало по малу она привыкла къ иаружности молодого негра и даже стала находить что-то пріятное въ этой курчавой головѣ, чернѣющей посреди пудренныхъ париковъ ея гостиной (Ибрагимъ былъ раненъ въ голову и вмѣсто парика носилъ повязку). Ему было 27 лѣтъ отъ роду; онъ былъ высокъ и строенъ — и не одна красавица заглядывалась на него съ чувствомъ болѣе лестнымъ, нежели простое любопытство; но предупрежденный Ибрагимъ или ничего не замѣчалъ, или видѣлъ одно лишь кокетство. Когда же взоры его встрѣчались со взорами графини, недовѣрчивость его исчезала. Ея глаза выражали такое милое добродушіе, ея обхожденіе съ нимъ было такъ просто, такъ непринужденно, что невозможно было въ ней подозрѣвать и тѣни кокетства или насмѣшливости.

Любовь не приходила ему на умъ, а уже видѣть графиню каждый день было для него необходимо. Онъ повсюду искалъ ея встрѣчи, и встрѣча съ нею казалась ему каждый разъ неожиданною милостію неба. Графиня прежде, нежели онъ самъ, угадала

его чувства. Что ни говори, а любовь безъ надеждъ и требованій трогаетъ сердце женское вѣрнѣе всѣхъ расчетовъ обольщенія. Въ присутствіи Ибрагима, графиня слѣдовала за всѣми его движеніями, вслушивалась во всѣ его рѣчи; безъ него она задумывалась и впадала въ обыкновенную свою разсѣянность. Мервиль первый замѣтилъ эту взаимную склонность — и поздравилъ Ибрагима. Ничто такъ не воспламеняетъ любви, какъ одобрительное замѣчаніе посторонняго; любовь слѣпа и, не довѣря самой себѣ, торопливо хватается за всякую опору.

Слова Мервиля пробудили Ибрагима. Возможность обладать любимой женщиной доселѣ не представлялась его воображенію; надежда вдругъ озарила его душу; онъ влюбился безъ памяти. Напрасно графиня, испуганная изступленіемъ его страсти, хотѣла противопоставить ей увѣщанія дружбы и совѣты благоразумія; она сама ослабѣвала... Неосторожныя возбужденія слѣдовали одно за другимъ И, наконецъ, увлеченная силою страсти, ею же внушенною, изнемогая подъ ея вліяніемъ, она отдалась восхищенному Ибрагиму...

Ничто не скрывается отъ взоровъ наблюдательнаго свѣта. Новая связь графини стала скоро всѣмъ извѣстна. Нѣкоторыя дамы изумлялись ея выбору; многимъ казался онъ очень естественнымъ. Однѣ смѣялись, другія видѣли съ ея стороны непростительную неосторожность. Въ первомъ упоеніи страсти Ибрагимъ и графиня ничего не замѣчали; но вскорѣ двусмысленныя шутки мужчинъ и колкія замѣчанія женщинъ стали до нихъ доходить. Важное и холодное обращеніе Ибрагима доселѣ ограждало его отъ подобныхъ нападеній; онъ выносилъ ихъ нетерпѣливо и не зналъ, чѣмъ отразить. Графиня, при-

выкшая къ уваженію свѣта, не могла хладнокровно видѣть себя предметомъ сплетней и насмѣшекъ. Она то со слезами жаловалась Ибрагиму, то горько упрекала его, то умоляла за нее не вступаться, чтобъ напраснымъ шумомъ не погубить ея совершенно.

Новое обстоятельство еще болѣе запутало ея положеніе: обнаружилось слѣдствіе неосторожной любви. Графиня съ отчаяніемъ объявила Ибрагиму, что она брюхата. Утѣшенія, совѣты, предложенія — все было истощено и все отвергнуто. Графиня видѣла неминуемую гибель и съ отчаяніемъ ожидала ее.

Какъ скоро положеніе графини стало извѣстно, толки начались съ новою силою; чувствительныя дамы ахали отъ ужаса; мужчины бились объ закладъ, кого родить графиня: бѣлаго ли, или чернаго ребенка. Эпиграммы сыпались насчетъ ея мужа, который одинъ во всемъ Парижѣ ничего не зналъ и ничего не подозрѣвалъ.

Роковая минута приближалась. Состояніе графини было ужасно. Ибрагимъ каждый день былъ у нея. Онъ видѣлъ, какъ силы душевныя и тѣлесныя постепенно въ ней исчезали. Ея слезы, ея ужасъ возобновлялись поминутно. Наконецъ, она почувствовала первыя муки. Мѣры были приняты наскоро. Графа нашли способъ удалить. Докторъ пріѣхалъ. Дня за два передъ симъ уговорили бѣдную женщину уступить въ чужія руки новорожденнаго ея младенца; за нимъ послали повѣреннаго. Ибрагимъ находился въ кабинетѣ, близъ самой спальни, гдѣ лежала несчастная графиня. Не смѣя дышать, онъ слышалъ ея глухія стенанья, шопотъ служанки и приказанія доктора. Она мучилась долго. Каждый стонъ ея раздиралъ душу Ибрагиму; каждый промежутокъ молчанія обливалъ его ужасомъ... Вдругъ онъ услы-

шалъ слабый крикъ ребенка — и, не имѣя силы удержать своего восторга, бросился въ комнату графини... Черный младенецъ лежалъ на постелѣ въ ея ногахъ. Ибрагимъ къ нему приблизился. Сердце его билось сильно. Онъ благословилъ сына дрожащею рукою. Графиня слабо улыбнулась и протянула ему слабую руку... но докторъ, опасаясь для больной слишкомъ сильныхъ потрясеній, оттащилъ Ибрагима отъ ея постели. Новорожденного положили въ крытую корзину и вынесли изъ дому по потаенной лѣстницѣ. Принесли другого ребенка и поставили его колыбель въ спальнѣ роженицы. Ибрагимъ уѣхалъ, немного успокоенный. Ждали графа. Онъ возвратился поздно, узналъ о счастливомъ разрѣшеніи супруги и былъ очень доволенъ. Такимъ образомъ публика, ожидавшая соблазнительнаго шума, обманулась въ своей надеждѣ и была принуждена утѣшиться единымъ злословіемъ. Все вошло въ обыкновенный порядокъ.

Но Ибрагимъ чувствовалъ, что судьба его должна была перемѣниться, и что связь его рано или поздно должна дойти до свѣдѣнія графа L. Въ такомъ случаѣ, что бы ни произошло, гибель графини была неизбѣжна. Ибрагимъ любилъ страстно и также былъ любимъ; но графиня была своенравна и легкомысленна: она любила не въ первый разъ. Отвращеніе, ненависть могли замѣнить въ ея сердцѣ чувства самыя нѣжныя. Ибрагимъ предвидѣлъ уже минуточку ея охлажденія. Доселѣ онъ не вѣдалъ ревности, но съ ужасомъ ее предчувствовалъ; онъ воображалъ, что страданія разлуки должны быть менѣе мучительны — и уже намѣревался разорвать несчастную связь, оставить Парижъ и отправиться въ Россію, куда давно призывали его и Петръ, и темное чувство собственнаго долга.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дни, мѣсяцы проходили — и влюбленный Ибрагимъ не могъ рѣшиться оставить обольщенную имъ женщину. Графиня часъ отъ часу болѣе къ нему привязывалась. Сынъ ихъ воспитывался въ отдаленной провинціи. Сплетни свѣта стали утихать, и любовники начали наслаждаться бѣльшимъ спокойствіемъ, молча, помня минувшую бурю и стараясь не думать о будущемъ.

Однажды Ибрагимъ былъ у выхода герцога Орлеанскаго. Герцогъ, проходя мимо его, остановился и, вручивъ ему письмо, приказалъ прочесть на досугѣ. Это было письмо Петра I. Государь, угадывая истинную причину его отсутствія, писалъ герцогу, что онъ ни въ чемъ неволить Ибрагима не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или нѣтъ; но что, во всякомъ случаѣ, онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глубины сердца. Съ той минуты участь его была рѣшена. На другой день онъ объявилъ регенту свое намѣреніе немедленно отправиться въ Россію. „Подумайте о томъ, что дѣлаете“, сказалъ ему герцогъ: „Россія не есть ваше отечество; не думаю, чтобы вамъ когда-нибудь удалось опять увидѣть знойную вашу родину; но ваше долговременное пребываніе во Франціи сдѣлало васъ равно чуждымъ климату и образу жизни полудикой Россіи. Вы не родились подданнымъ Петра. Повѣрьте мнѣ: воспользуйтесь его великодушнымъ позволеніемъ, останьтесь во Франціи, за которую уже вы проливали свою кровь, и будьте увѣрены, что и здѣсь ваши заслуги и дарованія не останутся безъ достой-

наго вознагражденія“. Ибрагимъ искренно благодарилъ герцога, но остался твердъ въ намѣреніи. „Жалѣю“, сказалъ ему регентъ; „но, впрочемъ, вы правы“. Онъ обѣщаль ему отставку и написалъ обо всемъ русскому царю.

Ибрагимъ скоро собрался въ дорогу. Наканунѣ своего отъѣзда провелъ онъ, по обыкновенію, вечеръ у графини L. Она ничего не знала. Ибрагимъ не имѣлъ духу ей открыться. Графиня была спокойна и весела. Она нѣсколько разъ подзывала его къ себѣ и шутила надъ его задумчивостью. Послѣ ужина всѣ разѣхались. Остались въ гостиной графиня, ея мужъ, да Ибрагимъ. Несчастный отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы только остаться съ нею наединѣ; но графъ L., казалось, расположился у камина такъ спокойно, что нельзя было надѣяться выжить его изъ комнаты. Всѣ трое молчали. „Воппе пuit“, сказала, наконецъ, графиня. Сердце Ибрагима стѣснилось и вдругъ почувствовало всѣ ужасы разлуки. Онъ стоялъ неподвижно. „Воппе пuit, mesieurs“, повторила графиня. Онъ все не двигался... Наконецъ глаза его потемнѣли, голова закружилась; онъ едва могъ выйти изъ комнаты. Пріѣхавъ домой, онъ почти въ безпамятствѣ написалъ слѣдующее письмо:

„Я ѣду, милая Леонора; оставляю тебя навсегда. Пишу тебѣ, потому что не имѣю силъ иначе съ тобою объясниться.

„Счастіе мое не могло продолжаться: я наслаждался имъ вопреки судьбѣ и природѣ. Ты должна была меня разлюбить; очарованіе должно было исчезнуть. Эта мысль меня всегда преслѣдовала, даже въ тѣ минуты, когда, казалось, забываль я все, когда у твоихъ ногъ упивался я твоимъ страстнымъ само-

отверженіемъ, твоею неограниченною нѣжностію... Легкомысленный свѣтъ безпощадно гонитъ на самомъ дѣлѣ то, что дозволяетъ въ теоріи: его холодная насмѣшливость рано или поздно побѣдила бы тебя, смирила бы твою пламенную душу — и ты, наконецъ, устыдилась бы своей страсти... Что было бы тогда со мною? Нѣтъ, лучше умереть, лучше оставить тебя прежде ужасной этой минуты...

„Твое спокойствіе мнѣ всего дороже: ты не могла имъ наслаждаться, пока взоры свѣта были на насъ устремлены. Вспомни все, что ты вытерпѣла — всѣ оскорбленія самолюбія, всѣ мученія боязни; вспомни ужасное рожденіе нашего сына. Подумай: долженъ ли я подвергать тебя долѣе тѣмъ же волненіямъ и опасностямъ? Зачѣмъ силиться соединить судьбу столь нѣжнаго, прекраснаго созданія съ бѣдственной судьбою негра, жалкаго творенія, едва удостоиваемаго названія человѣка?

„Прости, Леонора; прости, милый, единственный другъ. Оставляя тебя, оставляю первыя и послѣднія радости моей жизни. Не имѣю отечества, ни ближнихъ; ѣду въ Россію, гдѣ мнѣ отрадою будетъ мое совершенное уединеніе. Строгія занятія, которымъ отнынѣ предаюсь, если не заглушатъ, то по крайней мѣрѣ будутъ развлекать мучительныя воспоминанія о дняхъ восторговъ и блаженства... Прости, Леонора! Отрываюсь отъ этого письма, какъ будто изъ твоихъ объятій. Прости, будь счастлива и думай иногда о бѣдномъ негрѣ, о твоёмъ вѣрномъ Ибрагимѣ“.

Въ ту же ночь онъ отправился въ Россію.

Путешествіе не показалось ему столь ужасно, какъ онъ того ожидалъ. Воображеніе его восторжествовало надъ существенностію. Чѣмъ болѣе удалялся онъ отъ Парижа, тѣмъ живѣе, тѣмъ ближе

представлялъ онъ себѣ предметы, имъ покидаемые навѣкъ. ⁶

Нечувствительнымъ образомъ очутился онъ на русской границѣ. Осень уже наступала; но ямщики, не смотря на дурную дорогу, везли его съ быстротою вѣтра — и въ 17 дней своего путешествія прибылъ онъ утромъ въ Красное Село, черезъ которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось 28 верстъ до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человѣкъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту, облокотясь на столъ, читалъ гамбургскія газеты. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову. „Ба, Ибрагимъ!“ закричалъ онъ, вставая съ лавки: „здорово, крестники!“ Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приближился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову. „Я былъ предувѣдомленъ о твоёмъ пріѣздѣ“, сказалъ Петръ, — „и поѣхалъ тебѣ навстрѣчу. Жду тебя со вчерашняго дня“. Ибрагимъ не находилъ словъ для изъявленія своей благодарности. „Вели же“, продолжалъ государь, „твою повозку везти за нами, а самъ садись со мною — и поѣдемъ ко мнѣ“. Подали государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ — и они поскакали. Черезъ полтора часа они пріѣхали въ Петербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію самодержавія. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома, казалось, наскоро построены. Во всемъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы,

не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца, такъ называемаго Царицына Сада. На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ: „Узнала ли ты, Катенька, моего крестника? Прошу любить и жаловать его по-прежнему“. Екатерина устремила на него черные, пронизательные глаза и благосклонно протянула ему ручку. Двѣ юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія какъ розы, стояли за нею и почтительно приблизились къ Петру. „Лиза!“ сказалъ онъ одной изъ нихъ: „помнишь ли ты маленькаго арапа, который для тебя кралъ у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вотъ онъ; представляю тебѣ его“. Великая княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи государя, столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, спрашивалъ его объ испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и рассказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостію, что никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяйнѣ не могъ бы подозрѣвать героя полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послѣ обѣда государь, по русскому обыкновению, пошелъ отдохнуть. Ибрагимъ остался съ императрицей и великими княжнами. Онъ старался удо-

влетворить ихъ любопытству, описывалъ образъ парижской жизни, тамошніе праздники и своенравныя моды. Между тѣмъ нѣкоторые изъ особъ, приближенныхъ къ государю, собрались во дворецъ. Ибрагимъ узналъ великолѣпнаго князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крутого совѣтника Петра; ученаго Брюса, прослывашаго въ народѣ русскимъ Фаустомъ; молодого Рагузинскаго, бывшаго своего товарища ⁷ — и другихъ, пришедшихъ къ государю съ докладами и за приказаніями.

Государь вышелъ часа черезъ два. „Посмотримъ“, сказалъ онъ Ибрагиму, „не забылъ ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску, да ступай за мною“. Петръ заперся въ токарнѣ и занялся государственными дѣлами. Онъ по очереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генераль-полицмейстеромъ Девиеромъ ⁸, и продиктовалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній. Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣятельности. По окончаніи трудовъ, Петръ вынулъ карманную книжку, дабы справиться, все ли имъ предполагаемое на сей день исполнено. Потомъ, выходя изъ токарни, сказалъ Ибрагиму: „Ужь поздно; ты, я чай, усталъ: ночуй здѣсь, какъ бывало въ старицу; завтра я тебя разбуджу“.

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, едва могъ опомниться. Онъ находился въ Петербургѣ; онъ видѣлъ вновь великаго человѣка, близъ котораго, еще не зная ему цѣны, провелъ онъ свое младенчество. Почти съ раскаяніемъ признавался онъ въ душѣ своей, что графиня L., въ первый разъ послѣ раз-

луки, не была во весь день единственной его мыслию. Онъ увидѣлъ, что новый образъ жизни, ожидающій его, дѣятельность и постоянныя занятія могутъ оживить его душу, утомленную страстями, праздностію и тайнымъ уныніемъ. Мысль — быть сподвижникомъ великаго человѣка и совокупно съ нимъ дѣйствовать на судьбу великаго народа — возбудила въ немъ въ первый разъ благородное чувство честолюбія. Въ семь расположеніи духа онъ легъ въ приготовленную для него походную кровать — и тогда привычное сновидѣніе перенесло его въ дальній Парижъ, въ объятія милой графини.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

На другой день Петръ, по своему обѣщанію, разбудилъ Ибрагима и поздравилъ его капитанъ-лейтенантомъ бомбардирской роты преображенскаго полка, въ коей онъ самъ былъ капитаномъ. Придворные окружили Ибрагима, всякій по своему стараясь обласкать новаго любимца. Надменный князь Меншиковъ дружески пожалъ ему руку; Шереметевъ освѣдомился о своихъ парижскихъ знакомыхъ, а Головинъ позвалъ обѣдать.⁹ Сему послѣднему примѣру послѣдовали и прочіе, такъ что Ибрагимъ получилъ приглашеній по крайней мѣрѣ на цѣлый мѣсяць.

Ибрагимъ проводилъ дни однообразные, но дѣятельные — слѣдственно не зналъ скуки. Онъ день ото дня болѣе привязывался къ государю, лучше постигалъ его высокую душу. Слѣдовать за мыслями великаго человѣка есть наука самая занимательная. Ибрагимъ видалъ Петра въ сенатѣ, оспариваемаго

Бутурлинымъ ¹⁰ и Долгорукимъ, разбирающаго важные вопросы законодательства; въ адмиралтейской коллегіи, утверждающаго морское величіе Россіи; видалъ его съ Теофаномъ, Гаврииломъ Бужинскимъ и Копіевичемъ ¹¹, въ часы отдохновенія, разсматривающаго переводы иностранныхъ публицистовъ, или посѣщающаго фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинетъ ученаго. Россія представлялась Ибрагиму огромной мастерскою, гдѣ движутся однѣ машины, гдѣ каждый работникъ, подчиненный заведенному порядку, занятъ своимъ дѣломъ. Онъ почиталъ и себя обязаннымъ трудиться у собственнаго станка, и старался какъ можно менѣе сожалѣть объ увеселеніяхъ парижской жизни. Труднѣе было ему удалить отъ себя другое, милое воспоминаніе: часто думалъ онъ о графинѣ L., воображалъ справедливое негодованіе, слезы ея и уныніе... Но иногда мысль ужасная стѣсняла его грудь: разсѣяніе большого свѣта, новая связь, другой счастливецъ — онъ содрогался, ревность начинала бурлить въ африканской его крови — и горячія слезы готовы были течь по его черному лицу.

Однажды утромъ сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный дѣловыми бумагами, какъ вдругъ услышалъ громкое привѣтствіе на французскомъ языкѣ. Ибрагимъ съ живостію оборотился, — и молодой Корсаковъ, котораго оставилъ онъ въ Парижѣ въ вихрѣ большого свѣта, обнялъ его съ радостными восклицаніями. „Я сейчасъ только пріѣхалъ“, сказалъ Корсаковъ, — „и прямо прибѣжалъ къ тебѣ. Всѣ наши парижскіе знакомые тебѣ кланяются, жалѣютъ о твоёмъ отсутствіи. Графиня L. велѣла звать тебя непременно, и вотъ тебѣ отъ нея письмо“. Ибрагимъ схватилъ его съ трепетомъ и смотрѣлъ на зна-

комый почеркъ надписи, не смѣя вѣрить своимъ глазамъ. „Какъ я радъ“, продолжалъ Корсаковъ, „что ты еще не умеръ со скуки въ этомъ варварскомъ Петербургѣ! Что здѣсь дѣлають? чѣмъ занимаются? кто твой портной? заведена ли у васъ хоть опера?“ Ибрагимъ въ разсѣяніи отвѣчалъ, что, вѣроятно, государь работаетъ теперь на корабельной верфи. Корсаковъ засмѣялся. „Вижу“, сказалъ онъ „что тебѣ теперь не до меня; въ другое время погово-римся досыта; ѣду представляться къ государю“. Съ этимъ словомъ онъ перевернулся на одной ножкѣ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, поспѣшно распечаталъ письмо. Графиня нѣжно ему жаловалась, упрекая его въ притворствѣ и недовѣрчивости. „Ты говоришь“, писала она, „что мое спокойствіе дороже тебѣ всего на свѣтѣ. Ибрагимъ! еслибъ это была правда, могъ ли бы ты подвергнуть меня состоянію, въ которое привела меня нечаянная вѣсть о твоёмъ отъѣздѣ? Ты боялся, чтобъ я тебя не удержала; будь увѣренъ, что, не смотря на мою любовь, я умѣла бы ею пожертвовать твоему благополучію и тому, что считаешь ты своимъ долгомъ“. Графиня заключала письмо страстными увѣреніями въ любви и заклинала его хоть изрѣдка ей писать, если уже не было для нихъ надежды снова увидѣться когда-нибудь.

Ибрагимъ двадцать разъ перечелъ это письмо, съ восторгомъ цѣлуя безцѣнные строки. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ услышать что-нибудь о графинѣ, и собрался ѣхать въ адмиралтейство, надѣясь тамъ застать еще Корсакова; но дверь отворилась, и самъ Корсаковъ явился опять. Онъ уже представлялся государю — и, по своему обыкновенію, казался

очень собою доволенъ. „Entre nous“, сказалъ онъ Ибрагиму, „государь престранный человѣкъ; вообрази, что я засталъ его въ какой-то холстяной фуфайкѣ, на мачтѣ корабля, куда принужденъ я былъ карабкаться съ моими депешами. Я стоялъ на веревочной лѣстницѣ и не имѣлъ довольно мѣста, чтобы сдѣлать приличный реверансъ, и совершенно замѣшался, чего отъ роду со мною не случалось. Однакожь государь, прочитавъ бумаги, посмотрѣлъ на меня съ головы до ногъ и вѣроятно былъ пріятно пораженъ вкусомъ и щегольствомъ моего наряда; по крайней мѣрѣ, онъ улыбнулся и позвалъ меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я въ Петербургѣ совершенно чужестранецъ; во время шестилѣтняго отсутствія я вовсе позабылъ здѣшнія обыкновенія; пожалуйста, будь моимъ менторомъ, заѣзжай за мной и представь меня“. Ибрагимъ согласился и спѣшилъ обратить разговоръ къ предмету, болѣе для него занимательному. „Ну, что графиня L.?“ — „Графиня? Она, разумѣется, сначала очень была огорчена твоимъ отъѣздомъ; потомъ, разумѣется, мало-по-малу утѣшилась и взяла себѣ новаго любовника; знаешь, кого? длиннаго маркиза R. Что же ты вытарачилъ свои арапскіе бѣлки? или это кажется тебѣ страннымъ? Развѣ ты не знаешь, что долгая печаль не въ природѣ человѣческой, особенно женской? Подумай объ этомъ хорошенько, а я пойду, отдохну съ дороги; не забудь же за мною заѣхать“.

Какія чувства наполнили душу Ибрагима? Ревность? бѣшенство? отчаянье? Нѣтъ; но глубокое, стѣсненное уныніе. Онъ повторялъ себѣ: это я предвидѣлъ, это должно было случиться. Потомъ открылъ письмо графини, перечелъ его снова, повѣ-

силъ голову и горько заплакалъ. Онъ плакалъ долго. Слезы облегчили его сердце. Посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ онъ, что время ѣхать. Ибрагимъ былъ бы очень радъ избавиться, но ассамблея была — дѣло должностное, и государь строго требовалъ присутствія своихъ приближенныхъ. Онъ одѣлся и поѣхалъ за Корсаковымъ.

Корсаковъ сидѣлъ въ шлафрокѣ, читая французскую книгу. „Такъ рано?“ — сказалъ онъ Ибрагиму, увидя его. „Помилуй!“ — отвѣчалъ тотъ: — „ужь половина шестого, мы опоздаемъ; скорѣй одѣвайся и поѣдемъ.“ Корсаковъ засуетился, сталъ звонить изо всей мочи; люди сбѣжались; онъ сталъ поспѣшно одѣваться. Французъ камердинеръ подалъ ему башмаки съ красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтанъ, шитый блестками; въ передней наскоро пудрили парикъ; его принесли; Корсаковъ всунулъ въ него стриженую голову, потребовалъ шпагу и перчатки, разъ десять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ готовъ. Гайдуки подали имъ медвѣжьи шубы, и они поѣхали въ Зимній дворецъ.

Корсаковъ осыпалъ Ибрагима вопросами: кто въ Петербургѣ первая красавица? Кто славится первымъ танцовщикомъ? Какой танецъ нынче въ модѣ? Ибрагимъ весьма неохотно удовлетворялъ его любопытству. Между тѣмъ они подѣхали ко дворцу. Множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливреяхъ и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажи, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ — свита; необходимая по понятіямъ бояръ того времени. При видѣ

Ибрагима поднялся между ними общій шопоть: арапъ арапъ, царскій арапъ! Онъ поскорѣе провелъ Корсакова сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворилъ имъ двери настежь, и они вошли въ залу. Корсаковъ остолбенѣлъ... Въ большой комнатѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыму, вельможи съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ, толпою двигались взадъ и впередъ при непрерывномъ звукѣ духовой музыки, Дамы сидѣли около стѣнъ; молодая убрания были со всею роскошью моды ¹². Золото и серебро сіяло ¹³ на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ вышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы сверкали ¹⁴ въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались направо и налево, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимую стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кириловны, а робронды и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели ¹⁵ съ удовольствіемъ присутствовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ, и съ досадою косились на женъ и дочерей голландскихъ шхиперовъ, которыя, въ канифасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собою смѣялись и разговаривали ¹⁶, какъ будто дома. Замѣтя новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносѣ ¹⁷. „Que diable est-ce que tout cela?“ — спрашивалъ Корсаковъ вполголоса у Ибрагима. Ибрагимъ не могъ не

улыбнуться. Императрица и великія княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. Корсаковъ, желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большею частію иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ ¹⁶ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ англійскимъ шхиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма, и государь такъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника, что не замѣтилъ Корсакова, какъ онъ около ихъ ни вертѣлся. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и Корсаковъ.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцевальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ налево, тамъ — опять прямо, опять направо, и такъ далѣе. Корсаковъ, смотря на сіе затѣйливое препровожденіе времени, тарачилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ, они прекратились, и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальныя танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ

играть менуэтъ. Корсаковъ обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостьями одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ; она была одѣта богато, но со вкус. мъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. Корсаковъ къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ и, казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. Корсаковъ ждалъ ея рѣшенія; но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, отвелъ на средину залы и важно сказалъ: „Государь мой, ты провинился; во-первыхъ, подошелъ къ сей молодой персонѣ, не отдавъ ей три должные реверанса, а во-вторыхъ, взявъ на себя самому ее выбрать, тогда какъ въ менуэтахъ право сіе подобаешь дамѣ, а не кавалеру; сего ради имѣешь ты быть весьма наказанъ, именно: долженъ выпить кубокъ Большого Орла“. Корсаковъ часъ отъ часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услыша хохоть и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ толпа раздвинулась, и онъ вступилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ маршалъ ассамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазеемъ. Онъ тщетно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону. „Aga!“ сказалъ Петръ, увидя Корсакова: „попался, братъ. Изволь же, мосье, пить и не морщиться“. Дѣлать было нечего: бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его маршалу. „Послушай, Корсаковъ“, сказалъ ему Петръ: „штаны-то

на тебѣ бархатные, какихъ и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это мотовство; смотри, чтобъ я съ тобой не побранился“. Выслушавъ сей выговоръ, Корсаковъ хотѣлъ выйти изъ круга, но зашатался и чуть не упалъ, къ неопisanному удовольствію государя и всей веселой компаніи. Сей эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы — присѣдать и постукивать каблучками съ бѣлымъ усердіемъ и ужъ вовсе не наблюдая каданса. Корсаковъ не могъ участвовать въ общемъ весельѣ. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію отца своего, Гаврилы Аѳанасьевича Ржевскаго ¹³, подошла къ Ибрагиму и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ протанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ ее на прежнее мѣсто; потомъ, отыскавъ Корсакова, вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и отвезъ домой. Дорогою Корсаковъ сначала невнятно лепеталъ: „Проклятая ассамблея!.. Проклятый кубокъ Большого Орла!..“ но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили, и проснулся на другой день съ головою болью, смутно помня шарканья, присѣданія, табачный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ Большого Орла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не скоро ѣли предки наши,
 Не скоро двигались кругомъ
 Ковши, серебряныя чаши
 Въ кипящимъ пивомъ и виномъ.
 „Русланъ и Людмила“.

Теперь долженъ я благосклоннаго читателя познакомить съ Гаврилою Аѳанасьевичемъ Ржевскимъ. Онъ происходилъ отъ древняго боярскаго рода, владѣлъ огромнымъ имѣніемъ, былъ хлѣбосоль, любилъ соколиную охоту, дворянъ его была многочисленна; словомъ, онъ былъ коренной русскій баринъ; по его выраженію, не терпѣлъ нѣмецкаго духа и старался въ домашнемъ быту сохранять обычай любезной ему старины. Дочери его было семнадцать лѣтъ отъ роду. Еще ребенкомъ лишилась она матери. Она была воспитана по старинному, т. е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сѣнными дѣвушками, шила золотомъ и не знала грамоты. Отецъ ея, не смотря на отвращеніе свое отъ всего заморскаго, не могъ противиться ея желанію учиться пляскамъ нѣмецкимъ у плѣннаго шведскаго офицера, живущаго въ ихъ домѣ. Сей заслуженный танцмейстеръ имѣлъ лѣтъ пятьдесятъ отъ роду; правая нога была у него прострѣлена подъ Нарвою, и потому была не весьма способна къ менуэтамъ и курантамъ, за то лѣвая съ удивительнымъ искусствомъ и легкостію выдѣлывала самыя трудныя па. Ученица дѣлала честь его стараніямъ. Наталія Гавриловна славилась на ассамблеяхъ лучшею танцовщицею, что и было, отчасти, причиною проступка Корсакова, который на другой день пріѣзжалъ извиняться передъ Гаврилою Аѳанасьевичемъ; но ловкость и щегольство молодого франта не понравились гордому

боярину, который прозвалъ его остроумно — французской обезьяною.

День былъ праздничный. Гаврила Аванасьевичъ ожидалъ нѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ старинной залѣ накрывали длинный столъ. Гости сѣзжались съ женами и дочерьми, наконецъ освобожденными отъ затворничества домашняго указами государя и собственнымъ его примѣромъ. Наталія Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный подносъ, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпилъ свою, жалѣя, что поцѣлуй, получаемый въ старину при такомъ случаѣ, вышелъ ужъ изъ обыкновенія. Пошли за столъ. На первомъ мѣстѣ, подлѣ хозяина, сѣлъ тестъ его, князь Борисъ Алексѣевичъ Лыковъ, семидесятилѣтній бояринъ; прочіе гости, наблюдая старшинство рода и тѣмъ поминая счастливыя времена мѣстничества, сѣли — мужчины по одной сторонѣ, женщины по другой; на концѣ заняли свои привычныя мѣста — барская барыня, въ старинномъ шушунѣ и кичкѣ; карлица, тридцатилѣтняя малютка, чопорная и сморщенная, и плѣнный танцмейстеръ ²⁰ въ синемъ поношенномъ мундирѣ. Столъ, уставленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суетливой и многочисленной челядью, между которою отличался дворецкій строгимъ взоромъ, толстымъ брюхомъ и величавой неподвижностію. Первые минуты обѣда посвящены были единственно на вниманіе къ произведеніямъ старинной нашей кухни; звонъ тарелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяинъ, видя, что время занять гостей пріятною бесѣдою, оборотился и спросилъ: „А гдѣ же Екимовна? По-авать ее сюда!“ Нѣсколько слугъ бросились было въ разныя стороны, но въ ту же минуту старая жен-

щина, набѣленная и нарумяненная, убранная цвѣтами и мишурою, въ штофномъ роброндѣ, съ открытой шеей и грудью, вошла припѣвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

„Здравствуй, Екимовна“, сказалъ князь Лыковъ: „каково поживаешь?“

— По-добру, по-здорову, кумъ; поючи да плясучи, женишковъ поджидаячи.

„Гдѣ ты была, дура?“ спросилъ хозяинъ.

— Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божія праздника, по царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по нѣмецкому маниру“.

При сихъ словахъ поднялся громкій хохоть, и дура стала на свое мѣсто, за стуломъ хозяина.

„А дура-то вретъ, вретъ, да и правду совретъ“, сказала Татьяна Аванасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно имъ уважаемая. „Подлинно, нынѣшніе наряды на смѣхъ всему міру. Коли ужъ и вы, батюшки, обрили себѣ бороду и надѣли кургузый кафтанъ, такъ про женское тряпье толковать, конечно, нечего; а право, жаль сарафана, дѣвичьей ленты и повойника! Вѣдь посмотрѣтъ на нынѣшнихъ красавицъ — и смѣхъ, и жалость: волоски-то взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны французской мукою; животикъ перетянуть такъ, что еле не перервется; исподницы напаялены на обручи; въ колымагу садятся бочкомъ; въ двери входятъ — нагибаются; ни стать, ни сѣсть, ни духъ перенести — ²¹ сущія мученицы, мои голубушки!“

„Охъ, матушка Татьяна Аванасьевна!“ сказалъ Кирила Петровичъ Т., бывший въ Рязани воеводой, ²² гдѣ нажилъ себѣ 3000 душъ и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ пополамъ. „По мнѣ, жена какъ хочешь одѣвайся: хоть кутафѣй, хоть болды-

ханомъ, только бѣ не каждый мѣсяцъ заказывала себѣ новыя платья, а прежнія бросала новешенькія. Бывало, внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ, а нынѣшніе робронды — поглядишь: сегодня на барынѣ, а завтра на холопкѣ. Что дѣлать? Разореніе русскому дворянству! бѣда, да и только!“ При сихъ словахъ онъ со вздохомъ посмотрѣлъ на свою Марью Ильинишну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы старинѣ, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали, ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностію молодой женщины.

— А кто виновать? сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ, напѣня кружку кислыхъ щей: не мы ли сами? Молоденькія бабы дурачатся, а мы имъ потакаемъ.

„А что намъ дѣлать, коли не наша воля?“ возразилъ Кирила Петровичъ. „Иной бы радъ былъ запереть жену въ теремъ, а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на ассамблею; мужъ за плетку, а жена за наряды. Охъ, ужъ эти ассамблеи! Наказалъ насъ ими Господь за прегрѣшенія наши“.

Марья Ильинишна сидѣла какъ на иголкахъ; языкъ у нея такъ и свербѣлъ; наконецъ она не вытерпѣла и, обратясь къ мужу, спросила его съ кисленькой улыбкою, что находитъ онъ дурного въ ассамблеяхъ?

„А то въ нихъ дурно“, отвѣчалъ разгоряченный супругъ, „что съ тѣхъ поръ, какъ онѣ завелись, мужья не сладятъ съ женами; жены позабыли слово апостольское: жена да боится ²³ своего мужа; хлопчутъ не о хозяйствѣ, а объ обновахъ; не думаютъ какъ бы мужу угодить, а какъ бы приглянуться офицерамъ вертопрахамъ. Да и прилично ли,

сударыня, русской боярынь или боярышнь находится вмѣстѣ съ нѣмцами-табачниками, да съ ихъ работницами? Слыхано ли дѣло — до ночи плясать и разговаривать съ молодыми мужчинами! и добро бы еще съ родственниками, а то съ чужими, съ незнакомыми!“

— Сказаль бы словечко, да волкъ недалечко, сказаль, нахмураясь, Гаврила Аѳанасьевичъ. А признаюсь, ассамблеи и мнѣ не по нраву: того и гляди, что на пьянаго натолкнешься, аль и самого на смѣхъ пьянымъ напоятъ. Того и гляди, чтобъ какой-нибудь повѣса не напроказилъ чего съ дочерью, а нынче молодежь такъ избаловалась, что ни на что не похоже. Вотъ, напримѣръ, сынъ покойнаго Евграфа Сергѣевича Корсакова на прошедшей ассамблеѣ надѣлалъ такого шума съ Наташей, что привелъ меня въ краску. На другой день, гляжу, катитъ ²⁴ ко мнѣ прямо на дворъ; я думаль: кого-то Богъ несетъ — ужь не князя-ли Александра Даниловича? Не тутъ-то было: Ивана Евграфовича! Небось, не могъ остановиться у воротъ, да потрудиться пѣшкомъ дойти до крыльца — куды! влетѣлъ, шаркался, разболтался, что и Боже упаси! Дура Екимовна уморительно его передразниваетъ; кстати: представь, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во всѣ стороны, приговаривая: „мусье... мамзель... ассамблея... пардонъ“. Общій и продолжительный хохотъ снова изъявилъ удовольствіе гостей.

— Ни дать, ни взять — Корсаковъ, сказаль старый князь Лыковъ, отирая слезы отъ смѣха, ²⁵ когда спокойствіе мало по малу возстановилось. —

А что грѣха таить? Не онъ первый, не онъ послѣдній воротился изъ Нѣметчины на святую Русь скоморохомъ. Чему тамъ научаются наши дѣти? Шаркать, болтать Богъ вѣсть на какомъ нарѣчїи, не почитагь старшихъ, да волочиться за чужими женами. Изъ всѣхъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ (прости Господи!), царскій арапъ всѣхъ болѣе на челоуѣка походить.

„Ахти-батюшки, князь“, сказала Татьяна Аѳанасьевна; „видѣла, видѣла его близехонько: какая жь у него страшная морда! перепугалъ онъ меня, грѣшную!“

— Конечно, замѣтилъ Гаврила Аѳанасьевичъ: челоуѣкъ онъ степенный и порядочный, не чета вѣтрогону... Это кто еще вѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужь не ояятъ ли обезьяна заморская? Вы что зѣваете, скоты? продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ: бѣгите отказать ему; да чтобы и впредь...

„Старая борода, не бредишь ли?“ прервала дура Екимовна. „Али ты слѣпъ? сани-то государевы; царь прїѣхалъ“.

Гаврила Аѳанасьевичъ всталъ поспѣшно изъ-за стола; всѣ бросились къ окнамъ и въ самомъ дѣлѣ увидѣли государя, который всходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего денщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился навстрѣчу Петра; слуги разбѣгались, какъ одурѣлые; гости перетрусились; ²⁶ иные даже думали, какъ бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голось Петра; все утихло, и царь вошелъ въ сопровожденїи хозяина, оторопѣлаго отъ радости. „Здорово, господа!“ сказалъ Петръ съ веселымъ лицомъ. Всѣ низко поклонились. Быстрые взоры царя отыскали въ толпѣ молодую хозяйскую дочь; онъ подо-

звалъ ее. Наталья Гавриловна приблизилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плеча. „Ты часъ отъ часу хорошеешь“, сказалъ ей государь, и по своему обыкновенію поцѣловалъ ее въ голову; потомъ, обратясь къ гостямъ: „что же? я вамъ помѣшалъ? вы обѣдали? прошу садиться опять, а мнѣ, Гаврила Аванасьевичъ, дай-ка анисовой водки“. Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому выхватилъ изъ рукъ у него поднось, самъ налилъ² золотую чарочку и подалъ ее съ поклономъ государю. Петръ, выпивъ, закусилъ кренделемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоеннымъ царскимъ присутствіемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ шей. Государевъ денщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо Петръ никогда не употреблялъ другого прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минуту передъ симъ шумно оживленный веселіемъ и говорливостію, продолжался въ тишинѣ и принужденности. Хозяинъ, изъ почтенія и радости, ничего не ѣлъ; гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ государь по-нѣмецки разговаривалъ съ плѣннымъ шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошаемая государемъ, отвѣчала съ какою-то робкой холодностію, что (замѣчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ обѣдъ кончился. Государь всталъ, за нимъ и всѣ гости. „Гаврила Аванасьевичъ!“ сказалъ онъ хозяину: „мнѣ нужно съ тобою поговорить наединѣ“, и взявъ его подъ руку, увелъ въ гостиную и заперъ за собою дверь.

Гости остались въ столовой, шопотомъ толкуя объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи и, опасаясь быть нескромными, вскорѣ разѣхались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъ-соль. ²⁸ Тестъ его, дочь и сестра провожали ихъ тихонько до порога и остались одни въ столовой, ожидая выхода государева.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Черезъ полчаса дверь отворилась, и Петръ вышелъ. Важнымъ наклоненіемъ головы отвѣтствовалъ онъ на тройной поклонъ князя Лыкова, Татьяны Аѳанасьевны и Наташи, и пошелъ прямо въ переднюю. Хозяинъ подаль ему красный его тулупъ, проводилъ его до саней и на крыльцѣ еще благодарилъ за оказанную честь.

Петръ уѣхалъ.

Возвратясь въ столовую, Гаврила Аѳанасьевичъ казался очень озабоченъ; сердито приказалъ онъ слугамъ скорѣе собирать со стола, отослалъ Наташу въ ея свѣтлицу и, объявивъ сестрѣ и тестю, что ему съ ними надобно поговорить, повелъ ихъ въ опочивальню, гдѣ обыкновенно отдыхалъ онъ послѣ обѣда. Старый князь легъ на дубовую кровать; Татьяна Аѳанасьевна сѣла на старинныя штофныя кресла, придвинувъ подъ ноги скамеечку; Гаврила Аѳанасьевичъ заперъ всѣ двери, сѣлъ на кровать въ ногахъ князя Лыкова и началъ въ полголоса слѣдующій разговоръ.

„Не даромъ государь ко мнѣ пожаловалъ: угадajte, о чемъ онъ изволилъ со мною бесѣдовать?“

— Какъ намъ знать, батюшка-братецъ! сказала Татьяна Аѳанасьевна.

— Не приказалъ ли тебѣ царь вѣдать какое либо воеводство? сказалъ тесть: давно пора; али предложилъ быть въ отвѣтъ? что же? вѣдь не однихъ дьяковъ — и знатныхъ людей посылають къ чужимъ государямъ.

„Нѣтъ“, отвѣчалъ зять, нахмуясь. „Я человекъ стараго покроя, а нынѣ служба наша не нужна, хотъ, можетъ быть, православный русскій дворянинъ стоитъ нынѣшнихъ новичковъ, блинниковъ да басурмановъ. Но это статья особая“.

— Такъ о чемъ же, братецъ, сказала Татьяна Аѳанасьевна, изволилъ онъ такъ долго съ тобою толковать? Ужь не бѣда ли какая съ тобою приключилась? Господь упаси и помилуй!

„Бѣда не бѣда, а признаюсь, я было призадумался“.

— Что же такое, братецъ? О чемъ дѣло?

„Дѣло о Наташѣ: царь приѣзжалъ ее сватать“.

— Слава Богу! сказала Татьяна Аѳанасьевна, перекрестясь. Дѣвушка на-выданыи, а каковъ свать, таковъ и женихъ. Дай Богъ любовь да совѣтъ, а чести много. За кого же царь ее сватаетъ?

„Гмъ!“ крикнулъ Гаврила Аѳанасьевичъ: „за кого? то-то, за кого!“

— А за кого же? повторилъ князь Лыковъ, начинавшій уже дремать.

„Отгадайте“, сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ

— Батюшка - братецъ, отвѣчала старушка: какъ намъ угадать? Мало ли жениховъ при дворѣ: всякій радъ взять за себя твою Наташу. Долгорукій, что ли?

„Нѣтъ, не Долгорукій“.

— Да и Богъ съ нимъ: больно спесивъ. Шеинъ? Троекуровъ?

„Нѣтъ, ни тотъ, ни другой“.

— Да и мнѣ они не по сердцу: вѣтрогоны слишкомъ понабрались нѣмецкаго духу. Ну, такъ Милославскій?

„Нѣтъ, не онъ“.

— Богъ съ нимъ: богатъ и глупъ. Что же? Елецкій? Львовъ? Неужто Рагузинскій? Воля твоя: ума не приложу. Да за кого же царь сватаетъ Наташу?

„За арапа Ибрагима“.

Старушка ахнула и всплеснула руками. Князь Лыковъ приподнялъ голову съ подушекъ и съ изумленіемъ повторилъ: „За арапа Ибрагима?“

— Батюшка-братецъ, сказала старушка слезливымъ голосомъ: не погуби ты своего родимаго дитяти, не дай ты Наташеньки въ когти черному дьяволу!

„Но какъ же“, возразилъ Гаврила Аѳанасьевичъ, и отказать государю, который за то обѣщаетъ намъ свою милость, мнѣ и всему нашему роду?

— Какъ! воскликнулъ старый князь, у котораго сонъ совсѣмъ прошелъ: Наташу, внучку мою, выдать за купленнаго арапа?

„Онъ роду не простого“, сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ: „онъ сынъ арапскаго султана. Бусурмане взяли его въ плѣнъ и продали въ Цареградѣ, а нашъ посланникъ выручилъ и подарилъ его царю. Старшій братъ арапа пріѣзжалъ въ Россію съ знатнымъ выкупомъ и...“

— Батюшка, Гаврила Аѳанасьевичъ! прервала старушка: слышали мы сказку про Бову Королевича да Еруслана Лазаревича! Расскажи-тко намъ лучше, какъ отвѣчалъ государю на его сватанье?

„Я сказалъ, что власть его съ нами, а наше хоженье дѣло повиноваться ему во всемя“.

Въ эту минуту раздался за дверью шумъ. Гаврила Аѳанасьевичъ пошелъ отворить ее, но почувствовалъ сопротивленіе. Онъ сильно ее толкнулъ — дверь отворилась, и увидѣли Наташу въ обморокѣ, простертую на окровавленномъ полу.

Сердце въ ней замерло, когда государь заперся съ ея отцомъ, какое-то предчувствіе шепнуло ей, что дѣло касается до нея, и когда Гаврила Аѳанасьевичъ отослалъ ее, объявивъ, что долженъ говорить ея теткѣ и дѣду, она не могла противиться влеченію женскаго любопытства, тихо черезъ внутренніе покои подкралась къ дверямъ опочивальни и не пропустила ни одного слова изъ всего ужаснаго разговора; когда же услышала послѣднія отцовскія слова, бѣдная дѣвушка лишилась чувствъ и, падая, ударилась головою о кованный сундукъ, гдѣ хранилось ея приданое.

Люди сбѣжались; Наташу подняли, понесли въ ея свѣтлицу и положили на кровать. Черезъ нѣсколько времени она очнулась, открыла глаза, но не узнала ни отца, ни тетки. Сильный жаръ обнаружился; она твердила въ бреду о царскомъ арапѣ, о свадьбѣ, и вдругъ закричала жалобнымъ и пронзительнымъ голосомъ: „Валерьянъ, милый Валерьянъ-жизнь моя! Спаси меня: вотъ они, вотъ они!..“ Татьяна Аѳанасьевна съ безпокойствомъ взглянула на брата, который поблѣднѣлъ, закусивъ губы, и молча вышелъ изъ свѣтлицы. Онъ возвратился къ старому князю, который, не могши взойти на лѣсницу, оставался внизу. „Что Наташа?“ — спросилъ онъ. — Худо, — отвѣчалъ огорченный отецъ; — хуже нежели я думалъ: она въ безпамятствѣ бредитъ Валерьяномъ.

— Кто этотъ Валерьянъ? — спросилъ встрево-

женный старикъ. — Неужели тотъ сирота, стрѣлецкій сынъ, что воспитывался у тебя въ домѣ?

„Онъ самъ, на бѣду мою!“ — отвѣчалъ Гаврила Аѳанасьевичъ. — „Отецъ его во время бунта спасъ мнѣ жизнь, и чортъ меня догадалъ принять въ свой домъ проклятаго волченка. Когда, тому два года, по его просьбѣ, записали его въ полкъ, Наташа, прощаясь съ нимъ, расплакалась, а онъ стоялъ, какъ окаменѣлый. Мнѣ-показалось это подозрительнымъ, и я говорилъ о томъ сестрѣ. Но съ тѣхъ поръ Наташа о немъ не упоминала, а про него не было ни духу, ни слуху. Я думалъ, она его забыла; анъ видно нѣтъ. Но рѣшено: она выйдетъ за арапа.“

Князь Лыковъ не противорѣчилъ: это было бы напрасно; онъ поѣхалъ домой. Татьяна Аѳанасьевна осталась у Наташиной постели; Гаврила Аѳанасьевичъ, пославъ за лѣкаремъ, заперся въ своей комнатѣ, и въ его домѣ все стало тихо и печально.

Неожиданное сватовство удивило Ибрагима, по крайней мѣрѣ столько же, какъ и Гаврилу Аѳанасьевича. Вотъ какъ это случилось. Петръ, занимаясь дѣлами съ Ибрагимомъ, сказалъ ему: „Я замѣчаю, братъ, что ты приунылъ; говори прямо, чего тебѣ недостаетъ?“ Ибрагимъ увѣрялъ государя, что онъ доволенъ своей участью и лучшей не желаетъ. „Добро“, — сказалъ государь: — „если ты скучаешь безо всякой причины, такъ я знаю, чѣмъ тебя развеселить.“

По окончаніи работы, Петръ спросилъ Ибрагима „Нравится ли тебѣ дѣвушка, съ которой ты танцовалъ менуэтъ на прошедшей ассамблеѣ?“ — Она, государь, очень мила и, кажется, дѣвушка скромная и добрая. --- „Такъ я жъ тебя съ нею познакомлю покороче. Хочешь ли ты на ней жениться?“ — Я,

государь?.. „Послушай, Ибрагимъ: ты человекъ одинокій, безъ роду и племени, чужой для всѣхъ, кромѣ одного меня. Умри я сегодня, завтра что съ тобою будетъ, бѣдный мой арапъ? Надобно тебѣ пристроиться, пока есть еще время, найти опору въ новыхъ связяхъ, вступить въ союзъ съ русскимъ боярствомъ.“ — Государь, я счастливъ покровительствомъ и милостями вашего величества. Дай Богъ мнѣ не пережить моего царя и благодѣтеля — болѣе ничего не желаю; но если бѣ и имѣлъ въ виду жениться, то согласится ли молодая дѣвушка и ея родственники? Моя наружность... „Твоя наружность? Какой вздоръ! Чѣмъ ты не молодецъ? Молодая дѣвушка должна повиноваться волѣ родителей, а посмотримъ, что скажетъ старый Гаврила Ржевскій, когда я самъ буду твоимъ сватомъ?“

При сихъ словахъ государь велѣлъ подавать сани и оставилъ Ибрагима, погруженнаго въ глубокія размышленія.

„Жениться?“ — думалъ африканецъ, — „зачѣмъ же нѣтъ? Ужели суждено мнѣ провести жизнь въ одиночествѣ и не знать лучшихъ наслажденій и священнѣйшихъ обязанностей человека, потому только, что я родился подъ знойнымъ градусомъ? Мнѣ нельзя надѣяться быть любимымъ: дѣтское возраженіе! Развѣ можно вѣрить любви? Развѣ существуетъ она въ женскомъ легкомысленномъ сердцѣ? Отказавшись навѣкъ отъ милыхъ заблужденій, я выбралъ иныя обольщенія, болѣе существенныя. Государь правъ: мнѣ должно обезпечить будущую судьбу мою. Свадьба съ молодою Ржевскою присоединитъ меня къ гордому русскому дворянству, и я перестану быть пришельцемъ въ новомъ моемъ отечествѣ. Отъ жены я не стану требовать любви: буду довольство-

ваться ея вѣрностію, а дружбу приобрѣту постоянною нѣжностію, довѣренностію и снисхожденіемъ.“

Ибрагимъ, по своему обыкновенію, хотѣлъ заняться дѣломъ, но воображеніе его слишкомъ было развлечено. Онъ оставилъ бумаги и пошелъ бродить по невской набережной. Вдругъ услышалъ онъ голосъ Петра, оглянулся и увидѣлъ государя, который, отпустя сани, шелъ за нимъ съ веселымъ видомъ. „Все, братъ, кончено!“ — сказалъ Петръ, взявъ его подъ руку, — „я тебя сосваталъ. Завтра поѣзжай къ своему тестю, но, смотри, потѣшь его боярскую спѣсь: оставь сани у воротъ, пройди черезъ дворъ пѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знатности — и онъ будетъ отъ тебя безъ памяти. Теперь, — продолжалъ онъ, потряхивая дубинкою, — заведи меня къ плуту - Данилычу, съ которымъ надо мнѣ перевѣдаться за его новыя проказы.“

Ибрагимъ, сердечно отблагодаривъ Петра за его отеческую заботливость о немъ, довелъ его до великолѣпныхъ палатъ князя Меншикова и возвратился домой ³⁹.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тихо теплилась лампада передъ стекляннымъ кивотомъ, въ коемъ блистали золотые и серебряные оклады наслѣдственныхъ иконъ. Дрожащій свѣтъ ея слабо озарялъ занавѣшенную кровать и столикъ, уставленный стклянками съ ярлыками. У печки сидѣла служанка за самопрялкою, и легкій шумъ ея веретена прерывалъ одинъ тишину свѣтлицы.

„Кто здѣсь?“ — произнесъ слабый голосъ. Служанка встала тотчасъ, подошла къ кровати и тихо

подняла пологъ. „Скоро ли разсвѣтетъ?“ — спросила Наталья. — Теперь уже полдень, — отвѣчала служанка. — „Ахъ, Боже мой, отчего же такъ темно?“ — Окна закрыты, барышня. „Дай же мнѣ поскорѣе одѣваться.“ Нельзя, барышня: дохтуръ не приказалъ. — „Развѣ я больна? Давно ли?“ — Вотъ уже двѣ недѣли. — „Неужто? А мнѣ казалось, будто я вчера только легла...“

Наташа умолкла; она старалась собрать разсѣяныя мысли: что-то съ нею случилось, но что именно — не могла вспомнить. Служанка стояла передъ нею, ожидая приказаній. Въ это время раздался внизу глухой шумъ. „Что такое?“ — спросила больная. — Господа откушали, — отвѣчала служанка: встають изъ-за стола. Сейчасъ придетъ сюда Татьяна Аванасьевна. — Наташа, казалось, обрадовалась; она махнула слабою рукою. Служанка задернула занавѣсъ и сѣла опять за самопрялку.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ-за двери показалась голова въ бѣломъ широкомъ чепцѣ съ темными лентами и спросила въ полголоса: что Наташа? „Здравствуй тетенька“, — сказала тихо больная, и Татьяна Аванасьевна къ ней поспѣшила. „Барышня въ памяти“, сказала служанка, осторожно придвигая кресла. Старушка со слезами поцѣловала блѣдное, томное лицо племянницы и сѣла подлѣ нея. Вслѣдъ за нею нѣмецъ-лѣкарь, въ черномъ кафтанѣ и въ ученомъ парикѣ, вошелъ, ощупалъ у Натальи пульсъ и объявилъ по латыни, а потомъ по русски, что опасность миновалась. Онъ потребовалъ бумаги и чернильницу, написалъ новый рецептъ и ухалъ; а старушка встала и, снова поцѣловавъ Наталью, тотчасъ отправилась съ доброю вѣстію внизъ, къ Гаврилѣ Аванасьевичу.

Въ гостиной, въ мундирѣ, при шпагѣ, со шляпою въ рукахъ, сидѣлъ царскій арапъ, почтительно разговаривая съ Гаврилою Аѳанасьевичемъ. Корсаковъ, растянувшись на пуховомъ диванѣ, слушалъ ихъ разсѣянно и дразнилъ заслуженную борзую собаку; наскуча симъ занятіемъ, онъ подошелъ къ зеркалу, обыкновенному прибѣжищу праздности, и въ немъ увидѣлъ Татьяну Аѳанасьевну, которая изъ за двери дѣлала брату незамѣчаемые знаки. „Вась зовутъ, Гаврила Аѳанасьевичъ“, сказалъ Корсаковъ, оборотаясь къ нему и перебивъ рѣчь Ибрагима. Гаврила Аѳанасьевичъ тотчасъ пошелъ къ сестрѣ и притворилъ за собою дверь.

„Дивлюсь твоему терпѣнію“, сказалъ Корсаковъ Ибрагиму. — „Битый часъ слушаешь ты бредни о древности рода Лыковыхъ и Ржевскихъ, и еще присовокупляешь къ тому свои нравоучительныя примѣчанія. На твоёмъ мѣстѣ j'aurais planté là стараго вряля и весь его родъ, включая тутъ же и Наталью Гавриловну, которая жеманится, притворяется больной — une petite santé. Скажи по совѣсти: ужели ты влюбленъ въ эту маленькую mijaurée?“ — Нѣтъ, отвѣчалъ Ибрагимъ: — я женюсь, конечно, не по страсти, но по соображенію, и то, если она не имѣетъ отъ меня рѣшительнаго отвращенія. — „Послушай, Ибрагимъ“, сказалъ Корсаковъ: „последуй хоть разъ моему совѣту; право, я благоразумнѣе, нежели кажусь. Брось эту блажную мысль — не женись. Мнѣ сдается, что твоя невѣста никакого не имѣетъ особеннаго къ тебѣ расположенія. Мало ли что случается на свѣтѣ? Напримѣръ: я, конечно, собою не дурень, но случалось, однако жъ, мнѣ обманывать мужей, которые были, ей Богу, ничѣмъ не хуже моего. Ты самъ... Помнишь нашего па-

рижскаго пріятеля, графа L.? Нельзя надѣяться на женскую вѣрность; счастливъ, кто смотритъ на это равнодушно. Но ты!.. Съ твоимъ ли пылкимъ; задумчивымъ и подозрительнымъ характеромъ, съ твоимъ ли сплюсненнымъ носомъ, вздутыми губами, съ этой ли шершавой головой бросаться во всѣ опасности женитьбы?..“ — Благодарю за дружескій совѣтъ, прервалъ холодно Ибрагимъ; — но знаешь пословицу: не твоя печаль чужихъ дѣтей качать... „Смотри, Ибрагимъ“, отвѣчалъ смѣясь Корсаковъ, — „чтобъ тебѣ послѣ не пришлось эту пословицу доказывать на самомъ дѣлѣ, въ буквальномъ смыслѣ.“

Но разговоръ въ другой комнатѣ становился горячъ. „Ты уморишь ее“, говорила старушка: „она не вынесетъ его виду“. — Но посуди ты сама, возразилъ упрямый братъ: вотъ уже двѣ недѣли ѣздитъ онъ женихомъ, а до сихъ поръ не видалъ невѣсты. Онъ, наконецъ, можетъ подумать, что ея болѣзнь — пустая выдумка, что мы ищемъ только какъ бы время продлить, чтобъ какъ-нибудь отъ него отдѣлаться. Да что скажетъ и царь? Онъ ужъ и такъ три раза присылалъ спросить о здоровьи Натальи. Воля твоя, а я ссориться съ нимъ не намѣренъ. — „Господи Боже мой!“ сказала Татьяна Аванасьевна: „что съ нею, бѣдною, будетъ! По крайней мѣрѣ, пусти меня приготовить ее къ такому посѣщенію“. Гаврила Аванасьевичъ согласился и опять вошелъ въ гостиную.

— Слава Богу, сказалъ онъ Ибрагиму: — опасность миновалась. Наталья гораздо лучше; если бъ не совѣстно было оставить здѣсь одного дорогого гостя, Ивана Евграфовича, то я повелъ бы тебя вверхъ, взглянуть на твою невѣсту.

Корсаковъ поздравилъ Гаврилу Аванасьевича, просилъ не беспокоиться, увѣрялъ, что ему необходимо

ѣхать, и побѣжалъ въ переднюю, не допуская хозяина проводить себя.

Между тѣмъ Татьяна Аѳанасьевна спѣшила приготовить больную къ появленію страшнаго гостя. Войдя въ свѣтлицу, она сѣла, задыхаясь, у постели, взяла Наташу за руку, но не успѣла еще вымолвить слова, какъ дверь отворилась. Наташа спросила: кто пришелъ? Старушка обмерла. Гаврила Аѳанасьевичъ отдернулъ занавѣсъ, холодно посмотрѣлъ на больную и спросилъ, какова она? Больная хотѣла ему улыбнуться, но не могла. Суровый взглядъ отца ее поразилъ, и безпокойство овладѣло ею. Въ это время ей показалось, что кто-то стоялъ у ея изголовья. Она съ усиліемъ приподняла голову — и вдругъ узнала царскаго арапа. Тутъ она вспомнила все, весь ужасъ будущаго представился ей. Но изнуренная природа не получила примѣчательнаго потрясенія. Наташа снова опустила голову на подушку и закрыла глаза... сердце въ ней билось болѣзненно. Татьяна Аѳанасьевна подала брату знакъ, что больная хочетъ уснуть, и всѣ вышли потихоньку изъ свѣтлицы, кромѣ служанки, которая снова сѣла за самопрялку.

Несчастная красавица открыла глаза и, не видя уже никого около своей постели, подозвала служанку и послала ее за карлицею. Но въ ту же минуту круглая, старая крошка, какъ шарикъ, подкатилась къ ея кровати. Ласточка (такъ прозывалась карлица) во всю прыть коротенькихъ ножекъ, вслѣдъ за Гаврилою Аѳанасьевичемъ и Ибрагимомъ, пустилась вверхъ по лѣстницѣ и притаилась за дверью, не измѣняя любопытству, сродному прекрасному полу. Наташа, увидя ее, выслала служанку, и карлица сѣла у кровати на скамейку.

Никогда столь маленькое тѣло не заключало въ

себѣ столь много душевной дѣятельности. Она вмѣшивалась во все, знала все, хлопотала обо всемъ. Хитрымъ и вкрадчивымъ умомъ умѣла она приобрести любовь своихъ господъ и ненависть всего дома, которымъ управляла самовластно. Гаврила Аванасьевичъ слушалъ ея доносы, жалобы и мелочныя просьбы; Татьяна Аванасьевна поминутно справлялась съ ея мнѣніями и руководствовалась ея совѣтами; а Наташа имѣла къ ней неограниченную привязанность и довѣряла ей всѣ свои мысли, всѣ движенія шестнадцатилѣтняго своего сердца.

„Знаешь, Ласточка“, сказала она: „батюшка выдаетъ меня за арапа“.

Карлица вздохнула глубоко, и сморщенное лицо ея сморщилось еще болѣе.

„Развѣ нѣтъ надежды?“ продолжала Наташа: „развѣ батюшка не сжалится надо мною?“

Карлица тряхнула чепчикомъ.

„Не заступятся ли за меня дѣдушка или тетюшка?“

— Нѣтъ, барышня: арапъ во время твоей болѣзни всѣхъ успѣлъ заморозить. Баринъ отъ него безъ ума, князь только имъ и бредить, а Татьяна Аванасьевна говоритъ: жаль, что арапъ, а лучшаго жениха грѣхъ намъ и желать.

„Боже мой, Боже мой!“ простонала бѣдная Наташа.

— Не гечьгься, красавица наша, сказала карлица, цѣлуя ея слабую руку. — Если ужь быть тебѣ за арапомъ, то все же будешь на своей волѣ. Нынче не то, что въ старину: мужья женъ не запираютъ; арапъ, слышно, богатъ; домъ у васъ будетъ какъ полная чаша — заживешь припѣваючи.

„Бѣдный Валерьянъ!“ сказала Наташа, но такъ

тихо, что карлица могла только угадать, а не слышать эти слова.

— То-то, барышня, сказала она, таинственно понизивъ голосъ, кабы ты меньше думала о стрѣльцкомъ сиротѣ, такъ бы въ жару о немъ не бредила, а батюшка не гнѣвался бы.

„Что?“ сказала испуганная Наташа: „я бредила Валерьяномъ? батюшка слышалъ? батюшка гнѣвался?“

— То-то и бѣда, отвѣчала карлица. — Теперь, если ты будешь просить его не выдавать тебя за арапа, такъ онъ подумаетъ, что Валерьянъ тому причиною. Дѣлать нечего: ужь покорись волѣ родительской, а что будетъ, то будетъ.

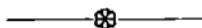
Наташа не возразила ни слова. Мысль, что тайна ея сердца извѣстна отцу, сильно подѣйствовала на ея воображеніе. Одна надежда ей оставалась: умереть прежде совершенія ненавистнаго брака. Эта мысль ее утѣшала. Слабой и печальной душой покорилаь она своему жребію.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ домѣ Гаврилы Аванасьевича, изъ сѣней направо, находилась тѣсная каморка съ однимъ окошечкомъ. Въ ней стояла простая кровать, покрытая байковымъ, одѣяломъ; передъ кроватью — еловый столикъ, на которомъ горѣла сальная свѣча и лежали открытыя ноты. На стѣнѣ висѣлъ старый синій мундиръ и его ровесница, треугольная шляпа; надъ нею тремя гвоздиками прибита была лубочная картинка, изображающая Карла XII верхомъ. Звуки флейты раздавались въ этой смиренной обители. Плѣнный танцмейстеръ, уединенный ея житель, въ колпакѣ и въ китайчатомъ шлафроктѣ, услаждалъ скуку зимняго

вечера, наигрывая старинные шведскіе марши. Посвятивъ цѣлые два часа на сіе упражненіе, шведъ разобралъ свою флейту, вложилъ ее въ ящикъ и сталъ раздѣваться.

.



II.
П О В Ъ С Т И
покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина,

изданныя А. П.

(1830).

Г-жа Простакова.

То, мой батюшка, онъ еще сызмала
къ исторіямъ охотникъ.

Скотинникъ.

Митрофанъ по мнѣ.

„Недоросль“.

Въ письмѣ къ Плетневу изъ Москвы, отъ 9 дек. 1830 г., Пушкинъ сообщалъ ему „весьма секретное“ извѣстіе о томъ, что онъ написалъ прозою пять повѣстей, „отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бьется“ и которыя поэтъ предполагалъ издать анонимно. Въ половинѣ слѣдующаго года повѣсти были уже переписаны и пересланы Плетневу, съ порученіемъ — отдать ихъ въ цензуру „земскую, не удѣльную“ (т. е. въ общую, а не въ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи) и условиться со Смирдинымъ объ ихъ изданіи. 5-го сентября того же года Плетневъ увѣдомилъ, что повѣсти уже вышли изъ цензуры и что, „по милости Никиты Ив. Бутырскаго (цензоръ), ни перемѣнъ, ни откидокъ не воспослѣдовало“. Въ концѣ года вышла отдѣльная книжка: „Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, изданныя А. П.“ (Спб. 1831, 12^о). Затѣмъ эти повѣсти, съ нѣкоторыми исправленіями, перепечатаны были въ книгѣ: „Повѣсти, изданныя Александромъ Пушкинымъ“ (Спб. 1834, 8^о), гдѣ къ нимъ присоединены еще: „Пиковая Дама“ и два отрывка изъ „Арапа Петра В.“ Книга была встрѣчена критикой довольно благопріятно. Въ повѣстяхъ хвалили легкій слогъ и умѣнье волновать читателя, заставляя его то задумываться, то смѣяться. Впрочемъ, однимъ критикомъ были замѣчены „грамматическія небрежности“ автора („Сильвіо былъ слишкомъ уменъ, чтобы этого не замѣтить“; „имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ“; „пробѣгая письмо, глаза его сверкали“; „управленіе села“; „недостатокъ смѣлости“ „воспоминаніе васъ“; „память одного“, и т. п. См. Литер. Приб. къ Рус. Инв. 1831, № 93; Моск. Телегр. ч. 42“ стр. 254 - 256; Сѣв. Пчела, № 255; Гирлянда, ч. 2, № 28 и 29, стр. 246; Сѣв. Меркурій, № 37). Строго отозвался о нихъ Полевой, сравнившій ихъ съ повѣстями Вашингтона Ирвинга: „Бѣлкину явно хотѣлось попастьъ въ колею В. Ирвинга“, говоритъ онъ: „но какъ „Евгеній Онѣгинъ“ далекъ отъ „Донъ-Жуана“, такъ Повѣсти Бѣлкина далеки отъ созданій

В. Ирвинга. Лучшею изъ всѣхъ намъ показалась — „Станціонный Смотритель“. Въ ней есть нѣсколько мѣстъ, показывающихъ знаніе человѣческаго сердца. Забавна и шутка, названная „Гробовщикъ“. За то въ повѣстяхъ: „Выстрѣлъ“, „Метель“ и „Барышня-крестьянка“ нѣтъ даже никакой вѣроятности, ни поэтической, ни романической. Это — фарсы, затянутые въ корсетъ простоты безъ всякаго милосердія“. Не менѣе суровъ былъ и отзывъ Бѣлинскаго („Молва 1835, № 7; Соч., изд. Венгерова, II, 59), которому совсѣмъ не нравилась ихъ простота: „Постепенная возвышенность генія“, писалъ критикъ, — необходимо сопряжена съ постепеннымъ охлажденіемъ чувства. Найдите созданіе чудовищнѣе Разбойниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ найдите созданіе пламеннѣе этого перваго произведенія Шиллера. Воля ваша, — а весна самое лучшее время года. Хорошо еще* если осень плодородна и обильна, если она озарена постѣдними, прощальными лучами великолѣпнаго солнца; но что, когда она безплодна, грязна и туманна? А вѣдь это такъ часто случается! Вотъ, передо мною лежатъ Повѣсти, изданныя Пушкинымъ: неужели Пушкинымъ же и написанныя? Пушкинымъ, творцомъ Кавказскаго Плѣнника, Бахчисарайскаго Фонтана, Цыганъ, Полтавы, Онѣгина и Бориса Годунова? Правда, эти повѣсти занимательны, ихъ нельзя читать безъ удовольствія; это происходитъ отъ прелестнаго слога, отъ искусства рассказывать (conter); но онѣ — не художественныя созданія, а просто сказки и побасенки; ихъ съ удовольствіемъ и даже съ наслажденіемъ прочтеть семья, собравшаяся въ скучный и длинный зимній вечеръ у камина; но отъ нихъ не закипитъ кровь пылкаго юноши, не засверкаютъ очи его огнемъ восторга; но онѣ не будутъ тревожить его сна: нѣтъ, послѣ нихъ можно задать лихую высыпку. Будь эти повѣсти первое произведеніе какого-нибудь юноши, — тотъ юноша обратилъ бы на себя вниманіе нашей публики; но какъ произведеніе Пушкина — осень, холодная, дождливая осень, послѣ прекрасной, роскошной, благоуханной весны, словомъ:

Прозаическія бредни,

Фламандской школы пестрый вздоръ!

„Странное дѣло — очарованіе именъ! Прочтите вы эту книгу, не зная,* кѣмъ она написана, — и вы будете въ полномъ удовольствіи; но взгляните на заглавіе, — и ваше

живое удовольствіе превратится въ горькое неудовольствіе. Будь поставлено въ заглавіи этой книги имя г. Булгарина, — и я былъ бы готовъ подумать: ужъ и въ самомъ дѣлѣ Ѳаддей Венедиктовичъ не геній ли? Но Пушкинъ — воля ваша, грустно и подумать!»

Единственно „достойною имени Пушкина“ Бѣлинскій считалъ повѣсть „Выстрѣлъ“. Критикъ и впослѣдствіи недостаточнo цѣнилъ эти повѣсти, и даже въ цѣломъ огромномъ томѣ, посвященномъ разбору литературной дѣятельности Пушкина, сказалъ о нихъ всего нѣсколько словъ...

„Повѣсти Бѣлкина“ сохранились въ бѣловой рукописи Моск. Муз. № 2379; кромѣ того, въ № 2387 В имѣется предисловіе и заглавный листъ: „Краткія повѣсти покойнаго И. П. Бѣлкина“, съ эпиграфомъ изъ „Недоросля“ въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ напечатано. Предисловіе также отличается отъ печатнаго нѣкоторыми добавленіями, которыя и приведены нами въ примѣчаніяхъ.

Порядокъ повѣстей въ рукописи такой же, какъ въ печатномъ изданіи; но помѣты подъ каждою изъ нихъ указываютъ, что онѣ писались въ иной послѣдовательности. Прежде другихъ написанъ Гробовщикъ, помѣченный 9 сентября Болдино 1830 (тутъ же приписано: Письмо отъ Natalie и сбоку: А вотъ то и будетъ, что ничего не будетъ. Пословица. Зачеркнута программа Станціоннаго Смотрителя). Станціонный Смотритель помѣченъ: 14 сент. Болд. — Барышня-крестьянка окончена 20 сент. Болд. 9 ч. в. (т. е. 9 часовъ вечера). — Въ концѣ первой главы Выстрѣла помѣта: 12 окт. 1830. Окончаніе потеряно. Затѣмъ Пушкинъ продолжалъ повѣсть и кончилъ ее 1830, 14 окт. — Наконецъ, Метель помѣчена 20 окт. (Тутъ же приписано: 19 окт., сожж. X пѣснь). Въ этомъ порядкѣ повѣсти перечислены на послѣдней страницѣ рукописи, гдѣ подъ каждымъ заглавіемъ выписанъ подобранный для повѣсти эпиграфъ. Къ Выстрѣлу, вмѣсто двухъ эпиграфовъ печатнаго текста, данъ только одинъ:

Теперь сходитесь...

Евгеній Онѣгинъ.

Въ этой повѣсти можно отмѣтить одну автобіографическую черту: П. И. Бартеневъ („Пушкинъ въ Южной Россіи“, Русск. Арх. 1867, ст. 1161-1163) рассказываетъ, что случай съ черешнями подъ выстрѣломъ противника былъ съ

самимъ Пушкинымъ въ одной изъ его кишиневскихъ дуэлей (съ офицеромъ генеральнаго штаба Зубовымъ).

Къ повѣсти Гробовщикъ Пушкинъ набросалъ нѣсколько рисунковъ. На одномъ изъ нихъ гробовщикъ угощаетъ чаемъ сапожника Шульца; дальше на одной страницѣ находимъ кубокъ или чашу; еще дальше — погребальныя дроги, за которыми идетъ священникъ и нѣсколько людей; наконецъ, на послѣдней страницѣ повѣсти, — распятіе, свѣча, нѣсколько лицъ, скелетъ въ мундирѣ и ботфортахъ, (т. е. отставной гвардіи сержантъ Курилкинъ), факельщикъ.

Къ повѣсти Станціонный Смотритель сохранился въ рукописи, найденной И. А. Шляпкинымъ („Изъ неизд. бум.“, стр. 48), небольшой отрывокъ, напечатанный ранѣе очень неточно Анненковымъ и представляющій вариантъ начальныхъ страницъ. Мы помѣщаемъ его въ примѣчаніяхъ.

Отъ издателя.

Взявшись хлопотать объ изданіи Повѣстей И. П. Бѣлкина, предлагаемыхъ нынѣ публикѣ,¹ мы желали къ онымъ присовокупить хотя краткое жизнеописаніе покойнаго автора, и тѣмъ отчасти удовлетворить справедливому любопытству любителей отечественной словесности. Для сего обратились было мы къ Марьѣ Алексѣевнѣ Трафилиной, ближайшей родственницѣ и наслѣдницѣ Ивана Петровича Бѣлкина; но, къ сожалѣнію, ей невозможно было намъ доставить никакого о немъ извѣстія, ибо покойникъ вовсе не былъ ей знакомъ. Она совѣтовала намъ отнестись по сему предмету къ одному почтенному мужу, бывшему другомъ Ивану Петровичу. Мы послѣдовали сему совѣту, и на письмо наше получили нижеслѣдующій желаемый отвѣтъ. Помѣщаемъ его безо всякихъ перемѣнъ и примѣчаній, какъ драгоцѣнный памятникъ благороднаго образа мнѣній и трогательнаго дружества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и весьма достаточное біографическое извѣстіе.

Милостивый государь мой ****!

Почтеннѣйшее письмо ваше, отъ 15-го сего мѣсяца, получить имѣлъ я честь 23-го сего мѣсяца, въ коемъ вы изъявляете мнѣ свое желаніе имѣть подробное извѣстіе о времени рожденія и смерти, о службѣ, о домашнихъ обстоятельствахъ, также и о занятіяхъ и нравѣ покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, быв-

шаго моего искренняго друга и сосѣда по помѣстьямъ. Съ великимъ моимъ удовольствіемъ исполняю сіе ваше желаніе и препровождаю къ вамъ, милостивый государь мой, все, что изъ его разговоровъ, а также изъ собственныхъ моихъ наблюденій, запомнить могу.

Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ родился отъ честныхъ и благородныхъ родителей, въ 1798 году, въ селѣ Горохинѣ.² Покойный отецъ его, секундъ-маіоръ Петръ Ивановичъ Бѣлкинъ, былъ женатъ на дѣвицѣ Пелагеѣ Гавриловнѣ, изъ дому Трафилиныхъ. Онъ былъ человѣкъ не богатый, но умѣренный, и по части хозяйства весьма смысленый. Сынъ ихъ получилъ первоначальное образованіе отъ деревенскаго дьячка Сему-то почтенному мужу былъ онъ, кажется, обязанъ охотою къ чтенію и занятіямъ по части русской словесности. Въ 1815 году вступилъ онъ въ пѣхотный егерскій полкъ (числомъ не упомяну), въ коемъ и находился до самаго 1823 года. Смерть его родителей, почти въ одно время приключившаяся, понудила его подать въ отставку и пріѣхать въ село Горохино, свою отчину.³

Вступивъ въ управленіе имѣнія, Иванъ Петровичъ, по причинѣ своей неопытности и мягкосердія, въ скоромъ времени запустилъ хозяйство и ослабилъ строгій порядокъ, заведенный покойнымъ его родителемъ. Смѣнивъ исправнаго и расторопнаго старосту, коимъ крестьяне его (по ихъ привычкѣ) были недовольны, поручилъ онъ управленіе села старой своей ключницѣ, пріобрѣтшей его довѣренность искусствомъ рассказывать исторіи. Сія глухая старуха не умѣла никогда различить двадцатипяти-рублевой ассигнаціи отъ пятидесяти-рублевой; крестьяне, коимъ она всѣмъ была кума, ея вовсе не боялись; ими выбранный ста-

роста до того имъ потворствовалъ, плутуя заодно, что Иванъ Петровичъ принужденъ былъ отмѣнить барщину и учредить весьма умѣренный оброкъ; но и тутъ крестьяне, пользуясь его слабостію, на первый годъ выпросили себѣ нарочитую льготу; а въ слѣдующіе—болѣе двухъ третей obroka платили орѣхами, брусникою и тому подобнымъ; и тутъ были недоимки.

Бывъ пріятель покойному родителю Ивана Петровича, я почиталъ долгомъ предлагать и сыну свои совѣты, и неоднократно вызывался возстановить прежній, имъ упущенный, порядокъ. Для сего, пріѣхавъ однажды къ нему, потребовалъ я хозяйственныя книги, призвалъ плута-старосту и, въ присутствіи Ивана Петровича, занялся разсмотрѣніемъ оныхъ. Молодой хозяинъ сначала сталъ слѣдовать за мною со всевозможнымъ вниманіемъ и прилежностію; но какъ по счетамъ оказалось, что въ послѣдніе два года число крестьянъ умножилось, число же дворовъ, птицъ и домашняго скота нарочито уменьшилось, то Иванъ Петровичъ довольствовался симъ первымъ свѣдѣніемъ и далѣе меня не слушалъ, и въ ту самую минуту, какъ я своими разысканіями и строгими допросами плута-старосту въ крайнее замѣшательство привелъ и къ совершенному безмолвію принудилъ, съ великою моею досадою услышалъ я Ивана Петровича, вѣрѣно храпящаго на своемъ стулѣ. Съ тѣхъ поръ пересталъ я вмѣшиваться въ его хозяйственныя распоряженія и предалъ его дѣла (какъ и онъ самъ) распоряженію Всевышняго.

Сіе дружескихъ нашихъ сношеній нисколько впрочемъ не разстроило; ибо я, соболѣзнуя его слабости и пагубному нерадѣнію, общему молодымъ нашимъ дворянамъ, искренно любилъ Ивана Петровича; да

нельзя было и не любить молодого человека, столь кроткого и честного. Съ своей стороны Иванъ Петровичъ оказывалъ уваженіе къ моимъ лѣтамъ и сердечно былъ ко мнѣ приверженъ. До самой кончины своей почти каждый день со мною видѣлся, дорожа простою моею бесѣдою, хотя ни привычками, ни образомъ мыслей, ни нравомъ мы большею частію другъ съ другомъ не сходствовали. ⁴

Иванъ Петровичъ велъ жизнь самую умѣренную, избѣгалъ всякаго рода излишествъ; никогда не случилось мнѣ видѣть его навеселѣ (что въ краю напемъ за неслыханное чудо почестъся можетъ); къ женскому же полу имѣлъ онъ великую склонность, но стыдливость была въ немъ истинно дѣвическая *).

Кромѣ повѣстей, о которыхъ въ письмѣ вашемъ упоминать изволите, Иванъ Петровичъ оставилъ множество рукописей, которыя частію у меня находятся, частію употреблены его ключницею на разныя домашнія потребности. Такимъ образомъ, прошлую зимою всѣ окна ея флигеля заклеены были первою частію романа, котораго онъ не кончилъ. Вышеупомянутыя повѣсти были, кажется, первымъ его опытомъ. Онъ, такъ сказывалъ Иванъ Петровичъ, большею частію справедливы и слышаны имъ отъ разныхъ особъ **).

Однакожь имена въ нихъ почти всѣ вымышлены имъ самимъ, а названія селъ и деревень заимствованы изъ нашего околodka, отчего и моя деревня гдѣ-то упо-

*) Слѣдуетъ анекдотъ, коего мы не помѣщаемъ, полагаю его излишнимъ; впрочемъ увѣряемъ читателя, что онъ ничего предосудительнаго памяти Ивана Петровича Бѣлкина въ себѣ не заключаетъ.

***) Въ самомъ дѣлѣ, въ рукописи г. Бѣлкина, надъ каждой повѣстію рукою автора написано: слышано мною отъ такой-то особы (чинъ или званіе и заглавныя буквы имени и фамиліи). Выписываемъ для любопытныхъ изыскателей: Смотритель разказанъ былъ ему титулярнымъ совѣтникомъ А. Г. Н., Выстрѣлъ—подполковникомъ И. П. Л., Гробовщикъ—прикащикомъ Б. В., Метель и Барышня—дѣвцею К. И. Т.

мянута. Сіе произошло не отъ злого какого - либо намѣренія, но единственно отъ недостатка воображенія.

Иванъ Петровичъ осенью 1828 года занемогъ простудною лихорадкою, обратившеюся въ горячку, и умеръ, не смотря на неусыпныя старанія уѣзднаго нашего лѣкаря, человѣка весьма искусстваго, особенно въ лѣченіи закоренѣлыхъ болѣзней, какъ-то мозолей и тому подобнаго. Онъ скончался на моихъ рукахъ, на 30-мъ году отъ рожденія, и похороненъ въ церкви села Горохина, близъ покойныхъ его родителей.

Иванъ Петровичъ былъ росту средняго, глаза имѣлъ сѣрые, волоса русые, носъ прямой; лицомъ былъ бѣлъ и худощавъ.

Вотъ, милостивый государь мой, все, что могъ я припомнить касательно образа жизни, занятій, нрава и наружности покойнаго сосѣда и пріятеля моего. Но въ случаѣ, если заблагоразсудите сдѣлать изъ сего моего письма какое - либо употребленіе, всепокорнѣйше прошу никакъ имени моего не упоминать, ибо хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но въ сіе званіе вступить полагаю излишнимъ и въ мои лѣта неприличнымъ. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и проч.

1830 года, ноября 16. Село Ненарадово.

Почитая долгомъ уважить волю почтеннаго друга автора нашего, приносимъ ему глубочайшую благодарность за доставленные намъ извѣстія и надѣмся, что публика оцѣнитъ ихъ искренность и добродушіе.

А. П.

1.

В ы с т р ѣ л ь .

I.

Стрѣлялись мы.

Баратынскій.

Я поклялся застрѣлить его по праву дуэли (за нимъ остался еще мой выстрѣлъ).

„Вечеръ на бивуакѣ“.

Мы стояли въ мѣстечкѣ ***. Жизнь армейскаго офицера извѣстна. Утромъ — ученье, манежъ; обѣдъ у полковаго командира или въ жидовскомъ трактирѣ, вечеромъ — пуншъ и карты. Въ ** не было ни одного открытаго дома, ни одной невѣсты; мы собирались другъ у друга, гдѣ, кромѣ своихъ мундировъ, не видали ничего.

Одинъ только человѣкъ принадлежалъ нашему обществу, не будучи военнымъ. Ему было около тридцати пяти лѣтъ, и мы за то почитали его старикомъ. Опытность давала ему передъ нами многія преимущества; къ тому же, его обыкновенная угрюмость, крутой нравъ и злой языкъ имѣли сильное вліяніе на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу, онъ казался русскимъ, а носилъ иностранное имя. Нѣкогда онъ служилъ въ гусарахъ, и даже счастливо; никто не зналъ причины, побудившей его выйти въ отставку и посе-

литься въ бѣдномъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ онъ вмѣстѣ и бѣдно, и расточительно: ходилъ вѣчно пѣшкомъ, въ изношенномъ черномъ скюртукѣ, а держалъ открытый столъ для всѣхъ офицеровъ нашего полка. Правда, обѣдъ его состоялъ изъ двухъ или трехъ блюдъ, изготовленныхъ отставнымъ солдатомъ, но шампанское лилось при томъ рѣкою. Никто не зналъ ни его состоянія, ни его доходовъ, и никто не осмѣливался о томъ его спрашивать. У него водились книги, большею частію военныя, да романы. Онъ охотно давалъ ихъ читать, никогда не требуя ихъ назадъ; за то никогда не возвращалъ хозяину книги, имъ занятой. Главное упражненіе его состояло въ стрѣльбѣ изъ пистолета. Стѣны его комнаты были всѣ источены пулями, всѣ въ скважинахъ, какъ соты пчелиныя. Богатое собраніе пистолетовъ было единственною роскошью бѣдной мазанки, гдѣ онъ жилъ. Искусство, до коего достигъ онъ, было неимовѣрно, и если бъ оңъ вызвался пулей сбить грушу съ фуражки кого бъ то ни было, никто бъ въ нашемъ полку не усомнился подставить ему своей головы. Разговоръ между нами касался часто поединковъ; Сильвіо (такъ назову его) никогда въ него не вмѣшивался. На вопросъ, случалось ли ему драться, отвѣчалъ онъ сухо, что случалось, но въ подробности не входилъ, и видно было, что таковыя вопросы были ему непріятны. Мы полагали, что на совѣсти его лежала какая-нибудь несчастная жертва его ужаснаго искусства. Впрочемъ, намъ и въ голову не приходило подозрѣвать въ немъ что-нибудь похожее на робость. Есть люди, коихъ одна наружность удаляетъ таковыя подозрѣнія. Нечаянный случай всѣхъ насъ изумилъ.

Однажды человекъ десять нашихъ офицеровъ

обѣдали у Сильвіо. Пили по обыкновенному, то есть очень много; послѣ обѣда стали мы уговаривать хозяина прометать намъ банкъ. Долго онъ отказывался, ибо никогда почти не игралъ; наконецъ велѣлъ подать карты, высыпалъ на столъ полсотни червонцевъ и сѣлъ метать. Мы окружили его, и игра завязалась. Сильвіо имѣлъ обыкновеніе за игрою хранить совершенное молчаніе, никогда не спорилъ и не объяснялся. Если понтеру случалось обсчитаться, то онъ тотчасъ или доплачивалъ остальное, или записывалъ лишнее. Мы ужъ это знали и не мѣшали ему хозяйничать по-своему; но между нами находился офицеръ, недавно къ намъ переведенный. Онъ, играя тутъ же, въ разсѣянности загнулъ лишній уголь. Сильвіо взялъ мѣлъ и уравнилъ счетъ по своему обыкновенію. Офицеръ, думая, что онъ ошибся, пустился въ объясненія. Сильвіо молча продолжалъ метать. Офицеръ, потерявъ терпѣніе, взялъ щетку и стеръ то, что казалось ему напрасно записаннымъ. Сильвіо взялъ мѣлъ и записалъ снова. Офицеръ, разгоряченный виномъ, игрою и смѣхомъ товарищей, почелъ себя жестоко обиженнымъ, и въ бѣшенствѣ схвативъ со стола мѣдный шандаль, пустилъ его въ Сильвіо, который едва успѣлъ отклониться отъ удара. Мы смутились. Сильвіо всталъ, поблѣднѣлъ отъ злости и съ сверкающими глазами сказалъ: „Милостивый государь, извольте выйти, и благодарите Бога, что это случилось у меня въ домѣ“.

Мы не сомнѣвались въ послѣдствіяхъ и полагали новаго товарища уже убитымъ. Офицеръ вышелъ вонъ, сказавъ, что за обиду готовъ отвѣчать, какъ будетъ угодно господину банкometу. Игра продолжалась еще нѣсколько минутъ; но, чувствуя, что хо-

зяину было не до игры, мы отстали одинъ за другимъ и разбрелись по квартирамъ, толкуя о скорой ваканціи.

На другой день въ манежѣ мы спрашивали уже, живъ ли еще бѣдный поручикъ, какъ самъ онъ явился между нами; мы сдѣлали ему тотъ же вопросъ. Онъ отвѣчалъ, что объ Сильвію не имѣлъ онъ еще никакого извѣстія. Это насъ удивило. Мы пошли къ Сильвію и нашли его на дворѣ, сажающаго пулю на пулю въ туза, приклееннаго къ воротамъ. Онъ принялъ насъ по обыкновенному, ни слова не говоря о вчерашнемъ происшествіи. Прошло три дня; поручикъ былъ еще живъ. Мы съ удивленіемъ спрашивали: неужели Сильвію не будетъ драться? Сильвію не дрался. Онъ довольствовался очень легкимъ объясненіемъ и помирился.

Это-было чрезвычайно повредило ему во мнѣніи молодежи. Недостатокъ смѣлости менѣе всего извиняется молодыми людьми, которые въ храбрости обыкновенно видятъ верхъ человѣческихъ достоинствъ и извиненіе всевозможныхъ пороковъ. Однакожь, мало-по-малу все было забыто, и Сильвію снова приобрѣлъ прежнее свое вліяніе.

Одинъ я не могъ уже къ нему приблизиться. Имѣя отъ природы романическое воображеніе, я всѣхъ сильнѣе прежде сего былъ привязанъ къ человѣку, коего жизнь была загадкою и который казался мнѣ героемъ таинственной какой-то повѣсти. Онъ любилъ меня; по крайней мѣрѣ, со мной однимъ оставлялъ обыкновенное свое рѣзкое злорѣчіе и говорилъ о разныхъ предметахъ съ простодушіемъ и необыкновенною пріятностію. Но послѣ несчастнаго вечера, мысль, что честь его была замарана и не омыта по его собственной волѣ, эта мысль меня

не покидала и мѣшала мнѣ обходиться съ нимъ по-прежнему; мнѣ было совѣстно на него глядѣть. Сильвіо былъ слишкомъ уменъ и опытенъ, чтобы этого не замѣтить и не угадывать тому причины. Казалось, это огорчало его; по крайней мѣрѣ, я замѣтилъ раза два въ немъ желаніе со мною объясниться; но я избѣгалъ такихъ случаевъ, и Сильвіо отъ меня отступился. Съ тѣхъ поръ видался я съ нимъ только при товарищахъ, и прежніе откровенные разговоры наши прекратились.

Разсѣянные жители столицы не имѣютъ понятія о многихъ впечатлѣніяхъ, столь извѣстныхъ жителямъ деревень или городковъ, напримѣръ — объ ожиданіи почтоваго дня: во вторникъ и пятницу полковая наша канцелярія была полна офицерами; кто ждалъ денегъ, кто письма, кто газетъ. Пакеты обыкновенно тутъ же распечатывались, новости сообщались, и канцелярія представляла картину самую оживленную. Сильвіо получалъ письма, адресованныя въ нашъ полкъ, и обыкновенно тутъ же находился. Однажды подали ему пакетъ, съ котораго онъ сорвалъ печать съ видомъ величайшаго нетерпѣнія. Пробѣгая письмо, глаза его сверкали. Офицеры, каждый занятый своими письмами, ничего не замѣтили. „Господа, сказалъ имъ Сильвіо, обстоятельства требуютъ немедленнаго моего отсутствія; ѣду сегодня въ ночь; надѣюсь, что вы не откажетесь отобѣдать у меня въ послѣдній разъ. Я жду и васъ, продолжалъ онъ, обратившись ко мнѣ: жду непременно“. Съ симъ словомъ онъ поспѣшно вышелъ; а мы, согласясь соединиться у Сильвіо, разошлись каждый въ свою сторону.

Я пришелъ къ Сильвіо въ назначенное время и нашелъ у него почти: весь полкъ. Все его добро

было уже уложено; оставались однѣ голыя, прострѣленные стѣны. Мы сѣли за столъ; хозяинъ былъ чрезвычайно въ духѣ, и скоро веселость его сдѣлалась общою; пробки хлопали поминутно, стаканы пѣнились и шипѣли безпрестанно, и мы съ всевозможнымъ усердіемъ желали отъѣзжающему добраго пути и всякаго блага. Встали изъ-за стола уже поздно вечеромъ. При разборѣ фуражекъ, Сильвіо, со всѣми прощаясь, взялъ меня за руку и остановилъ въ ту же самую минуту, какъ собирался я выйти. „Мнѣ нужно съ вами поговорить“, сказалъ онъ тихо. Я остался.

Гости ушли; мы остались вдвоемъ, сѣли другъ противу друга и молча закурили трубки. Сильвіо былъ озабоченъ; не было уже и слѣдовъ его судорожной веселости. Мрачная блѣдность, сверкающіе глаза и густой дымъ, выходящій изо рту, придавали ему видъ настоящаго дьявола. Прошло нѣсколько минутъ, и Сильвіо прервалъ молчаніе. „Можетъ быть, мы никогда больше не увидимся“, сказалъ онъ мнѣ: „передъ разлукой я хотѣлъ съ вами объясниться. Вы могли замѣтить, что я мало уважаю постороннее мнѣніе; но я васъ люблю, и чувствую: мнѣ было бы тягостно оставить въ вашемъ умѣ несправедливое впечатлѣніе“.

Онъ остановился и сталъ набивать выгорѣвшую свою трубку; я молчалъ, потупя глаза.

„Вамъ было странно“, продолжалъ онъ, „что я не требовалъ удовлетворенія отъ этого пьянаго сумасброда Р***. Вы согласитесь, что, имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ, а моя почти безопасна: я могъ бы приписать умѣренность мою одному великодушію, но не хочу лгать. Если бъ я могъ наказать Р***, не подвергая вовсе

моей жизни, то я бь ни за что не простилъ его“.

Я смотрѣлъ на Сильвіо съ изумленіемъ. Такое признаніе совершенно смутило меня. Сильвіо продолжалъ:

„Такъ точно: я не имѣю права подвергать себя смерти. Шесть лѣтъ тому назадъ я получилъ пощечину; и врагъ мой еще живъ.“

Любопытство мое было сильно возбуждено. „Вы съ нимъ не дрались? — спросилъ я. — „Обстоятельства, вѣрно, васъ разлучили?“

„Я съ нимъ дрался“, — отвѣчалъ Сильвіо: „и вотъ памятникъ нашего поединка.“

Сильвіо всталъ и вынулъ изъ картона красную шапку съ золотою кистью, съ галуномъ (то, что французы называютъ *bonnet de police*); онъ ее надѣлъ; она была прострѣлена на вершокъ ото лба.

„Вы знаете“, — продолжалъ Сильвіо, — „что я служилъ въ *** гусарскомъ полку. Характеръ мой вамъ извѣстенъ: я привыкъ первенствовать; но смолоду это было во мнѣ страстію. Въ наше время буйство было въ модѣ: я былъ первымъ буйномъ по арміи. Мы хвастались пьянствомъ: я перепилъ славнаго Бурцова, воспѣтаго Денисомъ Давыдовымъ. “ Дуэли въ нашемъ полку случались поминутно: я на всѣхъ былъ или свидѣтелемъ, или дѣйствующимъ лицомъ. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно смѣняемые, смотрѣли на меня, какъ на необходимое зло.

„Я спокойно (или безпокойно) наслаждался моею славою, какъ опредѣлился къ намъ молодой человекъ богатой и знатной фамиліи (не хочу назвать его). Отроду не встрѣчалъ счастливица столь блистательнаго! Вообразите себѣ молодость, умъ, красоту,

веселость самую бѣшеную, храбрость самую безпечную, громкое имя, деньги, которымъ не зналъ онъ счета и которыя никогда у него не переводились, и представьте себѣ, какое дѣйствіе долженъ былъ онъ произвести между нами. Первенство мое поколебалось. Обольщенный моею славою, онъ сталъ было искать моего дружества; но я принялъ его холодно, и онъ безо всякаго сожалѣнія отъ меня удался. Я его возненавидѣлъ. Успѣхи его въ полку и въ обществѣ женщинъ приводили меня въ совершенное отчаяніе. Я сталъ искать съ нимъ ссоры; на эпиграммы мои отвѣчалъ онъ эпиграммами, которыя всегда казались мнѣ неожиданныѣе и острѣе моихъ, и которыя, конечно, не въ примѣръ были веселѣе: онъ шутилъ, а я злобствовалъ. Наконецъ, однажды на балѣ у польскаго помѣщика, видя его предметомъ вниманія всѣхъ дамъ, и особенно самой хозяйки, бывшей со мною въ связи, я сказалъ ему на ухо какую-то плоскую грубость. Онъ вспыхнулъ и далъ мнѣ пощечину. Мы бросились къ саблямъ; дамы попадали въ обморокъ; насъ растащили, и въ ту же ночь поѣхали мы драться.

„Это было на разсвѣтѣ. Я стоялъ на назначенномъ мѣстѣ съ моими тремя секундантами. Съ неизъяснимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я моего противника. Весеннее солнце взошло, и жаръ уже наспѣвалъ. Я увидѣлъ его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундантомъ. Мы пошли къ нему на встрѣчу. Онъ приблизился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмѣрили намъ двѣнадцать шаговъ. Мнѣ должно было стрѣлять первому; но волненіе злобы во мнѣ было столь сильно, что я не надѣялся на вѣрность руки и, чтобы дать себѣ

время остыть, уступалъ ему первый выстрѣлъ; противникъ мой не соглашался. Положили бросить жребій: первый нумеръ достался ему, вѣчному любимцу счастья. Онъ прицѣлился и прострѣлилъ мнѣ фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его, наконецъ, была въ моихъ рукахъ; я глядѣлъ на него жадно, старался уловить хотя одну тѣнь безпокойства. Онъ стоялъ подъ пистолетомъ, выбирая изъ фуражки спѣлыя черешни и выплевывая косточки, которыя долетали до меня. Его равнодушіе взбѣсило меня. „Что пользы, — подумалъ я, — лишить его жизни, когда онъ ею вовсе не дорожить?“ Злобная мысль мелькнула въ умѣ моемъ. Я опустил пистолеть. „Вамъ, кажется, теперъ не до смерти“, сказалъ я ему: „вы изволите завтракать; мнѣ не хочется вамъ помѣшать.“ — Вы ничуть не мѣшаете мнѣ, — возразилъ онъ: извольте себѣ стрѣлять, а впрочемъ, какъ вамъ угодно; выстрѣлъ вашъ остается за вами; я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ. — Я обратился къ секундантамъ, объявивъ, что нынче стрѣлять не намѣренъ, и поединокъ тѣмъ и кончился...

„Я вышелъ въ отставку и удалился въ это мѣстечко. Съ тѣхъ поръ не прошло ни одного дня, чтобъ я не думалъ о мщеніи. Нынѣ часъ мой насталь...“

Сильвіо вынулъ изъ кармана утромъ полученное письмо и далъ мнѣ его читать. Кто-то (казалось, его повѣренный по дѣламъ) писалъ ему изъ Москвы, что извѣстная особа скоро должна вступить въ законный бракъ съ молодой и прекрасной дѣвушкой.

„Вы догадываетесь“, — сказалъ Сильвіо, — „кто эта извѣстная особа. Ъду въ Москву. Посмотримъ, такъ ли равнодушно приметъ онъ смерть пе-

редь своей свадьбой, какъ нѣкогда ждалъ ее за черешнями!“

При сихъ словахъ Сильвіо всталъ, бросилъ объ полъ свою фуражку и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ тигръ по своей клѣткѣ. Я слушалъ его неподвижно; странныя, противоположныя чувства волновали меня.

Слуга вошелъ и объявилъ, что лошади готовы. Сильвіо крѣпко сжалъ мнѣ руку; мы поцѣловались. Онъ сѣлъ въ телѣжку, гдѣ лежали два чемодана, одинъ съ пистолетами, другой съ его пожитками. Мы простились еще разъ, и лошади поскакали.

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и домашнія обстоятельства принудили меня поселиться въ бѣдной деревенькѣ N** уѣзда. Занимаясь хозяйствомъ, я не переставалъ тихонько вздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни. Всего труднѣе было мнѣ привыкнуть проводить весенніе и зимніе вечера въ совершенномъ уединеніи. До обѣда кое-какъ еще дотягивалъ я время, толкуя со старостой, разѣзжая по работамъ или обходя новыя заведенія; но какъ скоро начинало смеркаться, я совершенно не зналъ, куда дѣваться. Малое число книгъ, найденныхъ мною подъ шкафами и въ кладовой, были вытвержены мною наизусть. Всѣ сказки, которыя только могла запомнить ключница Кириловна, были мнѣ пересказаны; пѣсни бабъ наводили на меня тоску. Принялся я было за неподслащенную наливку, но отъ нея болѣла у меня голова; да, признаюсь, побоялся я сдѣлаться пьяницею съ горя, т. е. самымъ горькимъ пьяницею, чему примѣровъ множество видѣлъ я въ нашемъ уѣздѣ.

Бликихъ сосѣдовъ около меня не было, кромѣ двухъ или трехъ горькихъ, коихъ бесѣда состояла большею частію въ икотѣ и воздыханіяхъ. Уединеніе было сноснае. Наконецъ, рѣшилъ я ложиться спать какъ можно ранѣе, а обѣдать какъ можно позже; такимъ образомъ укоротилъ я вечеръ и прибавилъ долготы дней, и обрѣтохъ, яко се добро есть. 7

Въ четырехъ верстахъ отъ меня находилось богатое помѣстье, принадлежащее графинѣ Б**»; но въ немъ жилъ только управитель, а графиня посѣтила свое помѣстье только однажды, въ первый годъ своего замужества, и то прожила тамъ не болѣе мѣсяца. Однакожь, во вторую весну моего затворничества разнесся слухъ, что графиня съ мужемъ пріѣдетъ на лѣто въ свою деревню. Въ самомъ дѣлѣ, они прибыли въ началѣ іюня мѣсяца.

Пріѣздъ богатаго сосѣда есть важная эпоха для деревенскихъ жителей. Помѣщики и ихъ дворовые люди толкуютъ о томъ мѣсяца два прежде и три года спустя. Что касается до меня, то, признаюсь, извѣстіе о прибытіи молодой и прекрасной сосѣдки сильно на меня подѣйствовало; я горѣлъ нетерпѣніемъ ее увидѣть, и потому въ первое воскресенье по ея пріѣздѣ отправился послѣ обѣда въ село*** рекомендоваться ихъ сіятельствамъ, какъ ближайшій сосѣдъ и всепокорнѣйшій слуга.

Лакей ввелъ меня въ графскій кабинетъ, а самъ пошелъ обо мнѣ доложить. Обширный кабинетъ былъ убранъ со всевозможною роскошью; около стѣнъ стояли шкафы съ книгами и надъ каждымъ — бронзовый бюстъ; надъ мраморнымъ каминомъ было широкое зеркало; полъ обитъ былъ зеленымъ сукномъ и устланъ коврами. Отвыкнувъ отъ роскоши въ бѣдномъ углу моемъ и уже давно не выдавъ чужого

богатства, я оробѣлъ и ждалъ графа съ какимъ-то трепетомъ, какъ проситель изъ провинціи ждетъ выхода министра. Двери отворились, и вошелъ мужчина лѣтъ тридцати двухъ, прекрасный собою. Графъ приблизился ко мнѣ съ видомъ открытымъ и дружескимъ; я старался ободриться и началъ было себя рекомендовать, но онъ предупредилъ меня. Мы сѣли. Разговоръ его, свободный и любезный, вскорѣ разсѣялъ мою одичалую застѣнчивость; я уже началъ входить въ обыкновенное мое положеніе, какъ вдругъ вошла графиня, и смущеніе овладѣло мною пуще прежняго. Въ самомъ дѣлѣ, она была красавица. Графъ представилъ меня; я хотѣлъ казаться развязнымъ, но чѣмъ больше старался взять на себя видъ непринужденности, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя неловкимъ. Они, чтобъ дать мнѣ время оправиться и привыкнуть къ новому знакомству, стали говорить между собою, обходясь со мною какъ съ добрымъ сосѣдомъ и безъ церемоніи. Между тѣмъ, я сталъ ходить взадъ и впередъ, осматривая книги и картины. Въ картинахъ я не знатокъ, но одна привлекла мое вниманіе. Она изображала какой-то видъ изъ Швейцаріи; но поразила меня въ ней не живопись, а то, что картина была прострѣлена двумя пулями, всажеными одна на другую. „Вотъ хорошій выстрѣлъ“, сказалъ я, обращаясь къ графу. — „Да“, отвѣчалъ онъ: „выстрѣлъ очень замѣчательный. А хорошо вы стрѣляете?“ продолжалъ онъ. — „Изрядно“, отвѣчалъ я, обрадовавшись, что разговоръ коснулся наконецъ предмета мнѣ близкаго. „Въ тридцати шагахъ промаху въ карту не дамъ, — разумѣется, изъ знаковыхъ пистолетовъ“. — „Право?“ сказала графиня съ видомъ большой внимательности: „а ты, мой другъ, попадешь ли въ карту на тридцати шагахъ? —

„Когда-нибудь“, отвѣчалъ графъ, „мы попробуемъ. Въ свое время я стрѣлялъ не худо; но вотъ уже четыре года, какъ я не бралъ въ руки пистолета“. — „О“, замѣтилъ я: „въ такомъ случаѣ бьюсь объ закладъ, что ваше сіятельство не попадете въ карту и въ двадцати шагахъ; пистолеть требуетъ ежедневнаго упражненія. Это я знаю на опытѣ. У насъ въ полку я считался однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ. Однажды случилось мнѣ цѣлый мѣсяцъ не брать пистолета: мои были въ починкѣ; что же бы вы думали, ваше сіятельство? Въ первый разъ, какъ сталъ потомъ стрѣлять, я далъ сряду четыре промаха по бутылкѣ въ двадцати пяти шагахъ. У насъ былъ ротмистръ, острякъ, забавникъ; онъ тутъ случился и сказалъ мнѣ: знать, у тебя, братъ, рука не поднимается на бутылку. Нѣтъ, ваше сіятельство, не должно пренебрегать этимъ упражненіемъ, не то отвыкнешь какъ разъ. Лучшій стрѣлокъ, котораго удалось мнѣ встрѣтить, стрѣлялъ каждый день, по крайней мѣрѣ, три раза передъ обѣдомъ. Это у него было заведено, какъ рюмка водки“. Графъ и графиня рады были, что я разговорился. „А какъ стрѣлялъ онъ?“ спросилъ меня графъ. — „Да вотъ какъ, ваше сіятельство: бывало, увидитъ онъ, сѣла на стѣну муха... Вы смѣетесь, графиня? Ей-Богу, правда... Бывало, увидитъ муху и кричитъ: Кузька, пистолеть! — Кузька и несетъ ему заряженный пистолеть. Онъ хлопъ, и вдавить муху въ стѣну!“ — „Это удивительно!“ сказалъ графъ; „а какъ его звали?“ — „Сильвіо, ваше сіятельство“. — „Сильвіо!“ вскричалъ графъ, вскочивъ съ своего мѣста: „вы знали Сильвіо?“ — „Какъ не знать, ваше сіятельство, мы были съ нимъ пріятели; онъ въ нашемъ полку принять былъ какъ свой братъ-това-

рищъ; да вотъ уже лѣтъ пять, какъ объ немъ не имѣю никакого извѣстія. Такъ и ваше сіятельство, стало быть, знали его?" — „Зналь, очень зналь. Не рассказывалъ ли онъ вамъ одного очень страннаго происшествія?" — „Не пощечина ли, ваше сіятельство, полученная имъ на балѣ отъ какого-то повѣсы?" — „А сказывалъ онъ вамъ имя этого повѣсы?" — „Нѣтъ, ваше сіятельство, не сказывалъ... Ахъ, ваше сіятельство!" продолжалъ я, догадываясь объ истинѣ: „извините... я не зналъ... ужь не вы ли?.." — „Я самъ", отвѣчалъ графъ, съ видомъ чрезвычайно разстроеннымъ; „а прострѣленная картина есть памятникъ послѣдней нашей встрѣчи". — „Ахъ, милый мой", сказала графиня: „ради Бога, не рассказывай; мнѣ страшно будетъ слушать". — „Нѣтъ", возразилъ графъ: „я все расскажу; онъ знаетъ, какъ я обидѣлъ его друга; пусть же узнаетъ, какъ Сильвію мнѣ отомстил". Графъ подвинулъ мнѣ кресла, и я съ живѣйшимъ любопытствомъ услышалъ слѣдующій рассказъ:

„Пять лѣтъ тому назадъ я женился. Первый мѣсяцъ, the honeymoon, провелъ я здѣсь, въ этой деревнѣ. Этому дому обязанъ я лучшими минутами жизни и однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній.

„Однажды вечеромъ ѣздили мы вмѣстѣ верхомъ; лошадь у жены что-то заупрямилась; она испугалась, отдала мнѣ поводья и пошла пѣшкомъ домой. Я поѣхалъ впередъ. На дворѣ увидѣлъ я дорожную телѣгу; мнѣ сказали, что у меня въ кабинетѣ сидитъ человекъ, не хотѣвшій объявить своего имени, но сказавшій просто, что ему до меня есть дѣло. Я вошелъ въ эту комнату и увидѣлъ въ темнотѣ человека, запыленнаго и обросшаго бородой; онъ стоялъ здѣсь, у камина. Я подошелъ къ нему, стара-

ясь припомнить его черты. „Ты не узналъ меня, графъ?“ сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. — „Сильвіо!“ закричалъ я, и, признаюсь, я почувствовалъ, какъ волоса стали вдругъ на мнѣ дыбомъ. — „Такъ точно“, продолжалъ онъ: „выстрѣль за мною, я пріѣхалъ разрядить мой пистолетъ; готовъ-ли ты?“ Пистолетъ у него торчалъ изъ бокового кармана. Я отмѣрилъ двѣнадцать шаговъ и сталъ тамъ, въ углу, прося его выстрѣлить скорѣе, пока жена не воротилась. Онъ медлилъ; онъ спросилъ огня. Подали свѣчи. Я заперъ двери, не велѣлъ никому входить, и снова просилъ его выстрѣлить. Онъ вынулъ пистолетъ и прицѣлился... Я считалъ секунды... я думалъ о ней... Ужасная прошла минута! Сильвіо опустилъ руку. „Жалѣю“, сказалъ онъ: „что пистолетъ заряженъ не черешневыми косточками... пуля тяжела. Мнѣ все кажется, что у насъ не дуэль, а убійство: я не привыкъ цѣлить въ безоружнаго. Начнемъ сызнова; кинемъ жеребій, кому стрѣлять первому“. Готова моя шла кругомъ... Кажется, я не соглашался... Наконецъ, мы зарядили еще пистолетъ; свернули два билета; онъ положилъ ихъ въ фуражку, нѣкогда мною прострѣленную; я вынулъ опять первый номеръ. „Ты, графъ, дьявольски счастливъ“, сказалъ онъ съ усмѣшкою, которой никогда не забуду. Не понимаю, что со мною было, и какимъ образомъ могъ онъ меня къ тому принудить... но я выстрѣлилъ и попалъ вотъ въ эту картину. (Графъ указалъ пальцемъ на прострѣленную картину; лицо его горѣло, какъ огонь; графиня была блѣднѣе своего платка; я не могъ воздержаться отъ восклицанія).

„Я выстрѣлилъ“, — продолжалъ графъ: — „и слава Богу, далъ промахъ; тогда Сильвіо... (въ эту

минуту онъ былъ, право, ужасенъ) Сильвіо сталъ въ меня прицѣливаться. Вдругъ двери отворились, Маша вбѣгаетъ и съ визгомъ кидается мнѣ на шею. Ея присутствіе возвратило мнѣ всю бодрость. „Милая“, — сказалъ я ей: „развѣ ты не видишь, что мы шутимъ? Какъ же ты перепугалась! Поди, выпей стаканъ воды и приходи къ намъ; я представлю тебѣ стариннаго друга и товарища.“ Машѣ все еще не вѣрилось. „Скажите, правду ли мужъ говорить?“ сказала она, обращаясь къ грозному Сильвіо: „правда ли, что вы оба шутите?“ — „Онъ всегда шутить, графиня“, — отвѣчалъ ей Сильвіо: — „однажды далъ онъ мнѣ, шутя, пощечину; шутя, прострѣлилъ мнѣ вотъ эту фуражку; шутя, далъ сейчасъ по мнѣ промахъ; теперь и мнѣ пришла охота пошутить...“ Съ этимъ словомъ онъ хотѣлъ въ меня прицѣлиться... при ней! Маша бросилась къ его ногамъ. „Встань, Маша, стыдно,“ — закричалъ я въ бѣшенствѣ: — „а вы, сударь, перестанете ли издѣваться надъ бѣдной женщиной? Будете ли вы стрѣлять, или нѣтъ?“ — „Не буду“, отвѣчалъ Сильвіо; — „я доволенъ: я видѣлъ твое смятеніе, твою робость: я заставилъ тебя выстрѣлить по мнѣ. Съ меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совѣсти.“ Тутъ онъ было вышелъ, но остановился въ дверяхъ, оглянувшись на прострѣленную мною картину, выстрѣлилъ въ нее, почти не цѣлясь, и скрылся. Жена лежала въ обморокѣ; люди не смѣли его остановить и съ ужасомъ на него глядѣли; онъ вышелъ на крыльцо, кликнулъ ямщика и уѣхалъ, прежде чѣмъ успѣлъ я опомниться.“

Графъ замолчалъ. Такимъ образомъ узналъ я конецъ повѣсти, коей начало нѣкогда такъ поразило меня. Съ героемъ оной уже я не встрѣчался. Ска-

зываютъ, что Сильвіо, во время возмущенія Александра Ипсиланти, предводительствовалъ отрядомъ этеристовъ и былъ убитъ въ сраженіи подъ Скулянами. ⁹

1830, 14 окт.



2.

М е т е л ь .

Кони мчатся по буграмъ,
Топчуть снѣгъ глубокой...
Вогъ въ сторонкѣ Божій храмъ
Виденъ одинокій.

.
Вдругъ метелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьетса надъ санями;
Вѣщій стоѣтъ гласитъ печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Воздымая гривы...

Жуковскій.

Въ концѣ 1811 года, въ эпоху намъ достопамятную, жилъ въ своемъ помѣстьѣ Ненарадовъ добрый Гаврила Гавриловичъ Р**. Онъ славился во всемъ округѣ гостепріимствомъ и радушіемъ; сосѣды поминутно ѣздили къ нему поѣсть, попить, поиграть по пяти копѣекъ въ бостонъ съ его женою, Прасковьей Петровною, а нѣкоторые для того, чтобъ поглядѣть на дочку ихъ, Марью Гавриловну, стройную, блѣдную и семнадцатилѣтнюю дѣвицу. Она считалась богатой невѣстою, и многіе прочили ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на французскихъ романахъ и, слѣдственно, была влюблена. Предметъ, избранный ею, былъ бѣдный армейскій прапорщикъ, находившійся въ отпуску въ своей де-

ревнѣ. Само по себѣ разумѣется, что молодой чело-
вѣкъ пылалъ равною страстію, и что родители его
любезной, замѣтя ихъ взаимную склонность, запре-
тили дочери о немъ и думать, а его принимали хуже,
нежели отставного засѣдателя.

Наши любовники были въ перепискѣ, и всякій
день видались наединѣ въ сосновой рошѣ или у
старой часовни. Тамъ они клялись другъ другу въ
вѣчной любви, сѣтовали на судьбу и дѣлали различ-
ныя предположенія. Переписываясь и разговаривая та-
кимъ образомъ, они (что весьма естественно) дошли до
слѣдующаго разсужденія: если мы другъ безъ друга
дышать не можемъ, а воля жестокихъ родителей
препятствуетъ нашему благополучію, то нельзя ли
намъ будетъ обойтись безъ нея? Разумѣется, что
эта счастливая мысль пришла сперва въ голову мо-
лодому челоѣку, и что она весьма понравилась ро-
маническому воображенію Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила ихъ свиданія, но
переписка сдѣлалась тѣмъ живѣе. Владиміръ Нико-
лаевичъ въ каждомъ письмѣ умолялъ ее предаться
ему, вѣнчаться тайно, скрыватьсѣ нѣсколько времени,
броситься потомъ къ ногамъ родителей, которые,
конечно, будутъ тронуты, наконецъ, героическимъ
постоянствомъ и несчастіемъ любовниковъ, и ска-
жутъ имъ непремѣнно: „Дѣти! придите въ наши
объятія.“

Марья Гавриловна долго колебалась; множество
плановъ побѣга было отвергнуто. Наконецъ она
согласилась: въ назначенный день она должна была
не ужинать, удалиться въ свою комнату подъ пред-
логомъ головной боли. Дѣвушка ея была въ заго-
ворѣ; обѣ онѣ должны были выйти въ садъ черезъ
аднее крыльцо, за садомъ найти готовые сани, са-

диться въ нихъ и ѣхать за пять верстъ отъ Ненарадова, въ село Жадрино, прямо въ церковь, гдѣ ужь Владиміръ долженъ былъ ихъ ожидать.

Наканунѣ рѣшительнаго дня Марья Гавриловна не спала всю ночь: она укладывалась, увязывала бѣлье и платье, написала длинное письмо къ одной чувствительной барышнѣ, ея подругѣ, другое къ своимъ родителямъ. Она прощалась съ ними въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, извиняла свой проступокъ неодолимою силою страсти и оканчивала тѣмъ, что блаженнѣйшею минутою жизни почитать она ту, когда позволено будетъ ей броситься къ ногамъ дражайшихъ ея родителей. Запечатавъ оба письма тульской печаткой, на которой изображены были два пылающія сердца съ приличной надписью, она бросилась на постель передъ самымъ разсвѣтомъ и задремала; но и тутъ ужасныя мечтанія поминутно ее пробуждали. То казалось ей, что въ самую минуту, какъ она садилась въ сани, чтобъ ѣхать вѣнчаться, отецъ ея останавливалъ ее, съ мучительной быстротой тащилъ ее по снѣгу и бросалъ въ темное, бездонное подземелье... и она летѣла стремглавъ съ неизъяснимымъ замираніемъ сердца; то видѣла она Владиміра, лежащаго на травѣ, блѣднаго, окровавленнаго. Онъ, умирая, молилъ ее пронзительнымъ голосомъ поспѣшить съ нимъ обвѣнчаться... другія безобразныя, бессмысленныя явленія неслись передъ нею одно за другимъ. Наконецъ она встала, блѣднѣе обыкновеннаго и съ непритворной головною болью. Отецъ и мать замѣтили ея безпокойство; ихъ нѣжная заботливость и безпрестанные вопросы: „что съ тобою, Маша? не больна ли ты, Маша?“ раздирали ея сердце. Она старалась ихъ успокоить, казаться веселою, и не могла. На-

ступилъ вечеръ. Мысль, что уже въ послѣдній разъ провожаетъ она день посреди своего семейства, стѣсняла ея сердце. Она была чуть жива; она втайнѣ прощалась со всѣми особами, со всѣми предметами, ее окружавшими. Подали ужинать; сердце ея сильно забилось. Дрожащимъ голосомъ объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться съ отцомъ и матерью. Они ее поцѣловали и, по обыкновенію, благословили; она чуть не заплакала. Пришедъ въ свою комнату, она кинулась въ кресла и залилась слезами. Дѣвушка уговаривала ее успокоиться и ободриться. Все было готово. Черезъ полчаса Маша должна была навсегда оставить родительскій домъ, свою комнату, тихую дѣвическую жизнь... На дворѣ была метель; вѣтеръ вылъ, ставни тряслися и стучали; все казалось ей угрозой и печальнымъ предзнаменованіемъ. Скоро въ домѣ все утихло и заснуло. Маша укуталась шалью, надѣла теплый капоть, взяла въ руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Онѣ сошли въ садъ. Метель не утихала; вѣтеръ дулъ на встрѣчу, какъ будто сисясь остановить молодую преступницу. Онѣ насилу дошли до конца сада. На дорогѣ сани дожидались ихъ. Лошади, прозябнувъ, не стояли на мѣстѣ; кучеръ Владиміра расхаживалъ передъ оглоблями, удерживая ретивыхъ. Онѣ помогъ барышнѣ и ея дѣвушкѣ усѣсться и уложить узлы и шкатулку, взялъ возжи, и лошади полетѣли. — Поручивъ барышню попеченію судьбы и искусству Терешки-кучера, обратимся къ молодому нашему любовнику.

Цѣлый день Владиміръ былъ въ разъѣздѣ. Утромъ былъ онъ у жадринскаго священника; насилу съ нимъ уговорился; потомъ поѣхалъ искать свидѣте-

лей между сосѣдными помѣщиками. Первый, къ кому явился онъ, отставной сорокалѣтній корнетъ Дравинъ, согласился съ охотою. Это приключеніе, увѣрялъ онъ, напоминало ему прежнее время и гусарскія проказы. Онъ уговорилъ Владиміра остаться у него отобѣдать и увѣрялъ его, что за другими двумя свидѣтелями дѣло не станетъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ послѣ обѣда явились землемѣръ Шмитъ, въ усахъ и шпорахъ, и сынъ капитанъ-исправника, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, недавно поступившій въ уланы. Они не только приняли предложеніе Владиміра, но даже клялись ему въ готовности жертвовать для него жизнію. Владиміръ обнялъ ихъ съ восторгомъ и поѣхалъ домой приготовляться.

Уже давно смеркалось. Онъ отправилъ своего надежнаго Терешку въ Ненародово съ своею тройкою и съ подробнымъ, обстоятельнымъ наказомъ; а для себя велѣлъ заложить маленькія сани въ одну лошадь, и одинъ безъ кучера отправился въ Жадрино, куда часа черезъ два должна была пріѣхать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а ѣзды всего двадцать минутъ.

Но едва Владиміръ выѣхалъ за околицу въ поле, какъ поднялся вѣтеръ, и слѣлалась такая метель, что онъ ничего не взвидѣлъ. Въ одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мглѣ мутной и желтоватой, сквозь которую летѣли бѣлые хлопья снѣгу; небо слилось съ землею; Владиміръ очутился въ полѣ и напрасно хотѣлъ снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то взѣжжала на сугробъ, то проваливалась въ яму; сани поминутно опрокидывались. Владиміръ старался только не потерять настоящаго направленія. Но ему казалось, что уже прошло болѣе получаса,

а онъ не доѣзжалъ еще до жадринской роши. Прошло еще около десяти минутъ — роши все было не видать. Владиміръ ѣхалъ полемъ, пересѣченнымъ глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а съ него потъ катился градомъ, не смотря на то, что онъ поминутно былъ по-поясъ въ снѣгу.

Наконецъ онъ увидѣлъ, что ѣдетъ не въ ту сторону. Владиміръ остановился, началъ припоминать, соображать и увѣрился, что должно было взять ему вправо. Онъ поѣхалъ вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже болѣе часа былъ онъ въ дорогѣ. Жадрино должно было быть недалеко. Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а полю не было конца. Все сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно онъ ихъ поднималъ. Время шло; Владиміръ начиналъ сильно беспокоиться.

Наконецъ въ сторонѣ что-то стало чернѣть. Владиміръ поворотилъ туда. Приближаясь, увидѣлъ онъ рощу. Славу Богу, подумалъ онъ, теперь близко. Онъ поѣхалъ около роши, надѣясь тотчасъ поцастъ на знакомую дорогу или объѣхать рощу кругомъ; Жадрино находилось тотчасъ за нею. Скоро нашелъ онъ дорогу и въѣхалъ во мракъ деревьевъ, обнаженныхъ зимою. Вѣтеръ не могъ тутъ свирѣпствовать: дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владиміръ успокоился.

Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а Жадрина было не видать; рощѣ не было конца. Владиміръ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ заѣхалъ въ незнакомый лѣсъ. Отчаяніе овладѣло имъ. Онъ ударилъ по лошади, бѣдное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и черезъ четверть часа пошло шагомъ, не смотря на всѣ усилія несчастнаго Владиміра.

Мало по малу деревья начали рѣдѣть, и Владиміръ выѣхалъ изъ лѣсу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули изъ глазъ его; онъ поѣхалъ наудачу. Погода утихла, тучи расходились; передъ нимъ лежала равнина, устланная бѣлымъ волнистымъ ковромъ. Ночь была довольно ясна. Онъ увидѣлъ невдалекѣ деревушку, состоящую изъ четырехъ или пяти дворовъ. Владиміръ поѣхалъ къ ней. У первой избушки онъ выпрыгнулъ изъ саней, подбѣжалъ къ окну и сталъ стучаться. Черезъ нѣсколько минутъ деревянный ставень поднялся, и старикъ высунулъ свою сѣдую бороду. „Что те надо?“ — „Далеко ли Жадрино?“ — „Жадрино - то далеко ли?“ — „Да, да! далеко ли?“ — „Недалече: версть десятокъ будетъ“. При семь отвѣтѣ Владиміръ схватилъ себя за волосы и остался недвижимъ, какъ человѣкъ, приговоренный къ смерти.

„А отколѣ ты?“ продолжалъ старикъ. Владиміръ не имѣлъ духа отвѣчать на вопросы. „Можешь ли ты, старикъ“, сказалъ онъ, „достать мнѣ лошадей до Жадрина?“ — „Каки у насъ лошади?“ отвѣчалъ мужикъ. — „Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будетъ угодно“. — „Постой“, сказалъ старикъ, опуская ставень: „я те сына вышлю; онъ те проводитъ“. Владиміръ сталъ дожидаться. Не прошло полминуты, онъ опять началъ стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. „Что те надо?“ — „Что жь твой сынъ?“ — „Сейчасъ выйдетъ, обувается. Али ты прозябъ? взойди погрѣться“. — „Благодарю; высылай скорѣ сына“.

Ворота заскрипѣли; парень вышелъ съ дубиною и пошелъ впередъ, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную снѣговыми сугробами. „Который

часъ?“ спросилъ его Владиміръ. — „Да ужь скоро разсвѣнетъ“, отвѣчалъ молодой мужикъ. Владиміръ не говорилъ уже ни слова.

Пѣли пѣтухи, и было уже свѣтло, какъ достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владиміръ заплатилъ проводнику и поѣхалъ на дворъ къ священнику. На дворѣ тройки его не было. Какое извѣстіе ожидало его!

Но возвратимся къ добрымъ ненародовскимъ помѣщикамъ и посмотримъ, что - то у нихъ дѣлается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли въ гостиную, Гаврила Гавриловичъ въ колпакъ и байковой курткѣ. Прасковья Петровна въ шлафрокъ на ватѣ. Подали самоваръ, и Гаврила Гавриловичъ послалъ дѣвчонку узнать отъ Марьи Гавриловны, каково ея здоровье и какъ она почивала. Дѣвчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала - де дурно, но что ей - де теперь легче, и что она - де сейчасъ придетъ въ гостиную. Въ самомъ дѣлѣ, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться съ папенькой и маменькой.

„Что твоя голова, Маша?“ — спросилъ Гаврила Гавриловичъ. — „Лучше, папенька“, — отвѣчала Маша. — „Ты вѣрно, Маша, вчера съ угорѣла“, — сказала Прасковья Петровна. — „Можетъ быть, маменька“, — отвѣчала Маша.

День прошелъ благополучно; но въ ночь Маша занемогла. Послали въ городъ за лѣкаремъ. Онъ пріѣхалъ къ вечеру и нашелъ больную въ бреду. Открылась сильная горячка, и бѣдная больная двѣ недѣли находилась у края гроба.

Никто въ домѣ не зналъ о предположенномъ

побѣгѣ. Письма, наканунѣ ея написанныя, были сожжены; ея горничная никому ни о чемъ не говорила, опасаясь гнѣва господь. Священникъ, отставной корнетъ, усастый землемѣръ и маленькій уланъ были скромны, и не даромъ. Терешка кучеръ никогда ничего лишняго не высказывалъ, даже и въ хмѣлю. Такимъ образомъ, тайна была сохранена болѣе чѣмъ полудюжиною заговорщиковъ. Но Марья Гавриловна сама, въ безпрестанномъ бреду, высказывала свою тайну. Однако жъ, ея слова были столь несообразны ни съ чѣмъ, что мать, не отходившая отъ ея постели, могла понять изъ нихъ только то, что дочь ея была смертельно влюблена во Владиміра Николаевича и что, вѣроятно, любовь была причиною ея болѣзни. Она совѣтовалась со своимъ мужемъ, съ нѣкоторыми сосѣдами и, наконецъ, единогласно всѣ рѣшили, что, видно, такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженаго конемъ не объѣдешь, что бѣдность не порокъ, что жить не съ богатствомъ, а съ человѣкомъ, и тому подобное. Нравственныя поговорки бываютъ удивительно полезны въ тѣхъ случаяхъ, когда мы отъ себя мало что можемъ выдумать себѣ въ оправданіе.

Между тѣмъ, барышня стала выздоравливать. Владиміра давно не видно было въ домѣ Гаврилы Гавриловича. Онъ былъ напуганъ обыкновеннымъ приѣмомъ. Положили послать за нимъ и объявить ему неожиданное счастье: согласіе на бракъ. Но каково было изумленіе ненарадовскихъ помѣщиковъ, когда въ отвѣтъ на ихъ приглашеніе получили они отъ него полусумасшедшее письмо! Онъ объявлялъ имъ, что нога его не будетъ никогда въ ихъ домѣ, и просилъ забыть о несчастномъ, для котораго смерть остается единою надеждою. Черезъ нѣсколько дней

знали они, что Владиміръ уѣхалъ въ армію. Это было въ 1812 году.

Долго не смѣли объявить объ этомъ выздоравливающей Машѣ. Она никогда не упоминала о Владиміръ. Нѣсколько мѣсяцевъ уже спустя, нашедъ имя его въ числѣ отличившихся и тяжело раненыхъ подъ Бородинымъ, она упала въ обморокъ, и боялись, чтобъ горячка ея не возвратилась. Однако, слава Богу, обморокъ не имѣлъ послѣдствія.

Другая печаль ее посѣтила: Гаврила Гавриловичъ скончался, оставя ее наслѣдницей всего имѣнія. Но наслѣдство не утѣшало ея; она раздѣляла искренно горестъ Прасковьи Петровны, клялась никогда съ нею не разставаться, обѣ онѣ оставили Ненарадово, мѣсто печальныхъ воспоминаній, и поѣхали жить въ ^в**ское помѣстье.

Женихи кружились и тутъ около милой и богатой невѣсты; но она никому не подавала и малѣйшей надежды. Мать иногда уговаривала ее выбрать себѣ друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владиміръ уже не существовалъ; онъ умеръ въ Москвѣ, наканунѣ вступленія французовъ. Память его казалась священной для Маши; по крайней мѣрѣ, она берегла все, что могло его напомнить: книги, имъ нѣкогда прочитанныя, его рисунки, ноты и стихи, имъ переписанные для нея. Сосѣди, узнавъ обо всемъ, дивились ея постоянству и съ любопытствомъ ожидали героя, долженствовавшего, наконецъ, восторжествовать надъ печальной вѣрностію этой дѣвственной Артемизы.

Между тѣмъ, война со славою была кончена. Полки наши возвращались изъ-за границы. Народъ бѣжалъ имъ на встрѣчу. Музыка играла завоеванные пѣсни: *Vive Henri-Quatre* ⁹, тирольскіе вальсы и

аріи изъ Жоконда ¹⁰. Офицеры, ушедшіе въ походъ почти отроками, возвращались, возмужавъ на бранномъ воздухѣ, обвѣшанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмѣшивая поминутно въ рѣчь нѣмецкія и французскія слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Какъ сильно билось русское сердце при словѣ отечество! Какъ сладки были слезы свиданія! Съ какимъ единодушіемъ мы соединяли чувства народной гордости и любви къ государю! А для него — какая была минута!

Женщины, русскія женщины были тогда безподобны. Обыкновенная холодность ихъ исчезла. Восторгъ ихъ былъ истинно упоителенъ, когда, встрѣчая побѣдителей, кричали онѣ: ура!

И въ воздухъ чепчики бросали...

Кто изъ тогдашнихъ офицеровъ не сознается, что русской женщинѣ обязанъ онъ былъ лучшей, драгоцѣннѣйшей наградой!..

Въ это блистательное время Марья Гавриловна жила съ матерью въ *** губерніи и не видала, какъ обѣ столицы праздновали возвращеніе войскъ. Но въ уѣздахъ и въ деревняхъ общій восторгъ, можетъ быть, былъ еще сильнѣе. Появленіе въ сихъ мѣстахъ офицера было для него настоящимъ торжествомъ, и любовнику во фракѣ плохо было въ его сосѣдствѣ.

Мы уже сказали, что, не смотря на ея холодность, Марья Гавриловна все по-прежнему окружена была искателями. Но всѣ должны были отступить, когда явился въ ея замкѣ раненый гусарскій полковникъ Бурминъ, съ Георгіемъ въ петлицѣ и съ интересной блѣдностію, какъ говорили тамошнія барышни. Ему было около двадцати шести лѣтъ. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ въ свои помѣстья, нахо-

дившіяся по сосѣдству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При немъ обыкновенная задумчивость ея оживлялась. Нельзя было сказать, чтобъ она съ нимъ кокетничала; но поэтъ, замѣтя ея поведеніе, сказалъ бы:

Se amor non è' che dunche?..

Бурминъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, очень милый молодой человѣкъ. Онъ имѣлъ именно тотъ умъ, который нравится женщинамъ: умъ приличія и наблюденія, безо всякихъ притязаній, и безопасно насмѣшливый. Поведеніе его съ Марьей Гавриловной было просто и свободно; но, что бъ она ни сказала или ни сдѣлала, душа и взоры его такъ за нею и слѣдовали. Онъ казался нрава тихаго и скромнаго, но молва увѣряла, что нѣкогда былъ онъ ужаснымъ повѣсою, и это не вредило ему во мнѣніи Марьи Гавриловны, которая (какъ и всѣ молодыя дамы вообще) съ удовольствіемъ извиняла шалости, обнаруживающія смѣлость и пылкость характера.

Но болѣе всего... (болѣе его нѣжности, болѣе пріятнаго разговора, болѣе интересной блѣдности, болѣе перевязанной руки) молчаніе молодого гусара болѣе всего подстрекало ея любопытство и воображеніе. Она не могла не сознаться въ томъ, что она очень ему нравилась; вѣроятно, и онъ, съ своимъ умомъ и опытностью, могъ уже замѣтить, что она отличала его; какимъ же образомъ до сихъ поръ не видала она его у своихъ ногъ и еще не слышала его признанія? Что удерживало его? Робость, неразлучная съ истинною любовью, гордость или кокетство хитраго волокиты? Это было для нея загадкою. Подумавъ хорошенько, она рѣшила, что робость была единственно тому причиною, и поло-

жила ободрить его большею внимательностію и, смотря по обстоятельствамъ, даже нѣжностію. Она приуготовляла развязку самую неожиданную, и съ нетерпѣніемъ ожидала минуты романическаго объясненія. Тайна, какого роду ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Ея военныя дѣйствія имѣли желаемый успѣхъ: по крайней мѣрѣ, Бурминъ впалъ въ такую задумчивость, и черные глаза его съ такимъ огнемъ останавливались на Марьѣ Гавриловнѣ, что рѣшительная минута казалась уже близка. Сосѣди говорили о свадьбѣ, какъ о дѣлѣ уже конченномъ, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь ея, наконецъ, нашла себѣ достойнаго жениха.

Старушка сидѣла однажды одна въ гостиной, раскладывая грань-пасьянсъ, какъ Бурминъ вошелъ въ комнату и тотчасъ освѣдомился о Марьѣ Гавриловнѣ. „Она въ саду“, — отвѣчала старушка: „подите къ ней, а я васъ буду здѣсь ожидать“. Бурминъ пошелъ, а старушка перекрестилась и подумала: „авось дѣло сегодня же кончится!“

Бурминъ нашелъ Марью Гавриловну у пруда, подъ ивою, съ книгою въ рукахъ, и въ бѣломъ платьѣ, настоящей героинею романа. Послѣ первыхъ вопросовъ, Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговоръ, усиливая такимъ образомъ взаимное замѣшательство, отъ котораго можно было избавиться развѣ только внезапнымъ и рѣшительнымъ объясненіемъ. Такъ и случилось: Бурминъ, чувствуя затруднительность своего положенія, объявилъ, что искалъ давно случая открыть ей свое сердце, и потребовалъ минуты вниманія. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза въ знакъ согласія.

„Я васъ люблю“, — сказалъ Бурминъ: — „я васъ люблю страстно...“ (Марья Гавриловна покраснѣла и наклонила голову еще ниже). „Я поступилъ неосторожно, предаваясь милой привычкѣ, привычкѣ видѣть и слышать васъ ежедневно...“ (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux).¹¹ „Теперь уже поздно противиться судьбѣ моей; воспоминаніе объ васъ, вашъ милый, несравненный образъ отнынѣ будетъ мученіемъ и отрадою жизни моей; но мнѣ еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вамъ ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...“ — „Она всегда существовала“, прервала съ живостію Марья Гавриловна: „я никогда не могла быть вашею женою...“ — „Знаю“, отвѣчалъ онъ ей тихо, — „знаю, что нѣкогда вы любили; но смерть и три года сѣтованій... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня послѣдняго утѣшенія: мысль, что вы бы согласились сдѣлать мое счастье, если бы... молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнѣйшее созданіе... я женатъ!“

Марья Гавриловна взглянула на него съ удивленіемъ.

„Я женатъ“, продолжалъ Бурминъ: „я женатъ уже четвертый годъ, и не знаю — кто моя жена, и гдѣ она, и долженъ ли свидѣться съ нею когда-нибудь!“

„Что вы говорите?“ воскликнула Марья Гавриловна. „Какъ это странно! Продолжайте; я расскажу послѣ... но продолжайте, сдѣлайте милость.“

„Въ началѣ 1812 года“, сказалъ Бурминъ, „я спѣшилъ въ Вильну, гдѣ находился нашъ полкъ.“

Приѣхавъ однажды на станцію поздно вечеромъ, я велѣлъ было поскорѣе закладывать лошадей, какъ вдругъ поднялась ужасная метель, и смотритель, и ямщики совѣтовали мнѣ переждать. Я ихъ послушался, но непонятное безпокойство овладѣло мною; казалось, кто-то меня такъ и толкалъ. Между тѣмъ метель не унималась; я не вытерпѣлъ, приказалъ опять закладывать и поѣхалъ въ самую бурю. Ямщику вздумалось ѣхать рѣкою, что должно было сократить намъ путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщикъ проѣхалъ мимо того мѣста, гдѣ выѣзжали на дорогу, и такимъ образомъ очутились мы въ незнакомой сторонѣ. Буря не утихала; я увидѣлъ огонекъ и велѣлъ ѣхать туда. Мы приѣхали въ деревню; въ деревянной церкви былъ огонь. Церковь была отворена; за оградой стояло нѣсколько саней; по паперти ходили люди. „Сюда! сюда!“ закричало нѣсколько голосовъ. Я велѣлъ ямщику подѣхать. „Помилуй, гдѣ ты замѣшкался?“ сказалъ мнѣ кто-то: „невѣста въ обморокѣ; попъ не знаетъ, что дѣлать; мы готовы были ѣхать назадъ. Выходи же скорѣе“. Я молча выпрыгнулъ изъ саней и вошелъ въ церковь, слабо освѣщенную двумя или тремя свѣчами. Дѣвушка сидѣла на лавочкѣ въ темномъ углу церкви; другая терла ей виски. „Слава Богу“, сказала эта: „насилу вы приѣхали. Чуть было вы барышню не уморили“. Старый священникъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: „Прикажете начинать?“ — „Начинайте, начинайте, батюшка“, отвѣчалъ я разсѣянно. Дѣвушку подняли. Она показалась мнѣ не дурна... Непонятная, непростительная вѣтренность... я сталъ подлѣ нея передъ налоемъ; священникъ торопился; трое мужчинъ и горничная поддерживали невѣсту и заняты были только ею.

Насъ обвѣнчали. „Поцѣлуйтесь“, сказали намъ. Жена моя обратила ко мнѣ блѣдное свое лицо. Я хотѣлъ было ее поцѣловать... Она вскрикнула: „Ай, не онъ! не онъ!“ и упала безъ памяти. Свидѣтели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышелъ изъ церкви безо всякаго препятствія, бросился въ кибитку и закричалъ: „пошелъ!“

„Боже мой!“ закричала Марья Гавриловна; „и вы не знаете, что сдѣлалось съ бѣдною вашею женою?“

„Не знаю“, отвѣчалъ Бурминъ: „не знаю, какъ зовутъ деревню, гдѣ я вѣнчался; не помню, съ которой станціи поѣхалъ. Въ то время я такъ мало полагалъ важности въ преступной моей проказѣ, что, отъѣхавъ отъ церкви, заснулъ и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станціи. Слуга, бывшій тогда со мною, умеръ въ походѣ, такъ что я не имѣю и надежды отыскать ту, надъ которой подшутилъ я такъ жестоко, и которая теперь такъ жестоко отомщена“.

„Боже мой, Боже мой!“ сказала Марья Гавриловна, схвативъ его руку: „такъ это были вы! И вы не узнаете меня?“

Бурминъ поблѣднѣлъ... и бросился къ ея ногамъ...

1830, 20 окт.



Гробовщикъ.

Не зримъ ли каждый день гробовъ,
Съединъ дрялѣющей вселенной?
Державинъ.

Послѣдніе пожитки гробовщика Адріана Прохорова были взвалены на похоронныя дроги, и тощая пара въ четвертый разъ потащила съ Басманной на Никитскую, куда гробовщикъ переселялся всѣмъ своимъ домою.¹² Заперевъ лавку, прибилъ онъ къ воротамъ объявленіе о томъ, что домъ продается и отдается въ наймы, и пѣшкомъ отправился на новоселье. Приближаясь къ желтому домику, такъ давно соблазнявшему его воображеніе и, наконецъ, купленному имъ за порядочную сумму, старый гробовщикъ чувствовалъ съ удивленіемъ, что сердце его не радовалось. Переступивъ за незнакомый порогъ и нашедъ въ новомъ своемъ жилищѣ суматоху, онъ вздохнулъ о ветхой лачужкѣ, гдѣ въ теченіе осьмнадцати лѣтъ все было заведено самымъ строгимъ порядкомъ; сталъ бранить обѣихъ своихъ дочерей и работницу за ихъ медленность и самъ принялся имъ помогать. Вскорѣ порядокъ установился; кивотъ съ образами, шкафъ съ посудою, столъ, диванъ и кровать заняли имъ опредѣленные углы въ задней комнатѣ; въ кухнѣ и гостиной помѣстились издѣлія хо-

зяина: гробы всѣхъ цвѣтовъ и всякаго размѣра, также шкапы съ траурными шляпами, мантиями и факелами. Надъ воротами возвысилась вывѣска, изображающая дороднаго Амура съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ, съ подписью: „Здѣсь продаются и обиваются гробы простые и крашеные, также отдаются на прокатъ и починяются старыя“. Дѣвушки ушли въ свою свѣтлицу; Адрианъ обошелъ свое жилище, сѣлъ у окошка и приказалъ готовить самоваръ.

Просвѣщенный читатель вѣдаетъ, что Шекспиръ и Вальтеръ Скоттъ оба представили своихъ гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностію сильнѣе поразить наше воображеніе. Изъ уваженія къ истинѣ, мы не можемъ слѣдовать ихъ примѣру и принуждены признаться, что нравъ нашего гробовщика совершенно соотвѣтствовалъ мрачному его ремеслу. Адрианъ Прохоровъ обыкновенно былъ угрюмъ и задумчивъ. Онъ разрѣшалъ молчаніе развѣ только для того, чтобъ журить своихъ дочерей, когда заставлялъ ихъ безъ дѣла глазѣющихъ въ окно на прохожихъ, или чтобъ запрашивать за свои произведенія преувеличенную цѣну у тѣхъ, которые имѣли несчастіе (а иногда и удовольствіе) въ нихъ нуждаться. Итакъ, Адрианъ, сидя подъ окномъ и выпивая седьмую чашку чаю, по своему обыкновенію, былъ погруженъ въ печальныя размышленія. Онъ думалъ о проливномъ дождѣ, который, за недѣлю тому назадъ, встрѣтилъ у самой заставы похороны отставнаго бригадира. Многія мантии отъ того сузились, многія шляпы покоробились. Онъ предвидѣлъ неминуемые расходы, ибо давній запасъ гробовыхъ нарядовъ приходилъ у него въ жалкое состояніе. Онъ надѣялся вымѣстить убы-

токъ на старой купчихѣ Трюхиной, которая уже около года находилась при смерти. Но Трюхина умирала на Разгуляѣ, ¹³ и Прохоровъ боялся, чтобъ ея наслѣдники, не смотря на свое обѣщаніе, не полѣнились послать за нимъ въ такую даль и не сторговались бы съ ближайшимъ подрядчикомъ.

Сии размышленія были прерваны нечаянно тремя франмасонскими ударами въ дверь. „Кто тамъ?“ спросилъ гробовщикъ. Дверь отворилась, и чело-вѣкъ, въ которомъ съ перваго взгляда можно было узнать нѣмца - ремесленника, вошелъ въ комнату и съ веселымъ видомъ приблизился къ гробовщику. „Извините, любезный сосѣдъ“, сказалъ онъ тѣмъ русскимъ нарѣчіемъ, которое мы безъ смѣха донинѣ слышать не можемъ: „извините, что я вамъ помѣшалъ... я желалъ поскорѣе съ вами познакомиться. Я сапожникъ, имя мое Готлибъ Шульцъ, и живу отъ васъ черезъ улицу, въ этомъ домикѣ, что противъ вашихъ окошекъ. Завтра праздную мою серебряную свадьбу, и прошу васъ и вашихъ дочекъ отобѣдать у меня по-пріятельски“. Предложеніе было благосклонно принято. Гробовщикъ просилъ сапожника садиться и выкупать чашку чаю, и благодаря открытому нраву Готлиба Шульца, вскорѣ они разговорились дружелюбно. „Каково торгуетъ ваша милость?“ спросилъ Адрианъ. — „Э-хе-хе“, отвѣчалъ Шульцъ: „и такъ и сякъ. Пожаловаться не могу. Хоть, конечно, мой товаръ не то, что вашъ: живой безъ сапогъ обойдется, а мертвый безъ гроба не живетъ.“ — „Сушая правда“, замѣтилъ Адрианъ, „однакожь, если живому не на что купить сапогъ, то, не прогнѣвайся, ходитъ онъ и босой; а нищій мертвецъ и даромъ беретъ себѣ гробъ“. Такимъ образомъ бесѣда продолжалась у нихъ еще нѣсколько

времени; наконецъ сапожникъ всталъ и простился съ гробовщикомъ, возобновляя свое приглашеніе.

На другой день, ровно въ двѣнадцать часовъ, гробовщикъ и его дочери вышли изъ калитки новокупленного дома и отправились къ сосѣду. Не стану описывать ни русскаго кафтана Адріана Прохорова, ни европейскаго наряда Акулины и Дарьи, отступая въ семь случаѣ отъ обычая, принятаго нынѣшними романистами. Полагаю, однакожь, не излишнимъ замѣтить, что обѣ дѣвицы надѣли желтыя шляпки и красныя башмаки, что бывало у нихъ только въ торжественные случаи.

Тѣсная квартирка сапожника была наполнена гостями, бѣльшею частію нѣмцами-ремесленниками, съ ихъ женами и подмастерьями. Изъ русскихъ чиновниковъ былъ одинъ будочникъ, чухонецъ Юрко, умѣвшій пріобрѣсти, не смотря на свое смиренное званіе, особенную благосклонность хозяина. Лѣтъ двадцать пять служилъ онъ въ семь званіи вѣрой и правдою, какъ почталіонъ Погорѣльскаго.¹⁴ Пожаръ двѣнадцатаго года, уничтоживъ первопрестольную столицу, истребилъ и его желтую будку. Но тотчасъ по изгнаніи врага на ея мѣстѣ явилась новая, сѣренькая съ бѣлыми колонками дорическаго ордена, и Юрко сталъ опять расхаживать около нея съ сѣкирой и въ бронѣ сермяжной.¹⁵ Онъ былъ знакомъ бѣльшей части нѣмцевъ, живущихъ около Никитскихъ воротъ: инымъ изъ нихъ случалось даже ночевать у Юрки съ воскресенья на понедѣльникъ. Адріанъ тотчасъ познакомился съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, въ которомъ рано или поздно можетъ случиться имѣть нужду, и какъ гости пошли за столъ, то они сѣли вмѣстѣ. Господинъ и госпожа Шулицъ и дочка ихъ, семнадцати-лѣтняя Лотхень, обѣдая

съ гостями всѣ вмѣстѣ, угощали и помогали кухаркѣ служить. Пиво лилось. Юрко ѣлъ за четверыхъ, Адрианъ ему не уступалъ; дочери его чинились; разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ часть отъ часу дѣлался шумнѣе. Вдругъ хозяинъ потребовалъ вниманія и, откупоривая засмоленную бутылку, громко произнесъ по-русски: „За здоровье моей доброй Луизы!“ Полушампанское запѣнилось, хозяинъ нѣжно поцѣловалъ свѣжее лицо сорокалѣтней своей подруги, и гости шумно выпили за здоровье доброй Луизы. „За здоровье любезныхъ гостей моихъ!“ провозгласилъ хозяинъ, откупоривая вторую бутылку, — и гости благодарили его, осушая вновь свои рюмки. Тутъ начали здоровья слѣдовать одно за другимъ; пили здоровье каждаго гостя особливо, пили здоровье Москвы и цѣлой дюжины германскихъ городковъ, пили здоровье всѣхъ цеховъ вообще и каждаго въ особенности, пили здоровье мастеровъ и подмастерьевъ. Адрианъ пилъ съ усердіемъ и дотога развеселился, что самъ предложилъ какой-то шуточный тостъ. Вдругъ одинъ изъ гостей, толстый булочникъ, поднялъ рюмку и воскликнулъ: „За здоровье тѣхъ, на которыхъ мы работаемъ, unseer Kundleute!“ Предложеніе, какъ и всѣ, было принято радостно и единодушно. Гости начали другъ другу кланяться, портной сапожнику, сапожникъ портному, булочникъ имъ обоимъ, всѣ булочнику, и такъ далѣе. Юрко, среди сихъ взаимныхъ поклоновъ, закричалъ, обращаясь къ своему сосѣду: „Что же? пей, батюшка, за здоровье своихъ мертвецовъ!“ Всѣ захохотали, но гробовщикъ почелъ себя обиженнымъ и нахмурился. Никто того не замѣтилъ, гости продолжали пить, и уже благовѣстили къ вечернѣ, когда встали изъ-за стола.

Гости разошлись поздно, и по большей части на - веселѣ. Толстый булочникъ и переплетчикъ, ко- его лицо казалось въ красненькомъ сафьянномъ пе- реплетѣ, подъ - руки отвели Юрку въ его будку, на- блюдая въ семь случаѣ русскую пословицу: долгъ пла- тежемъ красёнъ. Гробовщикъ пришелъ домой пьянъ и сердить. „Что жь это, въ самомъ дѣлѣ, рассу- ждалъ онъ вслухъ: чѣмъ ремесло мое не честнѣе про- чихъ? развѣ гробовщикъ братъ палачу? Чему смѣ- ются басурмане? развѣ гробовщикъ гаерь святочный? Хотѣлось было мнѣ позвать ихъ на новоселье, задать имъ пиръ горой; инъ не бывать же тому! А созову я тѣхъ, на которыхъ работаю: мертвецовъ право- славныхъ“. — „Что ты, батюшка?“ сказала работ- ница, которая въ это время разувала его: „что ты это городишь? Перекрестись! Созывать мертвыхъ на новоселье! Экая страсть!“ — „Ей - Богу, созову“, продолжалъ Адрианъ: „и на завтрашній же день. Милости просимъ, мои благодѣтели, завтра вечеромъ у меня попить; угощу, чѣмъ Богъ послалъ“. Съ этимъ словомъ гробовщикъ отправился на кро- вать и вскорѣ захрапѣлъ.

На дворѣ было еще темно, какъ Адриана разбу- дили. Купчиха Трюхина скончалась въ эту самую ночь, и нарочный отъ ея прикащика прискакалъ къ Адриану верхомъ съ этимъ извѣстіемъ. Гробовщикъ далъ ему за то гривенникъ на водку, одѣлся наско- ро, взялъ извозчика и поѣхалъ на Разгуляй. У во- ротъ покойницы уже стояла полиція и расхаживали купцы, какъ вороны, почуя мертвое тѣло. Покойница лежала на столѣ, желтая, какъ воскъ, но еще не обез- ображенная тлѣніемъ. Около нея тѣснились род- ственники, сосѣды и домашніе. Всѣ окна были от- крыты; свѣчи горѣли; священники читали молитвы.

Адріанъ подошелъ къ племяннику Трюхиной, молодому купчику въ модномъ сюртукѣ, объявляя ему, что гробъ, свѣчи, покровъ и другія похоронныя принадлежности тотчасъ будутъ ему доставлены во всей исправности. Наслѣдникъ благодарилъ его разсѣянно, сказавъ, что о цѣнѣ онъ не торгуется, а во всемъ полагается на его совѣсть. Гробовщикъ, по обыкновенію своему, побожился, что лишняго не возьметъ, значительныя въ взглядомъ обмѣнялся съ прикащикомъ и поѣхалъ хлопотать. Цѣлый день развѣзжалъ съ Разгуляя къ Никитскимъ воротамъ и обратно; къ вечеру все сладилъ и пошелъ домой пѣшкомъ, отпустивъ своего извозчика. Ночь была лунная. Гробовщикъ благополучно дошелъ до Никитскихъ востокъ. У Вознесенія окликалъ его знакомецъ нашъ Юрко и, узнавъ гробовщика, пожелалъ ему доброй ночи. Было поздно. Гробовщикъ подходилъ уже къ своему дому, какъ вдругъ показалось ему, что кто-то подошелъ къ его воротамъ, отворилъ калитку и въ нее скрылся. „Что бы это значило? подумалъ Адріанъ. Кому до меня нужда? Ужъ не воръ ли ко мнѣ забрался? Не ходятъ ли любовники къ моимъ дурамъ? Чего добраго!“ И гробовщикъ думалъ уже кликнуть себѣ на помощь пріятеля своего Юрку. Въ эту минуту кто-то еще приблизился къ калиткѣ и собирався войти, но, увидя бѣгущаго хозяина, остановился и снялъ треугольную шляпу. Адріану лицо его показалось знакомо, но второпяхъ не успѣлъ онъ порядочно его разглядѣть. „Вы пожаловали ко мнѣ“, сказалъ запыхавшись Адріанъ: „войдите же, сдѣлайте милость“. — „Не церемонься, батюшка“, отвѣчалъ тотъ глухо: „ступай себѣ впередъ; указывай гостямъ дорогу!“ Адріану и некогда было церемониться. Калитка была отперта, онъ пошелъ на лѣстницу, и тотъ

за нимъ. Адріану показалось, что по комнатамъ его ходятъ люди. „Что за дьявольщина!“ подумалъ онъ и спѣшилъ войти... тутъ ноги его подкосились. Комната была полна мертвцами. Луна сквозь окна освѣщала ихъ желтыя и синія лица, ввалившіеся рты, мутные, полузакрытые глаза и высунувшіеся носы... Адріанъ съ ужасомъ узналъ въ нихъ людей, погребенныхъ его стараніями, и въ гостѣ, съ нимъ вмѣстѣ вошедшемъ, — бригадира, похороненнаго во время проливнаго дождя. Всѣ они, дамы и мужчины, окружили гробовщика съ поклонами и привѣтствіями, кромѣ одного бѣдняка, недавно даромъ похороненнаго, который, совѣстясь и стыдясь своего рубища, не приближался и стоялъ смиренно въ углу. Прочіе всѣ одѣты были благопристойно: покойницы въ чепцахъ и лентахъ, мертвецы чиновные въ мундирахъ, но съ бородами небритыми, купцы въ праздничныхъ кафтанахъ. „Видишь ли, Прохоровъ“, сказалъ бригадиръ отъ имени всей честной компаніи, „всѣ мы поднялись на твое приглашеніе; остались дома только тѣ, которымъ уже не въ мочь, которые совѣмъ развалились, да у кого остались однѣ кости безъ кожи; но и тутъ одинъ не утерпѣлъ — такъ хотѣлось ему побывать у тебя“... Въ эту минуту маленькій скелетъ продрался сквозь толпу и приблизился къ Адріану. Черепъ его ласково улыбался гробовщику. Клочки свѣтлозеленаго и краснаго сукна и ветхой холстины кой-гдѣ висѣли на немъ, какъ на шестѣ, а кости ногъ бились въ большихъ ботфортахъ, какъ пестики въ ступахъ. „Ты не узналъ меня, Прохоровъ“, сказалъ скелетъ. „Помнишь ли отставнаго сержанта гвардіи Петра Петровича Курилкина, того самаго, которому въ 1799 году ты продалъ первый свой гробъ — и еще сосновый за

дубовый?" Съ симъ словомъ мертвецъ простеръ ему ксстяныя объятія; но Адрианъ, собравшись съ силами, закричалъ и оттолкнулъ его. Петръ Петровичъ пошатнулся, упалъ и весь разсыпался. Между мертвецами поднялся ропотъ негодованія; всѣ вступились за честь своего товарища, пристали къ Адриану съ бранью и угрозами, и бѣдный хозяинъ, оглушенный ихъ крикомъ и почти задавленный, потерялъ присутствіе духа, самъ упалъ на кости отставного сержанта гвардіи и лишился чувствъ.

Солнце давно уже освѣщало постелю, на которой лежалъ гробовщикъ. Наконецъ открылъ онъ глаза и увидѣлъ предъ собою работницу, раздувающую самоваръ. Съ ужасомъ вспомнилъ Адрианъ всѣ вчерашнія происшествія. Трюхина, бригадиръ и сержантъ Курилкинъ смутно представились его воображенію. Онъ молча ожидалъ, чтобъ работница начала съ нимъ разговоръ и объявила о послѣдствіяхъ ночныхъ приключеній.

„Какъ ты заспался, батюшка, Адрианъ Прохоровичъ“, сказала Аксиныя, подавая ему халатъ. „Къ тебѣ заходилъ сосѣдъ портной, и здѣшній будочникъ забѣгалъ съ объявленіемъ, что сегодня „частный“ именинникъ, да ты изволилъ почивать, и мы не хотѣли тебя разбудить“.

— А приходили ко мнѣ отъ покойницы Трюхиной?

„Покойницы? Да развѣ она умерла?“

— Эка дура! Да не ты ли пособляла мнѣ вчера улаживать ея похороны?

„Что ты, батюшка, не съ ума ли спятилъ, аль хмель еще у тя не прошелъ? Какія были вчера похороны? Ты цѣлый день пировалъ у нѣмца, воро-

тился пьянъ, завалился въ постелю, да и спалъ до сего часа, какъ ужь къ обѣднѣ отблаговѣстили.

— Ой ли? сказалъ обрадованный гробовщикъ.

„Вѣстимо такъ“, отвѣчала работница.

— Ну, коли такъ, давай скорѣе чаю, да позови дочерей.

9 Октября. Болдино. 1830.

Станціонный смотритель.

Коллежскій регистраторъ,
Почтовой станціи диктаторъ.
Князь Вяземскій.

Кто не проклиналъ станціонныхъ смотрителей, кто съ ними не бранивался? Кто въ минуту гнѣва не требовалъ отъ нихъ роковой книги, дабы вписать въ оную свою бесполезную жалобу на притѣсненіе, грубость и неисправность? Кто не почитаетъ ихъ извергами человѣческаго рода, равными покойнымъ подъячимъ или, по крайней мѣрѣ, муромскимъ разбойникамъ? Будемъ, однако, справедливы, постараемся войти въ ихъ положеніе — и, можетъ быть, станемъ судить объ нихъ гораздо снисходительнѣе. Что такое станціонный смотритель? Сушій мученикъ четырнадцатаго класса, огражденный своимъ чиномъ токмо отъ побоевъ, и то не всегда (ссылаюсь на совѣсть моихъ читателей). Какова должность сего диктатора, какъ называетъ его шуточно князь Вяземскій? Не настоящая ли каторга? Покоя ни днемъ, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной ѣзды, путешественникъ вымѣщаетъ на смотрителѣ. Погода несносная, дорога скверная, ямщикъ упрямый, лошади не везутъ, — а виноватъ смотритель. Входя въ бѣдное его жилище, проѣзжающій смотреть на него,

какъ на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться отъ непрошеннаго гостя; но если не случится лошадей?... Боже! какія ругательства, какія угрозы посыплются на его голову! Въ дождь и слякоть принужденъ онъ бѣгать по дворамъ; въ бурю, въ крещенскій морозъ уходитъ онъ въ сѣни, чтобъ только на минуту отдохнугъ отъ крика и толчковъ раздраженнаго постояльца. Приѣзжаетъ генераль; дрожащій смотритель отдаетъ ему двѣ послѣднія тройки, въ томъ числѣ курьерскую. Генераль ѣдетъ, не сказавъ ему спасибо. Черезъ пять минутъ — колокольчикъ!.. и фельдъегеръ бросаетъ ему на столъ свою дорожную!.. Вникнемъ во все это хорошенько, и вмѣсто негодованія сердце наше исполнится искреннимъ состраданіемъ. Еще нѣсколько словъ: въ теченіе двадцати лѣтъ сряду извѣздилъ я Россію по всѣмъ направленіямъ; почти всѣ почтовые тракты мнѣ извѣстны; нѣсколько поколѣній ямщиковъ мнѣ знакомы; рѣдкаго зрителя не знаю я въ лицо, съ рѣдкимъ не имѣлъ я дѣла; любопытный запасъ путевыхъ моихъ наблюденій надѣюсь издать въ непродолжительномъ времени; покамѣстъ скажу только, что сословіе станціонныхъ зрителей представлено общему мнѣнію въ самомъ ложномъ видѣ. Сіи столь оклеветанные зрители вообще суть люди мирные, отъ природы услужливые, склонные къ общежитію, скромные въ притязаніяхъ на почести и не слишкомъ сребролюбивые. Изъ ихъ разговоровъ (коиими некстати пренебрегаютъ господа проѣзжающіе) можно почерпнуть много любопытнаго и поучительнаго. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю ихъ бесѣду рѣчамъ какого-нибудь чиновника 6-го класса, слѣдующаго по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня прія-

тели изъ почтеннаго сословія смотрителей. Въ самомъ дѣлѣ, память одного изъ нихъ мнѣ драгоцѣнна. Обстоятельства нѣкогда сблизили насъ, и объ немъ - то намъ ренъ я теперь побесѣдовать съ любезными читателями.

Въ 1816 году, въ маѣ мѣсяцѣ, случилось мнѣ проѣзжать черезъ ^{***}скую губернію, по тракту, нынѣ уничтоженному. Находился я въ мелкомъ чинѣ, ѣхалъ на перекладныхъ и платилъ прогоны за двѣ лошади. .Вслѣдствіе сего смотрители со мною не церемонились, и часто биралъ я съ бою то, что, во мнѣніи моемъ, слѣдовало мнѣ по праву. Будучи молодъ и вспыльчивъ, я негодовалъ на низость и малодушіе смотрителя, когда сей послѣдній отдавалъ приготовленную мнѣ тройку подъ коляску чиновнаго барина. Столь же долго не могъ я привыкнуть и къ тому, чтобъ разборчивый холопъ обносилъ меня блюдомъ на губернаторскомъ обѣдѣ. Нынѣ то и другое кажется мнѣ въ порядкѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ нами, если бы вмѣсто общеудобнаго правила: чинъ чина почитай, ввелось въ употребленіе другое, напримѣръ: умъ ума почитай? Какіе возникли бы споры! и слуги съ кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь къ моей повѣсти.

День былъ жаркій. Въ трехъ верстахъ отъ станціи ^{***} стало накрапывать, и черезъ минуту проливной дождь вымочилъ меня до послѣдней нитки. По приѣздѣ на станцію, первая забота была поскорѣе переодѣться, вторая—спросить себѣ чаю. „Эй, Дуня!“ закричалъ смотритель: „поставь самоваръ, да сходи за сливками“. При сихъ словахъ вышла изъ - за перегородки дѣвочка лѣтъ четырнадцати и побѣжала въ сѣни. Красота ея меня поразила. „Это твоя доч-

ка?“ спросилъ я зрителя. — „Дочка-съ“, отвѣчалъ онъ съ видомъ довольнаго самолюбія: „да такая разумная, такая проворная, вся въ покойницу мать“. Тутъ онъ принялся переписывать мою подорожную, а я занялся разсмотрѣніемъ картинокъ, украшавшихъ его смиренную, но опрятную обитель. Онѣ изображали исторію блуднаго сына: въ первой почтенный старикъ въ колпакѣ и шлафроктѣ отпускаетъ безпокойнаго юношу, который поспѣшно принимаетъ его благословіе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой яркими чертами изображено развратное поведеніе молодого человѣка: онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и безстыдными женщинами. Далѣе, промотавшійся юноша, въ рубищѣ и въ треугольной шляпѣ, пасетъ свиней и раздѣляетъ съ ними трапезу; въ его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе. Наконецъ представлено возвращеніе его къ отцу: добрый старикъ, въ томъ же колпакѣ и шлафроктѣ, выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу; блудный сынъ стоитъ на колѣняхъ; въ перспективѣ поварь убиваетъ упитаннаго тельца и старшій братъ вопрошаетъ слугъ о причинѣ таковой радости. Подъ каждой картинкой прочелъ я приличные нѣмецкіе стихи. Все это донинѣ сохранилось въ моей памяти, такъ же, какъ и горшки съ бальзаминои, и кровать съ пестрой занавѣскою, и прочіе предметы, меня тогда окружавшіе. Вижу, какъ теперь, самого хозяина, человѣка лѣтъ пятидесяти, свѣжаго и бодрого, и его длинный зеленый сюртукъ съ тремя медалями на полинялыхъ лентахъ.

Не успѣлъ я расплатиться со старымъ моимъ ящикомъ, какъ Дуня возвратилась съ самоваромъ. Маленькая кокетка со второго взгляда замѣтила впечатлѣніе, произведенное ею на меня; она потупила

большіе голубые глаза; я сталъ съ нею разговари-вать; она отвѣчала мнѣ безо всякой робости, какъ дѣвушка, видѣвшая свѣтъ. Я предложилъ отцу ея стаканъ пуншу; Дунѣ подаль я чашку чаю, и мы втроемъ начали бесѣдовать, какъ будто вѣкъ были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мнѣ все не хотѣлось разстаться съ смотрителемъ и его дочкой. Наконецъ я съ ними простился; отецъ пожелалъ мнѣ добраго пути, а дочь проводила до телѣги. Въ сѣняхъ я остановился и просилъ у ней позволенія ее поцѣловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцѣлуевъ

Съ тѣхъ поръ, какъ этимъ занимаюсь, но ни одинъ не оставилъ во мнѣ столь долгаго, столь пріятнаго воспоминанія. ¹⁶

Прошло нѣсколько лѣтъ, и обстоятельства привели меня на тотъ самый трактъ, въ тѣ самыя мѣста. Я вспомнилъ дочь стараго смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. „Но“, — подумалъ я, — „старый смотритель, можетъ быть, уже смѣненъ; вѣроятно, Дуня уже замужемъ“. Мысль о смерти того или другого также мелькнула въ умѣ моемъ, и я приближался къ станціи *** съ печальнымъ предчувствіемъ. Лошади стали у почтоваго домика. Вошедъ въ комнату, я тотчасъ узналъ картинки, изображающія исторію блуднаго сына; столь и кровать стояли на прежнихъ мѣстахъ, но на окнахъ уже не было цвѣтовъ, и все кругомъ показывало ветхость и небреженіе. Смотритель спалъ подъ тулупомъ; мой пріѣздъ разбудилъ его; онъ привсталъ... Это былъ, точно, Симеонъ Выринъ; но какъ онъ постарѣлъ! Покамѣстъ собирался онъ переписать мою подорожную, я смотрѣлъ на его сѣдину, на глубокія

морщины давно небритаго лица, на сгорбленную спину — и не могъ надивиться, какъ три или четыре года могли превратить бодрого мужчину въ хилаго старика. „Узналъ ли ты меня?“ спросилъ я его: „мы съ тобою старые знакомые.“ — „Можетъ статься“, отвѣчалъ онъ угрюмо: „здѣсь дорога большая; много проѣзжихъ у меня перебивало.“ — „Здорова ли твоя Дуня?“ продолжалъ я. Старикъ нахмурился. „А Богъ се знаетъ“, отвѣчалъ онъ. — „Такъ, видно, она замужемъ?“ сказалъ я. Старикъ притворился, будто бы не слыхалъ моего вопроса, и продолжалъ пошептомъ читать мою подорожную. Я прекратилъ свои вопросы и велѣлъ поставить чайникъ. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надѣялся, что пуншъ разрѣшитъ языкъ моего стараго знакомаго.

Я не ошибся: старикъ не отказался отъ предлагаемаго стакана. Я замѣтилъ, что ромъ прояснилъ его угрюмость. На второмъ стаканѣ сдѣлался онъ разговорчивъ; вспомнилъ, или показалъ видъ, будто бы вспомнилъ меня, и я узналъ отъ него повѣсть, которая въ то время сильно меня заняла и тронула.

„Такъ вы знали мою Дуню?“ началъ онъ. „Кто же и не знаетъ ея? Ахъ, Дуня, Дуня! Что за дѣвка-то была! Бывало, кто ни проѣдетъ, всякій похвалить, никто не осудить. Барыни дарили ее та платочкомъ, та сережками. Господа проѣзжіе нарочно останавливались, будто бы пообѣдать, аль отужинать, а въ самомъ дѣлѣ — только чтобъ на нее подолѣе поглядѣть. Бывало, баринъ, какой бы сердитый ни былъ, при ней утихаетъ и милостиво со мною разговариваетъ. Повѣрите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря съ нею по получасу заговаривались. Ею домъ держался; что прибрать, что приготовить, за всѣмъ

успѣвала. А я-то, старый дуракъ, не нагляжусь. бывало, не нарадуюсь; ужь я ли не любилъ моей Дуни, я ль не лелѣялъ моего дитяти; ужь ей ли не было житье? Да нѣтъ, отъ бѣды не отбожишься: что суждено, тому не миновать“. Тутъ онъ сталъ подробно рассказывать мнѣ свое горе. Три года тому назадъ, однажды въ зимній вечеръ, когда смотритель разлиневывалъ новую книгу, и дочь его за перегородкой шила себѣ платьѣ, тройка подѣхала, и проѣзжіи въ черкесской шапкѣ, въ военной шинели, окутанный шалью, вошелъ въ комнату, требуя лошадей. Лошади всѣ были въ разгонѣ. При семь извѣстїи, путешественникъ возвысилъ было голосъ и нагайку; но Дуня, привыкшая къ таковымъ сценамъ, выбѣжала изъ - за перегородки и ласково обратилась къ проѣзжему съ вопросомъ: „не угодно ли будетъ ему чего - нибудь покушать?“ Появленіе Дуни произвело обыкновенное свое дѣйствіе. Гнѣвъ проѣзжаго прошелъ; онъ согласился ждать лошадей и заказалъ себѣ ужинъ. Снявъ мокрую, косматую шапку, отпуставъ шаль и сдернувъ шинель, проѣзжіи явился молодымъ, стройнымъ гусаромъ съ черными усиками. Онъ расположился у смотрителя, началъ весело разговаривать съ нимъ и съ его дочерью. Подали ужинать. Между тѣмъ лошади пришли, и смотритель приказалъ, чтобъ тотчасъ, не кормя, запрягали ихъ въ кибитку проѣзжаго: но, возвратясь, нашелъ онъ молодого человѣка, почти безъ памяти лежащаго на лавкѣ: ему сдѣлалось дурно, голова разболѣлась, невозможно было ѣхать... Какъ быть? Смотритель уступилъ ему свою кровать, и положено было, если больному не будетъ легче, на другой день утромъ послать въ С*** за лѣкаремъ.

На другой день гусару стало хуже. Человѣкъ

его поѣхалъ верхомъ въ городъ за лѣкаремъ. Дуня обвязала ему голову платкомъ, намоченнымъ уксусомъ, и сѣла съ своимъ шитьемъ у его кровати. Больной при смотрителѣ охалъ и не говорилъ почти ни слова, однакожь выпилъ двѣ чашки кофе и, охая, заказалъ себѣ обѣдъ. Дуня отъ него не отходила. Онъ поминутно просилъ пить, и Дуня подносила ему кружку ея приготовленнаго лимонада. Больной обмакивалъ губы и всякій разъ, возвращая кружку, въ знакъ благодарности, слабою своею рукою пожималъ Дунюшкину руку. Къ обѣду пріѣхалъ лѣкаръ. Онъ пощупалъ пульсъ больного, поговорилъ съ нимъ понѣмецки, и по-русски объявилъ, что ему нужно одно спокойствіе, и что дня черезъ два ему можно будетъ отправиться въ дорогу. Гусаръ вручилъ ему 25 рублей за визитъ, пригласилъ его отобѣдать; лѣкаръ согласился; оба ѣли съ большимъ аппетитомъ, выпили бутылку вина и разстались очень довольны другъ другомъ.

Прошелъ еще день, и гусаръ совѣмъ оживился. Онъ былъ чрезвычайно веселъ, безъ умолку шутилъ то съ Дунею, то съ смотрителемъ; насвистывалъ пѣсни, разговаривалъ съ проѣзжими, вписывалъ ихъ подорожныя въ почтовую книгу, и такъ полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему разстаться съ любезнымъ своимъ постояльцемъ. День былъ воскресный: Дуня собиралась къ обѣднѣ. Гусару подали кибитку. Онъ простился съ смотрителемъ, щедро наградивъ его за постой и угощеніе, простился и съ Дунею и вызвался довозги ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла въ недоумѣніи... „Чего же ты боишься?“ сказалъ ей отецъ: „вѣдь его высокоблагородіе не волкъ, и тебя не съѣстъ; прокатись-ка до церкви“. Дуня

сѣла въ кибитку подлѣ гусара, слуга вскочилъ на облучокъ, ямщикъ свистнулъ, и лошади поскакали.

Бѣдный смотритель не понималъ, какимъ образомъ могъ онъ самъ позволить своей Дунѣ ѣхать вмѣстѣ съ гусаромъ, какъ нашло на него ослѣпленіе, и что тогда было съ его разумомъ. Не прошло и получаса, какъ сердце его начало нить, нить, и безпокойство овладѣло имъ до такой степени, что онъ не утерпѣлъ и пошелъ самъ къ обѣднѣ. Подходя къ церкви, увидѣлъ онъ, что народъ уже расходился, но Дуни не было ни въ оградѣ, ни на паперти. Онъ поспѣшно вошелъ въ церковь: священникъ выходилъ изъ алтаря; дьячекъ гасилъ свѣчи; двѣ старушки молились еще въ углу; но Дуни въ церкви не было. Бѣдный отецъ насилу рѣшился спросить у дьячка, была ли она у обѣдни. Дьячекъ отвѣчалъ, что не бывала. Смотритель пошелъ домой ни живъ, ни мертвъ. Одна оставалась ему надежда: Дуня, по вѣтренности молодыхъ лѣтъ, вздумала, можетъ быть, прокатиться до слѣдующей станціи, гдѣ жила ея крестная мать. Въ мучительномъ волненіи ожидалъ онъ возвращенія тройки, на которой онъ отпустилъ ее. Ямщикъ не возвращался. Наконецъ къ вечеру пріѣхалъ онъ одинъ и хмѣленъ, съ убійственнымъ извѣстіемъ: „Дуня съ той станціи отправилась далѣе съ гусаромъ“.

Старикъ не снесъ своего несчастія: онъ тутъ же слегъ въ ту самую постель, гдѣ наканунѣ лежалъ молодой обманщикъ. Теперь смотритель, соображая всѣ обстоятельства, догадывался, что болѣзнь была притворная. Бѣднякъ занемогъ сильной горячкою; его свезли въ С***, и на его мѣсто опредѣлили на время другого. Тотъ же лѣкарь, который пріѣзжалъ къ гусару, лѣчилъ и его. Онъ увѣрилъ смотрителя, что

молодой человекъ былъ совсѣмъ здоровъ, и что тогда еще догадывался онъ о его злобномъ намѣреніи, но молчалъ, опасаясь его нагайки. Правду ли говорилъ нѣмецъ, или только желалъ похвастаться дальновидностію, но онъ ни мало тѣмъ не утѣшилъ бѣднаго больного. Едва оправаясь отъ болѣзни, смотритель выпросилъ у С*** почтмейстера отпускъ на два мѣсяца и, не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, пѣшкомъ отправился за своею дочерью. Изъ дорожной зналъ онъ, что ротмистръ Минскій ѣхалъ изъ Смоленска въ Петербургъ. Ямщикъ, который везъ его, сказалъ, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ѣхала по своей охотѣ. „Авось“, думалъ смотритель, „приведу я домой заблудшую овечку мою“. Съ этой мыслию прибылъ онъ въ Петербургъ, остановился въ Измайловскомъ полку, въ домѣ оставнаго унтеръ-офицера, своего стараго сослуживца, и началъ свои поиски. Вскорѣ узналъ онъ, что ротмистръ Минскій въ Петербургѣ и живетъ въ Демуровомъ трактирѣ. Смотритель рѣшился къ нему явиться.

Рано утромъ пришелъ онъ въ его переднюю и просилъ доложить его высокоблагородію, что старый солдатъ просить съ нимъ увидѣться. Военный лакей, чистя сапогъ на колодкѣ, объявилъ, что баринъ поживаетъ, и что прежде одиннадцати часовъ не принимаетъ никого. Смотритель ушелъ и возвратился въ назначенное время. Минскій вышелъ самъ къ нему въ халатѣ, въ красной скуфьѣ. „Что, братъ, тебѣ надобно?“ спросилъ онъ его. Сердце старика закипѣло, слезы навернулись на глазахъ, и онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ только: „Ваше высокоблагородіе!.. сдѣлайте такую божескую милость!..“ Минскій взглянулъ на него быстро, вспыхнулъ, взялъ

его за руку, повель въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. „Ваше высокоблагородіе!“ продолжалъ старикъ: „что съ возу упало, то пропало; отдайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, бѣдную мою Дуню. Вѣдь вы натѣшились ею; не погубите жъ ее понапрасну“. — „Что сдѣлано, того не воротишь“, сказалъ молодой человѣкъ въ крайнемъ замѣшательствѣ: „виновать передъ тобою и радъ просить у тебя прошенія; но не думай, чтобъ я Дуню могъ покинуть: она будетъ счастлива, даю тебѣ честное слово. Зачѣмъ тебѣ ее? Она меня любитъ; она отвыкла отъ прежняго своего состоянія. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось“. Потомъ, сунувъ ему что-то за рукавъ, онъ отворилъ дверь, и смотритель, самъ не помня какъ, очутился на улицѣ.

Долго стоялъ онъ неподвижно, наконецъ увидѣлъ за обшлагомъ своего рукава свертокъ бумагъ; онъ вынулъ и развернулъ нѣсколько пятидесяти-рублевыхъ смятыхъ ассигнацій. Слезы опять навернулись на глазахъ его, — слезы негодованія! Онъ сжалъ бумажки въ комокъ, бросилъ ихъ на земь, притопталъ каблукомъ и пошелъ... Отошедъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился, подумалъ... и воротился... но ассигнацій уже не было. Хорошо одѣтый молодой человѣкъ, увидя его, подбѣжалъ къ извозчику, сѣлъ поспѣшно и закричалъ: „Пошелъ!..“ Смотритель за нимъ не погнался. Онъ рѣшилъ отправиться домой, на свою станцію, но прежде хотѣлъ хоть разъ еще увидѣть бѣдную свою Дуню. Для сего, дня черезъ два, воротился онъ къ Минскому; по военный лакей сказалъ ему сурово, что баринъ никого не принимаетъ, грудью вытѣснилъ его изъ передней и хлопнулъ двери ему подъ носъ. Смотритель постоялъ, постоялъ, да и пошелъ.

Въ этотъ самый день, вечеромъ, шелъ онъ по Литейной, отслуживъ молебень у Всѣхъ Скорбящихъ. Вдругъ промчались передъ нимъ щегольскія дрожки, и смотритель узналъ Минскаго. Дрожки остановились передъ трехъ этажнымъ домомъ, у самага подѣзда, и гусаръ вбѣжалъ на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула въ головѣ зрителя. Онъ воротился и, поровнявшись съ кучеромъ: „Чья, братъ, лошадь?“ спросилъ онъ: „не Минскаго ли? — Точно такъ, отвѣчалъ кучеръ: а что тебѣ? — „Да вотъ что: баринъ твой приказалъ мнѣ отнести къ его Дунѣ записочку, а я и позабудь, гдѣ Дуня - то его живетъ.“ — Да вотъ здѣсь, во второмъ этажѣ. Опоздалъ ты, братъ, съ твоей запиской; теперь ужъ онъ самъ у нея. — „Нужды нѣтъ“, возразилъ смотритель съ неизъяснимымъ движеніемъ сердца: „спасибо, что надоумилъ, а я свое дѣло сдѣлаю.“ И съ этимъ словомъ пошелъ онъ по лѣстницѣ.

Двери были заперты; онъ позвонилъ. Прошло нѣсколько секундъ въ тягостномъ для него ожиданіи. Ключъ загремѣлъ; ему отворили. „Здѣсь стоитъ Авдотья Симеоновна?“ спросилъ онъ. — Здѣсь, отвѣчала молодая служанка: зачѣмъ тебѣ ее надобно? — Смотритель, не отвѣчая, вошелъ въ залу. — Нельзя, нельзя! закричала ему вслѣдъ служанка: у Авдотьи Симеоновны гости! — Но смотритель, не слушая, шелъ далѣе. Двѣ первыя комнаты были темны, въ третьей былъ огонь. Онъ подошелъ къ растворенной двери и остановился. Въ комнатѣ, прекрасно убранной, Минскій сидѣлъ въ задумчивости. Дуня, одѣтая со всею роскошью моды, сидѣла на ручкѣ его кресель, какъ наѣздница на своемъ англійскомъ сѣдлѣ. Она съ нѣжностью смотрѣла на Минскаго, наматывая черныя его кудри на свои сверкающіе пальцы. Бѣд-

ный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; онъ поневолѣ ею любовался. „Кто тамъ?“ спросила она, не подымая головы. Онъ все молчалъ. Не получая отвѣта, Дуня подняла голову... и съ крикомъ упала на коверъ. Испуганный Минскій кинулся ее поднимать и вдругъ, увидя въ дверяхъ стараго смотрителя, оставилъ Дуню и подошелъ къ нему, дрожа отъ гнѣва. „Чего тебѣ надобно?“ сказалъ онъ ему, стиснувъ зубы: „что ты за мною всюду крадешься, какъ разбойникъ? или хочешь меня зарѣзать? Пошелъ вонъ!“ и, сильною рукою схвативъ старика за воротъ, вытолкнулъ его на лѣстницу.

Старикъ пришелъ къ себѣ на квартиру. Пріятель его совѣтывалъ ему жаловаться; но смотритель подумалъ, махнулъ рукой и рѣшился отступить. Черезъ два дня отправился онъ изъ Петербурга обратно на свою станцію и опять принялся за свою должность. „Вотъ уже третій годъ“, заключилъ онъ, „какъ живу я безъ Дуни и какъ объ ней нѣтъ ни слуху, ни духу. Жива ли, нѣтъ ли, Богъ ее вѣдаетъ. Всяко случается. Не ее первую, не ее послѣднюю сманилъ проѣзжій повѣса, а тамъ подержалъ, да и бросилъ. Много ихъ въ Петербургѣ, молоденькихъ дурь, сегодня въ атласѣ да въ бархатѣ, а завтра, поглядишь, метутъ улицу вмѣстѣ съ голью кабацкою. Какъ подумаешь порою, что и Дуня, можетъ быть, тутъ же пропадаетъ, такъ поневолѣ согрѣшишь, да пожелаешь ей могилы...“

Таковъ былъ рассказъ пріятеля моего, стараго смотрителя, рассказъ, неоднократно прерываемый слезами, которыя живописно отиралъ онъ своею полою, какъ усердный Терентьичъ въ прекрасной балладѣ Дмитріева.¹⁷ Слезы сіи отчасти возбуждаемы

были пуншемъ, коего вытянулъ онъ пять стакановъ въ продолженіе своего повѣствованія; но, какъ бы то ни было, онѣ сильно тронули мое сердце. Съ нимъ разставшись, долго не могъ я забыть стараго зрителя, долго думалъ я о бѣдной Дуни.

Недавно еще, проѣзжая черезъ мѣстечко *** вспомнилъ я о моемъ пріятелѣ; я узналъ, что станція, надъ которой онъ начальствовалъ, уже уничтожена. На вопросъ мой: „живъ ли старый зритель?“ — никто не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Я рѣшилъ посѣтить знакомую сторону, взялъ вольныхъ лошадей и пустился въ село Н.

Это случилось осенью. Сѣренькія тучи покрывали небо; холодный вѣтеръ дулъ съ пожатыхъ полей, унося красные и желтые листья со встрѣчныхъ деревьевъ. Я пріѣхалъ въ село при закатѣ солнца и остановился у почтоваго домика. Въ сѣни (гдѣ нѣкогда поцѣловала меня бѣдная Дуня) вышла толстая баба, и на вопросы мои отвѣчала, что старый зритель съ годъ какъ померъ, что въ домѣ его поселился пивоваръ, а что она жена пивоварова. Мнѣ стало жаль моей напрасной поѣздки и семи рублей, издержанныхъ даромъ. „Отчего жъ онъ умеръ?“ спросилъ я пивоварову жену. — Спился, батюшка, отвѣчала она. — „А гдѣ его похоронили?“ — За околицей, подлѣ покойной хозяйки его. — „Нельзя ли довести меня до его могилы?“ — Почему же нельзя? Эй, Ванька! полно тебѣ съ кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище, да укажи ему зрителю могилу.

При сихъ словахъ оборванный мальчикъ, рыжій и кривой, выбѣжалъ ко мнѣ и тотчасъ повелъ меня за околицу.

„Зналъ ты покойника?“ спросилъ я его дорогой.

— Какъ не знаты! Онъ выучилъ меня дудочки вырѣзывать. Бывало (царство ему небесное!) идетъ изъ кабака, а мы то за нимъ: „дѣдушка, дѣдушка! орѣшковы!“ а онъ насъ орѣшками и надѣляетъ. Все, бывало, съ нами возится.

„А проѣзжіе вспоминаютъ ли его?“

— Да нынѣ мало проѣзжихъ; развѣ засѣдатель завернетъ, да тому не до мертвыхъ. Вотъ, лѣтомъ проѣзжала барыня, такъ та спрашивала о старомъ смотрителѣ и ходила къ нему на могилу.

„Какая барыня?“ спросилъ я съ любопытствомъ.

— Прекрасная барыня, отвѣчалъ мальчишка: ѣхала она въ каретѣ въ шесть лошадей, съ тремя маленькими барчатами и съ кормилицей, и съ черной моською, и какъ ей сказали, что старый смотритель умеръ, такъ она заплакала и сказала дѣтямъ: „Сидите смирно, а я схожу на кладбище“. А я было вызвался довести ее. А барыня сказала: „Я сама дорогу знаю“. И дала мнѣ пятакъ серебромъ... такая добрая барыня!

Мы пришли на кладбище, голое мѣсто, ничѣмъ не огражденное, усѣянное деревянными крестами, не оѣнненными ни единымъ деревцомъ. Отъ роду не видалъ я такого печальнаго кладбища. ¹⁸

— Вотъ могила стараго смотрителя, сказалъ мнѣ мальчикъ, вспрыгнувъ на груды песка, въ которую врытъ былъ черный крестъ съ мѣднымъ образомъ.

„И барыня приходила сюда?“ спросилъ я.

— Приходила, отвѣчалъ Ванька: я смотрѣлъ на нее издали. Она легла здѣсь и лежала долго. А тамъ барыня пошла въ село и призвала попа, дала ему

денегъ и поѣхала, а мнѣ дала пятакъ серебромъ...
славная барыня!

И я далъ мальчишкѣ пятачекъ и не жалѣлъ уже
ни о поѣздкѣ, ни о семи рубляхъ, мною истрачен-
ныхъ.

14 сентября. Болдино.

Барышня-крестьянка.

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша.
Богдановичъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній находилось имѣніе Ивана Петровича Берестова. Въ молодости своей служилъ онъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку въ началѣ 1797 года, уѣхалъ въ свою деревню и съ тѣхъ поръ оттуда не выѣзжалъ. Онъ былъ женатъ на бѣдной дворянкѣ, которая умерла въ родахъ, въ то время, какъ онъ находился въ отъѣздѣ полѣ. Хозяйственныя упражненія скоро его утѣшили. Онъ выстроилъ домъ по собственному плану, завелъ у себя суконную фабрику, устроилъ доходы и сталъ почитать себя умнѣйшимъ человекомъ во всемъ околдкѣ, въ чемъ и не прекословили ему сосѣды, пріѣзжавшіе къ нему гостить съ своими семействами и собаками. Въ будни ходилъ онъ въ плисовой курткѣ, по праздникамъ надѣвалъ сюртукъ изъ сукна домашней работы, самъ записывалъ расходъ и ничего не читалъ, кромѣ Сенатскихъ Вѣдомостей. Вообще его любили, хотя и почитали гордымъ. Не ладилъ съ нимъ одинъ Григорій Ивановичъ Муромскій, ближайшій его сосѣдъ. Этотъ былъ настоящий русскій баринъ. Промотавъ въ Москвѣ большую часть имѣнія своего, и на ту пору

овдовѣвъ, уѣхаль онъ въ послѣднюю свою деревню, гдѣ продолжалъ проказничать, но уже въ новомъ родѣ. Развелъ онъ англійскій садъ, на который тратилъ почти всѣ остальные доходы. Конюхи его были одѣты англійскими жокеями. У дочери его была мадамъ англичанка. Поля свои обрабатываль онъ по англійской методѣ...

Но на чужой манеръ хлѣбъ русскій не родится — и, не смотря на значительное уменьшеніе расходовъ, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; онъ и въ деревнѣ находилъ способъ входить въ новые долги; со всѣмъ тѣмъ, почитался человѣкомъ неглупымъ, ибо первый изъ помѣщиковъ своей губерніи догадался заложить имѣніе въ Опекунскій Совѣтъ — оборотъ, казавшійся въ то время чрезвычайно сложнымъ и смѣлымъ. Изъ людей, осуждавшихъ его, Берестовъ отзывался строже всѣхъ. Ненависть къ нововведеніямъ была отличительная черта его характера. Онъ не могъ равнодушно говорить объ англоманіи своего сосѣда и поминутно находилъ случай его критиковать. Показываль ли гостю свои владѣнія, въ отвѣтъ на похвалы его хозяйственнымъ распоряженіямъ: „Да - съ!“ говорилъ онъ съ лукавой усмѣшкою: „у меня не то, что у сосѣда Григорья Ивановича. Куда намъ по - англійски разоряться! Были бы мы по - русски хоть сыты.“ Сии и подобныя шутки, по усердію сосѣдовъ, доводимы были до свѣдѣнія Григорья Ивановича съ дополненіемъ и объясненіями. Англоманъ выносилъ критику столь же нетерпѣливо, какъ и наши журналисты. Онъ бѣсился и прозваль своего зоила медвѣдемъ и провинціаломъ.

Таковы были сношенія между сими двумя владѣльцами, какъ сынъ Берестова пріѣхаль къ нему

въ деревню. Онъ былъ воспитанъ въ *** университетѣ и намѣревался вступить въ военную службу; но отецъ на то не соглашался. Къ статской службѣ молодой человѣкъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ. Они другъ другу не уступали, и молодой Алексѣй сталъ жить покамѣстъ баринномъ, отпустивъ усы на всякій случай.

Алексѣй былъ, въ самомъ дѣлѣ, молодецъ. Право, было бы жаль, если бы его стройнаго стана никогда не стягивалъ военный мундиръ, и если бы онъ, вмѣсто того, чтобъ рисоваться на конѣ, провелъ свою молодость, согнувшись надъ канцелярскими бумагами. Смотри, какъ онъ на охотѣ скакалъ всегда первый, не разбирая дороги, сосѣды говорили согласно, что изъ него никогда не выйдетъ путнаго столоначальника. Барышни поглядывали на него, а иногда и заглядывались; но Алексѣй мало ими занимался, а онъ причиной его нечувствительности полагали любовную связь. Въ самомъ дѣлѣ, ходилъ по рукамъ списокъ съ адреса одного изъ его писемъ: „Акулинѣ Петровнѣ Курочкиной, въ Москвѣ, напротивъ Алексѣевского монастыря, въ домѣ мѣдника Савельева, а васъ покорнѣйше прошу доставить письмо сіе А. Н. Р.“

Тѣ изъ моихъ читателей, которые не живали въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни! Воспитанныя на чистомъ воздухѣ, въ тѣни своихъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и жизни почерпаютъ изъ книжекъ. Уединеніе, свобода и чтеніе рано въ нихъ развиваютъ чувства и страсти, неизвѣстныя разсѣяннымъ нашимъ красавицамъ. Для барышни звонъ колокольчика есть уже приключеніе; поѣздка въ ближній городъ полагается эпохою въ жизни, и посѣщеніе

гостя оставляетъ долгое, иногда и вѣчное воспоминаніе. Конечно, всякому вольно смѣяться надъ нѣкоторыми ихъ странностями; но шутки поверхностнаго наблюдателя не могутъ уничтожить ихъ существенныхъ достоинствъ, изъ коихъ главное: особенность характера, самобытность (*individualité*), безъ чего, по мнѣнію Жанъ-Поля, ¹⁹ не существуетъ и человѣческаго величія. Въ столицахъ женщины получаютъ, можетъ быть, лучшее образованіе; но навыкъ свѣта скоро сглаживаетъ характеръ и дѣлаетъ души столь же однообразными, какъ и головные уборы. Сіе да будетъ сказано не въ судъ и не во осужденіе, однакожь *nota postra manet*, какъ пишетъ одинъ старинный комментаторъ.

Легко вообразить, какое впечатлѣніе Алексѣй долженъ былъ произвести въ кругу нашихъ барышень. Онъ первый передъ ними явился мрачнымъ и разочарованнымъ; первый говорилъ имъ объ утраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности; сверхъ того, носилъ онъ черное кольцо съ изображеніемъ мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи. Барышни сходили по немъ съ ума.

Но всѣхъ болѣе занята была имъ дочь англomана моего, Лиза (или Бетси, какъ звалъ ее обыкновенно Григорій Ивановичъ). Отцы другъ ко другу не ѣздили; она Алексѣя еще не видала, между тѣмъ какъ всѣ молодыя сосѣдки только объ немъ и говорили. Ей было семнадцать лѣтъ. Черные глаза оживляли ея смуглое и очень пріятное лицо. Она была единственное и, слѣдственно, балованное дитя. Ея рѣзвость и поминутныя проказы восхищали отца и приводили въ отчаянье ея мадамъ, миссъ Жаксонъ, сорокалѣтнюю чопорную дѣвицу, которая бѣлилась и сурмила себѣ брови, два раза въ годъ перечитывала

Памелу, ²⁰ получала за то двѣ тысячи рублей и умирала со скуки въ этой варварской Россіи.

За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же вѣтрена, какъ и ея барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей всѣ свои тайны, вмѣстѣ съ нею обдумывала свои затѣи; словомъ, Настя была въ селѣ Прилучинѣ лицомъ гораздо болѣе значительнымъ, нежели любая наперсница во французской трагедіи.

„Позвольте мнѣ сегодня пойти въ гости“, сказала однажды Настя, одѣвая барышню.

— Изволь; а куда?

„Въ Тугилово, къ Берестовымъ. Поварова жена у нихъ именинница и вчера приходила звать насъ отобѣдать.“

— Вотъ! сказала Лиза: господа въ ссорѣ, а слуги другъ друга угощаютъ.

„А намъ какое дѣло до господъ?“ возразила Настя: „къ тому же, я ваша, а не папенькина. Вы, вѣдь, не бранились еще съ молодымъ Берестовымъ; а старики пускай себѣ дерутся, коли имъ это весело.“

— Постарайся, Настя, увидѣть Алексѣя Берестова, да Расскажи мнѣ хорошенько, каковъ онъ собою и что онъ за человѣкъ.

Настя обѣщалась, а Лиза съ нетерпѣніемъ ожидала цѣлый день ея возвращенія. Вечеромъ Настя явилась. „Ну, Лизавета Григорьевна“, сказала она, входя въ комнату: „видѣла молодого Берестова; наглядѣлась довольно; цѣлый день были вмѣстѣ.“

— Какъ это? Расскажи, Расскажи по порядку.

„Извольте-съ: пошли мы, я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька“...

— Хорошо, знаю. Ну, потомъ?

„Позвольте - съ, разскажу все по порядку. Вотъ, пришли мы къ самому обѣду. Комната полна была народу. Были колбинскія, захарьевскія, прикащица съ дочерьми, хлупинскія“...

— Ну, а Берестовъ?

„Погодите - съ. Вотъ, мы сѣли за столъ, прикащица на первомъ мѣстѣ, я подлѣ нея... а дочери и надулись, да мнѣ наплевать на нихъ“...

— Ахъ, Настя, какъ ты скучна съ вѣчными своими подробностями!

„Да какъ же вы нетерпѣливы! Ну, вотъ, вышли мы изъ-за стола... а сидѣли мы часа три, и обѣдъ былъ славный: пирожное блан-манже синее, красное и полосатое... Вотъ, вышли мы изъ-за стола и пошли въ садъ играть въ горѣлки, а молодой баринъ тутъ и явился.“

— Ну, что жъ? Правда ли, что онъ такъ хорошъ собою?

„Удивительно хорошъ; красавецъ, можно сказать. Стройный, высокій, румянецъ во всю щеку“...

— Право? А я такъ думала, что у него лицо блѣдное. Что же? Каковъ онъ тебѣ показался? Печалень, задумчивъ?

„Что вы? Да эдакаго бѣшеннаго я и съ роду не видывала. Вздумаль онъ съ нами въ горѣлки бѣгать...“

— Съ вами въ горѣлки бѣгать?.. Невозможно!

„Очень возможно. Да что еще выдумаль! Поймаеть, и ну цѣловать!“

— Воля твоя, Настя, ты врешь.

„Воля ваша, не вру. Я насилу отъ него отдѣлась. Цѣлый день съ нами такъ и провозился“.

— Да какъ же, говорятъ, онъ влюбленъ и ни на кого не смотритъ?

„Не знаю-съ, а на меня такъ ужь слишкомъ смотрѣлъ, да и на Таню, прикащикову дочь, тоже; да и на Пашу колбинскую; да грѣхъ сказать, никого не обидѣлъ, такой баловникъ!“

— Это удивительно! А что въ домѣ про него слышно?

„Баринъ, сказываютъ, прекрасный; такой добрый, такой веселый. Одно не хорошо: за дѣвушками слишкомъ любить гоняться. Да, по мнѣ, это еще не бѣда: современемъ остепенится“.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось его видѣть! сказала Лиза со вздохомъ.

„Да что же тутъ мудренаго? Тугилово отъ насъ не далеко — всего три версты: подите гулять въ ту сторону или поѣзжайте верхомъ; вы вѣрно встрѣтите его. Онъ же всякій день, рано поутру, ходитъ съ ружьемъ на охоту“.

— Да нѣтъ, нехорошо. Онъ можетъ подумать, что я за нимъ гоняюсь. Къ тому же, отцы наши въ ссорѣ, такъ и мнѣ все же нельзя будетъ съ нимъ познакомиться... Ахъ, Настя: знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою!

„И въ самомъ дѣлѣ: надѣньте толстую рубашку, сарафанъ, да и ступайте смѣло въ Тугилово; ручаюсь вамъ, что Берестовъ ужь васъ не прозѣваетъ“.

— А по-здѣшнему я говорить умѣю прекрасно. Ахъ Настя, милая Настя! какая славная выдумка! — И Лиза легла спать, съ намѣреніемъ непременно исполнить веселое свое предположеніе. На другой же день приступила она къ исполненію своего плана: послала купить на базарѣ толстаго полотна, синей китайки и мѣдныхъ пуговокъ, съ помощью Насти скроила себѣ рубашку и сарафанъ, засадила за шитье всю дѣвичью, и къ вечеру все было готово. Лиза

примѣрила обнову и призналась передъ зеркаломъ, что никогда еще такъ мила самой себѣ не казалась. Она повторила свою роль. На ходу низко кланялась и нѣсколько разъ потомъ качала головою, на подобіе глиняныхъ котовъ, говорила на крестьянскомъ нарѣчїи, смѣялась, закрываясь рукавомъ, и заслужила полное одобреніе Насти. Одно затрудняло ее: она попробовала было пройти по двору босая, но дернъ кололъ ея нѣжныя ноги, а песокъ и камешки показались ей нестерпимы. Настя и тутъ ей помогла: она сняла мѣрку съ Лизиной ноги, сбѣгала въ поле къ Трофиму-пастуху и заказала ему пару лаптей по той мѣркѣ. На другой день, ни свѣтъ, ни заря, Лиза уже проснулась. Весь домъ еще спалъ. Настя за воротами ожидала пастуха. Заигралъ рожокъ, и деревенское стадо потянулось мимо барскаго двора. Трофимъ, проходя передъ Настей, отдалъ ей маленькіе, пестрые лапти и получилъ отъ нея полтину въ награжденіе. Лиза тихонько нарядилась крестьянкою, шопотомъ дала Настѣ свои наставленія касательно миссъ Жаксонъ, вышла на заднее крыльцо и черезъ огородъ побѣжала въ поле.

Заря сіяла на востокъ, и золотые ряды облаковъ, казалось, ожидали солнца, какъ царедворцы ожидаютъ государя; ясное небо, утренняя свѣжесть, роса, вѣтерокъ и пѣніе птичекъ наполняли сердце Лизы младенческой веселостію; боясь какой-нибудь знакомой встрѣчи, она, казалось, не шла, а летѣла. Приближаясь къ рощѣ, стоящей на рубежѣ отцовскаго владѣнія, Лиза пошла тише. Здѣсь она должна была ожидать Алексѣя. Сердце ея сильно билось, само не зная почему; но боязнь, сопровождающая молодья наши проказы, составляетъ и главную ихъ прелесть. Лиза вошла въ сумракъ рощи. Глухой, перекатный шумъ

ея привѣтствовалъ дѣвушку. Веселость ея притихла. Мало по малу предалась она сладкой мечтательности. Она думала... но можно ли съ точностію опредѣлить, о чемъ думаетъ семнадцатилѣтняя барышня, одна, въ роцѣ, въ шестомъ часу весенняго утра? И такъ, она шла, задумавшись, по дорогѣ, осѣненной съ обѣихъ сторонъ высокими деревьями, какъ вдругъ прекрасная лягавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. Въ то же время раздался голосъ: tout beau, Sbogar, ici... и молодой охотникъ показался изъ - за кустарника. — Небось, милая, сказалъ онъ Лизѣ: собака моя не кусается. — Лиза успѣла уже оправиться отъ испуга и умѣла тотчасъ воспользоваться обстоятельствами. „Да нѣтъ, баринъ“, сказала она, притворяясь полуиспуганной, полузастигивчивой: „боюсь; она, вишь, такая злая: опять кинется“. Алексѣй (читатель уже узналъ его) между тѣмъ пристально глядѣлъ на молодую крестьянку. — Я провожу тебя, если ты боишься, сказалъ онъ ей: ты мнѣ позволишь идти подлѣ себя? — „А кто те мѣшаетъ?“ отвѣчала Лиза: „вольному воля, а дорога мірская“. — Откуда ты? — „Изъ Прилучина; я дочь Василья - кузнеца, иду по грибы“. (Лиза несла кузовокъ на веревочкѣ). „А ты, баринъ? Тугиловскій, что ли?“ — Такъ точно, отвѣчалъ Алексѣй: я камердинеръ молодого барина. — Алексѣю хотѣлось уравнять ихъ отношенія. Но Лиза поглядѣла на него и засмѣялась. „А лжешь“, сказала она „не на дуру напаль. Вижу, что ты самъ баринъ“. — Почему же ты такъ думаешь? — „Да по всему“. — Однакожь? — „Да какъ же барина съ слугой не распознать? И одѣтъ-то не такъ, и баишь иначе, и собаку - то кличешь не по - нашему“. Лиза часъ отъ часу болѣе нравилась Алексѣю. Привыкнувъ не церемо-

ниться съ хорошенькими поселянками, онъ было хотѣлъ обнять ее; но Лиза отпрыгнула отъ него и приняла вдругъ на себя такой строгій и холодный видъ, что хотя это и размѣшило Алексѣя, но удержало его отъ дальнѣйшихъ покушеній. „Если хотите, чтобъ мы были впередъ пріятелями“, сказала она съ важностію: „то не извольте забываться“. — Кто тебя научилъ этой премудрости? спросилъ Алексѣй, расхохотавшись. Ужь не Настенька ли, моя знакомая, не дѣвушка ли барышни вашей? Вотъ какими путями распространяется просвѣщеніе! — Лиза почувствовала, что вышла было изъ своей роли, и тотчасъ поправилась. „А что думаешь?“ сказала она: „развѣ я и на барскомъ дворѣ никогда не бываю? небось: всего наслышалась и наглядѣлась“. „Однако“, продолжала она: „болтая съ тобою, грибовъ не наберешь. Иди-ка ты, баринъ, въ сторону, а я въ другую. Прощенія просимъ“... Лиза хотѣла удалиться; Алексѣй удержалъ ее за руку. — Какъ тебя зовутъ, душа моя? „Акулиной“, отвѣчала Лиза, стараясь освободить свои пальцы отъ руки Алексѣевой: „да пусти жъ, баринъ, мнѣ и домой пора“. — Ну, мой другъ Акулина, непременно буду въ гости къ твоему батюшкѣ, къ Василью-кузнецу. — „Что ты?“ возразила съ живостію Лиза: „ради Христа, не приходи. Коли дома узнаютъ, что я съ бариномъ въ рощѣ болтала наединѣ, то мнѣ бѣда будетъ: отецъ мой, Василій - кузнецъ, прибьетъ меня до смерти“. — Да я непременно хочу съ тобою видѣться. — „Ну, я когда -нибудь опять сюда приду за грибами“. — Когда же? — „Да хоть завтра“. — Милая Акулина, расцѣловаль бы тебя, да не смѣю. Такъ завтра, въ это время, не правда ли? — „Да, да“. — И ты не обманешь меня? — „Не обману“. — Побожись. „Ну, вотъ те святая Пятница, приду“.

Молодые люди разстались. Лиза вышла изъ лѣсу, перебралась черезъ поле, прокралась въ садъ и опротя побѣжала въ ферму, гдѣ Настя ожидала ее. Тамъ она переодѣлась, разсѣянно отвѣчая на вопросы нетерпѣливой наперсницы, и явилась въ гостиную. Столъ былъ накрытъ, завтракъ готовъ, и миссъ Жаксонъ, уже набѣленная и затянута въ рюмочку, нарѣзывала тоненькія тартинки. Отецъ похвалилъ ее за раннюю прогулку. „Нѣтъ ничего здоровѣе“, сказалъ онъ, „какъ просыпаться на зарѣ.“ Тутъ онъ привелъ нѣсколько примѣровъ человѣческаго долготія, почерпнутыхъ изъ англійскихъ журналовъ, замѣчая, что всѣ люди, жившіе болѣе ста лѣтъ, не употребляли водки и вставали на зарѣ зимой и лѣтомъ. Лиза его не слушала. Она въ мысляхъ повторяла всѣ обстоятельства утренняго свиданія, весь разговоръ Акулины съ молодымъ охотникомъ, и совѣсть начинала ее мучить. Напрасно выражала она самой себѣ, что бесѣда ихъ не выходила изъ границъ благопристойности, что эта шалость не могла имѣть никакого послѣдствія — совѣсть ея роптала громче ея разума. Обѣщаніе, данное ею на завтрашній день, всего болѣе безпокоило ее: она совѣмъ было рѣшилась не сдержать своей торжественной клятвы. Но Алексѣй, прождавъ ее напрасно, могъ идти отыскивать въ селѣ дочь Василья - кузнеца, настоящую Акулину, толстую рябую дѣвку, и такимъ образомъ догадаться объ ея легкомысленной проказѣ. Мысль эта ужаснула Лизу, и она рѣшилась на другое утро опять явиться въ рошу Акулиной.

Съ своей стороны, Алексѣй былъ въ восхищеніи; цѣлый день думалъ онъ о новой знакомкѣ; ночью образъ смуглой красавицы и во снѣ преслѣдовалъ

его воображеніе. Заря едва занималась, какъ онъ уже былъ одѣтъ. Не давъ себѣ времени зарядить ружье, вышелъ онъ въ поле съ вѣрнымъ своимъ Сбогаромъ и побѣжалъ къ мѣсту обѣщаннаго свиданія. Около получаса прошло въ несносномъ для него ожиданіи; наконецъ онъ увидѣлъ межъ кустарника мелькнувшій синій сарафанъ и бросился навстрѣчу милой Акулины. Она улыбулась восторгу его благодарности; но Алексѣй тотчасъ замѣтилъ на ея лицѣ слѣды унынія и безпокойства. Онъ хотѣлъ узнать тому причину. Лиза призналась, что поступокъ ея казался ей легкомысленнымъ, что она въ немъ раскаивалась, что на сей разъ не хотѣла она не сдержать даннаго слова, но что это свиданіе будетъ уже послѣднимъ, и что она проситъ его прекратить знакомство, которое ни къ чему доброму не можетъ ихъ довести. Все это, разумѣется, было сказано на крестьянскомъ нарѣчій; но мысли и чувства, необыкновенныя въ простой дѣвушкѣ, поразили Алексѣя. Онъ употребилъ все свое краснорѣчіе, дабы отвратить Акулину отъ ея намѣренія; увѣрялъ ее въ невинности своихъ желаній, обѣщалъ никогда не подать ей повода къ раскаянію, повиноваться ей во всемъ, заклиналъ ее не лишать его одной отрады — видаться съ нею наединѣ, хотя бы черезъ день, хотя бы дважды въ недѣлю. Онъ говорилъ языкомъ истинной страсти, и въ эту минуту былъ точно влюбленъ. Лиза слушала его молча. „Дай мнѣ слово“, сказала она наконецъ, „что ты никогда не будешь искать меня въ деревнѣ или разспрашивать обо мнѣ. Дай мнѣ слово не искать другихъ со мною свиданій, кромѣ тѣхъ, которыя я сама назначу.“ Алексѣй поклялся было ей святою Пятницею, но она съ улыбкой остановила его. „Мнѣ не нужно

клятвы“, сказала Лиза: „довольно одного твоего общанія.“ Послѣ того они дружески разговаривали, гуляя вмѣстѣ по лѣсу, до тѣхъ поръ, пока Лиза сказала ему: пора. Они разстались, и Алексѣй, оставшись наединѣ, не могъ понять, какимъ образомъ простая деревенская дѣвочка въ два свиданія успѣла взять надъ нимъ истинную власть. Его сношенія съ Акулиной имѣли для него прелесть новизны, и хотя предписанія странной крестьянки казались ему тягостными, но мысль не сдержать своего слова не пришла даже ему въ голову. Дѣло въ томъ, что Алексѣй, не смотря на роковое кольцо, на таинственную переписку и на мрачную разочарованность, былъ добрый и пылкій малый и имѣлъ сердце чистое, способное чувствовать наслажденіе невинности.

Если бы слушался я одной своей охоты, то непремѣнно и во всей подробности сталъ бы описывать свиданія молодыхъ людей, возрастающую взаимную склонность и довѣрчивость, занятія, разговоры; но знаю, что большая часть моихъ читателей не раздѣлила бы со мною моего удовольствія. Эти подробности вообще должны казаться приторными; итакъ, я пропущу ихъ, сказавъ вкратцѣ, что не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ, а мой Алексѣй былъ влюбленъ уже безъ памяти, и Лиза была не равнодушнѣе, хотя и молчаливѣе его. Оба они были счастливы настоящимъ и мало думали о будущемъ.

Мысль о неразрывныхъ узахъ довольно часто мелькала въ ихъ умѣ; но никогда они о томъ другъ съ другомъ не говорили. Причина ясная: Алексѣй, какъ ни привязанъ былъ къ милой своей Акулинѣ, все помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкою; а Лиза вѣдала, какая ненависть существовала между ихъ отцами, и не смѣла

надѣяться на взаимное примиреніе. Къ тому же, самолюбіе ея было втайнѣ подстрекаемо темной романической надеждою увидѣть, наконецъ, тугиловскаго помѣщика у ногъ дочери прилучинскаго кузнеца. Вдругъ важное происшествіе чуть было не перемѣнило ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ одно ясное, холодное утро (изъ тѣхъ, какими богата наша русская осень), Иванъ Петровичъ Берестовъ выѣхалъ прогуляться верхомъ, на всякій случай взявъ съ собою пары три борзыхъ, стремяннаго и нѣсколько дворовыхъ мальчишекъ съ трещотками. Въ то же самое время Григорій Ивановичъ Муромскій, соблазнясь хорошею погодою, велѣлъ осѣдлатъ куцую свою кобылку и рысью поѣхалъ около своихъ англизированныхъ владѣній. Подъѣзжая къ лѣсу, увидѣлъ онъ сосѣда своего, гордо сидящаго верхомъ, въ чекменѣ, подбитомъ лисьимъ мѣхомъ, и поджидающаго зайца, котораго мальчишки крикомъ и трещотками выгоняли изъ-за кустарника. Если бъ Григорій Ивановичъ могъ предвидѣть эту встрѣчу, то, конечно бъ, онъ повернулъ въ сторону, но онъ наѣхалъ на Берестова вовсе неожиданно и вдругъ очутился отъ него въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла. Дѣлать было нечего: Муромскій, какъ образованный европеецъ, подѣхалъ къ своему противнику и учтиво его привѣтствовалъ. Берестовъ отвѣчалъ съ такимъ же усердіемъ, съ каковымъ цѣпной медвѣдь кланяется господамъ по приказанію своего вожатаго. Въ сіе время заяцъ выскочилъ изъ лѣсу и побѣжалъ полемъ. Берестовъ и стремянный закричали во все горло, пустили собакъ и слѣдомъ поскакали во весь опоръ. Лошадь Муромскаго, не бывавшая никогда на охотѣ, испугалась и понесла. Муромскій, провозгласившій себя

отличнымъ наѣздникомъ, далъ ей волю и внутренно доволенъ былъ случаемъ, избавляющимъ его отъ непріятнаго собесѣдника. Но лошадь, доскакавъ до оврага, прежде ея не замѣченнаго, вдругъ кинулась въ сторону, и Муромскій не усидѣлъ. Упавъ довольно тяжело на мерзлую землю, лежалъ онъ, проклиная свою куцую кобылу, которая, какъ будто опомнясь, тотчасъ остановилась, какъ только почувствовала себя безъ сѣдока. Иванъ Петровичъ подскакалъ къ нему, освѣдомляясь, не ушибся ли онъ. Между тѣмъ стремянный привелъ виновную лошадь, держа ее подъ уздцы. Онъ помогъ Муромскому взобраться на сѣдло, а Берестовъ пригласилъ его къ себѣ. Муромскій не могъ отказаться, ибо чувствовалъ себя обязаннымъ, и такимъ образомъ Берестовъ возвратился домой со славою, затравивъ зайца и ведя своего противника раненымъ и почти военнопленнымъ.

Сосѣды, завтракая, разговорились довольно дружелюбно. Муромскій попросилъ у Берестова дрожекъ, ибо признался, что отъ ушибу не былъ онъ въ состояніи доѣхать до дома верхомъ. Берестовъ проводилъ его до самаго крыльца, а Муромскій уѣхалъ не прежде, какъ взявъ съ него честное слово на другой же день (и съ Алексѣемъ Ивановичемъ) пріѣхать отобѣдать по-пріятельски въ Прилучино. Такимъ образомъ, вражда старинная и глубоко укоренившаяся, казалось, готова была прекратиться отъ пугливости куцой кобылки.

Лиза выбѣжала навстрѣчу Григорію Ивановичу. „Что это значитъ, папа?“ сказала она съ удивленіемъ: „Отчего вы хромаете? Гдѣ ваша лошадь? Чьи это дрожки?“ — „Вотъ ужь не угадаешь, ту деар“, отвѣчалъ ей Григорій Ивановичъ и рассказалъ

все, что случилось. Лиза не вѣрила своимъ ушамъ. Григорій Ивановичъ, не давъ ей опомниться, объявилъ, что завтра у него будутъ обѣдать оба Берестовы. „Что вы говорите!“ сказала она, поблѣднѣвъ: „Берестовы, отецъ и сынъ! Завтра у насъ обѣдать! Нѣтъ, папа, какъ вамъ угодно; я ни за что не покажусь.“ — Что ты, съ ума сошла? возразилъ отецъ: давно ли ты стала такъ застѣнчива? Или ты къ нимъ питаешь наслѣдственную ненависть, какъ романическая героиня? Полно, не дурачься... „Нѣтъ, папа, ни за что на свѣтѣ, ни за какія сокровища не явлюсь я передъ Берестовыми.“ Григорій Ивановичъ пожалъ плечами и болѣе съ нею не спорилъ, ибо зналъ, что противорѣчіемъ съ нею ничего не возьмешь, и пошелъ отдыхать отъ своей достопримѣчательной прогулки.

Лизавета Григорьевна ушла въ свою комнату и призвала Настю. Обѣ долго разсуждали о завтрашнемъ посѣщеніи. Что подумаетъ Алексѣй, если узнаетъ въ благовоспитанной барышнѣ свою Акулину? Какое мнѣніе будетъ онъ имѣть о ея поведеніи и правилахъ, о ея благоразуміи? Съ другой стороны, Лизѣ очень хотѣлось видѣть, какое впечатлѣніе произвело бы на него свиданіе столь неожиданное... Вдругъ мелькнула ей мысль. Она передала ее Настѣ; обѣ обрадовались ей, какъ находкѣ, и положили исполнить непременно.

На другой день, за завтракомъ, Григорій Ивановичъ спросилъ у дочки, все ли намѣрена она спрятаться отъ Берестовыхъ. „Папа“, отвѣчала Лиза: „я приму ихъ, если это вамъ угодно, только съ условіемъ: какъ бы я передъ ними ни явилась, что бъ я ни сдѣлала, вы бранить меня не будете и не дадите никакого знака удивленія или неудовольствія.“

„Опять какія-нибудь проказы!“ сказалъ, смѣясь, Григорій Ивановичъ. „Ну, хорошо, хорошо: согласенъ, дѣлай, что хочешь, черноглазая моя шалунья.“ Съ этимъ словомъ онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, и Лиза побѣжала приготовляться.

Въ два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми, въѣхала на дворъ и покатила около густо-зеленаго дерноваго круга. Старый Берестовъ взошелъ на крыльцо съ помощью двухъ ливрейныхъ лакеевъ Муромскаго. Вслѣдъ за нимъ сынъ его пріѣхалъ верхомъ и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ столовую, гдѣ столъ былъ уже накрытъ. Муромскій принялъ своихъ сосѣдовъ какъ нельзя ласковѣе, предложилъ имъ осмотрѣть передъ обѣдомъ садъ и звѣринецъ и повелъ по дорожкамъ, тщательно выметеннымъ и усыпаннымъ пескомъ. Старый Берестовъ внутренне жалѣлъ о потерянномъ трудѣ и времени на столь бесполезныя прихоти, но молчалъ изъ вѣжливости. Сынъ его не раздѣлялъ ни неудовольствія расчетливаго помѣщика, ни восхищенія самолюбиваго англомана; но съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія хозяйской дочери, о которой много слышался; и хотя сердце его, какъ намъ извѣстно, было уже занято, но молодая красавица всегда имѣла право на его воображеніе.

Возвратясь въ гостиную, они усѣлись втроемъ; старики вспомнили прежнее время и анекдоты своей службы, а Алексѣй размышлялъ о томъ, какую роль играть ему въ присутствіи Лизы. Онъ рѣшилъ, что холодная разсѣянность во всякомъ случаѣ всего приличнѣе, и вслѣдствіе сего приготовился. Дверь отворилась; онъ повернулъ голову съ такимъ равнодушіемъ, съ такою гордою небрежностію, что сердце самой закоренѣлой кокетки непременно должно было

бы содрогнуться. Къ несчастію, вмѣсто Лизы, вошла старая миссъ Жаксонъ, набѣленная, зятая, съ потупленными глазами и съ маленькимъ книксомъ, и прекрасное военное движеніе Алексѣя пропало втунѣ. Не успѣлъ онъ снова собраться съ силами, какъ дверь опять отворилась, и на сей разъ вошла Лиза. Всѣ встали; отецъ началъ было представленіе гостей, но вдругъ остановился и поспѣшно закусилъ себѣ губы... Лиза, его смуглая Лиза, набѣлена была по уши, насурмлена пуше самой миссъ Жаксонъ; фальшивые локоны, гораздо свѣтлѣе собственныхъ ея волосъ, взбиты были, какъ парикъ Людовика XIV; рукава à l'imbécile торчали, какъ фижмы у madame de Rompradour; талія была перетянута, какъ буква иксъ, и всѣ бриліанты ея матери, еще не заложенные въ ломбардѣ, сіяли на ея пальцахъ, шеѣ и ушахъ. Алексѣй не могъ узнать свою Акулину въ этой смѣшной и блестящей барышнѣ. Отецъ его подошелъ къ ея ручкѣ, и онъ съ досадою ему послѣдовалъ; когда прикоснулся онъ къ ея бѣленькимъ пальчикамъ, ему показалось, что они дрожали. Между тѣмъ, онъ успѣлъ замѣтить ножку, съ намѣреніемъ выставленную и обутую со всевозможнымъ кокетствомъ. Это помирило его нѣсколько съ остальнымъ ея нарядомъ. Что касается до бѣлилъ и до сурьмы, то въ простотѣ своего сердца, признаться, онъ ихъ съ перваго взгляда не замѣтилъ, да и послѣ не подозрѣвалъ. Григорій Ивановичъ вспомнилъ свое обѣщаніе и старался не показать и вида удивленія; но шалость его дочери казалась ему такъ забавна, что онъ едва могъ удержаться. Не до смѣху было чопорной англичанкѣ. Она догадывалась, что сурьма и бѣлилы были похищены изъ ея комода, и багровый румянецъ досады пробивался сквозь ис-

кусственную бѣлизну ея лица. Она бросала пламенные взгляды на молодую проказницу, которая, отлагая до другого времени всякія объясненія, притворялась, будто ихъ не замѣчаетъ.

Сѣли за столъ. Алексѣй продолжалъ играть роль разсѣяннаго и задумчиваго. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспѣвъ, и только по-французски. Отецъ поминутно засматривался на нее, не понимая ея цѣли, но находя все это весьма забавнымъ. Англичанка бѣсилась и молчала. Одинъ Иванъ Петровичъ былъ какъ дома: ѣлъ за двоихъ, пилъ въ свою мѣру, смѣялся своему смѣху и часъ отъ часу дружелюбнѣе разговаривалъ и хохоталъ.

Наконецъ встали изъ-за стола; гости уѣхали, и Григорій Ивановичъ далъ волю смѣху и вопросамъ. „Что тебѣ вздумалось дурачить ихъ?“ спросилъ онъ Лизу. „А знаешь ли, что? Бѣлила, право, тебѣ пристали; не вхожу въ тайны дамскаго туалета, но на твоёмъ мѣстѣ я бы сталъ бѣлиться; разумѣется, не слишкомъ, а слегка.“ Лиза была въ восхищеніи отъ успѣха своей выдумки. Она обняла отца, общалась ему подумать о его совѣтѣ и побѣжала умолять раздраженную миссъ Жаксонъ, которая насилу согласилась отпереть дверь и выслушать ея оправданія. Лизѣ было совѣстно показаться передъ незнакомцами такой чернавкою; она не смѣла просить... она была увѣрена, что добрая, милая миссъ Жаксонъ проститъ ей... и проч., и проч. Миссъ Жаксонъ, удостовѣрясь, что Лиза не думала поднять ее на смѣхъ, успокоилась, поцѣловала Лизу и, въ залогъ примиренія, подарила ей баночку англійскихъ бѣлилль, которую Лиза и приняла съ изъявленіемъ искренней благодарности.

Читатель догадается, что на другой день утромъ

Лиза не замедлила явиться въ роцѣ свиданій. „Ты былъ, баринъ, вечеръ у нашихъ господъ?“ сказала она тотчасъ Алексѣю: „какова показалась тебѣ барышня?“ Алексѣй отвѣчалъ, что онъ ея не замѣтилъ. „Жать“, возразила Лиза. — А почему же? спросилъ Алексѣй. — „А потому, что я хотѣла бы спросить у тебя, правда ли, говорятъ“... — Что же говорятъ? — „Правда ли, говорятъ, будто бы я на барышню похожа?“ — Какой вздоръ! Она предъ тобой уродъ уродомъ. — „Ахъ, баринъ, грѣхъ тебѣ это говорить; барышня наша такая бѣленькая, такая щеголиха! Куда мнѣ съ нею равняться!“ Алексѣй божился ей, что она лучше всевозможныхъ бѣленькихъ барышень, и чгобъ успокоить ее совсѣмъ, началъ описывать ея госпожу такими смѣшными чертами, что Лиза хохотала отъ души. „Однакожь“, сказала она со вздохомъ: „хоть барышня, можетъ, и смѣшна, все же я передъ нею дура безграмотная.“ — И! сказалъ Алексѣй: есть о чемъ сокрушаться! Да коли хочешь, я тотчасъ выучу тебя грамотѣ. — „А взаправду“, сказала Лиза: „не попытаться ли и въ самомъ дѣлѣ?“ — Изволь, милая; начнемъ хоть сейчасъ. — Они сѣли. Алексѣй вынулъ изъ кармана карандашъ и записную книжку, и Акулина выучилась азбукѣ удивительно скоро. Алексѣй не могъ надивиться ея понятливости. На слѣдующее утро она захотѣла попробовать и писать; сначала карандашъ не слушался ея, но черезъ нѣсколько минутъ она и вырисовывать буквы стала довольно порядочно. „Что за чудо!“ говорилъ Алексѣй: „Да у насъ ученіе идетъ скорѣе, чѣмъ по ланкастерской системѣ.“ Въ самомъ дѣлѣ, на третьемъ урокъ Акулина разобрала уже по складамъ „Наталью Боярскую дочь“, прерывая чтеніе замѣчаніями, отъ которыхъ Алексѣй

истинно былъ въ изумленіи, и круглый листъ измарала афоризмами, избранными изъ той же повѣсти.

Прошла недѣля, и между ними завелась переписка. Почтовая контора учреждена была въ дуплѣ стараго дуба. Настя въ тайнѣ исправляла должность почталіона... Туда приносилъ Алексѣй крупнымъ почеркомъ написанныя письма и тамъ же находилъ, на синей простой бумагѣ, каракульки своей любезной. Акулина, видимо, привыкала къ лучшему складу рѣчей, и умъ ея примѣтно развивался и образовывался.

Между тѣмъ, недавнее знакомство между Иваномъ Петровичемъ Берестовымъ и Григорьемъ Ивановичемъ Муромскимъ болѣе укрѣплялось и вскорѣ превратилось въ дружбу, вотъ по какимъ обстоятельствамъ. Муромскій нерѣдко думалъ о томъ, что по смерти Ивана Петровича все его имѣніе перейдетъ въ руки Алексѣю Ивановичу, что въ такомъ случаѣ Алексѣй Ивановичъ будетъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ той губерніи, и что нѣтъ ему никакой причины не жениться на Лизѣ. Старый же Берестовъ, съ своей стороны, хотя и признавалъ въ своемъ сосѣдѣ нѣкоторое сумасбродство (или, по его выраженію, англійскую дурь), однакожь не отрицалъ въ немъ и многихъ отличныхъ достоинствъ, наприкладъ, рѣдкой оборотливости; Григорій Ивановичъ былъ близкій родственникъ графу Пронскому, человеку знатному и сильному; графъ могъ быть очень полезенъ Алексѣю, а Муромскій (такъ думалъ Иванъ Петровичъ), вѣроятно, обрадуется случаю выдать свою дочь выгоднымъ образомъ. Старики до тѣхъ поръ обдумывали все это каждый про себя, что наконецъ другъ съ другомъ и переговорились, обнялись, общались дѣло порядкомъ обработать и принялись о немъ хлопотать каждый со своей стороны. Му-

ромскому предстояло затрудненіе: уговорить свою Бетси познакомиться короче съ Алексѣемъ, котораго не видала она съ самаго достопамятнаго обѣда. Кажалось, они другъ другу не очень нравились; по крайней мѣрѣ, Алексѣй уже не возвращался въ Прилучино, а Лиза уходила въ свою комнату всякій разъ, какъ Иванъ Петровичъ удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. „Но — думалъ Григорій Ивановичъ — если Алексѣй будетъ у меня каждый день, то Бетси должна же будетъ въ него влюбиться. Это въ порядкѣ вещей. Время все сладить“.

Иванъ Петровичъ менѣе безпокоился объ успѣхъ своихъ намѣреній. Въ тотъ же вечеръ призвалъ онъ сына въ свой кабинетъ, закурилъ трубку и, немного помолчавъ, сказалъ: „Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Или гусарскій мундиръ уже тебя не прельщаетъ?“ — Нѣтъ, батюшка, отвѣчалъ почтительно Алексѣй: я вижу, вамъ не угодно, чтобъ я шель въ гусары; мой долгъ вамъ повиноваться. — „Хорошо“, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ: „вижу, что ты послушный сынъ; это мнѣ утѣшительно; не хочу жь и я тебя неволить: не понуждаю тебя вступить... тотчасъ... въ статскую службу; а покамѣстъ намѣрень я тебя женить.“

— На комъ это, батюшка? спросилъ изумленный Алексѣй.

„На Лизаветѣ Григорьевнѣ Муромской“, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ: „невѣста хоть куда, не правда ли?“

— Батюшка, я о женитьбѣ еще не думаю.

„Ты не думаешь, такъ я за тебя думалъ и передумалъ.“

— Воля ваша, Лиза Муромская мнѣ вовсе не нравится.

„Послѣ понравится. Стерпится — слюбится.“

— Я не чувствую себя способнымъ сдѣлать ея счастье.

„Не твое горе, ея счастье. Что? Такъ - то ты считаешь волю родительскую? Добро!“

— Какъ вамъ угодно, я не хочу жениться и не женюсь.

„Ты женишься, или я тебя прокляну, а имѣніе — какъ Богъ святъ! — продамъ и промотаю, и тебѣ полушки не оставлю. Даю тебѣ три дня на размышленіе, а покамѣстъ не смѣй на глаза мнѣ показываться.“

Алексѣй зналъ, что если отецъ заберетъ себѣ что въ голову, то ужъ того, по выраженію Тараса Скотинина, у него и гвоздемъ не вышибешь; но Алексѣй былъ въ батюшку, и его столь же трудно было переспорить. Онъ ушелъ въ свою комнату и сталъ размышлять о предѣлахъ власти родительской, о Лизаветѣ Григорьевнѣ, о торжественномъ обѣщаніи отца сдѣлать его нищимъ и, наконецъ, объ Акулинѣ. Въ первый разъ видѣлъ онъ ясно, что онъ въ нее страстно влюбленъ; романическая мысль жениться на крестьянкѣ и жить своими трудами пришла ему въ голову, и чѣмъ болѣе думалъ онъ о своемъ рѣшительномъ поступкѣ, тѣмъ болѣе находилъ въ немъ благоразумія. Съ нѣкотораго времени свиданія въ роцѣ были прекращены, по причинѣ дождливой погоды. Онъ написалъ Акулинѣ письмо самымъ четкимъ почеркомъ и самымъ бѣшенымъ слогомъ, объявлялъ ей о грозящей имъ гибели и тутъ же предлагалъ ей свою руку. Тотчасъ отнесъ онъ письмо на почту, въ дупло, и легъ спать весьма довольный собою.

На другой день Алексѣй, твердый въ своемъ на-

мѣреніи, рано утромъ поѣхалъ къ Муромскому, дабы откровенно съ нимъ объясниться. Онъ надѣялся подстрекнуть его великодушіе и склонить его на свою сторону. „Дома ли Григорій Ивановичъ?“ спросилъ онъ, останавливая свою лошадь передъ крыльцомъ прилучинскаго замка. — Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ слуга: Григорій Ивановичъ съ утра изволилъ выѣхать. — „Какъ досадно!“ подумалъ Алексѣй. „Дома ли, по крайней мѣрѣ, Лизавета Григорьевна?“ — Дома-съ. — И Алексѣй спрыгнулъ съ лошади, отдалъ поводья въ руки лакею и пошелъ безъ доклада.

„Все будетъ рѣшено“, — думалъ онъ, подходя къ гостиной, — „объяснюсь съ нею самою.“ Онъ вошелъ... и остолбенѣлъ! Лиза... нѣтъ, Акулина, милая, смуглая Акулина, не въ сарафанѣ, а въ бѣломъ утреннемъ платьицѣ, сидѣла передъ окномъ и читала его письмо; она такъ была занята, что не слыхала, какъ онъ и вошелъ. Алексѣй не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хотѣла убѣжать. Онъ бросился ее удерживать. „Акулина, Акулина!...“ Лиза старалась отъ него освободиться... „*Mais laissez-moi donc, monsieur: mais êtes-vous fou?*“ повторяла она, отворачиваясь. „Акулина! другъ мой Акулина!“ повторялъ онъ, цѣлуя ея руки. Миссъ Жаксонъ, свидѣтельница этой сцены, не знала, что подумать. Въ эту минуту дверь отворилась, и Григорій Ивановичъ вошелъ.

„Ага!“ сказалъ Муромскій: „да у васъ, кажется, дѣло совсѣмъ уже слажено...“

Читатели избавятъ меня отъ излишней обязанности описывать развязку.

20 сент. Болд. 9 ч. в.

КОНЕЦЪ ПОВѢСТЯМЪ И П. ВѢЛКИНА.

II.

Исторія села Горохина.

(1830).

Этотъ отрывокъ напечатанъ уже по смерти Пушкина, по оставшимся въ его бумагахъ черновымъ наброскамъ, — въ Современникъ 1837, т. VII, съ измѣненнымъ заглавіемъ: „Лѣтопись села Горохина“ и съ значительными пропусками и искаженіями. Написанная отъ лица Ивана Петровича Бѣлкина, „Исторія“ имѣетъ тѣсную связь съ предисловіемъ къ его повѣстямъ и составлялась одновременно съ ними. Въ черновыхъ тетрадяхъ Пушкина (Моск. Муз. №№ 2367, л. 43; 2387 А и В) вмѣстѣ съ текстомъ „Исторіи“ находимъ и набросокъ ея программы:

„Вступленіе. — Глава I. — Статистика обитателей. — Географическое описаніе Горохина“.

Въ другомъ мѣстѣ: „Торговля, браки, похороны, одежда, языкъ, поэзія“.

На слѣд. страницѣ: „Число жителей, архитектура, церковь дерев. под. . .“

Другая программа, упомянутая въ мат. Анненкова (стр. 284), найдена въ его бумагахъ и напечатана Шляпкинымъ (стр. 47):

„Уваженіе мое къ званію авторовъ, поэтовъ въ особенноти. Встрѣча съ Булгаринымъ и съ Милоновымъ. Любовь. Попытки мои въ разныхъ родахъ: въ повѣстяхъ, въ исторіи [въ критикѣ], всеобщей, російской. Губернскіе города — уѣздные города не имѣютъ исторіи. Пріѣздъ мой въ деревню. Родословная моя. Мысль писать исторію. Календари. Изустныя преданія. Лѣтопись попа. Ревижскія сказки съ описаніемъ мужескаго населенія. Географическое обозрѣніе деревни. Баснословныя времена. Правленіе старосты Антипа. Приказчикъ. [Мірская сходка, бунтъ]. Пріѣздъ моего прадѣда тирана. На барщинѣ Ив. В. Т. [Бунтъ]. Дѣдъ мой управляетъ. Пожаръ. Сосѣди. Повальная болѣзнь. Церковная исторія. Мужики разоренные. Отецъ мой. [Приказчикъ]. Староста . . . Бунтъ. Была богатая, вольная деревня. Обѣднѣла отъ тиранства. Поправилась при отцѣ. Пришла въ упадокъ отъ нерадѣнія“.

Кромѣ этихъ программъ, въ рукописяхъ сохранились слѣдующіе два отрывка, изъ которыхъ первый представляетъ вариантъ начала „Исторіи“, а второй — первоначальный набросокъ этого варианта:

I.

Если званіе любителя отечественной литературы само-по-себѣ достойно уваженія, то я въ мнѣніи публики, не взирая на убожество дарованій, имѣю право на нѣкоторое ся вниманіе. Произошедъ въ 1751 г. отъ честныхъ, но недостаточныхъ родителей, я не могъ пользоваться источниками просвѣщенія, открытыми въ послѣдствіи времени въ столь великомъ изобиліи, и долженъ былъ довольствоваться уроками приходскаго дьячка, человѣка, впрочемъ, весьма довольно образованнаго въ смиренномъ своемъ званіи. Сему-то почтенному мужу обязанъ я благородною страстію къ изящному вообще и къ россійской словесности въ особенности. Вѣранный мнѣ имъ Письмовникъ г. Курганова не выходилъ изъ моихъ рукъ, и восьми лѣтъ зналъ я его наизусть. Съ того времени смѣло могу сказать, что не вышло изъ печати ни одного русскаго творенія, ни одного перевода, ни одного русскаго журнала [включая тутъ хозяйственныя и поваренныя сочиненія, также и мѣсяцословы], коихъ бы я не прочиталъ или о коихъ, по крайней мѣрѣ, не получилъ достаточнаго понятія. Старыхъ людей обвиняютъ вообще въ слѣпой привязанности къ прошедшему и въ отвращеніи отъ настоящаго; но я не заслуживаю такого упрека. Успѣхи нашей словесности всегда радовали мое сердце, и я не могъ безъ негодованія слышать въ нынѣшнихъ журналахъ нападки, столь же безумныя, какъ и несправедливыя, на произведенія нашихъ писателей, дѣлающихъ честь не только Россіи, но и всему человѣчеству, и вообще на состояніе просвѣщенія въ любезнѣйшемъ нашемъ отечествѣ. Сіи журналы не суть ли сами краснорѣчивыми доказательствами исполинскихъ успѣховъ нашего просвѣщенія? Какой изъ иностранныхъ журналовъ превзойдетъ въ глубокомысліи „Вѣстникъ Европы“, въ учености — „Сѣверный Архивъ“, въ пріятномъ разнообразіи — „Московскій Телеграфъ“, въ прочихъ достоинствахъ — „Сынъ Отечества“, „Московскій Вѣстникъ“, „Сѣверную Пчелу“ и другіе? Въ чемъ, конечно, согласятся почтенные издатели „Вѣстника Европы“, „Сѣвернаго Архива“, „Московскаго

Телеграфа“ и проч. Сіи-то несправедливыя и безумныя нападенія принудили меня въ первый разъ выступить на поприще писателей, надѣясь быть полезнымъ любезнымъ моимъ соотечественникамъ, пока неумолимыя Парки прядутъ еще нить жизни, какъ говорить г. Ф. въ одномъ трогательно-грустномъ объявленіи о поступившей въ продажу книжкѣ своего сочиненія . . .

II.

Я родился отъ честныхъ и благородныхъ родителей, въ селѣ Горохинѣ, 1801 года апрѣля 1 числа, и первоначальное образованіе получилъ отъ нашего дьячка, мужа просвѣщеннаго и весьма свѣдущаго въ его скромномъ состояніи. Сему-то почтенному мужу обязанъ я впоследствии развившейся во мнѣ охотою къ чтенію и вообще къ занятіямъ литературнымъ. Успѣхи мои хотя были медленны, но благонадежны, ибо на десятомъ году отъ роду я зналъ уже почти все то, что понынѣ осталось у меня въ памяти, отъ природы слабой и которую, по причинѣ столь же слабого здоровья, не позволяли мнѣ излишне отягощать.

Десяти лѣтъ привезенъ я былъ въ Москву и отданъ въ партикулярный пансіонъ Франца Егоровича Ф., гдѣ и пробылъ я три мѣсяца, т. е. до самаго нашествія Наполеона, во время коего нашествія пансіонъ былъ распущенъ, и я возвратился въ село Горохино, во время трехмѣсячнаго отсутствія пріобрѣтши въ пансіонѣ только большой навыкъ въ игрѣ, называемой лаптой, коей обучилъ вскорѣ и всѣхъ дворовыхъ мальчиковъ. По изгнаніи двухнадесяти языковъ, и проч. (См. стр. 149).

Еще Анненковъ (Мат., 284) замѣтилъ, что Пушкинъ не напечаталъ своего отрывка, вѣроятно, изъ опасенія „злыхъ сближеній“. Подъ этими „сближеніями“, какъ подробно разъяснено впоследствии Ап. Григорьевымъ и Н. Н. Страховымъ, надо понимать близость „Исторіи села Горохина“ къ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина. Пушкинъ въ совершенствѣ усвоилъ тонъ и приемы исторіографа и мастерски ихъ пародировалъ, — быть можетъ, вспоминая о томъ, какъ, въ дни его молодости, „нѣкоторые остряки“ за ужиномъ перелагали слогомъ Карамзина первыя главы Тита Ливія . . .

См. этюдъ Н. И. Черняева въ книгѣ: „Критич. статьи и замѣтки о Пушкинѣ“, Харьк. 1900, стр. 509 — 584.

Если Богъ пошлетъ мнѣ читателей, то, можетъ быть, для нихъ любопытно будетъ узнать, какимъ образомъ рѣшился я написать исторію села Горохина. Для того долженъ я войти въ нѣкоторыя предварительныя подробности.

Званіе литератора всегда казалось для меня самымъ завиднымъ. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по-старинному, никогда ничего не читывали, и во всемъ домѣ, кромѣ азбуки, купленной для меня, календарей и Новѣйшаго Письмовника, ¹ никакихъ книгъ не находилось. Чтеніе Письмовника долго было любимымъ моимъ упражненіемъ. Я зналъ его наизусть и, не смотря на то, каждый день находилъ въ немъ новыя, незамѣченныя красоты. Послѣ генерала N. N., у котораго батюшка былъ нѣкогда адъютантомъ, Кургановъ казался мнѣ величайшимъ человѣкомъ. Я разспрашивалъ о немъ у всѣхъ — и, къ сожалѣнію, никто не могъ удовлетворить моему любопытству, никто не зналъ его лично; на всѣ мои вопросы отвѣчали только, что Кургановъ сочинилъ Новѣйшій Письмовникъ; но это твердо зналъ я и прежде. Мракъ неизвѣстности окружалъ его, какъ нѣкоего древняго полубога; иногда я даже сомнѣвался въ истинѣ его существованія. Имя его казалось мнѣ вымышленнымъ, и преданіе о немъ — пустою мифою, ожидавшею изысканія новаго Нибура. Однако же, онъ все преслѣдовалъ мое воображеніе; я старался придать какой-нибудь образъ сему таинственному лицу и на-

конецъ рѣшилъ, что долженъ онъ походить на земскаго засѣдателя Корючкина, маленькаго старичка, съ краснымъ носомъ и сверкающими глазами.

Въ 1812 году повезли меня въ Москву и отдали въ пансіонъ Карла Ивановича Мейера, гдѣ пробылъ я не болѣе трехъ мѣсяцевъ, ибо насъ распустили передъ вступленіемъ непріятели... Я возвратился въ деревню. По изгнаніи двухнадесяти языковъ, хотѣли меня снова везти въ Москву, посмотрѣть, не возвратился ли Карлъ Ивановичъ на прежнее пепелище или, въ противномъ случаѣ, отдать меня въ другое училище; но я упросилъ матушку оставить меня въ деревнѣ, ибо здоровіе мое не позволяло мнѣ вставать съ постели въ 7 часовъ, какъ обыкновенно заведено во всѣхъ пансіонахъ. Такимъ образомъ достигъ я 16-лѣтняго возраста, оставаясь при первоначальномъ моемъ образованіи и играя въ лапту, — единственная наука, въ коей приобрѣлъ я достаточное познаніе во время пребыванія моего въ пансіонѣ.

Въ сіе время опредѣлился я юнкеромъ въ пѣхотный полкъ, въ коемъ и находился до прошлаго 1823 года. Пребываніе мое въ полку оставило мнѣ мало пріятныхъ впечатлѣній, кромѣ производства въ офицеры и выигрыша 240 рублей въ то время, какъ у меня въ карманѣ всего оставался рубль шесть гривенъ. Смерть дражайшихъ моихъ родителей, воспопсѣдовавшая почти въ одно время, принудила меня подать въ отставку и пріѣхать въ мою вотчину.

— — —

Сія эпоха жизни моей столь для меня важна, что я намѣренъ о ней распространиться, заранѣе проси извиненія у благосклоннаго читателя, если во зло употреблю снисходительное его вниманіе.

День был осенний и пасмурный. Прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ своротить на Горохино (такъ называлась наша деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочною дорогой. Хотя я нрава отъ природы тихаго, но нетерпѣніе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мной, что я поминутно погонялъ моего ямщика, то обѣщая ему на водку, то угрожая побоями, и какъ удобнѣе было мнѣ толкать его въ спину, нежели вынимать и развязывать кошелекъ, то, признаюсь, раза три и ударилъ его, что отъ роду со мною не случалось, ибо ѳословіе ямщиковъ, не знаю почему, для меня въ особенности любезно. Ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все-таки затягивалъ возжи. Наконецъ я завидѣлъ горохинскую рощу и черезъ 10 минутъ вѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось; я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, теперь обращенъ былъ въ некошенный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но онѣ были заколочены, хотя ставни открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ пріѣхалъ, она снова побѣжала въ избу, и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронуть до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя

лица и дружески со всѣми ими цѣлюясь: мои потѣшныя мальчишки были ужь мужиками, а дѣвчонки, сидѣвшія нѣкогда на полу для посылокъ, — замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинамъ говорилъ я безъ церемоніи: „какъ ты постарѣла“ — и мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: „какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!“ Повели меня на заднее крыльцо; навстрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ, какъ многострадальнаго Одиссея. Побѣжали топить баню. Поварь, давно въ бездѣйствіи отростившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ, или ужинъ, ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ дѣвушками покойной матушки, и я очутился въ смиренной отеческой обители и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года тому родился.

Около трехъ недѣль прошло для меня въ хлопотахъ всякаго рода; я возился съ засѣдателями, предводителями и всевозможными губернскими чиновниками. Наконецъ принялъ я наслѣдство и былъ введенъ во владѣніе вотчиной. Я успокоился; но скоро скука бездѣйствія стала меня мучить. Я не былъ еще знакомъ съ добрымъ и почтеннымъ сосѣдомъ моимъ **. Занятія хозяйственныя были вовсе для меня чужды. Разговоры кормилицы моей, произведенной мною въ ключницы и управительницы, состояли счетомъ изъ пятнадцати домашнихъ анекдотовъ, весьма для меня любопытныхъ, но рассказываемыхъ ею всегда одинаково, такъ что она сдѣлалась для меня другимъ Новѣйшимъ Письмовникомъ, въ которомъ я зналъ, на какой страницѣ какую найду строчку. Настоящій же заслуженный Письмовникъ былъ мною найденъ въ кладовой, между

всякой рухлядью, въ жалкомъ состояніи. Я вынесъ его на свѣтъ и принялся было за него, но Кургановъ потерялъ для меня прежнюю свою прелесть. Я прочелъ его еще разъ и больше уже не открывалъ.

Въ сей крайности пришло мнѣ на мысль: не попробовать ли самому что - нибудь сочинить? Благоклонный читатель знаетъ уже, что воспитанъ я былъ на мѣдныя деньги и что въ послѣдствіи не имѣлъ я случая пріобрѣсти самъ собою то, что было разъ упущено, до шестнадцати лѣтъ играя съ дворовыми мальчиками, а потомъ — переходя изъ губерніи въ губернію, изъ квартиры на квартиру, проводя время съ жидами и маркитантами, играя на ободранныхъ билліардахъ и маршируя въ грязи.

Къ тому же, быть сочинителемъ казалось мнѣ такъ мудрено, такъ недосыгаемо намъ, непосвященнымъ, что мысль взяться за перо сначала испугала меня. Смѣлъ ли я надѣяться попасть когда - нибудь въ число писателей, когда уже пламенное желаніе мое встрѣтиться съ однимъ изъ нихъ никогда не было исполнено? Но это напоминаетъ мнѣ случай, который намѣренъ я разсказать въ доказательство всегдашней страсти моей къ отечественной словесности.

Въ 1820 году, еще юнкеромъ, случилось мнѣ быть по казенной надобности въ Петербургъ; я прожилъ въ немъ недѣлю и, не смотря на то, что не было у меня тамъ ни одного знакомаго человѣка, провелъ время чрезвычайно весело; каждый день тихонько ходилъ я въ театръ, въ галерею 4-го яруса. Всѣхъ актеровъ узналъ по имени, и страстно влюбился въ **, игравшую съ большимъ искусствомъ, въ одно воскресенье, роль Эйяліи въ драмѣ: Ненависть къ людямъ и раскаяніе. ² Утромъ,

возвращаясь изъ Главнаго Штаба, заходилъ я обыкновенно въ низенькую конфетную лавку, и за чашкой шоколаду читаль литературные журналы. Однажды сидѣлъ я, углубленный въ критическую статью Благонамѣреннаго; нѣкто, въ гороховой шинели, ко мнѣ подошелъ и изъ-подъ моей книжки тихонько потянулъ листокъ гамбургской газеты; я такъ былъ занятъ, что не поднялъ и глазъ. Незнакомый спросилъ себѣ бифштекса и сѣлъ передо мною; я все читаль, не обращая на него вниманія; онъ между тѣмъ позавтракалъ, сердито побранилъ мальчика за неисправность, выпилъ полбутылки вина и вышелъ. Двое молодыхъ людей тутъ же завтракали. „Знаешь ли, кто это былъ?“ сказалъ одинъ другому: „это Б..., сочинитель“. — Сочинитель! воскликнулъ я невольно и, оставя журналъ недочитаннымъ и чашку нѣдопитою, побѣждалъ расплачиваться и, не дождавшись сдачи, выбѣжалъ на улицу. Смотри во всѣ стороны, увидѣлъ я издали гороховую шинель и пустился по Невскому проспекту, только что не бѣгомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, чувствую вдругъ, что меня останавливаютъ; оглядываюсь, — гвардейскій офицеръ замѣтилъ мнѣ: что-де мнѣ слѣдовало не толкнуть его на тротуарѣ, но скорѣе остановиться и вытянуться. Послѣ сего выговора я сталъ осторожниѣе; на бѣду мою, поминутно встрѣчались мнѣ офицеры: я поминутно останавливался, а сочинитель все уходилъ отъ меня впередъ. Отъ роду моя солдатская шинель не была мнѣ столь тягостною, отъ роду эполеты не казались мнѣ столь завидными; наконецъ у самага Аничкина моста догналъ я гороховую шинель. „Позвольте спросить“, сказалъ я, приставя ко лбу руку: „вы г. Б., коего прекрасныя статьи имѣлъ я счастье читать въ Соревнователѣ Просвѣщенія?“ — Никакъ

нѣтъ-съ, отвѣчалъ онъ мнѣ: я не сочинитель, а стряпчій; но Б. мнѣ очень знакомъ; четверть часа тому, я встрѣтилъ его у Полицейскаго моста. — Такимъ образомъ уваженіе мое къ русской литературѣ стоило мнѣ 30 копѣекъ потерянной сдачи, выговора по службѣ и чуть-чуть не ареста — и все даромъ.

Не смотря на всѣ возраженія моего разсудка, дерзкая мысль сдѣлаться писателемъ поминутно приходила мнѣ въ голову. Наконецъ, не будучи болѣе въ состояніи противиться влеченію природы, я сшилъ себѣ толстую тетрадь и рѣшилъ, съ твердымъ намѣреніемъ, наполнить ее чѣмъ бы то ни было. Всѣ роды поэзіи (ибо о смиренной прозѣ я еще и не помышлялъ) были мною разобраны, оцѣнены, и я непременно рѣшилъ на эпическую поэму, почерпнутую изъ отечественной исторіи. Не долго искалъ я себѣ героя, — выбралъ Рюрика — и принялся за работу. ³

Къ стихамъ приобрѣлъ я нѣкоторый навѣкъ, переписывая тетрадки, ходившія по рукамъ между нашими офицерами, именно: Критику на Московскій Бульваръ, на Прѣсенскіе пруды ⁴, Опаснаго Сосѣда и т. п. Не смотря на то, поэма моя подвигалась медленно, и я бросилъ ее на третьемъ стихѣ. Я думалъ, что эпическій родъ, — не мой родъ, и началъ трагедію: Рюрикъ. Трагедія не пошла. Я попробовалъ обратить ее въ балладу, но и баллада какъ-то мнѣ не давалась. Наконецъ вдохновеніе озарило меня, — я началъ и благополучно окончилъ: надпись къ портрету Рюрика.

Не смотря на то, что „надпись“ моя была не вовсе недостойна вниманія, особенно какъ первое произведеніе молодого стихотворца, однакожь я почувствовалъ, что я не рожденъ поэтомъ, и доволь-

ствовался симъ первымъ опытомъ. Творческія мои попытки такъ привязали меня къ литературнымъ занятіямъ, что я уже не могъ разстаться съ тетрадью и чернильницей. Я хотѣлъ низойти къ прозѣ. На первый случай, не желая заняться предварительнымъ изученіемъ, расположеніемъ плана, скрѣпленіемъ частей и т. п., я вознамѣрился писать отдѣльныя мысли, безъ связи, безъ всякаго порядка, въ томъ видѣ, какъ онѣ мнѣ стануть представляться. Къ несчастію, мысли не приходили мнѣ въ голову, и въ цѣлые два дня надумалъ я только слѣдующее замѣчаніе:

„Человѣкъ, не повинующійся законамъ разсудка и привыкшій слѣдовать внушеніямъ страстей, часто заблуждается и подвергаетъ себя позднему раскаянію“.

Мысль, конечно, справедливая, но уже не новая. Оставя мысли, принялся я за повѣсти; но, не умѣя съ непривычки расположить вымышленное происшествіе, я избралъ замѣчательные анекдоты, нѣкогда мною слышанные отъ разныхъ особъ, и старался украсить истину живостію разсказа, а иногда и цвѣтами собственнаго воображенія. Составляя сіи повѣсти, мало по малу образовалъ я свой слогъ и пріучился выражаться правильно, пріятно и свободно. Но скоро запасъ мой истощился, и я сталъ опять искать предмета для литературной моей дѣятельности.

Мысль оставить мелочныя и сомнительныя анекдоты для повѣствованія истинныхъ и великихъ происшествій давно тревожила мое воображеніе. Быть судьбою, наблюдателемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ казалось мнѣ высшею степенью, доступной для писателя. Какую исторію могъ я написать съ моею жалкою образованностію, гдѣ бы не преду-

предили меня многоученые, добросовѣстные мужи? Какой родъ исторіи не истощенъ уже ими? Стану ль писать исторію всемірную: но развѣ не существуетъ уже безсмертный трудъ аббата Милота? ⁵ Обращусь ли къ исторіи отечественной: что скажу я послѣ Татищева, Болтина, Голикова? И мнѣ ли рыться въ лѣтописяхъ и добираться до сокровеннаго смысла обветшалаго языка, когда не могъ я выучиться цифрамъ славянскимъ? Я думалъ объ исторіи меньшаго объема, напр. объ исторіи губернскаго нашего города; но и тутъ сколько препятствій, для меня неодолимыхъ! Поѣздка въ городъ, визиты къ губернатору и къ архіерею, просьба о допущеніи въ архивы и въ монастырскія кладовыя, и проч. Исторія уѣзднаго нашего города была бы для меня удобнѣе, но она не была занимательна ни для философа, ни для прагматика, и представляла мало пищи краснорѣчію. ** былъ переименованъ въ городъ въ 17** году, и единственное замѣчательное происшествіе, сохранившееся въ его лѣтописяхъ, есть ужасный пожаръ, случившійся десять лѣтъ тому назадъ, истребившій базаръ и присутственныя мѣста.

Нечаянный случай разрѣшилъ мои недоумѣнія. Баба, развѣсившая бѣлье на чердакѣ, нашла старую корзину, наполненную щепками, соромъ и книгами. Весь домъ зналъ охоту мою къ чтенію. Ключница моя въ то самое время, какъ я, сидя за моей тетрадью, грызъ перо и думалъ объ опытѣ сельскихъ проповѣдей, съ торжествомъ втащила корзину въ мою комнату, радостно восклицая: книги! книги! — „Книги!“ повторилъ я съ восторгомъ и бросился къ корзинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ цѣлую груду книгъ въ зеленомъ и синемъ бумажномъ переплетѣ. Это было собраніе старыхъ календарей. Сіе открытіе

охладило мой восторгъ, но все я былъ радъ нечаянной находкѣ: все же это были книги, и я щедро наградиль усердіе прачки полтиною серебромъ.

Оставшись наединѣ, я сталъ разсматривать свои календари, и скоро мое вниманіе было сильно ими привлечено. Они составляли непрерывную цѣпь годовъ отъ 1744 до 1799, т. е. ровно 55 лѣтъ. Синіе листы бумаги, обыкновенно вплетаемые въ календари, были всѣ исписаны стариннымъ почеркомъ. Брося взоръ на сіи строки, съ изумленіемъ увидѣль я, что они заключали не только замѣчанія о погодѣ и хозяйственные счета, но также и краткія историческія извѣстія касательно села Горохина. Немедленно занялся я разборомъ драгоценныхъ сихъ записокъ и вскорѣ нашель, что онѣ представляли полную исторію моей отчины, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, въ самомъ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Сверхъ сего заключали онѣ неистощимый запасъ экономическихъ, статистическихъ, метеорологическихъ и другихъ ученыхъ наблюденій. Съ тѣхъ поръ изученіе сихъ записокъ заняло меня исключительно, ибо увидѣль я возможность извлечь изъ нихъ повѣствованіе стройное, любопытное и поучительное. Ознакомясь довольно съ драгоценными сими памятниками, я сталъ искать новыхъ источниковъ исторіи села Горохина, и вскорѣ обиліе оныхъ изумило меня. Посвятивъ цѣлые шесть мѣсяцевъ на предварительное изученіе, наконецъ приступилъ я къ давно желаемому труду — и съ помощію Божіею совершилъ оный сего ноября 3 дня 1827 года. Нынѣ, какъ нѣкоторый мнѣ подобный историкъ, коего имени я не запомню, окончивъ свой трудный подвигъ, кладу перо и съ грустію иду въ мой садъ размышлять о томъ, что мною совершено. Кажется и мнѣ, что написавъ

исторію Горохина, я уже не нуженъ міру, что долгъ мой исполненъ и что пора мнѣ опочить!

Здѣсь прилагаю списокъ источниковъ, послужившихъ мнѣ къ составленію исторіи Горохина:

I. Собраніе старинныхъ календарей, 55 частей. Первые 20 частей исписаны стариннымъ почеркомъ съ титлами. Лѣтопись сія сочинена прадѣдомъ моимъ Андреемъ Степановичемъ Бѣлкинымъ; она отличается ясностію и краткостію слога, напри- мѣръ: „4-го мая снѣгъ. Тришка за грубость битъ. 6-го — корова бурая пала. Сенька за пьянство битъ. 8-го — погода ясная. 9-го — дождь и снѣгъ. Тришка битъ по погодѣ. 10-го — Трипка за пьянство битъ“... и тому подобное, безо всякихъ размы- шленій. „11-го — погода ясная, пороша; затравилъ трехъ зайцевъ“. — Остальныя 35 частей писаны раз- ными почерками, большею частію такъ называемымъ лавочничьимъ, съ титлами и безъ титловъ, вообще плодовиито, несвязно и безъ соблюденія правописанія; кое-гдѣ замѣтна женская рука. Въ сіе отдѣленіе входятъ записки дѣда моего Ивана Андреевича Бѣлкина и бабки моей, а его супруги, Евпраксіи Але- ксѣевны; также и записки прикащика Горбовицкаго.

II. Лѣтопись горохинскаго дьячка. Сія лю- бопытная рукопись отыскана мною у моего попа, женатаго на дочери лѣтописца. Первые листы бы- ли выдраны и употреблены дѣтьми священника на такъ называемые змѣи. Одинъ изъ таковыхъ упалъ среди моего двора; я поднялъ его и хотѣлъ было возвратитъ дѣтямъ, какъ замѣтилъ, что онъ былъ исписанъ. Съ первыхъ строкъ увидѣлъ я, что змѣи составленъ былъ изъ лѣтописи. Къ счастью успѣлъ

спасти остальное. Лѣтопись сія, приобрѣтенная мною за четверть овса, отличается глубокомысліемъ и велерѣчіемъ необыкновеннымъ.

III. Изустныя преданія. Я не пренебрегалъ никакими извѣстіями; но въ особенности обязанъ Аграфенѣ Трифоновой, матери Авдѣя старосты, бывшей, говорятъ, любовницею прикащика Горбовицкаго.

IV. Ревижскія сказки, съ замѣчаніями прежнихъ старость касательно нравственности и состоянія крестьянъ.

31-го октября.

БАСНОСЛОВНЫЯ ВРЕМЕНА.

Староста Трифонъ.

Основаніе Горохина и первоначальное населеніе онаго покрыто мракомъ неизвѣстности. Темныя преданія гласятъ, что нѣкогда Горохино было село богатое и обширное, что всѣ жители онаго были зажиточны; что оброкъ собирали единожды въ годъ и отсылали невѣдомо кому, на нѣсколькихъ возахъ. Въ то время все покупали дешево и дорого продавали. Прикашиковъ не существовало; старосты никого не обижали; обитатели работали мало, а жили припѣваючи, и пастухи стерегли стадо въ сапогахъ. Мы не должны обольщаться сею очаровательною картиною. Мысль о золотомъ вѣкѣ сродна всѣмъ народамъ и доказываетъ только, что люди никогда не довольны настоящимъ и, по опыту имѣя мало надежды на будущее, украшаютъ невозвратимое минувшее всѣми цвѣтами своего воображенія. Вотъ что достовѣрно: село Горохино издревле принадлежало знаменитому роду Бѣлкиныхъ. Но предки мои, владѣя многими другими отчинами, не обращали вни-

манія на сію отдаленную страну. Горохино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народомъ на вѣчѣ, мірскою сходкою называемомъ.

Въ теченіе этого времени родовыя имѣнія Бѣлкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ. Обѣднѣвшіе внуки богатаго дѣда не могли отвыкнуть отъ роскошныхъ своихъ привычекъ и требовали прежняго полного дохода отъ имѣнія, въ десять кратъ уже уменьшившагося. Грозныя предписанія слѣдовали одно за другимъ. Староста читалъ ихъ на вѣчѣ; старшины витійствовали, міръ волновался — а господа, вмѣсто двойного оброка, получали скучныя отговорки и смиренныя жалобы, писанныя на засаленной бумагѣ и запечатанныя грошемъ.

Мрачная туча висѣла надъ Горохинымъ, а никто объ ней и не помышлялъ. Въ послѣдній годъ властвованія Трифона, послѣдняго старосты, народомъ избраннаго, въ самый день храмового праздника, когда весь народъ или шумно окружалъ увеселительное зданіе (кабакомъ въ просторѣчій именуемое), или бродилъ по улицамъ, обнявшись между собою и громко воспѣвая пѣсни Архипа Лысаго, вѣхала въ село плетеная крытая бричка, заложенная парюю клячъ едва живыхъ; на козлахъ сидѣлъ оборванный жидъ; изъ брички высунулась голова въ картузѣ и, казалось, съ любопытствомъ смотрѣла на веселящійся народъ. Жители встрѣтили повозку смѣхомъ и грубыми насмѣшками. (NB. Свернувъ трубкою возкраія одеждъ, безумцы глумились надъ еврейскимъ возницею и восклицали смѣхотворно: „Жидъ, жидъ, ѣшь свиное ухѣ!..“ Лѣтопись горохинскаго дьячка). Сколь изумились они, когда бричка остановилась посреди села и когда пріѣзжіи, выпрыгнувъ изъ нея, повелительнымъ голосомъ потребовалъ ста-

росту Трифона. Сей сановникъ находился въ увеселительномъ зданіи, откуда двое старшинъ почтительно вывели его подъ руки. Незнакомецъ посмотрѣлъ на него грозно, подалъ ему письмо и велѣлъ читать оное немедленно. Старосты горохинскіе имѣли обыкновеніе никогда ничего сами не читать. Послали за земскимъ Авдѣемъ. Его нашли неподалеку, спящаго въ переулкѣ подъ заборомъ, и привели къ незнакомцу. Но или отъ внезапнаго испуга, или отъ горестнаго предчувствія, буквы письма, четко написаннаго, показались ему отуманенными, и онъ не былъ въ состояніи ихъ разобрать. Незнакомецъ, старосту Трифона и земскаго Авдѣя съ ужаснымъ проклятіемъ отославъ спать, отложилъ чтеніе письма до завтрашняго дня и пошелъ въ приказную избу, куда жидъ понесъ за нимъ его маленькій чемоданъ.

Горохинцы съ изумленіемъ смотрѣли на сіе необыкновенное происшествіе; но вскорѣ бричка, жидъ и незнакомецъ были забыты. День кончился шумно и весело — и Горохино заснуло, не предвидя, что ожидало его...

Съ восходомъ утренняго солнца жители были пробуждены стукомъ въ окошки и призываніемъ на мірскую сходку. Граждане, одинъ за другимъ, явились на дворъ приказной избы, служившій вѣчевою площадью. Глаза ихъ были мутны и красны, лица опухлы; они, зѣвая и почесываясь, смотрѣли на челоуѣка въ картузѣ, въ старомъ голубомъ кафтанѣ, важно стоявшаго на крыльцѣ приказной избы, — и старались припомнить черты его, когда-то ими видѣнныя. Староста и земскій Авдѣй стояли подлѣ него безъ шапокъ, съ видомъ подобострастія и глубокой горести. „Всѣ ли здѣсь?“ спросилъ незнакомецъ. — Всѣ ли-ста здѣсь? повторилъ староста. „Всѣ - ста“,

отвѣчали граждане, а староста объявилъ, что отъ барина получена грамота, и приказалъ земскому прочесть ее во услышаніе міра. Авдѣй выступилъ и громогласно прочелъ слѣдующее. (NB. Сію грозновѣщую грамоту списалъ я у Трифона старосты; у него же хранилася она въ кивотѣ вмѣстѣ съ другими памятниками владычества его надъ Горохинымъ)

Трифонъ Ивановъ!

Вручитель письма сего, повѣренный мой **, ѣдетъ въ отчину мою село Горохино для поступленія въ управленіе онаго. Немедленно по его прибытіи собрать мужиковъ и объявить имъ мою барскую волю, а именно: приказаній повѣреннаго моего ** имъ, мужикамъ, слушаться, какъ моихъ собственныхъ, и все, чего онъ потребуеть, исполнять безпрекословно; въ противномъ случаѣ имѣеть онъ ** поступать съ ними со всевозможною строгостію. Къ сему понудило меня ихъ безсовѣстное непослушаніе и твое, Трифонъ Ивановъ, плутовское потворство.

Подписано: N. N.

Тогда *^x, растопыря ноги на подобіе хера и подбоченясь на подобіе ферта, произнесъ слѣдующую краткую и выразительную рѣчь: „Смотрите жъ вы у меня, не очень умничайте; — вы, я знаю, народъ избалованный; да я, небось, выбью дурь изъ вашихъ головъ скорѣе вчерашняго хмѣля.“ Хмѣля уже не было ни въ одной головѣ, и горохинцы, какъ громомъ пораженные, повѣсили носы и съ ужасомъ разошлись по домамъ.

Правленіе прикащика **.

** принялъ бразды правленія. Онъ потребовалъ опись крестьянамъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ и приступилъ къ исполненію своей политиче-

ской системы. Она заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія.

Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смиреннѣе. Вслѣдствіе сего ** старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1. Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостію. 2. Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если же, по его расчетамъ, трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что сіи платили ему добровольную дань; а отдаваемые въ холопство имѣли полное право откупаться, заплатя сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство же было торжествомъ корыстолюбивому правителю, ибо отъ онаго по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока, наконецъ, выборъ не падалъ на негодяя или разореннаго. Мірскія сходки были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглый годъ сряду. Мужики, кажется, платили и не слишкомъ болѣе противу прежняго, но никакъ не могли ни наработать, ни накопить достаточно денегъ. Въ три года Горохино совершенно обнищало. Горохино приуныло, базаръ запустѣлъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли. Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая служила въ батракахъ; ребягишки пошли по міру — и день храмового праздника сдѣлался, по выраженію лѣтописца, не днемъ радости и ликованія, но годовщиною печали и поминанія горестнаго.

Изъ горохинскаго лѣтописца.

Посадилъ окаянный прикащикъ Антона Тимоѳеева въ желѣзы, а старикъ Тимоѳей сына откупилъ за 100 руб.; а прикащикъ заковалъ Петрушку Еремѣева, и того откупилъ отецъ за 68 руб.; а хотѣлъ окаянный сковать Леху Тарасова, но тотъ бѣжалъ въ лѣсъ, и прикащикъ о томъ весьма крушился и свирѣпствовалъ во словесахъ; а отвезли въ городъ и отдали въ рекруты Ваньку пьяницу.

ВРЕМЕНА ИСТОРИЧЕСКІЯ.

Страна (Горохинымъ называемая, по имени столицы своей, число жителей простирается до 63 душъ) занимаетъ на земномъ шарѣ болѣе 240 десятинь. " Къ сѣверу граничитъ она съ деревнями Дернуховымъ и Перкуховымъ (когого обитатели бѣдны, тощи и малорослы, а владѣльцы преданы воинственному упражненію заячьей охоты); къ югу рѣка Сивка отдѣляетъ ее отъ владѣній Карачевскихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ, — сосѣдей безпокойныхъ, извѣстныхъ буйною жестокостію нравовъ; къ западу облегаютъ ее цвѣтушія поля Захарьинскія, благоденствующія подъ властію мудрыхъ и просвѣщенныхъ помѣщиковъ; къ востоку примыкаетъ она къ дикимъ, необитаемымъ мѣстамъ, къ непроходимому болоту, гдѣ произрастаетъ одна клюква, гдѣ раздается лишь однообразное кваканіе лягушекъ, и гдѣ суевѣрное преданіе предполагаетъ быть обиталищу нѣкоего бѣса.

NB. Сіе болото и называется Бѣсовскимъ. Рассказываютъ, будто одна полоумная пастушка стерегла стадо свиней недалеко отъ сего уединеннаго

мѣста. Она сдѣлалась беременною и никакъ не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Глазь народный обвинилъ болотнаго бѣса; но сія сказка недостойна вниманія историка, и послѣ Нибура непростительно было бы тому вѣрить.

Издревле Горохино славилось своимъ плодородіемъ и благотвореннымъ климатомъ. На тучныхъ его нивахъ рожь, овесъ, ячмень и гречиха. Березовая роща и еловый лѣсъ снабжаютъ обитателей деревьями и валежникомъ на постройку и отопку жилищъ. Нѣтъ недостатка въ орѣхахъ, въ клюквѣ, брусникѣ и черникѣ. Грибы произрастаютъ въ необыкновенномъ количествѣ; изжаренные въ сметанѣ представляютъ они пріятную, хотя и нездоровую пищу. Прудъ наполненъ карасями, а въ рѣкѣ Сивкѣ водятся щуки и налимы.

Обитатели Горохина большею частію росту средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе. Женщины отличаются носами, поднятыми нѣсколько вверхъ, выпуклыми скулами и дородностію.

NB. Баба здоровенная. Сіе выраженіе встрѣчается часто въ примѣчаніяхъ старосты къ ревижскимъ сказкамъ.

Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашнѣ), храбры, воинственны. Многіе изъ нихъ ходятъ одни на медвѣдя и славятся въ околдкѣ кулачными бойцами; всѣ вообще склонны къ чувственному наслажденію пїянства. Женщины, сверхъ домашнихъ работъ, раздѣляютъ съ мужчинами большую часть ихъ трудовъ и не уступятъ имъ въ отважности: рѣдка изъ нихъ боится старосты.

Онѣ составляютъ мощную общественную стражу, неусыпно бодрствующую на барскомъ дворѣ, и называются копейщицами (отъ словенскаго слова копье). Главная обязанность копейщицъ — какъ можно чаще бить камнемъ въ чугунную доску и тѣмъ устрашать злоумышленіе. Онѣ столь же цѣломудренны, какъ и прелестны; на покушенія дерзновеннаго отвѣчаютъ сурово и выразительно.

Жители Горохина издавна производятъ обильный торгъ лыками, лукошками и лаптями. Сему способствуетъ рѣка Сивка, черезъ которую весною переправляются они на челнокахъ, подобно древнимъ скандинавамъ, а въ прочее время года переходятъ въ бродъ, предварительно засучивъ портки до коленъ.

Языкъ горохинскій есть рѣшительно отрасль славянскаго, но столь же разнится отъ него, какъ и русскій. Онъ исполненъ сокращеніями и усѣченіями; нѣкоторые звуки вовсе въ немъ уничтожены, или замѣнены другими. Однакожь россіянину легко понять горохинца и обратно. ⁷

Мужчины женятся обыкновенно на 13-мъ году на дѣвицахъ 20-ти-лѣтнихъ. Жены били своихъ мужей въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ. Послѣ чего мужья начинали бить женъ; и такимъ образомъ оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено.

Обряды похоронъ происходили слѣдующимъ образомъ. Въ самый день смерти — покойника относили на кладбище, дабы мертвый въ избѣ не занималъ напрасно лишняго мѣста. Отъ сего случалось, что, къ неописанной радости родственниковъ, мертвецъ чихалъ или зѣвалъ въ ту самую минуту, какъ его выносили въ гробъ за околицу. Жены оплакивали

мужьевъ, воя и приговаривая: „свѣтъ, моя удалая головушка, на кого ты меня покинулъ? чѣмъ-то мнѣ тебя поминати?“ — При возвращеніи съ кладбища начиналась тризна въ честь покойника, и родственники и друзья бывали пьяны два-три дня, или даже цѣлую недѣлю, смотря по усердію и привязанности къ его памяти. Сіи древніе обряды сохраняются и понынѣ.

Одежда горохинцевъ состояла изъ рубахи, надѣваемой сверхъ портокъ, что есть отличительный признакъ ихъ славянскаго происхожденія. Зимой носили они овчинные тулупы, но болѣе для красоты, нежели изъ настоящей нужды, ибо тулупъ обыкновенно надѣвали они на одно плечо и сбрасывали при малѣйшемъ трудѣ, требующемъ движенія.

Науки, искусства и поэзія издреле находились въ Горохинѣ въ довольно цвѣтушемъ состояніи. Сверхъ священника и церковныхъ причетниковъ, всегда водились въ немъ грамотѣи. Лѣтопись упоминаетъ о земскомъ Терентѣ, жившемъ около 1767 года, умѣвшемъ писать не только правою, но и лѣвою рукою. Сей необыкновенный челоуѣкъ прославился въ околдкѣ сочиненіемъ всякаго рода писемъ, челобитныхъ, партикулярныхъ паспортовъ и т. п. Неоднократно пострадавъ за свое искусство, услужливость и участіе въ разныхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, онъ умеръ уже въ глубокой старости, въ то самое время, какъ пріучался писать правою ногою; ибо почерки обѣихъ рукъ его были уже слишкомъ извѣстны. Онъ играетъ (какъ читатель увидить послѣ) важную роль въ исторіи Горохина.

Музыка была всегда любимое искусство образованныхъ горохинцевъ; балалайка и волынка, услаждая чувство и сердце, и понынѣ раздаются въ ихъ

жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ елкою и изображеніемъ двуглаваго орла.

Поэзія нѣкогда процвѣтала въ древнемъ Горохинѣ. Донынѣ стихотворенія Архипа Лысаго сохранились въ памяти потомства. Сіи пѣсни заимствованы большею частью изъ русскихъ, сочиненныхъ солдатами-писателями и боярскими слугами, но приновренныхъ очень искусно къ нравамъ горохинскимъ и къ различнымъ обстоятельствамъ. Приведемъ въ примѣръ сіе сатирическое стихотвореніе:

Ко боярскому двору
 Акимъ староста идетъ,
 Бирки въ пазухѣ несетъ,
 Боярину подаетъ;
 А бояринъ смотритъ,
 Ничего не смыслитъ.
 Ахъ ты, староста Акимъ!
 Обокралъ бояръ кругомъ,
 Село по міру пустилъ,
 Старостиху подарилъ.

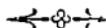
Въ нѣжности не уступятъ они эклогамъ извѣстнаго Виргилія; въ красотѣ воображенія далеко превосходятъ они идилліи г. Сумарокова; и хотя въ щеголеватости слога и уступаютъ новѣйшимъ произведеніямъ нашихъ музъ, но равняются съ ними затѣйливостію и остроуміемъ.

Образъ правленія въ Горохинѣ нѣсколько разъ измѣнялся. Оно попеременно находилось подъ властію старшинъ, выбранныхъ міромъ, прикащиковъ, назначенныхъ помѣщикомъ, и наконецъ непосредственно подъ рукою самихъ помѣщиковъ. Выгоды и невыгоды сихъ различныхъ образовъ правленія бу-

дуть развиты мною въ теченіе моего повѣствованія.

Познакомя такимъ образомъ моего читателя съ этнографическимъ и статистическимъ состояніемъ Горохина и со нравами и обычаями его обитателей, приступимъ теперь къ самому повѣствованію...

1-го ноября.



IV.

**Отрывки и наброски неокон-
ченныхъ повѣстей.**

(1830--1832).

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ мы объединили восемь небольшихъ отрывковъ разнохарактернаго содержанія, написанныхъ въ 1830—1832 гг. и напечатанныхъ, большею частью, уже по смерти Пушкина, по сохранившимся въ его бумагахъ черновымъ.

1. Отрывки изъ романа въ письмахъ напечатаны впервые Анненковымъ (Соч. Пушк. т. VII), давшимъ къ нимъ дополненія въ статьѣ: „Общественные идеалы Пушкина“, Вѣстн. Евр. 1880, № 6. Полная рукопись, которою пользовался Анненковъ, въ настоящее время неизвѣстна; въ рук. Моск. Муз. № 2382 имѣются только три послѣднія письма (Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 362—364). Анненковъ и послѣдующіе издатели относилъ эти отрывки къ 1831 г.; но по содержанію рукописи, въ которой они находятся, и по мѣсту, ими въ ней занимаемому, приходится отнести ихъ если не къ концу 1829, то къ самому началу 1830 г.: имъ предшествуютъ наброски „Странствія Онѣгина“, а за послѣднимъ письмомъ слѣдуютъ черновыя „Путешествія въ Арзрумъ“ и замѣтка о „Юріи Милославскомъ“, напечатанная въ № 5 „Лит. Газ.“ 1830 г.

Отрывки эти интересны въ особенности включенными въ письмо VIII разсужденіями объ обязанностяхъ помѣщика и дворянина поддерживать свои владѣнія и объ уваженіи къ предкамъ: эти мысли очень занимали Пушкина, и онъ неоднократно къ нимъ возвращался (ср. II, 141: „Моя родословная“; III, „Родословная моего героя“ и ниже, въ отрывкѣ: „Гости съѣзжались на дачу“, а также въ журнальныхъ статьяхъ и полемическихъ замѣткахъ, въ т. VI).

2. Отрывокъ, начинающійся словами: „Участь моя рѣшена...“ и носящій, въ видѣ заглавія, помѣтку: „(съ французскаго)“, находится въ рук. Муз. № 2372 среди разныхъ разсчетовъ, касающихся задуманнаго Пушкинымъ изданія своихъ сочиненій (см. Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 315—

316). Онъ напечатанъ впервые въ Мат. Анненкова, (стр. 267), съ тою небрежностью, какую вообще отличается у него передача пушкинской прозы. Поправки по рукописи даны В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 316 и въ изд. Лит. Фонда, IV, 345—347.

Отрывокъ этотъ, безъ сомнѣнiя, имѣеть значенiе автобиографическое: въ немъ нашли себѣ выраженiе мысли, которыми занятъ былъ Пушкинъ, объявленный 6 мая 1830 г. женихомъ Н. Н. Гончаровой. Первая часть этихъ размышлений, какъ видно изъ помѣты, набросана 12 мая, вторая—на другой день; заключительныя строки написаны, по всей вѣроятности, позже, въ концѣ 1830 г., такъ какъ въ нихъ упоминается пѣвица Генриетта Зонтагъ, прїѣзжавшая въ Москву и Петербургъ зимою этого года.

3. „Рославлевъ“. Самимъ Пушкинымъ была напечатана только первая часть этого разсказа—въ Современникѣ 1836, т. III, стр. 197—203, подъ заглавiемъ: „Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы (1811 годъ)“ и съ отмѣткой вмѣсто подписи: „(съ французскаго)“. Затѣмъ второй отрывокъ, съ небольшимъ цензурнымъ пропускомъ, напечатанъ, подъ заглавiемъ: „Рославлевъ“, въ Посм. Третiй—въ приложенiи къ Мат. Анненкова, по рук. Моск. Муз. №№ 2382 и 2387 Б. Въ первой изъ этихъ рукописей (черновой) находится слѣдующая программа:

„Москва тому 20 лѣтъ.—Полина г. Загоскина.—Ея семейство, ея характеръ.—М-те де-Сталь въ Москвѣ.—Обѣдъ, данный ей княземъ*.*.—Его записка.—Война съ Наполеономъ.—Молодой графъ Мамоновъ.—Мы ѣдемъ изъ Москвы“.

Поводомъ къ этому разсказу послужилъ вышедшiй въ 1831 г. романъ М. Н. Загоскина: „Рославлевъ, или русскiе въ 1812 году“, гдѣ авторъ говоритъ въ предисловіи: „Интрига моего романа основана на истинномъ происшествiи; теперь оно забыто, но я помню еще время, когда оно было предметомъ общихъ разговоровъ, и когда проклетiя оскорбленныхъ россиянь гремѣли надъ главою несчастной, которую я назвалъ Полиною въ своемъ романѣ“. Содержанiе этого романа—слѣдующее: у богатой помѣщицы Лидиной, долго жившей въ Парижѣ и большой поклонницы в его французскаго, двѣ дочери, Полина и Ольга, нѣсколько напоминающія пушкинскихъ Татьяну и Ольгу Лариныхъ. Въ Полину влюбленъ Владимiръ Рославлевъ; онъ проситъ

ся руки, но Полина медлитъ съ рѣшительнымъ отвѣтомъ: живя въ Парижѣ, она влюбилась въ французскаго полковника, графа Адольфа Сеникура, о которомъ не можетъ забыть. Между тѣмъ, войска Наполеона вступаютъ въ предѣлы Россіи. Владиміръ, уже объявленный женихомъ Полины, идетъ на войну, совершаетъ чудеса храбрости и, получивъ рану, ѣдетъ въ имѣніе Лидиной. Здѣсь онъ узнаетъ, что Полина обвинялась съ Сеникуромъ, который тоже былъ раненъ, взять въ плѣнъ и случайно отправленъ для излѣченія въ ту же усадьбу Лидиной, гдѣ и встрѣтился съ Полиной. Послѣ цѣлаго ряда приключеній, Рославлевъ встрѣчаетъ Полину, уже овдовѣвшую, въ Данцигѣ: она всѣми покинута, обезславлена и умираетъ въ нищетѣ; въ предсмертномъ письмѣ къ бывшему своему жениху она открываетъ ему, что его любитъ ея сестра Ольга,—и Рославлевъ, по возвращеніи изъ парижскаго похода, женится на этой преданной и истинно-русской дѣвушкѣ. Романъ написанъ въ духѣ грубаго патріотизма знаменитыхъ ростопчинскихъ „афишекъ“ и, по замѣчанію Бѣлинскаго, былъ повтореніемъ „Юрія Милославскаго“: тѣ же лица, тѣ же достоинства и недостатки, исключая одной героини, которая сдѣлалась виновата передъ судомъ автора въ томъ, что какъ женщина полюбила мужчину, не спрашивая, какой онъ націи. И за это авторъ старался всѣми силами выставить ее въ самомъ неблагоприятномъ свѣтѣ. Пушкинъ выступилъ защитникомъ этой героини, и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ яркую картину состоянія тогдашняго русскаго общества, которое у Загоскина явилось въ совершенно ложномъ освѣщеніи. Интересна въ этомъ отрывкѣ и характеристика г-жи Сталь, сочиненія которой были Пушкину хорошо извѣстны и о которой онъ могъ слышать рассказы отъ людей лично ее знавшихъ (Ср. въ т. VI журнальную замѣтку: „О г-жѣ Сталь и г. Мухановѣ“).

4. „Въ одно изъ первыхъ чиселъ...“ напеч. П. И. Бартеневымъ (неточно) въ Рус. Арх. 1880; въ исправл. видѣ—въ изд. Лит. Фонда, IV, 360. Находится въ рук. Моск. Муз. № 2377; написано на бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1831 г. и помѣчено: „30 сентября“. См. Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 85.

5. „Въ 179* возвращался я..“ находится въ рук. Моск. Муз. № 2387 Б, гдѣ вмѣсто заглавія написано: „Гла-

ва вторая". Напеч. въ т. VII изд. Анненкова. См. Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 556.

6. „Гости съѣзжались...“ напеч. въ сборникѣ: „Сто рус. литераторовъ“, 1839 г., откуда перепеч. безъ измѣненій Анненковымъ и послѣдующими издателями. Въ исправл. видѣ, по рукописямъ Моск. Муз. (отдѣльные наброски въ №№ 2371, 2382 и 2387 Б, см. Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 45—46, т. 44, стр. 365—367 и 567),—въ изд. Лит. Фонда, IV, 365—371. Здѣсь, какъ и указано выше, развивается тема „Родословной“ и полемическихъ статей.

7. Марія Шонингъ—написано, какъ можно судить по помѣтамъ въ рукописи, въ апрѣлѣ 1832 г. Напечатано частью въ Посм.; дополненія даны В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 87—89; вполнѣ нап. въ изд. Лит. Фонда, IV, 372, по рук. Муз. № 2377 А.

8. „На углу маленькой площади...“ напеч. въ Посм.. съ пропусками, указанными въ Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 532. Въ рук. Муз. № 2386 озаглавлено: „Глава II“ и начинается зачеркнутыми словами: [Въ Коломнѣ]. По содержанію подходитъ къ отрывку: „Гости съѣзжались...“ Въ тетради № 2382, л. 23 об., набросана программа, относящаяся, по всей вѣроятности, къ этому же отрывку:

„Въ Коломнѣ *avant-soirée*... Она—больная, нѣжная. Онъ—разсѣянный, сатирической. Явленіе въ свѣтъ молодой дѣвушки; онъ влюбляется. — Утро молодого человѣка. — У нихъ будутъ балы, покамѣстъ не выйдетъ замужъ; онъ представленъ. Сцены въ Коломнѣ. Онъ ссорится“.

1.

Отрывки изъ романа въ письмахъ.

I. Отъ Лизы къ подругѣ.

Ты, конечно, милая Сашенька, удивилась нечаянному моему отъѣзду въ деревню. Слѣшу объясниться во всемъ откровенно. Зависимость моего положенія была всегда мнѣ тягостна. Конечно, Авдотья Андреевна воспитала меня наравнѣ съ своею племянницею; но въ ея домѣ я все же была воспитанница, а ты не можешь вообразить, какъ много мелочныхъ горестей неразлучны съ этимъ званіемъ. Многое должна я была сносить, во многомъ уступать, многого не видѣть, между тѣмъ какъ мое самолюбіе прилежно замѣчало малѣйшій отгѣнокъ небреженія. Самое равенство мое съ княжною было мнѣ въ тягость. Когда являлись мы на балѣ, одѣтыя одинаково, я досадовала, не видя на ея шеѣ жемчуговъ. Я чувствовала, что она не носила ихъ для того только, чтобъ не отличаться отъ меня. Неужто предполагають во мнѣ, думала я, зависть, или что-нибудь похожее на такое дѣтское малодушіе. Поведеніе со мною мужчинъ, какъ бы оно ни было учтиво, поминутно задѣвало мое самолюбіе. Холодность ихъ или привѣтливость, — все казалось мнѣ неуваженіемъ. Словомъ, я была созданіе пренесчастное, и сердце мое, отъ природы нѣжное, часть отъ

часу болѣе ожесточалось. Замѣтила ли ты, что всѣ дѣвушки, состоящія на правахъ воспитанницъ, дальнихъ родственницъ, demoiselles de compagnie и тому подобное, обыкновенно бываютъ или низкія служанки, или несносныя причудницы? Послѣднихъ я уважаю и извиняю отъ всего сердца.

Тому ровно три недѣли получила я письмо отъ бѣдной моей бабушки. Она жаловалась на свое одиночество и звала меня къ себѣ въ деревню. Я рѣшилась воспользоваться этимъ случаемъ. Насилу могла выпросить у Авдотьи Андреевны позволеніе ѣхать и должна была обѣщать зимою возвратиться въ Петербургъ; но я не намѣрена сдержать свое слово. Бабушка мнѣ чрезвычайно обрадовалась: она никакъ меня не ожидала.

Слезы ея меня тронули несказанно: я сердечно ее полюбила. Она была нѣкогда въ большомъ свѣтѣ и сохранила много тогдашней любезности. Теперь я живу дома и хозяйкою — и ты не повѣришь, какое это наслажденіе. Я тотчасъ привыкла къ жизни, и мнѣ вовсе не чувствительно отсутствіе роскоши. Деревня наша очень мила. Старый домъ на горѣ, садъ, озеро, сосновая роща, все это осенью немного печально, но за то весной и лѣтомъ должно казаться раемъ. Сосѣдей у насъ мало, и я еще ни съ кѣмъ не видѣлась. Уединеніе мнѣ нравится.

Пиши ко мнѣ, мой ангелъ: письма твои будутъ мнѣ утѣшеніемъ. Что ваши балы, что наши общіе знакомые? Хотя я и сдѣлалась затворницей, однакожь не вовсе отказалась отъ суеты міра. Вѣсти о немъ для меня занимательны.

С. Павловское.

II. Отъ Саши въ деревню къ другу своему.

Милая Лиза! Вообрази мое изумленіе, когда узнала твой отъѣздъ въ деревню. Увидѣвъ княжну Ольгу одну, я думала, что ты нездорова, и не хотѣла вѣрить ея словамъ. На другой день получаю твое письмо. Поздравляю тебя, мой ангелъ, съ новымъ образомъ жизни. Радуюсь, что онъ тебѣ понравился. Твои жалобы о прежнемъ твоёмъ положеніи меня тронули до слезъ, но показались мнѣ слишкомъ горькими. Какъ можешь ты сравнивать себя съ воспитанницами?.. Всѣ знаютъ, что Ольгинъ отецъ былъ всѣмъ обязанъ твоему, и что дружба ихъ была столь же священна, какъ самое близкое родство. Ты была довольна своею судьбой; никогда не предполагала я въ тебѣ столько раздражительности. Признайся, нѣтъ ли другой, тайной причины твоему послѣшному отъѣзду?.. Я подозреваю, но ты со мною скрытничаешь, и я боюсь разсердить тебя заочно своими догадками.

Что сказать тебѣ про Петербургъ? Мы еще на дачѣ, но почти всѣ уже разъѣхались. Балы начнутся недѣли черезъ двѣ-три. Погода прекрасная. Я гуляю очень много. На дняхъ обѣдали у насъ гости, и одинъ изъ нихъ спрашивалъ: имѣю ли о тебѣ извѣстія? Онъ сказалъ, что твое отсутствіе замѣтно, какъ порванная струна въ фортепіано. Я совершенно согласна съ нимъ. Я все надѣюсь, что этотъ припадокъ мизантропіи будетъ непродолжителенъ, а то нынѣшнею зимою мнѣ не съ кѣмъ будетъ раздѣлить моихъ невинныхъ наблюденій, некому будетъ передавать эпиграммы моего сердца. Прости, моя милая, подумай и обдумайся.

Крестовскій островъ.

III. Письмо Лизы.

1 ноября.

Письмо твое меня чрезвычайно утѣшило: оно такъ живо напомнило мнѣ Петербургъ. Мнѣ казалось, я тебя слышу! Какъ смѣшны твои вѣчныя предположенія! Ты подозрѣваешь во мнѣ какія-то глубокія, тайныя чувства, какую-то несчастную любовь — не правда ли? Успокойся, милая. Я похожа на героиню только тѣмъ, что живу въ глухой деревнѣ и разливаю чай, какъ Кларисса Гарловъ.

Ты говоришь, что тебѣ некому будетъ нынѣшнею зимою передавать своихъ сатирическихъ наблюдений. А на что жь переписка? Пиши ко мнѣ все, что замѣтишь; повторяю тебѣ, что я вовсе не отказалась отъ свѣта, что все касающееся до него для меня занимательно. Въ доказательство того, прошу тебя написать, кому отсутствіе мое такъ замѣтно? Алексѣю П*? Я увѣрена, что угадала. Уши мои были всегда къ его услугамъ, а ему только и надобно.

Я познакомилась здѣсь съ семействомъ ***. Отецъ хлѣбосоль, мать — толстая, веселая баба, большая охотница до виста, дочка Маша — стройная, меланхолическая дѣвушка лѣтъ семнадцати, воспитанная на романахъ и на чистомъ воздухѣ. Она цѣлый день въ полѣ съ книгою въ рукахъ, окружена дворными собаками, говоритъ о погодѣ нараспѣвъ, и съ чувствомъ подчууетъ варенье. У нея нашла я цѣлый шкафъ, наполненный старыми романами. Я намѣрена все это прочесть и начала Ричардсономъ. Надобно жить въ деревнѣ, чтобы имѣть возможность прочитать хваленую Клариссу. Я, благословясь, начала съ предисловія переводчика, и увидя въ немъ увѣреніе, что хотя

первыя шесть частей скучненьки, за то послѣднія шесть въ полной мѣрѣ вознаграждаютъ терпѣніе читателя, храбро принялась за дѣло. Читаю томъ, другой, третій — скучно, мочи нѣтъ — наконецъ добилась до шестого. Ну, думаю я, — теперь буду я награждена за трудъ. Что же? Читаю смерть Клариссы, смерть Ловеласа — и конецъ. Я и не замѣтила перехода отъ скучныхъ къ нескучнымъ.

Чтеніе Ричардсона дало мнѣ поводъ къ размышленіямъ. Какая ужасная разница между идеалами бабушекъ и внучекъ! Что есть общаго между Ловеласомъ и Адольфомъ? ¹ Между тѣмъ, роль женщинъ не измѣняется. Кларисса, за исключеніемъ церемонныхъ присѣданій, все жъ походитъ на героиню новѣйшихъ романовъ, — не потому ли, что способы нравиться въ мужчинѣ зависятъ отъ моды, отъ минутнаго вліянія, а въ женщинахъ они основаны на чувствѣ и природѣ, которыя вѣчны?

Ты видишь, я съ тобою болтлива по обыкновенному. Не будь же и ты скупа на заочные разговоры. Пиши ко мнѣ какъ можно чаще и какъ можно болѣе — ты не можешь вообразить, что значить ожиданіе почтоваго дня въ деревнѣ. Ожиданіе бала не можетъ съ нимъ сравниться. .

IV. Отвѣтъ Саши.

Ты ошиблась, милая Лиза. Чтобъ смирить твоё самолюбіе, объявляю тебѣ, что Алексѣй П* вовсе не замѣчаетъ твоего отсутствія. Онъ привязался къ леди Пелгамъ, пріѣзжей англичанкѣ, и отъ нея не отходитъ. На его рѣчи отвѣчаетъ она видомъ невиннаго удивленія и маленькимъ восклицаніемъ: о, ло! — а онъ въ восхищеніи. Знай же: спрашивалъ о тебѣ,

жалѣть о тебѣ всѣмъ сердцемъ твой постоянный admirateur, Владиміръ Z*. Довольна ли ты? Думаю, очень довольна, и по своему обыкновенію осмѣливаюсь предполагать, что и безъ меня ты догадалась.

Шутки въ сторону, Z* очень занятъ тобою. На твоемъ мѣстѣ я бы завела его далеко. Онъ прекрасный женихъ. Зачѣмъ не выйти за него? Ты жила бы на Англійской набережной, по субботамъ имѣла бы вечера, и всякое утро заѣзжала бы за мною. Полно тебѣ дурачиться, мой ангелъ, — брось деревню, пріѣзжай къ намъ и выходи за Z*.

Третьяго дня былъ балъ у кн. К. — народу было пропасть, танцовали до пяти часовъ; княгиня В. была одѣта очень просто, бѣлое креповое платьице, даже безъ garnitures, а на головѣ и на шеѣ на полмилліона брилліантовъ; только Z*, по своему обыкновенію, была одѣта уморительно. Откуда беретъ она свои наряды? На платьѣ ея нашиты не цвѣты, а какіе-то сушеные грибы. Не ты ли ей, мой ангелъ, прислала ихъ изъ деревни? Владиміръ Z* не танцовалъ: онъ ѣдетъ въ отпускъ. С—ы пріѣхали (вѣроятно первыя), просидѣли всю ночь, не танцуя, и уѣхали послѣднія. Старшая, кажется, была нарумянена: пора! Балъ очень удался. Мужчины были недовольны ужиномъ, но вѣдь они всегда должны быть чѣмъ-нибудь да недовольны. Мнѣ было очень весело, хотя я и танцевала съ несноснымъ дипломатомъ Стр., который къ природной своей глупости присоединилъ разсѣянность, вывезенную имъ изъ Мадрита.

Благодарю тебя, душа моя, за отчетъ о Ричардсонѣ. Теперь я имѣю о немъ понятіе — прочитать его не надѣюсь съ моимъ нетерпѣніемъ; я и въ Вальтеръ-Скоттѣ нахожу лишнія страницы. Кстати,

кажется, романъ Елены Н. и графа Л. — кончается, но крайней мѣрѣ онъ такъ приунылъ, а она такъ важничаетъ, что, вѣроятно, свадьба рѣшена. Довольна ли ты сегодняшней моею болтовней?

V. Письмо Лизы.

Нѣтъ, милая моя сваха, я не думаю оставить деревню и приѣхать къ вамъ на свадьбы. Откровенно признаюсь, что Владиміръ Z* мнѣ нравился, но никогда я не предполагала выйти за него. Онъ аристократъ, а я — смиренная мѣщанка. Спѣшу объяснить и съ гордостію замѣтить, какъ истинная героиня романа, что родомъ принадлежу я къ старинному русскому дворянству, а что мой рыцарь — внукъ бородатаго милліонщика. Какъ бы то ни было, Z* человекъ свѣтскій; я могла ему понравиться, но онъ для меня не пожертвуетъ ни богатою невѣстой, ни выгоднымъ родствомъ. Если когда-нибудь и выйду замужъ, то выберу здѣсь какого-нибудь сорокалѣтняго помѣщика: онъ станетъ заниматься сахарнымъ заводомъ своимъ, а я буду счастлива, не танцуя на балѣ у кн. К. и не имѣя у себя субботы на Англійской набережной.

У насъ зима. Въ деревнѣ c'est un événement. Это новсе перемѣняетъ образъ жизни. Уединенныя прогулки прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выѣзжаютъ съ собаками, — все дѣлается свѣтлѣе, веселѣе отъ перваго снѣга. Я никакъ этого не ожидала. Зима въ деревнѣ пугала меня. Но все на свѣтѣ имѣетъ свою хорошую сторону.

Я короче познакомилась съ Машенькой... и полюбила ее. У ней много хорошаго и оригинальнаго. Недавно узнала я, что Владиміръ Z* близкій

родня Машѣ. Она не видала его ~~сѣн~~ лѣтъ, но отъ него въ восхищеніи. Онъ провѣлъ у нихъ одно лѣто, — и Маша безпрестанно рассказываетъ всѣ подробности тогдашней его жизни. Читая ея романы, я нахожу на поляхъ его замѣчанія, блѣдно писанныя карандашемъ: видно, что онъ тогда былъ ребенокъ. Его поражали мысли и чувства, надъ которыми, конечно, сталъ бы онъ теперь смѣяться; по крайней мѣрѣ, видна душа свѣжая, чувствительная. Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, какъ странно въ 1825 году читать романъ, писанный въ 1775. Кажется, будто вдругъ изъ своей гостиной приходишь въ старинную залу, обитую штофомъ, садишься на атласныя пуховыя кресла, видишь около себя странныя, однакожъ знакомыя платья и лица, и узнаешь своихъ дѣдушекъ и бабушекъ, но помолодѣвшими. Большею частію эти романы не имѣютъ другого достоинства: происшествіе занимательно, положеніе хорошо запутано, но Белькуръ говоритъ косо, но Шарлотта отвѣчаетъ криво. Умный человекъ могъ бы взять здѣсь готовые характеры, исправить слогъ и безсмыслицы, дополнить недомолвки — и вышелъ бы прекрасный, оригинальный романъ. Скажи это отъ меня моему благодарному Алексѣю П*. Полно ему тратить умъ на разговоры съ англичанками! Пусть онъ по старой канвѣ вышьетъ новые узоры и представитъ намъ въ маленькой рамѣ картину свѣта и людей, которыхъ онъ такъ хорошо знаетъ.

Маша хорошо знаетъ русскую литературу. Вообще, здѣсь болѣе занимаются словесностью, чѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь получаютъ журналы, принимаютъ участіе въ перебранкахъ, попеременно вѣрятъ обѣимъ сторонамъ и сердятся за любимаго писателя, если онъ раскритикованъ. Теперь я понимаю, почему

Вяземскій и Пушкинъ такъ любятъ уѣздныхъ барышень: онѣ — ихъ истинная публика. Я тоже заглянула въ журналы... Смѣшно видѣть, какъ тамъ, важно упрекають въ безнравственности и неблагопристойности сочиненія, которыя прочли мы всѣ петербургскія недотроги ².

VI. Другое письмо Лизы вслѣдъ за предыдущимъ.

Милая! Мнѣ невозможно долѣе притворяться, мнѣ нужны помощь и совѣты дружбы. Тотъ, отъ котораго я убѣжала, кого боюсь, какъ несчастія, Z* — здѣсь! Что мнѣ дѣлать? Голова моя кружится, я теряюсь; ради Бога — рѣши, что мнѣ дѣлать. Расскажу тебѣ все.

Ты замѣтила прошедшею зимою, что онъ отъ меня не отходилъ. Напрасно вооружалась я холодностію, даже видомъ пренебреженія, — ничѣмъ не могла я избавиться отъ него. На балахъ онъ вѣчно умѣлъ найти мѣсто возлѣ меня, на гуляньѣ онъ вѣчно съ нами встрѣчался, въ театрѣ лорнетъ его былъ устремленъ на нашу ложу. Онъ къ намъ не ѣздилъ, но мы видѣлись вездѣ.

Сначала это льстило моему самолюбію. Я, можетъ быть, слишкомъ дала ему замѣтить это. По крайней мѣрѣ, онъ каждый часъ присвоивалъ себѣ новыя права, говорилъ мнѣ о своихъ чувствахъ, то ревновалъ, то жаловался. Съ ужасомъ думала я — къ чему все это ведетъ и съ отчаяніемъ признавала власть его надъ моею душой. Я уѣхала изъ Петербурга, думая тѣмъ прекратить зло въ самомъ началѣ. Моя рѣшимость, увѣренность въ томъ, что я испол-

нила свой долгъ, — успокоили было мое сердце. Я начинала думать о немъ равнодушнѣе, съ меньшею горестью. Вдругъ я его вижу.

Я его вижу. Вчера были именины Машенькиной маман. Я приѣхала къ обѣду, вхожу въ гостиную, нахожу толпу гостей, уланскіе мундиры — и дамы меня окружаютъ. Я со всѣми ими перецѣловалась, не замѣчая никого, сажусь подлѣ хозяйки, гляжу — Z* передо мною. Я остолбенѣла. Онъ сказалъ мнѣ нѣсколько словъ съ видомъ такой нѣжной, искренней радости, что я не имѣла силы скрыть ни замѣшательства своего, ни удовольствія.

Пошли за столъ. Онъ сѣлъ противъ меня; я не смѣла на него взглянуть, но замѣчала, что всѣ глаза были устремлены на него. Онъ былъ молчаливъ; въ другое время меня бы очень занимало безпокойство барышень, общее желаніе привлечь вниманіе приѣзжаго гвардейца, неловкость мужчинъ, хохотъ ихъ при собственныхъ шуткахъ, и совершенное невниманіе, учтивая холодность гостя...

Послѣ обѣда онъ ко мнѣ подошелъ. Чувствуя, что мнѣ было надобно что-нибудь сказать, я спросила довольно не кстати: по дѣламъ ли заѣхалъ онъ въ нашу сторону? — „Я приѣхалъ по одному дѣлу, отъ котораго зависитъ счастье моей жизни“, отвѣчалъ онъ вполголоса и отошелъ. Онъ сѣлъ играть въ бостонъ съ тремя старушками (въ томъ числѣ съ бабушкой), а я ушла наверхъ, къ Машѣ, гдѣ пролежала до вечера, подъ предлогомъ головной боли. Въ самомъ дѣлѣ, я была хуже, чѣмъ нездорова. Машенька отъ меня не отходила. Она въ восторгѣ отъ Z*. „Онъ пробудетъ у нихъ цѣлый мѣсяцъ, или болѣе“. „Она цѣлый день будетъ съ нимъ“. Право, она влюблена въ него. Дай Богъ, чтобъ и

онъ влюбился. Она статна и стройна — мужчинамъ только того и надобно.

Что мнѣ дѣлать? Здѣсь уже не будетъ мнѣ возможности избѣгнуть его преслѣдованій. Онъ уже успѣлъ обворожить бабушку. Онъ будетъ ѣздить къ намъ. Опять пойдутъ признанія, жалобы, клятвы— и къ чему? Онъ добьется моей любви, моего признанія, потомъ размыслить о невыгодахъ женитьбы, уѣдетъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, оставитъ меня — а я? Какая ужасная будущность! Ради Бога, дай мнѣ руку, я тону.

VII. Отвѣтъ Саши.

То ли дѣло обегчить сердце полной исповѣдью! Давно бы такъ, мой ангель! Охота тебѣ была не сознаваться мнѣ въ томъ, что я давно знала: Z* и ты — вы влюблены другъ въ друга. Что за бѣда? На здоровье. Ты имѣешь даръ смотрѣть на вещи Богъ знаетъ съ какой стороны. Ты напрашиваешься на несчастіе — берегись накликать его. Почему тебѣ не выйти за Z*? Какія тутъ неодолимая препятствія? Онъ богатъ, а ты бѣдна — пустое! Онъ богатъ за двухъ — чего же вамъ болѣе? Онъ аристократъ, а ты развѣ не то же именемъ и воспитаніемъ? Недавно онъ объявилъ, что стоитъ рѣшительно на сторонѣ аристократокъ, потому что онѣ лучше обуваются. И такъ, не ясно ль, что ты съ головы до ногъ аристократка? Извини меня, мой ангель, но твое патетическое письмо размѣшило меня. Z* пріѣхалъ въ деревню для того, чтобъ тебя видѣть. Какой ужасъ! ты гибнешь, требуешь совѣтовъ дружбы... Вотъ мой совѣтъ — обвѣнчаться какъ можно скорѣе въ вашей деревенской церкви,

и прїѣхать къ намъ, чтобъ явиться въ картинахъ, которыя затѣваются у С. Поступокъ твоего рыцаря меня тронулъ, кромѣ шутокъ. Конечно, встарину любовникъ для благосклоннаго взгляда уѣзжалъ на три года скитаться въ Палестину, но въ наши времена уѣхать за пятьсотъ верстъ отъ Петербурга для того, чтобъ увидѣться съ владычицею своего сердца—это много значитъ! Z* достоинъ награды.

VIII. Письмо Владиміра Z* къ другу въ Петербургъ.

Сдѣлай одолженіе, распусти слухъ, что я при смерти боленъ. Я намѣренъ просрочить и хочу соблюсти всевозможную благопристойность. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я живу въ деревнѣ и не вижу, какъ время летитъ: отдыхаю отъ петербургской жизни, которая мнѣ ужасно надоѣла. Не любить деревни простительно монастыркѣ, только что выпущенной изъ клѣтки, да двадцатилѣтнему камеръ-юнкеру. Петербургъ — прихожая, Москва — дѣвичья, деревня же — нашъ кабинетъ. Порядочный чловѣкъ, по необходимости, проходитъ черезъ переднюю рѣдко заглядываетъ въ дѣвичью, а сидитъ у себя въ кабинетѣ. Тѣмъ и я кончу — выйду въ отставку, женюсь и уѣду въ деревню. Званіе помѣщика есть та же служба. Заниматься тремя тысячами душъ, коихъ все благосостояніе зависитъ совершенно отъ насъ, важнѣе, чѣмъ командовать взводомъ или переписывать дипломатическія депеши.

Небреженіе, въ которомъ мы оставляемъ нашихъ крестьянъ, непросительно. Чѣмъ болѣе имѣемъ мы надъ ними правъ, тѣмъ болѣе имѣемъ и обязанностей въ ихъ отношеніи. Мы оставляемъ ихъ на

произволь плута прикащика, который ихъ притѣсняетъ, а насъ обкрадываетъ; мы проживаемъ въ долгъ наши будущіе доходы и разоряемся; старость насъ застаётъ въ нуждѣ и хлопотахъ. Вотъ причина быстрого упадка нашего дворянства: дѣдъ былъ богатъ, сынъ нуждается, внукъ идетъ по-міру. Древнія фамиліи приходятъ въ нищенство, новыя поднимаются и въ третьемъ поколѣніи исчезаютъ опять. Къ чему ведетъ такой матеріализмъ? Не знаю, но пора положить этому преграды. *Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme.* Говоря въ пользу аристократіи, я не корчу англійскаго лорда: мое происхожденіе, хоть я его не стыжусь, не даетъ на то никакого права; но я безъ прискорбія никогда не могъ видѣть униженія нашихъ историческихъ родовъ. Никто у насъ ими не дорожитъ, начиная съ тѣхъ, которые имъ принадлежатъ. И какой гордости воспоминаній ожидать отъ народа, который пишетъ на памятникахъ: „Гражданину Минину и князю Пожарскому“. Какой князь Пожарскій? Что такое гражданинъ Мининъ? Былъ у насъ окольничій князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и былъ Козьма Миничъ Сухорукой, выборный земли русской. Но отечество забыло даже настоящія имена своихъ избавителей. Прошедшее для насъ не существуетъ. Жалкій народъ!

Образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь

предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожить звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества. И это ставите вы ему въ достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода — именно достоинство личное. Я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ. Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ. Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя. Но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами? »

Все это надумалъ я, живучи въ чужой деревнѣ, глядя на управленіе мелкопомѣстныхъ дворянъ. Эти господа не служатъ и сами занимаются управленіемъ своихъ деревушекъ; но, признаюсь, дай Богъ имъ промотаться, какъ нашему брату! Какая дикость! Для нихъ еще не прошли времена Фонвизина, между ними процвѣтають Простаковы и Скотинины.

Это, впрочемъ, не относится къ родственнику, у котораго я въ гостяхъ. Онъ очень добрый человекъ, жена его очень добрая баба, дочь очень добрая дѣвочка. Ты видишь, что я сталъ очень добръ. Въ самомъ дѣлѣ — съ тѣхъ поръ, какъ я въ деревнѣ, я сталъ отмѣнно благосклоненъ и снисходителенъ. Это дѣйствіе патріархальной жизни и присутствія Лизы *, которую нашель здѣсь. Мнѣ было скучно безъ нея не на шутку. Я пріѣхалъ уговорить ее возвратиться въ Петербургъ. Наше первое свиданіе было великолѣпно. Тетка моя была именинница, все сосѣдство съѣхалось, явилась и Лиза — и едва повѣрила самой себѣ, увидѣвъ меня: она не могла не признаться, что я пріѣхалъ сюда только для нея. По крайней мѣрѣ, я постарался дать ей это почув-

ствовать. Здѣсь мой успѣхъ превзошелъ мои ожиданія (что много значить). Старушки отъ меня въ восхищеніи, барыни ко мнѣ такъ и льнутъ, а потому что... ⁴ Мужчины отмѣнно недовольны моею *fatuité insolente*, которая здѣсь еще новость. Они бѣсятся тѣмъ болѣе, что я чрезвычайно учтивъ и благопристоенъ. Они никакъ не понимаютъ, въ чемъ именно состоитъ мое нахальство, хотя и чувствуютъ, что я нахаль. Прощай. Что дѣлаютъ наши? *Servitor di tutti quanti*. Пиши ко мнѣ въ село ***.

IX. Отвѣтъ друга.

Порученіе твое мною исполнено. Вчера въ театрѣ объявилъ я, что ты занемогъ нервическою горячкой и что, вѣроятно, тебя уже нѣтъ на свѣтѣ. Итакъ, пользуйся жизнью, покамѣстъ ты не воскресъ изъ мертвыхъ.

Дай Богъ, чтобъ пребываніе твое въ селѣ *** въ самомъ дѣлѣ приучило тебя къ деревенскому быту. Твои нравственныя размышленія на счетъ управленія имѣній радуютъ меня за тебя; но, по моему, самое завидное состояніе не то... Чины въ Россіи необходимость: молодому дворянину необходимо служить хоть для однихъ станцій, гдѣ безъ нихъ не добьешься лошадей...

Пустившись въ важныя разсужденія, я совсѣмъ забылъ, что теперь тебѣ не до того. Ты занятъ своею Лизою. Охота тебѣ корчить г-на Фобласа и вѣчно возиться съ женщинами! Въ этомъ отношеніи ты отсталъ отъ своего вѣка и сбиваешься на *ci-devant* гвардіи хрипуна 1807 г. ⁵ Покамѣстъ это недостатокъ, скоро эта привычка *deviendra un ridicule*. Не лучше ли заранѣе привыкнуть къ строгости зрѣлаго

возраста и добровольно отказаться отъ увядающей молодости? Знаю, что проповѣдую втунѣ, но таково мое назначеніе.

Всѣ твои друзья тебѣ кланяются и очень жалѣютъ о преждевременной твоей кончинѣ, между прочимъ — и прежняя твоя пріятельница, которая возвратилась изъ Рима, влюбленная въ папу. Какъ это на нее похоже и какъ это должно тебя восхитить! Не пріѣдешь ли для соперничества *cum servo servogum Dei*? ⁶ Это было бы похоже на тебя. Я всякій день стану тебя ожидать.

X. Второе письмо Владиміра Z* къ другу въ Петербургъ.

Выговоры твои совершенно несправедливы. Не я, а ты отсталъ отъ своего вѣка — и цѣлымъ десятилѣтіемъ. Твои умозрительныя и важныя разсужденія принадлежать къ 1818 году. Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балы, не снимая шпагъ: намъ неприлично было танцовать, и некогда заниматься дамами. Честь имѣю донести тебѣ, что это все перемѣнилось. Французская кадриль замѣнила Адама Смита. Всякій волочится, какъ умѣетъ. Я слѣдую духу времени, но ты неподвиженъ, ты *si-devant un hotte* стереотипъ. Охота тебѣ Лафайэтомъ сидѣть одному на оппозиціонной скамеечкѣ и глазѣть по сторонамъ. Надѣюсь, что X* обратитъ тебя на истинный путь: поручаю тебя ея ватиканскому кокетству.

Что касается до меня — я совершенно предался патріархальной жизни: ложусь спать въ десять часовъ, ѣзжу на порошу съ здѣшними помѣщиками, играю со старухами въ бостонъ по копѣечкѣ, и сер-

жусь, когда проигрываю. Съ Лизой вижу каждый день и часъ отъ часу болѣе въ нее влюбляюсь. Въ ней много увлекательнаго. Эта тихая, благородная стройность въ обращеніи — главная прелесть вышшаго петербургскаго общества, а между тѣмъ, что-то женское, снисходительное, добродородное (какъ говоритъ ея бабушка). Въ ея сужденіяхъ нѣтъ ничего рѣзкаго, жесткаго. Она не морщится передъ впечатлѣніями, какъ ребенокъ предъ принятиемъ ревеню. Она слушаетъ и понимаетъ васъ: рѣдкое достоинство въ нашихъ женщинахъ. Часто удивляли меня дамы, впрочемъ, очень милыя, тупостью ихъ понятія и нечистотой ихъ воображенія. Часто самое тонкое поэтическое привѣтствіе онѣ принимаютъ или за нахальную эпиграмму, или за неблагопристойную плоскость. Въ такомъ случаѣ холодный видъ, ими принимаемый, такъ убійственно отвратителенъ, что самая пылкая любовь противъ него не устоитъ. Это испыталъ я съ Еленой***, въ которую былъ влюбленъ безъ памяти: я сказалъ ей какую-то нѣжность, она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей пріятельницѣ.

Кромѣ Лизы есть у меня для развлеченія одна милая дѣвушка, моя родственница. Эта дѣвушка, выросшая подъ яблонями, воспитанная между скірдами, природой и нянюшками, гораздо милѣе нашихъ однообразныхъ красавицъ, которыя до свадьбы придерживаются мнѣнія маменекъ, а послѣ свадьбы — мнѣнія мужьевъ. Прощай, мой милый. Что новаго въ свѣтѣ? Объяви всѣмъ, что наконецъ и я пустился въ поэзію: намедни сочинилъ я надпись къ портрету княжны Ольги (за что Лиза очень мило бранила меня): „Глупа... скучна“ etc. Попроси В. прислать первый стихъ и отнынѣ считать меня поэтомъ.

(Съ французскаго).

Участь моя рѣшена, я женюсь... Та, которую любилъ я цѣлые два года, которую вездѣ первую отыскивали глаза мои, съ которою встрѣча казалась мнѣ блаженствомъ, — Боже мой, она почти моя! Ожиданіе рѣшительнаго отвѣта было самымъ болѣзненнымъ чувствомъ жизни моей. Ожиданіе послѣдней замѣшкавшейся карты, угрызеніе совѣсти, сонъ передъ поединкомъ — все это въ сравненіи съ нимъ ничего не значить.

Дѣло состоитъ въ томъ, что я боялся не одного отказа. Одинъ изъ моихъ пріятелей говариваль: не понимаю, какимъ образомъ можно свататься, если знаешь навѣрное, что не будетъ отказа. Жениться — легко сказать! Большая часть людей видятъ въ женитьбѣ шали, взятыя въ долгъ, новую карету, розовый шлафрокъ, другіе — приданое, и степенную жизнь, третьи женятся такъ, потому что всѣ женятся, потому что имъ тридцать лѣтъ. Спросите ихъ, что такое бракъ, — въ отвѣтъ они скажутъ пошлую эпиграмму.

Я женюсь, т. е. жертвую независимостью, моей безпечной, прихотливой независимостью, моими роскошными привычками, странствіями безъ цѣли, уединеніемъ, непостоянствомъ. Итакъ, я удвоиваю жизнь и безъ того неполную, я стану думать: *мы*. Счастіе есть цѣль жизни, но я никогда не хлопо-

таль о счастіи: я могъ обойтись и безъ него. Теперь мнѣ нужно его на двоихъ, а гдѣ мнѣ взять его?

Пока я не женатъ, что значать мои обязанности? Есть у меня больной дядя, котораго почти никогда не вижу. Заѣду къ нему — очень радъ; нѣтъ — такъ онъ извинить меня: „повѣса мой молодъ, ему не до меня!“ Я ни съ кѣмъ не въ перепискѣ; долги свои выплачиваю каждый мѣсяць. Утромъ встаю, когда хочу; принимаю, кого хочу; вздумая гулять — мнѣ сѣдлають мою умную, смирную Женни; ѣду переулками, смотрю въ окна низенькихъ домиковъ: здѣсь сидитъ семейство за самоваромъ, тамъ слуга мететь комнаты, далѣе дѣвочка учится за фортепiano; подлѣ нея ремесленникъ - музыкантъ. Она поворачиваетъ ко мнѣ разсѣянное лицо — учитель ее бранить — я шагомъ ѣду мимо. Приѣду домой, разбираю книги, бумаги, привожу въ порядокъ мой туалетный столикъ; одѣваюсь небрежно, если ѣду въ гости, — со всевозможною старательностью, если обѣдаю въ рестораціи, гдѣ читаю или новый романъ, или журналы. Если же Вальтеръ-Скоттъ и Куперъ ничего не написали, а въ газетахъ нѣтъ какого-нибудь уголовного процесса, то требую бутылку шампанскаго, смотрю, какъ рюмка стынетъ отъ холода, пью медленно, радуясь, что обѣдъ стоитъ мнѣ семнадцать рублей и что могу позволить себѣ эту шалость. Вечеромъ ѣду въ театръ, отыскиваю въ какой-нибудь ложѣ замѣчательный нарядъ, черные глаза; между нами начинается сношеніе — я занятъ до самаго разъѣзда. Вечеръ провожу или въ мужскомъ обществѣ, гдѣ тѣснится весь народъ, гдѣ я вижу всѣхъ и все и гдѣ меня никто не замѣчаетъ, или въ любезномъ избранномъ кругу, гдѣ я говорю про себя и гдѣ меня слушаютъ. Возвращаюсь поздно,

засыпаю, читая хорошую книгу; на другой день опять ѣду верхомъ переулками мимо дома, гдѣ дѣвочка играла на фортепіано... она твердитъ на фортепіано вчерашній урокъ. Она взглянула на меня какъ на знакомаго, и засмѣялась. Я кланяюсь и ѣду мимо. Вотъ моя холостая жизнь — счастья тутъ не нужно.

12 мая.

Но если мнѣ откажутъ, думалъ я, поѣду въ чужіе края, — и уже воображалъ себя на пироскафѣ. Около меня суетятся, прощаются, носятъ чемоданы, смотрятъ на часы — пироскафъ тронулся; морской, свѣжій воздухъ вѣетъ мнѣ въ лицо; я долго смотрю на убѣгающій берегъ. My native land, adieu! Подлѣ меня молодую женщину начинаетъ тошнить: это придаетъ ея блѣдному лицу выраженіе томной нѣжности. Она проситъ у меня воды. Слава Богу! до Кронштадта есть для меня занятіе!

Въ эту минуту подали мнѣ записочку. — отвѣтъ на мое письмо. Отецъ невѣсты ласково звалъ меня къ себѣ... Нѣтъ сомнѣнія, предложеніе мое принято. Наденька — мой ангелъ — она моя! Всѣ печальныя сомнѣнія исчезли передъ этой райской мыслию. Бросаюсь въ карету, скачу — вотъ ихъ домъ — вхожу въ переднюю, и уже по торопливому приѣму слугъ вижу, что я женихъ. Я смутился: эти люди знаютъ мое сердце! говорятъ о моей любви на своемъ холопскомъ языкѣ! Отецъ и мать сидѣли въ гостиной. Первый встрѣтилъ меня съ отверстыми объятіями. Онъ хотѣлъ быть тронутымъ, вынулъ изъ кармана платокъ и рѣшился высморкаться. У матери глаза были красны. Позвали Наденьку — она явилась блѣдная, неловкая.

Отець вышелъ и вынесъ образъ Николая Чудотворца и Казанской Богоматери. Насъ благословили. Наденька подала мнѣ холодную, безотвѣтную руку. Мать заговорила о приданомъ, отецъ о саратовской деревнѣ — и я женихъ.

Итакъ, это уже не тайна двухъ сердець. Сегодня это новость домашняя, завтра — площадная.

Такъ поэма, обдуманная въ уединеніи, въ лѣтнія ночи, при свѣтѣ луны, — печатается въ сальной типографіи, продается потомъ въ книжной лавкѣ и разбирается въ журналахъ дураками.

13 мая.

Всѣ радуются моему счастью, всѣ поздравляютъ, всѣ полюбили меня. Всякій предлагаетъ мнѣ свои услуги: кто свой домъ, кто денегъ займы, кто знакомаго бухарца съ шалями.

Иные беспокоятся о многочисленности будущаго моего семейства и предлагаютъ мнѣ 12 дюжинъ перчатокъ съ портретомъ m-lle Зонтагъ.

Молодые люди начинаютъ со мною чиниться, уважаютъ во мнѣ уже не пріятеля; обхожденіе молодыхъ дѣвицъ сдѣлалось проще. Дачы въ глаза хвалятъ мой выборъ, а заочно жалѣютъ о бѣдной моей невѣстѣ. — „Бѣдная! она такъ молода, такъ невинна, а онъ такой вѣтреныи, безнравственный!“ Признаюсь, это начинаетъ мнѣ надоѣдать. Мнѣ нравится обычай какого-то дѣльнаго народа: женихъ тайно похищаль свою невѣсту и на другой уже день представлялъ ее городскимъ сплетницамъ, какъ свою супругу. У насъ приуготовляются къ семейственному счастью печатными объявленіями, подарками, извѣстными всему городу форменными письмами, визитами, — словомъ сказать, соблазномъ всякаго рода.

Рославлевъ.

Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы.

(1811 годъ).

Читая Рославлева, съ изумленіемъ увидала я, что завязка его основана на истинномъ происшествіи, слишкомъ для меня извѣстномъ. Нѣкогда я была другомъ несчастной женщины, выбранной г. Загоскинымъ въ героини его повѣсти. Онъ вновь обратилъ вниманіе публики на происшествіе забытое, разбудилъ чувства негодованія, усыпленные временемъ, и возмутилъ спокойствіе могилы. Я буду защитницею тѣни, и читатель извинитъ слабость пера моего, уваживъ сердечныя мои побужденія. Буду принуждена много говорить о самой себѣ, потому что судьба моя долго была связана съ участіемъ бѣдной моей подруги.

Меня вывезли въ свѣтъ зимою 1811 года. Не стану описывать первыхъ моихъ впечатлѣній. Легко можно себѣ вообразить, что должна была чувствовать шестнадцатилѣтняя дѣвушка, промѣнявъ антре-соли и учителей на безпрерывные балы и визиты. Я предавалась вихрю веселій со всею живостью моихъ лѣтъ и еще не размышляла. Жаль: тогдашнее время стоило наблюденія.

Между дѣвицами, выѣхавшими вмѣстѣ со мною въ свѣтъ, отличалась княжна ** (г. Загоскинъ на-

звалъ ее Полиною; оставляю ей это имя). Мы скоро подружились — вотъ по какому случаю.

Братъ мой, двадцати-двухъ-лѣтній малый, принадлежалъ къ сословію тогдашнихъ франтовъ; онъ считался въ иностранной коллегіи и жилъ въ Москвѣ, танцуя и повѣсничая. Онъ влюбился въ Полину и упросилъ меня сблизить наши дома. Братъ былъ идоломъ всего нашего семейства, а изъ меня дѣлалъ, что хотѣлъ.

Сблизясь съ Полиною изъ угожденія къ нему, вскорѣ я искренно къ ней привязалась. Въ ней было много страннаго и еще болѣе привлекательнаго. Я еще не понимала ея, а уже любила. Нечувствительно я стала смотрѣть ея глазами и думать ея мыслями.

Отецъ Полины былъ заслуженный человѣкъ, т. е. ѣздилъ цугомъ и носилъ ключъ и звѣзду; впрочемъ былъ вѣтренъ и простъ. Мать ея, напротивъ, была женщина степенная и отличалась важностію и здравымъ смысломъ.

Полина являлась вездѣ; она окружена была поклонниками. Съ нею любезничали; но она скучала, и скука придавала ей видъ гордости и холодности. Это чрезвычайно шло къ ея греческому лицу и къ чернымъ бровямъ. Я торжествовала, когда мои сатирическія замѣчанія наводили улыбку на это правильное и скучающее лицо.

Полина чрезвычайно много читала и безъ всякаго разбора. Ключъ отъ библіотеки отца ея былъ у нея. Библіотека большею частію состояла изъ сочиненій писателей XVIII вѣка. Французская словесность отъ Монтескье до романовъ Кребильона⁸ была ей знакома. Руссо знала она наизусть. Въ библіотекѣ не было ни одной русской книги, кромѣ

сочиненій Сумарокова, которыхъ Полина никогда не раскрывала. Она сказывала мнѣ, что съ трудомъ разбирала русскую печать, и вѣроятно ничего по-русски не читала, не исключая и стишковъ, поднесенныхъ ей московскими стихотворцами.

Здѣсь позволю себѣ маленькое отступленіе. Вотъ уже, слава Богу, лѣтъ тридцать, какъ бранятъ насъ бѣдныхъ за то, что мы по-русски не читаемъ и не умѣемъ (будто бы) изъясняться на отечественномъ языкѣ. (NB. Автору „Юрія Милославскаго“ грѣхъ повторять пошлыя обвиненія: мы всѣ прочли его и, кажется, одной изъ насъ обязанъ онъ и переводомъ своего романа на французскій языкъ.) Дѣло въ томъ, что мы и рады бы читать по-русски, но словесность наша, кажется, не старѣе Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена. Она, конечно, представляетъ намъ нѣсколько отличныхъ поэтовъ, но нельзя же отъ всѣхъ читателей требовать исключительной охоты къ стихамъ. Въ прозѣ имѣемъ мы только Исторію Карамзина; первые два или три романа появились два или три года тому назадъ, между тѣмъ какъ во Франціи, Англіи и Германіи книги, одна другой замѣчательнѣе, поминутно слѣдуютъ одна за другой. Мы не видимъ даже и переводовъ а если и видимъ, то, воля ваша, я все-таки предпочитаю оригиналы. Журналы наши занимательны для нашихъ литераторовъ. Мы принуждены все, извѣстія и понятія, черпать изъ книгъ иностранныхъ; такимъ образомъ и мыслимъ мы на языкѣ иностранномъ (по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, которые мыслятъ и слѣдуютъ за мыслями челоуѣческаго рода). Въ этомъ признавались мнѣ самые извѣстные наши литераторы. Вѣчныя жалобы нашихъ писателей на пренебреженіе, въ коемъ оставляемъ мы русскія книги, похожи на

жалобы русскихъ торговко́въ, негодующихъ на то, что мы шляпки наши покупаемъ у Сихлеръ и не довольствуемся произведеніемъ костромскихъ модистокъ... ¹⁰

Обращаюсь къ моему предмету.

Воспоминанія свѣтской жизни обыкновенно слабы и ничтожны даже въ эпоху историческую. Однакожь, появленіе въ Москвѣ одной путешественницы оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Эта путешественница — *M-me de Staël*. ¹¹

Она пріѣхала лѣтомъ, когда большая часть московскихъ жителей разѣхалась по деревнямъ. Русское гостепріимство засуетилось; не знали, какъ угостить славную иностранку. Разумѣется, давали ей обѣдъ. Мужчины и дамы съѣзжались поглазѣть на нее и были по большей части недовольны ею. Они видѣли въ ней пятидесятилѣтнюю толстую бабу, одѣтую не по лѣтамъ. Тонъ ея не понравился, рѣчи показались слишкомъ длинны и рукава слишкомъ коротки. Отецъ Полины, знавшій *M-me de Staël* еще въ Парижѣ, далъ ей обѣдъ, на который скликалъ всѣхъ нашихъ московскихъ умниковъ. Тутъ увидѣла я сочинительницу *Коринны*. Она сидѣла на первомъ мѣстѣ, облокотясь на столъ, свертывая и развертывая прекрасными пальцами трубочку изъ бумаги. Она казалась не въ духѣ, нѣсколько разъ принималась говорить и не могла разговориться. Наши умники ѣли и пили въ свою мѣру и, казалось, были гораздо болѣе довольны ухую князя, нежели бесѣдою *M-me de Staël*. Дамы чинились. Тѣ и другіе только изрѣдка прерывали молчаніе, убѣжденные въ ничтожествѣ своихъ мыслей и оробѣвшіе при европейской знаменитости. Во все время обѣда Полина сидѣла какъ на иголкахъ. Вниманіе

гостей раздѣлено было между осетромъ и M-me de Staël. Ждали отъ нея поминутно bonmot; наконецъ, вырвалось у ней двусмысліе, и даже довольно смѣлое. Всѣ подхватили его, захохотали, поднялся шопоть удивленія; князь былъ внѣ себя отъ радости. Я взглянула на Полину: лицо ея пылало, и слезы показались на ея глазахъ. Гости встали изъ-за стола, совершенно примиренные съ M-me de Staël. Она сказала каламбуръ, который они поскакали развозить по городу.

„Что съ тобою сдѣлалось, та chère?“ спросила я Полину: „неужели шутка, немножко вольная, могла до такой степени тебя смутить?“ — „Ахъ, милая, отвѣчала Полина: я въ отчаяніи! Какъ ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщинѣ! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимаютъ, для которыхъ блестящее замѣчаніе, сильное движеніе сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны; она привыкла къ увлекательному разговору высшей образованности. А здѣсь... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ теченіе цѣлыхъ трехъ часовъ! Тупыя лица, тупая важность... и только! Какъ ей было скучно! Какъ она казалась утомленною! Она увидѣла, чего имъ было надобно, что могли понять эти обезьяны просвѣщенія, и кинула имъ каламбуръ. А они такъ и бросились... Я сгорѣла со стыда, и готова была заплакать... Но пускай, съ жаромъ продолжала Полина, пускай она вывезетъ объ нашей свѣтской черни мнѣніе, котораго они достойны. По крайней мѣрѣ, она видѣла нашъ добрый, простой народъ и понимаетъ его. Ты слышала, что сказала она дядюшкѣ, этому старому, несносному шуту, который, изъ угожденія къ

иностранкѣ, вздумалъ было смѣяться надъ русскими бородами? „Народъ, который, тому сто лѣтъ, отстоялъ свою бороду, отстоять въ наше время и свою голову“. Какъ она мила! Какъ я люблю ее! Какъ ненавижу ее гонителя!“

Не я одна замѣтила смущеніе Полины. Другіе проницательные глаза остановились на ней въ ту же самую минуту: черные глаза самой M-me de Staël. Не знаю, что подумала она, но она подошла послѣ обѣда къ моей подругѣ и съ нею разговорила. Черезъ нѣсколько дней M-me de Staël написала ей слѣдующую записку:

„Ma chère enfant, je suis toute malade. Il serait bien aimable à vous de venir me ranimer. Tâchez de l'obtenir de M-me votre mère et veuillez lui présenter les respects de votre amie. De S“.

Эта записка хранится у меня. Никогда Полина не объясняла мнѣ своихъ сношеній съ M-me de Staël, не смотря на все мое любопытство. Она была безъ памяти отъ славной женщины, столь же добродушной, какъ и гениальной.

До чего доводитъ охота къ злословію! Недавно рассказывала я все это въ одномъ порядочномъ обществѣ. „Можетъ быть“, замѣтили мнѣ, „M-me de Staël была не что иное, какъ шпионъ Наполеоновъ, и княжна ** доставляла ей нужные свѣдѣнія“. — „Помилуйте“, сказала я: „M-me de Staël, десять лѣтъ гонимая Наполеономъ, благородная, добрая M-me de Staël, насилу убѣжавшая подъ покровительство русскаго императора, M-me de Staël, другъ Шатобріана и Байрона, M-me de Staël будетъ шпиономъ у Наполеона!..“ — „Очень, очень можетъ статья“, возразила мнѣ востроносая графиня Б.: „Наполеонъ былъ такая бестія, а M-me de Staël — претонкая штука“.

Всѣ говорили о близкой войнѣ и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражаніе французскому тону временъ Людовика XV было въ модѣ. Любовь къ отечеству казалась педантствомъ. Тогдашніе умники превозносили Наполеона съ фантастическимъ подобострастіемъ и шутили надъ нашими неудачами. Къ несчастію, заступники отечества были немного простоваты, — они были осмѣяны довольно забавно и не имѣли никакого вліянія. Ихъ патриотизмъ ограничивался жестокимъ порицаніемъ употребленія французскаго языка въ обществахъ, введенія иностранныхъ словъ, грозными выходками противъ Кузнецкаго моста и т. п. Молодые люди говорили обо всемъ русскомъ съ презрѣніемъ или равнодушіемъ и, шутя, предсказывали Россіи участь Рейнской конфедерации. Словомъ, общество было довольно гадко. ¹²

Вдругъ извѣстіе о нашествіи и воззваніе государя поразили насъ. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Ростопчина; народъ ожесточился. Свѣтскіе балагуры присмирѣли; дамы струхнули.

Гонители французскаго языка и Кузнецкаго моста взяли въ обществахъ рѣшительный верхъ, и гостиныя наполнились патриотами. Кто высыпаль изъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать русскій; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюркъ; кто отказался отъ лафита, а принялся за кисляя щи. Всѣ заклились говорить по-французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ саратовскія деревни.

Полина не могла скрыть свое презрѣніе, какъ прежде не скрывала своего негодованія. Такая про-

ворная перемѣна и трусость выводили ее изъ терпѣнія. На бульварѣ, на Прѣсненскихъ прудахъ, она нарочно говорила по-французски; за столомъ, въ присутствіи слугъ, нарочно оспаривала патріотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновыхъ войскъ, о его военномъ геніи. Присутствующіе блѣднѣли, опасаясь доноса, и спѣшили укорить ее въ приверженности ко врагу отечества. Полина презрительно улыбалась. „Дай Богъ“, гогорила она, „чтобы всѣ русскіе любили свое отечество, какъ я его люблю“. Она удивляла меня. Я всегда знала Полину скромной и молчаливой и не понимала, откуда взялась у нея такая смѣлость. „Помилуй“, сказала я однажды: „охота тебѣ вмѣшиваться не въ наше дѣло. Пусть мужчины себѣ дерутся и кричатъ о политикѣ; женщины на войну не ходятъ, и имъ дѣла нѣтъ до Бонапарта“. Глаза ея засверкали. — „Стыдись“, сказала она: „развѣ женщины не имѣютъ отечества? развѣ нѣтъ у нихъ отцовъ, братьевъ, мужей? развѣ кровь русская для насъ чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы насъ на балѣ вертѣли въ экосезахъ, а дома заставляли вышивать по канвѣ собачекъ? Нѣтъ! Я знаю, какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное. Я не признаю униженія, къ которому присуждаютъ насъ. Посмотри на *M-me de Staël*. Наполеонъ боролся съ нею, какъ съ непріятельскою силой... И дядюшка смѣетъ еще насмѣхаться надъ ея робостію при приближеніи французской арміи: „Будьте спокойны, сударыня: Наполеонъ воюетъ противъ Россіи, а не противу васъ“... Да! Если бъ дядюшка попался въ руки французамъ, то его бы пустили гулять по Пале-Роялю; но *M-me de Staël*, въ такомъ случаѣ

умерла бы въ государственной темницѣ. А Шарлотта Кордэ? а наша Марѳа Посадница? а княгиня Дашкова? Чѣмъ я ниже ихъ? Ужь вѣрно не смѣлостію души и рѣшительностію“. — Я слушала Полину съ изумленіемъ. Никогда не подозрѣвала я въ ней такого жара, такого честолюбія. Увы! Къ чему привели ее необыкновенныя качества души и мужественная возвышенность ума? Правду сказалъ мой любимый писатель: „Il n'est de bonhuer que dans les voies communes *).“

Пріѣздъ государя усугубилъ общее волненіе. Восторгъ патріотизма овладѣлъ наконецъ и высшимъ обществомъ. Гостиныя превратились въ палаты преній. Вездѣ толковали о патріотическихъ жертвованіяхъ. Повторяли безсмертную рѣчь молодого графа Мамонова, жертвовавшего всѣмъ своимъ имѣніемъ.¹³ Нѣкоторые маменьки послѣ того замѣтили, что графъ ужь не такой завидный женихъ; но мы всѣ были отъ него въ восхищеніи. Полина бредила имъ. „Вы чѣмъ жертвуете?“ спросила она разъ у моего брата. — „Я не владѣю еще моимъ имѣніемъ“, отвѣчалъ мой повѣса. „У меня всего на все 30,000 долгу: приношу ихъ въ жертву на алтарь отечества“. Полина разсердилась. „Для нѣкоторыхъ людей“, сказала она, „и честь, и отечество — все бездѣлица. Братья ихъ умирають на полѣ сраженія, а они дурачатся въ гостиныхъ. Не знаю, найдется ли женщина, довольно низкая, чтобъ позволить такимъ фиглярамъ притворяться передъ нею въ любви“. Братъ мой вспыхнулъ. — „Вы слишкомъ взыскательны, княжна“, возразилъ онъ. „Вы требуете, чтобы всѣ видѣли въ васъ M-me de

*) Кажется, слова Шатобріана. А. II

Staël и говорили бы вамъ тирады изъ Коринны. Знайте, что кто шутить съ женщиною, тотъ можетъ не шутить передъ лицомъ отечества и его непріателемъ“. — Съ этимъ словомъ онъ отвернулся. Я думала, что они навсегда поссорились, но ошиблась: Полинѣ понравилась дерзость моего брата; она простила ему неумѣстную шутку за благородный порывъ негодованія и, узнавъ чрезъ недѣлю, что онъ вступилъ въ Мамоновскій полкъ, сама просила, чтобъ я ихъ помирила. Братъ былъ въ восторгѣ. Онъ тутъ же предложилъ ей свою руку. Она согласилась, но отсрочила свою свадьбу до конца войны. На другой день братъ мой отправился въ армію.

Наполеонъ шель на Москву; наши отступали, Москва тревожилась; жители ея выбирались одинъ за другимъ. Князь и княгиня уговорили матушку вмѣстѣ ѣхать въ ихъ ^{***}скую деревню.

22 іюня 1831.

— —

Мы пріѣхали въ ^{**}, огромное село въ 20-ти верстахъ отъ губернскаго города. Около насъ было множество сосѣдей, большею частію пріѣзжихъ изъ Москвы. Всякій день всѣ бывали вмѣстѣ; наша деревенская жизнь походила на городскую. Письма изъ арміи приходили почти каждый день; старушки искали на картѣ мѣстечка Бивакъ и сердились, не находя его. Полина занималась одною политикою, ничего не читала, кромѣ газетъ, Ростопчинскихъ афишекъ, и не открывала ни одной книги. Окруженная людьми, коихъ понятія были ограничены, слыша сужденія почти нелѣпныя и новости неосновательныя, она впала въ глубокое уныніе. Она не постигала мысли тогдашняго времени, столь великой въ своемъ ужасѣ, мысли, которой смѣлое исполненіе

спасло Россію и освободило Европу. Цѣлые часы проводила она, облокотясь на карту Россіи, рассчитывая версты, слѣдуя за быстрыми движеніями войскъ. Странныя мысли приходили ей въ голову. Однажды она мнѣ объявила о своемъ намѣреніи уйти изъ деревни и явиться въ лагерь... Мнѣ не трудно было убѣдить ее въ безумствѣ такого предпріятія...

Отецъ ея, какъ уже извѣстно, былъ человѣкъ довольно легкомысленный; онъ только думалъ, чтобы жить въ деревнѣ какъ можно болѣе по-московскому, давалъ обѣды, завелъ *théâtre de société*, гдѣ разыгрывались французскія *proverbes*, и всячески старался разнообразить наши удовольствія. Въ городъ прибыло нѣсколько плѣнныхъ французовъ. Князь обрадовался новымъ лицамъ - и выпросилъ у губернатора позволеніе помѣстить ихъ у себя. Ихъ было четверо; трое — довольно незначущіе люди, фанатически преданные Наполеону, нестерпимые крикуны, — правда, выкупающіе свою хвастливость своими почтенными ранами. Четвертый былъ человѣкъ чрезвычайно примѣчательный.

Ему было тогда 26 лѣтъ; онъ принадлежалъ хорошему дому. Лицо его было пріятно, тонъ очень хорошій: мы тотчасъ отличили его. Ласки принималъ онъ съ благородной скромностію. Онъ говорилъ мало, но рѣчи его были основательны. Полинѣ онъ понравился тѣмъ, что первый могъ ясно ей истолковать военныя дѣйствія и движенія войскъ. Онъ успокоилъ ее, удостовѣривъ, что отступленіе русскихъ войскъ было не безсмысленный побѣгъ, и столько же беспокоило Наполеона, какъ и ожесточало русскихъ. „Но вы“, спросила его Полина: „развѣ вы не убѣждены въ непобѣдимости вашего императора?“ — Сеникуръ назову-жь и его име-

немъ, даннымъ ему г-мъ Загоскинымъ), Сеникуръ, нѣсколько помолчавъ, отвѣчалъ, что въ его положеніи откровенность была бы затруднительна. Полина настоятельно требовала отвѣта. Сеникуръ признался, что стремленіе французскихъ войскъ въ сердце Россіи могло сдѣлаться для нихъ опасно, что походъ 1812 года, кажется, конченъ, но не представляетъ ничего рѣшительнаго. „Конченъ!“ возразила Полина: „а Наполеонъ все еще идетъ впередъ, а мы все отступаемъ“. — „Тѣмъ хуже для насъ“, отвѣчалъ Сеникуръ, и заговорилъ о другомъ предметѣ.

Полина, которой надоѣли и трусливыя предсказанія, и глупое хвастовство сосѣдей, жадно слушала сужденія, основанныя на знаніи дѣла и безпристрастїи. Отъ брата получала она письма, въ которыхъ толку невозможно было добиться; они были наполнены шутками умными и плохими, вопросами о Полинѣ, пошлыми увѣреніями въ любви и проч. Полина, читая ихъ, досадовала и пожимала плечами. „Признайся, говорила она, что твой Алексѣй пустой человѣкъ. Даже въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, съ поля сраженія, находитъ онъ способъ писать ничего не значущія письма; какова же будетъ мнѣ его бесѣда въ теченіе тихой семейственной жизни?“ Она ошибалась. Пустота братниныхъ писемъ происходила не отъ его собственнаго ничтожества, но отъ предразсудка, впрочемъ, самаго оскорбительнаго для насъ. Онъ полагалъ, что съ женщинами должно употреблять языкъ, приноровленный къ слабости ихъ понятій, и что важные предметы до насъ не касаются. Таковое мнѣніе вездѣ было бы невѣжливо, но у насъ оно и глупо. Нѣтъ сомнѣнія, что русскія женщины лучше образованы, болѣе читаютъ, болѣе

мыслятъ, нежели мужчины, занятые Богъ знаетъ чѣмъ.

Разнеслась вѣсть о Бородинскомъ сраженіи. Всѣ толковали о немъ, у всякаго было самое вѣрное извѣстіе, всякій имѣлъ списокъ убитымъ и раненымъ; братъ намъ не писалъ. Мы чрезвычайно были встревожены. Наконецъ одинъ изъ развозителей всякой всячины пріѣхалъ насъ извѣстить о его взятіи въ плѣнъ, а между тѣмъ по-шепту объявилъ Полинѣ о его смерти. Полина глубоко огорчилась. Она не была влюблена въ брата и часто на него досадовала, но въ эту минуту видѣла она въ немъ мученика героя, и оплакивала въ тайнѣ отъ меня. Нѣсколько разъ я заставляла ее въ слезахъ. Это меня не удивляло; я знала, какое болѣзненное участіе принимала она въ судьбѣ страждущаго нашего отечества. Я не подозрѣвала еще, что было причиной ея горести.

Однажды утромъ я гуляла въ саду; подлѣ меня шелъ Сеникуръ. Мы разговаривали о Полинѣ. Я замѣтила, что онъ глубоко чувствовалъ ея необыкновенныя качества, и что ея красота сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Я, смѣясь, дала ему замѣтить, что положеніе его самое романическое... Раненый рыцарь влюбляется въ благородную владѣлицу замка, трогаетъ ея сердце и наконецъ получаетъ ея руку. — „Нѣтъ“, сказалъ мнѣ Сеникуръ: „княжна видитъ во мнѣ врага Россіи и никогда не согласится оставить свое отечество“. Въ эту минуту Полина показалась въ концѣ аллеи; мы пошли къ ней на встрѣчу. Она приближалась скорыми шагами. Блѣдность ея меня поразила. — „Москва взята!“ сказала она мнѣ, не отвѣчая на поклонъ Сеникура. Сердце мое сжалось, слезы потекли ручьемъ. Сеникуръ молчалъ, потупя глаза. — „Благородные, просвѣщенные французы“,

продолжала она голосомъ, дрожащимъ отъ негодованія, — „ознаменовали свое торжество достойнымъ образомъ. Они зажгли Москву — Москва горитъ уже два дня“. — „Что вы говорите“, закричалъ Сеникуръ, — „не можетъ быть! — „Дождитесь ночи, отвѣчала она сухо: можетъ быть, увидите зарево“. — „Боже мой! Онъ погибъ!“ сказалъ Сеникуръ: „Какъ? развѣ вы не видите, что пожаръ Москвы есть гибель всему французскому войску, что Наполеону нигдѣ нечѣмъ будетъ держаться, что онъ принужденъ будетъ скорѣе отступить сквозь разоренную, опустѣвшую дорогу, съ войскомъ разстроеннымъ и недовольнымъ. И вы могли думать, что французы сами изрыли себѣ адъ: русскіе, русскіе зажгли Москву! — Теперь все рѣшено: ваше отечество вышло изъ опасности; но что будетъ съ нашимъ императоромъ!“ Онъ оставилъ насъ. Полина и я не могли опомниться. „Неужели“, сказала она, „Сеникуръ правъ, и пожаръ Москвы — нашихъ дѣло? Если такъ... О, мнѣ можно гордиться именемъ россиянки! Вселенная изумится великой жертвѣ! Теперь и паденіе наше мнѣ не страшно — честь наша спасена; никогда Европа не осмѣлится уже бороться съ народомъ, который рубитъ самъ себѣ руки и жжетъ свою столицу! „Глаза ея такъ и блистали, голось такъ и звенѣлъ. Я обняла ее, мы смѣшали слезы благороднаго восторга и жаркія моленія за отечество. „Ты знаешь?“ сказала мнѣ Полина съ видомъ вдохновеннымъ: „твой братъ... онъ счастливъ, онъ не въ плѣну — радуйся: онъ убитъ за спасеніе Россіи“. Я вскрикнула и упала безъ чувствъ въ ея объятія.

4.

Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля 181³ г. въ домѣ Катерины Петровны Томской происходила большая суматоха. Всѣ двери были растворены настежь, зала и передняя загромождены сундуками и чемоданами, ящики во всѣхъ комодахъ выдвинуты, слуги поминутно бѣгали по лѣстницамъ, служанки суетились и спорили; сама хозяйка, лѣтъ 45-ти дама, сидѣла въ спальнѣ, пересматривая счетныя книги, принесенныя ей толстымъ управителемъ, который стоялъ передъ нею съ руками за спиной и выдвинувъ правую ногу впередъ.

Кагерина Петровна показывала видъ, будто бы хозяйственныя тайны были ей коротко знакомы; но ея вопросы и замѣчанія обнаруживали ея барское невѣдѣнiе и возбуждали изрѣдка едва замѣтную улыбку на величавомъ лицѣ управителя, который, однако жъ, съ большою снисходительностію входилъ во всѣ требуемыя объясненія. Въ это время слуга доложилъ, что Прасковья Ивановна Поводова приѣхала. Катерина Петровна обрадовалась случаю прервать свои совѣщанія, велѣла просить и отпустила управителя.

„Помилуй, мать моя“, сказала вошедшая старая дама: „да ты собираешься въ дорогу? Куда тебя Богъ несетъ“?

— Ёду на Кавказъ, милая Прасковья Ивановна.

„На Кавказъ! Стало быть, Москва впервой отъ роду правду сказала, — а я не вѣрила. На Кав-

казъ! Да вѣдь это ужасъ какъ далеко! Охота тебѣ тащиться, Богъ вѣдаетъ зачѣмъ“?

— Какъ быть? Доктора объявили, что моей Машѣ нужны желѣзные воды, а для моего здоровья необходимы горячія ванны. Вотъ ужъ полтора года, какъ я все страдаю, — авось, Кавказъ поможетъ.

„Дай-то Богъ! А скоро ли ѣдешь“?

— Дня черезъ четыре, много-много промѣшкаю недѣлю: все ужъ готово. Вчера привезли мнѣ новую дорожную карету. Что за карета — игрушка, заглядѣнье! Вся въ ящикахъ... и чего тутъ нѣтъ: постеля, туалетъ, погребокъ, аптечка, кухня, сервизъ. Хочешь ли посмотрѣть?

„Изволь, мать моя“...

Обѣ дамы вышли на крыльцо. Кучера выдвинули изъ сарая дорожную карету. Катерина Петровна велѣла открыть дверцы, вошла въ карету, показала всѣ ея тайны, всѣ удобства, перерыла въ ней всѣ подушки, выдвинула всѣ ящики, приподняла всѣ ставни, всѣ зеркала, выворотила всѣ сумки: словомъ, для больной женщины оказалась очень дѣятельной и проворной.

Полюбовавшись экипажемъ, обѣ дамы возвратились въ гостиную, гдѣ разговорились опять о предстоящемъ пути, о возвращеніи, о планахъ на будущую зиму.

„Въ октябрѣ мѣсяцѣ“, сказала Катерина Петровна, „надѣюсь непременно воротиться. У меня будутъ вечера два раза въ недѣлю, и надѣюсь, милая, что ты ко мнѣ перенесешь свой босгонъ“.

Въ эту минуту дѣвушка лѣтъ 18-ти, стройная и высокая, съ блѣднымъ, прекраснымъ лицомъ и черными огненными глазами, тихо вошла во комнату, при- сѣла Поводовой и подошла къ рукѣ Катерины Петровны.

„Хорошо ты спала, Маша?“ спросила Катерина Петровна.

— Хорошо, маменька, сейчасъ только встала. Вы удивляетесь моей лѣни, Прасковья Ивановна? Что дѣлать? Больной простительно.

„Спи, мать моя, спи-себѣ на здоровье“, отвѣчала Прасковья Ивановна. „Да смотри: воротись у меня съ Кавказа румяная, здоровая, а Богъ дастъ и замужняя“...

— Какъ, замужняя? возразила Катерина Петровна, смѣясь. Да за кого выйти ей на Кавказѣ? Развѣ за черкесскаго князя?

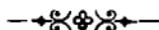
„Что ты, мать моя! За черкеса — сохрани ее Богъ! Да вѣдь они — что турки да бухарцы — нехристи; они ее забрѣютъ, да запрутъ. Нѣтъ, мало ли нашихъ военныхъ въ тамошнемъ краю; а имъ-то женщины въ диковинку; наткнешься на какого-нибудь холостого генерала“.

— Пошли намъ Богъ только здоровье, — сказала со вздохомъ Катерина Петровна, — а женихи не уйдутъ. Слава Богу, Маша еще молода, приданое есть; а добрый человѣкъ полюбить, такъ и безъ приданого возьметъ.

„А съ приданымъ все-таки лучше, мать моя“, сказала Прасковья Ивановна, вставая. — „Ну, простимся же, Катерина Петровна; ужъ я тебя до октября не увижу: далеко мнѣ до тебя тащиться съ Басманной на Арбатъ! И тебя не прошу: знаю, что тебѣ теперь некогда. Прощай и ты, красавица; не забудь же моего совѣта“.

Дамы распростились, и Прасковья Ивановна уѣхала.

30 сентября (1831).



Глава вторая.

Въ 179* году возвращался я въ Лифляндію съ веселою мыслию: обнять мою старушку-мать послѣ четырехлѣтней разлуки. Чѣмъ болѣе приближался я къ нашей мызѣ, тѣмъ сильнѣе волновало меня нетерпѣніе. Я погонялъ почтаря, хладнокровнаго моего единосемца, и душевно жалѣлъ о русскихъ ямщикахъ и объ удалой русской ѣздѣ.

Къ умноженію досады, бричка моя сломалась. Я принужденъ былъ остановиться. Къ счастью, станція была недалеко.

Я пошелъ пѣшкомъ въ деревню, чтобы выслать людей къ бѣдной моей бричкѣ. Это было въ концѣ лѣта. Солнце садилось. Съ одной стороны дороги простирались распаханная поля, съ другой—луга, поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Издали слышалась печальная пѣснь молодой эстонки. Вдругъ въ общей тишинѣ раздался явственно пушечный выстрѣлъ... и замеръ безъ отзыва. Я удивился. Въ сосѣдствѣ не находилось ни одной крѣпости; какимъ же образомъ пушечный выстрѣлъ могъ быть слышенъ въ этой мирной сторонѣ? Я рѣшилъ, что, вѣроятно, гдѣ-нибудь по близости находился лагерь, и воображеніе перенесло меня на минуту къ занятіямъ военной жизни, мною только что покинутой.

Подходя къ деревнѣ, увидѣлъ я въ сторонѣ господскій домикъ. На балконѣ сидѣли двѣ дамы.

Проходя мимо ихъ, я поклонился и отправился на почтовый дворъ.

Едва успѣлъ я справиться съ лѣнливými кузнецами, какъ явился ко мнѣ старичекъ, отставной русскій солдатъ, и отъ имени барыни позвалъ меня откушать чаю. Я согласился охотно и отправился на господскій дворъ.

Дорогою узналъ я отъ солдата, что старую барыню зовутъ Каролиной Ивановной, что она вдова, что дочь ея, Катерина Ивановна, уже въ невѣстахъ, что обѣ такія добрыя, и проч... Въ 179^м году мнѣ было ровно 23 года, и мысль о молодой барышнѣ была достаточна, чтобы возбудить живое любопытство.

Старушка приняла меня ласково и радушно. Узнавъ меня, мою фамилію, Каролина Ивановна сочлась со мною свойствомъ, и я узналъ въ ней вдову фонъ-М., дальняго намъ родственника, храбраго генерала, убитаго въ 1772 году.

Между тѣмъ какъ я, повидимому, со вниманіемъ вслушивался въ генеалогическія воспоминанія доброй Каролины Ивановны, я украдкой посматривалъ на ея милую дочь, которая разливала чай и мазала свѣжее, янтарное масло на ломтики домашняго хлѣба. Осмнадцать лѣтъ, круглое румяное лицо, темныя, узенькія брови, свѣжій ротикъ и голубые глазки — вполнѣ оправдывали мое ожиданіе. Мы скоро познакомились, и на третьей чашкѣ чаю уже обходился я съ нею, какъ съ кузиною. Между тѣмъ, бричку мою привезли: Иванъ пришелъ доложить, что она не прежде готова будетъ, какъ на другой день утромъ. Это извѣстіе меня вовсе не огорчило, и по приглашенію Каролины Ивановны я остался ночевать



Гости съѣзжались на дачу гр. Л. Зала наполнялась дамами и мужчинами, пріѣхавшими въ одно время изъ театра, гдѣ давали новую комедію. Каждый гость, пробравшись до круглаго стола, гдѣ разливали чай, спѣшилъ поклониться хозяйкѣ и вновь исчезнуть въ толпѣ, еще не занятой ни картами, ни разговорами. Мало по малу порядокъ установился. Дамы заняли свои мѣста по диванамъ. Около ихъ составился кружокъ мужчинъ. Висты учредились. Осталось на ногахъ нѣсколько молодыхъ людей, и смотрѣ парижскихъ литографій замѣнилъ общій разговоръ.

На балконѣ сидѣло двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, путешествующій испанецъ, казалось, живо наслаждался прелестью сѣверной ночи. Съ восхищеніемъ глядѣлъ онъ на ясное, блѣдное небо, на величавую Неву, озаренную свѣтомъ неизъяснимымъ, и на окрестныя дачи, рисующіяся въ прозрачномъ сумракѣ. „Какъ хороша ваша сѣверная ночь“, сказалъ онъ наконецъ: „и какъ не пожалѣть объ ея прелести, даже подъ небомъ моего отечества!“ — „Одинъ изъ нашихъ поэтовъ, — отвѣчалъ ему другой, — сравнивалъ ее съ русской бѣлобрысой красавицей; признаюсь, что смуглая, черноглазая итальянка или испанка, исполненная живости и полуденной нѣги, болѣе плѣняетъ мое воображеніе. Впро-

чемъ, давнишній споръ между *la brune et la blonde* еще не рѣшенъ. Но кстати: знаете ли вы, какъ одна иностранка изъяснила строгость и чистоту петербургскихъ нравовъ? Она увѣряла, что наши зимнія ночи слишкомъ холодны, а лѣтнія слишкомъ свѣтлы для любовныхъ приключеній.“ — Испанецъ улынулся. „Итакъ, благодаря вліянію климата“, сказалъ онъ: „Петербургъ есть обѣтованная земля красоты, любезности и безпорочности“. — „Что касается до красоты, отвѣчалъ русскій, то вы правы, здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаете вы красавицу: вообще, въ нихъ есть и природный умъ, и образованность; но нечего говорить объ ихъ любезности: она не въ модѣ, никто объ ней и не думаетъ. Женщины боятся прослыть кокетками, мужчины — уронить свою важность, достоинство. Всѣ стараются быть благопристойно-ничтожными со вкусомъ и приличіемъ. Что наше общество? Тѣ же лица каждый день вмѣстѣ; а есть ли между ними что-нибудь похожее на искренность, на благорасположеніе и близость сношеній, на все, что составляетъ прелесть общежитія? Вслушайтесь въ наши разговоры: сухія извѣстія изъ арміи, которая завтра же прочтете вы въ газетахъ, толки о новомъ посредственномъ актѣ, изрѣдка — соблазнительный анекдотъ, рассказанный безъ всякаго правдоподобія, растолкованный, разобранный безо всякой веселости. Волочиться почитаемъ мы за дурной тонъ и извиняемъ его только въ старикахъ. Однако, мнѣ хочется дать вамъ понятіе о нравахъ нашего большого свѣта, и дабы не употребить во зло довѣренности иностранца, я расскажу вамъ...“ И разговоръ принялъ самое сатирическое направленіе.

— Вы такъ откровенны и снисходительны, ска-

заль испанецъ, что я осмѣлюсь просить васъ разрѣшить мою задачу: я шатался по всему свѣту, представлялся во всѣхъ европейскихъ дворахъ, вездѣ посѣщаль высшее общество, но нигдѣ не чувствовалъ себя такъ связаннымъ, такъ неловкимъ, какъ въ проклятомъ вашемъ аристократическомъ кругу. Всякій разъ, когда я вхожу въ залу княгини В. и вижу эти нѣмая, неподвижныя муміи, напоминающія мнѣ египетскія кладбища, какой-то холодъ меня пронизываетъ. Межь ними нѣтъ ни одной моральной власти, ни одно имя не натвержено мнѣ славою — предъ чѣмъ же я робѣю?

— Предъ недоброжелательствомъ, отвѣчалъ русскій. Это — черта нашихъ нравовъ: въ народѣ выражается она насмѣшливостью, въ высшемъ кругу — невниманіемъ и холодностію. О мужчинахъ нечего и говорить: ихъ нравственность... Наши дамы очень поверхностно образованы, ничто европейское не занимаетъ ихъ мыслей. Политика и литература для нихъ не существуютъ. Остроуміе давно въ опалѣ, какъ признакъ легкомыслія. О чемъ же стануть онѣ говорить? О самихъ себѣ? Нѣтъ, онѣ слишкомъ хорошо воспитаны. Остается имъ разговоръ какой-то домашній, мелочной, часто понятный только для немногихъ, для избранныхъ. И человѣкъ, не принадлежащій къ этому малому стаду, принять какъ чужой, — не только иностранецъ, но и свой ¹⁴.

— Извините мнѣ мои вопросы, сказалъ испанецъ, — но врядъ ли мнѣ найти въ другой разъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ, и я спѣшу вами пользоваться. Вы упомянули о вашей аристократіи: что такое русская аристократія? Занимаясь вашими законами, я вижу, что наследственной аристократіи, основанной на недѣлимости имѣній, у васъ не су-

ществуетъ. Кажется, между вашимъ дворянствомъ существуетъ гражданское равенство, и доступъ къ оному ничѣмъ не ограниченъ. На чемъ же основывается ваша, такъ называемая, аристократія? Развѣ только на одной древности родовъ русскихъ замѣчательныхъ людей?

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ онъ. Древне-русское дворянство, вслѣдствіе причинъ, вами упомянутыхъ, упало въ неизвѣстность и составило родъ третьяго состоянія; дворянская чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха; но настоящая аристократія наша съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древность рода ихъ восходитъ до Петра и до Елизаветы. Деньщики, пѣвчіе, хохлы — вотъ ихъ родоначальники, будь сказано не въ упрекъ: достоинство, — всегда достоинство, и государственная польза требуетъ его возвышенія. Смѣшно только видѣть въ ничтожныхъ внукахъ спесь, точно въ потомкахъ перваго христіанскаго барона Клермонъ-Тоннера...

— Я самъ, напримѣръ, продолжалъ русскій съ видимымъ самодовольствомъ небреженія, — хотя дворянство мое теряется въ отдаленной древности и имена предковъ моихъ встрѣчаются на всѣхъ страницахъ истории нашей, но если бы я подумалъ назвать себя аристократомъ, то, вѣроятно, насмѣшили бы многихъ. Мы такъ положительны, что мы на колѣняхъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ и славою, но у насъ нѣтъ очарованія древностію, благодарности къ прошедшему и уваженія къ нравственному достоинству... Прошедшее для насъ не существуетъ. Карамзинъ недавно разсказалъ намъ нашу исторію, но едва ли мы выслушали его. Мы

гордимся не славою предковъ, но чиномъ какого-нибудь дяди-дурака или баломъ двоюродной сестры. замѣтите, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безнравственности... ¹⁵.

Въ сіе время двери въ залу отворились, и Вольская вошла. Она была въ первомъ цвѣтѣ молодости. Правильныя черты, большіе черные глаза, живость, самая странность наряда — все поневолѣ привлекало вниманіе. Мужчины встрѣтили ее съ какою-то шутовой привѣтливостію, дамы—съ замѣтнымъ недоброжелательствомъ; но Вольская ничего не замѣчала. Отвѣчая криво на общіе вопросы, она разсѣянно глядѣла во всѣ стороны; лицо ея, измѣнчивое какъ облако, изобразило досаду; она сѣла подлѣ важной княгини Г. и, какъ говорится, *se mit à bouder*.

Вдругъ она вздрогнула и обернулась къ балкону. Безпокойство овладѣло ею; она встала, пошла около кресель и столовъ, остановилась на минуту за стуломъ стараго генерала Р., ничего не отвѣчала на его тонкій мадригаль, и вдругъ скользнула на балконъ.

Испанецъ и русскій прекратили свой разговоръ и оба встали. Она подошла къ нимъ и съ явнымъ замѣшательствомъ сказала нѣсколько словъ по-русски. Испанецъ, полагая себя лишнимъ, оставилъ ее и возвратился въ залу.

Важная княгиня Г. проводила Вольскую глазами и въ полголоса сказала своему сосѣду: „Это ни на что не похоже“.

— Она ужасно вѣтрена, отвѣчалъ онъ.

„Вѣтрена? этого мало. Она ведетъ себя непростительно. Она можетъ не уважать себя, сколько ей угодно; но свѣтъ еще не заслуживаетъ отъ нея такого пренебреженія. Минскій могъ бы ей это замѣтить“.

— Il n'en fera rien, trop heureux de pouvoir la compromettre... Между тѣмъ, я бьюсь объ закладъ, что разговоръ ихъ самый невинный.

„Я въ томъ увѣрена... Давно ли вы стали такъ добродушны?“

— Признаюсь, я принимаю участіе въ судьбѣ этой молодой женщины. Въ ней много хорошаго и гораздо менѣе дурного, нежели думаютъ. Но страсти ее погубятъ.

„Страсти! какое громкое слово! Что такое страсти? Не воображаете ли вы, что у ней пылкое сердце, романическая голова? Просто, она дурно воспитана... Что это за литографія? Портретъ Гуссейнъ-паши? покажите мнѣ его“.

Гости разъѣзжались. Ни одной дамы не оставалось уже въ гостиной; лишь хозяйка съ явнымъ неудовольствіемъ стояла у стола, за которымъ два дипломата доигрывали послѣднюю игру въ экартѣ. Вольская вдругъ замѣтила зарю и поспѣшно оставила балконъ, гдѣ она около трехъ часовъ сряду находилась наединѣ съ Минскимъ. Хозяйка простилась съ нею холодно, а Минскаго не удостоила и взгляда.

У подъѣзда нѣсколько гостей ожидали своихъ экипажей. Минскій посадилъ Вольскую въ ея карету.

„Кажется, твоя очередь“, сказалъ ему молодой офицеръ.

— Вовсе нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Она занята; я просто ея наперсникъ или что вамъ угодно. Но я люблю ее отъ души: она уморительно смѣшна.

Зинаида Вольская лишилась матери на шестомъ году отъ рожденія. Отецъ ея, человекъ дѣловой и разсѣянный, отдалъ ее на руки какой-то французкѣ, нанялъ учителей всякаго рода, и послѣ ужъ

объ ней не заботился. Четырнадцать лѣтъ она была прекрасна, читала романы и писала любовныя записки своему танцмейстеру. Отецъ объ этомъ узналъ, отказалъ танцмейстеру и вывезъ ее въ свѣтъ, полагая, что воспитаніе ея кончено. Появленіе Зинаиды надѣлало шуму. Вольскій, богатый молодой человекъ, привыкшій подчинять свои чувства мнѣнію другихъ, влюбился въ нее потому, что генераль-адъютантъ N на одномъ придворномъ балѣ рѣшительно объявилъ, что Зинаида первая красавица въ Петербургѣ и что государь, встрѣтаясь на Англійской набережной, цѣлые полчаса изволилъ съ нею прогуливаться. Онъ сталъ свататься. Отецъ обрадовался случаю сбыть съ рукъ молодую невѣсту. Зинаида горѣла нетерпѣніемъ быть замужемъ, чтобъ видѣть у себя весь городъ. Къ тому же, Вольскій ей не былъ противенъ, и такимъ образомъ участь ея была рѣшена.

Ея искренность, неожиданныя проказы, дѣтское легкомысліе производили сначала пріятное впечатлѣніе, и даже свѣтъ былъ благодаренъ той, которая поминутно прерывала важное однообразіе аристократическаго круга. Смѣялись ея шалостямъ, повторяли ея странныя выходки. Но годы шли, а душѣ Зинаиды все еще было четырнадцать лѣтъ. Стали роптать. Нашли, что Вольская не имѣетъ никакого чувства приличія, свойственнаго ея полу. Женщины стали отъ нея удаляться, а мужчины приблизились. Сперва Зинаида огорчилась, но потомъ подумала, что она не въ проигрышѣ, и утѣшилась.

Молва стала приписывать ей любовниковъ. Злословіе, даже безъ доказательствъ, оставляетъ почти вѣчные слѣды. Въ свѣтскомъ уложеніи правдоподобіе равняется правдѣ, а быть предметомъ клеветы

унижаетъ насъ въ собственномъ мнѣніи. Вольская, въ слезахъ негодованія, рѣшилась возмутиться противъ власти несправедливаго свѣта. Случай скоро представился.

Между молодыми людьми, ее окружающими, Зинаида отличила Минскаго. Повидимому, нѣкоторое сходство въ характерахъ и обстоятельствахъ жизни должно было ихъ сблизить. Въ первой молодости Минскій порочнымъ своимъ поведеніемъ заслужилъ также порицаніе свѣта, который наказалъ его клеветою. Минскій оставилъ его, притворясь равнодушнымъ. Страсти на время заглушили въ его сердцѣ угрызенія самолюбія; но усмиранный опытами, явился онъ вновь на сцену общества и принесъ ему уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность эгоизма. Онъ не любилъ свѣта, но не презиралъ, ибо зналъ необходимость его одобренія. Со всѣмъ тѣмъ, уважая вообще, онъ не щадилъ его въ особенности, и каждаго члена его готовъ былъ принести въ жертву своему злопамятному самолюбію. Вольская нравилась ему за то, что она осмѣливалась явно презирать ему ненавистныя условія. Онъ подстрекалъ ее одобреніемъ и совѣтами, сдѣлался ея наперникомъ и вскорѣ сталъ ей необходимъ.

Б*** нѣсколько времени занималъ ея воображеніе. „Онъ слишкомъ для васъ ничтоженъ“, сказалъ ей Минскій. „Весь умъ его почерпнуть изъ *Liaisons dangereuses*,¹⁶ такъ же какъ весь его геній выкраденъ изъ Жомини. Узнавъ его покороче, вы будете презирать его тяжелую безнравственность, какъ военные люди презираютъ его пошлыя разсужденія“.

— Мнѣ хотѣлось бы влюбиться въ Р., сказала ему Зинаида.

„Какой вздоръ“! отвѣчалъ онъ. „Охота вамъ связаться съ человѣкомъ, который красить волосы, и каждая пять минутъ повторяетъ съ упоеніемъ: quand j'étais à Florence... Говорятъ, его несносная жена влюблена въ него; оставьте ихъ въ покоѣ, они созданы другъ для друга“.

— А баронъ W.?

„Это дѣвочка въ мундирѣ; но знаете ли что? Влюбитесь въ Л. Онъ займетъ ваше воображеніе; онъ такъ же необыкновенно уменъ, какъ необыкновенно дурень, et puis c'est un homme à grands sentimens, онъ будетъ ревнивъ и страстенъ, онъ будетъ васъ мучить и смѣшить — чего вамъ болѣе?“

Однакожь Вольская его не послушалась. Минскій угадывалъ ея сердце. Самолюбіе его было тронуту; не полагая, чтобъ легкомысліе могло быть соединено съ сильными страстями, онъ предвидѣлъ связь безъ всякихъ важныхъ послѣдствій, лишнюю женщину въ списокѣ вѣтреныхъ своихъ любовницъ, и хладнокровно обдумывалъ свою побѣду. Вѣроятно, если бъ онъ могъ вообразить бури, его ожидающія, то отказался бы отъ своего торжества, ибо свѣтскій человѣкъ легко жертвуетъ своими наслажденіями и даже тщеславіемъ — лѣни и благоприличію...

Минскій лежалъ еще въ постели, когда слуга подалъ ему письмо. Онъ распечаталъ его, зѣвая, пожалъ плечами, развернулъ два листа. вдоль и поперекъ исписанные мелкимъ женскимъ почеркомъ. Письмо начиналось такимъ образомъ: „Я намѣрена тебѣ сказать все, что имѣю на сердцѣ. Въ твоемъ присутствіи я не нахожу мыслей, которыя такъ сильно меня преслѣдуютъ. Твои софизмы не убѣждаютъ моихъ подозрѣній, но заставляютъ меня молчать. Это доказываетъ твое всегдашнее превосходство надо

мною, но этого не довольно для счастья, для спокойствія моего сердца“ ... Вольская упрекала его въ холодности, недовѣрчивости и проч., жаловалась, умоляла, сама не зная о чемъ; рассыпалась въ нѣжныхъ, ласковыхъ увѣреніяхъ и назначала ему вечеромъ свиданіе въ своей ложѣ. Минскій отвѣчалъ ей въ двухъ словахъ, извиняясь скучными необходимыми дѣлами и обѣщаясь быть непременно въ театрѣ.

7.

Марія Шонингъ.

Начало повѣсти.

I. Анна Гарлинъ къ Марьѣ Шонингъ.

25-го апрѣля.

Милая Марья! Что съ тобою дѣлается? Ужь болѣе четырехъ мѣсяцевъ не получала я отъ тебя ни строчки. Здорова ли ты? Кабы не всегдашнія хлопоты, я бы ужь побывала у тебя въ гостяхъ; но ты знаешь: двадцать одна миля — не шутка. Безъ меня хозяйство станетъ; Фрицъ въ немъ ничего не смыслить: настоящій ребенокъ. Ужь не вышла ли ты замужъ? Нѣтъ, вѣрно бы ты обо мнѣ вспомнила и порадовала свою подругу вѣстію о своемъ счастиі. Въ послѣднемъ письмѣ ты писала, что твой бѣдный отецъ все еще хвораетъ; надѣюсь, что весна ему помогла. и что теперь ему легче. О себѣ скажу, что я, слава Богу, здорова и счастлива. Работа идетъ помаленьку, но я все еще не умѣю ни запрашивать, ни торговаться. А надобно будетъ выучиться. Фрицъ также довольно здоровъ, но съ нѣкоторыхъ поръ деревянная нога начинаетъ его беспокоить; онъ мало ходитъ, а въ ненастное время кряхтитъ да охаетъ. Впрочемъ, онъ по-прежнему весель, по-прежнему любитъ выпить стаканъ вина, и все еще не досказалъ мнѣ

исторію о своихъ походахъ. Дѣти растутъ и хорошѣютъ. Франкъ становится молодцомъ. Вообрази, милая Марья, что ужь онъ бѣгаетъ за дѣвочками, — каковъ? — а ему нѣтъ еще и трехъ лѣтъ, А какой забіяка! Фрицъ не можетъ имъ налюбоваться и ужасно его балуетъ; вмѣсто того, чтобъ ребенка унимать, онъ еще его подстрекаетъ и радуется всѣмъ его проказамъ. Мина гораздо степеннѣе; правда, она годомъ старше, — я начала ужь учить ее азбукѣ. Она очень понятлива и, кажется, будетъ хороша собою. Но что въ красотѣ? была бы добра и разумна, тогда вѣрно будетъ и счастлива.

Р. S. Посылаю тебѣ въ гостинецъ косынку; обнови ее въ будущее воскресеніе, когда пойдешь въ церковь. Это подарокъ Фрица; но красный цвѣтъ идетъ болѣе къ твоимъ чернымъ волосамъ, нежели къ моимъ свѣтлорусымъ. Мужчины этого не понимаютъ. Имъ все равно, что голубое, что красное. Прости, милая Марья, я съ тобою заболталась. Отвѣчай же мнѣ поскорѣе. Батюшкѣ засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе. Напиши мнѣ, каково его здоровье. Мать нашего пастора совѣтуетъ ему употреблять, вмѣсто чаю, красный баранецъ, цвѣтокъ очень обыкновенный; я отыскала и латинское его названіе; всякій аптекаръ тебѣ укажетъ его. Вѣкъ не забуду, что я провела три года подъ его кровлею и что онъ обходился со мною, бѣдной сироткою, не какъ съ наемной служанкой, а какъ съ дочерью.

II. Марья Шонингъ къ Аннѣ Гарлинѣ.

28-го апрѣля.

Я получила письмо твое въ прошедшую пятницу, но прочла его только сегодня. Бѣдный отецъ мой

скончался въ тотъ самый день, въ шесть часовъ по утру; вчера были похороны.

Я никакъ не воображала, чтобъ смерть была такъ близка. Во все послѣднее время ему было гораздо легче, и г-нъ Кельць имѣлъ надежду на совершенное его выздоровленіе. Въ понедѣльникъ онъ даже гулялъ по нашему саду и дошелъ до колодезя, не задохнувшись. Возвратясь въ комнату, онъ почувствовалъ легкій ознобъ; я уложила его и побѣжала къ г-ну Кельцу: его не было дома. Возвратясь къ отцу, я нашла его въ усыпленіи; я подумала, что сонъ успокоитъ его совершенно. Г-нъ Кельць пришелъ вечеромъ; онъ осмотрѣлъ больного и былъ недоволенъ его состояніемъ. Онъ прописалъ ему новое лѣкарство. Ночью отецъ проснулся и просилъ ѣсть; я дала ему супу; онъ хлебнулъ одну ложку и болѣе не захотѣлъ. Онъ опять впалъ въ усыпленіе. На другой день съ нимъ сдѣлались спазмы. Г-нъ Кельць отъ него не отходилъ. Къ вечеру боль унялась; но имъ овладѣло такое безпокойство, что онъ пяти минутъ сряду не могъ лежать въ одномъ положеніи; я должна была поворачивать его съ боку на бокъ... Передъ утромъ онъ утихъ и часа два лежалъ въ усыпленіи. Г-нъ Кельць вышелъ, сказавъ мнѣ, что воротится часа черезъ два. Вдругъ отецъ мой приподнялся и позвалъ меня: я къ нему подошла и спросила: что ему надобно? Онъ сказалъ мнѣ: „Марья, что такъ темно? открой ставни.“ Я испугалась и сказала ему: „Батюшка! развѣ вы не видите... ставни открыты“. Онъ сталъ искать около себя, схватилъ меня за руку и сказалъ: „Марья, Марья, мнѣ очень дурно — я умираю... Дай, благословлю тебя — поскорѣе.“ Я бросилась на колѣни и положила его руку себѣ на голову — рука вдругъ отяжелѣла.

Онъ сказалъ: „Господь, награди ее; Господь! Тебѣ ее поручаю.“ Онъ замолкъ; я подумала, что онъ опять заснулъ, и нѣсколько минутъ не смѣла шевельнуться. Вдругъ вошелъ г-нъ Кельць, снялъ съ моей головы руку его и сказалъ мнѣ: „Теперь оставьте его, подите въ свою комнату.“ Я взглянула: отецъ лежалъ блѣдный и недвижимый. Все было кончено.

Добрый г-нъ Кельць цѣлые два дня не выходилъ изъ нашего дома и все распорядилъ, потому что я была не въ силахъ. И въ послѣдніе дни я одна ходила за больнымъ: некому было меня смѣнить. Часто я вспоминала о тебѣ и горько сожалѣла, что тебя съ нами не было. Вчера я встала съ постели и пошла было за гробомъ; но мнѣ стало дурно. Я стала на колѣни, чтобъ издали съ нимъ проститься. Фрау Ротберхъ сказала: какая комедіантка! Вообрази, милая Анна, что эти два слова возвратили мнѣ силу. Я пошла за гробомъ удивительно легко. Въ церкви, мнѣ казалось, было чрезвычайно свѣтло, и все кругомъ меня шаталось. Я не плакала. Мнѣ было душно, и мнѣ все хотѣлось смѣяться...

Его снесли на кладбище, что за церковью св. Якова, и при мнѣ опустили въ могилу. Мнѣ вдругъ захотѣлось тогда ее разрыть, потому что я съ нимъ не совсѣмъ простилась. Но многіе еще гуляли по кладбищу, и я боялась, чтобъ фрау Ротберхъ не сказала опять: какая комедіантка!

Какая жестокость! не позволять дочери проститься съ мертвымъ отцомъ, если ей вздумается!

Возвратясь домой, я нашла чужихъ людей, которые сказали мнѣ, что надобно запечатать все имѣніе и бумаги покойнаго отца. Они оставили мнѣ мою комнату, только вынесли изъ нея все, кромѣ кровати и одного стула. Завтра воскресенье, я не обновлю

твою косынку, но очень тебя за нее благодарю. Кла-няюсь твоему мужу, дѣтей цѣлую. Прощай. Пишу, стоя у окошка, а чернильницу заняла у сосѣдей...

III. Марія Шонингъ къ Аннѣ Гарлинъ.

Милая Анна! Вчера пришелъ ко мнѣ чиновникъ и объявилъ, что все имѣніе покойнаго отца моего должно продаваться съ публичнаго торга въ пользу городской казны, за то, что онъ былъ обложенъ не по состоянію и что по описи имѣнія оказался онъ гораздо богаче, нежели думали. Я тутъ ничего не понимаю. Въ послѣднее время мы очень много тра-тили на лѣкарство, у меня всего на расходъ оста-лось 23 талера. Я показала ихъ чиновникамъ, которые, однакожь, сказали, чтобъ я деньги эти взяла себѣ, потому что законъ ихъ не требуетъ. Домъ нашъ будетъ продаваться на будущей недѣлѣ, и я не знаю, куда мнѣ дѣться. Я ходила къ г. бургмейстеру, — онъ принялъ меня хорошо, но на мои просьбы отвѣ-чалъ, что онъ ничего не можетъ для меня сдѣлать. Не знаю, куда мнѣ опредѣлиться. Если нужна тебѣ служанка, то напиши мнѣ; ты знаешь, что я могу тебѣ помогать въ хозяйствѣ и въ рукодѣліи, а сверхъ того буду смотрѣть за дѣтьми и за Фрицемъ, если онъ занеможетъ. За больными ходить я научилась. Пожалуйста, напиши, нужна-ли я тебѣ. Я увѣрена, что отношенія наши нимало не перемѣнятся и что ты будешь для меня все та же добрая и снисходительная подруга.

* * *

Домикъ стараго Шонинга полонъ былъ народу. Толпа тѣснилась около стола, за которымъ предсѣ-

дательствовалъ оцѣнщикъ. Онъ кричалъ: „Байковый, камзолъ съ мѣдными пуговицами ** (столько - то). Разъ, два... Никто болѣе — байковый камзолъ *† — три“. Камзолъ перешелъ въ руки новаго своего владѣльца.

Покупщики осматривали, съ хулой и любопытствомъ, вещи, выставленныя на торгъ. Фрау Ротберхъ разсматривала черное бѣлье, не вымытое послѣ смерти Шонинга; она теребила его, стряхивала и повторяла: „дрянь, ветошь, лохмотья,“ и надбавляла по грошамъ. Трактирщикъ Гирцъ купилъ двѣ серебряныхъ ложки, полдюжины салфетокъ и двѣ фарфоровыя чашки. Кровать, на которой умеръ Шонингъ, куплена была Каролиною Шмидтъ, дѣвушкой сильно нарумяненной, вида скромнаго и смиреннаго.

Марія, блѣдная какъ тѣнь, стояла тутъ же, смотря на расхищеніе бѣднаго своего имущества. Она держала въ рукѣ ** талеровъ, готовясь купить что-нибудь, и не имѣла духа перебивать добычу у покупателейъ.

Народъ выходилъ, унося приобрѣтенное. Оставались непроданными два портрета въ рамкахъ, нѣкогда вызолоченныхъ, засиженныхъ мухами. На одномъ изображенъ былъ Шонингъ молодымъ человѣкомъ въ красномъ кафтанѣ, на другомъ — Христина, жена его, съ собачкою на рукахъ. Оба портрета были нарисованы рѣзко и ярко. Гирцъ хотѣлъ купить и ихъ, чтобы повѣсить въ угольной комнатѣ своего трактира, потому что стѣны были слишкомъ голы. Портреты оцѣнены были въ **. Гирцъ вынулъ кошелекъ.

Въ это время Марія превозмогла свою робость и дрожащимъ голосомъ надбавила цѣну. Гирцъ бросилъ на нее презрительный взглядъ и началъ торговаться. Мало по малу цѣна возросла до ***. Марія дала

наконецъ ***, Гирць отступился, и портреты остались за нею. Она отдала деньги, остальные спрягала въ карманъ, взяла портреты и вышла изъ дому, не дождавшись конца аукціона.

Когда Марія вышла на улицу съ портретомъ въ каждой рукѣ, она остановилась въ недоумѣніи: куда ей идти?..

Молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ, одѣтый съ нѣкоторою странностію, подошелъ къ ней и очень вѣжливо вызвался отнести портреты, куда ей будетъ угодно.

— Я очень вамъ благодарна... я, право, не знаю... И Марія думала, куда бы ей отнести портреты, покамѣстъ она сама безъ мѣста.

Молодой человѣкъ подождалъ нѣсколько секундъ и пошелъ своею дорогою, а Марія рѣшилась нести портреты къ лѣкарю Кельцу... .

Г л а в а П.

Votre coeur est l'éponge imbibé
de fiel et de vinaigre.

Correspondance inédite

Въ Коломнѣ, на углу маленькой площади, передъ деревяннымъ домикомъ, стояла карета — явленіе рѣдкое въ сей отдаленной части города. Кучеръ спалъ на козлахъ, а фореиторъ игралъ въ снѣжки съ дворовыми мальчиками.

Въ комнатѣ, убранной со вкусомъ и роскошью, на диванѣ, обложенная подушками, одѣтая съ большою изысканностью, лежала блѣдная дама, ужь не молодая, но еще прекрасная. Передъ каминомъ сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести, перебирающій листы англійскаго романа.

Начинало смеркаться; каминъ гаснулъ; молодой человѣкъ продолжалъ свое чтеніе.

Блѣдная дама не спускала съ него своихъ черныхъ и впалыхъ глазъ, окруженныхъ болѣзненною синевою. Наконецъ она сказала:

„Что съ тобою сдѣлалось, Валерьянъ? ты сегодня сердить.“

— Сердить! отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ съ своей книги.

„На кого?“

— На князя Горецкаго. У него сегодня балъ, а я не званъ.

„А тебѣ очень хотѣлось быть на его балѣ?“

— Нимало. Чортъ его побери съ его баломъ. Но если зоветъ онъ весь городъ, то долженъ звать и меня.

„Который это Горецкій? Не князь ли Яковъ?“

— Совсѣмъ нѣтъ. Князь Яковъ давно умеръ. Это братъ его, князь Григорій, извѣстная скотина ¹⁷.

„На комъ онъ женатъ?“

— На дочери того пѣвчаго... ¹⁸ какъ бишь его?

„Я такъ давно не выѣзжала, что совсѣмъ раззнакомилась съ вашимъ высшимъ обществомъ... Такъ ты очень дорожишь вниманіемъ князя Григорія, извѣстнаго мерзавца, и благосклонностію жены его, дочери пѣвчаго?“

— И конечно, съ жаромъ отвѣчала молодой чело-
вѣкъ, бросая книгу на столъ. Я чело-
вѣкъ свѣтскій и не хочу быть въ пренебреженіи у свѣтскихъ ари-
стократовъ. Мнѣ дѣла нѣтъ ни до ихъ родословной
ни до ихъ нравственности.

„Кого ты называешь у насъ аристократами?“ ¹⁹.

— Тѣхъ, которые протягиваютъ руку графинѣ
Фуфлыгиной.

„А кто такая графиня Фуфлыгина?“

— Взятчица, толстая, наглая дура.

„Какія тонкія эпиграммы!“

— Я за остроуміемъ, слава Богу, не гоняюсь.

„И пренебреженіе людей, которыхъ ты прези-
раешь“, сказала дама послѣ нѣкотораго молчанія, —
„можетъ до такой степени тебя разстраивать... При-
знайся, тутъ есть иная причина...“

— Такъ! опять подозрѣнія! опять ревность! Это,
ей-Богу, несносно.

Съ этими словами онъ всталъ и взялъ шляпу.

„Ты ужь ѣдешь?“ сказала дама съ безпокойствомъ.

„Ты не хочешь здѣсь отобѣдать?“

— Нѣтъ, я далъ слово.

„Обѣдай со мною“, продолжала она ласковымъ; голосомъ. „Я велѣла взять шампанскаго.“

— Это зачѣмъ? развѣ я безъ шампанскаго обойтись не могу? развѣ я московскій банкومترъ?

„Но въ послѣдній разъ ты нашель, что вино у меня дурно, и ты сердился, что женщины въ этомъ не знаютъ толку. На тебя не угодишь.“

— Не прошу и угождать.

Она не отвѣчала ничего. Молодой человѣкъ тотчасъ раскаялся въ грубости сихъ послѣднихъ словъ, Онъ къ ней подошелъ, взялъ ее за руку и сказалъ съ нѣжностію:

— Зинаида! прости меня; я сегодня самъ не свой; сержусь на всѣхъ и за все. Въ эти минуты надобно мнѣ сидѣть дома... Прости жь меня, не сердись.

„Я не сержусь, Валерьянъ; но мнѣ больно видѣть, что съ нѣкотораго времени ты совсѣмъ перемѣнился. Ты пріѣзжаешь ко мнѣ, какъ по обязанности, не по сердечному внушенію. Тебѣ скучно со мною. Ты молчишь, не знаешь, чѣмъ заняться, перевертываешь книги, придираешься ко мнѣ, чтобъ со мною побраниться и уѣхать... Я не упрекаю тебя: сердце наше не въ нашей волѣ; но я...“

Валерьянъ уже ее не слушалъ. Онъ натягивалъ давно надѣтую перчатку и нетерпѣливо поглядывалъ на улицу. Онъ пожалъ ее руку, сказалъ нѣсколько незначущихъ словъ и выбѣжалъ изъ комнаты, какъ рѣзвый школьникъ выбѣгаетъ изъ класса. Зинаида встала, подошла къ окошку, смотрѣла, какъ подали карету Володскому, какъ онъ сѣлъ и уѣхалъ. Долго стояла она на томъ же мѣстѣ, опустивъ руки и погруженная въ размышленіе. Слезы изрѣдка текли по ея блѣдному лицу. Наконецъ, она сказала громко

и съ видомъ рѣшительнымъ: „Онъ меня ужь не любить!“—отерла глаза, позвонила; вошла горничная, она велѣла засвѣтить лампу и сѣла за письменное бюро...

** скоро удостовѣрился въ невѣрности своей жены. Это чрезвычайно его разстроило. Онъ не зналъ, на что рѣшиться: притвориться ничего не замѣчающимъ казалось ему глупымъ; смѣяться надъ несчастьемъ столь обыкновеннымъ — презрительнымъ; сердиться не на шутку — слишкомъ шумнымъ; жаловаться съ видомъ глубоко оскорбленнаго чувства — слишкомъ смѣшнымъ. Къ счастью, жена явилась ему на помощь.

Полюбивъ Володскаго, она почувствовала отвращеніе отъ своего мужа, сродное однѣмъ женщинамъ и понятное только имъ... Однажды вошла она къ нему въ кабинетъ, заперла за собою дверь и объявила, что любить Володскаго, что не хочетъ обманывать мужа и втайнѣ его безчестить и что она рѣшилась развестись, ** не могъ опомниться отъ такого чисто сердечія, былъ встревоженъ стремительностію; она не дала ему времени опомниться, въ тотъ же день переѣхала съ Англійской набережной въ Коломну и въ короткой записочкѣ увѣдомила обо всемъ Володскаго ничего тому подобнаго не ожидавшаго. Онъ былъ въ отчаяніи: никогда не думалъ онъ связать себя такими узами. Онъ не любилъ скуки... боялся обязанностей и выше всего цѣнилъ свою себялюбивую независимость... Но все было кончено. Зинаида оставалась на его рукахъ. Онъ притворился благодарнымъ и приготовился на хлопоты любовной связи, какъ на занятіе должностное или какъ на скучную обязанность повѣрять ежемѣсячные счета своего дворецкаго...

V.

Дубровскій.

(1832—33).

Эта повѣсть, которую Пушкинъ, какъ видно изъ письма его къ П. В. Нащокину отъ 2-го декабря 1832 года, первоначально хотѣлъ назвать „Островскимъ“, осталась неотдѣланною и явилась въ печати только въ 1841 году, въ X (дополнительномъ) томѣ посмертнаго изданія, въ крайне небрежной редакціи, со множествомъ пропусковъ и искаженій, которыя остались неисправленными и въ послѣдующихъ изданіяхъ, до изданія Лит. Фонда. Сюжетъ „Дубровскаго“ данъ Пушкину П. В. Нащокинымъ, который самъ видѣлъ въ острогѣ дворянина, доведеннаго до нищеты богатымъ и сильнымъ сосѣдомъ. Знакомый Нащокина, Дм. Вас. Короткій, служившій въ 1832 году въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ въ Москвѣ и отлично знакомый съ производствомъ тяжбныхъ дѣлъ, сдѣлалъ для Пушкина выписку изъ подлиннаго дѣла объ отобраніи имѣнія у Козловскаго (Тамбовской губ.) помѣщика, поручика Ивана Яковлевича Муратова, гвардіи подполковникомъ Семеномъ Петровичемъ Крюковымъ. Имѣніе это, съ 186-ю душами въ сельцѣ Новоспасскомъ, было продано, въ 1759 году, отцомъ Крюкова отцу Муратова, но у послѣдняго купчая крѣпость сгорѣла во время бывшаго у него пожара въ 1790 году. Крюковъ представилъ въ уѣздный судъ сохранившійся въ его бумагахъ старый документъ на владѣніе бывшимъ имѣніемъ своего отца; Муратовъ не могъ представить никакихъ документовъ. Напрасно объяснялъ онъ, что въ архивѣ уѣзднаго суда должна сохраняться купчая крѣпость на спорное имѣніе, что этимъ имѣніемъ уже болѣе 70 лѣтъ владѣли онъ и отецъ его: уѣздный судъ въ 1832 году рѣшилъ дѣло въ пользу Крюкова. Муратовъ пропустилъ срокъ апелляціи и безвозвратно лишился своего достоянія. Не довольствуясь тѣмъ, что оттягалъ у сосѣда имѣніе, Крюковъ требовалъ еще и всѣхъ доходовъ за 70 лѣтъ, что естественно вытекало изъ резолюціи; но судъ отказалъ ему, сославшись на то, что „прежде онъ такой претензіи не

имѣлъ.“ Во второй главѣ повѣсти, послѣ словъ: „Мы помѣщаемъ его вполнѣ“ и пр. (стр. 255), должно было слѣдовать подлинное судейское опредѣленіе, и въ черновыхъ бумагахъ Пушкина осталась, переписанная писарскою рукою на двухъ листахъ синей бумаги, копія этого опредѣленія, въ которой имена Муратова и Крюкова были замѣнены именами Дубровскаго и Троекурова, а спорное имѣніе было названо сельцомъ Кистеневкою, какъ называлась одна изъ деревень (въ Нижегородской губ.), принадлежавшихъ фамиліи Пушкиныхъ. Этотъ документъ, напечатанный В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Стар. 1887, LV, 545 и слл., помѣщается ниже, въ примѣчаніяхъ.

Подлинная рукопись „Дубровскаго“ (Моск. Муз. № 2380) писана карандашемъ на отдѣльныхъ листахъ, составляющихъ въ настоящее время двѣ тетради. Первые восемь главъ должны были составить первый томъ, остальные—второй. Заглавія „Дубровскій“ здѣсь нѣтъ (оно дано посмертнымъ изданіемъ); на заглавномъ листѣ написано просто: Томъ первый. Глава первая. 21-го октября 1832. Спб. Тутъ же прибавлено: „А... Петровна. Гаврило Евграфовичъ“. Затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ рукописи находимъ слѣдующія помѣты:

Въ срединѣ второй главы, послѣ словъ: „владѣнія сельцомъ Кистеневкою“ (стр. 253), — 25 окт. 1832. С.-Петербургъ; подъ второй — 27 октября; въ срединѣ третьей, послѣ словъ: „съ вѣрнымъ своимъ Гришею“ (стр. 259), — 29 окт.; подъ третьей — 2 ноября; среди шестой, послѣ словъ: „и вопли утикли“ (стр. 275), — 8 ноября 1832. Крест. В. Х. 2 часа съ $\frac{1}{2}$; подъ седьмой — 9 ноября; подъ осьмой — 11 ноября; подъ девятой — 14 декабря; подъ десятой — 16 декабря; подъ двѣнадцатой — 21 декабря; подъ тринадцатой — 25 декабря; 1832; подъ четырнадцатой — 28 декабря; въ срединѣ пятнадцатой, послѣ записки Дубровскаго: „...на прежнемъ мѣстѣ“ (стр. 315), — 29 декабря; подъ пятнадцатой — 1 января 1833 г.; подъ шестнадцатой — 3 января; подъ семнадцатой — 6 января; подъ осьмнадцатой — 15 января; въ концѣ девятнадцатой (последней) — 22 января; наконецъ, въ другой тетради (Муз. № 2387 А), среди статей и замѣтокъ совершенно иного содержанія, находимъ листокъ, на которомъ набросаны послѣднія строки повѣсти (отъ словъ: „Послѣднія происшествія...“

до „...скрылся за границу“), съ помѣтою: 6 февраля. Изъ этихъ цифръ видно, что повѣсть писачась три съ половиною мѣсяца.

Въ рукописномъ текстѣ шестой главы къ полямъ приклеено два клочка бумаги съ отрывками программы: одинъ — объ убійствѣ приказныхъ, другой — о схваткѣ Саши съ рыжимъ мальчикомъ. Вотъ они:

1) Пока приказные пьютъ, въ людской люди сговариваются, и поваръ Архипъ рѣшается убить ихъ.

2) Садовникъ ловитъ мальчика. Саша отымаешь у него кольцо и снова кладеть въ дупло. Прикащикъ запираетъ мальчика на голубятню, покамѣсть будетъ ему время; передъ свѣтомъ мальчикъ убѣгаетъ.

Наконецъ, въ тетради совершенно иного содержанія (Муз. № 2373, л. 42 об.), среди разныхъ черновыхъ набросковъ и выписокъ изъ Мицкевича, находимъ слѣдующія строки, представляющія, быть можетъ, первую мысль о Троекуровѣ:

„Илья Петровичъ Нарумовъ долго былъ дворянскимъ предводителемъ одной изъ сѣверныхъ нашихъ губерній. Его званіе и богатство давало ему большой вѣсъ во мнѣніи помѣщиковъ-сосѣдей. Онъ былъ избалованъ ихъ обращеніемъ, слишкомъ уже снисходительнымъ, и привыкъ давать полную волю порывамъ нрава пылкаго и суроваго и затѣямъ довольно ограниченнаго ума...“ (ср. стр. 245).

Проф. Шляпкинъ (Неизд. бум., 58) напечаталъ небольшую памятную замѣтку, оказавшуюся въ бумагахъ Пушкина и, можетъ быть, служившую для справокъ при сочиненіи „Дубровскаго“:

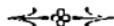
„Земскій судъ. Исправникъ. Засѣдатель земскаго суда. Секретарь. Стряпчій. Письмоводитель (писарь). Солдаты (унтеръ инвалидный). Священникъ ближній.

„Привозятъ — зеркало въ избѣ. Священникъ съ крестомъ, съ евангеліемъ.

„Слѣдствіе: доносъ на кого?

„Форма допроса: Чей ты?.. Зовутъ меня Д..., дворовый челоѣкъъ такого-то господина. Отъ роду столько-то. Вѣронсповѣданіе. На исповѣди и у святаго причастія бываю черезъ годъ. Напередъ сего въ штрафахъ (въ приводахъ), подъ слѣдствіемъ и судомъ никогда не былъ. Ты убійца — за что — и какъ, апелляцію — срокъ годъ“.

Проф. Шляпкинъ указываетъ тутъ же, что въ дѣлахъ Псковской провинціальной канцеляріи, изд. И. И. Василевымъ (Псковъ 1884, стр. 57) есть жалоба Апрѣлева, 1737 г., на крестьянъ Дубровскаго, которые помогли апрѣлевскому человѣку бѣжать за польскую границу. Когда стали разыскивать виновныхъ, солдаты встрѣтились съ вооруженными людьми Дубровскаго, который приказалъ имъ бить поимщиковъ или скрываться въ лѣсу. Можетъ быть, живя въ Псковской губерніи, Пушкинъ слышалъ какія-нибудь мѣстныя преданія объ этомъ Дубровскомъ.



ГЛАВА ПЕРВАЯ.

21 окт. 1832. Спб.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ помѣстій своихъ, жилъ старинный русскій баринъ Кирила Петровичъ Троекуровъ. Его богатство, знатный родъ и связи давали ему большой вѣсъ въ губерніи, гдѣ находилось его имѣніе. Избалованный всѣмъ, что только окружало его, онъ привыкъ давать полную волю каждому порыву пылкаго своего нрава и всѣмъ затѣямъ довольно ограниченнаго ума. Сосѣды рады были угождать его прихотямъ; губернскіе чиновники трепетали при его имени. Кирила Петровичъ принималъ всѣ знаки подобострастія, какъ надлежащую дань. Домъ его всегда былъ полонъ гостями, готовыми тѣшить его барскую праздность, раздѣляя шумныя, а иногда и буйныя его увеселенія. Никто не дерзалъ отказываться отъ его приглашеній, или въ извѣстные дни не являться съ должнымъ почетомъ въ село Покровское. Кирила Петровичъ былъ великій хлѣбосоль и, не смотря на необыкновенную силу физическихъ способностей, раза два въ недѣлю страдалъ отъ обжорства и каждый вечеръ былъ на-веселѣ. Рѣдкая дѣвушка изъ его дворовыхъ избѣгала сластолюбивыхъ покушеній пятидесятилѣтняго старика. Сверхъ того, въ одномъ изъ флигелей его дома жили шестнадцать горничныхъ, занимаясь рукодѣліями, свойственными ихъ полу. Окна во флигелѣ были загорожены деревянною рѣшеткою; двери запирались замками, отъ коихъ ключи хранились у

Кирила Петровича. Молодыя затворницы въ положенные часы ходили въ садъ и прогуливались подъ надзоромъ двухъ старухъ. Отъ времени до времени Кирила Петровичъ выдавалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ замужъ, и новыя поступали на ихъ мѣсто. Съ крестьянами и дворовыми обходился онъ строго и своелично; не смотря на то, они были ему преданы: они тщеславились богатствомъ и славою своего господина и, въ свою очередь, позволяли себѣ многое въ отношеніи къ ихъ сосѣдамъ, надѣясь на его сильное покровительство.

Всегдашнія занятія Троекурова состояли въ разъѣздахъ около пространныхъ его владѣній, въ продолжительныхъ пирахъ и въ проказахъ, ежедневно притомъ изобрѣтаемыхъ, жертвою коихъ бывалъ обыкновенно какой-нибудь новый знакомецъ, хотя и старинные пріатели не всегда ихъ избѣгали, за исключеніемъ одного Андрея Гавриловича Дубровскаго. Сей Дубровскій, отставной поручикъ гвардіи, былъ ему ближайшимъ сосѣдомъ и владѣль семьюдесятью душами. Троекуровъ, надменный въ сношеніяхъ съ людьми самаго высшаго званія, уважалъ Дубровскаго, не смотря на его смиренное состояніе. Нѣкогда были они товарищами по службѣ, и Троекуровъ зналъ по опыту нетерпѣливость и рѣшительность его характера. Славный 1762 годъ разлучилъ ихъ надолго. Троекуровъ, родственникъ княгини Дашковой, пошелъ въ гору; Дубровскій, съ разстроеннымъ состояніемъ, принужденъ былъ выйти въ отставку и поселиться въ остальной своей деревнѣ. Кирила Петровичъ, узнавъ о томъ, предлагалъ ему свое покровительство; но Дубровскій благодарилъ его и остался бѣденъ и независимъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Троекуровъ, отставной генералъ-ан-

шефъ, прїѣхаль въ свое помѣстье; они свидѣлись и обрадовались другъ другу. Съ тѣхъ поръ каждый день бывали вмѣстѣ, и Кирила Петровичъ, отъ роду не удостоивавшій никого своимъ посѣщеніемъ, заѣзжалъ запросто въ домишко стараго своего товарища. Будучи ровесниками, рожденные въ одномъ сословіи, воспитанные одинаково, они сходились отчасти въ характерѣ и наклонностяхъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и судьба ихъ была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовѣли, у обоихъ осталось по ребенку. Сынъ Дубровскаго воспитывался въ Петербургѣ, дочь Кирилы Петровича росла въ глазахъ родителя, и Троекуровъ часто говорилъ Дубровскому: „Слушай, братъ Андрей Гавриловичъ: когда въ твоемъ Володькѣ будетъ путь, такъ отдамъ за него Машу, даромъ что онъ голъ, какъ соколъ“. Андрей Гавриловичъ качалъ головою и отвѣчалъ обыкновенно: „Нѣтъ, Кирила Петровичъ, мой Володька не женихъ Марьѣ Кириловнѣ. Бѣдному дворянчику, каковъ онъ, лучше жениться на бѣдной дворяночкѣ, да быть главою въ домѣ, нежели сдѣлаться прикащикомъ избалованной бабенки“.

Всѣ завидовали согласію, царствовавшему между надменнымъ Троекуровымъ и бѣднымъ его сосѣдомъ, и удивлялись смѣлости послѣдняго, когда онъ за столомъ у Кирилы Петровича прямо высказывалъ свое мнѣніе, не заботясь о томъ, противорѣчило ли оно мнѣніямъ хозяина. Нѣкоторые было пытались ему подражать и выйти изъ предѣловъ должнаго повиновенія; но Кирила Петровичъ пугнулъ ихъ такъ, что навсегда у нихъ отбилъ охоту къ таковымъ покушеніямъ; а Дубровскій остался одинъ внѣ общаго закона. Нечаянный случай все разстроилъ и перемѣнилъ.

Разъ, въ началѣ осени, Кирила Петровичъ соби-
рался въ отъѣзжее поле. Наканунѣ отданъ былъ
приказъ псарямъ и стремяннымъ быть готовыми къ
пяти часамъ утра. Палатка и кухня отправлены были
впередъ на мѣсто, гдѣ Кирила Петровичъ долженъ
былъ обѣдать. Хозяинъ и гости пошли на псарный
дворъ, гдѣ болѣе пятисотъ гончихъ и борзыхъ жили
въ довольствѣ и теплѣ, прославляя щедрость Кирилы
Петровича на своемъ собачьемъ языкѣ. Тутъ же
находился и лазаретъ для больныхъ собакъ, подъ
присмотромъ штабъ-лѣкаря Тимошки, и отдѣленіе,
гдѣ суки ощенялись и кормили своихъ щенятъ. Ки-
рила Петровичъ гордился симъ прекраснымъ заведе-
ніемъ и никогда не упускалъ случая похвастать онымъ
предъ своими гостями, изъ коихъ каждый осматри-
валъ его по крайней мѣрѣ уже въ двадцатый разъ.
Онъ расхаживалъ по псарнѣ, окруженный своими
гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными
псарями, останавливался предъ нѣкоторыми конурами,
то спрашивая о здоровьѣ больныхъ, то дѣлая за-
мѣчанія, болѣе или менѣе строгія и справедливыя, то
подзывая къ себѣ знакомыхъ собакъ и ласково съ
ними разговаривая. Гости почитали обязанностію
восхищаться псарнею Кирилы Петровича; одинъ Ду-
бровскій молчалъ и хмурился: онъ былъ горячій
охотникъ, но его состояніе позволяло ему держать
только двухъ гончихъ и одну борзую суку, и онъ
не могъ удержаться отъ нѣкоторой зависти при видѣ
сего великолѣпнаго заведенія. „Что же ты хму-
ришься, братъ“, спросилъ его Кирила Петровичъ:
„или псарня моя тебѣ не нравится?“ — „Нѣтъ“,
отвѣчалъ Дубровскій сурово: „псарня чудная; врядъ
ли людямъ вашимъ житье такое, какъ вашимъ соба-
камъ“. Одинъ изъ псарей обидѣлся. „Мы на свое

житье“, сказалъ онъ, „благодаря Бога и барина, не жалуемся; а что правда, иному и дворянину не худо бы промѣнять усадьбу свою на любую здѣшнюю конуру: ему было бы и сытнѣе, и теплѣе“. Кирила Петровичъ громко засмѣялся при дерзкомъ замѣчаніи своего холопа, а гости вслѣдъ за нимъ захохотали, хотя чувствовали, что шутка псаря могла относиться и къ нимъ. Дубровскій поблѣднѣлъ и не сказалъ ни слова. Въ сіе время поднесли Кирилѣ Петровичу въ лукошкѣ новорожденныхъ щенятъ; онъ занялся ими, выбралъ себѣ двухъ, прочихъ велѣлъ утопить. Между тѣмъ Андрей Гавриловичъ скрылся, и никто того не замѣтилъ.

Возвратясь съ гостями со псарнаго двора, Кирила Петровичъ сѣлъ ужинать, и тогда только, не видя Дубровскаго, хватился его. Люди отвѣчали, что Андрей Гавриловичъ уѣхалъ домой. Троекуровъ тотчасъ велѣлъ его догнать и воротить непременно. Отъ роду не выѣзжалъ онъ на охоту безъ Дубровскаго, опытнаго и тонкаго цѣнителя псовыхъ достоинствъ и безошибочнаго рѣшителя всѣхъ возможныхъ охотничьихъ споровъ. Слуга, поскакавшій за нимъ, воротился, какъ еще сидѣли за столомъ, и доложилъ своему господину, что-де-скаль Андрей Гавриловичъ не послушался и не хотѣлъ воротиться. Кирила Петровичъ, по обыкновенію своему, разгоряченный наливкою, осердился и вторично послалъ того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если онъ тотчасъ же не пріѣдетъ ночевать въ Покровское, то онъ, Троекуровъ, съ нимъ на вѣки рассорится. Слуга снова поскакалъ. Кирила Петровичъ всталъ изъ-за стола, отпустилъ гостей и отправился спать.

На другой день первый вопросъ его былъ: „здѣсь ли Андрей Гавриловичъ?“ Ему подали письмо,

сложенное треугольникомъ. Кирила Петровичъ приказаль своему писарю читать его вслухъ и услышалъ слѣдующее:

„Государь мой премилосердый!

Я до тѣхъ поръ не намѣренъ пріѣхать въ Покровское, пока не вышлете вы мнѣ псаря Парамошку съ повинною; а будетъ моя воля наказать его или помиловать; а я терпѣть шутокъ отъ вашихъ холоповъ не намѣренъ, да и отъ васъ ихъ не стерплю, потому что я не шутъ, а старинный дворянинъ. За симъ остаюсь покорный ко услугамъ

Андрей Дубровскій“.

По нынѣшнимъ понятіямъ объ этикетѣ, письмо сіе было бы весьма неприличнымъ; но оно разсердило Кирила Петровича не страннымъ слогомъ и расположеніемъ, но только своею сущностію. „Какъ?“ закричалъ Троекуровъ, вскочивъ съ постели босой: „Высылать моихъ людей къ нему съ повинною! Онъ воленъ ихъ наказывать и миловать! Да что онъ, въ самомъ дѣлѣ, задумаль? Да знаетъ ли онъ, съ кѣмъ связывается? Вотъ я жъ его! Наплачется онъ у меня! Узнаетъ, каково идти на Троекурова“.

Однако Кирила Петровичъ одѣлся и выѣхаль на охоту съ обыкновенною своею пышностію. Но охота не удалась: во весь день видѣли одного только зайца— и того протравили; обѣдъ въ полѣ подъ палаткой также не удался, или, по крайней мѣрѣ, былъ не по вкусу Кирила Петровича, который прибилъ повара, разбранилъ гостей, и на возвратномъ пути со всею своею охотою нарочно поѣхаль полями Дубровскаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прошло нѣсколько дней, и вражда между двумя сосѣдами не унималась. Андрей Гавриловичъ не возвращался въ Покровское, Кирила Петровичъ безъ него скучалъ, и досада его изливалась въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, которыя, благодаря усердію тамошнихъ дворянъ, доходили до Дубровскаго исправленнаго и дополненнаго. Новое обстоятельство уничтожило и послѣднюю надежду на примиреніе.

Дубровскій обѣзжалъ однажды малое свое владѣніе; приближаясь къ березовой рошѣ, услышалъ онъ удары топора и чрезъ минуту — трескъ поваливагося дерева, онъ поспѣшилъ туда и наѣхалъ на покровскихъ мужиковъ, спокойно ворующихъ у него лѣсъ. Увидя его, они бросились было бѣжать; Дубровскій со своимъ кучеромъ поймалъ изъ нихъ двоихъ и привелъ ихъ связанными къ себѣ на дворъ; три непріятельскія лошади достались тутъ же въ добычу побѣдителю. Дубровскій былъ чрезвычайно сердитъ: прежде сего никогда люди Троекурова, извѣстные разбойники, не осмѣливались шалить въ предѣлахъ его владѣнія, зная короткую связь его съ ихъ господиномъ; Дубровскій видѣлъ, что теперь пользовались они происшедшимъ разрывомъ, и рѣшился, вопреки всѣмъ понятіямъ о правѣ войны, проучить своихъ плѣнниковъ прутьями, коими запаслись они въ его же рошѣ, а лошадей отдать въ работу, приписавъ къ барскому скоту.

Слухъ о семъ происшествіи въ тотъ же день дошелъ до Кирила Петровича. Онъ вышелъ изъ себя и въ первую минуту гнѣва хотѣлъ было со всѣми

своими дворовыми учинить нападеніе на Кистеневку (такъ называлась деревня его сосѣда), разорить ее до тла и осадить самого помѣщика въ его усадьбѣ; таковыя подвиги были ему не въ диковинку; но мысли его приняли вскорѣ другое направленіе. Расхаживая тяжелыми шагами взадъ и впередъ по залѣ, онъ взглянулъ нечаянно въ окно и увидѣлъ у воротъ остановившуюся тройку; маленькій человѣкъ въ кожаномъ картузѣ и фризовой шинели вышелъ изъ телѣги и пошелъ во флигель къ прикащику. Троекуровъ узналъ засѣдателя Шабашкина и велѣлъ его позвать. Черезъ минуту Шабашкинъ уже стоялъ предъ Кирилою Петровичемъ, отвѣсивая поклонъ за поклономъ и съ благоговѣніемъ ожидая его приказаній.

„Здорово... какъ бишь тебя зовутъ?“ сказала Троекуровъ: „зачѣмъ пожаловалъ?“

— Я ѣхалъ въ городъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Шабашкинъ, и заѣхалъ къ Ивану Демьянову узнать, не будетъ ли какого приказанія отъ вашего превосходительства.

„Очень кстати заѣхалъ... какъ бишь тебя зовутъ? Мнѣ до тебя нужда; выпей водки, да выслушай.“

Таковой ласковый пріемъ пріятно изумилъ засѣдателя; онъ отказался отъ водки и сталъ слушать Кирилу Петровича со всевозможнымъ вниманіемъ.

„У меня сосѣдъ есть“, сказалъ Троекуровъ: „мелкопомѣстный грубіянь; я хочу взять у него имѣніе... какъ ты про то думаешь?“

— Ваше превосходительство, коли есть какіе-нибудь документы...

„Врешь, братецъ, какіе тебѣ документы? На то указы. Въ томъ-то и сила, чтобы безо всякаго права отнять имѣніе. Постой, однакожь! Это имѣніе принадлежало нѣкогда намъ, было куплено у какого-то

Спицына и продано потомъ отцу Дубровскаго. Нельзя ли къ этому придраться? "

— Мудрено, ваше превосходительство: вѣроятно, сія продажа совершена законнымъ порядкомъ.

„Подумай, братецъ, поищи хорошенько.“

— Если бы, напримѣръ, ваше превосходительство могли достать какимъ-нибудь образомъ отъ вашего сосѣда запись, въ силу которой владѣть онъ своимъ имѣніемъ, то, конечно...

„Понимаю, да вотъ бѣда: у него всѣ бумаги сгорѣли во время пожара.“

— Какъ, ваше превосходительство, бумаги его сгорѣли? Чего же вамъ лучше? Въ такомъ случаѣ извольте дѣйствовать по законамъ, и безъ всякаго сомнѣнія получите совершенное удовольствіе.

„Ты думаешь? Ну, смотри же, я полагаюсь на твое усердіе, а въ благодарности моей можешь быть увѣренъ.“

Шабашкинъ, поклонившись почти до земли, вышелъ вонъ, съ того же дня сталъ хлопотать по замышленному дѣлу и, благодаря его проворству, ровно черезъ двѣ недѣли Дубровскій получилъ изъ города приглашеніе доставить немедленно надлежащія объясненія вслѣдствіе поступившаго отъ генерала-аншефа Троекурова въ судъ прошенія насчетъ, якобы неправильнаго его владѣнія сельцомъ Кистеневкою.

Андрей Гавриловичъ, изумленный неожиданнымъ запросомъ, въ тотъ же день написалъ въ отвѣтъ довольно грубое отношеніе, въ коемъ объяснялъ онъ, что сельцо Кистеневка досталось ему по смерти покойнаго его родителя, что онъ владѣть имъ по праву наслѣдства, что Троеурову до него никакого дѣла нѣтъ, и что всякое постороннее притязаніе на сію его собственность — есть ябеда и мошенничество.

Дубровскій не имѣлъ опытности въ дѣлахъ тяжбныхъ. Онъ руководствовался большею частью здравымъ смысломъ, путеводителемъ рѣдко вѣрнымъ и почти всегда недостаточнымъ.

Письмо сіе произвело весьма пріятное впечатлѣніе въ душѣ застѣдателя Шабашкина: онъ увидѣлъ, во-первыхъ, что Дубровскій мало знаетъ толку въ дѣлахъ; во-вторыхъ, что человѣка столь горячаго и неосмотрительнаго не трудно будетъ поставить въ самое невыгодное положеніе.

Андрей Гавриловичъ, разсмотрѣвъ хладнокровно сдѣланный ему запросъ, увидѣлъ необходимость отвѣчать обстоятельнѣе; онъ написалъ довольно дѣльную бумагу, но она въ послѣдствіи времени оказалась недостаточною.

Дѣло стало тянуться. Увѣренный въ своей правотѣ, Андрей Гавриловичъ мало о немъ заботился, не имѣлъ ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньгами, первый трунилъ надъ продажною совѣстью чернильнаго племени, и мысль сдѣлаться жертвою ябеды не приходила ему въ голову. Съ своей стороны, Троекуровъ столь же мало думалъ о выигрышѣ задуманнаго имъ дѣла: Шабашкинъ за него хлопоталъ, дѣйствуя отъ его имени, страшая и подкупая судей и толкуя вкривь и вкось всевозможные указы. Какъ бы то ни было, 18.. года, февраля 9-го дня, Дубровскій получилъ чрезъ городовую полицію приглашеніе явиться въ ** земскій судъ для выслушанія рѣшенія онаго по дѣлу спорнаго имѣнія между имъ, поручикомъ Дубровскимъ, и генераль-аншефомъ Троекуровымъ, и для подписки своего удовольствія или неудовольствія. Въ тотъ же день Дубровскій отправился въ городъ; на дорогѣ обогналъ его Троекуровъ; они гордо взглянули другъ на друга,

и Дубровскій замѣтилъ злобную улыбку на лицѣ своего противника. ¹

Приѣхавъ въ городъ, Андрей Гавриловичъ остановился у знакомаго купца, ночеваль у него и на другой день утромъ явился въ присутствіе уѣзднаго суда. Никто не обратилъ на него вниманія. Вслѣдъ за нимъ приѣхаль и Кирила Петровичъ; писаря встали и заложили перья за ухо; члены встрѣтили его съ изъявленіемъ глубокаго подобострастія, придвинули къ нему кресла, изъ уваженія къ его чину, лѣтамъ и дородности; онъ сѣлъ; Андрей Гавриловичъ, стоя, прислонился къ стѣнкѣ. Настала глубокая тишина, и секретарь звонкимъ голосомъ сталъ читать опредѣленіе суда. Мы помѣщаемъ его вполнѣ, полагая, что всякому пріятно будетъ увидѣть одинъ изъ способовъ, коимъ на Руси можемъ мы лишиться имѣнія, на владѣніе коимъ имѣемъ неоспоримыя права *)...

Секретарь умолкнулъ; засѣдатель всталъ и съ низкимъ поклономъ обратился къ Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующій Троекуровъ, взявъ отъ него перо, подписалъ подъ рѣшеніемъ суда свое совершенное удовольствіе.

Очередь была за Дубровскимъ. Секретарь поднесъ ему бумагу, но Дубровскій стоялъ неподвижно, потупя голову. Секретарь повторилъ ему свое приглашеніе: „подписать свое полное и совершенное удовольствіе, или свое явное неудовольствіе, если, паче чаянія, чувствуетъ по совѣсти, что дѣло его есть правое и намѣренъ въ положенное законами время просить по апелляціи, куда слѣдуетъ.“

Дубровскій молчалъ... Вдругъ онъ поднялъ голову,

*) См. примѣчанія.

глаза его засверкали, онъ топнулъ ногою, оттолкнулъ секретаря съ такою силою, что тотъ упалъ, схватилъ чернильницу и пустилъ ея въ засѣдателя. Дубровскій закричалъ дикимъ голосомъ: „Какъ, не почитать церковь Божию! Прочь, хамово племя!“ Потомъ, обратясь къ Кирилу Петровичу: „Слыхано ли дѣло, ваше превосходительство“, продолжалъ онъ: „псари вводятъ собакъ въ Божию церковь! Собаки бѣгають по церкви! Я васъ уже проучу!“ Всѣ пришли въ ужась. Сторожа сбѣжались на шумъ и насилу имъ овладѣли. Его вывели и усадили въ сани. Троекуровъ вышелъ вслѣдъ за нимъ, сопровождаемый всѣмъ судомъ; внезапное сумасшествіе Дубровскаго сильно подѣйствовало на его воображеніе и отравило его торжество; судьи, надѣявшіеся на его благодарность, не удостоились получить отъ него ни единого привѣтливаго слова; онъ тотчасъ отправился въ Покровское, втайнѣ мучимый совѣстію и не вполнѣ насладившись удовлетвореніемъ своей ненависти. Дубровскій, между тѣмъ, лежалъ въ постели; уѣздный лѣкаръ (по счастью не совершенный невѣжда) успѣлъ пустить ему кровь, приставить пиявки и шпанскія мухи; къ вечеру стало ему легче, и на другой день повезли его въ Кистеневку, почти уже ему не принадлежащую.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Прошло нѣсколько времени, а здоровье бѣднаго Дубровскаго все еще было плохо. Правда, припадки сумасшествія уже не возобновлялись, но силы его примѣтно ослабѣвали. Онъ забывалъ свои прежнія занятія, рѣдко выходилъ изъ своей комнаты и задумывался по цѣлымъ суткамъ. Егоровна, добрая старуха, нѣкогда ходившая за его сыномъ, теперь сдѣ-

лалась и его нянькою. Она смотрѣла за нимъ какъ за ребенкомъ, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гавриловичъ повиновался ей, и кромѣ ея не имѣлъ ни съ кѣмъ сношенія. Онъ былъ не въ состояніи думать о своихъ дѣлахъ, о хозяйственныхъ распоряженіяхъ, и Егоровна увидѣла необходимость увѣдомить обо всемъ молодого Дубровскаго, служившаго въ одномъ изъ гвардіи пѣхотныхъ полковъ и находящагося въ то время въ Петербургѣ. Итакъ, отодравъ листъ отъ расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистеневскому грамотѣю, письмо, которое въ тотъ же день и отослала въ городъ на почту.

Но пора читателя познакомить съ настоящимъ героемъ нашей повѣсти.

Владиміръ Дубровскій воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и выпущенъ былъ корнетомъ въ гвардію. Отецъ не щадилъ ничего для приличнаго его содержанія, и молодой человѣкъ получалъ изъ дому болѣе, нежели долженъ былъ ожидать. Будучи неостороженъ и честолюбивъ, онъ позволялъ себѣ роскошныя прихоти, игралъ въ карты, входилъ въ долги и, не заботясь о будущемъ, иногда мимоходомъ думалъ, что рано или поздно ему придется взять богатую невѣсту.

Однажды вечеромъ, когда нѣсколько офицеровъ сидѣли у него, развалившись по диванамъ и куря изъ его янтарей, Гриша, его камердинеръ, подалъ ему письмо, коего надпись и печать тотчасъ поразили молодого человѣка. Онъ поспѣшно распечаталъ и прочелъ слѣдующее:

„Государь ты нашъ, Владиміръ Андреевичъ, я, твоя старая нянька, осмѣлюсь тебѣ доложить о здоровьѣ папенькиномъ. Онъ очень плохъ, иногда заговаривается, и весь день сидитъ, какъ дитя глупое —

а въ животѣ и смерти Богъ воленъ — пріѣзжай ты къ намъ, соколикъ мой ясный, мы тебѣ и лошадей вышлемъ на Песочное. Слышно, земскій судъ къ намъ ѣдетъ, отдать насъ подъ началъ Кирилу Петровичу Троекурову — потому что мы-дескать ихніе, а мы искони ваши — и отъ роду того не слыхивали. Ты бы могъ, живя въ Петербургѣ, доложить о томъ Царю-Батюшкѣ, а онъ бы не далъ насъ въ обиду *). Остаюсь твоя вѣрная раба нянька Арина Егоровна Бузырева“.

Владиміръ Дубровскій нѣсколько разъ сряду прочиталъ сіи довольно безтолковыя строки съ необыкновеннымъ волненіемъ. Онъ лишился матери въ малолѣтствѣ и, почти не зная отца своего, былъ привезенъ въ Петербургъ на восьмомъ году своего возраста. За всѣмъ тѣмъ, онъ романически былъ къ нему привязанъ и тѣмъ болѣе любилъ семейственную жизнь, чѣмъ менѣе успѣлъ насладиться ея тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положеніе бѣднаго больного, которое угадывалъ онъ по письму своей няни, ужасало его. Онъ воображалъ отца, оставшагося въ глухой деревнѣ, на рукахъ глупой старухи и дворни, угрожаемаго какимъ-то бѣдствіемъ и угасающаго безъ помощи, въ мученіяхъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Владиміръ упрекалъ себя въ преступномъ небреженіи. Долго не получая отъ отца никакого извѣстія, и не подумавъ о немъ освѣдомиться, полагая его въ разѣздахъ или хозяйственныхъ заботахъ. Въ тотъ же день сталъ онъ хлопотать объ отпускѣ, и

*) Далѣе зачеркнуто: „У насъ дожди идутъ вотъ уже другая недѣля, и пастухъ Родя померъ около Миколина дня. Посылаю мое материнское благословеніе Гришѣ. Хорошо ли онъ тебѣ служить?“

черезъ два дня пустился въ дорогу на перекладныхъ, съ вѣрнымъ своимъ Гришею.

Владиміръ Андреевичъ приближался къ той станціи, съ которой онъ долженъ былъ своротить на Кистеневку. Сердце его исполнено было печальныхъ предчувствій: онъ боялся уже не застать отца въ живыхъ; онъ воображалъ грустный образъ жизни, ожидающей его въ деревнѣ; глушь, безлюдье, бѣдность и хлопоты по дѣламъ, въ коихъ онъ не зналъ никакого толку. Приѣхавъ на станцію, онъ вошелъ къ смотрителю и спросилъ вольныхъ лошадей. Смотритель освѣдомился, куда надобно было ему ѣхать, объявилъ, что лошади, присланныя изъ Кистеневки, ожидали его уже четвертыя сутки. Вскорѣ явился къ Владиміру Андреевичу старый кучеръ Антонъ, нѣкогда водившій его по конюшнѣ и смотрѣвшій за его маленькой лошадкою. Антонъ прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказалъ ему, что старый баринъ еще живъ, и побѣждалъ запрягать лошадей. Владиміръ Андреевичъ отказался отъ предлагаемаго завтрака и спѣшилъ отправиться. Антонъ повезъ его проселочными дорогами, и между ними завязался разговоръ.

„Скажи, пожалуйста, Антонъ, какое дѣло у отца моего съ Троекуровымъ?“

— А Богъ ихъ вѣдаетъ, батюшка Владиміръ Андреевичъ; баринъ, слышь, не поладилъ съ Кирилой Петровичемъ, а тотъ и подалъ въ судъ — хоть по часту онъ самъ себѣ судія. Не наше холопье дѣло разбирать барскія ихъ воли; а, ей - Богу, напрасно батюшка вашъ пошелъ на Кирилу Петровича: плетью обуха не перешибешь.

„Такъ видно, этотъ Кирила Петровичъ у васъ дѣлаетъ, что хочетъ?“

— И вѣстимо, баринъ: засѣдателя, слышь, онъ и въ грошъ не ставить, исправникъ у него на посылкахъ; господа сѣзжаются къ нему на поклонъ; и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будутъ.

„Правда ли, что отымаешь онъ у насъ имѣніе?“

— Охъ, баринъ, слышали такъ и мы. На дняхъ покровскій пономарь сказалъ на крестинахъ у нашего старосты: „Полно вамъ гулять; вотъ ужо приберетъ васъ къ рукамъ Кирила Петровичъ!“ А Микита-кузнецъ сказалъ ему: „Полно, Савельичъ, не печаль кума, не мути гостей. Кирила Петровичъ самъ по себѣ, а Андрей Гавриловичъ самъ по себѣ — а всѣ мы Божіи да государевы!“ Да вѣдь на чужой ротъ пуговицы не нашешь.

„Стало быть, вы не желаете перейти во владѣніе Троекурова?“

— „Во владѣніе Кирилы Петровича! Господь упаси и избави! у него тамъ и своимъ плохо приходится, а достанутся чужіе, такъ онъ съ нихъ не только шкуру, да и мясо - то отдереть. Нѣтъ, дай Богъ долго здравствовать Андрею Гавриловичу; а коли ужъ Богъ его приберетъ, такъ не надо намъ никого, кромѣ тебя, нашъ кормилецъ. Не выдавай ты насъ, а мы ужъ за тебя станемъ“.

При сихъ словахъ Антонъ размахнулъ кнутомъ, тряхнулъ возжами, и лошади его побѣжали крупной рысью.

Тронутый преданностію стараго кучера, Дубровскій замолчалъ и предался своимъ размышленіямъ. Прошло болѣе часу; вдругъ Гриша пробудилъ его восклицаніемъ: „Вотъ Покровское!“ Дубровскій поднялъ голову. Онъ ѣхалъ берегомъ широкаго озера, изъ котораго вытекала рѣчка и терялась вдали, извинаясь между холмами. На одномъ изъ нихъ, надъ

густою зеленью роши, возвышалась зеленая кровля и бельведеръ огромнаго каменнаго дома, на другомъ — пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенскія избы, съ ихъ огородами и колодцами. Дубровскій узналъ сіи мѣста; онъ вспомнилъ, что на семъ самомъ холмѣ игралъ онъ съ маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами его моложе и тогда уже обѣщала быть красавицей. Онъ хотѣлъ о ней освѣдомиться у Антона; но какая-то застѣнчивость удержала его.

Подѣхавъ къ господскому дому, онъ увидѣлъ бѣлое платье, мелькающее между деревьями сада. Въ это время Антонъ ударилъ по лошадямъ и, повинувшись честолюбію, общему и деревенскимъ кучерамъ, какъ и извозчикамъ, пустился во весь духъ черезъ мостъ и мимо сада. Выѣхавъ изъ деревни, поднялись они на гору, и Владиміръ увидѣлъ березовую рошу, а влѣво, на открытомъ мѣстѣ, — сѣренькій домикъ съ красною кровлею; сердце въ немъ забилось — передъ нимъ была Кистеневка и бѣдный домъ отца его.

Черезъ десять минутъ вѣхалъ онъ на барскій дворъ. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ неописаннымъ: двѣнадцать лѣтъ не видалъ онъ своей родины. Березки, которыя при немъ только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращенъ былъ въ некошенный лугъ, на которомъ паслась спутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнавъ Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала изъ людскихъ избъ и окружила молодого барина съ шумными изъ-

явленіями радости. Насилу могъ онъ продраться сквозь ихъ усердную толпу и взбѣжалъ на ветхое крыльцо; въ сѣняхъ встрѣтила его Егоровна и съ плачемъ обняла своего воспитанника. — „Здорово, здорово, няня“, повторялъ онъ, прижимая къ сердцу добрую старуху: „что батюшка, гдѣ онъ? каковъ онъ?“ Въ эту минуту въ залу вошелъ, насилу передвигая ноги, старикъ высокаго роста, блѣдный и худой, въ халатѣ и колпакѣ. „Гдѣ жъ Володька?“ сказалъ онъ слабымъ голосомъ, и Владиміръ съ жаромъ обнялъ отца своего. Радость произвела въ больномъ слишкомъ сильное потрясеніе, онъ ослабѣлъ, ноги подъ нимъ подкосились, и онъ бы упалъ, если бъ сынъ не поддержалъ его. „Зачѣмъ ты всталъ съ постели“, говорила ему Егоровна: „на ногахъ не стоитъ, а туда же норовить, куда и люди“. Старика отнесли въ спальню. Онъ силился съ нимъ разговаривать, но мысли мѣшались въ его головѣ, и слова его не имѣли никакой связи. Онъ замолчалъ и впалъ въ усыпленіе. Владиміръ пораженъ былъ его состояніемъ. Онъ расположился въ его спальнѣ и просилъ оставить его наединѣ съ отцомъ. Домашніе повиновались, и тогда всѣ обратились къ Гришѣ и повели его въ людскую, гдѣ и угостили его по деревенскому со всевозможнымъ радушіемъ, измучивъ его вопросами и привѣтствіями.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гдѣ стоить былъ яствъ, тамъ гробъ стоить

Нѣсколько дней спустя послѣ своего приѣзда, молодой Дубровскій хотѣлъ заняться дѣлами, но отецъ его былъ не въ состояніи дать ему нужныя объясненія; не было повѣреннаго у Андрея Гаврило-

вича. Разбирая его бумаги, нашель онъ только первое письмо засѣдателя и черновой отвѣтъ на оное. Изъ этого не могъ онъ получить яснаго понятія о тяжбѣ и рѣшилъ ожидать послѣдствій, надѣясь на правоту самого дѣла.

Между тѣмъ здоровье Андрея Гавриловича часть отъ часу становилось хуже. Владиміръ предвидѣлъ его скорое разрушеніе и не отходилъ отъ старика, впадшаго въ совершенное дѣтство.

Между тѣмъ срокъ положенный прошелъ, и апелляція не была подана. Кистеневка принадлежала Троекурову. Шабашкинъ явился къ нему съ поклонами и поздравленіями и просьбою назначить: „когда угодно будетъ его превосходительству вступить во владѣніе новопріобрѣтеннымъ имѣніемъ — самому или кому изволить онъ дать на то довѣренность?“ Кирила Петровичъ смутился. Отъ природы не былъ онъ корыстолюбивъ; желаніе мести завлекло его слишкомъ далеко; совѣсть его роптала. Онъ зналъ, въ какомъ состояніи находился его противникъ, старый товарищъ его молодости, и побѣда не радовала его сердца. Онъ грозно взглянулъ на Шабашкина, ища, къ чему привязаться, чтобъ его избранить, но, не нашедъ достаточнаго къ тому предлога, сказалъ ему сѣрдито: „Пошелъ вонъ; не до тебя!“ Шабашкинъ, видя, что онъ не въ духѣ, поклонился и спѣшилъ удалиться, а Кирила Петровичъ, оставшись наединѣ, сталъ расхаживать взадъ и впередъ, насвистывая: Громъ побѣды раздавался, что всегда означало въ немъ необыкновенное волненіе мыслей.

Наконецъ онъ велѣлъ запречь себѣ бѣговья дрожки, одѣлся потеплѣе (это было уже въ концѣ сентября) и, самъ правя, выѣхалъ со двора.

Вскорѣ завидѣлъ онъ домикъ Андрея Гавриловича.

Противоположныя чувства наполнили душу его. Удовлетворенное мщеніе и властолюбіе заглушали до нѣкоторой степени чувства болѣе благородныя, но послѣднія наконецъ восторжествовали. Онъ рѣшился помириться съ старымъ своимъ сосѣдомъ, уничтожить и слѣды ссоры, возвратить ему его достояніе. Облегчивъ душу симъ благимъ намѣреніемъ, Кирила Петровичъ пустился рысью къ усадьбѣ своего сосѣда — и вѣхальъ прямо на дворъ.

Въ это время больной сидѣлъ въ спальнѣ у окна. Онъ узналъ Кирилу Петровича — и ужасное смятеніе изобразилось на лицѣ его: багровый румянецъ заступилъ мѣсто обыкновенной блѣдности, глаза засверкали, онъ произнесъ невнятные звуки. Сынъ его, сидѣвшій тутъ за хозяйственными книгами, поднялъ голову и пораженъ былъ его состояніемъ. Больной указывалъ пальцемъ на дворъ, съ видомъ ужаса и гнѣва. Въ сію минуту раздался голосъ и тяжелая походка Егоровны: „Баринъ, баринъ! Кирила Петровичъ пріѣхаль, Кирила Петровичъ у крыльца!“ Егоровна ахнула: „Господи, Боже мой! Это что такое? Что это съ нимъ сдѣлалось?“ Онъ торопился подбирать полы своего халата, собираясь встать съ кресель, приподнялся — и вдругъ упалъ. Сынъ бросился къ нему; старикъ лежалъ безъ чувствъ, безъ дыханія: параличъ его ударилъ. „Скорѣй, скорѣй въ городъ, за лѣкаремъ!“ кричалъ Владиміръ. — „Кирила Петровичъ спрашиваетъ васъ“, сказалъ вошедшій слуга. Владиміръ бросилъ на него ужасный взглядъ. „Скажи Кирилу Петровичу, чтобъ онъ скорѣе убирался, пока я не велѣлъ его выгнать со двора... пошелъ!“ Слуга радостно побѣждалъ исполнить приказаніе своего барина. Егоровна всплеснула руками. „Батюшка ты нашъ“, сказала она пискли-

вымъ голосомъ: „погубишь ты свою головушку! Кирила Петровичъ съѣсть насъ.“ — „Молчи, няня“, сказалъ съ сердцемъ Владиміръ. „Сейчасъ пошли Антона въ городъ за лѣкаремъ.“ Егоровна вышла. Въ передней никого не было; всѣ люди сбѣжались на дворъ смотрѣть на Кирилу Петровича. Она вышла на крыльцо и услышала отвѣтъ слуги отъ имени молодого барина. Кирила Петровичъ выслушалъ его, сидя на дрожжахъ; лицо его стало мрачнѣе ночи; онъ съ презрѣніемъ улыбнулся, грозно взглянулъ на дворню и поѣхалъ шагомъ около двора. Онъ взглянулъ и въ окошко, гдѣ за минуту передъ симъ сидѣлъ Андрей Гавриловичъ, но гдѣ ужь его не было. Няня стояла на крыльцѣ, забывъ о приказаніи барина. Дворня съ шумомъ толковала о семъ происшествіи. Вдругъ Владиміръ явился между людьми и отрывисто сказалъ: „Не надобно лѣкаря — батюшка скончался.“

Сдѣлалось смятеніе. Люди бросились въ комнату стараго барина. Онъ лежалъ въ креслахъ, на которыя перенесъ его Владиміръ; правая рука его висѣла до полу, голова спущена была на грудь — не было уже признака жизни въ семъ тѣлѣ, еще не охладѣломъ, но уже обезображенномъ кончиною. Егоровна взвыла, слуги окружили трупъ, оставленный на ихъ попеченіе — вымыли его, одѣли въ мундиръ, сшитый еще въ 1797 году, и положили на тотъ самый столъ, за которымъ столько лѣтъ они служили своему господину.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Похороны совершились на третій день. Тѣло бѣднаго старика лежало на столѣ, покрытое саваномъ и окруженное свѣчами. Столовая полна была дво-

ровыхъ, готовившихся къ выносу. Владиміръ и слуги подняли гробъ. Священникъ пошелъ впередъ, дьячекъ сопровождалъ его, воспѣвая погребальныя молитвы. Хозяинъ Кистеневки въ послѣдній разъ перешелъ за порогъ своего дома. Гробъ понесли рощею — церковь находилась за нею. День былъ ясный и холодный; осенніе листья падали съ деревь. При выходѣ изъ рощи увидѣли кистеневскую деревянную церковь и кладбище, осыпанное старыми липами. Тамъ покоилось тѣло Владиміровой матери; тамъ, подлѣ могилы ея, наканунѣ вырыта была свѣжая яма. Церковь полна была кистеневскими крестьянами, пришедшими отдать послѣднее поклоненіе господину своему. Молодой Дубровскій сталъ у крылоса; онъ не плакалъ и не молился; но лицо его было страшно. Печальный обрядъ кончился. Владиміръ первый пошелъ прощаться съ тѣломъ, за нимъ и всѣ дворовые; принесли крышку и заколотили гробъ. Бабы громко выли, мужики нерѣдко утирали слезы кулакомъ. Владиміръ и тѣ же трое слугъ понесли гробъ на кладбище, въ сопровожденіи всей деревни. Гробъ опустили въ могилу, — всѣ присутствующіе бросили въ нее по горсти песку, — яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владиміръ поспѣшно удалился, всѣхъ опередилъ и скрылся въ кистеневскую рощу.

Егоровна отъ имени его пригласила попа и весь причетъ церковный на похоронный обѣдъ, объявивъ, что молодой баринъ не намѣренъ на ономъ присутствовать. И такимъ образомъ отецъ Анисимъ, попадья Ѳедотовна и дьячекъ пѣшкомъ отправились на барскій дворъ, разсуждая съ Егоровной о добродѣтеляхъ покойника и о томъ, что, повидимому, ожидало его наслѣдника. (Пріѣздъ Троекурова и пріемъ,

ему оказанный, были уже извѣстны всему околodку, и тамошніе политики предвѣщали важныя оному послѣдствія).

— Что будетъ, то будетъ, сказала попадья: а жаль, если не Владиміръ Андреевичъ будетъ нашимъ господиномъ. Молодецъ, нечего сказать.

— А кому же и быть, какъ не ему, у насъ господиномъ? прервала Егоровна; напрасно Кирила Петровичъ и горячится — не на робкаго напаль, мой соколикъ и самъ за себя постоитъ, да и Богъ дастъ — благодѣтели его не оставятъ. Больно спѣсивъ Кирила Петровича! А небось, поджалъ хвостъ, когда Гришка мой закричалъ ему: „Вонъ, старый песь! Долой со двора!“

— Ахти, Егоровна, сказала дьячекъ: да какъ у Григорья-то языкъ повернулся? я скорѣе соглашусь, кажется, просить на владыку, нежели косо взглянуть на Кирилу Петровича. Какъ увидишь его, — страхъ и ужась! А спина-то сама такъ и гнется, такъ и гнется...

— Суета суеть! сказалъ священникъ: и Кирилъ Петровичу отпоютъ вѣчную память, какъ нынѣ Андрею Гавриловичу; развѣ похороны будутъ побогаче, да гостей созовутъ побольше; а Богу не все ли равно?

— Ахъ, батька! и мы хотѣли созвать весь околodокъ, да Владиміръ Андреевичъ не захотѣлъ. Небось, у насъ всего довольно, есть чѣмъ угостить... что прикажешь дѣлать? По крайней мѣрѣ, коли нѣтъ людей, такъ ужь васъ уподчую, дорогіе гости.

Сіе ласковое обѣщаніе и надежда найти лакомый пирогъ ускорили шаги собесѣдниковъ, и они благополучно прибыли въ барскій домъ, гдѣ столъ былъ уже накрытъ и водка подана.

Между тѣмъ Владиміръ углублялся въ чащу деревъ, движеніемъ и усталостію стараясь заглушить душевную скорбь. Онъ шель, не разбирая дороги; сучья поминутно задѣвали и царапали его, ноги его поминутно вязли въ болотѣ — онъ ничего не замѣчалъ. Наконецъ достигнулъ онъ маленькой лощины, со всѣхъ сторонъ окруженной лѣсомъ; ручеекъ извивался молча около деревьевъ, полуобнаженныхъ осенью. Владиміръ остановился, сѣлъ на холодный дернъ, и мысли одна другой мрачнѣе стѣснились въ душѣ его... Сильно чувствовалъ онъ свое одиночество, будущее для него являлось покрытымъ грозными тучами. Вражда съ Троекуровымъ предвѣщала ему новыя несчастія. Бѣдное его достояніе могло отойти отъ него въ чужія руки: въ такомъ случаѣ нищета ожидала его. Долго сидѣлъ онъ неподвижно на томъ же мѣстѣ, взирая на тихое теченіе ручья, уносящаго нѣсколько поблеклыхъ листьевъ, и живо представлялось ему подобіе жизни — подобіе столь вѣрное, обыкновенное. Наконецъ замѣтилъ онъ, что начало смеркаться; онъ всталъ и пошелъ искать дороги домой, но еще долго блуждалъ по незнакомому лѣсу, пока не попалъ на тропинку, которая и привела его прямо къ воротамъ его дома.

На встрѣчу Дубровскому попался попъ со всѣмъ причетомъ. Мысль о несчастливомъ предзнаменованіи пришла ему въ голову. Онъ невольно пошелъ стороною и скрылся за деревьями. Они его не замѣтили и съ жаромъ говорили между собою: „Удались отъ зла и сотвори благо“, говорилъ попъ попадѣ. „Нечего намъ здѣсь опасаться, не твоя бѣда, чѣмъ бы дѣло ни кончилось“. Попадья что-то отвѣчала, но Владиміръ не могъ ея слышать.

Приближаясь къ дому, ² увидѣлъ онъ множество

народу: крестьяне и дворовые люди толпились на барскомъ дворѣ. Издали услышалъ Владиміръ необыкновенный шумъ и говоръ. У сарая стояли двѣ тройки. На крыльцѣ нѣсколько незнакомыхъ людей въ мундирныхъ сюртукахъ, казалось, о чемъ-то толковали. „Что это значить?“ спросилъ онъ сердито у Антона, который бѣжалъ ему на встрѣчу: „это кто такіе, и что имъ надобно?“ — „Ахъ, батюшка Владиміръ Андреевичъ“, отвѣчалъ старикъ, запыхавшись: „судь пріѣхалъ. Отдаютъ насъ Троекурову, отымають насъ отъ твоей милости!..“

Владиміръ потупилъ голову; люди его окружили несчастнаго своего господина. „Отецъ ты нашъ“, кричали они, цѣлуя ему руки: „не хотимъ другого барина, кромѣ тебя. Прикажи, государь, съ судомъ мы управимся. Умремъ, а тебя не выдадимъ“. Владиміръ смотрѣлъ на нихъ, и мрачныя чувства волновали его. „Стойте смирно“, сказалъ онъ имъ: „а я съ приказными переговорю“. — „Переговори, батюшка“, закричали ему изъ толпы: „да усовѣсти окаянныхъ“. Владиміръ подошелъ къ чиновникамъ. Шабашкинъ, съ картузомъ на головѣ, стоялъ подбочась и гордо взирая около себя. Исправникъ, высокій и толстый мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ краснымъ лицомъ и въ усахъ, увидя приближающагося Дубровскаго, крикнулъ и произнесъ охриплымъ голосомъ: „Итакъ, я вамъ повторяю то, что уже сказалъ: по рѣшенію уѣзднаго суда, отнынѣ принадлежите вы Кирилѣ Петровичу Троекурову и коего лицо представляетъ здѣсь г. Шабашкинъ. Слушайтесь его во всемъ, что ни прикажетъ; а вы, бабы, любите и почитайте его, а онъ до васъ большой охотникъ“. При сей острой шуткѣ исправникъ захохоталъ. Шабашкинъ и прочіе члены ему послѣдо-

вали. Владиміръ кипѣлъ отъ негодованія. „Позвольте узнать, что это значитъ?“ спросилъ онъ съ притворнымъ хладнокровіемъ у веселаго исправника. — „А это то значитъ“, отвѣчалъ замысловатый чиновникъ: „что мы приѣхали вводить во владѣніе сего Кирилу Петровича Троекурова и просить иныхъ прочихъ убираться по добру, по здорову.“

„Но вы могли бы, кажется, отнестись ко мнѣ, прежде нежели къ моимъ крестьянамъ, и объявить помѣщику отрѣшеніе отъ власти...“

— Бывшій помѣщикъ Андрей Гавриловъ сынъ Дубровскій волею Божіею помѣ^{сь}; а ты кто такой? сказалъ Шабашкинъ съ дерзкимъ взоромъ: мы васъ не знаемъ, да и знать не хотимъ.

„Ваше благородіе, онъ нашъ молодой баринъ“, сказалъ голосъ изъ толпы, — „Владиміръ Андреевичъ“.

— Кто тамъ смѣлъ ротъ разинуть? сказалъ грозно исправникъ: какой баринъ? Какой Владиміръ Андреевичъ? Баринъ вашъ Кирилу Петровичъ Троекуровъ... слышите ли, олухи?

„Какъ не такъ!“ сказалъ тотъ же голосъ.

— Да это бунтъ! закричалъ исправникъ. Гей, староста, сюда!

Староста выступилъ впередъ.

— Отыщи сей же часъ, кто смѣлъ со мною разговаривать; я его!..

Староста обратился въ толпу, спрашивая, кто говорилъ. Но всѣ молчали. Вскорѣ въ заднихъ рядахъ поднялся ропотъ, сталъ усиливаться и въ минуту превратился въ ужаснѣйшіе вопли. Исправникъ понизилъ голосъ и хотѣлъ было ихъ уговаривать... „Да что на него смотрѣтъ“, закричали дворовые: „ребята, бери ихъ!“ и толпа двинулась.

Шабашкинъ и члены поспѣшно бросились въ сѣни и заперли за собою дверь. „Ребята, принимай!“ закричалъ тотъ же голосъ, и толпа стала напирать. „Стойте“, крикнулъ Дубровскій: „дураки! что вы это? вы губите и себя и меня; ступайте по дворамъ и оставьте меня въ покоѣ. Не бойтесь, государь милостивъ: я буду просить его — онъ насъ нѣ обидитъ — мы всѣ его дѣти; а какъ ему за васъ будетъ заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать?“

Рѣчь молодого Дубровскаго, его звучный голосъ и величественный видъ произвели желаемое дѣйствіе. Народъ утихъ и разошелся; дворъ опустѣлъ, члены сидѣли въ домѣ. Владиміръ печально вошелъ на крыльцо. Шабашкинъ отперъ двери и съ униженными поклонами сталъ благодарить Дубровскаго за его милостивое заступленіе.

Владиміръ слушалъ его съ презрѣніемъ и ничего не отвѣчалъ. „Мы рѣшили“, продолжалъ засѣдатель: „съ вашего дозволенія остаться здѣсь ночевать; а то уже темно, и ваши мужики могутъ напасть на насъ на дорогѣ. Сдѣлайте такую милость, прикажите постлатъ намъ хоть сѣна въ гостиной чѣмъ свѣтъ, мы отправимся во свояси“.

— Дѣлайте, что хотите, отвѣчалъ имъ сухо Дубровскій: я здѣсь уже не хозяинъ.

Съ этимъ словомъ онъ удалился въ комнату отца своего и заперъ за собою дверь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

„Итакъ, все кончено!“ сказалъ Владиміръ самъ себѣ: „еще утромъ имѣлъ я уголь и кусокъ хлѣба; завтра долженъ буду оставить домъ, гдѣ я родился.“

Мой отецъ, земля, гдѣ онъ покоится, будетъ принадлежать ненавистному человѣку, виновнику его смерти и моей нищеты!...“ Владиміръ стиснулъ зубы, и глаза его неподвижно остановились на портретѣ его матери. Живописецъ представилъ ее облокоченною на перила, въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, съ одною розою въ волосахъ. „И портретъ этотъ достанется врагу моего семейства — подумалъ Владиміръ — онъ заброшенъ будетъ въ кладовую вмѣстѣ съ изломанными стульями, или повѣшенъ въ передней, какъ предметъ насмѣшекъ и замѣчаній его псарей; а въ ея спальней, въ комнатѣ, гдѣ умеръ отецъ, поселится его прикащикъ или помѣстится его гаремъ. Нѣтъ, нѣтъ! пускай же и ему не достанется печальный домъ, изъ котораго онъ выгоняетъ меня.“ Владиміръ стиснулъ зубы; страшныя мысли рождались въ умѣ его. Голоса подъячихъ доходили до него; они хозяйничали, требовали то того, то другого, и непріятно развлекали его среди печальныхъ его размышленій. Наконецъ все утихло.

Владиміръ отперъ комоды и ящики и занялся разборомъ бумагъ покойнаго. Онѣ большею частію состояли изъ хозяйственныхъ счетовъ и переписки по разнымъ дѣламъ. Владиміръ разорвалъ ихъ, не читая. Между ними попался ему пакетъ съ надписью: Письма моей жены. Съ сильнымъ движеніемъ чувства Владиміръ принялся за нихъ: они писаны были во время турецкаго похода и были адресованы въ армію изъ Кистеневки. Она описывала ему свою пустынную жизнь и хозяйственныя занятія, съ нѣжностію сѣтовала на разлуку и призывала его домой, въ объятія доброй подруги. Въ одномъ изъ нихъ она изъявляла ему свое безпокойство на счетъ здоровья маленькаго Владиміра; въ другомъ она радо-

валась его раннимъ способностямъ и предрекала для него счастливую и блестящую будущность. Владиміръ зачитался и позабылъ все на свѣтъ, погрузясь душою въ міръ семейственнаго счастія, и не замѣтилъ, какъ прошло время: стѣнные часы пробили одиннадцать. Владиміръ положилъ письма въ карманъ, взялъ свѣчу и вышелъ изъ кабинета. Въ залѣ приказные спали на полу. На столѣ стояли стаканы, ими опорожненные, и сильный духъ рому слышенъ былъ по всей комнатѣ. Владиміръ съ отвращеніемъ прошелъ мимо ихъ въ переднюю. Тамъ было темно. Кто-то, увидя свѣтъ, бросился въ уголъ. Обратясь къ нему со свѣчею, Владиміръ узналъ Архипа-кузнеца.

„Зачѣмъ ты здѣсь?“ спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Я хотѣлъ... я пришелъ было провѣдать, всё ли дома? тихо отвѣчалъ Архипъ, запинаясь.

„А зачѣмъ съ тобою топоръ?“

— Топоръ-то зачѣмъ? Да какъ же безъ топора ночью и ходить? Эти приказные такіе, вишь, озорники: того и гляди...

„Ты пьянъ; брось топоръ, поди, выпишь.“³

— Я пьянъ? Батюшка Владиміръ Андреичъ, Богъ свидѣтель, ни единой капли во рту не было... да и пойдетъ ли вино-то на умъ? Слыхано ли дѣло, подъячіе задумали нами владѣть, подъячіе гонятъ нашихъ господъ съ барскаго двора... Экъ они храпятъ, окаянные; всѣхъ бы разомъ, такъ и концы въ воду.

Дубровскій нахмурился.

„Послушай, Архипъ“, сказалъ онъ, немного помолчавъ: „оставь свои затѣи, не приказные виноваты. Засвѣти-ка фонарь, да ступай за мною.“

Архипъ взялъ свѣчу изъ рукъ барина, отыскалъ

за печкою фонарь, засвѣтилъ его, и оба тихо сошли съ крыльца и пошли около двора. Сторожъ началъ бить въ чугунную доску; собаки залаяли. „Кто на сторожахъ?“ спросилъ Дубровскій. — „Мы, батюшка“, отвѣчалъ тонкій голосъ: „Василиса да Лукерья.“ — „Подите по дворамъ“, сказалъ имъ Дубровскій: „васъ не нужно.“ — „Шабашъ“, примолвилъ Архипъ. — „Спасибо, кормилецъ“, отвѣчали бабы, и тотчасъ отправились домой.

Дубровскій пошелъ далѣе. Два человѣка приближались къ нему; они его окликали; Дубровскій узналъ голосъ Антона и Гриши. „Зачѣмъ вы не спите?“ — спросилъ онъ ихъ. „До сна ли намъ“, отвѣчалъ Антонъ: „до чего мы дожили, кто бы подумалъ...“

„Тише“, прервалъ Дубровскій: „гдѣ Егоровна?“

— Въ барскомъ домѣ, въ своей свѣтелкѣ, отвѣчалъ Гриша.

„Поди, приведи ее сюда, да выведи изъ дому всѣхъ нашихъ людей, чтобъ ни одной души въ немъ не оставалось, кромѣ приказныхъ; а ты, Антонъ, запряги телѣгу.“

Гриша ушелъ; чрезъ минуту онъ явился со своею матерью. Старуха не раздѣвалась въ эту ночь; кромѣ приказныхъ, никто во всемъ домѣ не смыкалъ глаза.

„Всѣ ли здѣсь?“ спросилъ Дубровскій: „не осталось ли кого въ домѣ?“

— Никого, кромѣ подъячихъ, отвѣчалъ Гриша.

„Давайте сюда сѣна или соломы“, сказалъ Дубровскій.

Люди побѣжали на конюшню и возвратились, неся въ охапкахъ сѣно.

„Подложите подъ крыльцо, вотъ такъ. Ну, ребята, — огню!“

Архипъ открыль фонарь, Дубровскій зажегъ лучину.

„Постой“, сказалъ онъ Архипу: „кажется, въ торопяхъ я заперъ двери въ переднюю; поди, скорѣе отопри ихъ.“

Архипъ побѣжалъ въ сѣни, — двери были отперты. Архипъ заперъ ихъ на ключъ, примолвя вполголоса: какъ не такъ, отопри, и возвратился къ Дубровскому.

Дубровскій приблизилъ лучину, сѣно вспыхнуло, пламя взвилось и освѣтило весь дворъ.

— Ахти! жалобно закричала Егоровна: Владиміръ Андреевичъ, что ты дѣлаешь!

„Молчи!“ сказалъ Дубровскій. „Ну, дѣти, прощайте! Иду, куда Богъ поведетъ; будьте счастливы съ новымъ вашимъ господиномъ.“

— Отецъ ты нашъ, кормилецъ, закричали люди: умремъ — не оставимъ тебя, идемъ съ тобою!

Лошади были поданы. Дубровскій сѣлъ съ Гришею въ телѣгу; Антонъ ударилъ по лошадямъ, и они выѣхали со двора.

Въ одну минуту пламя обхватило весь домъ. Полы затрещали, посыпались; пылающія бревна стали падать; красный дымъ вился надъ кровлею; раздался жалобный вопль и крики: „помогите, помогите!“ — „Какъ не такъ“, сказалъ Архипъ, съ злобною улыбкой взирающій на пожаръ. — „Архипушка“, говорила ему Егоровна: „спаси ихъ, окаянныхъ, Богъ тебя наградить!“ — „Какъ не такъ“, отвѣчалъ кузнецъ. Въ сію минуту приказные показались въ окна, стараясь выломать двойныя рамы. Но тутъ кровля съ трескомъ обрушилась — и вопли утикли.

Вскорѣ вся дворня высыпала на дворъ. Бабы съ крикомъ спѣшили спасти свою рухлядь, ребятишки

прыгали, любуясь на пожаръ. Искры полетѣли огненной метелью, избы загорѣлись. „Теперь все ладно!“ сказалъ Архипъ: „каково горитъ, а? Чай, изъ Покровскаго славно смотрѣть.“ Въ сію минуту новое явленіе привлекло его вниманіе: кошка бѣгала по кровлѣ пылающаго сарая, недоразумѣвъ, куда спрыгнуть. Со всѣхъ сторонъ окружало ее пламя. Бѣдное животное жалкимъ мяуканьемъ призывало на помощь; мальчишки помирали со смѣху, смотря на ея отчаяніе. „Чему смѣтетесь, бѣсенята“, сказалъ сердито кузнецъ: „Бога вы не боитесь: Божія тварь погибаетъ, а вы сдуру радуетесь!“ — и, поставя лѣстница на загорѣвшуюся кровлю, онъ полѣзъ за кошкою; она поняла его намѣреніе и съ видомъ торопливой благодарности уцѣпилась за его рукавъ. Полуобгорѣлый кузнецъ съ своей добычей полѣзъ внизъ. „Ну, ребята, прощайте“, сказалъ онъ смущенной дворнѣ: „мнѣ здѣсь дѣлать нечего, счастливо оставаться, не поминайте меня лихомъ.“ Кузнецъ ушелъ; пожаръ свирѣпствовалъ еще нѣсколько времени, наконецъ унялся, и груды углей безъ пламени ярко горѣли въ темнотѣ ночи; около нихъ бродили погорѣлые жители Кистеневки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

На другой день вѣсть о пожарѣ разнеслась по всему околodку. Всѣ толковали о немъ съ различными догадками и предположеніями. Иные увѣряли, что люди Дубровскаго, напившись пьяны на похоронахъ, зажгли домъ изъ неосторожности, другіе обвиняли приказныхъ, подгулявшихъ на новосельѣ. Нѣкоторые догадывались объ истинѣ и утверждали, что виновникомъ сего ужаснаго бѣдствія былъ самъ Ду-

бровскій, (побуждаемый) гнѣвомъ и отчаяніемъ; многіе увѣряли, что онъ самъ сгорѣлъ съ судомъ и со всѣми дворовыми. Троекуровъ пріѣзжалъ на другой же день на мѣсто пожара и самъ производилъ слѣдствіе. Оказалось, что исправникъ, засѣдатель земскаго суда, стряпчій и писарь, такъ же, какъ Владиміръ Дубровскій, няня Егоровна, дворовый человекъ Григорій, кучеръ Антонъ и кузнецъ Архипъ пропали неизвѣстно куда. Всѣ дворовые показали, что приказные сгорѣли въ то время, какъ повалилась кровля. Обгорѣлыя кости ихъ были разрыты. Бабы Василиса и Лукерья сказали, что Дубровскаго и Архипа-кузнеца видѣли онѣ за нѣсколько минутъ передъ пожаромъ. Кузнецъ Архипъ, по всеобщему показанію, былъ живъ и, вѣроятно, главный, если не единственный виновникъ пожара. На Дубровскомъ лежали сильныя подозрѣнія. Кирила Петровичъ послалъ губернатору подробное описаніе всему происшествію, и новое дѣло завязалось.

Вскорѣ другія вѣсти дали другую пищу любопытству и толкамъ. Появились разбойники и распространили ужасъ по всѣмъ окрестностямъ. Мѣры, принятыя противъ нихъ правительствомъ, оказались недостаточными. Грабительства, одно другого замѣчательнѣе, слѣдовали одно за другимъ. Не было безопасности ни по дорогамъ, ни по деревнямъ. Нѣсколько троекъ, наполненныхъ разбойниками, разѣзжали днемъ по всей губерніи, останавливали путешественниковъ и почту, пріѣзжали въ села, грабили помѣщичьи дома и предавали ихъ огню. Начальникъ шайки славился умомъ, отважностью и какимъ-то великодушіемъ. Рассказывали о немъ чудеса. Имя Дубровскаго было во всѣхъ устахъ: всѣ были увѣрены, что онъ, а не кто другой, предводительствовалъ отважными зло-

дѣями. Удивлялись одному: помѣстья Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единого сарая, не остановили ни одного воза. Съ обыкновенной своей надменностію Троекуровъ приписывалъ сіе исключеніе страху, который умѣлъ онъ внушить всей губерніи, также и отмѣнно хорошей полиціи, имъ заведенной въ его деревняхъ. Сначала сосѣди смѣялись надъ высокоомѣремъ Троекурова, и каждый ожидалъ, чтобъ незваные гости посѣтили Покровское, гдѣ было имъ поживиться, но наконецъ принуждены были согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему непонятное уваженіе. Троекуровъ торжествовалъ и при каждой вѣсти о новомъ грабительствѣ Дубровскаго разсыпался намеками насчетъ губернатора, исправниковъ и ротныхъ командировъ, отъ коихъ Дубровскій уходилъ всегда невредимо.

Между тѣмъ наступило 1-е октября, день храмового праздника въ селѣ Троекурова. Но прежде, нежели приступимъ къ описанію дальнѣйшихъ происшествій, мы должны познакомить читателя съ лицами, для него новыми, или о коихъ мы слегка только упомянули въ началѣ нашей повѣсти.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Читатель, вѣроятно, уже догадался, что дочь Кирилы Петровича, о которой сказали мы еще только нѣсколько словъ, есть героиня нашей повѣсти. Въ эпоху, нами описываемую, ей было семнадцать лѣтъ, и красота ея была въ полномъ цвѣтѣ. Отецъ любилъ ее до безумія, но обходился съ нею съ свойственнымъ ему своенравіемъ, то стараясь угождать малѣйшимъ ея прихотямъ, то пугая ее суровымъ, а иногда

жестокимъ обращеніемъ. Увѣренный въ ея привязанности, никогда не могъ онъ добиться ея довѣренности. Она привыкла скрывать отъ него свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать навѣрно, какимъ образомъ будутъ они приняты. Она не имѣла подругъ и выросла въ уединеніи. Жены и дочери сосѣдей рѣдко ѣзжали къ Кирилѣ Петровичу, коего обыкновенные разговоры, увеселенія, требовали товарищества мужчинъ, а не присутствія дамъ. Рѣдко наша красавица являлась посреди гостей, пирующихъ у Кирилы Петровича. Огромная бібліотека, составленная большею частію изъ сочиненій французскихъ писателей XVIII вѣка, была отдана въ ея распоряженіе. Отецъ ея, никогда не читавшій ничего, кромѣ Совершенной Поварихи, не могъ руководствовать ее въ выборѣ книгъ, и Маша, естественнымъ образомъ, перерывъ сочиненія всякаго рода, остановилась на романахъ. Такимъ образомъ совершала она свое воспитаніе, начатое нѣкогда подъ руководствомъ мамзель Мими, которой Кирилы Петровичъ оказывалъ большую довѣренность и благосклонность и которую принужденъ онъ былъ наконецъ выслать тихонько въ другое помѣстье, когда слѣдствія сего дружества оказались слишкомъ явными. Мамзель Мими оставила по себѣ память довольно пріятную. Она была добрая дѣвушка и никогда во зло не употребляла вліянія, которое видимо имѣла надъ Кирилою Петровичемъ, въ чемъ отличалась она отъ другихъ наперсницъ, поминутно имъ смѣняемыхъ. Самъ Кирилы Петровичъ, казалось, любилъ ее болѣе прочихъ, и черноглазый мальчикъ, шалунъ лѣтъ девяти, напоминающій полуденныя черты m-lle Мими, воспитывался при немъ и признанъ былъ его сыномъ, не смотря на то, что множество босыхъ ребяташекъ,

какъ двѣ капли воды похожихъ на Кирилу Петровича, бѣгали передъ его окнами и считались дворовыми. Кирила Петровичъ выписалъ изъ Москвы для своего маленькаго Саши француза-учителя, который и прибылъ въ Покровское во время происшествій, нами теперь описываемыхъ.

Сей учитель понравился Кирилѣ Петровичу своей пріятной наружностію и простымъ обращеніемъ. Онъ представилъ Кирилѣ Петровичу аттестаты и письмо отъ одного изъ родственниковъ Троекурова, у котораго четыре года жилъ онъ гувернеромъ. Кирила Петровичъ все это пересмотрѣлъ и былъ недоволенъ одною молодостію своего француза, не потому, что полагалъ бы сей любезный недостатокъ несомвѣстнымъ съ терпѣніемъ и опытностію, столь нужными въ несчастномъ званіи учителя, но у него были свои сомнѣнія, которыя тотчасъ и рѣшилъ ему объяснить. Для сего велѣлъ онъ позвать къ себѣ Машу. (Кирила Петровичъ по французски не говорилъ, и она служила ему переводчикомъ). „Подойди сюда, Маша: скажи ты этому мусье, что, такъ и быть, принимаю его, только съ тѣмъ, чтобъ онъ у меня за моими дѣвушками не осмѣливался волочиться, не то я его, собачьяго сына... переведи это ему, Маша.“

Маша покраснѣла и, обратясь къ учителю, сказала ему по-французски, что отецъ ея надѣется на его скромность и порядочное поведеніе.

Французъ ей поклонился и отвѣчалъ, что онъ надѣется заслужить уваженіе, даже если откажутъ ему въ благосклонности.

Маша слово въ слово перевела его отвѣтъ.

„Хорошо, хорошо!“ сказалъ Кирила Петровичъ. Не нужно для него ни благосклонности, ни уваженія.

Дѣло его ходить за Сашей и учить граматикѣ да географіи... переведи это ему.“

Марья Кириловна смягчила въ своемъ переводѣ грубыя выраженія отца, и Кирила Петровичъ опустилъ своего француза во флигель, гдѣ назначена была ему комната.

Маша не обратила никакого вниманія на молодого француза. Воспитанная въ аристократическихъ предразсудкахъ, учитель былъ для нея родъ слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною. Она не замѣтила и впечатлѣнія, произведеннаго ею на М-г Дефоржа, ни его смущенія, ни его трепета, ни измѣнившагося голоса. Нѣсколько дней сряду потомъ она встрѣчала его довольно часто, не удостоивая большой внимательности. Неожиданнымъ образомъ получила она о немъ совершенно новое понятіе.

На дворѣ у Кирила Петровича воспитывались обыкновенно нѣсколько медвѣжатъ и составляли одну изъ главныхъ забавъ покровскаго помѣщика. Въ первой своей молодости медвѣжата приводимы были ежедневно въ гостиную, гдѣ Кирила Петровичъ по цѣлымъ часамъ возился съ ними, стравливая ихъ съ кошками и щенятами. Возмужавъ, они бывали посажены на цѣпь, въ ожиданіи настоящей травли. Изрѣдка ихъ выводили предъ окна барскаго дома и подкатывали имъ порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями; медвѣдь обнюхивалъ ее, потомъ тихонько до нея дотрогивался, кололъ себѣ лапы, осердясь, толкалъ ее сильнѣе, и сильнѣе становилась боль. Онъ входилъ въ совершенное бѣшенство, съ ревомъ бросался на бочку, покамѣсть не отнимали у бѣднаго звѣря предмета тщетной его ярости. Случалось, что въ телѣгу впрягали пару медвѣдей, волею и не-

волею сажали въ нее гостей, и пускали ихъ скакать на волю Божию. Но лучшею шуткою почиталась у Кирилы Петровича слѣдующая:

Проголодавшася медвѣдя запрутъ, бывало, въ пустой комнатѣ, привязавъ его веревкою за кольцо, ввинченное въ стѣну. Веревка была длиною почти во всю комнату, такъ что одинъ только противоположный уголь могъ быть безопаснымъ отъ нападенія страшнаго звѣря. Приводили обыкновенно новичка къ дверямъ этой комнаты, нечаянно вталкивали его къ медвѣдю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наединѣ съ косматымъ пустыннокомъ. Бѣдный гость, съ оборванной полою, съ оцарапанной рукою, скоро отыскивалъ безопасный уголь, но принужденъ былъ иногда цѣлые три часа стоять, прижавшись къ стѣнѣ, и видѣть, какъ разъяренный звѣрь въ двухъ шагахъ отъ него прыгалъ, становился на дыбы, ревѣлъ, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородныя увеселенія русскаго барина і Нѣсколько дней спустя послѣ приѣзда учителя, Троекуровъ вспомнилъ о немъ и вознамѣрился угостить его въ медвѣжьей комнатѣ. Для сего, призвавъ его однажды утромъ, повелъ онъ его темными корридорами; вдругъ боковыя двери отворились — двое слугъ вталкиваютъ въ нее француза и запираютъ ее на ключъ. Опомнившись, учитель увидѣлъ привязаннаго медвѣдя; звѣрь началъ фыркать, издали обнюхивая своего гостя и вдругъ, поднявшись на заднія лапы, пошелъ на него... Французъ не смутился, не побѣжалъ и ждалъ нападенія. Медвѣдь приблизился; Дефоржъ вынулъ изъ кармана маленькій пистолеть, вложилъ его въ ухо голодному звѣрю и выстрѣлилъ. Медвѣдь повалился. Всѣ сбѣжались, двери отвори-

лись, — Кирила Петровичъ вошелъ, изумленный развязкою своей шутки.

Кирила Петровичъ хотѣлъ непременно объясненія всему дѣлу. Кто предварилъ Дефоржа о шуткѣ, для него приготовленной, или зачѣмъ у него въ карманѣ былъ заряженный пистолеть? Онъ послалъ за Машей. Маша прибѣжала и перевела французу вопросы отца.

„Я не слыхивалъ о медвѣдѣ“, отвѣчалъ Дефоржъ, „но всегда ношу при себѣ пистолеты, потому что не намѣренъ терпѣть обиду, за которую, по моему званию, не могу требовать удовлетворенія.“

Маша смотрѣла на него съ изумленіемъ и перевела слова его Кирилу Петровичу. Кирила Петровичъ ничего не отвѣчалъ, велѣлъ вытащить медвѣдя и снять съ него шкуру; потомъ, обратясь къ своимъ людямъ, сказалъ: „Каковъ молодець? не струсиль, ей-Богу, не струсиль.“ Съ той минуты онъ полюбилъ Дефоржа и не думалъ уже его пробовать.

Но случай сей произвелъ еще большее впечатлѣніе на Марью Кириловну. Воображеніе ея было поражено: она видѣла мертваго медвѣдя и Дефоржа, спокойно стоящаго надъ нимъ и спокойно съ нею разговаривающаго. Она видѣла, что храбрость и гордое самолюбіе не исключительно принадлежать одному сословію, и съ тѣхъ поръ стала оказывать молодому учителю уваженіе, которое часъ отъ часу становилось внимательнѣе. Между ними основались нѣкоторыя сношенія. Маша имѣла прекрасный голосъ и большія музыкальныя способности; Дефоржъ вызвался давать ей уроки. Послѣ того читателю не трудно уже догадаться, что Маша въ него влюбилась, сама еще въ томъ не признаваясь. ⁴

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Наканунѣ праздника гости начали съѣзжаться; иные останавливались въ господскомъ домѣ и во флигеляхъ, другіе у прикащика, третьи у священника, четвертые у зажиточныхъ крестьянъ; конюшни полны были дорожныхъ лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами. Въ девять часовъ утра заблаговѣстили къ обѣднѣ, и всѣ потянулись къ новой каменной церкви, построенной Кирилоу Петровичемъ и ежегодно украшаемой его приношеніями. Собралось такое множество почетныхъ богомольцевъ, что простые крестьяне не могли помѣститься въ церкви и стояли на паперти и въ оградѣ. Обѣдня не началась: ждали Кирилу Петровича. Онъ пріѣхалъ въ коляскѣ шестернею и торжественно пошелъ на свое мѣсто, сопровождаемый Марьею Кириловной. Взоры мужчинъ и женщинъ обратились на нее — первые удивлялись ея красотѣ, вторыя со вниманіемъ осматривали ея нарядъ. Началась обѣдня; домашніе пѣвчіе пѣли на крылосѣ, Кирила Петровичъ самъ подтягивалъ, молился, не смотря ни направо, ни налево, и съ гордымъ смиреніемъ поклонился въ землю, когда дьяконъ громогласно упомянулъ и о зиждителѣ храма сего.

Обѣдня кончилась. Кирила Петровичъ первый подошелъ къ кресту. Всѣ двинулись за нимъ хоромъ; сосѣды подошли къ нему съ почтеніемъ, дамы окружили Машу. Кирила Петровичъ, выходя изъ церкви, пригласилъ всѣхъ къ себѣ обѣдать, сѣлъ въ коляску и отпратился домой. Всѣ поѣхали вслѣдъ за нимъ. Комнаты наполнились гостями; поминутно входили новыя лица и насилу могли пробираться до хозяина. Барыни сѣли чинно полукругомъ, одѣтыя по запоз-

далой модѣ, въ поношенныхъ и дорогихъ нарядахъ, всѣ въ жемчугахъ и брилліантахъ; мужчины толпились около икры и водки, съ шумнымъ разногласіемъ разговаривая между собою. Въ залѣ накрывали столъ на восемьдесятъ приборовъ; слуги суетились, разставляли бутылки и графины и прилаживали скатерти. Наконецъ дворецкій провозгласилъ: „Кушанье поставлено!“ — и Кирила Петровичъ первый пошелъ садиться за столъ, за нимъ двинулись дамы и важно заняли свои мѣста, наблюдая нѣкоторое старшинство; барышни стѣснились межъ собою, какъ робкое стадо козочекъ, и выбрали себѣ мѣста одна подлѣ другой; противъ нихъ помѣстились мужчины; на концѣ стола сѣлъ учитель подлѣ маленькаго Саши.

Слуги стали разносить тарелки по чинамъ, въ случаѣ недоразумѣнія руководствуясь лафатерскими догадками, и почти всегда безошибочно. Звонъ тарелокъ и ложекъ слился съ шумнымъ говоромъ гостей. Кирила Петровичъ весело обозрѣвалъ свою трапезу и вполнѣ наслаждался счастіемъ хлѣбосола. Въ это время въѣхала на дворъ коляска, запряженная шестью лошадьми. „Это кто?“ спросилъ хозяинъ. — „Антонъ Пафнутьичъ“, отвѣчали нѣсколько человекъ. Двери отворились — и Антонъ Пафнутьичъ Спицынъ, толстый мужчина, лѣтъ 50 - ти, съ круглымъ и рябымъ лицомъ, украшеннымъ тройнымъ подбородкомъ, ввалился въ столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться. „Приборъ сюда!“ закричалъ Кирила Петровичъ: „милости просимъ, Антонъ Пафнутьичъ, садись, да скажи намъ, что это значитъ: не былъ у моей обѣдни и къ обѣду опоздалъ? Это на тебя не похоже: ты и богомоленъ, и покушать любишь.“ — „Виноватъ“, отвѣчалъ Антонъ Пафнутьичъ, привязывая салфетку въ петлицу гороховаго кафтана: „виноватъ,

батюшка Кирила Петровичъ: я было рано пустился въ дорогу, да не успѣлъ отъѣхать и десяти верстъ, вдругъ шина у передняго колеса пополамъ — что прикажешь? Къ счастью, недалеко было отъ деревни; пока до нея дотащились, да отыскали кузнеца, да все кое-какъ уладили, прошло ровно три часа — дѣлать было нечего. Ѣхать ближнимъ путемъ черезъ Кистеневскій лѣсъ я не осмѣлился, а пустился въ объѣздъ. — „Эге!“ прервалъ Кирила Петровичъ: „да ты, знать, не изъ храбраго десятка: чего ты боишься?“ — „Какъ, чего боюсь батюшка Кирила Петровичъ? а Дубровскаго-то: того и гляди, попадешься ему въ лапы. Онъ малый не промахъ, никому не спустить; а съ меня, пожалуй, и двѣ шкуры сдереть“. — „За что жь, братъ, такое отличие?“ — „Какъ за что, батюшка Кирила Петровичъ? а за тяжбу - то покойника Андрея Гавриловича? Не я ли, въ удовольствіе ваше, т. е. по совѣсти и по справедливости, показалъ, что Дубровскіе владѣютъ Кистеневкою безъ всякаго на то права, а единственно по снисхожденію вашему, и покойникъ (царство ему небесное!) обѣщаль со мною по-свойски перевѣдаться, а сынокъ, пожалуй, сдержитъ слово батюшкино. Доселѣ Богъ миловаль: всего-на-все разграбили у меня одинъ амбаръ, да того и гляди, до усадьбы доберутся.“ — „А въ усадьбѣ-то будетъ имъ раздолье“, замѣтилъ Кирила Петровичъ: „я чай, красная шкатулочка полнымъ-полна“. — „Куда, батюшка Кирила Петровичъ; была полна, а нынче совсѣмъ опустѣла!“ — „Полно врать, Антонъ Пафнутьичъ. Знаемъ мы васъ; куда тебѣ деньги тратить? Дома живешь свинья-свиньей, никого не принимаешь, своихъ мужиковъ обдираешь — знай копишь, да и только“. — „Вы все изволите шутить, батюшка Кирила Петровичъ“, пробормоталъ съ улыбкою Антонъ Паф

нутычъ: „а мы, ей-Богу, разорились“, — и Антонъ Пафнутычъ сталъ заѣдать барскую шутку хозяина жирнымъ кускомъ кулебяки. Кирила Петровичъ оставилъ его и обратился къ новому исправнику, въ первый разъ къ нему въ гости прѣхавшему и сидящему на другомъ концѣ стола, подлѣ учителя.

„А что, господинъ исправникъ, скоро ль поймаете вы Дубровскаго?“

Исправникъ струсилъ, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнесъ наконецъ: „Постараемся, ваше превосходительство“.

„Гмъ! постараемся. Давно, давно стараетесь, а проку все-таки нѣтъ. Да, правда, зачѣмъ и ловить его? Разбой Дубровскаго — благодать для исправниковъ: разѣзды, слѣдствія, подводы, а деньги въ карманѣ. Какъ такого благодѣтеля извести? Не правда ли, господинъ исправникъ?“

— Сущяя правда, ваше превосходительство, отвѣчалъ совершенно смутившійся исправникъ.

Гости захохотали.

„Люблю молодца за искренность“, сказалъ Кирила Петровичъ. „Такъ, видно, придется мнѣ взяться за дѣло, не дожидаясь помощи отъ начальства здѣшняго. А жаль покойнаго исправника Тараса Алексѣевича: кабы не сожгли его, такъ въ околodкѣ было бы тише. А что слышно про Дубровскаго? Гдѣ его видѣли въ послѣдній разъ?“

— У меня, Кирила Петровичъ, пропищалъ толстый дамскій голосъ: въ прошлый вторникъ обѣдалъ онъ у меня.

Всѣ взоры обратились на Анну Савишну Глобову, довольно простую вдову, всѣми любимую за добрый и веселый нравъ. Всѣ съ любопытствомъ приготовились услышать ея разсказъ.

— Надобно знать, что тому три недѣли послала я прикащика на почту съ письмомъ для моего Ванюши. Сына я не балую, да и не въ состояніи баловать, хоть бы и хотѣла; однако, сами изволите знать, офицеру гвардіи нужно содержать себя приличнымъ образомъ, и я съ Ванюшей дѣлюсь, какъ могу, моими доходишками. Вотъ, и послала ему 2000 рублей; хоть Дубровскій не разъ приходилъ мнѣ въ голову, да думаю: городъ близко, всего семь верстъ, авось Богъ пронесетъ. Смотрю: вечеромъ мой прикащикъ возвращается блѣденъ, оборванъ и пѣшь. Я такъ и ахнула. „Что такое? Что съ тобою сдѣлалось?“ Онъ мнѣ: „Матушка, Анна Савишна, разбойники ограбили, самого чуть не убили. Самъ Дубровскій былъ тутъ, хотѣлъ повѣсить меня, а сжалился и отпустилъ; за то всего обобралъ, отнялъ и лошадь, и телѣгу.“ Я обмерла. Царь мой небесный! Что будетъ съ моимъ Ванюшею? Дѣлать нечего; написала я снова письмо, рассказала все и послала ему свое благословеніе безъ гроша денегъ.

„Прошла недѣля, другая. Вдругъ вѣзжаетъ ко мнѣ на дворъ коляска. Какой-то генераль проситъ со мною увидѣться; милости просимъ. Входитъ ко мнѣ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, смуглый, черно-волосый, въ усахъ, въ бородѣ, сушій портретъ Кульнева; рекомендуется мнѣ какъ другъ и сослуживецъ покойнаго мужа Ивана Андреевича; онъ-де ѣхалъ мимо и не могъ не заѣхать къ его вдовѣ, зная, что я тутъ живу. Я угостила его чѣмъ Богъ послалъ, разговорилась о томъ, о семъ, наконецъ и о Дубровскомъ. Я рассказала ему свое горе. Генераль мой нахмурился. „Это странно“, сказалъ онъ: „я слышалъ, что Дубровскій нападаетъ не на всякаго,

а на извѣстныхъ богачей, да и тутъ дѣлится съ ними, а не грабить дочиста. А въ убійствахъ никто его не обвиняетъ; нѣтъ ли тутъ плутни? Прикажите-ка позвать вашего прикащика.“ Пошли за прикащикомъ. Онъ явился. Только увидѣлъ генерала, онъ такъ и остолбенѣлъ. „Разскажи-ка мнѣ, братецъ, какимъ образомъ Дубровскій тебя ограбилъ и какъ онъ хотѣлъ тебя повѣсить?“ Прикащикъ мой задрожалъ и повалился генералу въ ноги.—Батюшка, виноватъ: грѣхъ попуталъ... солгалъ.—„Коли такъ“, отвѣчалъ генераль: „такъ изволь же разказать барынѣ, какъ все дѣло случилось, а я послушаю.“ Прикащикъ не могъ опомниться. „Ну, что же“, продолжалъ генераль: „разсказывай, гдѣ ты встрѣтился съ Дубровскимъ?“—У двухъ сосенъ, батюшка, у двухъ сосенъ.—„Что же сказалъ онъ тебѣ?“—Онъ спросилъ у меня: чей ты, куда ѣдешь, зачѣмъ?—„Ну, а послѣ?“—А послѣ потребовалъ онъ письмо и деньги. Ну, я отдалъ ему письмо и деньги.—„А онъ?“—Ну, а онъ... батюшка, виноватъ!—„Ну, что же онъ сдѣлалъ?“—Онъ возвратилъ мнѣ деньги и письмо, да и сказалъ: ступай себѣ съ Богомъ, отдай это на почту.—„Ну!“—Батюшка, виноватъ!—„Я съ тобою, голубчикъ, управлюсь“, сказалъ грозно генераль. „А вы, сударыня, прикажите обыскать сундукъ этого мошенника и отдайте его мнѣ на руки, а я его проучу. Знайте, что Дубровскій самъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, онъ не захочетъ обидѣть товарища.“ Я догадалась, кто былъ его превосходительство: нечего мнѣ было съ нимъ толковать. Кучера привязали прикащика къ козламъ коляски; деньги нашли; генераль у меня отобѣдалъ, потомъ тотчасъ уѣхалъ и увезъ съ собою прикащика. Прикащика

моего нашли на другой день въ лѣсу, привязаннаго къ дубу и ободраннаго какъ липку.“

Всѣ слушали молча разсказъ Анны Савишны, особенно барышни. Многія изъ нихъ втайнѣ доброжелательствовали Дубровскому, видя въ немъ героя романическаго, особенно Марья Кириловна, пылкая мечтательница, напитанная таинственными ужасами Радклифъ.

„И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя былъ самъ Дубровскій?“ спросилъ Кирила Петровичъ. „Очень же ты ошиблась. Не знаю, кто былъ у тебя въ гостяхъ, а только не Дубровскій.“

— Какъ, батюшка, не Дубровскій? Да кто же, какъ не онъ, выѣдетъ на дорогу и станетъ оставливать прохожихъ, да ихъ осматривать?

„Не знаю, а ужъ вѣрно не Дубровскій. Я помню его ребенкомъ; не знаю, почернѣли ль у него волосы, а тогда былъ онъ кудрявый, бѣлокуренькій мальчикъ; но знаю навѣрно, что Дубровскій пятью годами старше моей Маши, и что, слѣдственно, ему не тридцать пять лѣтъ, а около двадцати трехъ.“

— Точно такъ, ваше превосходительство, провозгласилъ исправникъ: у меня въ карманѣ и примѣты Владиміра Дубровскаго. Въ нихъ точно сказано, что ему отъ роду двадцать третій годъ.

„А!“ сказалъ Кирила Петровичъ; „кстати: прочтите-ка, а мы послушаемъ: не худо намъ знать его примѣты, авось въ глаза попадетъ, такъ не вырвется.“

Исправникъ вынулъ изъ кармана довольно замаранный листъ бумаги, развернулъ его съ важностію и сталъ читать на-распѣвъ.

„Примѣты Дубровскаго, составленныя по сказкамъ бывшихъ его дворовыхъ людей:

„Отъ роду 22 года, роста средняго, лицомъ

чисть, бороду брѣть, глаза имѣть каріе; волосы русые, носъ прямой. Примѣты особыя: таковыхъ не оказалось.“

„И только!“ сказалъ Кирила Петровичъ.

— Только, сказалъ исправникъ, складывая бумагу.

„Поздравляю, г-нъ исправникъ. Ай да бумага! По этимъ примѣтамъ не мудрено будетъ вамъ отыскать Дубровскаго! Да кто же не средняго роста, у кого не русые волосы, не прямой носъ, да не каріе глаза? Бьюсь объ закладъ: три часа сряду будешь говорить съ самимъ Дубровскимъ, а не догадаешься, съ кѣмъ Богъ тебя свелъ. Нечего сказать, умныя головушки приказныя!“

Исправникъ, смиренно положивъ въ карманъ свою бумагу, молча принялся за гуся съ капустой; между тѣмъ слуги успѣли уже нѣсколько разъ обойти гостей, наливая каждому его рюмку. Нѣсколько бутылокъ горскаго и цимлянскаго громко были откупорены и приняты благосклонно подъ именемъ шампанскаго; лица начинали рдѣть, разговоры становились звонче, несвязнѣе и веселѣе.

„Нѣтъ“, продолжалъ Кирила Петровичъ: „ужь не видать намъ такого исправника, какъ былъ покойникъ Тарасъ Алексѣевичъ! Этотъ былъ не промахъ, не розиня. Жаль, что сожгли молодца, а то бы отъ него не ушелъ ни одинъ человѣкъ изъ всей шайки. Онъ бы всѣхъ до одинаго переловилъ, да и самъ Дубровскій не вывернулся бы. Тарасъ Алексѣевичъ деньги съ него взять-то бы взялъ, да и самого не выпустилъ. Таковъ былъ обычай у покойника. Дѣлать нечего, видно, мнѣ вступить въ это дѣло, да пойти на разбойниковъ съ моими домашними. На первый случай отряжу человѣкъ двадцать, такъ они

и очистить воровскую рошу; народъ не трусливый, каждый въ одиночку на медвѣдя ходитъ, отъ разбойниковъ не попятится.“

— Здоровъ ли вашъ медвѣдь, батюшка Кирила Петровичъ? сказалъ Антонъ Пафнутьичъ, вспомня при сихъ словахъ о косматомъ знакомцѣ и о нѣ-которыхъ шуткахъ, коихъ и онъ былъ когда-то жертвою.

„Миша приказалъ долго жить“, отвѣчалъ Кирила Петровичъ: „умеръ славною смертью отъ руки непріятеля. Вонъ его побѣдитель!“ Кирила Петровичъ указалъ на Дефоржа. „Вымѣнный образъ моего француза. Онъ отомстилъ за твою... съ позволенія сказать... помнишь?“

— Какъ не помнить? сказалъ Антонъ Пафнутьичъ, почесываясь: очень помню. Такъ Миша умеръ— жаль Мишу, ей-Богу жаль! какой былъ забавникъ! какой умница! этакого медвѣдя другого не сыщешь. Да зачѣмъ мусье убилъ его?

Кирила Петровичъ съ великимъ удовольствіемъ сталъ рассказывать подвигъ своего француза, ибо имѣлъ счастливую способность тщеславиться всѣмъ, что только ни окружало его. Гости со вниманіемъ слушали повѣсть о Мишиной смерти и съ изумленіемъ посматривали на Дефоржа, который, не подозрѣвая, что разговоръ шель о его храбрости, спокойно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и дѣлалъ нравственныя замѣчанія рѣзвому своему воспитаннику.

Обѣдъ, продолжавшійся около трехъ часовъ, кончился; хозяинъ положилъ салфетку на столъ, всѣ встали и пошли въ гостиную, гдѣ ожидалъ ихъ кофей, карты и продолженіе попойки, столъ славно начатой въ столовой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Около семи часовъ вечера нѣкоторые гости хотѣли ѣхать, но хозяинъ, развеселенный пуншемъ, приказалъ запереть ворота и объявилъ, что до слѣдующаго утра никого со двора не выпустить. Скоро загремѣла музыка, двери въ залу отворились,—и балъ завязался. Хозяинъ и его приближенные сидѣли въ углу, выпивая стаканъ за стаканомъ и любуясь веселостію молодежи. Старушки играли въ карты. Кавалеровъ, какъ и вездѣ, гдѣ не квартируетъ какой-нибудь уланской бригады, было менѣе, нежели дамъ; всѣ мужчины, годные для танцевъ, были завербованы. Учитель между всѣми отличался; онъ танцевалъ болѣе всѣхъ, всѣ барышни выбирали его и находили, что съ нимъ очень ловко вальсировать. Нѣсколько разъ кружился онъ съ Марьей Кириловною, и барышни насмѣшливо за ними примѣчали. Наконецъ, около полуночи, усталый хозяинъ прекратилъ танцы, приказалъ давать ужинать, а самъ отправился спать.

Отсутствіе Кирила Петровича придало обществу болѣе свободы и живости; кавалеры осмѣлились занять мѣста подлѣ дамъ; дѣвицы смѣялись и перешептывались съ своими сосѣдами; дамы громко разговаривали черезъ столъ. Мужчины пили, спорили и хохотали; словомъ, ужинъ былъ чрезвычайно веселъ и оставилъ по себѣ много пріятныхъ воспоминаній.

Одинъ только человекъ не участвовалъ въ общей радости. Антонъ Пафнутьичъ сидѣлъ пасмуренъ и молчаливъ на своемъ мѣстѣ, ѣлъ разсѣянно и казался чрезвычайно безпокоенъ. Разговоры о разбойникахъ

взволновали его воображеніе. Мы скоро увидимъ, что онъ имѣлъ достаточную причину ихъ опасаться.

Антонъ Пафнутьичъ, призывая Господа во свидѣтели въ томъ, что красная шкатулка точно была пуста, не лгалъ и не согрѣшалъ; красная шкатулка точно была пуста: деньги, нѣкогда въ ней хранившіяся, перешли въ кожаную суму, которую носилъ онъ на груди, подъ рубашкой. Сею только предосторожностію успокоивалъ онъ свою недовѣрчивость ко всѣмъ и вѣчную боязнь. Будучи принужденъ остаться ночевать въ чужомъ домѣ, онъ боялся, чтобъ не отвели ему ночлега гдѣ-нибудь въ уединенной комнатѣ, куда легко могли забраться воры; онъ искалъ глазами надежнаго товарища и выбралъ, наконецъ, Дефоржа. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбрость, имъ оказанная при встрѣчѣ съ медвѣдемъ, о комъ бѣдный Антонъ Пафнутьичъ не могъ вспомнить безъ содроганія, рѣшили его выборъ. Когда встали изъ-за стола, Антонъ Пафнутьичъ сталъ вертѣться около молодого француза, побрякивая и откашливаясь, и наконецъ обратился къ нему съ изъясненіемъ.

„Гмъ! гмъ! Нельзя ли, мусье, переночевать мнѣ въ вашей комнатѣ, потому что, изволишь видѣть...“

— *Que désire monsieur?* спросилъ Дефоржъ, учтиво ему поклонившись.

„Эхъ, бѣда! ты, мусье, по-русски еще не выучился. *Же ве, муа ше ву куше, понимаешь ли?*“

— *Monsieur, très-volontiers, отвѣчалъ Дефоржъ, veuillez donner des ordres en conséquence.*

Антонъ Пафнутьичъ, очень довольный своими свѣдѣніями во французскомъ языкѣ, пошелъ тотчасъ распоряжаться.

Гости стали прощаться между собою, и каждый

отправился въ комнату, ему назначенную; а Антонъ Пафнутьичъ пошелъ съ учителемъ во флигель. Ночь была темная. Дефоржъ освѣщаль дорогу фонаремъ; Антонъ Пафнутьичъ шелъ за нимъ довольно бодро, прижимая изрѣдка къ груди потаенную суму, дабы удостовѣриться, что деньги его еще при немъ.

Пришедъ во флигель, учитель засвѣтилъ свѣчу, и оба стали раздѣваться; между тѣмъ Антонъ Пафнутьичъ похаживалъ по комнатѣ, осматривая замки и окна и качая головою при семъ неутѣшительномъ осмотрѣ. Двери запирались одною задвижкою, окна не имѣли еще двойныхъ рамъ. Онъ попытался было жаловаться на то Дефоржу; но знанія его во французскомъ языкѣ были слишкомъ ограничены для столь сложнаго объясненія. Французъ его не понялъ, и Антонъ Пафнутьичъ принужденъ былъ оставить свои жалобы. Постели ихъ стояли одна противъ другой; оба легли и учитель потушилъ свѣчу.

„Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше?“ закричалъ Антонъ Пафнутьичъ, спрягая съ грѣхомъ пополамъ русскій глаголъ тушу на французскій ладъ. „Я не могу дормиръ въ потемкахъ.“

Дефоржъ не понялъ его восклицанія и пожелалъ ему доброй ночи.

„Проклятый басурманъ!“ проворчалъ Спицынъ, закутываясь въ одѣяло. „Нужно ему было свѣчку тушить. Ему же хуже. Я спать не могу безъ огня. — Мусье, мусье“, продолжалъ онъ: „же ве авекъ ву парле.“

Но французъ не отвѣчалъ и вскорѣ захрапѣлъ.

„Храпитъ бестія французъ“, — подумалъ Антонъ Пафнутьичъ, — „а мнѣ такъ и сонъ въ умъ нейдетъ: того и гляди, воры войдутъ въ открытыя двери, или влѣзутъ въ окно, а его, бестію, и пушками не

добудишься. Мусье! а мусье! — дьяволъ тебя по-бери!“

Антонъ Пафнутьичъ замолчалъ: усталость и винные пары мало по малу превозмогли его боязливость; онъ сталъ дремать, и вскорѣ глубокой сонъ овладѣлъ имъ совершенно.

Странное готовилось ему пробужденіе. Онъ чувствовалъ сквозь сонъ, что кто-то тихонько дергалъ его за воротъ рубашки. Антонъ Пафнутьичъ открылъ глаза и при блѣдномъ свѣтѣ осенняго утра увидѣлъ передъ собою Дефоржа: французъ въ одной рукѣ держалъ карманный пистолеть, а другою отстегивалъ завѣтную суму. Антонъ Пафнутьичъ обмеръ. „Кесь ке се, мусье, кесь ке се?“ произнесъ онъ трепещущимъ голосомъ. — „Тише! молчать“, отвѣчалъ учитель чистымъ русскимъ языкомъ: „молчать! или вы пропали. Я — Дубровскій.“

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Теперь попросимъ у читателя позволенія объяснить послѣднія происшествія повѣсти нашей предыдущими обстоятельствами, кои не успѣли мы еще рассказать.

На станціи **, въ домѣ смотрителя, о коемъ уже мы упомянули, сидѣлъ въ углу проѣзжій съ видомъ смиреннымъ и терпѣливымъ, обличающимъ разночинца или иностранца, т. е. человѣка, не имѣющаго голоса на почтовомъ трактѣ. Бричка его стояла на дворѣ, ожидая подмазки. Въ ней лежалъ маленькій чемоданъ, тощее доказательство не весьма достаточнаго состоянія. Проѣзжій не спрашивалъ себѣ ни чаю, ни кофею, поглядывалъ въ окно и посвистывалъ, къ великому неудовольствію смотрительши, сидѣвшей за перегородкою.

„Вотъ, Богъ послалъ свистуна“, говорила она вполголоса: „экъ посвистываетъ! чтобъ онъ лопнулъ, окаянный басурманъ.“

— А что? сказалъ смотритель: что за бѣда? пускай себѣ свищетъ.

„Что за бѣда?“ возразила сердитая супруга: „а развѣ не знаешь примѣты?“

— Какой примѣты? Что свистъ деньгу выживаетъ? И, Пахомовна! у насъ что свисти, что нѣтъ, а денегъ все нѣтъ какъ нѣтъ.

„Да отпусти ты его, Сидорычъ. Охота тебѣ его держать. Дай ему лошадей, да провались онъ къ чорту.“

— Подождеть, Пахомовна; на конюшнѣ всего три тройки, четвертая отдыхаетъ. Того и гляди, подоспѣютъ хорошіе проѣзжіе; не хочу своею шеей отвѣчать за француза. Чу! такъ и есть! вонъ, скачутъ! Эге-ге! и, да какъ шибко! Ужь не генераль ли?

Коляска остановилась у крыльца. Слуга соскочилъ съ козелъ, отперъ дверцы, и черезъ минуту молодой человѣкъ, въ военной шинели и въ бѣлой фуражкѣ, вошелъ къ смотрителю; вслѣдъ за нимъ слуга внесъ шкатулку и поставилъ ее на окошко.

„Лошадей!“ сказалъ офицеръ повелительнымъ голосомъ.

— Сейчасъ! отвѣчалъ смотритель; пожалуйста подорожную.

„Нѣтъ у меня подорожной. Я ѣду въ сторону... Развѣ ты меня не узнаешь?“

Смотритель засуетился и кинулся торопить ямщиковъ. Молодой человѣкъ сталъ расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ, зашелъ за перегородку и спросилъ тихо у смотрительши: „кто такой проѣзжій?“

„Богъ его вѣдаетъ“, отвѣчала смотрительша:

„какой - то французъ; вотъ ужь пять часовъ, какъ дожидается лошадей да свищетъ. Надоѣлъ, проклятый.“

Молодой человекъ заговорилъ съ проѣзжимъ по-французски.

„Куда изволите вы ѣхать?“ спросилъ онъ его.

— Въ ближній городъ, отвѣчалъ французъ: оттуда отправлюсь къ одному помѣщику, который нанялъ меня за-глаза въ учителя. Я думалъ сегодня быть уже на мѣстѣ, но г-нъ смотритель, кажется, судилъ иначе. Въ этой землѣ трудно достать лошадей, г-нъ офицеръ.

„А къ кому изъ здѣшнихъ помѣщиковъ опредѣлились вы?“ спросилъ офицеръ.

— Къ г - ну Троеурову, отвѣчалъ французъ.

„Къ Троеурову? Кто такой этотъ Троеуровъ?“

— *Ma foi, monsieur*, я слыхалъ о немъ мало добраго. Сказываютъ, что онъ баринъ гордый и свое-нравный, жестокой въ обращеніи съ своими домашними, что никто не можетъ съ нимъ ужиться, что всѣ трепещутъ при его имени, что съ учителями (*avec les outchitels*) онъ не церемонится и ужь двухъ заѣкъ до смерти.

„Помилуйте! и вы рѣшаетесь опредѣлиться къ такому чудовищу?“

— Что жь дѣлать, г-нъ офицеръ? Онъ предлагаетъ мнѣ хорошее жалованье, 3,000 руб. въ годъ и все готовое. Быть можетъ, я счастливѣе другихъ. У меня старуха мать: половину жалованья буду отсылать ей на пропитаніе; изъ остальныхъ денегъ въ пять лѣтъ могу скопить маленькій капиталъ, достаточный для будущей моей независимости; тогда — *bon soir*, ѣду въ Парижъ и пускаюсь въ коммерческіе обороты.

„Знаетъ ли васъ кто нибудь въ домѣ Троекурова?“ спросилъ онъ.

— Никто, отвѣчалъ учитель: меня онъ выписалъ изъ Москвы чрезъ одного изъ своихъ друзей, у ко-его поварь мой соотечественникъ, и онъ меня рекомендовалъ. Надобно вамъ знать, что я готовился было не въ учителя, а въ кондитеры; но мнѣ сказали, что въ вашей землѣ званіе учителя не въ примѣръ выгоднѣе...

Офицеръ задумался. „Послушайте“, прервалъ онъ француза: „что, если бы вмѣсто этой будущности предложили вамъ 10,000 руб. чистыми деньгами, съ тѣмъ, чтобъ сей же часъ вы отправились обратно въ Парижъ?“

Французъ посмотрѣлъ на офицера съ изумленіемъ, улыбнулся и покачалъ головою.

— Лошади готовы! сказалъ вошедшій смотритель.

Слуга подтвердилъ то же самое.

„Сейчасъ“, отвѣчалъ офицеръ. „Выдьте вонъ на минуту.“ (Смотритель и слуга вышли). „Я не шучу“, продолжалъ онъ по-французски: „10,000 руб. могу я вамъ дать; мнѣ нужно только ваше отсутствіе и ваши бумаги.“

При сихъ словахъ онъ отперъ шкатулку и вынулъ нѣсколько кипъ ассигнацій.

Французъ вытаращилъ глаза. Онъ не зналъ, что и думать.

— Мое отсутствіе... мои бумаги, повторялъ онъ съ изумленіемъ. Вотъ мои бумаги... но вы шутите? Зачѣмъ вамъ мои бумаги?

„Вамъ дѣла нѣтъ до того. Спрашиваю, согласны вы или нѣтъ?“

Французъ, все еще не вѣря своимъ ушамъ, протянулъ бумаги своему молодому офицеру, который быстро ихъ пересмотрѣлъ.

„Вашъ пашпортъ... хорошо; письмо рекоменда-
тельное... посмотримъ; свидѣтельство о рожденіи...
прекрасно. Ну, вотъ же вамъ ваши деньги, отправ-
ляйтесь назадъ. Прощайте.“

Французъ стоялъ, какъ вкопанный. Офицеръ воро-
тился.

„Я было забылъ самое важное: дайте мнѣ чест-
ное слово, что все это останется между нами...
честное ваше слово.“

— Честное мое слово,—отвѣчалъ французъ. Но
мои бумаги? Что мнѣ дѣлать безъ нихъ?

„Въ первомъ городѣ объявите, что вы были
ограблены Дубровскимъ. Вамъ повѣрятъ и дадутъ
нужныя свидѣтельства. Прощайте; дай Богъ вамъ
скорѣе доѣхать до Парижа и найтѣ матушку въ
добромъ здоровьѣ.“

Дубровскій вышелъ изъ комнаты, сѣлъ въ ко-
ляску и поскакалъ.

Смотритель смотрѣлъ въ окошко, и когда ко-
ляска уѣхала, обратился къ женѣ съ восклицаніемъ:
„Пахомовна! знаешь ли ты что? вѣдь это былъ Ду-
бровскій!“

Смотрительша опростыю кинулась къ окошку,
но было уже поздно: Дубровскій былъ уже далеко.
Она принялась бранить мужа: „Бога ты не боишься,
Сидорычъ! зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ того прежде?
я бы хоть взглянула на Дубровскаго, а теперь жди,
чтобъ онъ опять завернулъ. Безсовѣстный ты, право,
безсовѣстный!“

Французъ стоялъ, какъ вкопанный. Договоръ съ
офицеромъ, деньги—все казалось ему сновидѣніемъ.
Но кипы ассигнацій были тутъ, у него въ карманѣ,
и краснорѣчиво твердили ему существенность уди-
вительнаго происшествія.

Онъ рѣшился нанять лошадей до города. Ямщикъ повезъ его шагомъ, и ночью дотащился онъ до города.

Не доѣзжая заставы, у которой, вмѣсто часового, стояла развалившаяся будка, французъ велѣлъ остановиться, вылѣзъ изъ брички и пошелъ пѣшкомъ, объяснивъ знаками ямщику, что бричку и чемоданъ дарить ему на водку. Ямщикъ былъ въ такомъ же изумленіи отъ его щедрости, какъ и самъ французъ отъ предложенія Дубровскаго. Но, заключивъ изъ того, что нѣмецъ сошелъ съ ума, ямщикъ поблагодарилъ его усерднымъ поклономъ и, не разсудивъ за благо въѣхать въ городъ, отправился въ извѣстное ему увеселительное заведеніе, коего хозяинъ былъ ему пріятель. Тамъ провелъ онъ цѣлую ночь, а на другой день утромъ на порожней тройкѣ отправился во свояси, безъ брички и безъ чемодана, съ пухлымъ лицомъ и красными глазами.

Дубровскій, овладѣвъ бумагами француза, смѣло явился, какъ мы ужъ видѣли, къ Троекурову и поселился въ его домѣ. Каковы ни были его тайныя намѣренія (мы ихъ узнаемъ послѣ), но въ его поведеніи не оказалось ничего предосудительнаго. Правда, онъ мало занимался воспитаніемъ маленькаго Саши, давалъ ему полную свободу повѣсничать и не строго взыскивалъ за уроки, задаваемые только для формы, за то съ большимъ прилежаніемъ слѣдовалъ за музыкальными успѣхами своей ученицы и часто по цѣлымъ часамъ сиживалъ съ нею за фортепіано. Всѣ любили молодого учителя: Кирила Петровичъ—за его смѣлое проворство на охотѣ, Марья Кириловна—за неограниченное усердіе и рабскую внимательность, Саша—за снисходительность къ его шалостямъ, домашніе—за доброту и за щедрость,

повидимому, несомѣстную съ его состояніемъ. Самъ онъ, казалось, привязанъ былъ ко всему семейству и почиталъ уже себя членомъ онаго.

Прошло около мѣсяца отъ его вступленія въ званіе учительское до достопамятнаго празднества, и никто не подозрѣвалъ, что въ скромномъ молодомъ французѣ таился грозный разбойникъ, коего имя наводило ужасъ на всѣхъ окрестныхъ владѣльцевъ. Во все это время Дубровскій не отлучался изъ Покровскаго, но слухъ о разбояхъ его не утихалъ, благодаря изобрѣтательному воображенію сельскихъ жителей; но могло статься и то, что шайка его продолжала свои дѣйствія и въ отсутствіе начальника.

Ночуя въ одной комнатѣ съ человѣкомъ, коего могъ онъ почесть личнымъ своимъ врагомъ и однимъ изъ главныхъ виновниковъ его бѣдствія, Дубровскій не могъ удержаться отъ искушенія. Онъ зналъ о существованіи сумки и рѣшился ею завладѣть. Мы видѣли, какъ изумилъ онъ бѣднаго Антона Пафнутьича неожиданнымъ своимъ превращеніемъ изъ учителей въ разбойники.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ 9 часовъ утра гости, ночевавшіе въ Покровскомъ, собрались одинъ за другимъ въ гостиную, гдѣ кипѣлъ уже самоваръ, предъ которымъ въ утреннемъ платьѣ сидѣла Марья Кириловна, а Кирила Петровичъ, въ байковомъ сюртукѣ и въ туфляхъ, выпивалъ свою широкую чашку, похожую на полоскательную. Послѣднимъ явился Антонъ Пафнутьичъ; онъ былъ такъ блѣденъ и казался такъ разстроенымъ, что видъ его всѣхъ поразилъ и что Кирила Петровичъ освѣдомился о его здоровіи. Спицынъ отвѣ-

чалъ безо всякаго смысла и съ ужасомъ поглядывалъ на учителя, который тутъ же сидѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Черезъ нѣсколько минутъ слуга вошелъ и объявилъ Спицыну, что коляска его готова. Антонъ Пафнutyчъ спѣшилъ откланяться, вышелъ поспѣшно изъ комнаты и тотчасъ уѣхалъ. Гости и хозяинъ не понимали, что съ нимъ сдѣлалось, и Кирилла Петровичъ рѣшилъ, что онъ обѣлся. Послѣ чаю и прощальнаго завтрака прочіе гости начали разъѣзжаться, и вскорѣ Покровское опустѣло, и все вошло въ обыкновенный порядокъ.

Прошло нѣсколько дней, и не случилось ничего достопримѣчательнаго. Жизнь обитателей Покровскаго была однообразна. Кирилла Петровичъ ежедневно выѣзжалъ на охоту; чтеніе, прогулки, музыкальные уроки занимали Марью Кириловну, особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась съ невольной досадою, что оно не было равнодушно къ достоинствамъ молодого француза. Онъ, съ своей стороны, не выходилъ изъ предѣловъ почтенія и строгой прстойности и тѣмъ успокоивалъ ея гордость и боязливыя сомнѣнія. Она съ большей и большей довѣренностію предавалась увлекательной привычкѣ. Она скучала безъ Дефоржа, въ его присутствіи минутно занималась имъ, обо всемъ хотѣла знать его мнѣніе и всегда съ нимъ соглашалась. Можетъ быть, она не была еще влюблена; но при первомъ случайномъ препятствіи или внезапномъ гоненіи судьбы пламя страсти должно было вспыхнуть въ ея сердцѣ.

Однажды, пришедъ въ залу, гдѣ ожидалъ ее учитель, Марья Кириловна съ изумленіемъ замѣтила смущеніе на блѣдномъ его лицѣ. Она открыла фортепіано, пропѣла нѣсколько нотъ; но Дубровскій,

подъ предлогомъ головной боли, извинился, прервалъ урокъ и, закрывая ноты, подалъ ей украдкою записку Марья Кириловна, не успѣвъ одуматься, приняла ее и раскаялась въ ту же минуту; но Дубровскаго не было уже въ залѣ. Марья Кириловна пошла въ свою комнату, развернула записку и прочла слѣдующее:

„Будьте сегодня въ семь часовъ въ бесѣдкѣ у ручья: мнѣ необходимо съ вами говорить.“

Любопытство ея было сильно возбуждено. Она давно ожидала признанія, желая и опасаясь его. Ей пріятно было бы услышать подтвержденіе того, о чемъ она догадывалась; но она чувствовала, что ей было бы неприлично слышать такое объясненіе отъ человѣка, который по состоянію своему не долженъ былъ надѣяться когда-нибудь получить ея руку. Она рѣшилась идти на свиданіе, но колебалась въ одномъ: какимъ образомъ приметъ она признаніе учителя: съ аристократическимъ ли негодованіемъ, съ увѣщаніемъ ли дружбы, съ веселыми шутками, или съ безмолвнымъ участіемъ. Между тѣмъ она поминутно поглядывала на часы. Смерклось; подали свѣчи; Кирила Петровичъ сѣлъ играть въ бостонъ съ пріѣзжими сосѣдами; столовые часы пробили третью четверть седьмого, и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, оглядѣлась во всѣ стороны и побѣжала въ садъ.

Ночь была темна, небо покрыто тучами, въ двухъ шагахъ отъ себя нельзя было ничего видѣть; но Марья Кириловна шла въ темнотѣ по знакомымъ дорожкамъ, и черезъ минуту очутилась у бесѣдки; тутъ остановилась она, дабы перевести духъ и явиться передъ Дефоржемъ съ видомъ равнодушнымъ и неторопливымъ. Но Дефоржъ стоялъ ужь передъ нею.

„Благодарю васъ“, сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ, „что вы не отказали мнѣ въ моей просьбѣ. Я былъ бы въ отчаяніи, если бы вы на то не согласились.“

Марья Кириловна овѣчала заготовленною фразой: „Надѣюсь, что вы не заставите меня раскаяться въ моей снисходительности.“

Онъ молчалъ и, казалось, собирался съ духомъ. „Обстоятельства требуютъ... я долженъ васъ оставить“, сказалъ онъ наконецъ: „вы скоро, можетъ быть, услышите.. но передъ разлукой я долженъ съ вами самъ объясниться.“

Марья Кириловна не отвѣчала ничего. Въ этихъ словахъ видѣла она предисловіе къ ожидаемому признанію.

„Я не то, что вы предполагаете“, продолжалъ онъ, потупя голову: „я не французъ Дефоржъ, я — Дубровскій.“

Марья Кириловна вскрикнула.

„Не бойтесь, ради Бога; вы не должны бояться моего имени. Да, я тотъ несчастный, котораго вашъ отецъ, лишивъ куска хлѣба, выгналъ изъ отеческаго дома и послалъ грабить на большихъ дорогахъ. Но вамъ не надобно меня бояться ни за себя, ни за него. Все кончено... я ему простилъ; послушайте: вы спасли его. Первый мой кровавый подвигъ долженъ былъ совершиться надъ нимъ. Я ходилъ около его дома, назначая, гдѣ вспыхнуть пожару, откуда войти въ его спальню, какъ пересѣчь ему всѣ пути къ бѣгству; въ ту минуту вы прошли мимо меня, какъ небесное видѣніе,—и сердце мое смирилось. Я понялъ, что домъ, гдѣ обитаете вы, священъ, что ни единое существо, связанное съ вами узами крови, не подлежитъ моему проклятію. Я отказался отъ

мщенія, какъ отъ безумства. Цѣлые дни я бродилъ около садовъ Покровскаго, въ надеждѣ увидѣть издали ваше бѣлое платье. Въ вашихъ неосторожныхъ прогулкахъ я слѣдовалъ за вами, прокрадываясь отъ куста къ кусту, счастливый мыслию, что для васъ нѣтъ опасности тамъ, гдѣ я присутствую тайно. Наконецъ случай представился... я поселился въ вашемъ домѣ. Эти три недѣли были для меня днями счастья; ихъ воспоминаніе будетъ отрадою печальной моей жизни... Сегодня я получилъ извѣстіе, послѣ котораго мнѣ невозможно болѣе здѣсь оставаться. Я расстаюсь съ вами сегодня, сей же часъ... Но прежде я долженъ былъ вамъ открыться, чтобъ вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровскомъ. Знайте, что онъ рожденъ былъ для иного назначенія, что душа его умѣла васъ любить, что никогда...“

Тутъ раздался сильный свистъ, и Дубровскій умолкъ. Онъ схватилъ ея руку и прижалъ къ пылающимъ устамъ. Свистъ повторился. „Простите“, сказалъ Дубровскій: „меня зовутъ; минута можетъ погубить меня.“ Онъ отошелъ... Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровскій воротился и снова взялъ ея руку. „Если когда-нибудь“, сказалъ онъ ей нѣжнымъ и трогательнымъ голосомъ, „если когда-нибудь несчастіе васъ постигнетъ, и вы ни отъ кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, въ такомъ случаѣ общаетесь ли вы прибѣгнуть ко мнѣ, требовать отъ меня всего для вашего спасенія? Общаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности?“

Марья Кириловна плакала молча. Свистъ раздался въ третій разъ.

„Вы меня губите!“ закричалъ Дубровскій: „я не

оставлю васъ, пока не дадите мнѣ отвѣта: общаетесь ли вы, или нѣтъ?”

— Общаюсь! прошептала бѣдная красавица.

Взволнованная свиданіемъ съ Дубровскимъ, Марья Кириловна возвращалась изъ саду. Ей показалось, что на дворѣ было много народу, у крыльца стояла тройка, всѣ люди разбѣгались, домъ былъ въ движеніи; издали услышала она голосъ Кирилы Петровича и спѣшила войти въ комнаты, опасаясь, чтобъ отсутствіе не было замѣчено. Въ залѣ встрѣтилъ ее Кирила Петровичъ; гости окружили исправника, нашего знакома, и осыпали его вопросами. Исправникъ, въ дорожномъ платьѣ, вооруженный съ ногъ до головы, отвѣчалъ имъ съ видомъ таинственнымъ и суетливымъ. „Гдѣ ты была, Маша?“ спросилъ Кирила Петровичъ: „встрѣтила ли ты М-г Дефоржа?“ Маша насилу могла отвѣчать отрицательно.— „Вообрази“, продолжалъ Кирила Петровичъ: „исправникъ пріѣхалъ его арестовать, и увѣряетъ меня, что это самъ Дубровскій.“ — „Всѣ примѣты, ваше превосходительство“, сказалъ почтиительно исправникъ. — „Охъ, братецъ“, прервалъ Кирила Петровичъ: „убирайся, знаешь куда, со своими примѣтами. Я тебѣ моего француза не выдамъ, покамѣстъ самъ не разберу дѣла. Какъ можно вѣрить на слово Антону Пафнутьичу, трусу и мужику: ему пригрезилось, что учитель хотѣлъ ограбить его. Зачѣмъ онъ въ то же утро не сказалъ мнѣ о томъ ни слова...“ — „Французъ застрашалъ его, ваше превосходительство“, отвѣчалъ исправникъ: „и взялъ съ него клятву молчать.“ — „Вранье“, рѣшилъ Кирила Петровичъ: „сейчасъ я все выведу на чистую воду. Гдѣ же учитель?“ спросилъ онъ у вошедшаго слуги. — „Нигдѣ не найдуть-съ“,

отвѣчалъ слуга. — „Такъ сыскать его!“ закричалъ Троекуровъ, начинающій сомнѣваться. „Покажи мнѣ твои хваленныя примѣты“, сказалъ онъ исправнику, который тотчасъ и подалъ бумагу. „Гм! гм! двадцать три года и проч. Оно такъ, да это еще ничего не доказываетъ. Что жь учитель?“ — „Не найдутъ“, былъ опять отвѣтъ. Кирила Петровичъ начиналъ беспокоиться; Марья Кириловна была ни жива, ни мертва. „Ты блѣдна, Маша“, замѣтилъ ей отецъ: „тебя перепугали?“ — „Нѣтъ, папенька“, отвѣчала Маша: „у меня голова болитъ.“ — „Поди, Маша, въ свою комнату и не беспокойся.“ Маша поцѣловала у него руку и ушла скорѣе въ свою комнату; тамъ она бросилась на постель и зарыдала въ истерическомъ припадкѣ. Служанки сбѣжались, раздѣли ее насилу, насилу успѣли ее успокоить холодной водой и всевозможными спиртами; ее уложили, и она впала въ усыпленіе.

Между тѣмъ француза не находили. Кирила Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, грозно насвистывая: Громъ побѣды раздавайся. Гости шептались между собою; исправникъ казался въ дуракахъ; француза не нашли. Вѣроятно, онъ успѣлъ скрыться, бывъ предупрежденъ. Но кѣмъ и какъ? это оставалось тайною.

Било одиннадцать, и никто не думалъ о снѣ. Наконецъ Кирила Петровичъ сказалъ сердито исправнику: „Ну, что? вѣдь не до свѣту же тебѣ здѣсь оставаться; домъ мой не харчевня. Не съ твоимъ проворствомъ, братецъ, поймать Дубровскаго, если ужь это Дубровскій. Отправляйся-ка во свояси, да впередъ будь расторопнѣе. Да и вамъ пора домой“, продолжалъ онъ, обратясь къ гостямъ. „Велите складывать, а я хочу спать“.

Такъ немилостиво разстался Троекуровъ съ своими гостями.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Прошло нѣсколько времени безъ всякаго замѣчательнаго случая. Но въ началѣ слѣдующаго лѣта произошло много перемѣнъ въ семейномъ быту Кирилы Петровича.

Въ тридцати верстахъ отъ него находилось богатое помѣстье князя Верейскаго. Князь долгое время находился въ чужихъ краяхъ; всѣмъ имѣніемъ его управлялъ отставной маіоръ, и накакого сношенія не существовало между Покровскимъ и Арбатовымъ. Но въ концѣ мая мѣсяца князь возвратился изъ-за границы и пріѣхалъ въ свою деревню, которой отъ роду еще не видалъ. Привыкнувъ къ разсѣянности, онъ не могъ вынести уединенія, и на третій день по своемъ пріѣздѣ отправился обѣдать къ Троекурову, съ которымъ былъ нѣкогда знакомъ.

Князю было около пятидесяти лѣтъ, но онъ казался гораздо старѣе. Излишества всякаго рода изнурили его здоровье и положили на немъ свою неизгладимую печать. Онъ имѣлъ непрестанную нужду въ разсѣяніи, непрестанно скучалъ. Не смотря на то, наружность его была пріятна, замѣчательна, а привычка быть всегда въ обществѣ придавала ему нѣкоторую любезность, особенно съ женщинами. Кирила Петровичъ былъ чрезвычайно доволенъ его посѣщеніемъ, принявъ оное знакомъ уваженія отъ человѣка, знающаго свѣтъ. Онъ, по обыкновенію своему, сталъ угощать его осмотромъ своихъ заведеній, и повелъ на псарный дворъ. Но князь чуть не задохся въ собачьей атмосферѣ и спѣшилъ выйти вонъ, зажимая носъ платкомъ, опрысканнымъ духами.

Старинный садъ, съ его стриженными липами, четыреугольнымъ прудомъ и правильными аллеями, ему не понравился: онъ любилъ англійскіе сады и такъ называемую природу; но хвалилъ и восхищался. Слуга пришелъ доложить, что кушанье поставлено. Они пошли обѣдать. Князь прихрамывалъ, уставъ отъ своей прогулки, и уже раскаявался въ своемъ посѣщеніи.

Но въ залѣ встрѣтила ихъ Марья Кириловна — и старый волокита былъ пораженъ ея красотой. Троекуровъ посадилъ гостя подлѣ нея. Князь былъ оживленъ ея присутствіемъ, былъ веселъ и успѣлъ нѣсколько разъ привлечь ея вниманіе любопытными своими разказами. Послѣ обѣда Кирила Петровичъ предложилъ ѣхать верхомъ, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя надъ своею подагрой. Онъ предложилъ прогулку въ линейкѣ, съ тѣмъ, чтобъ не разлучаться со своей милой сосѣдкою. Линейку заложили. Старики и красавица сѣли втроемъ и поѣхали. Разговоръ не прерывался. Марья Кириловна съ удовольствіемъ слушала льстивыя и веселыя привѣтствія свѣтскаго человѣка, какъ вдругъ Вереѣйскій, обратясь къ Кирилѣ Петровичу, спросилъ у него: что значитъ это погорѣлое строеніе, и ему ли оно принадлежитъ? Кирила Петровичъ нахмурился: воспоминанія, возбуждаемая въ немъ погорѣлою усадьбой, были ему неприятны. Онъ отвѣчалъ, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому. „Дубровскому“? повторилъ Вереѣйскій: „какъ, этому славному разбойнику“? — Отцу его, отвѣчалъ Троекуровъ; да и отецъ-то былъ порядочный разбойникъ.

— „Куда же дѣвался нашъ Ринальдо? Схваченъ ли онъ, живъ ли онъ“?

— И живъ, и на волѣ, и покамѣсть у насъ будутъ исправники злодѣи съ ворами, до тѣхъ поръ не будетъ онъ пойманъ. Кстати, князь! Дубровскій побывалъ вѣдь у тебя въ Арбатовѣ?

„Да, прошлаго года, онъ, кажется, что-то сжегъ или разграбилъ. Не правда ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познакомиться покороче съ этимъ романическимъ героемъ?“

— Что любопытнаго! сказалъ Троекуровъ: она знакома съ нимъ. Онъ цѣлыя три недѣли училъ ее музыкѣ, да слава Богу, не взялъ ничего за уроки. Тутъ Кирила Петровичъ началъ рассказывать повѣсть о мнимомъ французѣ-учителѣ. Марья Кириловна сидѣла какъ на иголкахъ. Верейскій, выслушавъ съ глубокимъ вниманіемъ, нашелъ все это очень страннымъ, и перемѣнилъ разговоръ. Возвратясь, онъ велѣлъ подавать свою карету и, не смотря на усиленные просьбы Кирилы Петровича остаться ночевать, уѣхалъ тотчасъ послѣ чаю; но прежде просилъ Кирилу Петровича пріѣхать къ нему въ гости съ Марьею Кириловной, и гордый Троекуровъ обѣщался; ибо, взявъ въ уваженіе княжеское достоинство, двѣ звѣзды и 3000 душъ родового имѣнія, онъ до нѣкоторой степени почиталъ князя Верейскаго себѣ равнымъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Два дня спустя послѣ его посѣщенія, Кирила Петровичъ отправился съ дочерью въ гости къ князю Верейскому. Подъѣзжая къ Арбатову, онъ не могъ налюбоваться чистыми и веселыми избами крестьянъ и каменнымъ господскимъ домомъ, выстроеннымъ во вкусъ англійскихъ замковъ. Передъ домомъ разстилался овальный густозеленый лугъ, на коемъ паслись

швейцарскія коровы, звеня своими колокольчиками. Пространный паркъ окружалъ домъ со всѣхъ сторонъ, Хозяинъ встрѣтилъ гостей у крыльца и подалъ руку молодой красавицѣ. Они вошли въ великолѣпную залу, гдѣ столъ былъ накрытъ на три прибора. Князь подвелъ гостей къ окну, и имъ открылся прелестный видъ. Волга протекала передъ окнами; по ней шли нагруженныя барки подъ натянутыми парусами и мелькали рыбацьи лодки, столъ выразительно прозванныя душегубками. За рѣкою тянулись холмы и поля; нѣсколько деревень оживляли окрестность. Потомъ они занялись разсмотрѣніемъ галлерей картинъ, купленныхъ княземъ въ чужихъ краяхъ. Князь объяснялъ Марьѣ Кириловнѣ ихъ различныя достоинства и недостатки. Онъ говорилъ о картинахъ не на условленномъ языкѣ педагогическаго знатока, но съ чувствомъ и воображеніемъ. Марья Кириловна слушала его съ удовольствіемъ. Пошли за столъ. Троекуровъ отдалъ полную справедливость винамъ своего амфитріона и искусству его повара, а Марья Кириловна не чувствовала ни малѣйшаго замѣшательства или принужденія въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, котораго видѣла она только во второй разъ отъ роду. Послѣ обѣда хозяинъ предложилъ гостямъ пойти въ садъ. Они пили кофе въ бесѣдкѣ, на берегу широкаго озера, усѣяннаго островами. Вдругъ раздалась духовая музыка, и шестивесельная лодка причалила къ самой бесѣдкѣ. Они поѣхали по озеру, около острововъ, посѣщали нѣкоторые изъ нихъ; на одномъ находили мраморную статую, на другомъ—уединенную пещеру, на третьемъ—памятникъ съ таинственной надписью, возбуждавшій въ Марьѣ Кириловнѣ дѣвическое любопытство, не вполне удовлетворенное учтивыми недомолвками князя. Время прошло незамѣтно. На-

чало смеркаться. Князь, подъ предлогомъ свѣжести и росы, спѣшилъ возвратиться домой; самоваръ ихъ ожидалъ. Князь просилъ Марью Кириловну хозяйничать въ домѣ стараго холостяка. Она разливала чай, слушая неистошимые рассказы любезнаго говоруна. Вдругъ раздался выстрѣлъ — и ракета освѣтила небо... Князь подавъ Марьѣ Кириловнѣ шаль, позвалъ ее и Троекурова на балконъ. Передъ домомъ, въ темнотѣ, разноцвѣтные огни вспыхнули, завертѣлись, поднялись вверхъ колосьями, полились фонтанами, посыпались дождемъ, звѣздами, угасали и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась какъ дитя. Князь Верейскій радовался ея восхищенію, и Троекуровъ былъ чрезвычайно имъ доволенъ, ибо принималъ *tous les frais* князя, какъ знаки уваженія и желанія ему угодить.

Ужинъ въ своемъ достоинствѣ ничѣмъ не уступалъ обѣду. Гости отправились въ комнаты, для нихъ отведенныя, и на другой день поутру разстались съ любезнымъ хозяиномъ, давъ другъ другу обѣщаніе вскорѣ снова увидѣться.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Марья Кириловна сидѣла въ своей комнатѣ, вышивая въ пяльцахъ, передъ открытымъ окошкомъ. Она не путалась шелками, подобно любовницѣ Конрада, которая, въ любовной разсѣянности, вышила розу зеленымъ шелкомъ. Подъ ея иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника; не смотря на то, ея мысли не слѣдовали за работой — онѣ были далеко.

Вдругъ въ окошко тихонько протянулась рука, кто-то положилъ на пяльцы письмо и скрылся,

прежде нежели Марья Кириловна успѣла образумиться. Въ это самое время слуга къ ней вошелъ и позвалъ ее къ Кирилѣ Петровичу. Она съ трепетомъ спрятала письмо за косынку и поспѣшила къ отцу въ кабинетъ.

Кирила Петровичъ былъ не одинъ. Князь Верейскій сидѣлъ у него. При появленіи Марьи Кириловны князь всталъ и молча поклонился съ замѣшательствомъ, для него необыкновеннымъ. „Подойди сюда, Маша“, сказалъ Кирила Петровичъ. „Скажу тебѣ новость, которая, надѣюсь, тебя обрадуетъ. Вотъ тебѣ женихъ: князь за тебя сватается.“

Маша остолбенѣла; смертная блѣдность покрыла ея лицо. Она молчала. Князь къ ней подошелъ, взялъ ея руку и съ видомъ тронутымъ спросилъ: согласна ли она сдѣлать его счастье? Маша молчала.

„Согласна, конечно, согласна“, сказалъ Кирила Петровичъ: „но знаешь, князь, дѣвушкѣ трудно выговорить это слово. Ну, дѣти, поцѣлуйтесь и будьте счастливы“.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцѣловалъ ея руку; вдругъ слезы побѣжали по ея блѣдному лицу. Князь слегка нахмурился.

„Пошла, пошла, пошла!“ сказалъ Кирила Петровичъ: „осуши свои слезы и воротись къ намъ веселенька. Онѣ всѣ плачутъ при помолвкѣ“, продолжалъ онъ, обратясь къ Верейскому: „это у нихъ ужъ такъ заведено. Теперь, князь, поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о приданомъ.“

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволеніемъ удалиться. Она побѣжала въ свою комнату, заперлась и дала волю своимъ слезамъ, воображая себя женою стараго князя; онъ вдругъ показался ей отвратительнымъ и ненавистнымъ... Бракъ пугаль

ее, какъ плаха, какъ могила!.. „Нѣтъ, нѣтъ!“ повторяла она въ отчаяніи: „лучше въ монастырь, лучше пойду за Дубровскаго...“ Тутъ она вспомнила о письмѣ—и жадно бросилась его читать, предчувствуя, что оно было отъ него. Въ самомъ дѣлѣ, оно было писано имъ и заключало только слѣдующія слова:

„Вечеромъ, въ десять часовъ, на прежнемъ мѣстѣ.“

Луна сіяла; сельская ночь была тиха; изрѣдка подымался вѣтерокъ, и легкій шорохъ пробѣгалъ по всему саду.

Какъ легкая тѣнь, молодая красавица приблизилась къ мѣсту назначеннаго свиданія. Еще никого не было видно; вдругъ изъ-за бесѣдки очутился Дубровскій передъ нею. „Я все знаю“, сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ: „вспомните ваше обѣщаніе.“

— Вы предлагаете мнѣ свое покровительство? отвѣчала Маша,—но не сердитесь: оно пугаетъ меня. Какимъ образомъ окажете вы мнѣ помощь?

„Я бы могъ избавить васъ отъ ненавистнаго чело-
вѣка.“

— Ради Бога, не трогайте его, не смѣйте его трогать, если вы меня любите: я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...

„Я не трону его: воля ваша для меня священна. Вамъ обязанъ онъ жизнию. Никогда злодѣйство не будетъ свершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и въ моихъ преступленіяхъ. Но какъ же спасу васъ отъ жестокаго отца?“

— Еще есть надежда: я надѣюсь тронуть его моими слезами и отчаяніемъ. Онъ упрямъ, но онъ такъ меня любитъ.

„Не надѣйтесь по-пустому: въ этихъ слезахъ увидитъ онъ только обыкновенную боязливость и

отвращеніе, общее всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, когда идутъ онѣ замужъ не по страсти, а изъ благоразумнаго расчета; но если возьметъ онѣ себѣ въ голову сдѣлать счастье ваше вопреки вамъ самимъ? если насильно повезутъ васъ подъ вѣнецъ, чтобъ навѣки предать судьбу вашу во власть стараго мужа?“

— Тогда... тогда дѣлать нечего — явитесь за мною — я буду вашею женой.

Дубровскій затрепеталъ; блѣдное лицо покрылось багровымъ румянцемъ и въ ту же минуту стало блѣднѣе прежняго. Онѣ долго молчалъ, потупя голову.

„Соберитесь со всѣми силами души, умоляйте отца, бросьтесь къ его ногамъ; представьте ему весь ужасъ будущаго, вашу молодость, увядающую близъ хилаго и развратнаго старика; скажите, что богатство не доставитъ вамъ и одной минуты счастья; роскошь утѣшаетъ одну бѣдность, и то съ непривычки, на одно мгновеніе; не оставайте отъ него, не пугайтесь ни его гнѣва, ни угрозы, пока останется хоть тѣнь надежды; ради Бога, не отставайте. Если жъ не будетъ уже другого средства—рѣшитесь на жестокое изъясненіе: скажите, что если онѣ останется неумолимъ, то... то вы найдете ужасную защиту...“

Тутъ Дубровскій закрылъ лицо руками; онѣ, казалось, задыхался. Маша плакала...

„Бѣдная, бѣдная моя участь!“ сказалъ онѣ, горько вздохнувъ. „За васъ отдалъ бы я жизнь; видѣть васъ издали, касаться руки вашей было для меня упоеніемъ; и когда открывается для меня возможность прижать васъ къ взволнованному моему сердцу и сказать: Ангель, умремъ! — бѣдный! я долженъ остерегаться отъ блаженства, я долженъ отталкивать его отъ себя всѣми силами! Я не смѣю пасть къ вашимъ ногамъ и благодарить небо за непонятную,

незаслуженную награду. О! какъ долженъ я ненавидѣть того... но чувствую, теперь въ сердцѣ моемъ нѣтъ мѣста ненависти.“

Онъ тихо обнялъ стройный ея станъ и тихо привлекъ ее къ своему сердцу. Довѣрчиво склонила она голову на плечо разбойника — оба молчали...

Время летѣло. „Пора“, сказала наконецъ Маша. Дубровскій какъ будто очнулся отъ усыпленія. Онъ взялъ ея руку и надѣлъ ей на палецъ кольцо. „Если рѣшитесь прибѣгнуть ко мнѣ“, сказалъ онъ; „то принесите кольцо сюда, опустите его въ дупло этого дуба; я буду знать, что дѣлать.“

Дубровскій поцѣловалъ ея руку и скрылся между деревьями.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Сватовство князя Верейскаго не было уже тайною для сосѣдства. Кирила Петровичъ принималъ поздравленія; свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала рѣшительное объясненіе. Между тѣмъ обращеніе ея со старымъ женихомъ было холодно и принужденно. Князь о томъ не заботился: онъ о любви не хлопоталъ, довольный ея безмолвнымъ согласіемъ.

Но время шло. Маша, наконецъ, рѣшилась дѣйствовать и написала письмо князю Верейскому. Она старалась возбудить въ его сердцѣ чувство великодушія; откровенно признавалась, что не имѣла къ нему ни малѣйшей привязанности; умоляла его отказаться отъ ея руки и самому защищать ее отъ власти родителя. Она тихонько вручила письмо князю Верейскому. Тотъ прочелъ его наединѣ—и нимало не былъ тронутъ откровенностью своей невѣсты. Напротивъ, онъ увидѣлъ необходимость ускорить свадьбу и для

того почель нужнымъ показать письмо будущему тестю.

Кирила Петровичъ взбѣсился; насилу князь могъ уговорить его не показывать Машѣ и виду, что онъ увѣдомленъ о ея письмѣ. Кирила Петровичъ согласился ей о томъ не говорить, но рѣшилъ не тратить времени и назначилъ быть свадьбѣ на другой же день. Князь нашель сіе весьма благоразумнымъ, пошелъ къ своей невѣстѣ, сказалъ ей, что письмо очень его опечалило, но что онъ надѣется современемъ заслужить ея привязанность; что мысль отречься отъ нея слишкомъ для него тяжела и что онъ не въ силахъ согласиться на свой смертный приговоръ. За симъ онъ почтительно поцѣловаль ея руку и уѣхаль, не сказавъ ей ни слова о рѣшеніи Кирилы Петровича.

Но едва онъ выѣхаль со двора, какъ отецъ ея вошелъ и напрямикъ велѣлъ ей быть готовой на завтрашній день. Марья Кириловна, уже взволнованная объясненіемъ князя Верейскаго, залилась слезами и бросилась къ ногамъ отца. „Папенька!“ закричала она жалобнымъ голосомъ: „папенька! не губите меня; я не люблю князя, я не хочу быть его женою“.

— Это что значить? сказалъ грозно Кирила Петровичъ: до сихъ поръ ты молчала и была согласна, а теперъ, когда все рѣшено, ты вздумала капризничать и отрекаться? Не изволь дурачиться; этимъ со мною ты ничего не выиграешь.

„Не губите меня!“ повторяла бѣдная Маша: „за что гоните меня отъ себя прочь и отдаете человѣку нелюбимому? развѣ я вамъ надоѣла? Я хочу остаться съ вами по-прежнему. Папенька! вамъ безъ меня будетъ грустно; еще грустнѣе, когда подумаете, что я несчастлива. Папенька, не принуждайте меня: я не хочу идти замужъ“.

Кирила Петровичъ былъ тронуть, но скрылъ свое смущеніе и оттолкнулъ ее, сказавъ сурово:

— Все это вздоръ, слышишь ли? Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастья. Слезы тебѣ не помогутъ; послѣ завтра будетъ твоя свадьба.

„Послѣ завтра!“ вскрикнула Маша. „Боже мой! Нѣтъ, нѣтъ, невозможно, этому не быть! Папенька, послушайте: если уже вы рѣшились погубить меня, то я найду защитника, о которомъ вы и не думаете; вы увидите, вы ужаснетесь, до чего вы меня довели.“

— Что? что? сказалъ Троекуровъ: угрозы? мнѣ угрозы? дерзкая дѣвчонка! Да знаешь ли ты, что я съ тобою сдѣлаю то, чего ты и не воображаешь? Ты смѣешь меня стращать защитникомъ! Посмотримъ, кто будетъ этотъ защитникъ.

„Владиміръ Дубровскій“, отвѣчала Маша въ отчаяніи.

Кирила Петровичъ подумалъ, что она сошла съ ума, и глядѣлъ на нее съ изумленіемъ. „Добро!“ сказалъ онъ ей, послѣ нѣкотораго молчанія: „жди себѣ, кого хочешь, въ избавители, а покамѣстъ сиди въ этой комнатѣ — ты изъ нея не выйдешь до самой свадьбы“. Съ этимъ словомъ Кирила Петровичъ вышелъ и заперъ за собою двери.

Долго плакала бѣдная дѣвушка, воображая все, что ожидало ее; но бурное объясненіе облегчило ея душу, и она спокойнѣе могла разсуждать о своей участи и о томъ, что надлежало ей дѣлать. Главное было для нея—избавиться отъ ненавистнаго брака; участь супруги разбойника казалась для нея раемъ въ сравненіи съ жребіемъ, ей уготовленнымъ. Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровскимъ. Пламенно она желала увидѣться съ нимъ наединѣ и еще разъ передъ рѣшительной минутой долго посо-

вѣтоваться. Предчувствіе сказывало ей, что вечеромъ найдетъ она Дубровскаго въ саду, близъ бесѣдки; она рѣшилась пойти ожидать его тамъ, какъ только станетъ смеркаться. Смерклось; Маша приготовилась; но дверь ея заперта на ключъ. Горничная отвѣчала ей изъ-за двери, что Кирила Петровичъ не приказалъ ее выпускать. Она была подъ арестомъ. Глубоко оскорбленная, она сѣла подъ окошко и до глубокой ночи сидѣла, не раздѣваясь, неподвижно глядя на темное небо. На разсвѣтъ она задремала; но тонкій сонъ ея былъ встревоженъ печальными видѣніями, и лучи восходящаго солнца разбудили ее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Она проснулась—и съ первою мыслию представился ей весь ужасъ ея положенія. Она позвонила, дѣвка вошла и на вопросы ея отвѣчала, что Кирила Петровичъ вечеромъ ѣздилъ въ ** и возвратился поздно; что онъ далъ строгое приказаніе не выпускать ее изъ ея комнаты и смотрѣть за тѣмъ, чтобъ никто съ нею не говорилъ; что, впрочемъ, не видно никакихъ особенныхъ приготовленій къ свадьбѣ, кромѣ того, что велѣно было попу не отлучаться изъ деревни ни подъ какимъ предлогомъ. Послѣ сихъ извѣстій дѣвка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Ея слова ожесточили молодую затворницу. Голова ея кипѣла, кровь волновалась; она рѣшилась дать знать обо всемъ Дубровскому и стала искать способа отправить кольцо въ дупло завѣтнаго дуба. Въ это время камушекъ ударился въ окно ея, стекло зазвенѣло, и Марья Кириловна взглянула на дворъ и увидала маленькаго Сашу, дѣлающаго ей знаки.

Она знала его привязанность и обрадовалась ему. Она отворила окно. „Здравствуй, Саша; зачѣмъ ты меня зовешь?“ — „Я пришелъ, сестрица, узнать отъ васъ, не надобно ли вамъ чего нибудь. Папенька сердить и запретилъ всему дому васъ слушаться; но велите мнѣ сдѣлать, что вамъ угодно, и я для васъ все сдѣлаю.“

„Спасибо, милый мой Сашенька. Слушай, ты знаешь старый дубъ съ дупломъ, что у бесѣдки?“

— Знаю, сестрица.

„Такъ если ты меня любишь, сбѣгай туда поскорѣе и положи вотъ это кольцо въ дупло; да смотри же, чтобъ никто тебя не видалъ.“

Съ этимъ словомъ она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчикъ поднялъ кольцо, во весь духъ пустился бѣжать и въ три минуты очутился у завѣтнаго дерева. Тутъ онъ остановился, задыхаясь, оглянулся во всѣ стороны и положилъ колечко. Окончивъ дѣло благополучно, хотѣлъ онъ тотъ же часъ донести о томъ Марьѣ Кириловнѣ, какъ вдругъ рыжий и полуоборванный мальчишка мелькнулъ изъ-за бесѣдки, кинулся къ дубу и запустилъ руку въ дупло. Саша быстрѣе бѣлки бросился къ нему и зацѣпился обѣими руками.

„Что ты здѣсь дѣлаешь?“ сказалъ онъ грозно.

— Тебѣ какое дѣло? отвѣчалъ мальчишка, стараясь отъ него освободиться.

„Оставь это кольцо, рыжий,“ кричалъ Саша: „или я проучу тебя по-свойски.“

Вмѣсто отвѣта, тотъ ударилъ его кулакомъ по лицу; но Саша его не выпустилъ и закричалъ во все горло: „Воры, воры! сюда, сюда!“

Мальчишка силился отъ него отдѣлаться. Онъ

былъ, повидимому, двумя годами старѣе Саши и гораздо его сильнѣе; но Саша былъ увертливѣе. Они боролись нѣсколько минутъ; наконецъ, рыжій мальчикъ одолѣлъ. Онъ повалилъ Сашу на землю и схватилъ за горло. Но въ это время сильная рука вцѣпилась въ его рыжіе и щетинистые волосы, и садовникъ Степанъ приподнял его на полъ-аршина отъ земли.

Саша успѣлъ вскочить и оправиться.

„Ты меня схватилъ подъ силки“, сказалъ онъ: „а то бы никогда меня не повалилъ. Отдай сейчасъ кольцо и убирайся.“

— Какъ не такъ, отвѣчалъ рыжій, и вдругъ, перевернувшись на одномъ мѣстѣ, освободилъ свои щетины отъ руки Степановой.

Тутъ онъ пустился было бѣжать, но Саша догналъ его, толкнулъ въ спину, и мальчикъ упалъ со всѣхъ ногъ. Садовникъ снова его схватилъ и связалъ кушакомъ.

— Отдай кольцо! кричалъ Саша.

„Погоди, баринъ,“ сказалъ Степанъ: „мы сведемъ его на расправу къ прикащику“.

Садовникъ повелъ плѣнника на барскій дворъ, а Саша его сопровождалъ, съ безпокойствомъ поглядывая на свои шаровары, разорванныя и замазанныя зеленью. Вдругъ всѣ трое очутились передъ Кирилою Петровичемъ, идущимъ осматривать свою конюшню.

„Это что?“ спросилъ онъ Степана.

Степанъ въ короткихъ словахъ описалъ все происшествіе.

Кирила Петровичъ выслушалъ его со вниманіемъ.

„Ты, повѣса“, сказалъ онъ, обратясь къ Сашѣ: „за что ты съ нимъ связался?“

— Онъ укралъ изъ дупла кольцо, папенька; прикажите отдать кольцо.

„Какое кольцо? изъ какого дупла?“

— Да мнѣ Марья Кириловна... да то кольцо...

Саша смутился, спутался. Кирила Петровичъ нахмурился и сказалъ, качая головою:

„Тутъ замѣшалась Марья Кириловна. Признавайся во всемъ, или такъ отдеру тебя розгою, что ты и своихъ не узнаешь.“

— Ей-Богу, папенька, я... папенька... Мнѣ Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька.

„Степанъ! ступай-ка, да срѣжь мнѣ хорошенькую, свѣжую березовую розгу.“

— Пойдите, папенька, я все вамъ расскажу. Я сегодня бѣгалъ по двору, а сестрица Марья Кириловна открыла окошко, и я подбѣжалъ, и сестрица ненарочно уронила кольцо, а я спряталъ его въ дупло, и... и... этотъ рыжій мальчикъ хотѣлъ кольцо украсть.

„Ненарочно уронила, ты хотѣлъ спрятать... Степанъ! ступай за розгами.“

— Папенька, погодите, я все расскажу. Сестрица Марья Кириловна велѣла мнѣ сбѣгать къ дубу и положить кольцо въ дупло; я и сбѣгалъ и положилъ кольцо, а этотъ скверный мальчикъ...

Кирила Петровичъ обратился къ скверному мальчику и спросилъ его грозно: „чей ты?“

— Я дворовый человѣкъ господъ Дубровскихъ отвѣчалъ онъ.

Лицо Кирила Петровича омрачилось.

„Ты, кажется, меня господиномъ не признаешь — добро. А что ты дѣлалъ въ моемъ саду?“

— Малину кралъ, отвѣчалъ мальчикъ съ большимъ равнодушіемъ.

„Ага? слуга въ барина; каковъ попъ, таковъ и приходъ; а малина развѣ растеть у меня на дубахъ? слыхалъ ли ты это?“

Мальчикъ ничего не отвѣчалъ.

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, сказалъ Саша.

„Молчи, Александръ!“ отвѣчалъ Кирила Петровичъ: „не забудь, что я собираюсь съ тобой раздѣлаться. Ступай въ свою комнату. Ты, косою, ты мнѣ кажешься малый не промахъ; если ты мнѣ во всемъ признаешься, такъ я тебя не выскъу, и дамъ еще пятакъ на орѣхи. Отдай кольцо и ступай.“ Мальчикъ разжалъ кулакъ и показалъ, что въ его рукѣ не было ничего. „Не то, я съ тобою сдѣлаю то, чего ты не ожидаешь. Ну!“

Мальчикъ не отвѣчалъ ни слова и стоялъ, потупя голову, принявъ на себя видъ настоящаго дурака.

„Добро!“ сказалъ Кирила Петровичъ: „запереть его куда-нибудь, да смотрѣть, чтобъ онъ не убѣжалъ, или со всего дома шкуру спущу.“

Степанъ отвелъ мальчика на голубятню, заперъ его тамъ и приставилъ смотрѣть за нимъ старую птичницу Агаею.

„Тутъ нѣтъ никакого сомнѣнія: она сохранила сношенія съ проклятымъ Дубровскимъ. Неужели и въ самомъ дѣлѣ она звала его на помощь?“ — думалъ Кирила Петровичъ, расхаживая по комнатѣ и сердито насвистывая Громъ побѣды раздавайся. „Можетъ быть, я нашелъ на его горячіе слѣды, и онъ отъ насъ не увернется. Мы воспользуемся этимъ случаемъ... Чу! колокольчикъ; слава Богу, это исправникъ. Привести сюда мальчишку пойманнаго.“

Между тѣмъ телѣжка вѣхала на дворъ, и зна-

комый намъ исправникъ вошелъ въ комнату, весь запыленный.

„Славная вѣсть!“ сказалъ Кирила Петровичъ: „я поймалъ Дубровскаго.“

— Слава Богу, ваше превосходительство! сказалъ исправникъ съ видомъ обрадованнымъ. Гдѣ же онъ?

„То есть, не Дубровскаго, а одного изъ его шайки. Сейчасъ его приведутъ. Онъ намъ пособить поймать самого атамана. Вотъ, его и привели.“

Исправникъ, ожидавшій грознаго разбойника, былъ изумленъ, увидѣвъ тринадцатилѣтняго мальчика довольно слабой наружности. Онъ съ недоумѣніемъ обратился къ Кирилѣ Петровичу и ждалъ объясненія. Кирила Петровичъ сталъ тутъ же рассказывать, не упоминая, однакожь, о Марьѣ Кириловнѣ, утреннее происшествіе.

Исправникъ выслушалъ его со вниманіемъ, по минутно взглядывая на маленькаго негодяя, который, прикинувшись дуракомъ, казалось, не обращалъ никакого вниманія на все, что дѣлалось около него.

— Позвольте, ваше превосходительство, переговорить съ вами наединѣ, сказалъ наконецъ исправникъ.

Кирила Петровичъ повелъ его въ другую комнату и заперъ за собою дверь.

Черезъ полчаса они вышли опять въ залу, гдѣ невольникъ ожидалъ рѣшенія своей участи.

— Баринъ хотѣлъ, сказалъ ему исправникъ, посадить тебя въ острогъ, выстегать плетями и сослать потомъ на поселеніе; но я вступился за тебя и выпросилъ тебѣ прощеніе. Развязать его!

Мальчика развязали.

— Благодари же барина, сказалъ исправникъ.

Мальчикъ подошелъ къ Кирилѣ Петровичу и поцѣловалъ у него руку.

„Ступай себѣ домой“, сказалъ ему Кирила Петровичъ: „да впередъ не крадь малины по дупламъ.“

Мальчикъ вышелъ, весело прыгнувъ съ крыльца и пустился бѣгомъ, не оглядываясь, черезъ поле, къ Кистеневкѣ. Добѣжавъ до деревни, онъ остановился у полуразвалившейся избушки, первой съ краю, и постучалъ въ окошко. Окошко поднялось, и старуха показалаь.

„Бабушка, хлѣба!“ сказалъ мальчикъ: „я съ утра ничего не ѣлъ, умираю съ голоду.“

— Ахъ! это ты, Митя; да гдѣ жь пропадалъ, бѣсенокъ? отвѣчала старуха.

„Послѣ расскажу, бабушка; ради Бога, хлѣба!“

— Да войди въ избу.

„Некогда, бабушка: мнѣ надо сбѣгать еще въ одно мѣсто. Хлѣба, ради Христа, хлѣба.“

— Экой непосѣдъ, проворчала старуха: на, вотъ тебѣ ломоть, — и сунула въ окно ломоть чернаго хлѣба.

Мальчикъ жадно его прикусилъ и, жуя, шагомъ отправился далѣе.

Начинало смеркаться; Митя пробирался овинами и огородами въ кистеневскую рощу. Дошедши до двухъ сосенъ, стоящихъ передовыми стражами рощи, онъ остановился, оглядѣлся во всѣ стороны, свистнулъ свистомъ пронзительнымъ и отрывисто, и сталъ слушать; легкой и продолжительный свистъ послышался ему въ отвѣтъ: кто-то вышелъ изъ рощи и приблизился къ нему.

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

Кирила Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, громче обыкновеннаго насвистывая свою пѣсню. Весь домъ былъ въ движеніи: слуги бѣгали, дѣвки суетились; въ сараѣ кучера закладывали карету. На дворѣ толпился народъ. Въ уборной барышни, передъ зеркаломъ, дама, окруженная служанками, убирала блѣдную, неподвижную Марью Кириловну; голова ея томно клонилась подъ тяжестью брилліантовъ; она слегка вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала ее, но молчала, безмысленно глядясь въ зеркало. „Скоро ли?“ раздался у дверей голосъ Кирилы Петровича. — „Сію минуту!“ отвѣчала дама. „Марья Кириловна, встаньте, посмотритесь, хорошо ли?“ Марья Кириловна встала и не отвѣчала ничего. Двери отворились. „Невѣста готова“, сказала дама Кирилѣ Петровичу: „прикажите садиться въ карету.“ — „Съ Богомъ!“ отвѣчалъ Кирила Петровичъ, и — взявъ со стола образъ — „подойди ко мнѣ, Маша“, сказалъ онъ ей тронутымъ голосомъ: „благословляю тебя...“ Бѣдная дѣвушка упала ему въ ноги и зарыдала. „Папенька... папенька...“ говорила она въ слезахъ, и голосъ ея замиралъ. Кирила Петровичъ спѣшилъ ее благословить; ее подняли и почти понесли въ карету. Съ нею сѣла посаженная мать и одна изъ служанокъ. Онѣ поѣхали въ церковь. Тамъ женихъ ужь ихъ ожидалъ. Онъ вышелъ на встрѣчу невѣсты и былъ пораженъ ея блѣдностію и страннымъ видомъ. Они вмѣстѣ вошли въ холодную, пустую церковь; за ними заперли двери. Священникъ вышелъ изъ алтаря и тотчасъ же началъ. Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала; ду-

мала объ одномъ съ самага утра: ждала Дубровскаго; надежда ни на минуту ея не покидала. Но когда священникъ обратился къ ней съ обычнымъ вопросомъ, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала. Священникъ, не дождавшись ея отвѣта, произнесъ невозвратимыя слова.

Обрядъ былъ конченъ. Она чувствовала холодный поцѣлуй немилаго супруга; она слышала льстивыя поздравленія присутствующихъ, и все еще не могла повѣрить, что жизнь ея была навѣки окована, что Дубровскій не прилетѣлъ освободить ее. Князь обратился къ ней съ ласковыми словами — она ихъ не поняла; они вышли изъ церкви; на паперти толпились крестьяне изъ Покровскаго. Взоръ ея быстро ихъ обѣжалъ и снова оказалъ прежнюю безчувственность. Молодые сѣли вмѣстѣ въ карету и поѣхали въ **, куда уже Кирила Петровичъ отправился прежде, дабы встрѣтить тамъ молодыхъ. Наединѣ съ молодою женой князь нимало не былъ смущенъ ея холоднымъ видомъ. Онъ не сталъ докучать ей приторными изъясненіями и смѣшными восторгами; слова его были просты и не требовали отвѣтовъ. Такимъ образомъ проѣхали они около десяти верстъ; лошади неслись быстро по кочкамъ проселочной дороги, и карета почти не качалась на своихъ англійскихъ рессорахъ. Вдругъ раздались крики погони; карета остановилась, и толпа вооруженныхъ людей окружила ее. Человѣкъ, въ полумаскѣ, отворилъ дверцы со стороны, гдѣ сидѣла молодая княгиня, и сказалъ ей: „Вы свободны! выходите.“ — „Что это значитъ?“ закричалъ князь: „кто ты таковъ?..“ — „Это Дубровскій,“ отвѣчала княгиня. Князь, не теряя присутствія духа, вынулъ изъ бокового кармана дорожный пистолетъ и выстрѣлилъ въ маскированнаго разбойника. Кня-

гиня вскрикнула и съ ужасомъ закрыла лицо обѣими руками. Дубровскій былъ раненъ въ плечо; кровь полилась. Князь, не теряя ни минуты, вынулъ другой пистолеть. Но ему не дали времени выстрѣлить; дверцы растворились, и нѣсколько сильныхъ рукъ вытащили его изъ кареты и выхватили у него пистолеть. Надъ нимъ засверкали ножи. „Не трогать его!“ закричалъ Дубровскій, и мрачные его сообщники отступили. „Вы свободны!“ продолжалъ Дубровскій, обращаясь къ блѣдной княгинѣ. — „Нѣтъ!“ отвѣчала она: „поздно! я обвѣнчана, я жена князя Верейскаго.“ — „Что вы говорите!“ закричалъ съ отчаяніемъ Дубровскій: „нѣтъ! вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...“ — „Я согласилась, я дала клятву“, возразила она съ твердостью. „Князь — мой мужъ, прикажите освободить его и оставьте меня съ нимъ. Я не обманывала, я ждала васъ до послѣдней минуты... но теперь, говорю вамъ, теперь поздно. Пустите насъ.“ Но Дубровскій уже ея не слышалъ; боль раны и сильныя волненія души лишили его силы. Онъ упалъ у колеса; разбойники окружили его. Онъ успѣлъ сказать имъ нѣсколько словъ; они посадили его верхомъ, двое изъ нихъ его поддерживали, третій взялъ лошадь подъ устцы, и всѣ поѣхали въ сторону, оставя карету посреди дороги, людей связанныхъ, лошадей отпряженныхъ, но не разграбя ничего и не проливъ ни единой капли крови въ отмщеніе за кровь своего атамана.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Посреди дремучаго лѣса, на узкой лужайкѣ, возвышалось маленькое земляное укрѣпленіе, состоящее изъ вала и рва, за коими находилось нѣсколько ша-

лашей и землянокъ. На дворѣ множество людей, коихъ по разнообразію одежды и по общему вооруженію можно было тотчасъ признать за разбойниковъ, обѣдало, сидя безъ шапокъ, около братскаго котла. На валу, подлѣ маленькой пушки, сидѣлъ караульный, поджавъ подъ себя ноги. Онъ вставлялъ заплатку въ нѣкоторую часть своей одежды, владѣя иголкою съ искусствомъ, обличающимъ опытнаго портного, и поминутно посматривалъ на всѣ стороны.

Хотя нѣкоторый ковшикъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, странное молчаніе царствовало въ сей толпѣ; разбойники отобѣдали; одинъ послѣ другого вставалъ и молился Богу; нѣкоторые разошлись по шалашамъ, а другіе разбрелись по лѣсу или прилегли соснуть, по русскому обыкновенію.

Караульщикъ кончилъ свою работу, отряхнулъ свою рухлядь, полюбовался заплатою, приколотъ къ рукаву иголку, сѣлъ на пушку верхомъ и запѣлъ во все горло меланхолическую старинную пѣсню:

Не шуми ты, мать зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, молодцу, думу думати.

Въ это время дверь одного изъ шалашей отворилась, и старуха въ бѣломъ чепцѣ, опрятно и чопорно одѣтая, показалась у порога. „Полно тебѣ, Степка“, сказала она сердито: „баринъ почиваетъ, а ты, знай, горланишь; нѣтъ у васъ ни совѣсти, ни жалости.“ — „Виновать, Петровна“, отвѣчалъ Степка: „ладно, больше не буду, пусть онъ себѣ, батюшка, почиваетъ да выздоравливаетъ.“ Старушка ушла, а Степка сталъ расхаживать по валу.

Въ шалашѣ, изъ котораго вышла старуха, за перегородкой, раненый Дубровскій лежалъ на походной кровати. Передъ нимъ, на столикѣ, лежали его писто-

леты, а сабля висѣла въ головахъ. Землянка устлана и обвѣшана была богатыми коврами; въ углу находился женскій серебряный туалетъ и трюмо. Дубровскій держалъ въ рукѣ открытую книгу, но глаза его были закрыты. И старушка, поглядывающая изъ-за перегородки, не могла знать, заснулъ ли онъ, или только задумался.

Вдругъ Дубровскій вздрогнулъ. Въ укрѣпленіи сдѣлалась тревога, и Степка просунулъ къ нему голову въ окошко. „Батюшка, Владиміръ Андреевичъ!“ закричалъ онъ: „наши знакъ подають: насъ ищуть.“ Дубровскій вскочилъ съ кровати, схватилъ оружіе и вышелъ изъ шалаша. Разбойники съ шумомъ толпились на дворѣ; при его появленіи настало глубокое молчаніе. „Всѣ ли здѣсь?“ спросилъ Дубровскій. — „Всѣ, кромѣ дозорныхъ“, отвѣчали. — „По мѣстамъ!“ закричалъ Дубровскій, и разбойники заняли каждый опредѣленное мѣсто. Въ сіе время трое дозорныхъ прибѣжали къ воротамъ. Дубровскій пошелъ къ нимъ на встрѣчу. „Что такое?“ спросилъ онъ. — „Солдаты въ лѣсу“, отвѣчали они: „насъ окружають.“ Дубровскій велѣлъ запереть ворота и самъ пошелъ освидѣтельствовать пушку. По лѣсу раздалось нѣсколько голосовъ, и стали приближаться. Разбойники ожидали въ безмолвіи. Вдругъ три или четыре солдата показались изъ лѣсу и тотчасъ подались назадъ, выстрѣлами давъ знать товарищамъ. „Готовиться къ бою!“ сказалъ Дубровскій, и между разбойниками сдѣлался шорохъ; снова все утихло. Тогда услышали шумъ приближающейся команды; оружія блеснули между деревьями; человекъ полтора солдатъ высыпало изъ лѣсу и съ крикомъ устремились на валъ. Дубровскій приставилъ фитиль: выстрѣлъ былъ удаченъ — одному ото-

рвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятеніе; но офицеръ бросился впередъ, солдаты за нимъ послѣдовали и сбѣжали въ ровъ. Разбойники выстрѣлили въ нихъ изъ ружей и пистолетовъ и стали съ топорами въ рукахъ защищать валъ, на который лѣзли остервенѣлые солдаты, оставя во рву человекъ двадцать раненыхъ товарищей. Рукопашный бой завязался. Солдаты уже были на валу, разбойники начали уступать; но Дубровскій подошелъ къ офицеру, приставилъ ему пистолетъ къ груди и выстрѣлилъ. Офицеръ грянулся навзничъ, нѣсколько солдатъ подхватили его на руки и спѣшили унести въ лѣсъ; прочіе, лишась начальника, остановились. Ободренные разбойники воспользовались сею минутою недоумѣнія, смяли ихъ, стѣснили въ ровъ; осаждающіе побѣжали; разбойники съ крикомъ устремились за ними. Побѣда была рѣшена. Дубровскій, полагаясь на совершенное разстройство непріятеля, оставилъ своихъ и заперся въ крѣпости, удвоилъ караулы и никому не велѣлъ отлучаться, приказавъ подобрать раненыхъ.

Послѣднія происшествія обратили уже не на шутку вниманіе правительства на дерзновенные разбои Дубровскаго. Собраны были свѣдѣнія о его мѣстопребываніи. Отправлена была рота солдатъ, дабы взять его, мертваго или живого. Поймали нѣсколько человекъ изъ его шайки и узнали отъ нихъ, что уже Дубровскаго между ними не было. Нѣсколько дней послѣ онъ собралъ всѣхъ своихъ сообщниковъ, объявилъ имъ, что намѣренъ навсегда ихъ оставить, совѣтовалъ и имъ перемѣнить образъ жизни. „Вы разбогатѣли подъ моимъ начальствомъ, каждый изъ васъ имѣетъ видъ, съ которымъ безопасно можетъ пробраться въ какую-нибудь отдален-

ную губернію и тамъ провести остальную жизнь въ честныхъ трудахъ и въ изобиліи. Но вы всѣ мошенники и, вѣроятно, не захотите оставить ваше ремесло“. Послѣ сей рѣчи онъ оставилъ ихъ, взявъ съ собою одного ***. Никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Сначала сумнѣвались въ истинѣ сихъ показаній — приверженность разбойниковъ къ атаману была извѣстна: полагали, что они старались о его спасеніи; но послѣдствія ихъ оправдали. Грозныя посѣщенія, пожары и грабежи прекратились; дороги стали свободны. По другимъ извѣстіямъ узнали, что Дубровскій скрылся за границу.

6 февраля.



VI.

Капитанская дочка.

Повѣсть.

(1833 — 1834).

Береги честь смолоду
Пословица.

Повѣсть эта, написанная одновременно съ „Исторіей Пугачевского бунта“, какъ результатъ занятій Пушкина по составленію этой Исторіи, была напечатана въ послѣдней вышедшей при жизни поэта книгѣ „Современника“ (т. IV, 1836). Имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти— историческія, хотя и даны произвольно: фамилію Гринева носилъ одинъ подполковникъ, принимавшій участіе, подъ начальствомъ Мансурова, въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева; другой Гриневъ, отставной подпоручикъ, подозрѣвался въ сношеніяхъ съ самозванцемъ и взятъ былъ подъ карауль, но по сентенціи 1775 г. признанъ былъ невиннымъ и освобожденъ. Швабринъ въ первоначальныхъ наброскахъ повѣсти носилъ имя Шванвича: по сентенціи 1775 г. подпоручикъ Михаилъ Шванвичъ, „за учиненное имъ преступленіе, что онъ, будучи въ толпѣ злодѣйской, забывъ долгъ присяги, слѣпо повиновался самозванцовымъ приказамъ, предпочитая гнусную жизнь честной смерти“, приговоренъ былъ къ ошельмованію и лишенію чиновъ и дворянства. Главное дѣйствующее лицо повѣсти названо было первоначально Башаринымъ, — по фамиліи коменданта Ильинской крѣпости, помилованнаго Пугачевымъ по просьбѣ солдатъ, а затѣмъ — Буланинымъ.

Въ бумагахъ Пушкина (Моск. Муз. № 2374, л. 4 об. — 5, и № 2375, л. 32) сохранилось три отрывка первоначальной программы повѣсти:

I.

Башаринъ отцомъ своимъ привезенъ въ Петербургъ и записанъ въ гвардію; за шалость посланъ въ гарнизонъ, пощаженъ Пугачевымъ при взятіи крѣпости, произведенъ имъ въ капитаны и отряженъ съ отдѣльной партіей въ Симбирскъ, подъ начальствомъ одного изъ полковниковъ Пугачева. Онъ спасаетъ отца своего, который его не узнаетъ. Является къ Михельсону, который принимаетъ его къ себѣ; отличается противъ Пугачева; принятъ опять въ гвардію, является къ отцу въ Москву, идетъ съ нимъ къ Пугачеву.

Старый комендантъ отправляетъ свою дочь въ ближнюю крѣпость.

Пугачевъ, взявъ одну, подступаетъ къ другой. Башаринъ первый на приступъ. Требуешь въ награду...

II.

Шванвичъ за буйство сосланъ въ гарнизонъ. Степная крѣпость. Подступаетъ Пугачевъ. Шванвичъ передаетъ ему крѣпость. Взятіе крѣпости. Шванвичъ дѣлается сообщникомъ Пугачева. Ведетъ свое отдѣленіе въ Нижній. Спасаетъ сосѣда отца своего. Чика между тѣмъ чуть было не повѣсилъ стараго Шванвича. Шванвичъ привозитъ сына въ Петербургъ. Орловъ выпрашиваетъ ему прощенье. — 31 января 1833.

III.

Башаринъ дорогой, во время бурана, спасаетъ башкирца, Башкирецъ спасаетъ его по взятіи крѣпости. Пугачевъ щадитъ его, сказавъ башкирцу: „Ты своею головою отвѣчаешь за него.“ Башкирецъ убить, etc.

Кромѣ того, въ рук. Муз. № 2385 В (л. 16) находимъ отрывокъ, представляющій начальныя строки предисловія, которое Пушкинъ хотѣлъ предпослать своей повѣсти:

„Анекдотъ, служившій основаніемъ повѣсти, нами издаваемой, извѣстенъ въ Оренбургскомъ краѣ. Читателю легко будетъ распознать нить истиннаго происшествія, проведенную сквозь вымыслы романтическіе, а для насъ это было бы излишнимъ трудомъ. Мы рѣшились напечатать сіе предисловіе съ совсѣмъ другимъ намѣреніемъ.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ нашихъ альманаховъ напечатанъ былъ...“

Повѣсть была окончена, вѣроятно, въ 1834 г. (поступившая въ Имп. П. Б-ку изъ бумагъ Краевского 1-я глава переписана набѣло на бумагѣ съ клеймомъ 1834 г.), но затѣмъ еще передѣлывалась и исправлялась. Въ сохранившемся наброскѣ послѣловія, помѣченномъ: „23 іюня“ (1836?), Гриневъ названъ еще „Буланинымъ“ (И. П. Б-ка). Изъ письма къ Пушкину цензора П. А. Корсакова (Шляпк., 279) видно, что „Капитанская Дочка“ представлена была въ цензуру 27 сент. 1836 г. еще не въ полномъ видѣ („нетерпѣливо жду послѣ-

дующихъ главъ“, пишетъ К.). Въ другомъ письмѣ, отъ 18 октября (тамъ же, 291), К. увѣдомлялъ автора повѣсти, что прочелъ всю рукопись и не нашелъ въ ней ничего предосудительнаго, но просилъ, все-таки, сообщить: „существовала ли дѣвица Миронова и дѣйствительно ли была у покойной императрицы?“ Объясняя этотъ вопросъ, цензоръ говоритъ: „У васъ выведена на сцену, хотя и самымъ приличнымъ образомъ, великая Екатерина; и потому прежде возвращенія вамъ оригинала я долженъ о томъ доложить моему начальнику, по порядку, у насъ существующему. Но доклада этого вамъ опасаться не надо: онъ — необходимая проформа, отъ которой я отступить не имѣю права.“ Намъ неизвѣстно, что отвѣчалъ Пушкинъ на этотъ запросъ; но цензурнымъ измѣненіямъ подверглось только 5 — 6 фразъ (см. примѣчанія, №№ 1, 26, 28, 57, 61, 85). Кн. Вяземскій 2 ноября 1836 г. писалъ А. И. Тургеневу: „Пушкинъ читалъ у меня новый романъ „Кап. Дочь“, повѣсть изъ временъ пугачевщины. Много интереса, движенія и простоты. Онъ будетъ весь напечатанъ въ 4-мъ Современникѣ“ (Ост. Арх., III, 347). По выходѣ этой книги кн. Вл. Ѳ. Одоевскій написалъ Пушкину письмо, въ которомъ высказалъ свои впечатлѣнія. „Кап. Дочь я читалъ два раза сряду“, говоритъ онъ (Рус. Арх. 1864, стр. 817), „и буду писать о ней особо въ Литер. Прибавленіяхъ. Complimentsъ вамъ въ лицо дѣлать не буду, — вы знаете все, что я объ васъ думаю и къ вамъ чувствую; но вотъ критика не въ художественномъ, но въ читательномъ отношеніи. Пугачевъ слишкомъ скоро, послѣ того, какъ о немъ въ первый разъ говорится, нападаетъ на крѣпость: увеличеніе слуховъ не довольно растянуто: читатель не имѣетъ времени побояться за жителей Бѣлгородской крѣпости, когда она уже взята. Семейство Гринева хотѣлось бы видѣть еще разъ послѣ всей передраги: хочется знать, что скажетъ Гриневъ, увидя Машу съ Савельичемъ. Савельичъ — чудо! Это лицо самое трагическое, т. е. котораго больше всѣхъ жаль въ повѣсти. Пугачевъ чудесенъ, онъ нарисованъ мастерски. Швабринъ набросанъ прекрасно, но только набросанъ; для зубовъ читателя трудно пережевать его переходъ изъ гвардіи офицера въ сообщники Пугачева. По выраженію Юсіфа Прекраснаго *). Швабринъ слишкомъ уменъ и тонокъ,

*) Осипъ Ив. Сенковскій.

чтобы повѣрить возможности успѣха Пугачева, и не довольно страстенъ, чтобъ изъ любви къ Машѣ рѣшиться на такое дѣло. Маша такъ долго въ его власти, а онъ не пользуется этими минутами. Покамѣстъ Швабринъ для меня имѣеть много нравственно - чудеснаго; можетъ быть, какъ прочту въ третій разъ, лучше пойму. О подробностяхъ не говорю, объ интересѣ — тоже: я не могъ ни на минуту оставить книги, читая ее даже не какъ художникъ, но стараясь быть просто читателемъ, добравшимся до повѣсти.“ Плетневъ писалъ въ 1838 г., что Пушкинъ въ этой повѣсти „достигъ высочайшаго совершенства, — простоты самой природы“; Бѣлинскій назвалъ „Капитанскую Дочку“ — Онѣгинымъ въ прозѣ и замѣтилъ, что „многія картины, по вѣрности, истинѣ содержанія и мастерству изложенія, — чудо совершенства.“

Лучшимъ комментариемъ къ этой повѣсти служить „Исторія Пугачевского бунта“, гдѣ изложены событія, бытовую сторону которыхъ Пушкинъ изобразилъ въ „Капит. Дочкѣ“. А. Д. Галаховъ, въ статьѣ: „О подражательности нашихъ первоклассныхъ поэтовъ“ (Рус. Стар. 1888, т. 57, стр. 27 - 30), указалъ на сходство положенія Марьи Ивановны съ героиней „Эдинбургской темницы“ Вальтеръ-Скотта, Дженни, которая пѣшкомъ пришла въ Лондонъ, чтобы просить герцога Аргайля ходатайствовать о помилованіи ея сестры, приговоренной къ смертной казни за дѣтубійство. Но если ужъ говорить о заимствованіи Пушкинымъ мотива для послѣдней главы своей повѣсти, то ближе было бы указать, во-первыхъ, на тотъ „анекдотъ, извѣстный въ Оренбургскомъ краѣ“, о которомъ самъ поэтъ упоминаетъ какъ о своемъ источникѣ, а во-вторыхъ — на извѣстный разсказъ Ксавье де-Местра „Молодая Сибирячка“, передѣланный Полевымъ въ драму „Параша Сибирячка“.

Спеціальная работа о повѣсти Пушкина принадлежитъ Н. И. Черняеву: „Капит. Дочка Пушкина, историко-критическій этюдъ“ (оттискъ изъ „Рус. Обзорнія“ 1897), М. 1897.

„Капитанская Дочка“ находится въ рук. Моск. Муз. № 2381, — безъ первой главы, которая оказалась въ бумагахъ Краевского и передана теперь въ Имп. Публ. Б-ку вмѣстѣ съ небольшимъ листкомъ, заключающимъ въ себѣ первоначальную редакцію послѣсловія. Въ музейной рукописи отыскалось и окончаніе XIII главы, отброшенное Пуш-

кинымъ при послѣдней отдѣлкѣ повѣсти. Оно было впервые напечатано (не совсѣмъ точно) въ Рус. Архивѣ 1880, III и затѣмъ, въ исправленномъ видѣ, перепечатано въ изд. Лит. Фонда, IV, 275. Въ этомъ черновомъ отрывкѣ Гриневъ названъ Буланинымъ, а имя Гринева дано тому гусарскому полковнику, который при окончательной отдѣлкѣ повѣсти названъ Зуринымъ. Мы печатаемъ этотъ отрывокъ вслѣдъ за повѣстью, какъ дополненіе къ гл. XIII, и называемъ дѣйствующихъ лицъ тѣми именами, какія даны имъ въ послѣдней редакціи повѣсти.

Текстъ „Капитанской Дочки“ въ настоящемъ изданіи свѣренъ съ рукописью, изъ которой внесены на свои мѣста цензурные пропуски, а въ примѣчаніяхъ даны варианты.

Г Л А В А I.

Сержантъ гвардіи.

Былъ бы гвардіи онъ завтра жь
капитанъ.

„Того не надобно: пусть въ арміи
послужитъ.“

Изрядно сказано! Пускай его
потужитъ...

.....
Да кто его отецъ?

Княжнинъ.

Отецъ мой, Андрей Петровичъ Гриневъ, въ молодости своей служилъ при графѣ Минихѣ, и вышелъ въ отставку премьеръ-маіоромъ въ 17.. году. Съ тѣхъ поръ жилъ онъ въ своей симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвицѣ Авдотѣ Васильевнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина. Насъ было девять человѣкъ дѣтей. Всѣ мои братья и сестры умерли во младенчествѣ. Матушка была еще мною брюхата, какъ уже я былъ записанъ въ семеновскій полкъ сержантомъ, по милости маіора гвардіи князя Б., близкаго нашего родственника. Если бы, паче всякаго чаянія, матушка родила дочь, то батюшка объявилъ бы, куда слѣдовало, о смерти неявившагося сержанта, и дѣло тѣмъ бы и кончилось ¹. Я считался въ отпуску до окончанія наукъ. Въ то время воспитывались мы не по нонѣшнему. Съ пятилѣтняго возраста отданъ я былъ на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведеніе пожалованному мнѣ въ дядьки. Подъ его надзоромъ, на двѣнадцатомъ году, выучился я рус-

ской грамотѣ, и могъ очень здраво судить о свойствахъ борзого кобеля. Въ это время батюшка нанялъ для меня француза, мосье Бопре, котораго написали изъ Москвы вмѣстѣ съ годовымъ запасомъ вина и прованскаго масла. Приѣздъ его сильно не понравился Савельичу.

„Слава Богу“, ворчалъ онъ про себя: „кажется, дитя умытъ, причесанъ, накормленъ. Куда какъ нужно тратить лишнія деньги и нанимать мусье, какъ будто и своихъ людей не стало!“

Бопре въ отечествѣ своемъ былъ парикмахеромъ, потомъ въ Пруссіи солдатомъ, потомъ приѣхалъ въ Россію pour être outchitel, не очень понимая значеніе этого слова. Онъ былъ добрый малый, но вѣтренъ и безпутенъ до крайности. Главною его слабостію была страсть къ прекрасному полу; нерѣдко за свои нѣжности получалъ онъ толчки, отъ которыхъ охалъ по цѣлымъ суткамъ. Къ тому же не былъ онъ (по его выраженію) и врагомъ бутылки, т. е. (говоря по-русски) любилъ хлебнуть лишнее. Но какъ вино подавалось у насъ только за обѣдомъ, и то по рюмочкѣ, причемъ учителя обыкновенно и обносили, то мой Бопре очень скоро привыкъ къ русской настойкѣ, и даже сталъ предпочитать ее винамъ своего отечества, какъ не въ примѣръ болѣе полезную для желудка. Мы тотчасъ поладили, и хотя по контракту обязанъ онъ былъ учить меня по-французски, по-нѣмецки и всѣмъ наукамъ, но онъ предпочелъ наскоро выучиться отъ меня кое-какъ болтать по-русски, и потомъ каждый изъ насъ занимался уже своимъ дѣломъ. Мы жили душа въ душу. Другого ментора я и не желалъ. Но вскорѣ судьба насъ разлучила, и вотъ по какому случаю.

Прачка Палашка, толстая и рябая дѣвка, и кривая

коровница Акулька какъ-то согласились въ одно время кинуться матушкѣ въ ноги, винясь въ преступной слабости и съ плачемъ жалуясь на мусье, обольстившаго ихъ неопытность. Матушка шутить этимъ не любила и пожаловалась батюшкѣ. У него расправа была коротка. Онъ тотчасъ потребовалъ каналью француза. Доложили, что мусье давалъ мнѣ свой урокъ. Батюшка пошелъ въ мою комнату. Въ это время Бопре спалъ на кровати сномъ невинности. Я былъ занятъ дѣломъ. Надобно знать, что для меня выписана была изъ Москвы географическая карта. Она висѣла на стѣнѣ безъ всякаго употребленія, и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я рѣшился сдѣлать изъ нея змѣй и, пользуясь сномъ Бопре, принялся за работу. Батюшка вошелъ въ то самое время, какъ я прилаживалъ мочальный хвостъ къ мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражненія въ географіи, батюшка дернулъ меня раза три за ухо, потомъ подбѣжалъ къ Бопре, разбудилъ его очень неосторожно, и сталъ осыпать укоризнами. Бопре въ смятеніи хотѣлъ было встать и не могъ: несчастный французъ былъ мертво пьянъ. Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ. Батюшка за воротъ приподнялъ его съ кровати, вытолкалъ изъ дверей и въ тотъ же день прогналъ со двора, къ неописанной радости Савельича. Тѣмъ и кончилось мое воспитаніе.

Я жилъ недорослемъ, гоняя голубей и играя въ чехарду съ дворовыми мальчишками. Между тѣмъ минуло мнѣ шестнадцать лѣтъ. Тутъ судьба моя переѣнилась.

Однажды, осенью, матушка варила въ гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрѣлъ на кипучія пѣнки. Батюшка у окна читалъ „Придворный Календарь“, ежегодно имъ получаемый. Эта книга

имѣла всегда сильное на него вліяніе: никогда не перечитывалъ онъ ея безъ особеннаго участія, и чтеніе это производило въ немъ всегда удивительное волненіе желчи. Матушка, знавшая наизусть всѣ его свѣчи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу какъ можно подалѣе, и такимъ образомъ „Придворный Календарь“ не попадался ему на глаза иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. За то, когда онъ случайно его находилъ, то, бывало, по цѣлымъ часамъ не выпускалъ ужь изъ своихъ рукъ. Итакъ, батюшка читалъ „Придворный Календарь“, изрѣдка пожимая плечами и повторяя вполголоса: „Генераль-поручикъ!.. Онъ у меня въ ротѣ былъ сержантомъ!.. Обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеръ!.. А давно ли мы?..“ Наконецъ, батюшка швырнулъ „Календарь“ на диванъ и погрузился въ задумчивость, не предвѣщавшую ничего добраго.

Вдругъ онъ обратился къ матушкѣ: „Авдотья Васильевна, а сколько лѣтъ Петрушѣ?“

— Да вотъ, пошелъ семнадцатый годокъ, отвѣчала матушка. Петруша родился въ тотъ самый годъ, какъ окривѣла тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще...

„Добро“, прервалъ батюшка: „пора его въ службу. Полно ему бѣгать по двѣвичьимъ да лазить на голубятни“.

Мысль о скорой разлукѣ со мною такъ поразила матушку, что она уронила ложку въ кострюльку, и слезы потекли по ея лицу. Напротивъ того, трудно описать мое восхищеніе. Мысль о службѣ сливалась во мнѣ съ мыслями о свободѣ, объ удовольствіяхъ петербургской жизни. Я воображалъ себя офицеромъ гвардіи, что, по мнѣнію моему, было верхомъ благополучія человѣческаго.

Батюшка не любилъ ни перемѣнять своихъ намѣреній², ни откладывать ихъ исполненіе. День отъѣзду моему былъ назначенъ. Наканунѣ батюшка объявилъ, что намѣренъ писать со мною къ будущему моему начальнику, и потребовалъ пера и бумаги.

„Не забудь, Андрей Петровичъ“, сказала матушка, — „поклониться и отъ меня князю Б. я-дескать надѣюсь, что онъ не оставитъ Петрушу своими милостями“.

— Что за вздоръ! отвѣчалъ батюшка, нахмуясь. Къ какой стати стану я писать къ князю Б.?

„Да вѣдь ты сказалъ, что изволишь писать къ начальнику Петруши“.

— Ну, а тамъ что?

„Да вѣдь начальникъ Петрушинъ князь Б. Вѣдь Петруша записанъ въ семеновскій полкъ“.

— Записанъ! А мнѣ какое дѣло, что онъ записанъ? Петруша въ Петербургъ не поѣдетъ. Чему научится онъ, служа въ Петербургѣ? Мотать да повѣсничать? Нѣтъ, пускай онъ послужитъ въ арміи, да потянетъ лямку, да понюхаетъ пороху, да будетъ солдатъ, а не шаматонъ. Записанъ въ гвардіи! Гдѣ его паспортъ? ³ Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспортъ, хранившійся въ ея шкатулкѣ вмѣстѣ съ сорочкою, въ которой меня крестили, и вручила его батюшкѣ дрожащею рукою. Батюшка прочелъ его со вниманіемъ, положилъ передъ собою на столъ и началъ свое письмо.

Любопытство меня мучило. Куда жь отправляютъ меня, если ужь не въ Петербургъ? Я не сводилъ глазъ съ пера батюшки, которое двигалось довольно медленно. Наконецъ, онъ кончилъ, запечаталъ письмо въ одномъ пакетѣ съ паспортомъ, снялъ очки и, подозвавъ меня, сказалъ: „Вотъ тебѣ письмо

къ Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты ѣдешь въ Оренбургъ, служить подъ его начальствомъ“.

Итакъ, всѣ мои блестящія надежды рушились! Въмѣсто веселой петербургской жизни ожидала меня скука въ сторонѣ глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думалъ я съ такимъ восторгомъ, показалась мнѣ тяжкимъ несчастіемъ. Но спорить было нечего! На другой день поутру подвезена была къ крыльцу дорожная кибитка; уложили въ нее чемоданъ, погребецъ съ чайнымъ приборомъ и узлы съ булками и пирогами, послѣдними знаками домашняго баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказалъ мнѣ: „Прощай, Петръ. Служи вѣрно, кому присягнешь; слушайся начальниковъ; за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду“. Матушка въ слезахъ наказывала мнѣ беречь мое здоровье, а Савельичу — смотрѣть за дитятей. Надѣли на меня заячій тулупъ, а сверху лисью шубу. Я сѣлъ въ кибитку съ Савельичемъ и отправился въ дорогу, обливаясь слезами.

За ту же ночь пріѣхалъ я въ Симбирскъ, гдѣ долженъ былъ пробыть сутки для покупки нужныхъ вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился въ трактирѣ. Савельичъ съ утра отправился по лавкамъ. Соскучась ⁴ глядѣть изъ окна на грязный переулокъ, я пошелъ бродить по всѣмъ комнатамъ. Вошедъ въ билліардную, увидѣлъ я высокаго барина, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными черными усами, въ халатѣ, съ кіемъ въ рукѣ и съ трубкой въ зубахъ. Онъ игралъ съ маркеромъ, который при выигрышѣ выпивалъ рюмку водки, а при проигрышѣ

долженъ былъ лѣзть подъ билліардъ на четверенькахъ⁵. Я сталъ смотрѣть на ихъ игру. Чѣмъ долѣ она продолжалась, тѣмъ прогулки на четверенькахъ становились чаще, пока наконецъ маркеръ остался подъ билліардомъ. Баринъ произнесъ надъ нимъ нѣсколько сильныхъ выраженій въ видѣ надгробнаго слова, и предложилъ мнѣ сыграть партію. Я отказался по неумѣнію. Это показалось ему, повидимому, страннымъ. Онъ поглядѣлъ на меня какъ бы съ сожалѣніемъ; однако мы разговорились. Я узналъ, что его зовутъ Иваномъ Ивановичемъ Зуринымъ, что онъ ротмистръ ** гусарскаго полка и находится въ Симбирскѣ при приѣмѣ рекрутъ, а стоитъ въ трактирѣ. Зуринъ пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ вмѣстѣ, чѣмъ Богъ послалъ, по-солдатски. Я съ охотою согласился. Мы сѣли за столъ. Зуринъ пилъ много и подчивалъ и меня, говоря, что надобно привыкать къ службѣ; онъ рассказывалъ мнѣ армейскіе анекдоты, отъ которыхъ я со смѣху чуть не валялся, и мы встали изъ-за стола совершенными пріятелями. Тутъ вызвался онъ выучить меня играть на билліардѣ. „Это“, говорилъ онъ, „необходимо для нашего брата служиваго. Въ походѣ, напримѣръ, придешь въ мѣстечко; чѣмъ прикажешь заняться? Вѣдь не все же бить жидовъ. Поневолѣ пойдешь въ трактиръ и станешь играть на билліардѣ; а для того надобно умѣть играть!“ Я совершенно былъ убѣжденъ, и съ большимъ прилежаніемъ принялся за ученіе. Зуринъ громко ободрялъ меня, дивился моимъ быстрымъ успѣхамъ, и послѣ нѣсколькихъ уроковъ предложилъ⁶ играть въ деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а такъ, чтобъ только не играть даромъ, что, по его словамъ, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зуринъ велѣлъ подать пуншу и

уговорилъ меня попробовать, повторяя, что къ службѣ надобно привыкать; а безъ пуншу что и служба! Я послушался его. Между тѣмъ игра наша продолжалась. Чѣмъ чаще прихлебывалъ я изъ ⁷ моего стакана, тѣмъ становился отважнѣе. Шары поминутно летали у меня черезъ бортъ; я горячился, бранилъ маркера, который считалъ Богъ вѣдаетъ какъ, часъ отъ часу умножалъ игру — словомъ, велъ себя какъ мальчишка, вырвавшійся на волю. Между тѣмъ время прошло незамѣтно. Зуринъ взглянулъ на часы, положилъ кій и объявилъ мнѣ, что я проигралъ сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я сталъ извиняться. Зуринъ меня прервалъ: „Помилуй! Не изволь и безпокоиться. Я могу и подождать; а покамѣстъ поѣдемъ къ Аринушкѣ“.

Что прикажете? День я кончилъ такъ же безпутно, какъ и началъ. Мы отужинали у Аринушки. Зуринъ поминутно мнѣ подливалъ, повторяя, что надобно къ службѣ привыкать. Вставъ изъ-за стола, я чуть держался на ногахъ; въ полночь Зуринъ отвезъ меня въ трактиръ.

Савельичъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ. Онъ ахнулъ, увидя несомнѣнные признаки моего усердія къ службѣ.

„Что это, сударь, съ тобою сдѣлалось?“ сказалъ онъ жалкимъ голосомъ. „Гдѣ ты это нагрузился? Ахти, Господи! отроду такого грѣха не бывало!“

— Молчи, хрычъ! отвѣчалъ я ему, запинаясь; ты вѣрно пьянъ; пошелъ спать... и уложи меня.

На другой день я проснулся съ головою болью, смутно припоминая себѣ вчерашнія происшествія. Размысленія мои прерваны были Савельичемъ, вошедшимъ ко мнѣ съ чашкою чаю. „Рано, Петръ Анд-

реичъ“, — сказалъ онъ мнѣ, качая головою, — „рано начинаешь гулять. И въ кого ты пошелъ? Кажется, ни батюшка, ни дѣдушка пьяницами не бывали; о матушкѣ и говорить нечего: отроду, кромѣ квасу, въ ротъ ничего не изволила брать. А кто всему виноватъ? Проклятый мусье. То и дѣло, бывало, къ Антипьевнѣ забѣжить: „Мадамъ, же ву при, водкю.“ Вотъ тебѣ и же ву при! Нечего сказать: добру наставиль, собачій сынъ. И нужно было нанимать въ дядьки басурмана! какъ будто у барина не стало и своихъ людей!“

Мнѣ было стыдно. Я отвернулся и сказалъ ему. „Поди вонъ, Савельичъ; я чаю не хочу.“ Но Савельича мудро было унять, когда, бывало, примется за проповѣдь. „Вотъ, видишь ли, Петръ Андреичъ, каково подгуливать. И головкѣ-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человѣкъ пьющій ни на что негодень... Выпей-ка огуречнаго разсолу съ медомъ, а всего бы лучше опохмѣлиться полстаканчикомъ настойки. Не прикажешь ли?“

Въ это время вошелъ мальчикъ и подалъ мнѣ записку отъ И. И. Зурина. Я развернулъ ее и прочелъ слѣдующія строки:

„Любезный Петръ Андреевичъ, пожалуйста, пришли мнѣ съ моимъ мальчикомъ сто рублей которые ты мнѣ вчера проигралъ. Мнѣ крайняя нужда въ деньгахъ.

Готовый ко услугамъ.

Иванъ Зуринъ.“

Дѣлать было нечего. Я взялъ на себя видъ равнодушный и, обратясь къ Савеличу, который былъ и денегъ, и бѣлья, и дѣлъ моихъ рачитель, приказалъ отдать мальчику сто рублей.

„Какъ! зачѣмъ?“ спросилъ изумленный Савельичъ.

— Я ихъ ему долженъ, отвѣчалъ я со всевозможною холодностію.

„Долженъ!“ возразилъ Савельичъ, часть отъ часу приходя въ большее изумленіе: „да когда же, сударь, успѣлъ ты ему задолжать? Дѣло что-то не ладно. Воля твоя, сударь, а денегъ я не выдамъ.“

Я подумалъ, что если въ сію рѣшительную минуту не переспорю упрямаго старика, то ужъ въ послѣдствіи времени трудно мнѣ будетъ освободиться отъ его опеки и, взглянувъ на него гордо, сказалъ:

„Я твой господинъ, а ты мой слуга. Деньги мои. Я ихъ проигралъ, потому что такъ мнѣ вздумалось; а тебѣ совѣтую не умничать и дѣлать то, что тебѣ приказываютъ.“

Савельичъ такъ былъ пораженъ моими словами, что всплеснулъ руками и остолбенѣлъ.

„Что же ты стоишь?“ закричалъ я сердито.

Савельичъ заплакалъ.

— Батюшка, Петръ Андреичъ, произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ: не умори меня съ печали. Свѣтъ ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутилъ, что у насъ и денегъ-то такихъ не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебѣ родители крѣпко-накрѣпко заказали играть, окромѣ какъ въ орѣхи...

„Полно врать“, прервалъ я строго: „подавай сюда деньги, или я тебя въ зашеи прогоню.“

Савельичъ поглядѣлъ на меня съ глубокой горестію и пошелъ за моимъ долгомъ. Мнѣ было жаль бѣднаго старика; но я хотѣлъ вырваться на волю и доказать, что я ужъ не ребенокъ. Деньги были доставлены Зурину. Савельичъ успѣшилъ вывезти меня изъ проклятаго трактира. Онъ явился съ из-

вѣстіемъ, что лошади готовы. Съ беспокойной совѣстью и съ безмолвнымъ раскаяніемъ выѣхалъ я изъ Симбирска, не простясь съ моимъ учителемъ и не думая съ нимъ уже когда-нибудь увидѣться.

Г Л А В А II.

Вожатый.

Сторона-ль моя сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не самъ ли я на тебя зашелъ,
Что не добрый ли да меня конь завезъ,—
Завезла меня, добра молодца,
Прыткость, бодрость молодецкая,
И хмѣлинушка кабацкая.

Старинная пѣсня.

Дорожныя размышленія мои были не очень пріятны. Проигрышъ мой по тогдашнимъ цѣнамъ былъ немаловаженъ. Я не могъ не признаться въ душѣ, что поведение мое въ симбирскомъ трактирѣ было глупо, и чувствовалъ себя виноватымъ передъ Савельичемъ. Все это меня мучило. Старикъ угрюмо сидѣлъ на облучкѣ, отворотясь отъ меня, и молчалъ, изрѣдка только побрякивая. Я непременно хотѣлъ съ нимъ помириться и не зналъ, съ чего начать. Наконецъ я сказалъ ему:

„Ну, ну, Савельичъ! Полно, помиримся, виновать; вижу самъ, что виновать. Я вчера напроказилъ, а тебя напрасно обидѣлъ. Обѣщаюсь впередъ вести себя умнѣе и слушаться тебя. Ну, не сердись, помиримся.“

— Эхъ, батюшка, Петръ Андреичъ! отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ. Сержусь-то я на самого себя: самъ я кругомъ виновать. Какъ мнѣ было оставлять тебя одного въ трактирѣ! Что дѣлать! Грѣхъ попуталь: вздумалъ забрести къ дьячижѣ, по-

видаться съ кумою. Такъ-то: зашелъ къ кумѣ, да и засѣлъ въ тюрьмѣ. Бѣда да и только! Какъ покажусь я на глаза господамъ? Что скажутъ они, какъ узнаютъ, что дитя пьетъ и играетъ!

Чтобъ утѣшить бѣднаго Савельича, я далъ ему слово впередъ безъ его согласія не располагать ни одной копѣйкою. Онъ мало-по-малу успокоился, хотя все еще изрѣдка ворчалъ про себя, качая головою: „Сто рублей! легко ли дѣло!“

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ поглядывать въ сторону и наконецъ, снявъ шапку, оборотился ко мнѣ и сказалъ:

„Баринъ, не прикажешь ли воротиться?“

— Это зачѣмъ?

„Время ненадежно: вѣтеръ слегка подымается, вишъ, какъ онъ сметаетъ порошу.“

— Что-же за бѣда?

„А видишь тамъ что?“

Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ.

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

„А вонъ, вонъ: это облачко!“

Я увидѣлъ, въ самомъ дѣлѣ, на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было сперва за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ.

Я слышалъ о тамошнихъ метеляхъ и зналъ, что цѣлыя обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно со мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться:

Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ; я понадѣялся добратъся заблаговременно до слѣдующей станціи и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ, между тѣмъ, часть отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ — и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ; сдѣлалась метель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло.

— Ну, баринъ, закричалъ ямщикъ: бѣда, бурань!...

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича, лошади шли шагомъ и скоро стали.

„Что же ты не ѣдешь?“ спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.

— Да что ѣхать? — отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка: невѣсть и такъ, куда заѣхали: дороги нѣтъ и мгла кругомъ.

Я сталъ его бранить. Савельичъ за него заступился: „И охота было не слушаться“, говорилъ онъ сердито: „воротился бы на постоянный дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря-бѣ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы на свадьбу!“ Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понурия голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ, я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь

увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго крученія метели... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное.

„Эй, ямщикъ!“ закричалъ я: „смотри,—что тамъ такое чернѣется?“

Ямщикъ сталъ всматриваться.

— А Богъ знаетъ, баринъ, — сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ, или человѣкъ.

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ на встрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поровнялись съ человѣкомъ.

„Гей, добрый человѣкъ!“ закричалъ ему ямщикъ: „скажи, не знаешь ли, ⁸ гдѣ дорога?“

— Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ, отвѣчалъ дорожный: да что толку?

„Послушай, мужичекъ“, сказалъ я ему: „знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?“

— Сторона мнѣ знакомая, — отвѣчалъ дорожный: слава Богу, исхожена и изъѣжена вдоль и поперекъ. Да вишь, какая погода: какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться, да переждать: авось, буранъ, утихнетъ, да небо прояснится, тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ.

Его хладнокровіе ободрило меня. Я ужь рѣшился, предавъ себя Божіей волѣ, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучекъ и сказалъ ямщику:

„Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо, да поѣзжай.“

— А почему ѣхать мнѣ вправо? — спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ. Гдѣ ты видишь до-

рогу? Небось, лошади чужія, хомутъ не свой, пого-
няй, не стой.

Ямщикъ казался мнѣ правъ.

„Въ самомъ дѣлѣ“, сказалъ я: „почему думаешь ты, что жило недалече?“

— А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ, — отвѣчалъ дорожный: и я слышу, дымомъ пахнуло, — знать, деревня близко.

Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то вѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охаль, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил цыновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда не могъ я позабыть и въ которомъ до сихъ поръ вижу нѣчто пророческое, когда соображаю съ нимъ странныя обстоятельства моей жизни. Читатель извинить меня, ибо, вѣроятно, знаетъ по опыту, какъ сродно человѣку предаваться суевѣрію, не смотря на всевозможное презрѣніе къ предрассудкамъ.

Я находился въ томъ состояніи чувствъ и души, когда существенность, уступая мечтаніямъ, сливается съ ними въ неясныхъ видѣніяхъ первосонія. Мнѣ казалось, буранъ еще свирѣпствовалъ, и мы еще блуждали по снѣжной пустынѣ... Вдругъ увидѣлъ я ворота и вѣхалъ на барскій дворъ нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасеніе, чтобъ батюшка не прогнѣвался на меня за невольное возвращеніе подъ кровлю родительскую и не почелъ бы его умышленнымъ ослушаніемъ. Съ безпокойствомъ

выпрыгнулъ я изъ кибитки—и вижу: матушка встрѣчаетъ меня на крыльцѣ съ видомъ глубокаго огорченія. „Тише“, говоритъ она мнѣ: „отецъ боленъ, при смерти, желаетъ съ тобою проститься“. Пораженный страхомъ, я иду за нею въ спальню. Вижу, комната слабо освѣщена; у постели стоятъ люди съ печальными лицами. Я тихонько подхожу къ постели; матушка приподнимаетъ пологъ и говоритъ: „Андрей Петровичъ, Петруша пріѣхалъ; онъ воротился, узнавъ о твоей болѣзни; благослови его“. Я сталъ на колѣна и устремилъ глаза мои на больного. Что-жь?.. Вмѣсто отца моего, вижу, въ постели лежитъ мужикъ съ черной бородою, весело на меня поглядывая. Я въ недоумѣніи оборотился къ матушкѣ, говоря ей: „Что это значитъ? Это не батюшка. И къ какой мнѣ стати просить благословенія мужика?“⁹ — Все равно, Петруша, отвѣчала мнѣ матушка: это твой посаженный отецъ; поцѣлуй у него ручку, и пусть онъ тебя благословитъ... — Я не соглашался. Тогда мужикъ вскочилъ съ постели, выхватилъ топоръ изъ-за спины и сталъ махать во всѣ стороны. Я хотѣлъ бѣжать... и не могъ; комната наполнилась¹⁰ мертвыми тѣлами; я спотыкался о тѣла и скользилъ въ кровавыхъ лужахъ... Страшный мужикъ ласково меня кликалъ, говоря: „Не бойсь,¹¹ подойди подъ мое благословеніе“... Ужасъ и недоумѣніе овладѣли мною... И въ эту минуту я проснулся;¹² лошади стояли; Савельичъ держалъ меня за руку, говоря:

— Выходи, сударь, — пріѣхали.

„Куда пріѣхали?“ спросилъ я, протирая глаза.

— На постоялый дворъ. Господь помогъ, наткнулись прямо на заборъ. Выходи, сударь, скорѣй, да обогрѣйся.

Я вышелъ изъ кибитки. Буранъ еще продолжался, хотя съ меньшею силою. Было такъ темно, что хотъ глазъ выколи. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа фонарь подъ полою, и ввелъ меня въ горницу, тѣсную, но довольно чистую; лучина освѣщала ее. На стѣнѣ висѣла винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяинъ, родомъ яицкій казакъ, казался мужикъ лѣтъ шестидесяти, еще свѣжій и бодрый. Савельичъ внесъ за мною погребецъ, потребоваль огня, чтобы готовить чай, который никогда такъ не казался мнѣ нуженъ. Хозяинъ пошелъ хлопотать.

— Гдѣ же вожатый? спросилъ я у Савельича.

„Здѣсь, ваше благородіе“, отвѣчалъ мнѣ голосъ сверху.

Я взглянулъ на полати и увидѣлъ черную бороду и два сверкающіе глаза.

— Что, братъ, прозябъ?

„Какъ не прозябнуть въ одномъ худенькомъ армякѣ! Былъ тулупъ, да что грѣха таить, — заложилъ вечеръ у цѣловальника: морозъ показался невеликъ.“

Въ эту минуту хозяинъ вошелъ съ кипящимъ самоваромъ; я предложилъ вожатому нашему чашку чаю; мужикъ слѣзъ съ полатей. Наружность его показалась мнѣ замѣчательна. Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые, большіе глаза такъ и бѣгали. Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. Волоса были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и татарскіе шаровары. Я поднесъ ему чашку чаю; онъ отвѣдалъ и поморщился. „Ваше

благородіе, сдѣлайте мнѣ такую милость... прикажите поднести стаканъ вина: чай—не наше казацкое питье“. Я съ охотой исполнилъ его желаніе. Хозяинъ вынулъ изъ ставца штофъ и стаканъ, подошелъ къ нему и, взглянувъ ему въ лицо: „Эхе“, сказалъ онъ: „опять ты въ нашемъ краю! Отколѣ Богъ принесъ?“ Вожатый мой мигнулъ значительно и отвѣчалъ поговоркою: „Въ огородѣ леталь, конопля клеваль; швырнула бабушка камушкомъ, да мимо. Ну, а что ваши?“

— Да что наши! — отвѣчалъ хозяинъ, продолжая иносказательный разговоръ: стали было къ вечернѣ звонить, да попададя не велить: попъ въ гостяхъ, черти на погостѣ.

„Молчи, дядя“, возразилъ мой бродяга: „будетъ дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ, а теперъ (тутъ онъ мигнулъ опять) заткни топоръ за спину: лѣсничій ходитъ. Ваше благородіе, за ваше здоровье!“

При сихъ словахъ онъ взялъ стаканъ, перекрестился и выпилъ однимъ духомъ, потомъ поклонился мнѣ и воротился на полати.

Я ничего не могъ тогда понять изъ этого воровскаго разговора, но послѣ ужь догадался, что дѣло шло о дѣлахъ яицкаго войска, въ то время только что усмиреннаго послѣ бунта 1772 года. Савельичъ слушалъ съ видомъ большого неудовольствія. Онъ посматривалъ съ подозрѣніемъ то на хозяина, то на вожатаго. Постоялый дворъ, или, по тамошнему, уметъ, находился въ сторонѣ, въ степи, далече отъ всякаго селенія, и очень походилъ на разбойническую пристань. Но дѣлать было нечего. Нельзя было и подумать о продолженіи пути. Безпокойство Савельича очень меня забавляло. Между тѣмъ я рас-

положился ночевать и легъ на лавку. Савельичъ рѣшилъ убраться на печь; хозяинъ легъ на полу. Скоро вся изба захрапѣла, и я заснулъ какъ убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидѣлъ, что буря утихла. Солнце сіяло. Снѣгъ лежалъ ослѣпительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ такую умѣренную плату, что даже Савельичъ съ нимъ не заспорилъ и не сталъ торговаться по своему обыкновенію, и вчерашнія подозрѣнія изгладились совершенно изъ головы его¹³. Я позвалъ вожатаго,¹⁴ благодарилъ за оказанную помощь и велѣлъ Савельичу дать ему полтину на водку: Савельичъ нахмурился. „Полтину на водку!“ сказалъ онъ: „за что? за то, что ты же изволилъ подвезти его къ постоялому двору? Воля твоя, сударь: нѣтъ у васъ лишнихъ полтинъ. Всякому давать на водку, такъ самому придется голодать“. Я не могъ спорить съ Савельичемъ. Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. Мнѣ было досадно, однако-жь, что не могъ отблагодарить человѣка, выручившаго меня если не изъ бѣды, то, по крайней мѣрѣ, изъ очень непріятнаго положенія.

— Хорошо, сказалъ я хладнокровно: если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь изъ моего платья. Онъ одѣтъ слишкомъ легко. Дай ему мой заячій тулупъ.

„Помилуй, батюшка Петръ Андреичъ!“ сказалъ Савельичъ: „зачѣмъ ему твой заячій тулупъ? Онъ его пропьетъ, собака, въ первомъ кабакѣ.“

— Это, старинушка, ужь не твоя печаль, сказалъ мой бродяга: пропью ли я или нѣтъ. Его благородіе

жалуетъ мнѣ шубу съ своего плеча, — его на то барская воля, а твое холопье дѣло не спорить и слушаться.

„Бога ты не боишься, разбойникъ!“ отвѣчалъ ему Савельичъ сердитымъ голосомъ. „Ты видишь, что дитя еще не смыслить, а ты и радъ его обобрать, простоты его ради. Зачѣмъ тебѣ барскій тулупчикъ? Ты и не напялишь его на свои окаянные плечища.“

— Прошу не умничать, — сказалъ я своему дядкѣ: сейчасъ неси сюда тулупъ.

„Господи, Владыко!“ простоналъ мой ¹⁵ Савельичъ. „Заячій тулупъ почти новешенькій! И добро бы кому, а то пьяницѣ оголѣлому!“

Однако заячій тулупъ явился. Мужичекъ тутъ же сталъ его примѣривать. Въ самомъ дѣлѣ, тулупъ, изъ котораго успѣлъ и я вырасти, былъ немножко для него узокъ. Однако онъ кое-какъ умудрился и надѣлъ его, распоровъ по швамъ. Савельичъ чуть не завылъ, услышавъ, какъ нитки затрещали. Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкимъ поклономъ: „Спасибо, ваше благородіе! Награди васъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милостей“. Онъ пошелъ въ свою сторону, а я отправился далѣе, не обращая вниманія на досаду Савельича, и скоро позабылъ о вчерашней вьюгѣ, о своемъ вожатомъ и о заячемъ тулупѣ.

Пріѣхавъ въ Оренбургъ, я прямо явился къ генералу. Я увидѣлъ мужчину роста высокаго, но уже сгорбленнаго старостью. Длинные волосы его были совсѣмъ бѣлы. Старый, полинялый мундиръ напоминалъ воина временъ Анны Іоанновны, а въ его рѣчи сильно отзывался нѣмецкій выговоръ. Я подалъ ему письмо отъ батюшки. При имени его онъ взглянулъ

на меня быстро. „Поже мой!“ сказалъ онъ. „Тафно ли, кажется, Андрей Петровичъ былъ еще твоихъ лѣтъ, а теперь вотъ ушь какой у него молотець! Ахъ, фремя, фремя!“ — Онъ распечаталъ письмо и сталъ читать его вполголоса, дѣлая свои замѣчанія: „Милостивый государь, Андрей Карловичъ, надѣюсь, что ваше превосходительство“... Это что за церемоніи? Фуи, какъ ему не софѣсно! Конечно, дисциплина первое дѣло, но такъ ли пишутъ къ старому камратъ?.. „ваше превосходительство не забыло“... гмъ... „и... когда... покойнымъ фельдмаршаломъ Мин... походѣ... также и... Каролинку“... Эхе, брудеръ! такъ онъ еще помнить стары наши проказъ? „Теперь о дѣлѣ... Къ вамъ моего повѣсу“... гмъ.. „держать въ ежовыхъ рукавицахъ“... Что такое ешовы рукавиць? Это должно быть русска поговоркъ... Что такое держать въ ешовыхъ рукавицахъ?“ повторилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Это значить, отвѣчалъ я ему съ видомъ какъ можно болѣе невиннымъ: обходиться ласково, не слишкомъ строго, давать побольше воли, держать въ ежовыхъ рукавицахъ.

— Гм, понимаю... „и не давать ему воли“... нѣтъ, видно, ешовы рукавицы значить не то... „При семъ... его паспортъ“... ¹⁶ Гдѣ-жь онъ? А, вотъ... „Отписать въ Семеновскій“... Хорошо, хорошо: все будетъ сдѣлано... „Позволишь безъ чиновъ обнять тебя и... старымъ товарищемъ и другомъ“, а! наконецъ догадался!.. и прочая и прочая... — Ну, батюшка, сказалъ онъ, прочитавъ письмо и отложивъ въ сторону мой паспортъ: все будетъ сдѣлано: ты будешь офицеромъ переведенъ въ*** ¹⁷ полкъ и, чтобъ тебѣ времени не терять, то завтра же поѣзжай въ Бѣлогорскую крѣпость, гдѣ ты будешь въ командѣ

капитана Миронова, добраго и честнаго человѣка. Тамъ ты будешь на службѣ настоящей, научишься дисциплинѣ. Въ Оренбургѣ дѣлать тебѣ нечего; разсѣяніе вредно молодому человѣку. А сегодня милости просимъ отобѣдать у меня.

„Часть отъ часу не легче!“ подумалъ я про себя: „къ чему послужило мнѣ то, что почти въ утробѣ матери я былъ уже гвардіи сержантомъ? Куда это меня завело? Въ*** 17 полкъ и въ глухую крѣпость, на границу Киргизъ-Кайсацкихъ степей!“... Я отобѣдалъ у Андрея Карловича втроемъ съ его старымъ адъютантомъ. Строгая нѣмецкая экономія царствовала за его столомъ, и я думаю, что страхъ видѣть иногда лишняго гостя за своею холостою трапезою былъ отчасти причиною поспѣшнаго удаленія моего въ гарнизонъ. На другой день я простился съ генераломъ и отправился къ мѣсту моего назначенія.

ГЛАВА III.

К р ѣ п о с т ь .

Мы въ фортеціи живемъ,
Хлѣбъ ѣдимъ и воду пьемъ,
А какъ лютые враги
Придутъ къ намъ на пироги,—
Зададимъ гостямъ пирушку:
Зарядимъ картечью пушку.

Солдатская пѣсня.
Старинные люди, мой батюшка.
Недоросль.

Бѣлогорская крѣпость находилась въ сорока верстахъ отъ Оренбурга. Дорога шла по крутому 18 берегу Яика. Рѣка еще не замерзала, и ея свинцовыя волны грустно чернѣли въ однообразныхъ берегахъ, покрытыхъ бѣлымъ снѣгомъ. За ними простирались Киргизскія степи. Я погрузился въ размышленія,

большею частью печальныя. Гарнизонная жизнь мало имѣла для меня привлекательности. Я старался вообразить себѣ капитана Миронова, моего будущаго начальника, и представлялъ его строгимъ, сердитымъ старикомъ, не знающимъ ничего кромѣ своей службы и готовымъ за всякую бездѣлицу сажать меня подъ арестъ на хлѣбъ и на воду. Между тѣмъ начало смеркаться. Мы ѣхали довольно скоро. „Далече ли до крѣпости?“ спросилъ я у своего ямщика. — „Недалече, отвѣчалъ онъ. Вонъ, ужь видна“. Я глядѣлъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозные бастионы, башни и валъ, но ничего не видѣлъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или четыре скирды сѣна, полузанесенныя снѣгомъ; съ другой — скривившаяся мельница, съ лубочными крыльями, лѣниво опущенными. „Гдѣ же крѣпость?“ спросилъ я съ удивленіемъ. — „Да вотъ она“, отвѣчалъ ямщикъ, указывая на деревушку, и съ этимъ словомъ мы въ нее вѣхали. У воротъ увидѣлъ я старую чугунную пушку; улицы были тѣсны и кривы; избы низки и большею частію покрыты соломой. Я велѣлъ ѣхать прямо къ коменданту, и черезъ минуту кибитка остановилась передъ деревяннымъ домикомъ, выстроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, близъ деревянной же церкви.

Никто не встрѣтилъ меня. Я пошелъ въ сѣни и отворилъ дверь въ переднюю. Старый инвалидъ, сидя на столѣ, нашивалъ синюю ¹⁹ заплату на локоть зеленаго мундира. Я велѣлъ ему доложить обо мнѣ. „Войди, батюшка“, отвѣчалъ инвалидъ: „наши дома“. Я вошелъ въ чистенькую комнатку, убранную по старинному. Въ углу стоялъ шкафъ съ посудой; на стѣнѣ висѣлъ дипломъ офицерскій за стекломъ и въ рамкѣ; около него красовались лубочныя картинки,

представляющія взятіе Кистѣ на и Очакова, также выборъ невѣсты и погребеніе кота. У окна сидѣла старушка въ тѣлогрѣйкѣ и съ платкомъ на головѣ. Она разматывала нитки, которыя держаль, распяливъ на рукахъ, кривой старичекъ въ офицерскомъ мундирѣ: „Что вамъ угодно, батюшка?“ спросила она, продолжая свое занятіе. Я отвѣчалъ, что пріѣхаль на службу и явился по долгу своему къ господину капитану, и съ этимъ словомъ обратился было къ кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною рѣчь. „Ивана Кузьмича дома нѣтъ“, сказала она: „онъ пошелъ въ гости къ отцу Герасиму; да все равно, батюшка — я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка“. Она крикнула дѣвку и велѣла ей позвать урядника. Старичекъ своимъ одинокимъ глазомъ поглядываль на меня съ любопытствомъ. „Смѣю спросить“, сказалъ онъ: „вы въ какомъ полку изволили служить?“ Я удовлетворилъ его любопытству. „А смѣю спросить“, продолжалъ онъ: „зачѣмъ изволили вы перейти изъ гвардіи въ гарнизонъ?“²⁰ Я отвѣчалъ, что такова была воля начальства. „Чаятельно, за неприличные гвардіи офицеру поступки?“ продолжалъ неутомимый вопрошатель. — „Полно врать пустяки“, сказала ему капитанша: „ты видишь, молодой человекъ съ дороги усталъ; ему не до тебя... держи-ка руки прямѣе... А ты, мой батюшка“, продолжала она, обращаясь ко мнѣ: „не печалься, что тебя упекли въ наше захолустье. Не ты первый, не ты послѣдній. Стерпится, слюбится. Швабринъ Алексѣй Иваннычъ вотъ ужъ пятый годъ какъ къ намъ переведенъ за смертоубійство. Богъ знаетъ, какой грѣхъ его попуталь: онъ, изволишь видѣть, поѣхаль за городъ съ однимъ поручикомъ, да взяли съ собою шпаги, да

и ну другъ въ друга пырять, а Алексѣй Иванычъ и закололъ поручика, да еще при двухъ свидѣтеляхъ! Что прикажешь дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ“.

Въ эту минуту вошелъ урядникъ, молодой и статный казакъ.

— Максимычъ! сказала ему капитанша. Отведи г. офицеру квартиру, да почище.

„Слушаю, Василиса Егоровна“, отвѣчалъ урядникъ. „Не помѣститъ ли его благородіе къ Ивану Полежаеву?“

— Врешъ, Максимычъ, — сказала капитанша: у Полежаева и такъ тѣсно; онъ же мнѣ кумъ и помнитъ, что мы его начальники. Отведи г. офицера... какъ ваше имя и отчество, мой батюшка?

— Петръ Андреичъ.

— Отведи Петра Андреича къ Семену Кузову. Онъ, мошенникъ, лошадь свою пустилъ ко мнѣ въ огородъ. Ну, что, Максимычъ, все ли благополучно?

„Все, слава Богу, тихо“, отвѣчалъ казакъ: „только капралъ Прохоровъ подрался въ банѣ съ Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.“

— Иванъ Игнатьичъ! — сказала капитанша кривому старичку: разбери Прохорова съ Устиньей, кто правъ, кто виноватъ. Да обоихъ и накажи.²¹ Ну, Максимычъ, ступай себѣ съ Богомъ. Петръ Андреичъ, Максимычъ отведетъ васъ на вашу квартиру.

Я откланялся. Урядникъ привелъ меня въ избу, стоящую на высокомъ берегу рѣки, на самомъ краю крѣпости. Половина избы занята была семьей Семена Кузова, другую отвели мнѣ. Она состояла изъ одной горницы, довольно опрятной, раздѣленной на-двое перегородкой. Савельичъ сталъ въ ней рас-

поряжаться; я сталъ глядѣть въ узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло нѣсколько избушекъ; по улицѣ бродило нѣсколько курицъ. Старуха, стоя на крыльцѣ съ корытомъ, кликала свиней, которыя отвѣчали ей дружелюбнымъ хрюканьемъ. И вотъ, въ какой сторонѣ осужденъ я былъ проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошелъ отъ окошка и легъ спать безъ ужина, не смотря на увѣщанія Савельича, который повторялъ съ сокрушеніемъ: „Господи, Владыко! ничего кушать не изволить! Что скажетъ барыня, коли дитя занеможетъ?“

На другой день поутру я только что сталъ одѣваться, какъ дверь отворилась, и ко мнѣ вошелъ молодой офицеръ невысокаго роста, съ лицомъ смуглымъ и отмѣнно некрасивымъ, но чрезвычайно живымъ. „Извините меня“, — сказалъ онъ мнѣ по-французски, — „что я безъ церемоніи прихожу съ вами познакомиться. Вчера узналъ я о вашемъ пріѣздѣ; желаніе увидѣть наконецъ человѣческое лицо такъ овладѣло мною, что я не вытерпѣлъ. Вы это поймете, когда проживете здѣсь нѣсколько времени“. Я догадался, что это былъ офицеръ, выпитанный изъ гвардіи за поединокъ. Мы тотчасъ познакомились. Швабринъ былъ очень неглупъ. Разговоръ его былъ остеръ и занимателенъ. Онъ съ большою веселостію описалъ мнѣ семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смѣялся отъ чистаго сердца, какъ вошелъ ко мнѣ тотъ самый инвалидъ, который чинилъ мундиръ въ передней коменданта, и отъ имени Василисы Егоровны позвалъ меня къ нимъ обѣдать. Швабринъ вызвался идти со мною вмѣстѣ.

Подходя къ комендантскому дому, мы увидѣли

на площадкѣ чловѣкъ двадцать старенькихъ инвалидовъ съ длинными косами и въ треугольныхъ шляпахъ. Они выстроены были во фрунтъ. Впереди стоялъ комендантъ, старикъ бодрый и высокаго роста, въ колпакѣ и въ китайчатомъ халатѣ. Увидя насъ, онъ къ намъ подошелъ, сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и сталъ опять командовать. Мы остановились было смотрѣть на ученіе, но онъ просилъ насъ идти къ Василисѣ Егоровнѣ, обѣщаясь быть вслѣдъ за нами. „А здѣсь“, прибавилъ онъ, „нечего вамъ смотрѣть“.

Василиса Егоровна приняла насъ запросто и радушно обошлась со мною, какъ бы вѣкъ была знакома. Инвалидъ и Палашка накрывали на столъ.²² „Что это мой Иванъ Кузьмичъ сегодня такъ заучился?“ сказала комендантша. — „Палашка, позови барина обѣдать. Да гдѣ же Маша?“ Тутъ вошла дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, круглолицая, румяная, съ свѣтлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которыя у нея такъ и горѣли. Съ перваго взгляда она мнѣ не очень понравилась. Я смотрѣлъ на нее съ предубѣжденіемъ: Швабринъ описалъ мнѣ Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна сѣла въ уголь и стала шить. Между тѣмъ подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за нимъ Палашку. „Скажи барину: гости-де ждутъ, щи простынутъ; слава Богу, ученье не уйдетъ; успѣетъ накричаться“. Капитанъ вскорѣ явился, сопровождаемый кривымъ старичкомъ.

— Что это, мой батюшка? сказала ему жена: кушанье давнымъ-давно подано, а тебя не дозовешься.

„А слышь ты, Василиса Егоровна“, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ, „я былъ занятъ службой: солда-тушекъ училъ.“

— И, полно! возразила капитанша. — Только слава, что солдатъ учишь: ни имъ служба не дается ни ты въ ней толку не вѣдаешь. Сидѣлъ бы дома, да Богу молился, такъ было бы лучше. Дорогіе гости, милости просимъ за столъ.

Мы сѣли обѣдать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, гдѣ живутъ и каково ихъ состояніе? Услыша, что у батюшки триста душъ крестьянъ, — „легко ли!“ сказала она: „вѣдь есть, же на свѣтѣ богатые люди! А у насъ, мой батюшка, всего-то ²³ одна дѣвка Палашка; да, слава Богу, живемъ помаленьку. Одна бѣда: Маша дѣвка на выданьи, а какое у ней приданое? частый гребень, да вѣникъ, да алтынъ денегъ (прости Богъ), съ чѣмъ въ баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человѣкъ, а то сиди ²⁴ въ дѣвкахъ вѣковѣчной невѣстой“. Я взглянулъ на Марью Ивановну: она вся покраснѣла и даже слезы капнули на ея тарелку. Мнѣ стало жаль ее, и я спѣшилъ пере-мѣнить разговоръ.

— Я слышалъ, сказалъ я довольно некста-ти, — что на вашу крѣпость собираются напасть башкирцы?

„Отъ кого, батюшка, ты изволилъ это слышать?“ спросилъ Иванъ Кузьмичъ.

— Мнѣ такъ сказывали въ Оренбургѣ, — отвѣ-чалъ я.

„Пустяки!“ сказалъ комендантъ. — „У насъ давно ничего не слыхать. Башкирцы — народъ на-пуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на

насъ не сунутся; а насунутся, такъ я такую задамъ острастку, что лѣтъ на десять ²⁵ угомоню.“

— И вамъ не страшно, продолжалъ я, обращаясь къ капитаншѣ, — оставаться въ крѣпости, подверженной такимъ опасностямъ?

„Привычка, мой батюшка“, отвѣчала она. — „Тому лѣтъ двадцать, какъ насъ изъ полка перевели сюда, и не приведи Господи, какъ я боялась проклятыхъ этихъ нехристей! Какъ завижу, бывало, рысьи шапки, да какъ заслышу ихъ визгъ, вѣришь ли, отецъ мой, сердце такъ и замретъ! А теперь такъ привыкла, что и съ мѣста не тронусь, какъ придуть намъ сказать, что злодѣи около крѣпости рыщутъ.“

— Василиса Егоровна прехрабрая дама, замѣтилъ важно Швабринъ. — Иванъ Кузьмичъ можетъ это засвидѣтельствовать.

„Да, слышь ты“, сказалъ Иванъ Кузьмичъ: — „баба-то не робкаго десятка.“

— А Марья Ивановна? спросилъ я: — такъ же ли смѣла, какъ и вы?

„Смѣла ли Маша?“ отвѣчала ея мать. — „Нѣтъ, Маша трусиха. До сихъ поръ не можетъ слышать выстрѣла изъ ружья: такъ и затрепещется. А какъ тому два года Иванъ Кузьмичъ выдумалъ въ мои именины палить изъ нашей пушки, такъ она, моя голубушка, чуть со страха на тотъ свѣтъ не отправилась. Съ тѣхъ поръ ужъ и не палимъ изъ проклятой пушки.“

Мы встали изъ-за стола. Капитанъ съ капитаншею отправились спать, а я пошелъ къ Швабрину, съ которымъ и провелъ цѣлый вечеръ.

ГЛАВА IV.

П о е д и н о к ъ .

— Инъ изволь, и стань же въ позитуру.
Посмотришь, проколю какъ я твою фигуру
Княжнинъ.

Прошло нѣсколько недѣль, и жизнь моя въ Бѣлогорской крѣпости сдѣлалась для меня не только сносною, но даже и пріятною. Въ домѣ коменданта былъ я принятъ какъ родной. Мужъ и жена были люди самые почтенные. Иванъ Кузьмичъ, вышедшій въ офицеры изъ солдатскихъ дѣтей, былъ человѣкъ необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его имъ управляла, что согласовалось съ его безпечною. Василиса Егоровна и на дѣла службы смотрѣла, какъ на свои хозяйскія, и управляла крѣпостью такъ точно, какъ и своимъ домкомъ. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я въ ней нашель благоразумную и чувствительную дѣвушку. Незамѣтнымъ образомъ я привязался къ доброму семейству, даже къ Ивану Игнатьичу, кривому гарнизонному поручику.

Я былъ произведенъ въ офицеры. Служба меня не отягощала. Въ богоспасаемой крѣпости не было ни смотровъ, ни учений, ни карауловъ. Комендантъ по собственной охотѣ училъ иногда солдатъ, но еще не могъ добиться, чтобы всѣ они знали, которая сторона правая, которая лѣвая, хотя многіе изъ нихъ, дабы въ томъ не ошибиться, передъ каждымъ оборотомъ клали на себя знаменіе креста. ²⁶ У Швабрина было нѣсколько французскихъ книгъ. Я сталъ читать, и во мнѣ пробудилась охота къ литературѣ. По утрамъ я читаль, упражнялся въ переводахъ, а иногда и въ сочиненіи стиховъ, обѣдалъ почти всегда

у коменданта, гдѣ обыкновенно проводилъ остатокъ дня, и куда вечеромъ иногда являлся отецъ Герасимъ съ женою Акулиной ²⁷ Памфиловной, первую вѣстовщицею во всемъ околдкѣ. Съ Алексѣемъ Иванычемъ Швабринымъ, разумѣется, видѣлся я каждый день, но часъ отъ часу бесѣда его становилась для меня менѣе пріятною. Всегдашнія шутки его насчетъ семьи коменданта мнѣ очень не нравились, особенно колкія замѣчанія о Марьѣ Ивановнѣ. Другого общества въ крѣпости не было, но я другого и не желалъ.

Не смотря на предсказанія генерала, ²⁸ башкирцы не возмущались. Спокойствіе царствовало вокругъ нашей крѣпости. Но миръ былъ прерванъ внезапнымъ междоусобіемъ.

Я ужь сказывалъ, что я занимался литературою. Опыты мои для тогдашняго времени были изрядны, и Александръ Петровичъ Сумароковъ, нѣсколько лѣтъ послѣ, очень ихъ похвалялъ. Однажды удалось мнѣ написать пѣсенку, которой былъ я доволенъ. Известно, что сочинители иногда подъ видомъ требованія совѣтовъ ищутъ благосклоннаго слушателя. Итакъ, переписавъ мою пѣсенку, я понесъ ее къ Швабрину, который одинъ во всей крѣпости могъ оцѣнить произведеніе стихотворца. Послѣ маленькаго предисловія вынулъ я изъ кармана свою тетрадку и прочелъ ему слѣдующіе стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть
И, ахъ, Машу избѣгая,
Мышлю вольность получить!

Но глаза, что мя плѣнили,
Всемигнута предо мной;

Они духъ во мнѣ смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнавъ мои напасти
Сжался, Маша, надо мной,
Зря меня въ сей лютой части
И что я плѣненъ тобой.

— Какъ ты это находишь? спросилъ я Швабрина, ожидая похвалы, какъ дани, мнѣ непременно слѣдующей. Но, къ великой моей досадѣ, Швабринъ, обыкновенно снисходительный, рѣшительно объявилъ, что пѣсня моя нехороша.

— Почему такъ? спросилъ я его, скрывая свою досаду.

„Потому“, отвѣчалъ онъ, „что такіе стихи достойны учителя моего Василья Кирилыча Тредьяковскаго и очень напоминаютъ мнѣ его любовные куплеты.“

Тутъ онъ взялъ отъ меня тетрадку и началъ немилосердно разбирать каждый стихъ и каждое слово, издѣваясь надо мною самымъ колкимъ образомъ. Я не вытерпѣлъ, вырвалъ изъ рукъ его мою тетрадку и сказалъ, что ужь отроду не покажу ему своихъ сочиненій. Швабринъ посмѣялся и надъ этой угрозою.

— Посмотримъ, сказалъ онъ: удержишь ли ты свое слово: стихотворцамъ нуженъ слушатель, какъ Ивану Кузьмичу графинчикъ водки передъ обѣдомъ. А кто эта Маша, передъ которой изъясняешься въ нѣжной страсти и въ любовной напасти? Ужь не Марья-ль Ивановна?

„Не твое дѣло“, отвѣчалъ я, нахмурясь, — „кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнѣнія ни твоихъ догадокъ.“

— Ого! Самолюбивый стихотворецъ и скромный любовникъ! продолжалъ Швабринъ, часть отъ часу болѣе раздражая меня.—Но послушай дружескаго совѣта: коли ты хочешь успѣть, то совѣтую дѣйствовать не пѣсенками.

„Что это, сударь, значить? Изволь объясниться.“

— Съ охотою. Это значить, что вмѣсто нѣжныхъ стишковъ подари ей пару серегъ.

Кровь моя закипѣла.

„А почему ты объ ней такого мнѣнія?“ спросилъ я, съ трудомъ удерживая свое негодованіе.

— А потому, отвѣчалъ онъ съ адской усмѣшкою, что знаю по опыту ея нравъ и обычай.

„Ты лжешь, мерзавецъ!“ вскричалъ я въ бѣшенствѣ: „ты лжешь самымъ безстыднымъ образомъ.“

Швабринъ перемѣнился въ лицѣ.

— Это тебѣ такъ не пройдетъ, сказалъ онъ, стиснувъ мнѣ руку. Вы мнѣ дадите сатисфакцію.

„Изволь, когда хочешь!“ отвѣчалъ я, обрадовавшись.

Въ эту минуту я готовъ былъ растерзать его.

Я тотчасъ отправился къ Ивану Игнатьичу и засталъ его съ иголкою въ рукахъ: по препорученію комендантши онъ нанизывалъ грибы для сушенія на зиму. „А, Петръ Андреичъ!“ сказалъ онъ, увидя меня: „Добро пожаловать! Какъ это васъ Богъ принесъ? по какому дѣлу, смѣю спросить?“ Я въ короткихъ словахъ объяснилъ ему, что я поссорился съ Алексѣемъ Иванычемъ, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моимъ секундантомъ. Иванъ Игнатьичъ выслушалъ меня со вниманіемъ, вытараща на меня свой единственный глазъ.

— Вы изволите говорить, сказалъ онъ мнѣ, что хотите Алексѣя Ивановича заколоть, и желаете,

чтобъ я при томъ былъ свидѣтелемъ? Такъ ли? смѣю спросить.

„Точно такъ.“

— Помилуйте, Петръ Андреичъ! Что это вы затѣяли! Вы съ Алексѣемъ Ивановымъ побранились? Велика бѣда! Брань на вороту не виснетъ. Онъ васъ побранилъ, а вы его выругайте; онъ васъ въ рыло, а вы его въ ухо, въ другое, въ третье — и разойдитесь; а мы васъ ужь помиримъ. А то доброе ли дѣло—заколоть своего ближняго, смѣю спросить? И добро-бъ ужь закололи вы его — Богъ съ нимъ, съ Алексѣемъ Ивановымъ: я и самъ до него не охотникъ. Ну, а если онъ васъ просверлитъ? На что это будетъ похоже? Кто будетъ въ дуракахъ, смѣю спросить?

Разсужденія благоразумнаго поручика не поколебали меня. Я остался при своемъ намѣреніи.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ Иванъ Игнатьичъ: дѣлайте, какъ разумѣете. Да зачѣмъ же мнѣ быть тутъ свидѣтелемъ? Къ какой стати? Люди дерутся — что за невидальщина, смѣю спросить? Слава Богу, ходилъ я подъ шведа и подъ турку: всего насмотрѣлся.

Я кое-какъ сталъ изъяснять ему должность секунданта, но Иванъ Игнатьичъ никакъ не могъ меня понять.

— Воля ваша, сказалъ онъ: коли ужь мнѣ и вмѣшаться въ это дѣло, такъ развѣ пойти къ Ивану Кузьмичу, да донести ему, по долгу службы, что въ фортеціи умышляется злодѣйствіе, противное казенному интересу: не благоугодно ли будетъ господину коменданту принять надлежащія мѣры...

Я испугался и сталъ просить Ивана Игнатьича ничего не говорить ²⁹ коменданту; насилу его уговорилъ; онъ далъ слово, и я рѣшился отъ него отступиться.

Вечеръ провелъ я, по обыкновенію своему, у коменданта. Я старался казаться веселымъ и равнодушнымъ, дабы не подать никакого подозрѣнія и избѣгнуть докучныхъ вопросовъ; но, признаюсь, я не имѣлъ того хладнокровія, которымъ хвалятся почти всегда тѣ, которые находились въ моемъ положеніи. Въ этотъ вечеръ я расположенъ былъ къ нѣжности и къ умиленію. Марья Ивановна понравилась мнѣ болѣе обыкновеннаго. Мысль, что, можетъ быть, вижу ее въ послѣдній разъ, придавала ей въ моихъ глазахъ что-то трогательное. Швабринъ явился тутъ же. Я отвелъ его въ сторону и увѣдомилъ его о своемъ разговорѣ съ Иваномъ Игнатьичемъ. „Зачѣмъ намъ секунданты?“ сказалъ онъ сухо: „безъ нихъ обойдемся.“ Мы условились драться за скирдами, что находились подлѣ крѣпости, и явиться туда на другой день, въ седьмомъ часу утра. Мы разговаривали, по видимому, такъ дружелюбно, что Иванъ Игнатьичъ отъ радости проболтался. „Давно бы такъ“, сказалъ онъ мнѣ съ довольнымъ видомъ: „худой миръ лучше доброй ссоры, а и не честенъ, такъ здоровъ.“

— Что, что, Иванъ Игнатьичъ? сказала комендантша, которая въ углу гадала въ карты: я не вслушалась.

Иванъ Игнатьичъ, замѣтивъ во мнѣ знаки неудовольствія и вспомня свое обѣщаніе, смутился и не зналъ, что отвѣчать. Швабринъ подоспѣлъ къ нему на помощь.

— Иванъ Игнатьичъ, сказалъ онъ, — одобряетъ нашу мировую.

„А съ кѣмъ это, мой батюшка, ты ссорился?“

— Мы было поспорили довольно крупно съ Петромъ Андреичемъ.

„За что такъ?“

— За сущую бездѣлицу: за пѣсенку, Василиса Егоровна.

„Нашли, за что ссориться! за пѣсенку!.. Да какъ же это случилось?“

— Да вотъ какъ: Петръ Андреичъ сочинилъ недавно пѣсню и сегодня запѣлъ ее при мнѣ, а я затянулъ мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять въ полночь.

Вышла разладица. Петръ Андреичъ было и разсердился, но потомъ разсудилъ, что всякъ воленъ пѣть, что кому угодно. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Безстыдство Швабрина чуть меня не взбѣсило, но никто кромѣ меня не понялъ грубыхъ его обиняковъ: по крайней мѣрѣ, никто не обратилъ на нихъ вниманія. Отъ пѣсенокъ разговоръ обратился къ стихотворцамъ, и комендантъ замѣтилъ, что всѣ они безпутные³⁰ и горькіе пьяницы, и дружески совѣтовалъ мнѣ оставить стихотворство, какъ дѣло службѣ противное и ни къ чему доброму не доводящее.

Присутствіе Швабрина было мнѣ несносно. Я скоро простился съ комендантомъ и съ его семействомъ, пришелъ домой, осмотрѣлъ свою шпагу, попробовалъ ее конецъ и легъ спать, приказавъ Савельичу разбудить меня въ седьмомъ часу.

На другой день, въ назначенное время, я стоялъ уже за скирдами, выжидая моего противника. Вскорѣ и онъ явился. „Насъ могутъ застать“ сказалъ онъ: надобно поспѣшить.“ Мы сняли мундиры, остались въ однихъ камзолахъ и обнажили шпаги. Въ эту минуту изъ - за скирда вдругъ появился Иванъ Игнатьичъ и челоуѣкъ пять инвалидовъ. Онъ потребовалъ насъ къ коменданту. Мы повиновались съ

досадоі. солдаты насъ окружили, и мы отправились вслѣдъ за Иваномъ Игнатьичемъ, который велъ насъ въ торжествѣ, шагая съ удивительной важностію.

Мы вошли въ комендантскій домъ. Иванъ Игнатьичъ отворилъ двери, провозгласивъ торжественно: „привель!“ Насъ встрѣтила Василиса Егоровна. „Ахъ, мои батюшки! На что это похоже? какъ? что? Въ нашей крѣпости заводитъ смертоубійство! Иванъ Кузьмичъ, сейчасъ ихъ подъ арестъ! Петръ Андреичъ! Алексѣй Иваннычъ! Подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги въ чуланъ. Петръ Андреичъ! этого я отъ тебя не ожидала, какъ тебѣ не совѣстно? Добро, Алексѣй Иваннычъ: онъ за душегубство и изъ гвардіи выписанъ, онъ и въ Господа Бога не вѣруетъ, а ты-то что? туда же лѣзешь?“

Иванъ Кузьмичъ вполнѣ соглашался съ своею супругою и приговаривалъ: „А, слышь ты, Василиса Егоровна правду говорить. Поединки формально запрещены въ воинскомъ артикулѣ.“ Между тѣмъ Палашка взяла у насъ шпаги³¹ и отнесла въ чуланъ. Я не могъ не засмѣяться. Швабринъ сохранилъ свою важность. „При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ“, сказалъ онъ ей хладнокровно, — „не могу не замѣтить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая насъ вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузьмичу: это его дѣло.“ — „Ахъ, мой батюшка!“ возразила комендантша: „да развѣ мужъ и жена не единъ духъ и не едина плоть? Иванъ Кузьмичъ! что ты зѣваешь? Сейчасъ разсади ихъ по разнымъ угламъ на хлѣбъ да на воду, чтобъ у нихъ дурь-то прошла: да пусть отецъ Герасимъ наложить на нихъ эпитимию, чтобъ молили у Бога прощенія, да каялись передъ людьми“.

Иванъ Кузьмичъ не зналъ, на что рѣшиться. Марья Ивановна была чрезвычайно блѣдна. Мало-по-малу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила насъ другъ друга поцѣловать. Палашка принесла намъ наши шпаги. Мы вышли отъ коменданта, повидимому примиренные. Иванъ Игнатьичъ насъ сопровождалъ. „Какъ вамъ не стыдно было“, сказалъ я ему сердито, „доносить на насъ коменданту послѣ того, какъ дали мнѣ слово того не дѣлать?“ — Какъ Богъ святъ, я Ивану Кузьмичу того не говорилъ, отвѣчалъ онъ: Василиса Егоровна вывѣдала все отъ меня. Она всѣмъ и распорядилась, безъ вѣдома коменданта. Впрочемъ, слава Богу, что все такъ кончилось! — Съ этимъ словомъ онъ повернулъ домой, а Швабринъ и я остались наединѣ. „Наше дѣло этимъ кончится не можеть“, сказалъ я ему. — „Конечно“, отвѣчалъ Швабринъ: „вы своею кровью будете отвѣчать мнѣ за вашу дерзость; но за нами, вѣроятно, станутъ присматривать. Нѣсколько дней намъ должно будетъ притворяться. До свиданья“. И мы разстались, какъ ни въ чемъ не бывало.

Возвратясь къ коменданту, я, по обыкновенію своему, подѣлъ къ Марьѣ Ивановнѣ. Ивана Кузьмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйствомъ. Мы разговаривали вполголоса. Марья Ивановна съ нѣжностію выговаривала мнѣ за беспокойство, причиненное всѣмъ моею ссорой съ Швабринымъ.

— Я такъ и обмерла, сказала она, — когда сказали намъ, что вы намѣрены биться на шпагахъ. Какъ мужчины странны! За одно слово, о которомъ черезъ недѣлю вѣрно-бъ они позабыли, они готовы рѣзаться и жертвовать не только жизнію, но и совѣстію, и благополучіемъ тѣхъ, которые... Но я увѣ-

рена, что не вы зачинщикъ ссоры. Вѣрно, виноватъ Алексѣй Ивановъ.

„А почему же вы такъ думаете, Марья Ивановна?“

— Да такъ... онъ такой насмѣшникъ! Я не люблю Алексѣя Ивановъ. Онъ очень мнѣ противенъ, а странно: ни за что-бъ я не хотѣла, чтобъ и я ему также не нравилась. Это меня безпокоило бы страхъ.

„А какъ вы думаете, Марья Ивановна, нравитесь ли вы ему, или нѣтъ?“

Марья Ивановна заикнулась и покраснѣла.

— Мнѣ кажется, сказала она: я думаю, что нравлюсь.

„Почему же вамъ такъ кажется?“

— Потому что онъ за меня сватался ³².

„Сватался! Онъ за васъ сватался? ³³ Когда же?“

— Въ прошломъ году, мѣсяца за два до вашего прѣзда.

„И вы не пошли?“

— Какъ изволите видѣть. Алексѣй Ивановъ, конечно, человекъ умный и хорошей фамиліи, и имѣетъ состояніе; но какъ подумаю, что надобно будетъ подъ вѣнцомъ при всѣхъ съ нимъ поцѣловаться... ни за что! ни за какія благополучія!

Слова Марьи Ивановны открыли мнѣ глаза и объяснили ³⁴ многое. Я понялъ упорное злорѣчіе, которымъ Швабринъ ее преслѣдовалъ. Вѣроятно, замѣчалъ онъ нашу взаимную склонность и старался отвлечь насъ другъ отъ друга. Слова, подавшія поводъ въ нашей ссорѣ, показались мнѣ еще болѣе гнусными, когда вмѣсто грубой и непристойной насмѣшки увидѣлъ я въ нихъ обдуманную клевету. Желаніе наказать дерзкаго злоязычника сдѣлалось во

мнѣ еще сильнѣе, и я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать удобнаго случая.

Я дожидался недолго. На другой день, когда сидѣлъ я за элегіей и грызъ перо въ ожиданіи риѣмы. Швабринъ постучался подѣ моимъ окошкомъ. Я оставилъ перо, взялъ шпагу и къ нему вышелъ. „Зачѣмъ откладываетъ?“ сказалъ мнѣ Швабринъ: „за нами не смотря. Сойдемъ къ рѣкѣ. Тамъ никто намъ не помѣшаетъ“. Мы отправились молча. Спустясь по крутой тропинкѣ, мы остановились у самой рѣки и обнажили шпаги. Швабринъ былъ искуснѣе меня, но я сильнѣе и смѣлѣе: monsieur Бопре, бывшій нѣкогда солдатомъ, далъ мнѣ нѣсколько уроковъ въ фехтованіи, которыми я и воспользовался. Швабринъ не ожидалъ найти во мнѣ столь опаснаго противника. Долго мы не могли сдѣлать другъ другу никакого вреда; наконецъ, примѣтя, что Швабринъ ослабѣваетъ, я сталъ съ живостью на него наступать и загналъ его почти въ самую рѣку. Вдругъ услышалъ я свое имя, громко произнесенное. Я оглянулся и увидѣлъ Савельича, сбѣгающаго ко мнѣ по нагорной тропинкѣ... Въ это самое время меня сильно кольнуло въ грудь, пониже праваго плеча, я упалъ и лишился чувствъ.

ГЛАВА V.

Л ю б о в ь .

Ахъ ты, дѣвка, дѣвка красная!
 Не ходи, дѣвка, молода замужъ;
 Ты спрости, дѣвка, отца-матери,
 Отца-матери, роду-племени;
 Накопи, дѣвка, ума-разума,
 Ума-разума, приданова.

Пѣсня народная.

Буде лучше меня найдешь, позабудешь,
 Если хуже меня найдешь, вспомнешь.

То же.

Очнувшись, я нѣсколько времени не могъ опомниться и не понималъ, что со мною сдѣлалось. Я лежалъ на кровати въ незнакомой горницѣ и чувствовалъ большую слабость. Передо мною стоялъ Савельичъ со свѣчкою въ рукахъ. Кто-то бережно развивалъ перевязи, которыми грудь и плечо были у меня стянуты. Мало-по-малу мысли мои прояснились. Я вспомнилъ свой поединокъ и догадался, что былъ раненъ. Въ эту минуту скрипнула дверь. „Что, каковъ?“ произнесъ по-шепту голосъ, отъ котораго я затрепеталъ. — „Все въ одномъ положеніи“, отвѣчалъ Савельичъ со вздохомъ: „все безъ памяти, вотъ уже пятая сутки“. Я хотѣлъ оборотиться, но не могъ. „Гдѣ я? кто здѣсь?“ — сказалъ я съ усиленіемъ. Марья Ивановна подошла къ моей кровати и наклонилась ко мнѣ. „Что, какъ вы себя чувствуете?“ сказала она. — „Слава Богу“, отвѣчалъ я слабымъ голосомъ. „Это вы, Марья Ивановна? Скажите мнѣ...“ — я не въ силахъ былъ продолжать и замолчалъ. Савельичъ ахнулъ. Радость изобразилась на его лицѣ. „Опомнися! опомнися!“ повторялъ онъ. „Слава тебѣ, Владыко! Ну, батюшка Петръ Андре-

ичь, напугаль ты меня! легко ли? пятыя сутки!...“ Марья Ивановна перервала его рѣчь. „Не говори съ нимъ много, Савельичъ“, сказала она: „онъ еще слабъ“. Она вышла и тихонько притворила дверь. Мысли мои волновались. Итакъ, я былъ въ домѣ коменданта: Марья Ивановна входила ко мнѣ. Я хотѣлъ сдѣлать Савельичу нѣкоторые вопросы, но старикъ замоталъ головою и заткнулъ себѣ уши. Я съ досадою закрылъ глаза и вскорѣ забылся сномъ.

Проснувшись, подозвалъ я Савельича и вмѣсто его увидѣлъ передъ собою Марью Ивановну; ангельскій голосъ ея меня привѣтствовалъ. Не могу выразить сладостнаго чувства, овладѣвшаго мною въ эту минуту. Я схватилъ ея руку и прильнулъ къ ней, обливая слезами умиленія. Маша не отрывала ея... и вдругъ ея губки коснулись моей щеки, и я почувствовалъ ихъ жаркій и свѣжій поцѣлуй. Огонь пробѣжалъ по мнѣ. „Милая, добрая Марья Ивановна“, сказалъ я ей: „будь моею женою, согласись на мое счастье“. Она опомнилась.— „Ради Бога успокойтесь“, сказала она, отнявъ у меня свою руку. „Вы еще въ опасности: рана можетъ открыться. Поберегите себя хоть для меня“. Съ этимъ словомъ она ушла, оставя меня въ упоеніи восторга. Счастье воскресило меня. Она будетъ моя! она меня любитъ! Эта мысль наполнила все мое существованіе.

Съ той поры мнѣ часъ отъ часу становилось лучше. Меня лѣчилъ полковой цырюльникъ, ибо въ крѣпости другого лѣкаря не было, и слава Богу, — не умничалъ. Молодость и природа ускорили мое выздоровленіе. Все семейство коменданта за мной ухаживало. Марья Ивановна отъ меня не отходила. Разумѣется, при первомъ удобномъ случаѣ я принялся за прерванное объясненіе, и Марья Ивановна

выслушала меня терпѣливѣе. Она безъ всякаго жеманства призналась мнѣ въ сердечной склонности и сказала, что ея родители, конечно, рады будутъ ея счастію. „Но подумай хорошенько“, прибавила она: „со стороны твоихъ родныхъ не будетъ ли препятствія?“

Я задумался. Въ нѣжности матушкиной я не сомнѣвался; но, зная нравъ и образъ мыслей отца, я чувствовалъ, что любовь моя не слишкомъ его тронетъ и что онъ будетъ на нее смотрѣть, какъ на блажь молодого человѣка. Я чистосердечно признался въ томъ Марьѣ Ивановнѣ и рѣшилъ, однако, писать къ батюшкѣ какъ можно краспорѣчивѣе, прося родительскаго благословенія. Я показалъ письмо Марьѣ Ивановнѣ, которая нашла его столь убѣдительнымъ и трогательнымъ, что не сомнѣвалась въ успѣхѣ его и предалась чувствамъ нѣжнаго своего сердца со всею довѣрчивостію молодости и любви.

Со Швабринымъ я помирился въ первые дни моего выздоровленія. Иванъ Кузьмичъ, выговаривая мнѣ за поединокъ, сказалъ мнѣ: „Эхъ, Петръ Андреичъ! надлежало бы мнѣ посадить тебя подъ арестъ, да ты ужъ и безъ того наказанъ. А Алексѣй Ивановъ у меня таки сидитъ въ хлѣбномъ магазинѣ подъ карауломъ, и шпага его подъ замкомъ у Василисы Егоровны. Пускай онъ себѣ надумается, да раскается.“ Я слишкомъ былъ счастливъ, чтобъ хранить въ сердцѣ чувство непріязненное. Я сталъ просить за Швабрину, и добрый комендантъ, съ согласія своей супруги, рѣшилъ его освободить. Швабринъ пришелъ ко мнѣ; онъ изъявилъ глубокое сожалѣніе о томъ, что случилось между нами, признался, что былъ кругомъ виноватъ, и просилъ меня забыть о прошедшемъ. Будучи отъ природы незло-

памятень, я искренно простилъ ему и нашу ссору, и рану, мною отъ него полученную. Въ клеветѣ его видѣлъ я досаду оскорбленнаго самолюбія и отвергнутой любви и великодушно извинялъ своего несчастнаго соперника.

Вскорѣ я выздоровѣлъ и могъ перебраться на мою квартиру. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я отвѣта на посланное письмо, не смѣя надѣяться и стараясь заглушить печальныя предчувствія. Съ Василисой Егоровной и съ ея мужемъ я еще не объяснился, но предложеніе мое не должно было ихъ удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать отъ нихъ свои чувства, и мы заранѣе были ужъ увѣрены въ ихъ согласіи.

Наконецъ, однажды утромъ Савельичъ вошелъ ко мнѣ, держа въ рукахъ письмо. Я схватилъ его съ трепетомъ. Адресъ былъ написанъ рукою батюшки. Это приуготовило меня къ чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мнѣ матушка, а онъ въ концѣ приписывалъ нѣсколько строкъ. Долго не распечатывалъ я пакета и перечитывалъ торжественную надпись: „Сыну моему Петру Андреевичу Гриневу, въ Оренбургскую губернію, въ Бѣлогорскую крѣпость.“ Я старался по почерку угадать расположеніе духа, въ которомъ писано было письмо, наконецъ рѣшился его распечатать — и съ первыхъ строкъ увидѣлъ, что все дѣло пошло къ чорту. Содержаніе письма было слѣдующее:

„Сынъ мой Петръ! Письмо твое, въ которомъ просишь ты насъ о родительскомъ нашемъ благословеніи и согласіи на бракъ съ Марьей Ивановой дочерью Мироновой, мы получили 15-го сего мѣсяца, и не только ни моего благословенія, ни моего согласія дать я тебѣ не намѣренъ, но еще и собираюсь

до тебя добраться, да за проказы твои проучить тебя путемъ, какъ мальчишку, не смотря на твой офицерскій чинъ, ибо ты доказалъ, что шпагу носить еще недостойнъ, которая пожалована тебѣ на защиту отечества, а не для дуелей съ такими же сорванцами, каковъ ты самъ. Немедленно буду писать къ Андрею Карловичу, прося его перевести тебя изъ Бѣлогорской крѣпости куда-нибудь подальше, гдѣ бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнавъ о твоёмъ поединкѣ и о томъ, что ты раненъ, съ горести занемогла и теперь лежитъ. Что изъ тебя будетъ? Молю Бога, чтобы ты исправился, хоть и не смѣю надѣяться на Его великую милость³⁵.

Отецъ твой А. Г.“

Чтеніе сего письма возбудило во мнѣ разныя чувствованія. Жестокія выраженія, на которыя батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебреженіе, съ какимъ онъ упоминалъ о Марьѣ Ивановнѣ, казалось мнѣ столь же непристойнымъ, какъ и несправедливымъ. Мысль о переведеніи моемъ изъ Бѣлогорской крѣпости меня ужасала, но всего болѣе огорчило меня извѣстіе о болѣзни матери. Я негодовалъ на Савельича, не сомнѣваясь, что поединокъ мой сталъ извѣстенъ родителямъ черезъ него. Шагая назадъ и впередъ по тѣсной моей комнатѣ, я остановился передъ нимъ и сказалъ, взглянувъ на него грозно:

— Видно, тебѣ не довольно, что я, благодаря тебя, раненъ и цѣлый мѣсяцъ былъ на краю гроба: ты и мать мою хочешь уморить.

Савельичъ былъ пораженъ какъ громомъ.

— Помилуй, сударь, сказалъ онъ, чуть не зарыдавъ: что это изволишь говорить? Я причина, что ты былъ раненъ? Богъ видитъ³⁶, бѣжалъ я засло-

нить тебя своею грудью отъ шпаги Алексѣя Иванаича! Старость проклятая помѣшала. Да что-жь я сдѣлалъ матушкѣ-то твоей?

— Что ты сдѣлалъ? отвѣчалъ я. Кто просилъ тебя писать на меня доносы? Развѣ ты приставленъ ко мнѣ въ шпионы?

— Я писалъ на тебя доносы? отвѣчалъ Савельичъ со слезами. Господи, Царю небесный! Такъ изволь-ка, прочитай ³⁷, что пишетъ ко мнѣ баринъ: увидишь, какъ я доносилъ на тебя.

Тутъ онъ вынулъ изъ кармана письмо и прочелъ слѣдующее:

„Стыдно тебѣ, старый песь, что ты, не взирая на мои строгія приказанія, мнѣ ³⁸ не донесъ о сынѣ моемъ Петрѣ Андреевичѣ, и что посторонніе ³⁹ принуждены увѣдомлять меня о его проказахъ. Такъ ли ты исполняешь свою должность и господскую волю? Я тебя, стараго пса, пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство къ молодому человѣку. Съ полученіемъ сего, приказываю тебѣ немедленно отписать ко мнѣ, каково теперь его здоровье, о которомъ пишутъ мнѣ, что поправилось, да въ какое именно мѣсто онъ раненъ, и хорошо ли его залѣчили“.

Очевидно было, что Савельичъ передо мною былъ правъ и что я напрасно оскорбилъ его упрямомъ и подозрѣніемъ. Я просилъ у него прощенія, но старикъ былъ неутѣшенъ.

— Вотъ, до чего я дожилъ, повторялъ онъ: вотъ, какихъ милостей дослужился отъ своихъ господъ! Я и старый песь, и свинопасъ, да я-жь и причина твоей раны? Нѣтъ, батюшка Петръ Андреевичъ! не я, проклятый мусье всему виноватъ: онъ научилъ тебя тыкаться желѣзными вертелами, да притопывать,

какъ будто тыканьемъ да топаньемъ убережешься отъ злого человѣка! Нужно было нанимать мусье, да тратить лишнія деньги!

Но кто же бралъ на себя трудъ увѣдомить отца моего о моемъ поведеніи? Генераль? Но онъ, казалось, обо мнѣ не слишкомъ заботился, а Иванъ Кузьмичъ не почелъ за нужное рапортовать о моемъ поединкѣ. Я терялся въ догадкахъ. Подозрѣнія мои остановились на Швабринѣ. Онъ одинъ имѣлъ выгоду въ доносѣ, коего слѣдствіемъ могло быть удаленіе мое изъ крѣпости и разрывъ съ комендантскимъ семействомъ. Я пошелъ объявить обо всемъ Марьѣ Ивановнѣ. Она встрѣтила меня на крыльцѣ. „Что это съ вами сдѣлалось?“ — сказала она, увидѣвъ меня. „Какъ вы блѣдны!“ — „Все кончено!“ — отвѣчалъ я и отдалъ ей батюшкино письмо. Она поблѣднѣла въ свою очередь. Прочитавъ, она возвратила мнѣ письмо дрожащею рукою и сказала дрожащимъ голосомъ: „Видно, мнѣ не судьба... Родные ваши не хотятъ меня въ свою семью. Буди во всемъ воля Господня! Богъ лучше нашего знаетъ, что намъ надобно. Дѣлать нечего ⁴⁰, Петръ Андреичъ, будьте хоть вы счастливы“... — „Этому ⁴¹ не бывать!“ — вскричалъ я, схвативъ ее за руку: „ты меня любишь; я готовъ на все. Пойдемъ, кинемся въ ноги къ твоимъ родителямъ; они люди простые, не жестокосердые гордецы... Они насъ благословятъ; мы обвѣнчаемся... а тамъ, современемъ, я увѣренъ, мы умолимъ отца моего; матушка будетъ за насъ; онъ меня проститъ“... — „Нѣтъ, Петръ Андреичъ,“ отвѣчала Маша: „я не выйду за тебя безъ благословенія твоихъ родителей. Безъ ихъ благословенія не будетъ тебѣ счастья. Покоримся волѣ Бождей. Коли найдешь себѣ суженую, коли полюбишь другую —

Богъ съ тобою, Петръ Андреичъ, а я за васъ обоихъ"... Тутъ она заплакала и ушла отъ меня; я хотѣлъ было войти за нею въ комнату, но чувствовалъ, что былъ не въ состояніи владѣть самимъ собою, и воротился домой.

Я сидѣлъ, погруженный въ глубокую задумчивость, какъ вдругъ Савельичъ прервалъ мои размышленія. „Вотъ, сударь“,—сказалъ онъ, подавая исписанный листъ бумаги: „посмотри, доносчикъ ли я на своего барина и стараюсь ли я помутить сына съ отцомъ“. Я взялъ изъ рукъ его бумагу: это былъ отвѣтъ Савельича на полученное имъ письмо. Вотъ онъ отъ слова до слова:

„Государь Андрей Петровичъ, отецъ нашъ милостивый!

„Милостивое писаніе ваше я получилъ, въ которомъ изволишь ⁴² гнѣваться на меня, раба вашего, что-де стыдно мнѣ не исполнять господскихъ приказаній; а я не старый песь, а вѣрный вашъ слуга, господскихъ приказаній слушаюсь и усердно вамъ всегда служилъ и дожилъ до сѣдыхъ волосъ. Я-жь про рану Петра Андреича ничего къ вамъ не писалъ, чтобъ не испужать понапрасну, и слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна, и такъ съ испугу слегла, и за ея здоровье Бога буду молить. А Петръ Андреичъ раненъ былъ подъ правое плечо, въ грудь, подъ самую косточку, въ глубину на полтора вершка, и лежалъ онъ въ домѣ у коменданта, куда принесли мы его съ берега, и лѣчилъ его здѣшній цырюльникъ Степанъ Парамоновъ, и теперь Петръ Андреичъ слава Богу, здоровъ, и про него, кромѣ хорошаго, нечего и писать. Командиры, слышно, имъ довольны; а у Василисы Егоровны онъ какъ родной сынъ. А что съ нимъ случилась такая оказія, то былъ

молодцу не укора: конь ⁴³ и о четырехъ ногахъ, да спотыкается. И изволите вы писать, что сошлете меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За симъ кланяюсь рабски.

Вѣрный холопъ вашъ

Архипъ Савельевъ“.

Я не могъ нѣсколько разъ не улыбнуться, читая грамоту добраго старика. Отвѣчать батюшкѣ я былъ не въ состояніи, а чтобъ успокоить матушку, письмо Савельича мнѣ показалось ⁴⁴ достаточнымъ.

Съ той поры положеніе мое перемѣнилось. Марья Ивановна почти со мною не говорила и всячески старалась избѣгать меня. Домъ коменданта сталъ для меня постыль. Мало-по-малу приучился я сидѣть одинъ у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мнѣ пеняла, но, видя мое упрямство, оставила меня въ покоѣ. Съ Иваномъ Кузьмичемъ видѣлся я только, когда того требовала служба, со Швабринымъ встрѣчался рѣдко и неохотно, тѣмъ болѣе, что замѣчалъ въ немъ скрытую къ себѣ непріязнь, что и утверждало меня въ моихъ подозрѣніяхъ. Жизнь моя сдѣлалась мнѣ несносна. Я впалъ въ мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездѣйствіе. Любовь моя разгоралась въ уединеніи и часъ отъ часу становилась мнѣ тягостнѣе. Я потерялъ охоту къ чтенію и словесности. Духъ мой упалъ. Я боялся или сойти съ ума, или удариться въ распутство. Неожиданныя происшествія, имѣвшія важныя вліянія на всю мою жизнь, дали вдругъ моей душѣ сильное и благое потрясеніе.

ГЛАВА VI.

Пугачевщина.

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, стары старики, будемъ ска-
зывать.

П ѣ с н я.

Прежде нежели приступлю къ описанію стран-ныхъ происшествій, коихъ ⁴⁵ я былъ свидѣтель, я долженъ сказать нѣсколько словъ о положеніи, въ которомъ находилась Оренбургская губернія въ концѣ 1773 года.

Сія обширная и богатая губернія обитаема была множествомъ полудикихъ народовъ, признавшихъ еще недавно владычество російскихъ государей. Ихъ поминутныя возмущенія, непривычка къ законамъ и гражданской жизни, легкомысліе и жестокость требо-вали со стороны правительства непрестаннаго над-зора для удержанія ихъ въ повиновеніи. Крѣпости выстроены были въ мѣстахъ, признанныхъ удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними обладателями яицкихъ береговъ. Но яицкіе казаки-долженствовавшіе охранять спокойствіе и безопас-ность сего края, съ нѣкотораго времени были сами для правительства неспокойными и опасными поддан-ными. Въ 1772 году произошло возмущеніе въ ихъ главномъ городкѣ. Причиною тому были стро-гія мѣры, предпріятыя генераль-маіоромъ Траубен-бергомъ, дабы привести войско къ должному пови-новенію. Слѣдствіемъ было варварское убіеніе Трау-бенберга, своевольная перемѣна въ управленіи и наконецъ, усмиреніе бунта картечью и жестокими на-казаніями.

Это случилось за нѣсколько времени передъ прибытіемъ моимъ въ Бѣлогорскую крѣпость. Все было уже тихо или казалось таковымъ; начальство слишкомъ легко повѣрило мнимому раскаянію лукавыхъ мятежниковъ, которые злобствовали втайнѣ и выжидали удобнаго случая для возобновленія безпорядковъ.

Обращаюсь къ моему разсказу.

Однажды вечеромъ (это было въ началѣ октября 1773 года) сидѣлъ я дома одинъ, слушая вой осенняго вѣтра и смотря въ окно на тучи, бѣгущія мимо луны. Пришли меня звать отъ имени коменданта. Я тотчасъ отправился. У коменданта нашелъ я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкаго урядника. Въ комнатѣ не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендантъ со мною поздоровался съ видомъ озабоченнымъ. Онъ заперъ двери, всѣхъ усадилъ, кромѣ урядника, который стоялъ у дверей, вынулъ изъ кармана бумагу и сказалъ намъ: „Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишетъ генераль“. Тутъ онъ надѣлъ очки и прочелъ слѣдующее:

„Господину коменданту Бѣлогорской крѣпости капитану Миронову.

По секрету.

„Симъ извѣщаю васъ, что убѣжавшій изъ-подъ караула донской казакъ и раскольникъ Емельянъ Пугачевъ, учиня непростительную дерзость принятіемъ на себя имени покойнаго императора Петра III, собралъ злодѣйскую шайку, произвелъ возмущеніе въ яицкихъ селеніяхъ и уже взялъ и разорилъ нѣсколько крѣпостей, производя вездѣ грабежи и смертныя убійства. Того ради, съ полученіемъ сего имѣете вы, господинъ капитанъ, немедленно принять

надлежащія мѣры къ отраженію помянутаго злодѣя и самозванца, а буде можно — и къ совершенному уничтоженію онаго, если онъ обратится на крѣпость, ввѣренную вашему попеченію“.

— Принять надлежащія мѣры! сказалъ комендантъ, снимая ⁴⁶ очки и складывая бумагу. — Слышь ты, легко сказать. Злодѣй-то, видно, силенъ; а у насъ всего сто тридцать человекъ, не считая казаковъ, на которыхъ плоха надежда, не въ укоръ буди тебѣ сказано, Максимычъ. (Урядникъ усмѣхнулся). Однако, дѣлать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; въ случаѣ нападенія запирайте ворота, да выводите солдатъ. Ты, Максимычъ, смотри крѣпко за своими казаками. Пушку осмотрѣть, да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите все это въ тайнѣ, чтобъ въ крѣпости никто не могъ о томъ узнать преждевременно.

Раздавъ сіи повелѣнія, Иванъ Кузьмичъ насъ распустилъ. Я выпелъ вмѣстѣ со Швабринымъ, разсуждая о томъ, что мы слышали.

— Какъ ты думаешь, чѣмъ это кончится? — спросилъ я его.

— Богъ знаетъ, отвѣчалъ онъ: — посмотримъ. Важнаго покамѣстъ еще ничего не вижу. Если же...

Тутъ онъ задумался и въ разсѣяніи сталъ на-свистывать французскую арію.

Не смотря на всѣ наши предосторожности, вѣсть о появленіи Пугачева разнеслась по крѣпости. Иванъ Кузьмичъ хоть и очень уважалъ супругу, но ни за что на свѣтѣ не открылъ бы ей тайны, ввѣренной ему по службѣ. Получивъ письмо отъ генерала, онъ довольно искуснымъ образомъ выпро-

водилъ Василису Егоровну, сказавъ ей, будто бы отецъ Герасимъ получилъ изъ Оренбурга какія-то чудныя извѣстія, которыя содержитъ въ великой тайнѣ. Василиса Егоровна тотчасъ захотѣла отправиться въ гости къ попадѣ и, по совѣту Ивана Кузьмича, взяла съ собою и Машу, чтобъ ей не было скучно одной.

Иванъ Кузьмичъ, оставшись полнымъ хозяиномъ, тотчасъ послалъ за нами, а Палашку заперъ въ чуланъ, чтобъ она не могла насъ подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успѣвъ ничего вывѣдать отъ попады, и узнала, что во время ея отсутствія было у Ивана Кузьмича совѣщаніе и что Палашка была подъ замкомъ. Она догадалась, что была обманута мужемъ, и приступила къ нему съ допросомъ. Но Иванъ Кузьмичъ приготовился къ нападенію. Онъ нимало не смутился и бодро отвѣчалъ своей любопытной сожительницѣ: „А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломою; а какъ отъ того можетъ произойти несчастіе, то я и отдалъ строгій приказъ впередъ соломою бабамъ печей не топить, а топить хворостомъ и валежникомъ“. — „А для чего-жь было тебѣ запирать Палашку?“ спросила комендантша. — „За что бѣдная дѣвка просидѣла въ чуланѣ, пока мы не воротились?“ Иванъ Кузьмичъ не былъ приготовленъ къ такому вопросу; онъ запутался и пробормоталъ что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидѣла коварство своего мужа, но, зная, что ничего отъ него не добьется, прекратила свои вопросы и завела рѣчь о соленыхъ огурцахъ, которые Акулина Панфиловна приготовляла совершенно особеннымъ образомъ. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть и никакъ

не могла догадаться, что бы такое было въ головѣ ея мужа, о чемъ бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь отъ обѣдни, она увидѣла Ивана Игнатьича, который вытаскивалъ изъ пушки тряпички, камешки, щепки, бабки и соръ всякаго рода, запиханный въ нее ребятишками. „Что бы значили эти военныя приготовленія?“ — думала комендантша, — „ужь не ждутъ ли нападенія отъ киргизцевъ? Но неужто Иванъ Кузьмичъ сталъ бы отъ меня таить такіе пустяки?“ Она кликнула Ивана Игнатьича, съ твердымъ намѣреніемъ вывѣдать отъ него тайну, которая мучила ея дамское любопытство.

Василиса Егоровна сдѣлала ему нѣсколько замѣчаній касательно хозяйства, какъ судія, начинающій слѣдствіе вопросами посторонними, дабы сперва усыпить осторожность отвѣтчика. Потомъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, она глубоко вздохнула и сказала, качая головою: „Господи, Боже мой! Вишь, какія новости! Что изъ этого будетъ?“

— И, матушка! отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, — Богъ милостивъ; солдатъ у насъ довольно, пороху много, пушку я вычистилъ. Авось, дадимъ отпоръ Пугачеву. Господь не выдастъ, свинья не съѣстъ!

„А что за человѣкъ этотъ Пугачевъ?“ спросила комендантша.⁴⁷

Тутъ Иванъ Игнатьичъ замѣтилъ, что проговорился, и закусилъ языкъ. Но уже было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всемъ признаться, давъ ему слово не рассказывать о томъ никому.

Василиса Егоровна сдержала свое обѣщаніе и никому не сказала ни одного⁴⁸ слова, кромѣ попадѣи, и то потому только, что корова ея⁴⁹ ходила еще въ степи и могла быть захвачена злодѣями.

Вскорѣ всѣ заговорили о Пугачевѣ. Толки были различны. Комендантъ послалъ урядника съ порученіемъ развѣдать хорошенько обо всемъ по сосѣднимъ селеніямъ и крѣпостямъ. Урядникъ возвратился черезъ два дня и объявилъ, что въ степи, версть за шестьдесятъ отъ крѣпости, видѣлъ онъ множество огней и слышалъ отъ башкирцевъ, что идетъ невѣдомая сила. Впрочемъ, не могъ онъ сказать ничего положительнаго, потому что ѣхать далѣе побоялся.

Въ крѣпости между казаками замѣтно стало необыкновенное волненіе: во всѣхъ улицахъ они толпились въ кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизоннаго солдата. Подосланы были къ нимъ лазутчики. Юлай, крещеный калмыкъ, сдѣлалъ коменданту важное донесеніе. Показанія урядника, по словамъ Юлая, были ложны: по возвращеніи своемъ лукавый казакъ объявилъ своимъ товарищамъ, что онъ былъ у бунтовщиковъ, представлялся самому ихъ предводителю, который допустилъ его къ своей рукѣ и долго съ нимъ разговаривалъ. Комендантъ немедленно посадилъ урядника подъ карауль, а Юлая назначилъ на его мѣсто. Эта новость принята была казаками съ явнымъ неудовольствіемъ. Они громко роптали, и Иванъ Игнатьичъ, исполнитель комендантскаго распоряженія, слышалъ своими ушами, какъ они говорили: „Вотъ, уже тебѣ будетъ, гарнизонная крыса!“ Комендантъ думалъ въ тотъ же день допросить своего арестанта, но урядникъ бѣжалъ изъ подъ караула, вѣроятно, при помощи своихъ единомышленниковъ.

Новое обстоятельство усилило безпокойство коменданта. Схваченъ былъ башкирець съ возмути-

тельными листами. По сему случаю комендантъ думалъ опять собрать своихъ офицеровъ и для того хотѣлъ опять удалить Василису Егоровну подъ благовиднымъ предлогомъ. Но какъ Иванъ Кузьмичъ былъ человѣкъ самый прямодушный и правдивый, то и не нашелъ другого способа, кромѣ какъ единожды уже имъ употребленнаго.

— Слышь ты, Василиса Егоровна, сказалъ онъ ей, покашливая, — отецъ Герасимъ получилъ, говорятъ, изъ города...

„Полно врать, Иванъ Кузьмичъ“, прервала комендантша: „ты, знать, хочешь собрать совѣщаніе, да безъ меня потолковать объ Емельянѣ Пугачевѣ; да лихъ, не проведешь“.

Иванъ Кузьмичъ вытаращилъ глаза.

— Ну, матушка, — сказалъ онъ, — коли ты уже все знаешь, такъ, пожалуй, оставайся; мы потолкуемъ и при тебѣ.

„То-то, батька мой“, отвѣчала она: „не тебѣ бы хитрить; посылай-ка за офицерами“.

Мы собрались опять. Иванъ Кузьмичъ въ присутствіи жены прочелъ намъ воззваніе Пугачева, писанное какимъ-нибудь полуграмотнымъ казакомъ. Разбойникъ объявлялъ о своемъ намѣреніи немедленно идти на нашу крѣпость, приглашалъ казаковъ и солдатъ въ свою шайку, а командировъ увѣщевалъ не сопротивляться, угрожая казнію въ противномъ случаѣ. Воззваніе написано было въ грубыхъ, но сильныхъ выраженіяхъ, и должно было произвести опасное впечатлѣніе на умы простыхъ людей.

... — Каковъ мошенникъ! воскликнула комендантша. — Что смѣетъ еще намъ предлагать! Выйти къ нему на встрѣчу и положить къ ногамъ его знамена!.. Ахъ, онъ, собачій сынъ! Да развѣ не

знаеть онъ, что мы уже сорокъ лѣтъ въ службѣ и всего, слава Богу, насмотрѣлись? Неужто нашлись такіе командиры, которые послушались разбойника?

„Кажется, не должно бы“, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ. — „А слышно, злодѣй завладѣлъ ужь многими крѣпостями“.

— Видно, онъ въ самомъ дѣлѣ силенъ, замѣтилъ Швабринъ.

„А вотъ, сейчасъ узнаемъ настоящую его силу“, сказалъ комендантъ. „Василиса Егоровна, дай мнѣ ключъ отъ амбара. Иванъ Игнатьичъ, приведи-ка башкирца, да прикажи Юлаю принести сюда плетей“.

— Постой, Иванъ Кузьмичъ, сказала комендантша, вставая съ мѣста. — Дай, уведу Машу куда-нибудь изъ дому, а то услышитъ крикъ, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска. Счастливо оставаться.

Пытка встарину была такъ укоренена въ обычаяхъ судопроизводства, что благодѣтельный указъ, уничтожившій оную, долго оставался безъ всякаго дѣйствія. Думали, что собственное признаніе преступника необходимо было для его полнаго обличенія,⁵⁰ — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу, ибо если отрицаніе подсудимаго не пріемлется въ доказательство его невинности, то признаніе его и того менѣе должно быть доказательствомъ его виновности. Даже и нынѣ случается мнѣ слышать старыхъ судей, жалѣющихъ объ уничтоженіи варварскаго обычая. Въ наше же время никто не сомнѣвался въ необходимости пытки, — ни судьи, ни подсудимые. Итакъ, приказаніе коменданта никого изъ насъ не удивило и не встревожило. Иванъ Игнатьичъ отправился за

башкирецъ, который сидѣлъ въ амбарѣ, подѣ ключемъ у комендантши, и черезъ нѣсколько минутъ невольника привели въ переднюю. Комендантъ велѣлъ его къ себѣ представить.

Башкирецъ съ трудомъ шагнулъ черезъ порогъ (онъ былъ въ колодкѣ) и, снявъ высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянулъ на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человѣка. Ему казалось лѣтъ за семьдесятъ. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вмѣсто бороды торчало нѣсколько сѣдыхъ волосъ; онъ былъ малаго росту, тощъ и сгорбленъ, но узенькіе глаза его сверкали еще огнемъ. „Эхел“ сказалъ комендантъ, узнавъ, по страшнымъ его примѣтамъ, одного изъ бунтовщиковъ, наказанныхъ въ 1741 году, — „да ты, видно, старый волкъ, побывалъ въ нашихъ капканахъ. Ты, знать, не въ первой уже бунтуешь, коли у тебя такъ гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослалъ?“

Старый башкирецъ молчалъ и глядѣлъ на коменданта съ видомъ совершеннаго безсмыслія. „Что-же ты молчишь?“ продолжалъ Иванъ Кузьмичъ, — „али бельмеса по русски не разумѣешь? Юлай, спросика у него по-вашему, кто его подослалъ въ нашу крѣпость?“

Юлай повторилъ на татарскомъ языкѣ вопросъ Ивана Кузьмича. Но башкирецъ глядѣлъ на него съ тѣмъ же выраженіемъ и не отвѣчалъ ни слова.

— Якши, сказалъ комендантъ, — ты у меня заговоришь. Ребята! снимите-ка съ него дурацкій полосатый халатъ, да выстрочите ему спину. Смотри-жь, Юлай, хорошенько его!

Два инвалида стали башкирца раздѣвать. Лицо несчастнаго изобразило безпокойство. Онъ огляды-

вался на всѣ стороны, какъ звѣрокъ, пойманный дѣтьми. Когда-жъ одинъ изъ инвалидовъ взялъ его руки и, положивъ себѣ около шеи, поднялъ старика на свои плечи, а Юлай взялъ плеть и замахнулся,— тогда башкирецъ застоналъ слабымъ, умоляющимъ голосомъ и, кивая головою, открылъ ротъ, въ которомъ вмѣсто языка шевелился короткій обрубокъ.

Когда вспомню, что это случилось на моемъ вѣку и что нынѣ я дожилъ до кроткаго царствованія императора Александра,—не могу не дивиться быстрымъ успѣхамъ просвѣщенія и распространенію правилъ человѣколюбія. Молодой человѣкъ! Если записки мои попадутся въ твои руки, вспомни, что лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній.

Всѣ были поражены.

— Ну, сказалъ комендантъ, — видно, намъ отъ него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца въ амбаръ. А мы, господа, кой о чемъ еще потолкуемъ.

Мы стали разсуждать о нашемъ положеніи, какъ вдругъ Василиса Егоровна вошла въ комнату, задыхаясь и съ видомъ чрезвычайно встревоженнымъ.

— Что это съ тобою сдѣлалось? спросилъ изумленный комендантъ.

„Батюшка, бѣда!“ отвѣчала Василиса Егоровна: „Нижнеозерная взята сегодня утромъ. Работникъ отца Герасима сейчасъ оттуда воротился. Онъ видѣлъ, какъ ее брали. Комендантъ и всѣ офицеры перевѣшаны. Всѣ солдаты взяты въ полонъ. Того и гляди, злодѣи будутъ сюда“.

Неожиданная вѣсть сильно меня поразила. Комендантъ Нижнеозерной крѣпости, тихій и скромный

молодой человекъ, былъ мнѣ знакомъ: мѣсяца за два передъ тѣмъ проѣзжалъ онъ изъ Оренбурга съ молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузьмича ⁵¹. Нижнеозерная находилась отъ нашей крѣпости верстахъ въ двадцати пяти. Съ часу на часъ должно было и намъ ожидать нападенія Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мнѣ, и сердце у меня такъ и замерло.

— Послушайте, Иванъ Кузьмичъ! — сказалъ я коменданту. Долгъ нашъ защищать крѣпость до послѣдняго нашего издыханія; объ этомъ и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщинъ. Отправьте ихъ въ Оренбургъ, если дорога еще свободна, или въ отдаленную, болѣе надежную крѣпость, куда злодѣи не успѣли бы достигнуть.

Иванъ Кузьмичъ оборотился къ женѣ и сказалъ ей:

„А слышь ты, матушка, и въ самомъ дѣлѣ, не отправить ли васъ подалѣ, пока не управимся мы съ бунтовщиками?“

— И, пустое! — сказала комендантша. Гдѣ такая крѣпость, куда бы пули не залетали? Чѣмъ Бѣлогорская не надежна? Слава Богу, двадцать второй годъ въ ней проживаемъ. Видали и башкирцевъ, и киргизцевъ: авось и отъ Пугачева отсидимся!

„Ну, матушка,“ возразилъ Иванъ Кузьмичъ: „оставайся, пожалуй, коли ты на крѣпость нашу надѣешься. Да съ Машей-то что намъ дѣлать? Хорошо, коли отсидимся или дождемся сикурса; ну, а коли злодѣи возьмутъ крѣпость?“

— Ну, тогда...

Тутъ Василиса Егоровна заикнулась и замолчала съ видомъ чрезвычайнаго волненія.

„Нѣтъ, Василиса Егоровна,“ продолжалъ комендантъ, замѣчая, что его слова подѣйствовали, можетъ быть, въ первый разъ въ его жизни. — „Машѣ здѣсь оставаться нечего. Отправимъ ее въ Оренбургъ, къ ея крестной матери: тамъ и войска, и пушекъ довольно, и стѣна каменная. Да и тебѣ совѣтовалъ бы съ нею туда же отправиться; даромъ, что ты старуха, а посмотри, что съ тобою будетъ, коли возьмутъ фортецію приступомъ.“

— Добро, сказала комендантша; такъ и быть, отправимъ Машу. А меня и во снѣ не проси: не поѣду; нечего мнѣ подъ старость лѣтъ разставаться съ тобою, да искать одинокой могилы на чужой сторонѣ. . вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать.

„И то дѣло,“ сказалъ комендантъ. „Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу въ дорогу. Завтра чѣмъ свѣтъ ее и отправимъ, да дадимъ ей и конвой, хоть людей лишнихъ у насъ нѣтъ. Да гдѣ же Маша?“

— У Акулины Памфиловны, — отвѣчала комендантша. Ей сдѣлалось дурно, какъ услышала о взятіи Нижнеозерной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи Владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать объ отѣздѣ дочери. Разговоръ у коменданта продолжался, но я уже въ него не мѣшался и ничего не слушалъ. Марья Ивановна явилась къ ужину блѣдная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали изъ-за стола скорѣе обыкновеннаго; простясь со всѣмъ семействомъ, мы отправились по домамъ. Но я нарочно забылъ свою шпагу⁵² и воротился за нею:⁵³ я предчувствовалъ, что застаю Марью Ивановну одну. Въ самомъ дѣлѣ, она встрѣтила меня въ дверяхъ и вручила мнѣ шпагу.⁵⁴ „Прощайте, Петръ

Андреичъ!“ сказала она мнѣ со слезами: „меня посылають въ Оренбургъ. Будьте живы и счастливы; можетъ быть, Господь приведетъ насъ другъ съ другомъ увидѣться; если же нѣтъ“... Тутъ она зарыдала. Я обнялъ ее. „Прощай, ангелъ мой,“ сказалъ я: „прощай, моя милая, моя желанная! Чтò бы со мною ни было, вѣрь, что послѣдняя моя мысль и послѣдняя молитва будетъ о тебѣ!“ Маша рыдала, прильнувъ къ моей груди. Я съ жаромъ ее поцѣловалъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА VII.

П р и с т у п ъ.

Голова моя, головушка,
 Голова послуживая!
 Постужила моя головушка
 Ровно тридцать лѣтъ и три года;
 Ахъ, не выслужила головушка
 Ни корысти себѣ, ни радости,
 Какъ ни слова себѣ добраго
 И ни рангу себѣ високаго;
 Только выслужила головушка
 Два высокіе столбика,
 Перекладинку кленовую,
 Еще петельку шелковую.

Народная пѣсня.

Въ эту ночь я не раздѣвался. Я намѣренъ былъ отправиться на зарѣ къ крѣпостнымъ воротамъ, откуда Марья Ивановна должна была выѣхать, и тамъ проститься съ нею въ послѣдній разъ. Я чувствовалъ въ себѣ великую перемену: волненіе души моей было мнѣ гораздо менѣе тягостно, нежели то уныніе, въ которое еще недавно былъ я погруженъ. Съ грустію разлуки сливались во мнѣ и неясныя, но сладостныя надежды, и нетерпѣливое ожиданіе опасностей, и чувства благороднаго честолюбія. Ночь прошла незамѣтно. Я хотѣлъ уже

выйти изъ дому, какъ дверь моя отворилась и ко мнѣ явился капраль съ донесеніемъ, что наши казаки ночью выступили изъ крѣпости, взявъ съ собою насильно Юлая, и что около крѣпости разъѣзжаютъ невѣдомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успѣетъ выѣхать, ужаснула меня; я поспѣшно далъ капралу нѣсколько наставленій и тотчасъ бросился къ коменданту.

Ужь разсвѣтало. Я летѣлъ по улицѣ, какъ услышалъ, что зовутъ меня. Я остановился.

— Куда вы? — сказалъ Иванъ Игнатьичъ, догоняя меня. Иванъ Кузьмичъ на валу и послалъ меня за вами. Пугачъ пришелъ.

„Уѣхала ли Марья Ивановна?“ спросилъ я съ сердечнымъ трепетомъ.

— Не успѣла, — отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ: дорога въ Оренбургъ отрѣзана; крѣпость окружена. Плохо, Петръ Андреичъ!

Мы пошли на валъ, возвышеніе, образованное природой и укрѣпленное частоколомъ. Тамъ уже толпились всѣ жители крѣпости. Гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ. Пушку туда перетащили наканунѣ. Комендантъ расхаживалъ передъ своимъ малочисленнымъ строемъ. Близость опасности одушевляла стараго воина бодростію необыкновенной. По степи, не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости, разъѣзжали человекъ двадцать верхами. Они, казалось, были казаки; но между ними находились и башкирцы, которыхъ легко было распознать по ихъ рысымъ шапкамъ и по колчанамъ. Комендантъ обошелъ свое войско, говоря солдатамъ: „Ну, дѣтушки, постоимъ сегодня за матушку-государыню и докажемъ всему свѣту, что мы люди brave и присяжные!“ Солдаты громко изъявили усердіе. Швабринъ стоялъ

подлѣ меня и пристально глядѣль на непріятеля. Люди, развѣзжающіе въ степи, замѣтя движеніе въ крѣпости, съѣхались въ кучку и стали между собою толковать. Комендантъ велѣль Ивану Игнатьичу навести пушку на ихъ толпу и самъ приставиль фитиль. Ядро зажужжало и пролетѣло надъ ними, не сдѣлавъ никакого вреда. Наѣздники, разсѣясь, тотчасъ ускакали изъ виду, и степь опустѣла.

Тутъ явилась на валу Василиса Егоровна и съ нею Маша, не хотѣвшая отстать отъ нея.

„Ну, что?“ сказала комендантша. „Каково идетъ баталія? Гдѣ же непріятель?“

— Непріятель недалече, — отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ. Богъ дастъ, все будетъ ладно. Что, Маша, страшно тебѣ?

„Нѣтъ, папенька,“ отвѣчала Марья Ивановна: „дома одной страшнѣе.“

Тутъ она взглянула на меня и съ усиліемъ улыбнулась. Я невольно стиснулъ рукоять моей шпаги, вспомня, что наканунѣ получилъ ее изъ ея рукъ, какъ бы на защиту моей любезной. Сердце мое горѣло. Я воображалъ себя ея рыцаремъ. Я жаждалъ доказать, что былъ достоинъ ея довѣренности, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать рѣшительной минуты.

Въ это время изъ-за высоты, находившейся въ полверстѣ отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ степь устѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками. Между ними, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ человѣкъ въ красномъ кафтанѣ, съ обнаженной саблею въ рукѣ: это былъ самъ Пугачевъ. Онъ остановился; его окружили и, какъ видно, по его повелѣнію, четыре человѣка отдѣлились и во весь опоръ подскакали подъ самую крѣпость. Мы въ нихъ узнали своихъ измѣнниковъ.

Одинъ изъ нихъ держалъ надъ шапкою листъ бумаги; у другого на копѣ воткнута была голова Юлая, которую, стряхнувъ, перекинулъ онъ къ намъ черезъ частоколь. Голова бѣднаго калмыка упала къ ногамъ коменданта. Измѣнники кричали:

„Не стрѣляйте; выходите вонъ къ государю. Государь здѣсь!“

— Вотъ я васъ! — закричалъ Иванъ Кузьмичъ. Ребята, стрѣляй!

Солдаты наши дали залпъ. Казакъ, державшій письмо, зашатался и свалился съ лошади; другіе поскакали назадъ. Я взглянулъ на Марью Ивановну. Пораженная видомъ окровавленной головы Юлая, оглушенная залпомъ, она казалась безъ памяти. Комендантъ подозвалъ капрала и велѣлъ ему взять листъ изъ рукъ убитаго казака. Капраль вышелъ въ поле и возвратился, ведя подъ уздцы лошадь убитаго. Онъ вручилъ коменданту письмо. Иванъ Кузьмичъ прочелъ его про себя и разорвалъ потомъ въ клочки. Между тѣмъ, мятежники видимо приготавливались къ дѣйствию. Вскорѣ пули начали свистать около нашихъ ушей, и нѣсколько стрѣлъ воткнулись около насъ въ землю и въ частоколь. „Василиса Егоровна!“ сказалъ комендантъ: „здѣсь не бабье дѣло, уведи Машу: видишь, дѣвка ни жива, ни мертва“.

Василиса Егоровна, присмирѣвшая подъ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе, потомъ обратилась къ мужу и сказала ему: „Иванъ Кузьмичъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу. Маша, подойди къ отцу“.

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузьмичу, стала на колѣна и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды,

потомъ поднялъ и, поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ:

„Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый чело-вѣкъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе“.

Маша кинулась ему на шею и зарыдала.

— Поцѣлуемся-жь и мы, — сказала, заплакавъ, комендантша. — Прощай, мой Иванъ Кузьмичъ. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила!

„Прощай, прощай, матушка!“ сказалъ комендантъ, обнявъ свою старуху. — „Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой, да коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ.“

Комендантша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ вслѣдъ Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мнѣ головой. Тутъ Иванъ Кузьмичъ оборотился къ намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мятежники съѣзжались около своего предводителя и вдругъ начали слѣзать съ лошадей. „Теперь стойте крѣпко,“ сказалъ комендантъ: „будетъ приступъ“... Въ эту минуту раздался страшный визгъ и крики; мятежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую средину толпы. Мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди... Онъ махалъ саблею и, казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились. „Ну, ребята,“ сказалъ комендантъ: „теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ. Ребята! впередъ, на вылазку, за мною!“

Комендантъ, Иванъ Игнатьичъ и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ, но оробѣлый гарнизонъ не тронулся. „Что-жь вы, дѣтушки, стоите?“ закричалъ Иванъ Кузьмичъ. „Умирать, такъ умирать, дѣло служивое!“ Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибли было съ ногъ, но я всталъ и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненый въ голову, стоялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился было къ нему на помощь; нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, приговаривая: „Вотъ, ужо вамъ будетъ, государевымъ послушникамъ!“ Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ. Вдругъ закричали въ толпѣ, что государь на площади ожидаетъ плѣнныхъ и принимаетъ присягу. Народъ повалилъ на площадь; насъ погнали туда же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красный казацкій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая соболя шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лицо его показалось мнѣ знакомо. Казацкіе старшины окружили его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца съ крестомъ въ рукахъ и, казалось, молча умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народъ и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина. „Который комендантъ?“ спросилъ самозванецъ. Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузьмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и ска-

заль ему: „Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?“—Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: „Ты мнѣ не государь; ты воръ и самозванецъ, слышь ты!“ Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ. На ея перекладинѣ очутился верхомъ изувѣченный башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держалъ въ рукѣ веревку и черезъ минуту увидѣлъ я бѣднаго Ивана Кузьмича вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича. „Присягай,“ сказалъ ему Пугачевъ, — „государю Петру Ѳедоровичу!“ — „Ты намъ не государь,“ отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, повторяя слова своего капитана. — „Ты, дядюшка, воръ и самозванецъ!“ Пугачевъ махнулъ опять платкомъ, и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ неопisanному моему изумленію, увидѣлъ я среди мятежныхъ старшинъ Швабрина, обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. „Вѣшать его!“—сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня. Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу. „Небось, небось“, — повторяли мнѣ губители, можетъ быть, и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услышалъ я крикъ: „Постойте, окаянные! погодите!“... Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ

лежить въ ногахъ у Пугачева. „Отець родной!“ говорилъ бѣдный дядька. — „Что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его! за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня, старика!“ Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили. „Батюшка нашъ тебя милуетъ“, — говорили мнѣ. Въ эту минуту, не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу, однако-жь, чтобъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку. „Цѣлуй руку, цѣлуй руку!“ — говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію. „Батюшка, Петръ Андреичъ!“ шепталъ Савельичъ, стоя за мною и толкая меня. — „Не упрямясь! что тебѣ стоитъ? плюнь да поцѣлуй у злод... (тьфу!) поцѣлуй у него ручку“. Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкою: „Его благородіе, знать, одурѣлъ отъ радости. Подымите его!“ Меня подняли и оставили на свободѣ. Я сталъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходили одинъ за другимъ, цѣлуя Распятіе и потомъ кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тутъ же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они, отряхиваясь, подходили къ рукѣ Пугачева, который объявлялъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около трехъ часовъ. Наконецъ, Пугачевъ всталъ съ креселъ и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи своихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатой сбруей. Два казака

взяли его подъ руки и посадили на сѣдло. Онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ ту минуту раздался женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздѣтую до-нага. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали перины, сундуки, чайную посуду, бѣлье и всю рухлядь. „Батюшки мои!“ кричала бѣдная старушка. — „Отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузьмичу!“ Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа. „Злодѣи!“ закричала она въ изступленіи. „Что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузьмичъ, удалая солдатская головушка! Не тронули тебя ни штыки прусскіе, ни пули турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника!“ — „Унять старую вѣдьму!“ — сказалъ Пугачевъ. Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачевъ уѣхалъ; народъ бросился за нимъ.

ГЛАВА VIII.

Незванный гость.

Незванный гость хуже татарина.
П о с л о в и ц а.

Площадь опустѣла. Я все стоялъ на одномъ мѣстѣ и не могъ привести въ порядокъ мысли, смущенныя столь ужасными впечатлѣніями.

Неизвѣстность о судьбѣ Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Гдѣ она? что съ нею? успѣли ли спрятаться? надежно ли ея убѣжище?.. Полный тревожными мыслями, я вошелъ въ коменданскій домъ... Все было пусто; стулья, столы, сундуки

были переломаны; посуда перебита, все растаскано. Я взбѣжалъ по маленькой лѣстницѣ, которая вела въ свѣтлицу, и въ первый разъ отъ роду вошелъ въ комнату Марьи Ивановны. Я увидѣлъ ее постелю, перерытую разбойниками; шкафъ былъ разломанъ и ограбленъ; лампадка теплилась еще передъ опустѣлымъ кивотомъ. Уцѣлѣло и зеркальце, висѣвшее въ простѣнкѣ... Гдѣ-жь была хозяйка этой смиренной дѣвической кельи? Страшная мысль мелькнула въ умѣ моемъ: я вообразилъ ее въ рукахъ у разбойниковъ... Сердце мое сжалось... Я горько, горько заплакалъ и громко произнесъ имя моей любезной... Въ эту минуту послышался легкій шумъ, и изъ-за шкапа явилась Палаша, блѣдная и трепещущая.

„Ахъ, Петръ Андреичъ!“ сказала она, сплеснувъ руками. „Какой денекъ! какія страсти!..“

— А Марья Ивановна? — спросилъ я нетерпѣливо. — Что Марья Ивановна?

„Барышня жива,“ отвѣчала Палаша: „она спрятана у Акулины Памфиловны.“

— У попадьи! — вскричалъ я съ ужасомъ. Боже мой! да тамъ Пугачевъ!..

Я бросился вонъ изъ комнаты, мигомъ очутился на улицѣ и опрометью побѣжалъ въ домъ священника, ничего не видя и не чувствуя. Тамъ раздавались крики, хохотъ и пѣсни... Пугачевъ пировалъ съ своими товарищами. Палаша прибѣжала туда же за мною. Я подослалъ ее вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Черезъ минуту попадья вышла ко мнѣ въ сѣни съ пустымъ штофомъ въ рукахъ.

„Ради Бога! гдѣ Марья Ивановна?“ спросилъ я съ неизъяснимымъ волненіемъ.

— Лежитъ, моя голубушка, у меня на кровати, тамъ, за перегородкою, отвѣчала попадья. Ну, Петръ

Андреичъ, чуть было не струсилъ бѣда, да слава Богу, все прошло благополучно: злодѣй только что усѣлся обѣдать, какъ она, моя бѣдняжка, очнется, да застонетъ!.. Я такъ и обмерла. Онъ услышалъ. „А кто это у тебя охаетъ, старуха?“ — Я вору въ поясъ: племянница моя, государь, захворала, лежитъ, вотъ ужъ другая недѣля. — „А молода твоя племянница?“ — Молода, государь. — „А покажи-ка мнѣ, старуха, свою племянницу“. У меня сердце такъ и екнуло, да нечего было дѣлать. — „Изволь, государь; только дѣвка-то не можетъ встать и придти къ твоей милости“. — Ничего, старуха, я и самъ пойду погляжу. — И вѣдь пошелъ, окаянный, за перегородку, какъ ты думаешь! вѣдь отдернулъ занавѣсъ, взглянулъ ястребиными своими глазами — и ничего... Богъ вынесъ! А вѣришь ли, я и батька мой такъ ужъ и приготовились къ мученической смерти. Къ счастью она, моя голубушка, не узнала его. Господи Владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! Бѣдный Иванъ Кузьмичъ! кто бы подумалъ!.. А Василиса-то Егоровна? А Иванъ-то Игнатьичъ? Его-то за что?.. Какъ это васъ пощадили? А каковъ Швабринъ, Алексѣй Ивановичъ? Вѣдь остригся въ кружокъ и теперь у насъ тутъ же съ ними пируетъ! Проворенъ, нечего сказать! А какъ сказала я про больную племянницу, такъ онъ, вѣришь ли, такъ взглянулъ на меня, какъ бы ножомъ насквозь, однако не выдалъ, спасибо ему и за то.

Въ эту минуту раздались пьяные крики гостей и голосъ отца Герасима. Гости требовали вина, хозяинъ кликалъ сожительницу. Попадья расхлопоталась.

— Ступайте себѣ домой, Петръ Андреичъ, сказала она:—теперь не до васъ: у злодѣевъ попойка

идеть. Бѣда, попадетесь подъ пьяную руку. Прощайте, Петръ Андреичъ. Что будетъ, то будетъ; авось, Богъ не оставитъ.

Попадья ушла. Нѣсколько успокоенный, я отправился къ себѣ на квартиру. Проходя мимо площади, я увидѣлъ нѣсколько башкирцевъ, которые тѣснились около висѣлицы и стаскивали сапоги съ повѣшенныхъ; съ трудомъ удержалъ я порывъ негодованія, чувствуя бесполезность заступленія. По крѣпости бѣгали разбойники, грабя офицерскіе дома. Вездѣ раздавались крики пьянствующихъ мятежниковъ. Я пришелъ домой. Савельичъ встрѣтилъ меня у порога.

„Слава Богу!“ вскричалъ онъ, увидя меня. „Я было думалъ, что злодѣи опять тебя подхватили. Ну, батюшка, Петръ Андреичъ! вѣришь ли, все у насъ разграбили, мошенники: платье, бѣлье, вещи, посуду, — ничего не оставили. Да что ужъ! Слава Богу, что тебя живого отпустили! А узналъ ли ты, сударь, атамана?“

— Нѣтъ, не узналъ; а кто-жь онъ такой?

„Какъ, батюшка? Ты и позабылъ того пьяницу, который выманилъ у тебя тулупъ на постояломъ дворѣ? Заячій тулупчикъ совсѣмъ новешенькій; а онъ, бестія, его такъ и распоролъ, напяливая на себя!“

Я изумился. Въ самомъ дѣлѣ, сходство Пугачева съ моимъ вожатымъ было разительно. Я удостоивѣлся, что Пугачевъ и онъ были одно и то же лицо, и понялъ тогда причину пощады, мнѣ оказанной. Я не могъ не подивиться странному сцѣпленію обстоятельствъ: дѣтскій тулупъ, подаренный бродягѣ, избавилъ меня отъ петли, и пьяница, шатавшійся по постоялымъ дворамъ, осаждалъ крѣпости и потрясалъ государствомъ!

„Не изволишь ли покушать?“ спросилъ Савельичъ, неизмѣнный въ своихъ привычкахъ. „Дома ничего нѣтъ; пойду, пошарю, да что-нибудь тебѣ изготовлю.“

Оставшись одинъ, я погрузился въ размышленія. Что мнѣ было дѣлать? Остаться въ крѣпости, подвластной злодѣю, или слѣдовать за его шайкою было неприлично офицеру. Долгъ требовалъ, чтобъ я явился туда, гдѣ служба моя могла еще быть полезна отечеству въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.. Но любовь сильно совѣтовала мнѣ оставаться при Марьѣ Ивановнѣ и быть ей защитникомъ и покровителемъ. Хотя я и предвидѣлъ скорую и несомнѣнную перемѣну въ обстоятельствахъ, но все же не могъ не трепетать, воображая опасность ея положенія.

Размышленія мои были прерваны приходомъ одного изъ казаковъ, который прибѣжалъ съ объявленіемъ, „что-де великій государь требуетъ тебя къ себѣ“.

— Гдѣ-жь онъ? — спросилъ я, готовясь повиноваться.

„Въ комендантскомъ,“ отвѣчалъ казакъ. „Послѣ обѣда батюшка нашъ отправился въ баню, а теперь отдыхаетъ. Ну. ваше благородіе, по всему видно, что персона знатная: за обѣдомъ скушать изволилъ двухъ жареныхъ поросятъ, а парится такъ жарко, что и Тарасъ Курочкинъ не вытерпѣлъ, отдалъ вѣникъ Ѳомкѣ Бикбаеву, да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: всѣ приемы такіе важные. А въ банѣ, слышно, показывалъ царскіе свои знаки на грудяхъ: на одной двуглавый орелъ, величиною съ пятакъ, а на другой персона его.“

Я не почелъ нужнымъ оспаривать мнѣнія казака

и съ нимъ вмѣстѣ отправился въ комендантскій домъ, заранѣе воображая себѣ свиданіе съ Пугачевымъ и стараясь предугадать, чѣмъ оно кончится. Читатель легко можетъ себѣ представить, что я не былъ совершенно хладнокровенъ.

Начинало смеркаться, когда пришелъ я къ комендантскому дому. Висѣлица съ своими жертвами страшно чернѣла. Тѣло бѣдной комендантши все еще валялось подъ крыльцомъ, у котораго два казака стояли на караулѣ. Казакъ, приведшій меня, отправился про меня доложить и, тотчасъ же воротившись, ввелъ меня въ ту комнату, гдѣ наканунѣ такъ нѣжно прощался я съ Марьей Ивановною.

Необыкновенная картина мнѣ представилась. За столомъ, накрытымъ скатертью и установленнымъ штофами и стаканами, Пугачевъ и человѣкъ десять казацкихъ старшинъ сидѣли, въ шапкахъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, разгоряченные виномъ, съ красными рожамъ и блистающими глазами. Между ними не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранныхъ измѣнниковъ. „А, ваше благородіе!“ сказалъ Пугачевъ, увидя меня. — „Добро пожаловать; честь и мѣсто, милости просимъ“. Собесѣдники потѣснились. Я молча сѣлъ на краю стола. Сосѣдъ мой, молодой казакъ, стройный и красивый, налилъ мнѣ стаканъ простого вина, до котораго я не коснулся. Съ любопытствомъ сталъ я разсматривать сборище. Пугачевъ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, облокотясь на столъ и подпирая черную бороду своимъ широкимъ кулакомъ. Черты лица его, правильныя и довольно пріятныя, не изъявляли ничего свирѣпаго. Онъ часто обращался къ человѣку лѣтъ пятидесяти, называя его то графомъ, то Тимоѣичемъ, а иногда величая его дядюшкою. Всѣ обходились между собою какъ

товарищи и не выказывали никакого особеннаго предпочтенія своему предводителю. Разговоръ шель объ утреннемъ приступѣ, объ успѣхѣ⁵⁶ возмущенія и о будущихъ дѣйствіяхъ. Каждый хвасталъ, предлагалъ свои мнѣнія и свободно оспаривалъ Пугачева. И на семь-то странномъ военномъ совѣтѣ рѣшено было идти къ Оренбургу: движеніе дерзкое и которое чуть было не увѣнчалось бѣдственнымъ успѣхомъ! Походъ былъ объявленъ къ завтрашнему дню. „Ну, братцы“, — сказалъ Пугачевъ: „затянемъ-ка на сонъ грядущій мою любимую пѣсенку. Чумаковъ, начинай!“ Сосѣдъ мой затянулъ тонкимъ голоскомъ заунывную бурлацкую пѣсню, и всѣ подхватили хоромъ:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
 Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати.
 Что завтра мнѣ, доброму молодцу, въ допросъ идти
 Передъ грознаго судью, самого царя.
 Еще станеть государь-царь меня спрашивать:
 „Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ
 „Ужь какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой
 держалъ,
 „Еще много-ли съ тобой было товарищей?“
 — Я скажу тебѣ, надежа православный царь,
 Всее правду скажу тебѣ, всю истину,
 Что товарищей у меня было четверо:
 Еще первый мой товарищъ — темная ночь,
 А второй мой товарищъ — булатный ножъ,
 А какъ третій-то товарищъ — то мой добрый конь,
 А четвертый мой товарищъ — то тугой лукъ:
 Что разсылщики мои — то калены стрѣлы.
 Что возгорить надежа православный царь:
 „Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
 „Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать,
 „Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую,
 „Среди поля хоромами высокими, —
 „Что двумя ли столбами съ перекладной.“

Невозможно рассказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ и безъ того выразительнымъ, — все потрясло меня какимъ-то пѣтическимъ ужасомъ.

Гости выпили еще по стакану, встали изъ-за стола и простились съ Пугачевымъ. Я хотѣлъ за ними послѣдовать, но Пугачевъ сказалъ мнѣ: — „Сиди; я хочу съ тобою переговорить.“ Мы остались глазъ-на-глазъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось обоюдное наше молчаніе. Пугачевъ смотрѣлъ на меня пристально, изрѣдка прищуривая лѣвый глазъ съ удивительнымъ выраженіемъ плутовства и насмѣшливости. Наконецъ онъ засмѣялся и съ такою непритворной веселостію, что и я, глядя на него, сталъ смѣяться, самъ не зная, чему.

— Что, ваше благородіе? — сказалъ онъ мнѣ. — Струсилъ ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебѣ веревку на шею? Я чаю, небо съ овчинку показалось... А покачался бы на перекладинѣ, еслибъ не твой слуга. Я тотчасъ узналъ стараго хрыча. Ну, думалъ ли ты, ваше благородіе, что человѣкъ, который вывелъ тебя къ умету, былъ самъ великій государь? (Тутъ онъ взялъ на себя видъ важный и таинственный). Ты крѣпко предо мною виноватъ, — продолжалъ онъ: — но я помиловалъ тебя за твою добродѣтель, за то, что ты оказалъ мнѣ услугу, когда принужденъ я былъ скрываться отъ своихъ недруговъ. ⁶⁸ То ли еще увидишь! Такъ ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обѣщаешься ли служить мнѣ съ усердіемъ?

Вопросъ мошенника и его дерзость показали мнѣ такъ забавны, что я не могъ не усмѣхнуться.

— Чему ты усмѣхаешься? — спросилъ онъ меня, нахмурясь. — Или ты не вѣришь, что я великій государь? Отвѣчай прямо.

Я смутился. Признать бродягу государемъ былъ я не въ состояніи: это казалось мнѣ малодушіемъ непростительнымъ. Назвать его въ глаза обманщикомъ [было — подвергнуть себя погибели, и то, на что былъ я готовъ подъ висѣлицею, на глазахъ всего народа и въ первомъ пылу негодованія, теперь казалось мнѣ бесполезной хвастливостію. Я колебался. Пугачевъ мрачно ждалъ моего отвѣта. Наконецъ (и еще нынѣ съ самодовольствіемъ поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мнѣ надъ слабостію человѣческою. Я отвѣчалъ Пугачеву:

„Слушай, скажу тебѣ всю правду. Разсуди, могу ли я признать въ тебѣ государя? Ты человѣкъ смысленный, ты самъ увидѣлъ бы, что я лукавствую.“

— Кто же я таковъ, по твоему разумнію?

„Богъ тебя знаетъ; но кто бы ты ни былъ, ты шутишь опасную шутку.“

Пугачевъ взглянулъ на меня быстро.

— Такъ ты не вѣришь, — сказалъ онъ, — чтобъ я былъ государь Петръ Ѳедоровичъ? Ну, добро. А развѣ нѣтъ удачи удалому? Развѣ встарины Гришка Отрепьевъ не царствовалъ? Думай про меня, что хочешь, а отъ меня не отставай. Какое тебѣ дѣло до иного прочаго? Кто ни попъ, тотъ батька. послужи мнѣ вѣрой и правдою, и я тебя пожалую и въ фельдмаршалы, и въ князья Потемкины ⁵⁷. Какъ ты думаешь?

„Нѣтъ,“ отвѣчалъ я съ твердостію. — „Я при-
27*

родный дворянинъ; я присягалъ государынѣ императрицѣ: тебѣ служить не могу. Коли ты въ самомъ дѣлѣ желаешь мнѣ добра, такъ отпусти меня въ Оренбургъ.“

Пугачевъ задумался.

— А коли отпущу, — сказалъ онъ, — такъ общаешься ли, по крайней мѣрѣ, противъ меня не служить?

„Какъ могу тебѣ въ этомъ общаться?“ отвѣчалъ я. — „Самъ знаешь, не моя воля: велятъ идти противъ тебя — пойду, дѣлать нечего. Ты теперь самъ начальникъ: самъ требуешь повиновенія отъ своихъ. На что это будетъ похоже, если я отъ службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя въ твоей власти: отпустишь ⁵⁸ — спасибо; казнишь — Богъ тебѣ судья; а я сказалъ тебѣ правду.“

Моя искренность поразила Пугачева.

— Такъ и быть, — сказалъ онъ, ударя меня по плечу. — Казнить, такъ казнить, миловать, такъ миловать. Ступай себѣ на всѣ четыре стороны и дѣлай, что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперъ ступай себѣ спать, и меня ужь дрема клонить.

Я оставилъ Пугачева и вышелъ на улицу. Ночь была тихая и морозная. Мѣсяцъ и звѣзды ярко сіяли, освѣщая площадь и висѣлицу. Въ крѣпости все было спокойно и темно. Только въ кабацкѣ свѣтился огонь и раздавались крики запоздалыхъ гуляекъ. Я взглянулъ на домъ священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, все въ немъ было тихо.

Я пришелъ къ себѣ на квартиру и нашель Савельича, горяющаго по моему отсутствіи. Вѣсть о свободѣ моей обрадовала его несказанно.

— Слава тебѣ, Владыко! — сказалъ, онъ перекрестившись. — Чѣмъ-свѣтъ оставимъ крѣпость и пойдемъ, куда глаза глядятъ. Я тебѣ кое-что заготовилъ: покушай-ка, батюшка, да и почивай себѣ до утра, какъ у Христа за пазушкой.

Я послѣдовалъ его совѣту и, поужинавъ съ большимъ аппетитомъ, заснулъ на голомъ полу, утомленный душевно и физически.

ГЛАВА IX.

Р а з л у к а .

Сладко было спознаваться
 Миѣ, прекрасная, съ тобой;
 Грустно, грустно разставаться,
 Грустно будто бы съ душой.
 Херасковъ.

Рано утромъ разбудилъ меня барабанъ. Я пошелъ на сборное мѣсто. Тамъ строились уже толпы пугачевскія около висѣлицы, гдѣ все еще висѣли вчерашнія жертвы. Казаки стояли верхомъ, солдаты подъ ружьемъ. Знамена развѣвались. Нѣсколько пушекъ, между коихъ узналъ я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Всѣ жители находились тутъ же, ожидая самозванца. У крыльца комендантскаго дома казакъ держалъ подъ уздцы прекрасную бѣлую лошадь киргизской породы. Я искалъ глазами тѣла комендантши. Оно было отнесено немного въ сторону и прикрыто рогожею. Наконецъ Пугачевъ вышелъ изъ сѣней. Народъ снялъ шапки. Пугачевъ остановился на крыльцѣ и со всѣми поздоровался. Одинъ изъ старшинъ подаль ему мѣшокъ съ мѣдными деньгами, и онъ сталъ ихъ метать пригоршнями. Народъ съ крикомъ бросался ихъ подбирать, и дѣло обошлось не безъ увѣчья. Пу-

гачева окружили главные изъ его сообщниковъ. Между ними стоялъ и Швабринъ. Взоры наши встрѣтились; въ моемъ онъ могъ прочесть презрѣніе, и онъ отворотился съ выраженіемъ искренней злобы и притворной насмѣшливости. Пугачевъ, увидѣвъ меня въ толпѣ, кивнулъ мнѣ головою и подозвалъ къ себѣ. „Слушай“, сказалъ онъ мнѣ: „ступай сей же часъ въ Оренбургъ и объяви отъ меня губернатору и всѣмъ генераламъ, чтобъ ожидали меня къ себѣ черезъ недѣлю. Присовѣтуй имъ встрѣтить меня съ дѣтскою любовью и послушаніемъ, не то не избѣжать имъ лютой казни. Счастливый путь, ваше благородіе!“ Потомъ обратился онъ къ народу и сказалъ, указывая на Швабрину: „Вотъ вѣмъ, дѣтушки, новый командиръ. Слушайте его во всемъ, а онъ отвѣчаетъ мнѣ за васъ и за крѣпость.“ Съ ужасомъ услышалъ я сіи слова: Швабринъ дѣлался начальникомъ крѣпости, Марья Ивановна оставалась въ его власти! Боже, что съ нею будетъ! Пугачевъ сошелъ съ крыльца. Ему подвели лошадь. Онъ проворно вскочилъ въ сѣдло, не дождавшись казаковъ, которые хотѣли было посадить его.

Въ это время изъ толпы народа, вижу, выступилъ мой Савельичъ, подходитъ къ Пугачеву и подалъ ему листъ бумаги. Я не могъ придумать, что изъ того выйдетъ.

— Это что? — спросилъ важно Пугачевъ.

„Прочитай, такъ изволишь увидѣть“, отвѣчалъ Савельичъ.

Пугачевъ принялъ бумагу и долго разсматривалъ съ видомъ значительнымъ.

— Что ты такъ мудрено пишешь? — сказалъ онъ наконецъ. — Наши свѣтлыя очи не могутъ тутъ ничего разобрать. Гдѣ мой оберъ-секретарь?

Молодой малый въ капральскомъ мундирѣ проворно подбѣжалъ къ Пугачеву. „Читай вслухъ,“ — сказалъ самозванецъ отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопыствовалъ узнать, о чемъ дядька мой вздумалъ писать Пугачеву. Оберъ-секретарь громогласно сталъ по складамъ читать слѣдующее:

„Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей.“

— Это что значить? — сказалъ, нахмурясь, Пугачевъ.

— Прикажи читать далѣе, — отвѣчалъ спокойно Савельичъ.

Оберъ-секретарь продолжалъ:

„Мундиръ изъ тонкаго зеленаго сукна, на семь рублей.

„Штаны бѣлые суконные, на пять рублей.

„Двѣнадцать рубахъ полотняныхъ голландскихъ съ манжетами, на десять рублей.

„Погребецъ съ чайною посудою, на два рубля съ полтиною...“

— Что за вранье? прервалъ Пугачевъ. Какое мнѣ дѣло до погребцовъ и до штановъ съ манжетами?

Савельичъ крикнулъ и сталъ объясняться.

„Это, батюшка, изволишь видѣть; реестръ барскому добру, раскраденному злодѣями...“

— Какими злодѣями? — сказалъ грозно Пугачевъ.

„Виноватъ, обмолвился“, отвѣчалъ Савельичъ.

„Злодѣи не злодѣи, а твои ребята, такъ, пошарили да порастаскали. Не гнѣвись: конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается. Прикажи ужь дочитать“.

— Дочитывай, — сказалъ Пугачевъ.

Секретарь продолжалъ:

„Одѣяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумагѣ, — четыре рубля.

„Шуба лисья, крытая алымъ ратиномъ, сорокъ рублей.

„Еще заячій тулупчикъ, пожалованный твоей милости⁵⁶ на постояломъ дворѣ, пятнадцать рублей.“

— Это что еще! — вскричалъ Пугачевъ, сверкнувъ огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бѣднаго моего дядьку. Онъ хотѣлъ было пуститься опять въ объясненія, но Пугачевъ его прервалъ: „Какъ ты смѣлъ лѣзть ко мнѣ съ такими пустяками!“ вскричалъ онъ, выхватя бумагу изъ рукъ секретаря и бросивъ ее въ лицо Савельичу. „Глупый старикъ! Ихъ обобрали — экая бѣда! Да ты долженъ, старый хрычъ, вѣчно Богу молить за меня да за моихъ ребятъ за то, что ты и съ бариномъ-то своимъ не висите здѣсь вмѣстѣ съ моими слушниками... Заячій тулупъ! Я-те дамъ заячій тулупъ! Да знаешь ли ты, что я съ тебя живого кожу велю содрать на тулупы?“

Какъ изволишь, — отвѣчалъ Савельичъ; — а я человекъ подневольный и за барское добро долженъ отвѣчать.

Пугачевъ, былъ, видно, въ припадкѣ великодушія. Онъ отворотился и отѣхалъ, не сказавъ болѣе ни слова. Швабринъ и старшины послѣдовали за нимъ. Шайка выступила изъ крѣпости въ порядкѣ. Народъ пошелъ провожать Пугачева. Я остался на площади одинъ съ Савельичемъ. Дядька мой держалъ въ рукахъ реестръ и разсматривалъ его съ видомъ глубокаго сожалѣнія.

Видя мое доброе согласіе съ Пугачевымъ, онъ думалъ употребить оное въ пользу, но мудрое на-

мѣреніе ему не удалось. Я сталъ было его бранить за неумѣстное усердіе и не могъ удержаться отъ смѣха. „Смѣйся, сударь“, отвѣчалъ Савельичъ: „смѣйся, а какъ придется намъ сызнава заводиться всѣмъ хозяйствомъ, такъ посмотримъ, смѣшно ли будетъ.“

Я спѣшилъ въ домъ священника увидѣться съ Марьей Ивановной. Попадья встрѣтила меня съ печальнымъ извѣстіемъ. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала безъ памяти и въ бреду. Попадья ввела меня въ ея комнату. Я тихо подошелъ къ ея кровати. Перемѣна въ ея лицѣ поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоялъ я передъ нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утѣшали. Мрачныя мысли волновали меня. Состояніе бѣдной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобныхъ мятежниковъ, собственное мое безсиліе устрашали меня. Швабринъ, Швабринъ пуще всего терзалъ мое воображеніе. Облеченный властію отъ самозванца, предводительствуя въ крѣпости, гдѣ осталась несчастная дѣвушка — невинный предметъ его ненависти, онъ могъ рѣшиться на все. Что мнѣ было дѣлать? Какъ подать ей помощь? Какъ освободить изъ рукъ злодѣя? Оставалось одно средство: я рѣшился тотъ же часъ отправиться въ Оренбургъ, дабы торопить освобожденіе Бѣлогорской крѣпости и по возможности тому содѣйствовать. Я простился съ священникомъ и съ Акулиной Памфиловной, съ жаромъ поручая ей ту, которую почиталъ уже своею женою. Я взялъ руку бѣдной дѣвушки и поцѣловалъ ее, орошая слезами. „Прощайте“, говорила мнѣ попадья, провожая меня: „прощайте, Петръ Андреичъ. Авось, увидимся въ лучшее время. Не забывайте насъ и пишите къ намъ по-

чаще. Бѣдная Марья Ивановна кромѣ васъ не имѣеть теперь ни утѣшенія, ни покровителя.“

Вышедъ на площадь, я остановился на минуту, взглянулъ на висѣлицу, поклонился ей ⁶⁰, вышелъ изъ крѣпости и пошелъ по Оренбургской дорогѣ, сопровождаемый Савельичемъ, который отъ меня не отставалъ.

Я шелъ, занятый своими размышленіями, какъ вдругъ услышалъ за собою конскій топоть. Оглянулся—вижу: изъ крѣпости скачетъ казакъ, держа башкирскую лошадь въ поводья и дѣлая издали мнѣ знаки. Я остановился и вскорѣ узналъ нашего урядника. Онъ, подскакавъ, слѣзъ съ своей лошади и сказалъ, отдавая мнѣ поводья другой:

— Ваше благородіе! Государь вамъ жалуеть ⁶¹ лошадь и шубу съ своего плеча (къ сѣдлу привязанъ былъ овчинный тулупъ). Да еще, примолвилъ, запинаясь, урядникъ: жалуеть онъ вамъ... полтину денегъ... да я растерялъ ее дорогою; простите великодушно.

Савельичъ посмотрѣлъ на него косо и проворчалъ:

„Растерялъ дорогою! А что же у тебя побрякиваетъ за пазухой? Безсовѣстный!“

— Что у меня за пазухой-то побрякиваетъ? возразилъ урядникъ, нимало не смутясь. — Богъ съ тобою, старинушка! Это бренчить уздечка, а не полтина.

„Добро,“ сказалъ я, прерывая споръ. „Благодари отъ меня того, кто тебя прислалъ, а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратномъ пути и возьми себѣ на водку.“

— Очень благодаренъ, ваше благородіе, — отвѣчалъ онъ, поворачивая свою лошадь: — вѣчно за васъ буду Бога молить.“

При сихъ словахъ онъ поскакалъ назадъ, держа одной рукой за пазуху, и черезъ минуту скрылся изъ виду.

Я надѣлъ тулупъ и сѣлъ верхомъ, посадивъ за собою Савельича. „Вотъ, видишь ли, сударь“, сказалъ старикъ, „что я не даромъ подалъ мошеннику челобитье: вору-то стало ⁶² совѣстно. Хоть башкирская] долговязая кляча да овчинный тулупъ не стоятъ и половины того, что они, мошенники, у насъ украли, и того, что ты самъ ему изволилъ пожаловать, да все пригодится; а съ лихой собаки хоть шерсти клокъ.“

ГЛАВА X.

О с а д а г о р о д а .

Занявъ луга и горы,
Съ вершины, какъ орелъ, бросалъ на градъ
онъ взоры,
За станомъ повелѣлъ соорудить раскатъ
И въ немъ перуны скрывъ, въ нощи привезъ
подъ градъ.
Х е р а с к о в ь .

Приближаясь къ Оренбургу, увидѣли мы толпу колодниковъ съ обритыми головами, съ лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укрѣпленій, подъ надзоромъ гарнизонныхъ инвалидовъ. Иные вывозили въ телѣжкахъ соръ, наполнявшій ровъ, другіе лопатками копали землю; на валу каменьщики таскали кирпичъ и чинили городскую стѣну. У воротъ часовые остановили насъ и потребовали нашихъ паспортовъ. Какъ скоро сержантъ услышалъ, что я ѣду изъ Бѣлогорской крѣпости, то и повелъ меня прямо въ домъ генерала Р.

Я засталъ его въ саду. Онъ осматривалъ яблони,

обнаженные дыханіемъ осени, и съ помощію стараго садовника бережно ихъ укутываль теплой соломой. Лицо его изображало спокойствіе, здоровье и добродушіе. Онъ мнѣ обрадовался и сталъ разспрашивать объ ужасныхъ происшествіяхъ, коимъ былъ я свидѣтель. Я рассказалъ ему все. Старикъ слушалъ меня со вниманіемъ и между тѣмъ отрѣзываль сухія вѣтви. „Бѣдный Мироновъ!“ сказалъ онъ, когда кончилъ я свою печальную повѣсть. „Жаль его: хорошій былъ офицеръ; и мадамъ Мироновъ добрая былъ дама, и какая майстерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?“—Я отвѣчалъ, что она осталась въ крѣпости, на рукахъ у попады. „Ай, ай, ай!“ замѣтилъ генераль. „Это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойниковъ никакъ нельзя положиться. Что будетъ съ бѣдной дѣвушкою?“ Я отвѣчалъ, что до Бѣлогорской крѣпости недалеко и что, вѣроятно, его превосходительство не замедлитъ выслать войско для освобожденія бѣдныхъ ея жителей. Генераль покачалъ головою съ видомъ недовѣрчивости. „Посмотримъ, посмотримъ“, сказалъ онъ. „Объ этомъ мы еще успѣемъ потолковать. Прошу ко мнѣ пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будетъ военный совѣтъ. Ты можешь намъ дать вѣрныя свѣдѣнія о бездѣльникѣ Пугачевѣ и объ его войскѣ. Теперь, покамѣстъ, поди, отдохни.“

Я пошелъ на квартиру, мнѣ отведенную, гдѣ Савельичъ уже хозяйничаль, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать назначеннаго времени. Читатель легко себѣ представитъ, что я не преминулъ явиться на совѣтъ, долженствовавшій имѣть такое вліяніе на судьбу мою. Въ назначенный часъ я уже былъ у генерала.

Я засталъ у него одного изъ городскихъ чинов-

никовъ, помнится, директора таможи, толстаго и румянаго старичка въ глазетовомъ кафтанѣ. Онъ сталъ разспрашивать меня о судьбѣ Ивана Кузьмича, котораго называлъ кумомъ, и часто прерывалъ мою рѣчь дополнительными вопросами и нравоучительными замѣчаніями, которыя если и не обличали въ немъ человѣка свѣдущаго въ военномъ искусствѣ, то, по крайней мѣрѣ, обнаруживали смѣтливость и природный умъ. Между тѣмъ собрались и прочіе приглашенные. Когда всѣ усѣлись и всѣмъ разнесли по чашкѣ чаю, генераль изложилъ весьма ясно и пространно, въ чемъ состояло дѣло. „Теперь, господа“, продолжалъ онъ, „надлежитъ рѣшить, какъ намъ дѣйствовать противу мятежниковъ: наступательно или оборонительно. Каждый изъ оныхъ способовъ имѣетъ свою выгоду и невыгоду. Дѣйствіе наступательное представляетъ болѣе надежды на скорѣйшее истребленіе непріятели; дѣйствіе оборонительное болѣе вѣрно и безопасно... Итакъ, начнемъ собирать голоса по законному порядку, то есть, начиная съ младшихъ по чину. Г-нъ прапорщикъ!“ продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: „извольте объяснить намъ ваше мнѣніе.“

Я всталъ и, въ короткихъ словахъ описавъ сперва Пугачева и шайку его, сказалъ утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильнаго оружія.

Мнѣніе мое было принято чиновниками съ явною неблагоклонностію. Они видѣли въ немъ опрометчивость и дерзость молодого человѣка. Поднялся ропотъ, и я услышалъ явственно слово: „молокосось“, произнесенное кѣмъ-то вполголоса. Генераль обратился ко мнѣ и сказалъ съ улыбкою: „Г. прапорщикъ! первые голоса на военныхъ совѣтахъ по-

даются обыкновенно въ пользу движеній наступательныхъ; это законный порядокъ. Теперь станемъ продолжать собираніе голосовъ. Г. коллежскій совѣтникъ! скажите намъ ваше мнѣніе.“

Старичекъ въ глазетовомъ кафтанѣ поспѣшно допилъ третью свою чашку, значительно разбавленную ромомъ, и отвѣчалъ генералу:

„Я думаю, ваше превосходительство, что не должно дѣйствовать ни наступательно, ни оборонительно“.

— Какъ же такъ, господинъ коллежскій совѣтникъ? возразилъ изумленный генераль. Другихъ способовъ тактика не представляетъ: движеніе оборонительное или наступательное...

„Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно.“

— Э-хе, хе! мнѣніе ваше весьма благоразумно. Движенія подкупательныя тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашимъ совѣтомъ. Можно будетъ общать за голову бездѣльника... рублей семьдесятъ или даже сто... изъ секретной суммы...

„И тогда,“ прервалъ таможенный директоръ, — „будь я киргизскій баранъ, а не коллежскій совѣтникъ, если эти воры не выдадутъ намъ ⁶³ своего атамана, скованнаго по рукамъ и по ногамъ.“

— Мы еще объ этомъ подумаемъ и потолкуемъ, отвѣчалъ генераль. Однако, надлежитъ во всякомъ случаѣ предпринять и военныя мѣры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку.

Всѣ мнѣнія оказались противными моему. Всѣ чиновники говорили о ненадежности войскъ, о невѣрности удачи, объ осторожности и тому подобномъ. Всѣ полагали, что благоразумнѣе оставаться подъ прикрытіемъ пушекъ за крѣпкой каменной стѣной,

нежели на открытомъ полѣ испытывать счастье оружія. Наконецъ генераль, выслушавъ всѣ мнѣнія, вытряхнулъ пепель изъ трубки и произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Государи мои! долженъ я вамъ объявить, что съ моей стороны я совершенно съ мнѣніемъ господина прапорщика согласенъ, ибо мнѣніе сіе основано на всѣхъ правилахъ здоровой тактики, которая всегда почти наступательныя движенія оборонительнымъ предпочитаетъ.“

Тутъ онъ остановился и сталъ набивать свою трубку. Самолюбіе мое торжествовало. Я гордо посмотрѣлъ на чиновниковъ, которые между собою перешептывались съ видомъ неудовольствія и безпокойства.

„Но, государи мои“, продолжалъ онъ, выпустивъ, вмѣстѣ съ глубокимъ вздохомъ, густую струю табачнаго дыма: „я не смѣю взять на себя столь великую отвѣтственность, когда дѣло идетъ о безопасности вѣранныхъ мнѣ провинцій ея императорскимъ величествомъ, всемилостивѣйшей моею государыней. Итакъ, я соглашаюсь съ большинствомъ голосовъ, которое рѣшило, что всего благоразумнѣе и безопаснѣе внутри города ожидать осады, а нападенія непріятеля силой артиллеріи и (буде окажется возможнымъ) вылазками — отражать.“

Чиновники, въ свою очередь, насмѣшливо поглядѣли на меня. Совѣтъ разошелся. Я не могъ не сожалѣть о слабости почтеннаго воина, который наперекоръ собственному убѣжденію рѣшился слѣдовать мнѣніямъ людей несвѣдущихъ и неопытныхъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ сего знаменитаго совѣта узнали мы, что Пугачевъ, вѣрный своему обѣщанію, приближался къ Оренбургу. Я увидѣлъ вой-

ско мятежниковъ съ высоты городской стѣны. Мнѣ показалось, что число ихъ вдесятеро увеличилось со времени послѣдняго приступа, коему былъ я свидѣтель. При нихъ была и артиллерія, взятая Пугачевымъ въ малыхъ крѣпостяхъ, имъ уже покоренныхъ. Вспомня рѣшеніе совѣта, я предвидѣлъ долговременное заключеніе въ стѣнахъ оренбургскихъ и чуть не плакалъ отъ досады.

Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежитъ исторіи, а не семейственнымъ запискамъ. Скажу вкратцѣ, что сія осада, по неосторожности мѣстнаго начальства, была гибельна для жителей, которые претерпѣли голодъ и всевозможныя бѣдствія. Легко можно себѣ вообразить, что жизнь въ Оренбургѣ была самая несносная. Всѣ съ уныніемъ ожидали рѣшенія своей участи; всѣ охали отъ дороговизны, которая въ самомъ дѣлѣ была ужасна. Жители привыкли къ ядрамъ, залетавшимъ на ихъ дворы; даже приступы Пугачева ужь не привлекали общаго любопытства. Я умиралъ со скуки. Время шло. Писемъ изъ Бѣлогорской крѣпости я не получалъ. Всѣ дороги были отрѣзаны. Разлука съ Марьей Ивановной становилась мнѣ нестерпима. Неизвѣстность о ея судьбѣ меня мучила. Единственное развлеченіе мое состояло въ наѣздничествѣ. По милости Пугачева я имѣлъ добрую лошадь, съ которой дѣлился скудною пищею и на которой ежедневно выѣзжалъ я за городъ перестрѣливаться съ пугачевскими наѣздниками. Въ этихъ перестрѣлкахъ перевѣсъ былъ обыкновенно на сторонѣ злодѣевъ, сытыхъ, пьяныхъ и доброконныхъ. Тошная городова конница не могла ихъ одолѣть. Иногда выходила въ поле и наша голодная пѣхота, но глубина снѣга мѣшала ей дѣйствовать удачно противъ раз-

сѣянныхъ наѣздниковъ. Артиллерія тщетно гремѣла съ высоты вала, а въ полѣ вязла и не двигалась по причинѣ изнуренія лошадей. Таковъ былъ образъ нашихъ военныхъ дѣйствій! И вотъ, что оренбургскіе чиновники называли осторожностью и благоразуміемъ!

Однажды, когда удалось намъ какъ-то разсѣять и прогнать довольно густую толпу, наѣхалъ я на казака, отставшаго отъ своихъ товарищей; я готовъ былъ уже ударить его своею турецкою саблею, какъ вдругъ онъ снялъ шапку и закричалъ: „Здравствуйте, Петръ Андреичъ. Какъ васъ Богъ милуетъ?“

Я взглянулъ и узналъ нашего урядника. Я несканно ему обрадовался.

— Здравствуй, Максимычъ, сказалъ я ему. Давно ли изъ Бѣлогорской? ⁶⁴

„Недавно, батюшка Петръ Андреичъ: только вчера воротился. У меня есть къ вамъ письмецо.“

— Гдѣ-жь оно? вскричалъ я, весь такъ и вспыхнувъ.

„Со мною“, отвѣчалъ Максимычъ, положивъ руку за пазуху. „Я общался Палашѣ ужъ какъ-нибудь да вамъ доставить.“

Тутъ онъ подаль мнѣ сложенную бумажку и тотчасъ ускакалъ. Я развернулъ ее и съ трепетомъ прочелъ слѣдующія строки: ⁶⁵

„Богу угодно было лишить меня вдругъ отца и матери; не имѣю на землѣ ни родни, ни покровителей. Прибѣгаю къ вамъ, зная, что вы всегда желали мнѣ добра и что вы всякому человѣку готовы помочь. Молю Бога, чтобъ это письмо какъ-нибудь до васъ дошло! Максимычъ общалъ вамъ его доставить. Палаша слышала также отъ Максимыча, что васъ онъ часто издали видитъ на вылазкахъ и что вы со-

всѣмъ себя не бережете и не думаете о тѣхъ, которые за васъ со слезами Бога молятъ. Я долго была больна, а когда выздоровѣла, — Алексѣй Ивановичъ, который командуетъ у насъ на мѣстѣ покойнаго батюшки, принудилъ отца Герасима выдать меня ему, застрашавъ Пугачевымъ. Я живу въ нашемъ домѣ подъ карауломъ. Алексѣй Ивановичъ принуждаетъ меня выйти за него замужъ. Онъ говоритъ, что спасъ мнѣ жизнь, потому что прикрылъ обманъ Акулины Памфиловны, которая сказала злодѣямъ, будто бы я — ея племянница. А мнѣ легче было бы умереть, нежели сдѣлаться женою такого человѣка, каковъ Алексѣй Ивановичъ. ⁶⁶ Онъ обходится со мною очень жестоко и грозитъ, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезетъ меня въ лагерь къ злодѣю, и съ вами-де то же будетъ, что съ Лизаветой Харловой. Я просила Алексѣя Ивановича дать мнѣ подумать. Онъ согласился ждать еще три дня, а коли черезъ три дня за него не выйду, такъ ужь никакой пощады не будетъ. Батюшка, Петръ Андреичъ! вы одинъ у меня покровитель; заступитесь за меня бѣдную. Упросите генерала и всѣхъ командировъ прислать къ намъ поскорѣе сикурсу, да прїѣзжайте сами, если можете. Остаюсь вамъ покорная бѣдная сирота

Марья Миронова.“

Прочитавъ это письмо, я чуть съ ума не сошелъ. Я пустился въ городъ, безъ милосердія пришпоривая бѣднаго моего коня. Дорогою придумывалъ я и то, и другое для избавленія бѣдной дѣвушки, и ничего не могъ выдумать. Прискакавъ въ городъ, я отправился прямо къ генералу и опрометью къ нему вбѣжалъ.

Генераль ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ,

кура свою пѣнковую трубку. Увидя меня, онъ остановился. Вѣроятно, видъ мой поразилъ его: онъ заботливо освѣдомился о причинѣ моего поспѣшнаго прихода.

— Ваше превосходительство, сказала я ему: прибѣгаю къ вамъ, какъ къ отцу родному; ради Бога, не откажите мнѣ въ моей просьбѣ: дѣло идетъ о счастіи всей моей жизни.

„Что такое, батюшка?“ спросилъ изумленный старикъ. „Что я могу для тебя сдѣлать? Говори“.

— Ваше превосходительство, прикажите взять мнѣ роту солдатъ и полсотни казаковъ и пустите меня очистить Бѣлогорскую крѣпость.

Генераль глядѣлъ на меня пристально, полагая, вѣроятно, что я съ ума сошелъ (въ чемъ почти и не ошибался).

„Какъ это — очистить Бѣлогорскую крѣпость?“ сказалъ онъ наконецъ.

— Ручаюсь вамъ за успѣхъ, — отвѣчалъ я съ жаромъ. Только отпустите меня.

„Нѣтъ, молодой человекъ“, сказалъ онъ, качая головою. „На такомъ великомъ разстояніи непріятелю легко будетъ отрѣзать васъ отъ коммуникаціи съ главнымъ стратегическимъ пунктомъ и получить надъ вами совершенную побѣду. Пресѣченная коммуникація...“

Я испугался, увидя его завлеченнаго въ военныя разсужденія, и спѣшилъ его прервать.

— Дочь капитана Миронова, сказала я ему, пишетъ ко мнѣ письмо; она проситъ помощи: Швабринъ принуждаетъ ее выйти ⁶⁷ за него замужъ!

„Неужто? О, этотъ Швабринъ превеликій Schelm, и если попадется ко мнѣ въ руки, то я велю его судить въ 24 часа, и мы разстрѣляемъ его на

парапетъ крѣпости! Но покамѣстъ надобно взять терпѣніе...“

— Взять терпѣніе! — вскричалъ я внѣ себя. А онъ между тѣмъ женится на Марьѣ Ивановнѣ?...

„О!“ возразилъ генераль. „Это еще не бѣда: лучше ей быть, покамѣстъ, женою Швабрина; онъ теперь можетъ оказать ей протекцію; а когда его разстрѣляемъ, тогда Богъ дастъ, сыщутся ей женишки. Миленькія вдовушки въ дѣвкахъ не сидятъ; то есть, хотѣлъ я сказать, что вдовушка скорѣе найдетъ себѣ мужа, нежели дѣвица.“

— Скорѣе соглашусь умереть, — сказалъ я въ бѣшенствѣ, нежели уступить ее Швабрину!

„Ба, ба, ба, ба!“ сказалъ старикъ. „Теперь понимаю: ты, видно, въ Марью Ивановну влюбленъ. О, дѣло другое! Бѣдный малый! ⁶⁸ Но все же я никакъ не могу дать тебѣ роту солдатъ и полсотни казаковъ. Эта экспедиція была бы неблагоразумна; я не могу взять ее на свою отвѣтственность.“

Я потушилъ голову; отчаяніе мною овладѣло. Вдругъ мысль мелькнула въ головѣ моей: въ чемъ она состояла, читатель увидитъ изъ слѣдующей главы, какъ говорятъ старинные романисты.

ГЛАВА XI.

Мятежная слобода.

Въ ту пору левъ былъ сытъ, хотъ
сроду онъ свирѣпъ.

„Зачѣмъ пожаловать изволилъ въ
мой вертепъ?“

Спросилъ онъ ласково.

А. Сумароковъ.

Я оставилъ генерала и поспѣшилъ на свою квартиру. Савельичъ встрѣтилъ меня съ обыкновеннымъ

своимъ увѣщаніемъ. „Охота тебѣ, сударь, перевѣдываться съ пьяными разбойниками! Боярское ли это дѣло? Неровень часъ: ни за что пропадешь. И добро бы ужь ходилъ ты на турку или на шведа, а то грѣхъ и сказать, на кого“.

Я прервалъ его рѣчь вопросомъ: сколько у меня всего на-все денегъ? — „Будетъ съ тебя“, отвѣчалъ онъ съ довольнымъ видомъ. „Мошенники какъ тамъ ни шарили, а я все-таки успѣлъ утаить.“ И съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана длинный вязаный кошелекъ, полный серебра.

— Ну, Савельичъ, — сказалъ я ему: отдай же мнѣ теперъ половину, а остальные ⁶⁹ возьми себѣ. Я ѣду въ Бѣлогорскую крѣпость.

„Батюшка, Петръ Андреичъ!“ сказалъ добрый дядька дрожащимъ голосомъ: „побойся Бога! Какъ тебѣ пускаться въ дорогу въ нынѣшнее время, когда никуда проѣзду нѣтъ отъ разбойниковъ себя ковъ? Пожалѣй ты хоть своихъ родителей, коли не жалѣешь. Куда тебѣ ѣхать? За чѣмъ? Погоди маленько: войска придутъ, переловятъ мошенниковъ; тогда поѣзжай себѣ хоть на всѣ четыре стороны.“

Но намѣреніе мое было твердо принято.

— Поздно разсуждать, — отвѣчалъ я старику. Я долженъ ѣхать, я не могу не ѣхать. Не тужи, Савельичъ: Богъ милостивъ, авось увидимся! Смотри же, не совѣстись и не скупись. Покупай, что тебѣ будетъ нужно, хоть въ-три-дорога. Деньги эти я тебѣ дарю. Если черезъ три дня я не ворочусь...

„Что ты это, сударь?“ прервалъ меня Савельичъ. „Чтобъ я тебя пустилъ одного! ⁷⁰ Да этого и во снѣ не проси. Коли ты ужь рѣшилъ ѣхать, то я хоть пѣшкомъ, да пойду за тобой, а тебя не

покину. Чтобъ я сталъ безъ тебя сидѣть за каменной стѣною! Да развѣ я съ ума сошелъ? Воля твоя, сударь, а я отъ тебя не отстану“.

Я зналъ, что съ Савельичемъ спорить было нечего, и позволилъ ему приготовляться въ дорогу. Черезъ полчаса я сѣлъ на своего добраго коня, а Савельичъ — на тощую и хромую клячу, которую даромъ отдалъ ему одинъ изъ городскихъ жителей, не имѣя болѣе средствъ кормить ее. Мы пріѣхали къ городскимъ воротамъ; караульные насъ пропустили, и мы выѣхали изъ Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шелъ мимо Бердской слободы, пристанища Пугачевского. Прямая дорога занесена была снѣгомъ, но по всей степи видны были конскіе слѣды, ежедневно обновляемые. Я ѣхалъ крупной рысью. Савельичъ едва могъ слѣдовать за мною издали и кричалъ мнѣ поминутно: „Потише, сударь, ради Бога, потише! Проклятая кляченка моя не успѣваетъ за твоимъ долгоногимъ бѣсомъ. Куда спѣшишь? Добро бы на пирь, а то подь обухъ, того и гляди... Петръ Андреичъ... батюшка, Петръ Андреичъ!... Господи-Владыко, пропадетъ барское дитя!“

Вскорѣ засверкали бердскіе огни. Мы подъѣхали къ оврагамъ, естественнымъ укрѣпленіямъ слободы. Савельичъ отъ меня не отставалъ, не прерывая жалобныхъ своихъ моленій. Я надѣялся объѣхать слободу благополучно, какъ вдругъ увидѣлъ въ сумракѣ прямо передъ собой человѣкъ пять мужиковъ, вооруженныхъ дубинами: это былъ передовой карауль пугачевского пристанища. Насъ окликали. Не зная пароля, я хотѣлъ молча проѣхать мимо ихъ, но они меня тотчасъ окружили, и одинъ изъ нихъ схватилъ лошадь мою за узду. Я выхватилъ саблю и ударилъ

мужика по головѣ; шапка спасла его, однако онъ зашатался и выпустилъ изъ рукъ узду. Прочіе смутились и отбѣжали; я воспользовался этою минутой, пришпорилъ лошадь и поскакалъ.

Темнота приближавшейся ночи могла избавить меня отъ всякой опасности, какъ вдругъ, оглянувшись, увидѣлъ я, что Савельича со мною не было. Бѣдный старикъ на своей хромой лошади не могъ ускакать отъ разбойниковъ. Что было дѣлать? Подождавъ его нѣсколько минутъ и удостовѣрясь въ томъ, что онъ задержанъ, я поверотилъ лошадь и отправился его выручать.

Подѣзжая къ оврагу, услышалъ я издали шумъ, крики и голосъ моего Савельича. Я поѣхалъ скорѣе и вскорѣ очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня нѣсколько минутъ тому назадъ. Савельичъ находился между ими. Они стащили старика съ его клячи и готовились вязать. Прибытіе мое ихъ обрадовало. Они съ крикомъ бросились на меня и мигомъ стащили съ лошади. Одинъ изъ нихъ, повидимому, главный, объявилъ намъ, что онъ сейчасъ поведетъ насъ къ государю. „А нашъ батюшка“, прибавилъ онъ, — „воленъ приказать, сейчасъ ли васъ повѣсить, али дождаться свѣту Божія.“ Я не противился; Савельичъ послѣдовалъ моему примѣру, и караульные повели насъ съ торжествомъ.

Мы перебрались черезъ оврагъ и вступили въ слободу. Во всѣхъ избахъ горѣли огни. Шумъ и крики раздавались вездѣ. На улицѣ я встрѣтилъ множество народу, но никто въ темнотѣ насъ не замѣтилъ и не узналъ во мнѣ оренбургскаго офицера. Насъ привели прямо къ избѣ, стоявшей на углу перекрестка. У воротъ стояло нѣсколько винныхъ

бочекъ и двѣ пушки. „Вотъ и дворець“, сказалъ одинъ изъ мужиковъ: „сейчасъ объ васъ доложимъ.“ Онъ вошелъ въ избу. Я взглянулъ на Савельича: старикъ крестился, читая про себя молитву. Я дождался долго; наконецъ мужикъ воротился и сказалъ мнѣ: „Ступай, нашъ батюшка велѣлъ впустить офицера.“

Я вошелъ въ избу, или во дворець, какъ называли ее мужики. Она освѣщена была двумя сальными свѣчами, а стѣны оклеены были золотою бумагою; впрочемъ лавки, столъ, рукомойникъ на веревочкѣ, полотенце на гвоздѣ, ухватъ въ углу и широкій шестокъ, уставленный горшками — все было какъ въ обыкновенной избѣ. Пугачевъ сидѣлъ подъ образами, въ красномъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ и важно подбочась. Около него стояло нѣсколько изъ главныхъ его товарищей съ видомъ притворнаго подобострастія. Видно было, что вѣсть о прибытіи офицера изъ Оренбурга пробудила въ бунтовщикахъ сильное любопытство и что они приготовились встрѣтить меня съ торжествомъ. Пугачевъ узналъ меня съ перваго взгляду. Поддѣльная важность его вдругъ исчезла. „А, ваше благородіе!“ сказалъ онъ мнѣ съ живостію. „Какъ поживаешь? Зачѣмъ тебя Богъ принесъ?“ Я отвѣчалъ, что ѣхалъ по своему дѣлу и что люди его меня остановили. „А по какому дѣлу?“ спросилъ онъ меня. Я не зналъ, что отвѣчать. Пугачевъ, полагая, что я не хочу объясниться при свидѣтеляхъ, обратился къ своимъ товарищамъ и велѣлъ имъ выйти. Всѣ послушались, кромѣ двухъ, которые не тронулись съ мѣста. „Говори смѣло при нихъ,“ сказалъ мнѣ Пугачевъ: „отъ нихъ я ничего не таю.“ Я взглянулъ наискось на наперсниковъ самозванца. Одинъ изъ нихъ, тщедушный и сгорбленный стари-

чекъ съ сѣдою бородкою, не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ голубой ленты, надѣтой черезъ плечо по сѣрому армяку. Но вѣкъ не забуду его товарища. Онъ былъ высокаго росту, дородень и широкоплечъ, и показался мнѣ лѣтъ сорока пяти. Густая рыжая борода, сѣрые сверкающіе глаза, носъ безъ ноздрей и красноватыя пятна на лбу и на щекахъ придавали его рябому, широкому лицу выраженіе неизъяснимое. Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ киргизскомъ халатѣ и въ казацкихъ шароварахъ. Первый (какъ узналъ я послѣ) былъ бѣглый капраль Бѣлобородовъ; второй Аѳанасій Соколовъ (прозванный Хлопушей), ссыльный преступникъ, три раза бѣжавшій изъ сибирскихъ рудниковъ. Не смотря на чувства, исключительно меня волновавшія, общество, въ которомъ я такъ нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображеніе. Но Пугачевъ привелъ меня въ себя своимъ вопросомъ: „Говори, по какому же дѣлу выѣхалъ ты изъ Оренбурга?“

Странная мысль пришла мнѣ въ голову: мнѣ показалось, что Провидѣніе, вторично приведшее меня къ Пугачеву, подавало мнѣ случай привести въ дѣйство мое намѣреніе. Я рѣшился имъ воспользоваться и, не успѣвъ обдумать то, на что рѣшился, отвѣчалъ на вопросъ Пугачева:

— Я ѣхалъ въ Бѣлогорскую крѣпость избавить сироту, которую тамъ обижаютъ.

Глаза у Пугачева засверкали.

„Кто изъ моихъ людей смѣетъ обижать сироту?“ закричалъ онъ. „Будь онъ семи пядень во лбу, а отъ суда моего не уйдетъ. Говори, кто виноватый?“

— Швабринъ виноватый, — отвѣчалъ я. Онъ держитъ въ неволѣ ту дѣвушку, которую ты видѣлъ больную у попадьи, ⁷¹ и насильно хочетъ на ней жениться.

„Я проучу Швабрину!“ сказалъ грозно Пугачевъ. „Онъ узнаетъ, каково у меня своевольничать и обижать народъ. Я его повѣшу“.

— Прикажи слово молвить, — сказалъ Хлопуша хриплымъ голосомъ. Ты поторопился назначить Швабрину въ коменданты крѣпости, а теперь торопишься его вѣшать. Ты ужь оскорбилъ казаковъ, посадивъ дворянина имъ въ начальники; не пугай же дворянъ, казня ихъ по первому наговору.

„Нечего ихъ ни жалѣть, ни жаловать!“ сказалъ старичекъ въ голубой лентѣ. „Швабрину сказанить не бѣда, а не худо и господина офицера допросить порядкомъ, зачѣмъ изволилъ пожаловать. Если онъ тебя государемъ не признаетъ, такъ нечего у тебя и управы искать; а коли признаетъ, что же онъ до сегодняшняго дня сидѣлъ въ Оренбургѣ съ твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его въ приказную, да запалить тамъ огоньку: мнѣ сдается, что его милость подосланъ къ намъ отъ оренбургскихъ командировъ“.

Логика стараго злодѣя показалась мнѣ довольно убѣдительною. Морозъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу при мысли, въ чьихъ рукахъ я находился. Пугачевъ замѣтилъ мое смущеніе. „Ась, ваше благородіе?“ — сказалъ онъ мнѣ, подмигивая. „Фельд-маршалъ мой, кажется, говоритъ дѣло. Какъ ты думаешь?“

Насмѣшка Пугачева возвратила мнѣ бодрость. Я спокойно отвѣчалъ, что нахожусь въ его власти и что онъ воленъ поступить со мною, какъ ему будетъ угодно.

„Добро“, ⁷² сказалъ Пугачевъ. „Теперь скажи, въ какомъ состояніи вашъ городъ.“

— Слава Богу, — отвѣчалъ я: — все благополучно.

„Благополучно?“ повторилъ Пугачевъ. „А народъ мреть съ голоду!“

Самозванецъ говорилъ правду, но я по долгу присяги сталъ увѣрять, что все это пустые слухи и что въ Оренбургѣ довольно всякихъ запасовъ.

— Ты видишь, — подхватилъ старичекъ, — что онъ тебя въ глаза обманываетъ. Всѣ бѣглецы согласенно показываютъ, что въ Оренбургѣ голодъ и моръ, что тамъ ѣдятъ мертвечину, и то за честь, а его милость увѣряетъ, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повѣсить, то ужь на той же висѣлицѣ повѣсь и этого молодца, чтобъ никому не было завидно.

Слова проклятаго старика, казалось, поколебали Пугачева. Къ счастью, Хлопуша сталъ противорѣчить своему товарищу. „Полно, Наумычъ“, сказалъ онъ ему: „тебѣ бы все душить да рѣзать. Что ты за богатырь? Поглядѣть, такъ въ чемъ душа держится. Самъ въ могилу смотришь, а другихъ губишь. Развѣ мало крови на твоей совѣсти?“

— Да ты что за угодникъ? — возразилъ Бѣлобородовъ. — У тебя-то откуда жалость взялась?

„Конечно“, отвѣчалъ Хлопуша, — „и я грѣшенъ, и эта рука (тутъ онъ сжалъ свой костлявый кулакъ и, засуча рукава, открылъ косматую руку) и эта рука повинна въ пролитой христіанской крови. Но я губилъ супротивника, а не гостя; на вольномъ перепутьѣ да въ темномъ лѣсу, а не дома, сидя за печью; кистенемъ и обухомъ, а не бабьимъ наговоромъ.“

Старикъ отворотился и проворчалъ слова: „рванья ноздри!...“

„Что ты тамъ шепчешь, старый хрычъ!“ закричалъ Хлопуша. — „Я тебѣ дамъ рванья ноздри; погоди, придетъ и твое время: Богъ дастъ, и ты щипцовъ понюхаешь... А покамѣсть смотри, чтобъ я тебѣ ⁷³ бородишки не вырвалъ!“

— Господа енаралы! ⁷⁴ — провозгласилъ важно Пугачевъ: — полно вамъ ссориться. ⁷⁵ Не бѣда, еслибъ и всѣ оренбургскія собаки дрыгали ногами подъ одной перекладиной, — бѣда, если наши кобели межъ собой перегрызутся. Ну, помиритесь.

Хлопуша и Бѣлобородовъ не сказали ни слова и мрачно смотрѣли другъ на друга. Я увидѣлъ необходимость перемѣнить разговоръ, который могъ кончиться для меня очень невыгоднымъ образомъ, и обратясь къ Пугачеву, сказалъ ему съ веселымъ видомъ:

„Ахъ! я было и забылъ благодарить тебя за лошадь и за тулупъ. Безъ тебя я не добрался бы до города и замерзъ бы на дорогѣ.“

Уловка моя удалась. Пугачевъ развеселился.

— Долгъ платежемъ красенъ, — сказалъ онъ, мигая и прищуриваясь. Расскажи-ка мнѣ теперь, какое тебѣ дѣло до той дѣвушки, которую Швабринъ обижаетъ? Ужъ не зазноба ли сердцу молодецкому, а?

„Она невѣста моя“, отвѣчалъ я Пугачеву, видя благопріятную перемѣну погоды и не находя нужды скрывать истину.

— Твоя невѣста! — закричалъ Пугачевъ. — Что-жь ты прежде не сказалъ? Да мы тебя женимъ и на свадьбѣ твоей попируемъ! — Потомъ, обращаясь къ Бѣлобородову: — Слушай, фельдмаршалъ! Мы съ его благородіемъ старые пріятели; сядемъ-ка да поужинаемъ: утро вечера мудренѣе. Завтра посмотримъ, что съ нимъ сдѣлаемъ.

Я радъ былъ отказаться отъ предлагаемой чести, но дѣлать было нечего. Двѣ молодые казачки, дочери хозяина избы, накрыли столъ бѣлой скатертью, принесли хлѣба, ухи и нѣсколько штофовъ съ виномъ и пивомъ, и я вторично очутился за одной трапезою съ Пугачевымъ и съ его страшными товарищами.

Оргія, коей я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, продолжалась до глубокой ночи. Наконецъ, хмель началъ одолевать собесѣдниковъ. Пугачевъ задремалъ, сидя на своемъ мѣстѣ; товарищи его встали и дали мнѣ знакъ оставить его. Я вышелъ вмѣстѣ съ ними. По распоряженію Хлопуши, караульный отвелъ меня въ приказную избу, гдѣ я нашель и Савельича, и гдѣ меня оставили съ нимъ взаперти. Дядька былъ въ такомъ изумленіи при видѣ всего, что происходило, что не сдѣлалъ мнѣ никакого вопроса. Онъ улегся въ темнотѣ и долго вздыхалъ и охалъ; наконецъ захрапѣлъ, а я предался размышленіямъ, которыя во всю ночь ни на одну минуту не дали мнѣ задремать.

Поутру пришли меня звать отъ имени Пугачева, Я пошелъ къ нему. У воротъ его стояла кибитка, запряженная тройкою татарскихъ лошадей. Народъ толпился на улицѣ. Въ сѣняхъ встрѣтилъ я Пугачева; онъ былъ одѣтъ по-дорожному: въ шубѣ и въ киргизской шапкѣ. Вчерашніе собесѣдники окружали его, принявъ на себя видъ подобострастія, который сильно противорѣчилъ всему, чему я былъ свидѣтелемъ наканунѣ. Пугачевъ весело со мною поздоровался и велѣлъ мнѣ садиться съ нимъ въ кибитку.

Мы уѣлисъ. „Въ Бѣлогорскую крѣпость!“ сказалъ Пугачевъ широкоплечему татарину, стоя пра-

вящему тройкою. Сердце мое сильно забилося. Лошади тронулись, колокольчикъ загремѣлъ, кибитка полетѣла...

„Стой! стой!“ — раздался голосъ, слишкомъ мнѣ знакомый, и я увидѣлъ Савельича, бѣжавшаго навстрѣчу. Пугачевъ велѣлъ остановиться.

„Батюшка, Петръ Андреичъ!“ кричалъ дядька. „Не покинь меня на старости лѣтъ посреди этихъ мошен...“

— А, старый хрычъ! — сказалъ ему Пугачевъ. — Опять Богъ даль свидѣться. Ну, садись на облупчекъ.

„Спасибо, государь, спасибо, отецъ родной!“ говорилъ Савельичъ, усаживаясь. — „Дай Богъ тебѣ сто лѣтъ здравствовать за то, что меня старика призрѣлъ и успокоилъ. Вѣкъ за тебя буду Бога молить, а о заячьемъ тулупѣ и упоминать ужь не стану.“

Этотъ заячій тулупъ могъ, наконецъ, не на шутку разсердить Пугачева. Къ счастью, самозванецъ или не разслышалъ, или пренебрегъ неумѣстнымъ намекомъ. Лошади поскакали; народъ на улицѣ оставался и кланялся въ поясъ. Пугачевъ кивалъ головою на обѣ стороны. Черезъ минуту мы выѣхали изъ слободы и помчались по гладкой дорогѣ.

Легко можно себѣ представить, что чувствовалъ я въ эту минуту. Черезъ нѣсколько часовъ долженъ я былъ увидѣться съ тою, которую почиталъ уже для меня потерянною. Я воображалъ себѣ минуту нашего соединенія... Я думалъ также и о томъ человѣкѣ, въ чьихъ рукахъ находилась моя судьба и который, по странному стеченію обстоятельствъ, таинственно былъ со мною связанъ. Я вспоминалъ объ опрометчивой жестокости, о кровожадныхъ при-

вычкахъ того, кто вызвался быть избавителемъ моей любезной! Пугачевъ не зналъ, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабринъ могъ открыть ему все; Пугачевъ могъ провѣдать истину и другимъ образомъ... Тогда что станется съ Марьей Ивановной? Холодъ пробѣжалъ по моему тѣлу, и волоса становились дыбомъ...

Вдругъ Пугачевъ прервалъ мои размышленія, обратясь ко мнѣ съ вопросомъ:

„О чемъ, ваше благородіе, извоилиль задуматься?“

— Какъ не задуматься, — отвѣчалъ я ему. — Я, офицеръ и дворянинъ, вчера еще дрался противу тебя, а сегодня ѣду съ тобой въ одной кибиткѣ, и счастье всей моей жизни зависитъ отъ тебя.

„Что - жь?“ — спросилъ Пугачевъ: „страшно тебѣ?“

Я отвѣчалъ, что, бывъ однажды уже имъ помилованъ, я надѣялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

„И ты правъ, ей-Богу правъ!“ сказалъ самозванецъ. — „Ты видѣлъ, что мои ребята смотрѣли на тебя косо, а старикъ и сегодня настаивалъ на томъ, что ты шпионъ и что надобно тебя пытать и повѣсить, но я не согласился“, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, чтобъ Савельичъ и татаринъ не могли его услышать: — „помня твой стаканъ вина и заячій тулупъ. Ты видишь, что я не такой еще кровопійца, какъ говоритъ обо мнѣ ваша братья.“

Я вспомнилъ взятіе Бѣлогорской крѣпости, но не почелъ нужнымъ его оспаривать и не отвѣчалъ ни слова

„Что говорятъ обо мнѣ въ Оренбургѣ?“ спросилъ Пугачевъ, помолчавъ немного.

— Да говорятъ, что съ тобою сладить трудно-
вато; — нечего сказать: даль ты себя знать.

Лицо самозванца изобразило довольное само-
любіе.

„Да!“ сказалъ онъ съ веселымъ видомъ. —
„Я воюю хоть куда. Знаютъ ли у васъ въ Орен-
бургѣ о сраженіи подъ Юзеевой? Сорокъ енара-
ловъ убито, четыре арміи взято въ полонъ. Какъ
ты думаешь: прусской король могъ ли бы со мною
потягаться?“

Хвастливость разбойника показалась мнѣ забавна.

— Самъ какъ ты думаешь, — сказалъ я ему, —
управился ли бы ты съ Фридерикомъ?

„Съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ? А какъ же
нѣтъ? Съ вашими ⁷⁶ енаралами вѣдь я же управ-
ляюсь, а они ⁷⁷ его бивали. Доселѣ оружіе мое
было счастливо. Дай срокъ, то ли еще будетъ,
какъ пойду на Москву!“

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванецъ нѣсколько задумался и сказалъ впол-
голоса.

„Богъ вѣсть. Улица моя тѣсна; воли мнѣ мало.
Ребята мои умничаютъ. Они воры. Мнѣ должно
держатъ ухо остро; при первой неудачѣ они свою
шею выкупятъ моею головою.“

— То-то! — сказалъ я Пугачеву. — Не лучше
ли тебѣ отстать отъ нихъ самому, заблаговременно,
да прибѣгнуть къ милосердію государыни?

Пугачевъ горько усмѣхнулся.

„Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ: „поздно мнѣ каяться.
Для меня не будетъ помилованія. Буду продол-
жать, какъ началъ. Какъ знать? Авось и удастся!
Гришка Отрепьевъ вѣдь поцарствовалъ же надъ Мо-
скваю.“

— А знаешь ты, чѣмъ онъ кончилъ? Его вы-бросили изъ окна, зарѣзали, сожгли, зарядили его пепломъ пушку и выпалили!

„Слушай,“ сказалъ Пугачевъ съ какимъ-то дикимъ вдохновеніемъ. „Разскажу тебѣ сказку, которую въ ребячествѣ мнѣ разсказывала старая калмычка. Однажды орель спрашивалъ у ворона: „скажи, воронъ-птица, отчего живешь ты на бѣломъ свѣтѣ триста лѣтъ, а я всего-на-всего только тридцать три года?“ — „Оттого, батюшка,“ отвѣчалъ ему воронъ: „что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной“. Орель подумалъ: давай, попробуемъ и мы питаться тѣмъ-же. Хорошо. Полетѣли орель да воронъ. Вотъ, завидѣли палую лошадь, спустились и сѣли. Воронъ сталъ клевать да похваливать. Орель клюнулъ разъ, клюнулъ другой, махнулъ крыломъ и сказалъ ворону: „Нѣтъ, братъ воронъ, — чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой кровью; а тамъ, — что Богъ дастъ!“ — Какова калмыцкая сказка?“

— Затѣйлива, -- отвѣчалъ я ему. Но жить убійствомъ и разбоемъ значить, по мнѣ, клевать мертвечину.

Пугачевъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и ничего не отвѣчалъ. Оба мы замолчали, погружаясь каждый въ свои размышленія. Татаринъ затянулъ унылую пѣсню; Савельичъ, дремля, качался на облучкѣ. Кибитка летѣла по гладкому зимнему пути... Вдругъ я увидѣлъ деревушку на крутомъ берегу Яика, съ частоколомъ и съ колокольней, — и черезъ четверть часа вѣхали мы въ Бѣлогорскую крѣпость.

ГЛАВА XII.

Сирота.

Какъ у нашей у яблоньки
 Ни верхушки нѣтъ, ни отросточекъ;
 Какъ у нашей у княгинюшки
 Ни отца нѣту, ни матери;
 Сварядить-то ее есть кому,
 Благословить-то ее некому.

Свадебная пѣсня.

Кибитка подъѣхала къ крыльцу комендантскаго дома. Народъ узналъ колокольчикъ Пугачева и толпою бѣжалъ за нами. Швабринъ встрѣтилъ самозванца на крыльцѣ. Онъ былъ одѣтъ казакомъ и отростилъ себѣ бороду. Измѣнникъ помогъ Пугачеву вылѣзть изъ кибитки, въ подлыхъ выраженіяхъ изъявляя свою радость и усердіе. Увидя меня, онъ смутился, но вскорѣ оправился, и протянулъ мнѣ руку, говоря: „И ты нашъ? Давно бы такъ!“ Я отворотился отъ него и ничего не отвѣчалъ.

Сердце мое заныло, когда очутились мы въ давно-знакомой комнатѣ, гдѣ на стѣнѣ висѣлъ еще дипломъ покойнаго коменданта, какъ печальная эпитафія прошедшему времени. Пугачевъ сѣлъ на томъ диванѣ, на которомъ, бывало, дремалъ Иванъ Кузьмичъ, усыпленный ворчаніемъ своей супруги. Швабринъ самъ поднесъ ему водки. Пугачевъ выпилъ рюмку и сказалъ ему, указавъ на меня: „Поподчуй и его благородіе.“ Швабринъ подошелъ ко мнѣ съ своимъ подносомъ, но я вторично отъ него отворотился. Онъ казался самъ не свой. При обыкновенной своей смѣтливости онъ, конечно, догадался, что Пугачевъ былъ недоволенъ. Онъ трусилъ передъ нимъ, а на меня поглядывалъ съ недовѣрчивостію

Пугачевъ освѣдомился о состояніи крѣпости, о слухахъ про непріятельскія войска и тому подобномъ и вдругъ спросилъ его неожиданно: „Скажи, братецъ, какую дѣвушку держишь ты у себя подъ карауломъ? Покажи-ка мнѣ ее.“

Швабринъ поблѣднѣлъ какъ мертвый. „Государь, — она не подъ карауломъ... она больна... она въ свѣтлицѣ лежитъ.“

— Веди-жь меня къ ней, — сказалъ самозванецъ, вставая съ мѣста. Отговориться было невозможно. Швабринъ повелъ Пугачева въ свѣтлицу Марьи Ивановны. Я за ними послѣдовалъ.

Швабринъ остановился на лѣстницѣ.

„Государь!“ сказалъ онъ: „вы властны требовать отъ меня, что вамъ угодно, но не прикажите постороннему входить въ спальню къ женѣ моей.“

Я затрепеталъ.

— Такъ ты женатъ! сказалъ я Швабрину, готовясь его растерзать.

— Тише! — прервалъ меня Пугачевъ. Это мое дѣло. А ты, продолжалъ онъ, обращаясь къ Швабрину, — не умничай и не ломайся: жена ли она тебѣ или не жена, а я веду къ ней, кого хочу. Ваше благородіе, ступай за мною.

У дверей свѣтлицы Швабринъ опять остановился и сказалъ прерывающимся голосомъ:

„Государь, предупреждаю васъ, что она въ бѣлой горячкѣ и третій день, какъ бредитъ безъ умолку.“

— Отворяй! — сказалъ Пугачевъ.

Швабринъ сталъ искать у себя въ карманахъ и сказалъ, что не взялъ съ собою ключа. Пугачевъ толкнулъ дверь ногою, замокъ отскочилъ, дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянулъ — и обмеръ. На полу, въ крестьянскомъ оборванномъ платьѣ, сидѣла Марья Ивановна, блѣдная, худая, съ растрепанными волосами. Передъ нею стоялъ кувшинъ воды, накрытый ломтемъ хлѣба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню.

Пугачевъ посмотрѣлъ на Швабрина и сказалъ съ горькой усмѣшкою:

— Хорошъ у тебя лазаретъ! — Потомъ подошелъ къ Марьѣ Ивановнѣ:— Скажи мнѣ, голубушка, за что твой мужъ тебя наказываетъ? Въ чемъ ты передъ нимъ провинилась?

„Мой мужъ!“ повторила она. „Онъ мнѣ не мужъ. Я никогда не буду его женою! Я лучше рѣшилась умереть, и умру, если меня не избавятъ.“

Пугачевъ взглянулъ грозно на Швабрина:

— И ты смѣлъ меня обманывать! сказалъ онъ ему. Знаешь ли, бездѣльникъ, чего ты достоинъ?

Швабринъ упалъ на колѣни... Въ эту минуту презрѣніе заглушило во мнѣ всѣ чувства ненависти и гнѣва. Съ омерзѣніемъ глядѣлъ я на дворянина, валяющагося въ ногахъ бѣглаго казака. Пугачевъ смягчился.

— Милую тебя на сей разъ, — сказалъ онъ Швабрину; но знай, что при первой винѣ тебѣ припомнится и эта. Потомъ обратился онъ къ Марьѣ Ивановнѣ и сказалъ ей ласково: Выходи, красная дѣвица; дарую тебѣ волю. Я государь.

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что передъ нею убійца ея родителей. Она закрыла лицо обѣими руками и упала безъ чувствъ. Я кинулся къ ней, но въ эту минуту очень смѣло въ комнату втерлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачевъ

вышелъ изъ свѣтлицы, и мы трое сошли въ гостиную.

— Что, ваше благородіе? — сказалъ, смѣясь, Пугачевъ. Выручили красную дѣвицу! Какъ думаешь, не послать ли за попомъ, да не заставить ли его обвѣнчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженымъ отцомъ, Швабринъ дружкою; закутимъ, заьемъ и ворота запремъ!

Чего я опасался, то и случилось. Швабринъ, услыша предложеніе Пугачева, вышелъ изъ себя.

— Государь! — закричалъ онъ въ изступленіи. Я виноватъ: я вамъ солгалъ; но и Гриневъ васъ обманываетъ. Эта дѣвушка не племянница здѣшняго попа: она дочь Ивана Миронова, который казненъ при взятіи здѣшней крѣпости.

Пугачевъ устремилъ на меня огненные свои глаза.

— Это что еще? спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

„Швабринъ сказалъ тебѣ правду,“ отвѣчалъ я съ твердостью.

— Ты мнѣ этого не сказалъ, — замѣтилъ Пугачевъ, у коего лицо омрачилось.

„Самъ ты разсуди,“ отвѣчалъ я ему: „можно ли было при твоихъ людяхъ объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто бы ее ⁷⁸ не спасло.“

— И то правда, сказалъ, смѣясь, Пугачевъ. Мои пьяницы не пощадили бы бѣдной дѣвушки. Хорошо сдѣлала кумушка-попадья, что обманула ихъ.

„Слушай,“ продолжалъ я, видя его доброе расположеніе. „Какъ тебя назвать, — не знаю, да и знать не хочу... Но Богъ видитъ, что жизнью радъ бы я заплатить тебѣ за то, что ты для меня сдѣлалъ. Только не требуй того, что противно чести моей и христіанской совѣсти. Ты мой благодѣтель. До-

верши, какъ началъ: отпусти меня съ бѣдной сиротою, куда намъ Богъ путь укажетъ. А мы, гдѣ бы ты ни былъ и что бы съ тобой ни случилось, каждый день будемъ Бога молить о спасеніи грѣшной твоей души...“

Казалось, суровая душа Пугачева была тронута.

— Инъ быть по твоему! — сказалъ онъ. Казнить, такъ казнить, жаловать, такъ жаловать: таковъ мой обычай. Возьми себѣ свою красавицу, вези ее, куда хочешь, и дай вамъ Богъ любовь да совѣтъ!

Тутъ онъ обратился къ Швабрину и велѣлъ выдать мнѣ пропускъ во всѣ заставы и крѣпости, подвластный ему. Швабринъ, совсѣмъ уничтоженный, стоялъ какъ остолбенѣлый. Пугачевъ отправился осматривать крѣпость. Швабринъ его сопровождалъ, а я остался, подъ предлогомъ приготовленій къ отъѣзду.

Я побѣжалъ въ свѣтлицу. Двери были закрыты. Я постучался. „Кто тамъ?“ спросила Палаша. Я назвалъ. Милый голосокъ Марьи Ивановны раздался изъ-за дверей: „Погодите, Петръ Андреичъ. Я переодѣваюсь. Ступайте къ Акулинѣ Памфиловнѣ: я сейчасъ туда-же буду.“

Я повиновался и пошелъ въ домъ отца Герасима. И онъ, и попадья выбѣжали ко мнѣ на встрѣчу: Савельичъ ихъ уже предупредилъ.

— Здравствуйте, Петръ Андреичъ, говорила попадья. Привель Богъ опять увидѣться. Какъ поживаете? А мы-то про васъ каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпѣлась безъ васъ, моя голубушка!... Да скажите, мой отецъ, какъ это вы съ Пугачевымъ-то поладили? Какъ онъ васъ не укокошилъ? Добро! спасибо злодѣю и за то.

„Полно, старуха,“ прервалъ отецъ Герасимъ. „Не все то ври, что знаешь. Нѣсть спасенія во

многоглаголаніи. ⁷⁹ Батюшка, Петръ Андреевичъ! войдите, милости просимъ. Давно, давно не видались.“

Попадья стала угощать меня, чѣмъ Богъ послалъ, а между тѣмъ говорила безъ умолку. Она рассказала мнѣ, какимъ образомъ Швабринъ принудилъ ихъ выдать ему Марью Ивановну, какъ Марья Ивановна плакала и не хотѣла съ ними разстаться, какъ Марья Ивановна имѣла съ нею всегдашнія сношенія черезъ Палашку (дѣвку бойкую, которая и урядника заставляетъ плясать по своей дудкѣ), какъ она присовѣтовала Марьѣ Ивановнѣ написать ко мнѣ письмо, и прочее. Я, въ свою очередь, рассказалъ ей вкратцѣ свою исторію. Попъ и попадья крестились, услыша, что Пугачеву извѣстенъ ихъ обманъ. „Съ нами сила крестная!“ говорила Акулина Памфиловна. „Промчи Богъ тучу мимо. Ай-да Алексѣй Иванычъ, ⁸⁰ нечего сказать, хорошъ гусь!“ Въ самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла съ улыбкою на блѣдномъ лицѣ. Она оставила свое крестьянское платье и одѣта была по-прежнему, просто и мило.

Я схватилъ ея руку и долго не могъ вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали отъ полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что намъ было не до нихъ, и оставили насъ. Мы остались одни. Все было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мнѣ все, что съ нею случилось съ самага взятія крѣпости, описала мнѣ весь ужасъ ея положенія, всѣ испытанія, которымъ подвергалъ ее гнусный Швабринъ. Мы вспомнили и прежнее счастливое время... Оба мы плакали... Наконецъ, я сталъ объяснять ей мои предположенія. Оставаться ей въ крѣпости, подвластной Пугачеву и управляемой Швабринымъ, было невоз-

можно. Нельзя было думать и объ Оренбургѣ. Я предложилъ ей ѣхать въ деревню къ моимъ родителямъ. Она сначала колебалась: извѣстное ей неблаго-расположеніе отца моего ее пугало. Я ее успокоилъ. Я зналъ, что отецъ почтетъ за счастье и вмѣнить себѣ въ обязанность принять дочь заслуженнаго воина, погибшаго за отечество. „Милая Марья Ивановна!“ сказалъ я наконецъ: „я почитаю тебя своею женою. Чудныя обстоятельства соединили насъ неразрывно: ничто на свѣтѣ не можетъ насъ разлучить.“ Марья Ивановна выслушала меня просто, безъ притворной застѣнчивости, безъ затѣйливыхъ отговорокъ. Она чувствовала, что судьба ея соединена была съ моею. Но она повторила, что не иначе будетъ моею женою, какъ съ согласія моихъ родителей. Я ей и не противорѣчилъ. Мы поцѣловались горячо, искренно — и такимъ образомъ все было между нами рѣшено.

Черезъ часъ урядникъ принесъ мнѣ пропускъ, подписанный каракульками Пугачева, и позвалъ меня къ нему, отъ его имени. Я нашель его готоваго пуститься въ дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовалъ, разставаясь съ этимъ ужаснымъ чловѣкомъ, извергомъ, злодѣемъ для всѣхъ, кромѣ одного меня. Зачѣмъ не сказать истины? Въ эту минуту сильное сочувствіе влекло меня къ нему. Я пламенно желалъ вырвать его изъ среды злодѣевъ, которыми онъ предводительствовалъ, и спасти его голову, пока еще было время. Швабринъ и народъ, толпящійся около насъ, помѣшали мнѣ высказать все, чѣмъ исполнено было мое сердце.

Мы разстались дружески. Пугачевъ, увидя въ толпѣ Акулину Памфиловну, погрозилъ пальцемъ и мигнулъ значительно, потомъ сѣлъ въ кибитку, ве-

лѣль ѣхать въ Берду и, когда лошади тронулись, то онъ еще разъ высунулся изъ кибитки и закричалъ мнѣ: „Прощай, ваше благородіе! Авось, увидимся когданибудь.“ Мы, точно, съ нимъ увидѣлись, — но въ какихъ обстоятельствахъ!

Пугачевъ уѣхалъ. Я долго смотрѣлъ на бѣлую степь, по которой неслась его тройка. Народъ разошелся. Швабринъ скрылся. Я воротился въ домъ священника. Все было готово къ нашему отъѣзду; я не хотѣлъ болѣе медлить. Добро наше все было уложено въ старую комендантскую повозку. Ямщики мигомъ заложили лошадей. Марья Ивановна пошла проститься съ могилами своихъ родителей, похороненныхъ за церковью. Я хотѣлъ ее проводить, но она просила меня оставить ее одну. Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отецъ Герасимъ и жена его вышли на крыльцо. Мы сѣли въ кибитку втроемъ: Марья Ивановна съ Палашей и я; Савельичъ забрался на облучекъ. „Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! прощайте, Петръ Андреичъ, соколъ нашъ ясный!“ говорила добрая попадья. „Счастливы пугъ, и дай Богъ вамъ обоимъ счастья!“ Мы поѣхали. У окошка комендантскаго дома я видѣлъ стоящаго Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотѣлъ торжествовать надъ уничтоженнымъ врагомъ и обратилъ глаза въ другую сторону. Наконецъ, мы выѣхали изъ крѣпостныхъ воротъ и навѣкъ оставили Бѣлогорскую крѣпость.

ГЛАВА XIII.

Арестъ.

Не гнѣвайтесь, сударь: по долгу моему

Я долженъ сей же часъ отправить васъ въ тюрьму.

— Извольте, я готовъ; но я въ такой надеждѣ,

Что дѣло объяснить дозволите мнѣ прежде.

Княжнинъ.

Соединенный такъ нечаянно съ милой дѣвушкою, о которой еще утромъ я такъ мучительно беспокоился, я не вѣрилъ самому себѣ и воображалъ, что все, со мною случившееся, было пустое сновидѣніе. Марья Ивановна глядѣла съ задумчивостію то на меня, то на дорогу и, казалось, не успѣла еще опомниться и придти въ себя. Мы молчали. Сердца наши слишкомъ были утомлены. Непримѣтнымъ образомъ, часа черезъ два, очутились мы въ ближней крѣпости, также подвластной Пугачеву. Здѣсь мы перемѣнили лошадей. По скорости, съ каковою ихъ запрягали, по торопливой услужливости брадатаго казака, поставленнаго Пугачевымъ въ коменданты, я увидѣлъ, что, благодаря болтливости ямщика, насъ привезшаго, меня принимали какъ придворнаго временщика.

Мы отправились далѣе. Стало смеркаться. Мы приближались къ городку, гдѣ, по словамъ бородатаго коменданта, находился сильный отрядъ, идущій на соединеніе къ самозванцу. ⁸¹ Мы были остановлены караульными. На вопросъ: „Кто ѣдетъ?“ ямщикъ отвѣчалъ громогласно: „Государевъ кумъ со своею хозяйшкою.“ Вдругъ толпа гусаровъ окру-

жила насъ съ ужасною бранью. „Выходи, бѣсовъ кумъ!“ сказалъ мнѣ усатый вахмистръ. „Вотъ, ужо тебѣ будетъ баня и съ твоею хозяйшкою!“

Я вышелъ изъ кибитки и требоваль, чтобъ отвели меня къ ихъ начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистръ повелъ меня къ маіору. Савельичъ отъ меня не отставаль, поговаривая про себя: „Вотъ тебѣ и государевъ кумъ! Изъ огня да въ поल्या... Господи - Владыко! чѣмъ это все кончится?“ Кибитка шагомъ поѣхала за нами.

Черезъ пять минутъ мы пришли къ домику, ярко освѣщенному. Вахмистръ оставилъ меня при караулѣ и пошелъ обо мнѣ доложить. Онъ тотчасъ же воротился, объявивъ мнѣ, что его высокоблагородію некогда меня принять, а что онъ велѣлъ отвести меня въ острогъ, а хозяйшку къ себѣ привести.

— Что это значить? закричалъ я въ бѣшенствѣ. Да развѣ онъ съ ума сошелъ?

„Не могу знать, ваше благородіе,“ отвѣчалъ вахмистръ. „Только его высокоблагородіе приказаль ваше благородіе отвести въ острогъ, а ея благородіе приказано привести къ его высокоблагородію, ваше благородіе!“

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбѣжалъ въ комнату, гдѣ человѣкъ шесть гусарскихъ офицеровъ играли въ банкъ. Маіоръ металъ. Каково было мое изумленіе, когда, взглянувъ на него, узналъ я Ивана Иваныча Зурина, нѣкогда обыгравшаго меня въ симбирскомъ трактирѣ!

— Возможно ли? вскричалъ я. Иванъ Иванычъ! ты ли?

„Ба, ба, ба, Петръ Андреичъ! Какими судьбами?“

Откуда ты? Здорово, братъ. Не хочешь ли поставить карточку?"

— Благодаренъ. Прикажи-ка лучше отвести мнѣ квартиру.

„Какую тебѣ квартиру? Оставайся у меня.“

— Не могу: я не одинъ.

„Ну, подавай сюда товарища.“

— Я не съ товарищемъ, я... съ дамою.

„Съ дамою! Гдѣ же ты ее подцѣпилъ? Эге, братъ!“

При сихъ словахъ Зуринъ засвистѣлъ такъ выразительно, что всѣ захохотали, а я совершенно смутился.

„Ну,“ продолжалъ Зуринъ: „такъ и быть. Будетъ тебѣ квартира. А жаль... Мы бы попиروвали постаринному... Гей, малый! Да что жъ сюда не ведутъ кумушку-то Пугачева? или она упрямится? Сказать ей, чтобъ она не боялась; баринъ-де прекрасный: ничѣмъ не обидить — да хорошенько ее въ шею.“

— Что ты это? сказалъ я Зурину. Какая кумушка Пугачева? Это дочь покойнаго капитана Миронова. Я вывезъ ее изъ плѣна и теперь провожаю до деревни батюшкиной, гдѣ и оставляю ее.

„Какъ! Такъ это о тебѣ мнѣ сейчасъ докладывали? Помилуй! что-жъ это значить?“

— Послѣ все расскажу. А теперь, ради Бога, успокой бѣдную дѣвушку, которую гусары твои перепугали.

Зуринъ тотчасъ же распорядился. Онъ самъ вышелъ на улицу извиниться ⁸² передъ Марьей Ивановой въ невольномъ недоразумѣннн и приказалъ вахмистру отвести ей лучшую квартиру въ городѣ. Я остался ночевать у него.

Мы отужинали, и когда остались вдвоемъ, я раз-

сказалъ ему свои похождения. Зуринъ слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ. Когда я кончилъ, онъ покачалъ головою и сказалъ: „Это, братъ, хорошо, — одно нехорошо: зачѣмъ тебя чортъ несетъ жениться? Я, честный офицеръ, не захочу тебя обманывать; повѣрь же ты мнѣ, что женитьба — блажь. Ну, куда тебѣ возиться съ женою да няньчиться съ ребятишками? Эй, плюнь. Послушайся меня: развяжись ты съ капитанской дочкой. Дорога въ Симбирскъ мною очищена и безопасна. Отправь ее завтра-жъ одну къ родителямъ твоимъ, а самъ оставайся у меня въ отрядѣ. Въ Оренбургъ возвращаться тебѣ не зачѣмъ. Попадешься опять въ руки бунтовщикамъ, такъ врядъ ли отъ нихъ еще разъ отдѣлаешься. Такимъ образомъ, любовная дурь пройдетъ сама собою, и все будетъ ладно.“

Хотя я не совсѣмъ былъ съ нимъ согласенъ, однакожь чувствовалъ, что долгъ чести требовалъ моего присутствія въ войскѣ императрицы. Я рѣшилъ послѣдовать совѣту Зурина: отправить Марью Ивановну въ деревню и остаться въ его отрядѣ.

Савельичъ явился меня раздѣвать; я объявилъ ему, чтобъ на другой же день готовъ онъ былъ ѣхать въ дорогу съ Марьей Ивановной. Онъ было заупрямился. „Что ты, сударь? Какъ же я тебя-то покину? Кто за тобою будетъ ходить? Что скажутъ родители твои?“

Зная упрямство дядьки моего, я вознамѣрился убѣдить его лаской и искренностію.

— Другъ ты мой, Архипъ Савельичъ! сказалъ я ему. Не откажи, будь мнѣ благодѣтелемъ; въ прислугѣ я ⁸³ нуждаться не стану, а не буду спокоенъ, если Марья Ивановна поѣдетъ въ дорогу безъ тебя. Служа ей, служишь ты и мнѣ, потому что я твердо

рѣшился, какъ скоро обстоятельства дозволятъ, жениться на ней.

Тутъ Савельичъ сплеснулъ руками съ видомъ изумленія неописаннаго.

„Жениться!“ повторилъ онъ. „Дитя хочетъ жениться! А что скажетъ батюшка, а матушка-то что подумаетъ?“

— Согласятся, вѣрно согласятся, отвѣчалъ я, когда узнаютъ Марью Ивановну. Я надѣюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебѣ вѣрятъ; ты будешь за насъ ходатаемъ, не такъ ли?

Старикъ былъ тронутъ.

„Охъ, батюшка ты мой, Петръ Андреичъ!“ отвѣчалъ онъ. „Хоть раненько задумалъ ты жениться, да за то Марья Ивановна такая добрая барышня, что грѣхъ и пропустить оказію. Инъ быть по твоему! Провожу ее, ангела Божія, и рабски буду доносить твоимъ родителямъ, что такой невѣстѣ не надобно и приданаго.“

Я благодарилъ Савельича и легъ спать въ одной комнатѣ съ Зуринымъ. Разгоряченный и взволнованный, я разболтался. Зуринъ сначала со мною разговаривалъ охотно, но мало-по-малу слова его стали рѣже и безсвязнѣе; наконецъ, вмѣсто отвѣта на какой-то вопросъ, онъ захрапѣлъ и присвистнулъ. Я замолчалъ и вскорѣ послѣдовалъ его примѣру.

На другой день утромъ пришелъ я къ Марьѣ Ивановнѣ. Я сообщилъ ей свои предположенія. Она признала ихъ благоразуміе и тотчасъ со мною согласилась. Отрядъ Зурина долженъ былъ выступить изъ города въ тотъ же день. Нечего было медлить. Я тутъ же расстался съ Марьей Ивановной, поручивъ ее Савельичу и давъ ей письмо къ моимъ родителямъ. Марья Ивановна заплакала. „Прощайте,

Петръ Андреичъ“, ⁸⁴ — сказала она тихимъ голо-
сомъ. — „Придется ли намъ увидѣться или нѣтъ, —
Богъ одинъ это знаетъ; но вѣкъ не забуду васъ; до
могилы ты одинъ останешься въ моемъ сердцѣ.“ —
Я ничего не могъ отвѣчать. Люди насъ окружали.
Я не хотѣлъ при нихъ предаваться чувствамъ, кото-
рыя меня волновали. Наконецъ, она уѣхала. Я воз-
вратился къ Зурину, грустенъ и молчаливъ. Онъ
хотѣлъ меня развеселить; я думалъ себя разсѣять;
мы провели день шумно и буйно и вечеромъ высту-
пили въ походъ.

Это было въ концѣ февраля. Зима, затруднявшая
военныя распоряженія, проходила, и наши генералы
готовились къ дружному содѣйствію. Пугачевъ все
еще стоялъ подъ Оренбургомъ. Между тѣмъ, около
него отряды соединялись и со всѣхъ сторонъ прибли-
жались къ злодѣйскому гнѣзду. Бунтующія деревни
при видѣ нашихъ войскъ приходили въ повиновеніе;
шайки разбойниковъ вездѣ бѣжали отъ насъ, и все
предвѣщало скорое и благополучное окончаніе.

Вскорѣ князь Голицынъ подъ крѣпостію Татище-
вой разбилъ Пугачева, разсѣялъ его толпы, освободилъ
Оренбургъ и, казалось, нанесъ бунту послѣд-
ній и рѣшительный ударъ. Зуринъ былъ въ то
время отряженъ противу шайки мятежныхъ башкир-
цевъ, которые разсѣялись прежде, нежели мы ихъ
увидали. Весна осадила насъ въ татарской деревушкѣ.
Рѣчки разлились, и дороги стали непроходимы. Мы
утѣшались въ нашемъ бездѣйствіи мыслию о скоромъ
прекращеніи скучной и мелочной войны съ разбой-
никами и дикарями.

Но Пугачевъ не былъ пойманъ. Онъ явился на
сибирскихъ заводахъ, собралъ тамъ новыя шайки и
снова началъ злодѣйствовать. Слухъ о его успѣхахъ

снова распространился. Мы узнали о разореніи сибирскихъ крѣпостей. Вскорѣ вѣсть о взятіи Казани и о походѣ самозванца на Москву встревожила начальниковъ войскъ, безпечно дремавшихъ въ надеждѣ на безсиліе презрѣннаго бунтовщика. Зуринъ получилъ повелѣніе переправиться чрезъ Волгу. *)

Не стану описывать нашего похода и окончанія войны. Скажу коротко, что бѣдствіе доходило до крайности. Мы проходили черезъ селенія, разоренныя бунтовщиками, и поневолѣ отбирали у бѣдныхъ жителей то, что успѣли они спасти ⁸⁵. Правленіе было повсюду прекращено; помѣщики укрывались по лѣсамъ. Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду; начальники отдѣльныхъ отрядовъ самовластно наказывали и миловали; состояніе всего обширнаго края, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, было ужасно... Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и беспощадный! ⁸⁶

Пугачевъ бѣжалъ, преслѣдуемый Иваномъ Ивановичемъ Михельсономъ. Вскорѣ узнали мы о совершенномъ его разбитіи. Наконецъ, Зуринъ получилъ извѣстіе о поимкѣ самозванца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повелѣніе остановиться. Война была кончена. Наконецъ, мнѣ можно было ѣхать къ моимъ родителям! Мысль ихъ обнять, увидѣть Марью Ивановну, отъ которой не имѣлъ я никакого извѣстія, одушевляла меня восторгомъ. Я прыгалъ какъ ребенокъ. Зуринъ смѣялся и говорилъ, пожимая плечами: „Нѣтъ! тебѣ не сдобровать! Женишься — ни за что пропадешь!“

Но, между тѣмъ, странное чувство отравляло

*) Слѣдующими за симъ строками замѣненъ въ печати обширный эпизодъ, сохранившійся въ бумагахъ Пушкина и печатаемый ниже, въ дополненіе къ повѣсти.

мою радость: мысль о злодѣѣ, обрызганномъ кровію столькихъ невинныхъ жертвъ, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневолѣ. „Емеля, Емеля!“ думаль я съ досадою: „зачѣмъ не наткнулся ты на штыкъ или не подвернулся подъ картечь? Лучше ничего не могъ бы ты придумать.“ Что прикажете дѣлать! Мысль о немъ неразлучна была во мнѣ съ мыслию о пощадѣ, данной мнѣ имъ въ одну изъ ужасныхъ минутъ его жизни, и объ избавленіи моей невѣсты изъ рукъ гнуснаго Швабрина.

Зуринъ далъ мнѣ отпущекъ. Черезъ нѣсколько дней долженъ я былъ опять очутиться посреди моего семейства, увидѣть опять мою Марью Ивановну... Вдругъ неожиданная гроза меня поразила.

Въ день, назначенный для выѣзда, въ самую ту минуту, когда готовился я пуститься въ дорогу, Зуринъ вошелъ ко мнѣ въ избу, держа въ рукахъ бумагу, съ видомъ чрезвычайно озабоченнымъ. Что-то кольнуло меня въ сердце. Я испугался, самъ не зная, чего. Онъ выслалъ моего деньщика и объявилъ, что имѣетъ до меня дѣло. „Что такое?“ — спросилъ я съ безпокойствомъ. — „Маленькая неприятность,“ отвѣчалъ онъ, подавая мнѣ бумагу. „Прочитай, что сейчасъ я получилъ“. Я сталъ ее читать: это былъ секретный приказъ ко всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ арестовать меня, гдѣ бы ни попался, и немедленно отправить подъ карауломъ въ Казань, въ слѣдственную комиссію, учрежденную по дѣлу Пугачева.

Бумага чуть не выпала изъ моихъ рукъ. „Дѣлать нечего!“ сказалъ Зуринъ. „Долгъ мой повиноваться приказу. Вѣроятно, слухъ о твоихъ дружескихъ путешествіяхъ съ Пугачевымъ какъ-нибудь да дошелъ до правительства. Надѣюсь, что дѣло не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій и что ты оправ-

даешься передъ комиссіей. Не унывай и отправляйся.“ Совѣсть моя была чиста, я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкаго свиданія, можетъ быть, на нѣсколько еще мѣсяцевъ — устрашала меня. Телѣжка была готова. Зуринъ дружески со мною простился. Меня посадили въ телѣжку. Со мною сѣли два гусара съ саблями наголо, и я поѣхалъ по большой дорогѣ.

ГЛАВА XIV.

С у д ъ.

Мірская молва —
Морская волна.

П о с л о в и ц а.

Я былъ увѣренъ, что виною всему было самовольное мое отсутствіе изъ Оренбурга. Я легко могъ оправдаться: наѣздничество не только никогда не было запрещено, но всѣми силами еще было ободряемо. Я могъ быть обвиненъ въ излишней запальчивости, а не въ ослушаніи. Но пріятельскія сношенія мои съ Пугачевымъ могли быть доказаны множествомъ свидѣтелей и должны были казаться по крайней мѣрѣ весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлялъ я о допросахъ, меня ожидающихъ, обдумывалъ свои отвѣты и рѣшился передъ судомъ объявить сущую правду, полагая сей способъ оправданія самымъ простымъ, а вмѣстѣ и самымъ надежнымъ.

Я пріѣхалъ въ Казань, опустошенную и погорѣлую. По улицамъ, на мѣсто домовъ, лежали груды углей и торчали закоптѣлыя стѣны безъ крышъ и оконъ. Таковъ былъ слѣдъ, оставленный Пугаче-

вымъ! Меня привезли въ крѣпость, уцѣлѣвшую посреди сгорѣвшаго города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Онъ велѣлъ кликнуть кузнеца. Надѣли мнѣ на ноги цѣпь и заковали ее наглухо. Потомъ отвели меня въ тюрьму и оставили одного въ тѣсной и темной конуркѣ съ однѣми голыми стѣнами и съ окошечкомъ, загороженнымъ желѣзною рѣшеткою.

Такое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. Однако жъ я не терялъ ни бодрости, ни надежды. Я прибѣгнулъ къ утѣшенію всѣхъ скорбящихъ и, впервые вкусивъ сладость молитвы, изліянной изъ чистаго, но растерзаннаго сердца, спокойно заснулъ, не заботясь о томъ, что со мною будетъ.

На другой день тюремный сторожъ меня разбудилъ съ объявленіемъ, что меня требуютъ въ комиссію. Два солдата повели меня черезъ дворъ въ комендантскій домъ, остановились въ передней и впустили одного во внутреннія комнаты.

Я вошелъ въ залу, довольно обширную. За столомъ, покрытымъ бумагами, сидѣли два человѣка: пожилой генералъ виду строгаго и холоднаго и молодой гвардейскій капитанъ лѣтъ двадцати восьми, очень пріятной наружности, ловкій и свободный въ обращеніи. У окошка, за особымъ столомъ, сидѣлъ секретарь, съ перомъ за ухомъ, наклонясь надъ бумагою, готовый записывать мои показанія. Начался допросъ. Меня спросили о моемъ имени и званіи. Генералъ освѣдомился, не сынъ ли я Андрея Петровича Гринева? И на отвѣтъ мой возразилъ сурово: „Жаль, что такой почтенный человѣкъ имѣетъ такого недостойнаго сына!“ Я спокойно отвѣчалъ, что каковы бы ни были обвиненія, тяготящія на мнѣ, я надѣюсь ихъ разсѣять чистосердечнымъ объясненіемъ

истины. Увѣренность моя ему не понравилась. „Ты, братъ, востеръ,“ — сказалъ мнѣ онъ, нахмурясь: — „но видали мы и не такихъ!“

Тогда молодой человекъ спросилъ меня: „по какому случаю и въ какое время вошелъ я въ службу къ Пугачеву и по какимъ порученіямъ былъ я имъ употребленъ?“

Я отвѣчалъ съ негодованіемъ, что я, какъ офицеръ и дворянинъ, ни въ какую службу къ Пугачеву вступать не могъ и никакихъ порученій принять отъ него не могъ.

„Какимъ же образомъ,“ — возразилъ мой допросчикъ, — „дворянинъ и офицеръ одинъ пощажень самозванцемъ, между тѣмъ какъ всѣ его товарищи злодѣйски умерщвлены? Какимъ образомъ этотъ самый офицеръ и дворянинъ дружески пируетъ съ бунтовщиками, принимаетъ отъ главнаго злодѣя подарки, шубу, лошадь и полтину денегъ? Отчего произошла такая странная дружба и на чемъ она основана, если не на измѣнѣ или, по крайней мѣрѣ, на гнусномъ и преступномъ малодушіи?“

Я былъ глубоко оскорбленъ словами гвардейскаго офицера и съ жаромъ началъ свое оправданіе. Я рассказалъ, какъ началось мое знакомство съ Пугачевымъ въ степи, во время бурана, какъ при взятіи Бѣлогорской крѣпости онъ меня узналъ и пощадилъ. Я сказалъ что тулупъ и лошадь, правда, не посоувѣтился принять отъ самозванца, но что Бѣлогорскую крѣпость защищалъ я противу злодѣя до послѣдней крайности. Наконецъ, я сослался на моего генерала, который могъ засвидѣтельствовать мое усердіе во время бѣдственной оренбургской осады.

Строгій старикъ взялъ со стола открытое письмо и сталъ читать вслухъ:

„На запросъ вашего превосходительства касательно прапорщика Гринева, яко бы замѣшаннаго въ нынѣшнемъ смятеніи и вошедшаго въ сношенія съ злодѣемъ, службою недозволенная и долгу присяги противная, объяснить имѣю честь: оный прапорщикъ Гринева находился на службѣ въ Оренбургѣ отъ начала октября прошлаго 1773 года до 24 февраля нынѣшняго года, въ которое число онъ изъ города отлучился, и съ той поры уже въ команду мою не являлся. А слышно отъ перебѣжчиковъ, что онъ былъ у Пугачева въ слободѣ и съ нимъ вмѣстѣ ѣздилъ въ Бѣлогорскую крѣпость, въ коей прежде находился онъ на службѣ; что касается до его поведенія, то я могу“... Тутъ онъ прервалъ свое чтеніе и сказалъ мнѣ сурово: „Что ты теперь мнѣ скажешь себѣ въ оправданіе?“

Я хотѣлъ было продолжать, какъ началъ, и объяснить мою связь съ Марьей Ивановной такъ же искренно, какъ и все прочее, но вдругъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Мнѣ пришло въ голову, что если назову ее, то комиссія потребуетъ ее къ отвѣту, и мысль впутать имя ея между гнусными извѣтами злодѣевъ, и ее самое привести на очную съ ними ставку — эта ужасная мысль такъ меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начавшіе, казалось, выслушивать отвѣты мои съ нѣкоторою благосклонностію, были снова предубѣждены противу меня при видѣ моего смущенія. Гвардейскій офицеръ потребовалъ, чтобы меня поставили на очную ставку съ главнымъ доносителемъ. Генералъ велѣлъ кликнуть вчерашняго злодѣя. Я съ живостію обратился къ дверямъ, ожидая появленія своего обвинителя. Черезъ нѣсколько минутъ загремѣли цѣпи, двери отворились, и вошелъ —

Швабринъ. Я изумился его перемѣнѣ. Онъ былъ ужасно худъ и блѣденъ. Волосы его, недавно черные какъ смоль, совершенно посѣдѣли; длинная борода была всклокочена. Онъ повторилъ обвиненія свои слабымъ, но смѣлымъ голосомъ. По его словамъ, я otrяженъ былъ отъ Пугачева въ Оренбургъ шпиономъ; ежедневно выѣзжалъ на перестрѣлки, дабы передавать письменныя извѣстія о всемъ, что дѣлалось въ городѣ; что, наконецъ, явно передался самозванцу, развѣзжалъ съ нимъ изъ крѣпости въ крѣпость, стараясь всячески губить своихъ товарищезизмѣнниковъ, дабы занимать ихъ мѣста и пользоваться наградами, раздаваемыми отъ самозванца. Я выслушалъ его молча и былъ доволенъ однимъ: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнуснымъ злодѣемъ, оттого ли, что самолюбіе его страдало при мысли о той, которая отвергла его съ презрѣніемъ, оттого ли, что въ сердцѣ его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать. Какъ бы то ни было, имя дочери бѣлогорскаго коменданта не было произнесено въ присутствіи комиссіи. Я утвердился еще болѣе въ моемъ намѣреніи, и когда судьи спросили: „чѣмъ могу опровергнуть показанія Швабрина“, я отвѣчалъ, что держусь перваго своего объясненія и ничего другого въ оправданіе себѣ сказать не могу. Генераль велѣлъ насъ вывести. Мы вышли вмѣстѣ. Я спокойно взглянулъ на Швабрина, но не сказалъ ему ни слова. Онъ усмѣхнулся злобною усмѣшкой и, приподнявъ свои цѣпи, опередилъ меня и ускорилъ свои шаги. Меня опять отвели въ тюрьму, и съ тѣхъ поръ уже къ допросу не требовали.

Я не былъ свидѣтелемъ всему, о чемъ остается мнѣ увѣдомить читателя; но я такъ часто слышалъ о томъ рассказы, что малѣйшія подробности врѣзались

въ мою память и что мнѣ кажется, будто бы я тутъ же невидимо присутствовалъ.

Марья Ивановна принята была моими родителями съ тѣмъ искреннимъ радушіемъ, которое отличало людей стараго вѣка. Они видѣли благодать Божию въ томъ, что имѣли случай пріютить и обласкать бѣдную сироту. Вскорѣ они къ ней искренно привязались, потому что нельзя было ее узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшкѣ простою блажью, а матушка только того и желала, чтобъ ея Петруша женился на милой капитанской дочкѣ.

Слухъ о моемъ арестѣ поразилъ все мое семейство. Марья Ивановна такъ просто рассказала моимъ родителямъ о странномъ знакомствѣ моемъ съ Пугачевымъ, что оно не только не безпокоило ихъ, но еще заставляло часто смѣяться отъ чистаго сердца. Батюшка не хотѣлъ вѣрить, чтобы я могъ быть замѣшанъ въ гнусномъ бунтѣ, коего цѣль была ниспроверженіе престола и истребленіе дворянскаго рода. Онъ строго допросилъ Савельича. Дядька не утаилъ, что баринъ бывалъ въ гостяхъ у Емельки Пугачева и что-де злодѣй его таки жаловалъ, но клялся, что ни о какой измѣнѣ онъ и не слыхивалъ. Старики успокоились и съ нетерпѣніемъ стали ждать благоприятныхъ вѣстей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо въ высшей степени одарена была скромностію и осторожностію.

Прошло нѣсколько недѣль... Вдругъ батюшка получаетъ изъ Петербурга письмо отъ нашего родственника, князя Б**. Князь писалъ ему обо мнѣ. Послѣ обыкновеннаго приступа онъ объяснилъ ему, что подозрѣнія насчетъ участія моего въ замыслахъ бунтовщиковъ, къ несчастію, оказались слишкомъ

основательными, что примѣрная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, изъ уваженія къ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ отца, рѣшилась помиловать преступнаго сына и, избавляя его отъ позорной казни, повелѣла только сослать въ отдаленный край Сибири на вѣчное поселеніе.

Сей неожиданный ударъ едва не убилъ отца моего. Онъ лишился обыкновенной своей твердости, и горестъ его (обыкновенно нѣмая) изливалась въ горькихъ жалобахъ. „Какъ!“ повторялъ онъ, выходя изъ себя: „сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна: прашуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, отстаивая то, что почиталъ святынею совѣсти; отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками, съ убійцами, съ бѣглыми холопьями!.. Стыдъ и срамъ нашему роду!“ Испуганная его отчаяніемъ, матушка не смѣла при немъ плакать и старалась возратить ему бодрость, говоря о невѣрности молвы, о шаткости людского мнѣнія. Отецъ мой былъ неутѣшенъ.

Марья Ивановна мучилась болѣе всѣхъ. Будучи увѣрена, что я могъ бы оправдаться, когда бы только захотѣлъ, она догадывалась объ истинѣ и почитала себя виновницею моего несчастія. Она скрывала отъ всѣхъ свои слезы и страданія и между тѣмъ непрестанно думала о средствахъ, какъ бы меня спасти.

Однажды вечеромъ батюшка сидѣлъ на диванѣ, перевертывая листы „Придворнаго Календаря“, но мысли его были далеко, и чтеніе не производило надъ нимъ обыкновеннаго своего дѣйствія. Онъ насвистывалъ старинный маршъ. Матушка молча вязала шер-

стяную фуфайку, и слезы изрѣдка капали на ея работу. Вдругъ Марья Ивановна, тутъ же сидѣвшая за работой, объявила, что необходимость заставляетъ ее ѣхать въ Петербургъ, и что она просить дать ей способъ отправиться. Матушка очень огорчилась, „Зачѣмъ тебѣ въ Петербургъ?“ сказала она: „неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты насъ покинуть?“ Марья Ивановна отвѣчала, что вся будущая судьба ея зависитъ отъ этого путешествія, что она ѣдетъ искать покровительства и помощи у сильныхъ людей, какъ дочь человѣка, пострадавшаго за свою крѣпость.

Отецъ мой потупилъ голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступленіе сына, было ему тягостно и казалось колкимъ упрекомъ. „Поѣзжай, матушка!“ сказалъ онъ ей со вздохомъ. „Мы твоему счастью помѣхи сдѣлать не хотимъ. Дай Богъ тебѣ въ женихи добраго человѣка, не ошельмованнаго измѣнника“. Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты

Марья Ивановна, оставшись наединѣ съ матушкою, отчасти объяснила ей свои предположенія. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучномъ концѣ замышленнаго дѣла. Марью Ивановну снарядили, и черезъ нѣсколько дней она отправилась въ дорогу съ вѣрной Палашей и съ вѣрнымъ Савельичемъ, который, насильственно разлученный со мною, утѣшался, по крайней мѣрѣ, мыслию, что служить нареченной моей невѣстѣ.

Марья Ивановна благополучно прибыла въ Софію и, узнавъ, что дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена смотрителя тотчасъ съ нею разговорила, объявила, что она племянница придворнаго истопника, и посвятила ее

во всё таинства придворной жизни. Она рассказала, въ которомъ часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась, какіе вельможи находились въ то время при ней, что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ, кого принимала вечеромъ. Словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьева рассказала исторію каждой аллеи и каждого мостика и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день, рано утромъ, Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины лияъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка англійской породы залаяла и побѣжала ей на встрѣчу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: „Не бойтесь, она не укуситъ.“ И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла, а Марья Ивановна, съ своей стороны, бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей казалось лѣтъ

сорокъ. Лицо ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая перервала молчаніе.

„Вы вѣрно не здѣшнія?“ сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

„Вы пріѣхали съ вашими родными?“

— Никакъ нѣтъ-съ, я пріѣхала одна.

„Одна! Но вы такъ еще молоды.“

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

„Вы здѣсь, конечно, по какимъ-нибудь дѣламъ?“

— Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу государынѣ.

„Вы сирота: вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?“

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

„Позвольте спросить, кто вы таковы?“

— Я дочь капитана Миронова.

„Капитана Миронова! того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ оренбургскихъ крѣпостей?“

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута.

„Извините меня,“ сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, „если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла, но я бываю при дворѣ: изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь.“

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и по-

дала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала ее читать про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ, но вдругъ лицо ея перемѣнилось, — и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

„Вы просите за Гринева?“ сказала дама съ холоднымъ видомъ. „Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй.“

— Ахъ, неправда! — вскрикнула Марья Ивановна.

„Какъ неправда?“ возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей-Богу, неправда! Я знаю все, я все вамъ расскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если онъ не оправдается передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня.

Тутъ она съ жаромъ рассказала все, что уже извѣстно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманіемъ.

„Гдѣ вы остановились?“ спросила она потомъ и, услыша, что у Анны Власьевны, промолвила съ улыбкою: „А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы недолго будете ждать отвѣта на ваше письмо.“

Съ этимъ словомъ она встала и вышла въ крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ и за чашкою

чаю только-было принялась за безконечные рассказы о дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца. и камеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что государыня изволить къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. „Ахти, Господи!“ закричала она. „Государыня требуетъ васъ ко двору. Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь къ императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умѣете... Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки, я васъ хоть въ чемъ -нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ?“

Камеръ-лакей объявилъ, что государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе нашей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Черезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею отворились настежь. Она прошла длинный рядъ пустыхъ великолѣпныхъ комнатъ; камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложить, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть императрицу лицомъ къ лицу такъ устрасала ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Черезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой: „Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру.“

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорила съ нею. „Знаю, что вы не богаты,“ — сказала она: „но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе“.

Обласкавъ бѣдную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьева, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьева хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню....

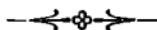
Здѣсь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева. ⁸⁷ Изъ семейственныхъ преданій извѣстно, что онъ былъ освобожденъ отъ заключенія въ концѣ 1774 года, по именному повелѣнію, что онъ при-

сутствовалъ при казни Пугачева, который узналъ его въ толпѣ и кивнулъ ему головою, которая черезъ минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскорѣ потомъ Петръ Андреевичъ женился на Марьѣ Ивановнѣ. Потомство ихъ благоденствуетъ въ Симбирской губерніи. ⁸⁸ Въ тридцати верстахъ отъ *** находится село, принадлежащее десятерымъ помѣщикамъ. Въ одномъ изъ барскихъ флигелей ⁸⁹ показываютъ собственноручное письмо Екатерины II, за стекломъ и въ рамкѣ. Оно писано къ отцу Петра Андреевича и содержитъ оправданіе его сына ⁹⁰ и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова.

Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была намъ отъ одного изъ его внуковъ, который узналъ, что мы заняты были трудомъ, относящимся ко временамъ, описаннымъ его дѣдомъ. Мы рѣшились, съ разрѣшенія родственниковъ, издать ее особо, приискавъ къ каждой главѣ приличный эпиграфъ и дозволивъ себѣ перемѣнить нѣкоторыя собственные имена.

19 октября 1836.

И з д а т е л ь.



Дополненіе къ главѣ XIII.

(Стр. 464).

Зуринъ получилъ повелѣніе переправиться чрезъ Волгу и спѣшить къ Симбирску, гдѣ уже разгоралось пламя пожара. Мысль, что можетъ быть удастся мнѣ заѣхать къ намъ въ деревню, обнять родителей и увидѣться съ Марьей Ивановной, одушевила меня радостью. Я прыгалъ какъ ребенокъ и повторялъ, обнимая Зурину: „Въ Симбирскъ! въ Симбирскъ!“ Зуринъ вздыхалъ и говорилъ, пожимая плечами: „Нѣтъ, тебѣ не сдобровать. Женишься, ни за что пропадешь!..“

Мы приближались къ берегамъ Вояги. Полкъ нашъ вступилъ въ деревню ** и остановился въ ней ночевать. На другой день утромъ мы должны были переправиться. Староста объявилъ мнѣ, что на той сторонѣ всѣ деревни взбунтовались; шайки пугачевскія бродятъ вездѣ.

Это извѣстіе меня сильно встревожило.

Нетерпѣніе овладѣло мною и не давало мнѣ покою. Деревня отца моего находилась въ 30 верстахъ по ту сторону рѣки. Я спросилъ, не сыщется ли перевозчика. Всѣ крестьяне были рыболовы; лодокъ много. Я пришелъ къ Зурину и объявилъ ему о своемъ намѣреніи. — „Берегись“, сказалъ онъ мнѣ. „Одному ѣхать опасно. Дождись утра. Мы пере-

правимся первые и прїѣдемъ въ гости къ твоимъ родителямъ съ 50 гусарами на всякій случай.“

Я настоялъ на своемъ. Лодка была готова. Я сѣлъ въ нее съ двумя гребцами. Они отчалили и ударили въ весла.

Небо было ясно. Луна сіяла. Погода была тихая. Волга неслась ровно и спокойно. Лодка, плавно качаясь, скользила по поверхности темныхъ волнъ. Прошло около получаса. Я погрузился въ мечты воображенія: спокойствіе природы и ужасы политическіе, любовь etc. Мы достигли середины рѣки... Вдругъ гребцы начали шептаться между собою. „Что такое?“ спросилъ я, очнувшись. — „Не знаемъ, Богъ вѣсть“, отвѣчали гребцы, смотря въ одну сторону. Глаза мои приняли то же направленіе, и я увидѣлъ въ сумракѣ что-то плывшее внизъ по Волгѣ. Незнакомый предметъ приближался. Я велѣлъ гребцамъ остановиться и дожждаться. Луна зашла за облако. Плавающій призракъ сдѣлался еще темнѣе. Онъ былъ отъ меня уже близко, и я все еще не могъ его различить. „Что бы это было?“ говорили гребцы. „Парусъ не парусъ, мачта не мачта.“ Вдругъ луна вышла изъ-за облака и озарила зрѣлище ужасное. Къ намъ навстрѣчу плыла висѣлица, утвержденная на плоту. Три тѣла висѣли на перекладинѣ. Болѣзненное любопытство овладѣло мною. Я захотѣлъ взглянуть на лица висѣльниковъ. По моему приказанію гребцы зацѣпили плотъ багромъ, и лодка моя толкнулась о плывущую висѣлицу. Я выпрыгнулъ и очутился между ужасными столбами. Полная луна озаряла обезображенныя лица несчастныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ старый чувашъ, другой — русскій крестьянинъ, сильный и здоровый малый лѣтъ 20-ти. Взглянувъ на третьяго, я сильно былъ пораженъ и

не могъ удержаться отъ жалобнаго восклицанія: это былъ Ванька, бѣдный мой Ванька, по глупости своей приставшій къ Пугачеву. Надъ ними прибита была черная доска, на которой бѣлыми крупными буквами было написано: „Воры и бунтовщики“. Гребцы равнодушно ожидали меня, удерживая плотъ багромъ. Я сѣлъ опять въ лодку. Плотъ поплылъ внизъ по рѣкѣ. Висѣлица долго чернѣла во мракѣ. Наконецъ она исчезла, и лодка моя пристала къ высокому и крутому берегу.

Я щедро расплатился съ гребцами. Одинъ изъ нихъ повелъ меня къ выборному деревни, находившейся у перевоза. Я вошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ избу. Выборный, услышавъ, что я требую лошадей, принялъ-было меня довольно грубо, но мой жогаый сказалъ ему тихо нѣсколько словъ, и его суровость тотчасъ обратилась въ торопливую услужливость. Въ одну минуту тройка была готова. Я сѣлъ въ телѣжку и велѣлъ себя везти въ нашу деревню.

Я скакалъ по большой дорогѣ мимо спящихъ деревень. Я боялся одного: быть остановлену на дорогѣ. Если ночная встрѣча моя на Волгѣ доказывала присутствіе бунтовщиковъ, то она вмѣстѣ была доказательствомъ и сильнаго противодѣйствія правительства. На всякій случай я имѣлъ въ карманѣ пропускъ, выданный мнѣ Пугачевымъ, и приказъ полковника Зурина. Но никто мнѣ не встрѣчался, и къ утру я завидѣлъ рѣку и еловую рошу, за которой находилась наша деревня. Ямщикъ ударилъ по лошадамъ, и черезъ четверть часа я въѣхалъ въ **. Барскій домъ находился на другомъ концѣ села. Лошади мчались во весь духъ. Вдругъ посреди улицы ямщикъ началъ ихъ удерживать. „Что такое?“ спросилъ я съ нетерпѣніемъ. „Застава, баринъ“, отвѣ-

чалъ ямщикъ, съ трудомъ остано́въ разъяренныхъ коней. Въ самомъ дѣлѣ, я увидаль рогатку и караульнаго съ дубиною. Мужикъ подошелъ во мнѣ и снялъ шляпу, спрашивая пашпорту. „Что это значить?“ спросилъ я его. „Зачѣмъ здѣсь рогатка? Кого ты караулишь?“ — „Да мы, батюшка, бунтуемъ“, отвѣчалъ онъ, почесываясь. — „А гдѣ ваши господа?“ спросилъ я съ сердечнымъ замираніемъ. — „Господа-то наши гдѣ?“ повторилъ мужикъ. „Господа наши въ хлѣбномъ амбарѣ“. — „Какъ въ амбарѣ?“ — „Да Андрюха земскій посадилъ, вишь, ихъ въ колодки и хочетъ везти къ батюшкѣ-государю.“ „Боже мой! Отворачивай, дуракъ, рогатку. Что же ты зѣваешь?“

Караульный медлилъ. Я выскочилъ изъ телѣги, треснулъ его (виноватъ) въ ухо и самъ отодвинулъ рогатку. Мужикъ мой глядѣлъ на меня съ глупымъ недоумѣніемъ. Я сѣлъ опять въ телѣгу и велѣлъ скакать къ барскому дому. Хлѣбный амбаръ находился на дворѣ. У запертыхъ дверей стояли два мужика съ дубинами. Телѣга остановилась прямо передъ ними. Я выскочилъ и бросился прямо на нихъ. „Отворяй двери!“ сказалъ я имъ. Вѣроятно видъ мой былъ страшенъ; по крайней мѣрѣ, оба убѣжали, бросивъ дубины. Я попытался сбить замокъ съ двери, выломать; но двери были дубовыя, а огромный замокъ несокрушимъ. Въ эту минуту молодой мужикъ вышелъ изъ людской избы и съ видомъ надменнымъ спросилъ меня, какъ я смѣю буяннить. „Гдѣ Андрюшка земскій?“ закричалъ я ему. „Кликнуть его ко мнѣ!“

— Я самъ Андрей Аѳонасьевичъ, а не Андрюшка“, отвѣчалъ онъ мнѣ гордо подбочась... „Чего надобно?“

Вмѣсто отвѣта я схватилъ его за шиворотъ, и притащивъ къ дверямъ амбара, велѣлъ ихъ отпирать. Земскій было заупрямился; но отеческое наказаніе подѣйствовало и на него. Онъ вынулъ ключъ и отперъ амбаръ. Я кинулся черезъ порогъ—и въ темномъ углу, слабо освѣщенномъ узкимъ отверстіемъ, прорубленнымъ въ потолокъ, увидѣлъ мать и отца. Руки ихъ были связаны, на ноги набиты были колодки. Я бросился ихъ обнимать и не могъ выговорить ни слова. Оба смотрѣли на меня съ изумленіемъ: три года военной жизни такъ измѣнили меня, что они не могли узнать меня.

Вдругъ услышалъ я милый, знакомый голосъ. „Петръ Андреичъ! Это вы?“ Я оглянулся—и вижу въ другомъ углу Марью Ивановну, также связанную. Я остолбенѣлъ. Отецъ глядѣлъ на меня молча, не смѣя вѣрить самому себѣ. Радость блистала на лицѣ его „Здравствуй, здравствуй, Петруша!“ говорилъ онъ прижимая меня къ сердцу. „Слава Богу, дождались тебя!“ Матушка ахнула и залилась слезами. „Петруша, другъ мой!“ говорила матушка. „Какъ тебя Господь привелъ? Здоровъ ли ты?“

Я спѣшилъ саблею разрѣзать узлы ихъ веревокъ и вывести ихъ изъ заключенія; но, подошедъ къ двери, я нашелъ ее снова запертою. „Андрюшка!“ закричалъ я, „отопри!“ — „Какъ не такъ!“ отвѣчалъ изъ за двери земскій. „Сиди-ка самъ здѣсь! Вотъ, уже научимъ тебя буяннить да за воротъ таскать государевыхъ чиновниковъ!“

Я сталъ осматривать амбаръ, ища, не было ли какого-нибудь способа выбраться. „Не трудись“, сказалъ мнѣ батюшка. „Не таковскій я хозяинъ, чтобъ можно было въ амбары мои входить и выходить воровскими лазейками.“ Матушка, на минуту

обрадованная моимъ появленіемъ, впала въ отчаяніе видя, что пришлось и мнѣ раздѣлить погибель всей семьи. Но я былъ спокойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ находился съ ними и съ Марьей Ивановной. Со мной была сабля и два пистолета: я могъ еще выдержать осаду. Зуринъ долженъ былъ подоспѣть къ вечеру и насъ освободить. Я сообщилъ все это моимъ родителямъ и успѣлъ успокоить матушку и Марью Ивановну. Онѣ предались вполнѣ радости свиданія, и нѣсколько часовъ прошли для насъ незамѣтно во взаимныхъ ласкахъ и непрерывныхъ разговорахъ.

„Ну, Петръ“, сказалъ мнѣ отецъ, „довольно ты проказилъ, и я на тебя порядкомъ былъ сердить. Но нечего поминать про старое. Надѣюсь, что теперь ты исправился и перебѣсился. Знаю, что ты служилъ, какъ надлежитъ честному офицеру. Спасибо, утѣшилъ меня старика. Коли тебѣ обязанъ я буду избавленіемъ, то жизнь мнѣ вдвое будетъ пріятнѣе“. Я со слезами цѣловалъ его руку и глядѣлъ на Марью Ивановну, которая была такъ обрадована моимъ присутствіемъ, что казалась совершенно счастлива и спокойна.

Около полудни услышали мы необычайный шумъ и крики. „Что это значить?“ сказалъ отецъ. „Ужь не твой ли полковникъ подоспѣлъ?“ — „Невозможно“, отвѣчалъ я: „онъ не будетъ прежде вечера“. Шумъ умножался. Били въ набатъ. По двору скакали конные люди. Въ эту минуту въ узкое отверстіе, прорубленное въ стѣнѣ, просунулась сѣдая голова Савельича, и мой бѣдный дядька произнесъ жалостнымъ голосомъ: „Андрей Петровичъ! Батюшка ты мой, Петръ Андреичъ! Марья Ивановна! Бѣда! Злодѣи вошли въ село. И знаешь ли, Петръ Андре-

ичь, кто ихъ привель? Швабринъ Алексѣй Ивановичъ, нелегкое его побери!“

Услыша ненавистное имя, Марья Ивановна всплеснула руками и осталась неподвижною. „Послушай!“ сказалъ я Савельичу, „пошли кого-нибудь верхомъ къ перевозу, навстрѣчу къ гусарскому полку, и вели дать знать полковнику объ нашей опасности“.

„Да кого же послать, сударь? Всѣ мальчишки бунтуютъ, а лошади всѣ захвачены. Ахти! Вотъ ужъ на дворѣ! До амбара добираются“.

Въ это время за дверью раздалось нѣсколько голосовъ. Я далъ знакъ матушкѣ и Марьѣ Ивановнѣ удалиться въ уголь, обнажилъ саблю и прислонился къ стѣнѣ у самой двери. Батюшка взялъ pistols, на обоихъ взвелъ курокъ и сталъ подлѣ меня. Загремѣлъ замокъ, дверь отворилась и голова земскаго показалась. Я ударилъ по ней саблею, и онъ упалъ, загородивъ входъ. Въ ту же минуту батюшка выстрѣлилъ въ двери изъ pistols. Толпа, осаждавшая насъ, отбѣжала съ проклятіями. Я перетащилъ черезъ порогъ раненаго и заперъ дверь.

Дворъ былъ полонъ вооруженныхъ людей. Между ними узналъ я Швабрина. „Не бойтесь“, сказалъ я женщинамъ: „есть надежда. А вы, батюшка, уже болѣе не стрѣляйте. Побережемъ послѣдній зарядъ.“

Матушка молча молилась Богу. Марья Ивановна стояла подлѣ нея, съ ангельскимъ спокойствіемъ ожидая рѣшенія судьбы своей. За дверьми раздавались угрозы, брань и проклятія. Я стоялъ на своемъ мѣстѣ, готовый изрубить перваго смѣльчака. Вдругъ злодѣи замолчали. Я услышалъ голосъ Швабрина, зовущаго меня по имени.

— Я здѣсь. Чего ты хочешь?

„Сдайся, Гриневъ: противиться невозможно. Пожалѣй своихъ стариковъ. Упрямствомъ себя не спасешь. Я до васъ доберусь!“

— Попробуй, измѣнникъ!

„Не стану ни самъ соваться по - пустому, ни своихъ людей тратить, а велю поджечь амбаръ и тогда посмотримъ, что ты станешь дѣлать, Донъ-Кишоть бѣлогорскій. Теперь пора обѣдать. Покамѣсть сиди да думай на досугѣ. До свиданья! Марья Ивановна, не извиняюсь передъ вами: вамъ, вѣроятно, не скучно въ потемкахъ съ вашимъ рыцаремъ.“

Швабринъ удалился, оставя карауль у амбара. Мы молчали. Каждый изъ насъ думалъ про себя, не смѣя сообщить другому своихъ мыслей. Я воображалъ себѣ все, что въ состояніи былъ учинить озлобленный Швабринъ. О себѣ я почти не заботился. Признаться ли? И участь родителей моихъ не столько ужасала меня, какъ судьба Марьи Ивановны. Я зналъ, что матушка была обожаема крестьянами и дворовыми людьми. Батюшка, не смотря на свою строгость, былъ также любимъ, ибо былъ справедливъ и зналъ истинныя нужды подвластныхъ ему людей. Бунтъ ихъ былъ заблужденіе, мгновенное пьянство, а не изъявленіе ихъ негодованія. Тутъ пощада была вѣроятна. Но Марья Ивановна? Какую участь готовилъ ей безсовѣстный и развратный человекъ? Я не смѣлъ останавливаться на этой ужасной мысли и готовился (прости, Господи!) умертвить ее скорѣе, нежели вторично увидѣть въ рукахъ жестокаго недруга.

Прошло еще около часа. Въ деревнѣ раздавались пѣсни пьяныхъ. Караульные наши имъ завидовали и, досадуя на насъ, ругались и страшали насъ истязаніями и смертью. Мы ожидали послѣдствія

угрозамъ Швабрина. Наконецъ, сдѣлалось большое движеніе на дворѣ, и мы опять услышали голосъ Швабрина.

— Что, надумались ли вы? Сдаются ли добровольно въ мои руки?

Никто не отвѣчалъ.

Подождавъ немного, Швабринъ велѣлъ принести соломы. Черезъ нѣсколько минутъ вспыхнулъ огонь и освѣтилъ темный амбаръ. Дымъ началъ пробиваться изъ-подъ щелей порога.

Тогда Марья Ивановна подошла ко мнѣ и тихо, взявъ меня за руку, сказала: „Полно, Петръ Андреичъ! Не губите за меня и себя, и родителей. Швабринъ меня послушаетъ. Выпустите меня!“

— Ни за что! вскричалъ я съ сердцемъ. Знаете ли вы, что васъ ожидаетъ?

„Безчестія не переживу,“ отвѣчала она спокойно. „Но, можетъ быть, я спасу моего избавителя и семью, которая такъ великодушно призрѣла мое бѣдное сиротство. Прощайте, Андрей Петровичъ! Прощайте, Авдотья Васильевна! Вы были для меня болѣе чѣмъ благодѣтели. Благословите меня. Простите же и вы, Петръ Андреичъ. Будьте увѣрены, что... что...“ Тутъ она заплакала и закрыла лицо руками... Я былъ какъ сумасшедшій. Матушка плакала.

— Полно врать, Марья Ивановна, сказалъ мой отецъ. Кто тебя пуститъ одну къ разбойникамъ? Сиди здѣсь и молчи. Умирать, такъ умирать ужь вмѣстѣ. Слушай! Что тамъ еще говорятъ?

„Сдаются ли?“ кричалъ Швабринъ. „Видите, черезъ пять минутъ васъ изжарятъ.“

— Не сдадимся, злодѣй! отвѣчалъ ему батюшка твердымъ голосомъ. Бодрое лицо его, покрытое морщинами, оживлено было удивительно. Глаза

сверкали изъ-подъ сѣдыхъ бровей. Обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ: „Теперь пора!“

Онъ отперъ двери. Огонь ворвался и взвился по бревнамъ, законопаченнымъ сухимъ мохомъ. Батюшка выстрѣлилъ, шагнулъ за пылающій порогъ и закричалъ: „За мной!“ Я взялъ за руки матушку и Марью Ивановну и быстро вывелъ ихъ на воздухъ. У порога лежалъ Швабринъ, прострѣленный дряхлою рукою отца моего. Толпа разбойниковъ, бѣжавшая отъ неожиданной нашей вылазки, тотчасъ ободрилась и начала насъ окружать. Я успѣлъ нанести еще нѣсколько ударовъ; но кирпичъ, удачно брошенный, угодилъ мнѣ прямо въ грудь. Я упалъ и на минуту лишился чувствъ; меня обступили и обезоружили. Пришедъ въ себя, увидѣлъ я Швабрина, сидѣвшаго на окровавленной травѣ, и передъ нимъ все наше семейство.

Меня поддерживали подъ руки. Толпа крестьянъ, казаковъ и башкирцевъ окружала насъ. Швабринъ былъ ужасно блѣденъ. Одной рукою прижималъ онъ раненый бокъ. Лицо его изображало мучение и злобу. Онъ медленно поднималъ голову, взглянулъ на меня и произнесъ слабымъ и невнятнымъ голосомъ: „Вѣшать его... и всѣхъ... кромѣ ея...“

Толпа тотчасъ окружила насъ и потащила къ воротамъ. Но вдругъ они насъ оставили и разбѣжались: въ ворота вѣхалъ Зуринъ и за нимъ цѣлый эскадронъ съ саблями наголо.

Бунтовщики утекали во всѣ стороны. Гусары ихъ преслѣдовали, рубили и хватали въ плѣнъ. Зуринъ соскочилъ съ лошади, поклонился батюшкѣ и матушкѣ и крѣпко пожалъ мнѣ руку. „Кстати же я подоспѣлъ!“ сказалъ онъ намъ. „А! вотъ и твоя

невѣста!“ Марья Ивановна покраснѣла по уши. Батюшка къ нему подошелъ и благодарилъ его съ видомъ спокойнымъ, хотя и тронутымъ. Матушка обнимала его, называя ангеломъ-избавителемъ. „Милости просимъ къ намъ“, сказалъ ему батюшка и повелъ его къ намъ въ домъ.

Проходя мимо Швабрина, Зуринъ остановился. „Это кто?“ спросилъ онъ, глядя на раненаго. „Это самъ предводитель шайки“, отвѣчалъ мой отецъ съ нѣкоторою гордостью, обличающей стараго воина. „Богъ помогъ дряхлой рукѣ моей наказать молодого злодѣя и отомстить ему за кровь моего сына.“ — „Это Швабринъ“, сказалъ я Зурину. — „Швабринъ! Очень радъ. Гусары, возьмите его! Да сказать лѣкарю, чтобъ онъ перевязалъ ему рану и берегъ его какъ зѣницу ока. Швабрина надобно непременно представить въ секретную казанскую комиссію. Онъ одинъ изъ главныхъ преступниковъ, и показанія его должны быть важны!“

Швабринъ открылъ томный взглядъ. На лицѣ его ничего не изображалось, кромѣ физической муки. Гусары отнесли его на плащѣ.

Мы вошли въ комнаты. Съ трепетомъ смотрѣлъ я вокругъ себя, припоминая свои младенческіе годы. Ничто въ домѣ не измѣнилось, все было на прежнемъ мѣстѣ: Швабринъ не дозволилъ его разграбить, сохраняя въ самомъ своемъ униженіи невольное отвращеніе отъ безчестнаго корыстолюбія.

Слуги явились въ переднюю. Они не участвовали въ бунтѣ и отъ чистаго сердца радовались нашему избавленію. Савельичъ торжествовалъ. Надобно знать, что во время тревоги, произведенной нападеніемъ разбойниковъ, онъ побѣжалъ въ конюшню, гдѣ стояла Швабрина лошадь, осѣдлалъ ее,

вывелъ тихонько и, благодаря суматохѣ, незамѣтнымъ образомъ поскакалъ къ перевозу. Онъ встрѣтилъ полкъ, отдохавшій уже по сю сторону Волги. Зуринъ, узнавъ отъ него объ нашей опасности, велѣлъ садиться, скомандовалъ маршъ-маршъ, въ галопѣ и, слава Богу, прискакалъ во время.

Зуринъ настоялъ на томъ, чтобы голова земскаго была на нѣсколько часовъ выставлена на шестѣ у кабака.

Гусары возвратились съ погони, захватя въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ. Ихъ заперли въ тотъ самый амбаръ, въ которомъ выдержали мы достопамятную осаду. Мы разошлись каждый по своимъ комнатамъ. Старикамъ нуженъ былъ отдыхъ. Не спавши цѣлую ночь, я бросился на постель и крѣпко заснулъ. Зуринъ пошелъ дѣлать свои распоряженія.

Вечеромъ мы соединились въ гостиной около самовара, весело разговаривая о минувшей опасности. Марья Ивановна разливала чай. Я сѣлъ подлѣ нея и занялся ею исключительно. Родители мои, казалось, благосклонно смотрѣли на нѣжность нашихъ отношеній. Доселѣ этотъ вечеръ живетъ въ моемъ воспоминаніи. Я былъ счастливъ, счастливъ совершенно; а много ли таковыхъ минутъ въ бѣдной жизни человѣческой?

На другой день доложили батюшкѣ, что крестьяне явились на барскій дворъ съ повинною. Батюшка вышелъ къ нимъ на крыльцо. При его появленіи мужики стали на колѣни. „Ну, что, дураки?“ сказалъ онъ имъ. „Зачѣмъ вы вздумали бунтовать?“ — „Виноваты, государь ты нашъ“, отвѣчали они въ одинъ голосъ. „То-то, виноваты! Напроказятъ, да сами не рады! Прощаю васъ для радости, что Богъ привелъ меня свидѣться съ сыномъ Петромъ“

Андреевичемъ. Ну, добро: повинную голову мечъ не сѣчетъ.“

— Виноваты; конечно виноваты!

„Богъ далъ ведро. Пора бы сѣно убирать; а вы, дурачье, цѣлые три дня что дѣлали? Староста! Нарядить поголовно на сѣнокосъ; до смотри, рыжая bestia, чтобъ у меня къ Иванову дню все сѣно было въ копнахъ! Убирайтесь!“

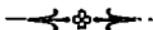
Мужики поклонились и пошли на барщину, какъ ни въ чемъ не бывало.

Рана Швабрина оказалась не смертельна. Его съ конвоемъ отправили въ Казань. Я видѣлъ изъ окна, какъ его уложили въ телѣгу. Взоры наши встрѣтились. Онъ потупилъ голову, а я отошелъ поспѣшно отъ окна: я боялся показать видъ, что торжествую надъ уничиженіемъ и несчастіемъ недруга.

Зуринъ долженъ былъ отправиться далѣе. Я рѣшился за нимъ послѣдовать, не смотря на мое желаніе пробыть нѣсколько дней посреди моего семейства. Всѣ мы были увѣрены, что военныя дѣйствія скоро будутъ прекращены. Черезъ мѣсяць я надѣялся быть супругомъ. Марья Ивановна, прощаясь со мною, поцѣловала меня при всѣхъ. Я сѣлъ въ кибитку. Савельичъ опять за мною послѣдовалъ, и полкъ ушелъ. Долго смотрѣлъ я издали на сельскій домъ, опять мною покидаемый. Мрачное предчувствіе тревожило меня. Кто-то мнѣ шепталъ, что не всѣ несчастія для меня миновались. Сердце чуяло новую бурю.

Не стану описывать нашего похода и окончанія Пугачевской войны. Мы проходили чрезъ селенія, разоренныя Пугачевымъ, и поневолѣ отбирали у бѣдныхъ жителей то, что оставлено было имъ разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правленіе было всюду прекращено. Помѣщики укрывались по лѣсамъ. Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду. Начальники отдѣльныхъ отрядовъ, посланныхъ въ погоню за Пугачевымъ, тогда же бѣгущимъ къ Астрахани, самовластно наказывали виноватыхъ и безвинныхъ. Состояніе всего края, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, было ужасно. Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безмысленный и беспощадный! Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужь люди жестокосердые, коимъ и своя шейка копѣйка, и чужая головушка полушка.



VII

Пиковая дама.

(1834).

Пиковая дама означает тайную недоброжелательность.

Новѣйшая гадательная книга.

Пиковая Дама напечатана въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1834, т. II, и вслѣдъ за тѣмъ перепечатана въ книгѣ: „Повѣсти, изданныя Александромъ Пушкинымъ“, Спб. 1834. По словамъ самого Пушкина, она имѣла большой успѣхъ въ кругу свѣтской молодежи. „Моя Пиковая Дама,“ замѣчаетъ поэтъ въ своемъ дневникѣ, — „въ большой модѣ. Игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза. При дворѣ нашли сходство между старой графиней и княгиней Натальей Петровной *) — и, кажется, не сердятся...“

Эпиграфъ къ первой главѣ повѣсти взять изъ всѣмъ извѣстной въ то время пѣсни Рылѣева и Бестужева: „Ахъ гдѣ тѣ острова“. Въ рук. Моск. Муз. № 2373, л. 15, вслѣдъ за этимъ эпиграфомъ, написаны слѣдующія строки, представляющія, повидимому, первоначальный набросокъ повѣсти:

„Года (два, лѣтъ пять) четыре тому назадъ собралось насъ въ Петербургѣ нѣсколько молодыхъ людей, недавно сближенныхъ между собою обстоятельствами. Мы вели жизнь довольно безпорядочную: обѣдали у Андріе безъ аппетита, ѣздили къ С. А. безъ нужды — побѣсить бѣдную старуху притворной разборчивостью, день проводили кое-какъ, а вечеромъ по очереди собирались другъ у друга и всю ночь проводили за картами...“ Въ той же тетради (л. 18) находится еще отрывокъ, также принадлежащій къ числу первоначальныхъ набросковъ повѣсти:

„Теперь позвольте мнѣ покороче познакомить васъ съ героиней моей повѣсти.

„Въ одной изъ, etc.

„Шарлота Миллеръ была четвертая дочь обрусѣвшаго нѣмца. Отецъ ея былъ нѣкогда купцомъ второй гильдіи, затѣмъ — аптекаремъ, потомъ — директоромъ пансіона,

*) Княгиня М. П. Голицына, урожденная графиня Чернышева (р. 17 янв. 1741, † 20 дек. 1837), вдова князя Владиміра Борисовича, прозванная *La princesse Moustache*. См. Рус. Стар. LIV, 79.

наконецъ — корректоромъ типографіи, и умеръ, оставивъ женѣ кой-какіе долги и довольно полное собраніе бабочекъ и насѣкомыхъ. Онъ былъ челоѡкъ добрый и имѣлъ много основательныхъ свѣдѣній, которыя ни къ чему хорошему не привели. [Вдова его расплатилась съ табачной лавочкой и стала кормиться съ Шарлотой трудами своихъ рукъ]. Германнъ жилъ на одномъ дворѣ съ его вдовой, познакомился съ Шарлотой, и скоро они полюбили другъ друга, какъ только нѣмцы еще могутъ любить въ наше время.

„Но въ сей день, или справедливѣе, etc. И когда милая нѣмочка отдернула бѣлую занавѣску окна своего, Германнъ не явился у своего васисдаса и не привѣтствовалъ ее обычною улыбкою.“

„Отецъ его, обрусѣвшій нѣмецъ, оставилъ ему послѣ себя маленькій капиталъ; Германнъ оставилъ его въ ломбардѣ, не касаясь и процентовъ, и жилъ однимъ жалованьемъ.

„Германнъ былъ твердо, etc.“

I.

А въ ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули Богъ ихъ прости! --
Отъ пятидесяти
На сто;
И выигрывали,
И отписывали
Мѣломъ
Такъ въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ.

Однажды играли въ карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незамѣтно; сѣли ужинать въ пятомъ часу утра. Тѣ, которые, остались въ выигрышѣ, ѣли съ большимъ аппетитомъ; прочіе, въ разсѣянности, сидѣли передъ пустыми приборами. Но шампанское явилось, разговоръ оживился, и всѣ приняли въ немъ участіе.

„Что ты сдѣлалъ, Суринъ?“ спросилъ хозяинъ.

— Проигралъ, по обыкновенію. Надобно признаться, что я несчастливъ: играю мирандолемъ,¹ никогда не горячусь, ничѣмъ меня съ толку не собьешь, а все проигрываюсь!

„И ты ни разу не соблазнился? Ни разу не поставилъ на руте?“²... Твердость твоя для меня удивительна.“

— А каковъ Германнъ! сказалъ одинъ изъ гостей указывая на молодого инженера: отроду не бралъ онъ карты въ руки, отроду не загнулъ ни одного

пароли, ³ а до пяти часовъ сидить съ нами и смотреть на нашу игру.

„Игра занимаетъ меня сильно“, сказала Германнъ; „но я не въ состоянїи жертвовать необходимымъ въ надеждѣ приобрѣсти излишнее.“

— Германнъ нѣмецъ: онъ разсчетливъ — вотъ и все! замѣтилъ Томскій. А если кто для меня непонятенъ, такъ это моя бабушка, графиня Анна Федотовна.

„Какъ? что?“ закричали гости.

— Не могу постигнуть, продолжалъ Томскій, какимъ образомъ бабушка моя не понтируетъ.

„Да что жь тутъ удивительнаго“, сказалъ Нарумовъ, „что осьмидесятилѣтняя старуха не понтируетъ?“

— Такъ вы ничего про нее не знаете?

„Нѣтъ! право, ничего!“

— О, такъ послушайте! Надобно знать что бабушка моя, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, ѣздила въ Парижъ и была тамъ въ большой модѣ. Народъ бѣгалъ за нею, чтобы увидѣть la Vénus moscovite; Ришелье ⁴ за нею волочился, и бабушка увѣряетъ, что онъ чуть-было не застрѣлился отъ ея жестокости. Въ то время дамы играли въ фараонъ. Однажды при дворѣ она проиграла на слово герцогу Орлеанскому что-то очень много. Прїѣхавъ домой, бабушка, отлѣпливая мушки съ лица и отвязывая фижмы, объявила дѣдушкѣ о своемъ проигрышѣ и приказала заплатить. Покойный дѣдушка, сколько я помню, былъ родъ бабушкина дворецкаго. Онъ ея боялся какъ огня; однако, услышавъ о такомъ ужасномъ проигрышѣ, онъ вышелъ изъ себя, принесъ счеты, доказалъ ей, что въ полгода они издержали полмилліона, что подъ Парижемъ нѣтъ у нихъ ни подмосковной, ни саратовской деревни, и начисто отказался

отъ платежа. Бабушка дала ему пощечину и легла спать одна, въ знакъ своей немилости. На другой день она велѣла позвать мужа, надѣясь, что домашнее наказаніе надъ нимъ подѣйствовало, но нашла его непоколебимымъ. Въ первый разъ въ жизни она дошла съ нимъ до разсужденій и объясненій; думала усовестить его, снисходительно доказывая, что долгъ долгу рознь, и что есть разница между принцемъ и каретникомъ. Куда! дѣдушка бунтовалъ. Нѣтъ, да и только! Бабушка не знала, что дѣлать. Съ нею былъ короткознакомъ человекъ очень замѣчательный. Вы слышали о графѣ Сень-Жерменѣ, о которомъ разсказываютъ такъ много чудеснаго. ⁵ Вы знаете, что онъ выдавалъ себя за вѣчнаго жида, за изобрѣтателя жизненнаго эликсира и философскаго камня и прочая. Надъ нимъ смѣялись, какъ надъ шарлатаномъ, а Казанова ⁶ въ своихъ Запискахъ говорить, что онъ былъ шпиономъ; впрочемъ, Сень-Жерменъ, не смотря на свою таинственность, имѣлъ очень почтенную наружность и былъ въ обществѣ человекъ очень любезный. Бабушка до сихъ поръ любитъ его безъ памяти и сердится, если говорятъ объ немъ съ неуваженіемъ. Бабушка знала, что Сень-Жерменъ могъ располагать большими деньгами. Она рѣшилась къ нему прибѣгнуть, написала ему записку и просила немедленно къ ней пріѣхать. Старый чудакъ явился тотчасъ и засталъ ее въ ужасномъ горѣ. Она описала ему самыми черными красками варварство мужа и сказала, наконецъ, что всю свою надежду полагаетъ на его дружбу и любезность. Сень-Жерменъ задумался. „Я могу вамъ услужить этой суммою“, сказалъ онъ: „но знаю что вы не будете спокойны, пока со мною не расплатитесь, а я бы не желалъ вводить васъ въ новыя хлопоты. Есть другое средство: вы можете оты-

гратся“. — „Но, любезный графъ“, отвѣчала бабушка: „я говорю вамъ, что у насъ денегъ вовсе нѣтъ“. — „Деньги тутъ не нужны“, возразилъ Сенъ-Жермень: „извольте меня выслушать“. Тутъ онъ открылъ ей тайну, за которую всякій изъ насъ дорого бы далъ...

Молодые игроки удвоили вниманіе. Томскій закурилъ трубку, затянулся и продолжалъ:

— Въ тотъ же самый вечеръ бабушка явилась въ Версали, au jeu de la Reine. Герцогъ Орлеанскій металъ; бабушка слегка извинилась, что не привезла своего долга, въ оправданіе сплела маленькую исторію и стала противъ него понтировать. Она выбрала три карты, поставила ихъ одну за другою: всѣ три выиграли ей соника ⁷, и бабушка отыгралась совершенно.

„Случай!“ сказалъ одинъ изъ гостей.

— Сказка! замѣтилъ Германнъ.

„Можегъ статья, порошковая карты?“ подхватилъ третій.

— Не думаю, отвѣчалъ важно Томскій.

„Какъ!“ сказалъ Нарумовъ: „у тебя есть бабушка, которая угадываетъ три карты сряду, а ты до сихъ поръ не перенялъ у ней ея кабалистики?“

— Да, чорта съ два! отвѣчалъ Томскій; у ней было четверо сыновей, въ томъ числѣ и мой отецъ; всѣ четыре—отчаянные игроки, и ни одному не открыла она своей тайны, хоть это было бы не худо для нихъ, и даже для меня. Но вотъ что мнѣ рассказывалъ дядя, графъ Иванъ Ильичъ, и въ чемъ онъ меня увѣрялъ честию. Покойный Чаплицкій, тотъ самый, который умеръ въ нищетѣ, промотавъ миллионы, однажды, въ молодости своей, проигралъ — помнится, Зоричу. — около трехъ сотъ тысячъ. Онъ

быль въ отчаяніи. Бабушка, которая всегда была строга къ шалостямъ молодыхъ людей, какъ-то сжалась надъ Чаплицкимъ. Она дала ему три карты, съ тѣмъ, чтобъ онъ поставилъ ихъ одну за другою, и взяла съ него честное слово впредь уже никогда не играть. Чаплицкій явился къ своему побѣдителю: они сѣли играть. Чаплицкій поставилъ на первую карту пятьдесятъ тысячъ и выигралъ соника; загнулъ пароли, пароли-пе — отыгрался и остался въ выигрышѣ...

— Однако, пора спать; уже безъ четверти шесть.

Въ самомъ дѣлѣ, ужъ разсвѣтало: молодые люди допили свои рюмки и разѣхались.

II.

— Il paraît que monsieur est décidément pour les suivantes.

— Que voulez-vous, madame? Elles sont plus fraîches.

Свѣтскій разговоръ.

Старая графиня *** сидѣла въ своей уборной передъ зеркаломъ. Три дѣвушки окружали ее. Одна держала банку румянъ, другая — коробку со шпильками, третья — высокій чепецъ съ лентами огненного цвѣта. Графиня не имѣла ни малѣйшаго притязанія на красоту, давно увядшую, но сохраняла всѣ привычки своей молодости, строго слѣдовала модамъ семидесятыхъ годовъ и одѣвалась такъ же долго, такъ же старательно, какъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. У окошка сидѣла за пяльцами барышня, ея воспитанница.

„Здравствуйте, grand'maman“, сказалъ, вошедши,

молодой офицеръ. „Bon jour, mademoiselle Lise. Grand'tatain, я къ вамъ съ просьбою“.

— Что такое, Paul?

„Позвольте вамъ представить одного изъ моихъ пріятелей и привезти его къ вамъ въ пятницу на балъ“.

— Привези мнѣ его прямо на балъ, и тутъ мнѣ его и представишь. Былъ ты вчера у ***?

„Какъ же! очень было весело; танцовали до пяти часовъ. Какъ хороша была Елецкая!“

— И, мой милый! Что въ ней хорошаго? Такова ли была ея бабушка, княгиня Дарья Петровна?.. Кстати; я чай, она ужь очень постарѣла, княгиня Дарья Петровна?

„Какъ, постарѣла?“ отвѣчалъ разсѣянно Томскій: „она лѣтъ семь, какъ умерла.“

Барышня подняла голову и сдѣлала знакъ молодому человѣку. Онъ вспомнилъ, что отъ старой графини таили смерть ея ровесницъ, и закусилъ себѣ губу. Но графиня услышала вѣсть, для нея новую, съ большимъ равнодушіемъ.

— Умерла! сказала она: а я и не знала! Мы вмѣстѣ были пожалованы во фрейлины, и когда мы представлялись, то государыня...

И графиня въ сотый разъ рассказала внуку свой анекдотъ.

— Ну, Paul, сказала она потомъ: теперь помоги мнѣ встать. Лизанька, гдѣ моя табакерка?

И графиня со своими дѣвушками пошла за ширмами оканчивать свой туалетъ. Томскій остался съ барышнею.

„Кого это вы хотите представить?“ тихо спросила Лизавета Ивановна.

— Нарумова. Вы его знаете?

„Нѣтъ! Онъ военный или статскій?“

— Военный.

„Инженеръ?“

— Нѣтъ, кавалеристъ. А почему вы думали, что онъ инженеръ?

Барышня засмѣялась и не отвѣчала ни слова.

„Paul!“ закричала графиня изъ-за ширмъ: „пришли мнѣ какой-нибудь новый романъ, только пожалуйста не изъ нынѣшнихъ.“

— Какъ это, grand'maman?

То есть, такой романъ, гдѣ бы герой не давилъ ни отца, ни матери, и гдѣ бы не было утопленныхъ тѣлъ. Я ужасно боюсь утопленниковъ.“

— Такихъ романовъ нынче нѣтъ. Не хотите ли развѣ русскихъ?

„А развѣ есть русскіе романы?.. Пришли, батюшка, пожалуйста пришли!“

— Простите, grand'maman: я спѣшу... Простите, Лизавета Ивановна! Почему же вы думали, что Нарумовъ инженеръ?

И Томскій вышелъ изъ уборной.

Лизавета Ивановна осталась одна; она оставила работу и стала глядѣть въ окно. Вскорѣ на одной сторонѣ улицы изъ-за угольнаго дома показался молодой офицеръ. Румянецъ покрылъ ея щеки; она принялась опять за работу и наклонила голову надъ самой канвою. Въ это время вошла графиня, совсѣмъ одѣтая.

— Прикажи, Лизанька, сказала она, карету закладывать, и поѣдемъ прогуляться.

Лизанька встала изъ-за палцевъ и стала убирать свою работу.

— Что ты, мать моя! глуха, что ли? закричала графиня. Вели скорѣй закладывать карету.

„Сейчасъ!“ отвѣтила тихо барышня и побѣжала въ переднюю.

Слуга вошелъ и подаль графинѣ книги отъ князя Павла Александровича.

— Хорошо! благодарить, сказала графиня. Лизанька, Лизанька, да куда жъ ты бѣжишь?

„Одѣваться.“

— Успѣешь, матушка. Сиди здѣсь. Раскрой-ка первый томъ, читай вслухъ...

Барышня взяла книгу и прочла нѣсколько строкъ.

— Громче! сказала графиня. Что съ тобою, мать моя? съ голосу спала, что ли?... Погоди... подвинь мнѣ скамеечку; ближе... ну!

Лизавета Ивановна прочла еще двѣ страницы. Графиня зѣвнула.

— Брось эту книгу, сказала она; что за вздоръ! Отошли это князю Павлу и вели благодарить... Да что жъ карета?...

„Карета готова“, сказала Лизавета Ивановна, взглянувъ на улицу.

— Что жъ ты не одѣта? сказала графиня: всегда надобно тебя ждать. Это, матушка, несносно!

Лиза побѣжала въ свою комнату. Не прошло двухъ минутъ, графиня начала звонить изо всей мочи. Три дѣвушки вбѣжали въ одну дверь, а камердинеръ въ другую.

— Что это васъ не докличешься? сказала имъ графиня. Сказать Лизаветѣ Ивановнѣ, что я ее жду.

Лизавета Ивановна вошла въ капотъ и шляпкѣ.

— Наконецъ, мать моя! сказала графиня. Что за наряды! Зачѣмъ это?... кого прельщать?... А какова погода? кажется, вѣтеръ?

„Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство! очень тихо-съ“ отвѣчалъ камердинеръ.

— Вы всегда говорите наобумъ! Отворите форточку. Такъ и есть: вѣтеръ! и прехододный! Отложить карету! Лизанька, мы не поѣдемъ: нечего было наряжаться.

„И вотъ моя жизнь!“ подумала Лизавета Ивановна.

Въ самомъ дѣлѣ, Лизавета Ивановна была несчастное созданіе. Горекъ чужой хлѣбъ, говоритъ Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца; а кому и знать горечь зависимости, какъ не бѣдной воспитанницѣ знатной старухи? Графиня ***, конечно, не имѣла злой души, но была своенравна, какъ женщина, избалованная свѣтомъ, скупа и погружена въ холодный эгоизмъ, какъ и всѣ старые люди, отлюбившіе въ свой вѣкъ и чуждые настоящему. Она участвовала во всѣхъ суетностяхъ большого свѣта; таскалась на балы, гдѣ сидѣла въ углу, раздумянная и одѣтая по старинной модѣ, какъ уродливое и необходимое украшеніе бальной залы; къ ней съ низкими поклонами подходили приѣзжающіе гости, какъ по установленному обряду, и потомъ уже никто ею не занимался. У себя принимала она весь городъ, наблюдая строгій этикетъ и не узнавая никого въ лицо. Многочисленная челядь ея, разжирѣвъ и посѣдѣвъ въ ея передней и дѣвичьей, дѣлала, что хотѣла, наперерывъ обкрадывая умирающую старуху. Лизавета Ивановна была домашней мученицею. Она разливала чай и получала выговоры за лишній расходъ сахара: она вслухъ читала романы — и виновата была во всѣхъ ошибкахъ автора; она сопровождала княгиню въ ея прогулкахъ — и отвѣчала за погоду и за мостовую. Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали; между тѣмъ, требовали отъ нея, чтобъ она одѣта была, какъ и

всѣ, то есть какъ очень немногія. Въ свѣтѣ играла она самую жалкую роль. Всѣ ее знали, и никто не замѣчалъ; на балахъ она танцевала только тогда, какъ не доставало *vis-à-vis*, и дамы брали ее подъ руку всякій разъ, какъ имъ нужно было идти въ уборную поправить что-нибудь въ своемъ нарядѣ. Она была самолюбива, живо чувствовала свое положеніе и глядѣла кругомъ себя, съ нетерпѣніемъ ожидая⁹ избавителя; но молодые люди, расчетливые въ вѣтреномъ своемъ тщеславіи, не удостоивали ея вниманія, хотя Лизавета Ивановна была сто разъ милѣе наглыхъ и холодныхъ невѣстъ, около которыхъ они увивались. Сколько разъ, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать въ бѣдной своей комнатѣ, гдѣ стояли ширмы, оклеенныя обоями, комодъ, зеркальце и крашенная кровать, и гдѣ сальная свѣча темно горѣла въ мѣдномъ шандалѣ.

Однажды — это случилось два дня послѣ вечера, описаннаго въ началѣ этой повѣсти, и за недѣлю передъ той сценой, на которой мы остановились, — однажды Лизавета Ивановна, сидя подъ окошкомъ за пальцами, нечаянно взглянула на улицу и увидѣла молодого инженера, стоящаго неподвижно и устремившаго глаза къ ея окошку. Она опустила голову и снова занялась работой; черезъ пять минутъ взглянула опять — молодой офицеръ стоялъ на томъ же мѣстѣ. Не имѣя привычки кокетничать съ прохожими офицерами, она перестала глядѣть на улицу и шила около двухъ часовъ, не приподнимая головы. Подали обѣдать. Она встала, начала убирать свои пальцы и, взглянувъ нечаянно на улицу, опять увидѣла офицера. Это показалось ей довольно страннымъ. Послѣ обѣда она подошла къ окошку съ

чувствомъ нѣкотораго безпокойства, но уже офицера не было — и она про него забыла...

Дня черезъ два, выходя съ графиней садиться въ карету, она опять его увидѣла. Онъ стоялъ у самаго подъѣзда, закрывъ лицо бобровымъ воротникомъ; черные глаза его сверкали изъ-подъ шляпы. Лизавета Ивановна испугалась, сама не зная чего, и сѣла въ карету съ трепетомъ неизъяснимымъ.

Возвратясь домой, она подбѣжала къ окошку — офицеръ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, устремивъ на нее глаза; она отошла, мучась любопытствомъ и волнуемая чувствомъ, для нея совершенно новымъ.

Съ того времени не проходило дня, чтобъ молодой человѣкъ, въ извѣстный часъ, не являлся подъ окнами ихъ дома. Между имъ и ею учредились не условенныя сношенія. Сидя на своемъ мѣстѣ за работой, она чувствовала его приближеніе — подымала голову, смотрѣла на него съ каждымъ днемъ долѣе и долѣе. Молодой человѣкъ, казалось, былъ за то ей благодаренъ: она видѣла острымъ взоромъ молодости, какъ быстрый румянецъ покрывалъ его блѣдныя щеки всякій разъ, когда взоры ихъ встрѣчались. Черезъ недѣлю она ему улыбнулась...

Когда Томскій спросилъ позволенія представить графинѣ своего пріятеля, сердце бѣдной дѣвушки забилося. Но, узнавъ, что Нарумовъ не инженеръ, а конногвардеецъ, она сожалѣла, что нескромнымъ вопросомъ высказала свою тайну вѣтреному Томскому.

Германнъ былъ сынъ обрусѣвшаго нѣмца, оставившаго ему маленькій капиталъ. Будучи твердо убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Германнъ не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволяя себѣ малѣйшей

прихоти. Впрочемъ, онъ былъ скрытенъ и честолюбивъ, и товарищи его рѣдко имѣли случай посмѣяться надъ его излишней бережливостью. Онъ имѣлъ сильныя страсти и огненное воображеніе; но твердость спасла его отъ обыкновенныхъ заблужденій молодости. Такъ, напримѣръ, будучи въ душѣ игрокъ, никогда не бралъ онъ карты въ руки, ибо разсчиталъ, что его состояніе не позволяло ему (какъ сказывалъ онъ) „жертвовать необходимымъ въ надеждѣ приобрести излишнее“, — а между тѣмъ, цѣлыя ночи просиживалъ за карточными столами и слѣдовалъ съ лихорадочнымъ трепетомъ за различными оборотами игры.

Анекдотъ о трехъ картахъ сильно подѣйствовалъ на его воображеніе и цѣлую ночь не выходилъ изъ его головы. „Что, если“ — думалъ онъ на другой день вечеромъ, бродя по Петербургу — „что, если старая графиня откроетъ мнѣ свою тайну? или назначить мнѣ эти три вѣрныя карты? Почему жь не попробовать своего счастья?... Представиться ей, подбититься въ ея милость; пожалуй, сдѣлаться ея любовникомъ; но на все это требуется время, а ей восемьдесятъ семь лѣтъ; она можетъ умереть черезъ недѣлю, черезъ два дня!.. Да и самый анекдотъ?.. Можно ли ему вѣрить?.. Нѣтъ! расчетъ, умѣренность и трудолюбіе: вотъ мои три вѣрныя карты, вотъ что утроить, усмерить мой капиталъ и доставить мнѣ покой и независимость!“ Разсуждая такимъ образомъ, очутился онъ въ одной изъ главныхъ улицъ Петербурга, передъ домомъ старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами; кареты одна за другою катились къ освѣщенному подъѣзду. Изъ каретъ поминутно вытягивались то стройная ножка ¹⁰ молодой красавицы, то гремучая ботфорта,

то полосатый чулокъ и дипломатическій башмакъ. Шубы и плащи мелькали мимо величаваго швейцара. Германнъ остановился.

— Чей это домъ? спросилъ онъ у углового будочника.

„Графини ***“, отвѣчалъ будочникъ.

Германнъ затрепеталъ. Удивительный анекдотъ снова представился его воображенію. Онъ сталъ ходить около дома, думая объ его хозяйкѣ и о чудной ея способности. Поздно воротился онъ въ смиренный свой уголокъ; долго не могъ заснуть, и когда сонъ имъ овладѣлъ, ему пригрезились карты, зеленый столъ, кипы ассигнацій и груды червонцевъ. Онъ ставилъ карту за картой, гнулъ углы рѣшительно, выигрывалъ безпрестанно и загребалъ къ себѣ золото, и клалъ ассигнаціи въ карманъ. Проснувшись уже поздно, онъ вздохнулъ о потерѣ своего фантастическаго богатства, пошелъ опять бродить по городу, и опять очутился передъ домомъ графини ***. Невѣдомая сила, казалось, привлекала его къ нему. Онъ остановился и сталъ смотрѣть на окна. Въ одномъ увидѣлъ онъ черноволосую головку, наклоненную, вѣроятно, надъ книгой или надъ работой. Головка приподнялась. Германнъ увидѣлъ свѣжее личико и черные глаза. Эта минута рѣшила его участь.

III.

Vous m'écoutez, mon ange, des lettres de quatre pages plus vite que je ne puis les lire.

Переписка.

Только Лизавета Ивановна успѣла снять капоть и шляпу, какъ уже графиня послала за нею и велѣла опять подавать карету. Онѣ пошли садиться. Въ то самое время, какъ два лакея приподняли ста-

руку и просунули въ дверцы, Лизавета Ивановна у самага колеса увидѣла своего инженера; онъ схватилъ ея руку; она не могла опомниться отъ испугу; молодой человѣкъ исчезъ; письмо осталось въ ея рукѣ. Она спрятала его за перчатку и во всю дорогу ничего не слыхала и не видала. Графиня имѣла обыкновеніе поминутно дѣлать въ каретѣ вопросы: „кто это съ нами встрѣтился? какъ зовутъ этотъ мосьтъ? что тамъ написано на вывѣскѣ?“ Лизавета Ивановна на сей разъ отвѣчала наобумъ и невпопадъ, и разсердила графиню.

— Что съ тобою сдѣлалось, мать моя? Столбнякъ на тебя нашель, что ли? Ты меня или не слышишь, или не понимаешь?... Слава Богу, я не картавлю и изъ ума еще не выжила!

Лизавета Ивановна ея не слушала. Возвратясь домой, она побѣжала въ свою комнату, вынула изъ-за перчатки письмо: оно было не запечатано. Лизавета Ивановна его прочитала. Письмо содержало въ себѣ признаніе въ любви: оно было нѣжно, почтительно и слово-въ-слово взято изъ нѣмецкаго романа. Но Лизавета Ивановна по-нѣмецки не умѣла и была очень имъ довольна.

Однако принятое ею письмо безпокоило ее чрезвычайно. Впервые входила она въ тайныя, тѣсныя сношенія съ молодымъ мужчиною. Его дерзость ужасала ее. Она упрекала себя въ неосторожномъ поведеніи и не знала, что дѣлать: перестать ли сидѣть у окошка и невниманіемъ охладить въ молодомъ офицерѣ охоту къ дальнѣйшимъ преслѣдованіямъ? отослать ли ему письмо? отвѣчать ли холодно и рѣшительно? Ей не съ кѣмъ было посоветоваться: у ней не было ни подруги, ни наставницы, Лизавета Ивановна рѣшилась отвѣчать.

Она сѣла за письменный столикъ, взяла перо, бумагу, — и задумалась. Нѣсколько разъ начинала она свое письмо — и рвала его; то выраженія казались ей слишкомъ снисходительными, то слишкомъ жестокими. Наконецъ ей удалось написать нѣсколько строкъ, которыми она осталась довольна. „Я увѣрена“, писала она, „что вы имѣете честныя намѣренія, и что вы не хотѣли оскорбить меня необдуманнѣмъ поступкомъ; но знакомство наше не должно бы начаться такимъ образомъ. Возвращаю вамъ письмо ваше и надѣюсь, что не буду впередъ имѣть причины жаловаться на незаслуженное неуваженіе“.

На другой день, увидя идущаго Германна, Лизавета Ивановна встала изъ-за пяльцевъ, вышла въ залу, отворила форточку и бросила письмо на улицу, надѣясь на проворство молодого офицера. Германнъ подбѣжалъ, поднялъ его и вошелъ въ кондитерскую лавку. Сорвавъ печать, онъ нашелъ свое письмо и отвѣтъ Лизаветы Ивановны. Онъ того и ожидалъ и возвратился домой, очень занятый своею интригою.

Три дня послѣ того, Лизаветѣ Ивановнѣ молоденькая, быстроглазая мамзель принесла записочку изъ модной лавки. Лизавета Ивановна открыла ее съ безпокойствомъ, предвидя денежныя требованія, и вдругъ узнала руку Германна.

— Вы, душенька, ошиблись, сказала она: эта записка не ко мнѣ.

„Нѣтъ, точно къ вамъ!“ отвѣчала смѣлая дѣвушка, не скрывая лукавой улыбки. „Извольте прочитать!“

Лизавета Ивановна пробѣжала записку. Германнъ требовалъ свиданія.

— Не можетъ быть, сказала Лизавета Ивановна,

испугавшись и поспѣшности требованій, и способу, имъ употребленному. — Это писано вѣрно не ко мнѣ.

И разорвала письмо въ мелкіе кусочки.

„Коли письмо не къ вамъ, зачѣмъ же вы его разорвали?“ сказала мамзель: „я бы возвратила его тому, кто его послалъ.“

— Пожалуйста, душенька! сказала Лизавета Ивановна, вспыхнувъ отъ ея замѣчанія, — впередъ ко мнѣ записокъ не носите. А тому, кто васъ послалъ, скажите, что ему должно быть стыдно...

Но Германнъ не унялся. Лизавета Ивановна каждый день получала отъ него письма, то тѣмъ, то другимъ образомъ. Они уже не были переведены съ нѣмецкаго. Германнъ ихъ писалъ, вдохновенный страстію, и говорилъ языкомъ, ему свойственнымъ: въ нихъ выражались и непреклонность его желаній, и беспорядокъ необузданнаго воображенія. Лизавета Ивановна уже не думала ихъ отсылать: она упивалась ими, стала на нихъ отвѣчать — и ея записки часъ отъ часу становились длиннѣе и нѣжнѣе. Наконецъ она ему бросила въ окошко слѣдующее письмо: „Сегодня балъ у ***скаго посланника. Графиня тамъ будетъ. Мы останемся часовъ до двухъ. Вотъ вамъ случай увидѣть меня наединѣ. Какъ скоро графиня уѣдетъ, ея люди, вѣроятно, разойдутся; въ сѣняхъ останется швейцаръ, но и онъ обыкновенно уходитъ въ свою каморку. Приходите въ половинѣ двѣнадцатаго. Ступайте прямо на лѣстницу. Коли вы найдете кого въ передней, то вы спросите, дома ли графиня. Вамъ скажутъ: нѣтъ — и, дѣлать нечего, вы должны будете воротиться. Но, вѣроятно, вы не встрѣтите никого. Дѣвушки сидятъ у себя, всѣ въ одной комнатѣ. Изъ передней ступайте на-

лѣво, идите все прямо до графининой спальни. Въ спальнѣ, за ширмами, увидите двѣ маленькія двери; справа — въ кабинетъ, куда графиня никогда не входитъ; слѣва — въ коридоръ, и тутъ же узенькая витая лѣстница: она ведетъ въ мою комнату.“

Германнъ трепеталъ, какъ тигръ, ожидая назначеннаго времени. Въ десять часовъ вечера онъ ужъ стоялъ передъ домою графини. Погода была ужасная: вѣтеръ вылъ, мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; фонари свѣтились тускло; улицы были пусты. Изрѣдка тянулся ванька на тощей клячѣ своей, высматривая запоздалаго сѣдока. Германнъ стоялъ въ одномъ сюртукѣ, не чувствуя ни вѣтра, ни снѣга. Наконецъ графинину карету подали. Германнъ видѣлъ, какъ лакеи вынесли подъ руки сгорбленную старуху, укутанную въ соболью шубу, и какъ вслѣдъ за нею, въ холодномъ плащѣ, съ головой, убранной свѣжими цвѣтами, мелькнула ея воспитанница. Дверцы захлопнулись. Карета тяжело покатила по рыхлому снѣгу. Швейцаръ заперъ двери. Окна померкли. Германнъ сталъ ходить около опустѣвшаго дома; онъ подошелъ къ фонарю, взглянулъ на часы: было двадцать минутъ двѣнадцатаго. Онъ остался подъ фонаремъ, устремивъ глаза на часовую стрѣлку и выжидая остальные минуты. Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго Германнъ ступилъ на графинино крыльцо и вошелъ въ ярко освѣщенныя сѣни. Швейцара не было. Германнъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, отворилъ двери въ переднюю и увидѣлъ слугу, спящаго подъ лампою, въ старинныхъ, запачканныхъ креслахъ. Легкимъ и твердымъ шагомъ Германнъ прошелъ мимо его. Зала и гостиная были темны. Лампа слабо освѣщала ихъ изъ передней. Германнъ вошелъ въ спальню. Передъ кивотомъ, наполненнымъ старин-

ными образами, теплилась золотая лампада. Полинялыя штофныя кресла и диваны съ пуховыми подушками, съ сошедшей позолотою, стояли въ печальной симметріи около стѣнъ, обитыхъ китайскими обоями. На стѣнѣ висѣли два портрета, писанные въ Парижѣ M-me Lebguin.¹¹ Одинъ изъ нихъ изображалъ мужчину лѣтъ сорока, румянаго и полнаго, въ свѣтло-зеленомъ мундирѣ и со звѣздою; другой — молодую красавицу съ орлинымъ носомъ, съ зачесанными висками и съ розою въ пудренныхъ волосахъ. По всѣмъ угламъ торчали фарфоровыя пастушки, столовые часы работы славнаго Legoу, коробочки, рулетки, вѣера и дамскія игрушки, изобрѣтенныя въ концѣ минувшаго столѣтія вмѣстѣ съ Монгольфьевымъ шаромъ и Месмеровымъ магнетизмомъ.¹² Германнъ пошелъ за ширмы. За ними стояла маленькая желѣзная кровать; справа находилась дверь, ведущая въ кабинетъ; слѣва — другая, въ коридоръ. Германнъ ее отворилъ, увидѣлъ узкую, витую лѣстницу, которая вела въ комнату бѣдной воспитанницы... Но онъ воротился и вошелъ въ темный кабинетъ.

Время шло медленно. Все было тихо. Въ гостиной пробило двѣнадцать; по всѣмъ комнатамъ часы одни за другими прозвонили двѣнадцать — и все умолкло опять. Германнъ стоялъ, прислонясь къ холодной печкѣ. Онъ былъ спокоенъ; сердце его билось ровно, какъ у человѣка, рѣшившагося на что-нибудь опасное, но необходимое. Часы пробили первый и второй часъ утра, и онъ услышалъ дальній стукъ кареты. Невольное волненіе овладѣло имъ. Карета подъѣхала и остановилась. Онъ услышалъ стукъ опускаемой подножки. Въ домѣ засуетились. Люди побѣжали, раздались голоса, и домъ освѣтился.

Въ спальню вбѣжали три старыя горничныя, и графиня, чуть живая, вошла и опустилась въ вольтеровы кресла. Германнъ глядѣлъ въ щелку. Лизавета Ивановна прошла мимо его. Германнъ услышалъ ея торопливые шаги по ступенямъ ея лѣстницы. Въ сердцѣ его отозвалось нѣчто похожее на угрызеніе совѣсти и снова умолкло. Онъ окаменѣлъ.

Графиня стала раздѣваться передъ зеркаломъ. Откололи съ нея чепецъ, украшенный розами; сняли напудренный парикъ съ ея сѣдой и плотно остриженной головы. Булавки дождемъ сыпались около нея. Желтое платье, шитое серебромъ, упало къ ея распухлымъ ногамъ. Германнъ былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ таинствъ ея туалета; наконецъ графиня осталась въ спальнѣ кофтѣ и ночномъ чепцѣ: въ этомъ нарядѣ, болѣе свойственномъ ея старости, она казалась менѣе ужасна и безобразна.

Какъ и всѣ старыя люди вообще, графиня страдала безсонницею. Раздѣвшись, она сѣла у окна въ вольтеровы кресла и отослала горничныхъ. Свѣчи вынесли; комната опять освѣтилась одною лампадою. Графиня сидѣла вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налево. Въ мутныхъ глазахъ ея изображалось совершенное отсутствіе мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качаніе страшной старухи происходило не отъ ея воли, но по дѣйствию скрытаго гальванизма

Вдругъ это мертвое лицо измѣнилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: передъ графинею стоялъ незнакомый мужчина.

— Не пугайтесь, ради Бога, не пугайтесь! сказалъ онъ внятнымъ и тихимъ голосомъ. Я не имѣю намѣренія вредить вамъ; я пришелъ умолять васъ объ одной милости.

Старуха молчала, смотрѣла на него и, казалось, его не слыхала. Германнъ вообразилъ, что она глуха, и, наклонясь, надъ самымъ ея ухомъ; повторилъ ей то же самое. Старуха молчала по прежнему.

— Вы можете, продолжалъ Германнъ, составить счастье моей жизни, и оно ничего не будетъ вамъ стоить: я знаю, что вы можете угадать три карты сряду...

Германнъ остановился. Графиня, казалось, поняла, чего отъ нея требовали; казалось, она искала словъ для своего отвѣта.

„Это была шутка“, сказала она наконецъ: „клянусь вамъ, это была шутка!“

— Этимъ нечего шутить, возразилъ сердито Германнъ. Вспомните Чаплицкаго, которому помогли вы отыгаться.

Графиня, видимо, смутилась. Черты ея изобразили сильное движеніе души; но она скоро впала въ прежнюю безчувственность.

— Можете ли вы, продолжалъ Германнъ, назначить мнѣ эти три вѣрныя карты?

Графиня молчала. Германнъ продолжалъ:

— Для кого вамъ беречь вашу тайну? Для внуковъ? Они богаты и безъ того; они же не знаютъ и цѣны деньгамъ. Моту не помогутъ ваши три карты. Кто не умѣетъ беречь отцовское наслѣдство, тотъ все-таки умретъ въ нищетѣ, не смотря ни на какія демонскія усилія. Я не мотъ; я знаю цѣну деньгамъ. Ваши три карты для меня не пропадутъ. Ну!..

Онъ остановился и съ трепетомъ ожидалъ ея отвѣта. Графиня молчала. Германнъ сталъ на колѣни.

— Если когда-нибудь, сказалъ онъ, сердце ваше

знало чувство любви, если вы помните ее восторги, если вы хоть разъ улыбнулись при плачѣ новорожденного сына, если что-нибудь человѣческое билось когда-нибудь въ груди вашей, то умоляю васъ, чувствами супруги, любовницы, матери, всѣмъ, что ни есть святого въ жизни, не откажите мнѣ въ моей просьбѣ, откройте мнѣ вашу тайну! Что вамъ въ ней?.. Можетъ быть, она сопряжена съ ужаснымъ грѣхомъ, съ пагубою вѣчнаго блаженства, съ дьявольскимъ договоромъ... Подумайте: вы стары; жить вамъ ужь недолго — я готовъ взять грѣхъ вашъ на свою душу. Откройте мнѣ только вашу тайну. Подумайте, что счастье человѣка находится въ вашихъ рукахъ; что не только я, но дѣти мои, внуки и правнуки благословятъ вашу память и будутъ ее чтить, какъ святыню...

Старуха не отвѣчала ни слова.

Германнъ всталъ.

— Старая вѣдьма! сказалъ онъ, стиснувъ зубы, такъ я же заставлю тебя отвѣчать...

Съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана пистолеть.

При видѣ пистолета графиня во второй разъ оказала сильное чувство. Она закивала головою и подняла руку, какъ бы заслоняясь отъ выстрѣла... потомъ покатилаcь навзничь... и осталась недвижима.

— Перестаньте ребячиться, сказалъ Германнъ, взявъ ее руку. Спрашиваю въ послѣдній разъ: хотите ли назначить мнѣ ваши три карты? да или нѣтъ?

Графиня не отвѣчала. Германнъ увидѣлъ, что она умерла.

IV.

7 Mai 18***.

Homme sans moeurs et sans religion!
Переписка.

Лизавета Ивановна сидѣла въ своей комнатѣ, еще въ бальномъ своемъ нарядѣ, погруженная въ глубокія размышленія. Приѣхавъ домой, она спѣшила отослать заспанную дѣвку, нехотя предлагавшую ей свою услугу, сказала, что раздѣнется сама, и съ трепетомъ вошла къ себѣ, надѣясь найти тамъ Германна и желая не найти его. Съ перваго взгляда она удостовѣрилась въ его отсутствіи и благодарила судьбу за препятствіе, помѣшавшее ихъ свиданію. Она сѣла, не раздѣваясь, и стала припоминать всѣ обстоятельства, въ такое короткое время и такъ далеко ее завлекшія. Не прошло трехъ недѣль съ той поры, какъ она въ первый разъ увидѣла въ окошко молодого человѣка — и уже съ нимъ въ перепискѣ, и онъ успѣлъ вытребовать отъ нея ночное свиданіе! Она знала имя его потому только, что нѣкоторыя изъ его писемъ были имъ подписаны; никогда съ нимъ не говорила, не слыхала его голоса, никогда о немъ не слыхала... до самаго сего вечера. Странное дѣло! въ самый тотъ вечеръ, на балѣ, Томскій, дуясь на молодую княжну Полину ***, которая, противъ обыкновенія, кокетничала не съ нимъ, желалъ отомстить, оказывая равнодушіе: онъ позвалъ Лизавету Ивановну и танцевалъ съ нею безконечную мазурку. Во все время шутилъ онъ надъ ея пристрастіемъ къ инженернымъ офицерамъ, увѣрялъ, что онъ знаетъ гораздо болѣе, нежели можно было ей предполагать, и нѣкоторыя изъ его шутокъ

были такъ удачно направлены, что Лизавета Ивановна думала нѣсколько разъ, что ея тайна была ему извѣстна.

— Отъ кого вы все это знаете? спросила она, смѣясь.

„Отъ пріятеля извѣстной вамъ особы“, отвѣчалъ Томскій: „человѣка очень замѣчательнаго!“

— Кто жь этотъ замѣчательный человѣкъ?

„Его зовуть Германномъ“.

Лизавета Ивановна не отвѣчала ничего; но ея руки и ноги поледенѣли...

„Этотъ Германнъ“, продолжалъ Томскій, „лицо истинно романическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совѣсти по крайней мѣрѣ три злодѣйства. Какъ вы поблѣднѣли!...“

— У меня голова болить... Что же говорилъ вамъ Германнъ... или какъ бишь его?..

„Германнъ очень недоволенъ своимъ пріателемъ: онъ говоритъ, что на его мѣстѣ онъ поступилъ бы совсѣмъ иначе... Я даже полагаю, что Германнъ самъ имѣеть на васъ виды; по крайней мѣрѣ, онъ очень неравнодушно слушаетъ влюбленныя восклицанія своего пріятеля“.

— Да гдѣ жь онъ меня видѣлъ?

„Въ церкви, можетъ быть; на гуляньѣ!.. Богъ его знаетъ! можетъ быть, въ вашей комнатѣ, во время вашего сна: отъ него станеть...“

Подошедшія къ нимъ три дамы съ вопросами: „oubli ou regret?“ прервали разговоръ, который становился мучительно любопытенъ для Лизаветы Ивановны.

Дама, выбранная Томскимъ, была сама княжна ***. Она успѣла съ нимъ изъясниться, объжавъ лишній

кругъ и лишній разъ повертѣвшись передъ своимъ стуломъ. Томскій, возвратясь на свое мѣсто, уже не думалъ ни о Германнѣ, ни о Лизаветѣ Ивановнѣ. Она непремѣнно хотѣла возобновить прерванный разговоръ; но мазурка кончилась, и вскорѣ послѣ старая графиня уѣхала.

Слова Томскаго были не что иное, какъ мазурочная болтовня; но они глубоко заронились въ душу молодой мечтательницы. Портретъ, набросанный Томскимъ, сходствовалъ съ изображеніемъ, составленнымъ ею самою, и, благодаря новѣйшимъ романамъ, это уже пошлое лицо пугало и плѣняло ея воображеніе. Она сидѣла, сложа крестомъ голыя руки, наклонивъ на открытую грудь голову, еще убранную цвѣтами... Вдругъ дверь отворилась, и Германнѣ вошелъ. Она затрепетала...

— Гдѣ же вы были? спросила она испуганнымъ шопотомъ.

„Въ спальнѣ у старой графини“, отвѣчалъ Германнѣ: „я сейчасъ отъ нея. Графиня умерла“.

— Боже мой!.. что вы говорите?..

„И кажется“, продолжалъ Германнѣ: „я причиною ея смерти“.

Лизавета Ивановна взглянула на него, и слова Томскаго раздались въ ея душѣ: у этого чело-вѣка по крайней мѣрѣ три злодѣйства на душѣ! Германнѣ сѣлъ на окошко подлѣ нея и все рассказалъ.

Лизавета Ивановна выслушала его съ ужасомъ. Итакъ, эти страстные письма, эти пламенные требованія, это дерзкое, упорное преслѣдованіе — все это было не любовь! Деньги! — вотъ чего алкала его душа! Не она могла утолить его желанія и осчастливить его! Бѣдная воспитанница была не что

иное, какъ слѣпая помощница разбойника, убійцы старой ея благодѣтельница... Горько заплакала она въ позднемъ, мучительномъ своемъ раскаяніи. Германнъ смотрѣлъ на нее молча: сердце его также терзалось; но ни слезы бѣдной дѣвушки, ни удивительная прелесть ея горести не тревожили суровой души его. Онъ не чувствовалъ угрызенія совѣсти при мысли о мертвой старухѣ. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, отъ которой ожидалъ обогащенія.

— Вы чудовище! сказала наконецъ Лизавета Ивановна.

„Я не хотѣлъ ея смерти“, отвѣчалъ Германнъ: „пистолетъ мой не заряженъ“.

Они замолчали.

Утро наступало. Лизавета Ивановна погасила догорающую свѣчу: блѣдный свѣтъ озарилъ ея комнату. Она отерла заплаканные глаза и подняла ихъ на Германа: онъ сидѣлъ на окошкѣ, сложа руки, и грозно нахмурясь. Въ этомъ положеніи удивительно напоминалъ онъ портретъ Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Иваѳовну.

— Какъ вамъ выйти изъ дому? сказала наконецъ Лизавета Ивановна. Я думала провести васъ по потаенной лѣстницѣ; но надобно идти мимо спальни, а я боюсь.

„Расскажите мнѣ, какъ найти эту потаенную лѣстницу; я выйду“.

Лизавета Ивановна встала, вынула изъ комода ключъ; вручила его Германну и дала ему подробное наставленіе. Германнъ пожалъ ея холодную, безотвѣтную руку, поцѣловалъ ея наклоненную голову и вышелъ.

Онъ спустился внизъ по витой лѣстницѣ и во-

шелъ опять въ спальню графини. Мертвая старуха сидѣла, окаменѣвъ; лицо ея выражало глубокое спокойствіе. Германнъ остановился передъ нею, долго смотрѣлъ на нее, какъ бы желая удостовѣриться въ ужасной истинѣ; наконецъ, вошелъ въ кабинетъ, ошупалъ за обоями дверь и сталъ сходить по темной лѣстницѣ, волнуемый странными чувствованіями. „По этой самой лѣстницѣ“ — думалъ онъ — „можетъ быть, лѣтъ шестьдесятъ назадъ, въ эту самую спальню, въ такой же часъ, въ шитомъ кафтанѣ, причесанный à l'oiseau royal, прижимая къ сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливецъ, давно уже истлѣвшій въ могилѣ; а сердце престарѣлой его любовницы сегодня перестало биться...“

Подъ лѣстницею Германнъ нашелъ дверь, которую отперъ тѣмъ же ключемъ, и очутился въ сквозномъ коридорѣ, выведшемъ его на улицу.

V.

Въ эту ночь явилась ко мнѣ покойница баронесса фонъ В***. Она была вся въ бѣломъ и сказала мнѣ: „здравствуйте, господинъ совѣтникъ!“

Шведенборгъ. 18.

Три дня послѣ роковой ночи, въ девять часовъ утра Германнъ отправился въ *** монастырь, гдѣ должны были отпѣвать тѣло усопшей графини. Не чувствуя раскаянія, онъ не могъ, однако, совершенно заглушить голосъ совѣсти, твердившей ему: ты убійца старухи! Имѣя мало истинной вѣры, онъ имѣлъ множество предразсудковъ. Онъ вѣрилъ, что мертвая графиня могла имѣть вредное вліяніе на его жизнь, и рѣшился явиться на ея похороны, чтобы испросить у ней прощеніе.

Церковь была полна. Германнъ насилу могъ пробраться сквозь толпу народа. Гробъ стоялъ на богатомъ катафалкѣ подъ бархатнымъ балдахиномъ. Усопшая лежала въ немъ, съ руками, сложенными на груди, въ кружевномъ чепцѣ и въ бѣломъ атласномъ платьѣ. Кругомъ стояли ея домашніе: слуги въ черныхъ кафтанахъ, съ гербовыми лентами на плечѣ и со свѣчами въ рукахъ; родственники въ глубокомъ траурѣ — дѣти, внуки и правнуки. Никто не плакалъ; слезы были бы ипе affectation. Графиня такъ была стара, что смерть ея никого не могла поразить, и что ея родственники давно смотрѣли на нее, какъ на отжившую. Молодой архіерей произнесъ надгробное слово. Въ простыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ представилъ онъ мирное успеніе праведницы, которой долгіе годы были тихимъ, умилительнымъ приготовленіемъ къ христіанской кончинѣ. „Ангель смерти обрѣлъ ее,“ сказалъ ораторъ, „бодрствующую въ помышленіяхъ благихъ и въ ожиданіи жениха полуночнаго.“ Служба совершилась съ печальнымъ приличіемъ. Родственники первые пошли прощаться съ тѣломъ. Потомъ двинулись и многочисленные гости, пріѣхавшіе поклониться той, которая такъ давно былъ участницею въ ихъ суетныхъ увеселеніяхъ. Послѣ нихъ и всѣ домашніе. Наконецъ, приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы. Двѣ молодыя дѣвушки вели ее подъ руки. Она не въ силахъ была поклониться до земли — и одна пролила нѣсколько слезъ, поцѣловавъ холодную руку госпожи своей. Послѣ нея Германнъ рѣшился подойти къ гробу. Онъ поклонился въ землю и нѣсколько минутъ лежалъ на холодномъ полу, усыпанномъ ельникомъ; наконецъ, приподнялся, блѣденъ какъ сама покойница, взошелъ на ступени катафалка и нахло-

нился... Въ эту минуту показалось ему, что мертвая насмѣливо взглянула на него, прищуривая однимъ глазомъ. Германнъ, поспѣшно подавшись назадъ, остутился и навзничь грянулся объ земь. Его подняли. Въ то же самое время Лизавету Ивановну вынесли въ обморокъ на паперть. Этотъ эпизодъ возмущилъ на нѣсколько минутъ торжественность мрачнаго обряда. Между посѣтителями поднялся глухой ропотъ, а худощавый камергеръ, близкій родственникъ покойницы, шепнулъ на ухо стоящему подле него англичанину, что молодой офицеръ — ея побочный сынъ, на что англичанинъ отвѣчалъ холодно: Oh?

Цѣлый день Германнъ былъ чрезвычайно разстроенъ. Обѣдая въ уединенномъ трактирѣ, онъ, противъ обыкновенія своего, пилъ очень много, въ надеждѣ заглушить внутреннее волненіе. Но вино еще болѣе горячило его воображеніе. Возвратясь домой, онъ бросился, не раздѣваясь, на кровать и крѣпко заснулъ

Онъ проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Онъ взглянулъ на часы: было безъ четверти три. Сонъ у него прошелъ; онъ сѣлъ на кровать и думалъ о похоронахъ старой графини.

Въ это время кто-то съ улицы взглянулъ къ нему въ окошко и тотчасъ отошелъ. Германнъ не обратилъ на то никакого вниманія. Черезъ минуту услышалъ онъ, что отпирали дверь въ передней комнатѣ. Германнъ думалъ, что деньщикъ его, пьяный, по своему обыкновенію, возвращался съ ночной прогулки. Но онъ услышалъ незнакомую походку: кто-то ходилъ, тихо шаркая туфлями. Дверь отворилась: вошла женщина въ бѣломъ платьѣ. Германнъ принялъ ее за свою старую кормилицу и удивился — что могло

привести ее въ такую пору? Но бѣлая женщина, скользнувъ, очутилась передъ нимъ — и Германнъ узналъ графиню!

— Я пришла къ тебѣ противъ своей воли, сказала она твердымъ голосомъ: но мнѣ велѣно исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и тузъ выиграють тебѣ сряду, но съ тѣмъ, чтобы ты въ сутки болѣе одной карты не ставилъ, и чтобы во всю жизнь уже послѣ не игралъ. Прощаю тебѣ мою смерть, съ тѣмъ, чтобы ты женился на моей воспитанницѣ Лизаветѣ Ивановнѣ...

Съ этимъ словомъ она тихо повернулась, пошла къ дверямъ и скрылась, шаркая туфлями. Германнъ слышалъ, какъ хлопнула дверь въ сѣняхъ, и увидѣлъ, что кто-то опять поглядѣлъ къ нему въ окошко.

Германнъ долго не могъ опомниться. Онъ вышелъ въ другую комнату. Деньщикъ его спалъ на полу; Германнъ насилу его добудился. Деньщикъ былъ пьянъ, по обыкновенію; отъ него нельзя было добиться никакого толку. Дверь въ сѣни была заперта. Германнъ возвратился въ свою комнату, за свѣтилъ свѣчку и записалъ свое видѣніе.

VI.

„Атанде!“

Какъ вы смѣли мнѣ сказать атанде?

„Ваше превосходительство, я сказалъ: атанде-съ!“

Двѣ неподвижныя идеи не могутъ вмѣстѣ существовать въ нравственной природѣ, такъ же, какъ два тѣла не могутъ въ физическомъ мірѣ занимать одно и то же мѣсто. Тройка, семерка, тузъ скоро еаслонили въ воображеніи Германны образъ мертвой

старухи. Тройка, семерка, тузь не выходили изъ его головы и шевелились на его губахъ. Увидѣвъ молодую дѣвушку, онъ говорилъ: „Какъ она стройна! настоящая тройка червонная.“ У него спрашивали: „который часъ?“ — онъ отвѣчалъ: „безъ пяти минутъ семерка.“ Всякій пузастый мужчина напоминалъ ему туза. Тройка, семерка, тузь преслѣдовали его во снѣ, принимая всѣ возможные виды: тройка цвѣла передъ нимъ въ образѣ пышнаго грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, тузь — огромнымъ паукомъ. Всѣ мысли его слились въ одну — воспользоваться тайной, которая дорого ему стоила. Онъ сталъ думать объ отставкѣ и о путешествіи. Онъ хотѣлъ въ открытыхъ игрецкихъ домахъ Парижа вынудить кладъ у очарованной фортуны. Случай избавилъ его отъ хлопотъ.

Въ Москвѣ составилось общество богатыхъ игроковъ, подѣ предсѣдательствомъ славнаго Чекалинскаго, проведеншаго весь вѣкъ за картами и нажившаго нѣкогда милліоны, выигрывая векселя и проигрывая чистыя деньги. Долговременная опытность заслужила ему довѣренность товарищей, а открытый домъ, славный поваръ, ласковость и веселость пріобрѣли уваженіе публики. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Молодежь къ нему нахлынула, забывая балы для картъ и предпочитая соблазны фараона оболъщеніямъ волокитства. Нарумовъ привезъ къ нему Германна.

Они прошли рядъ великолѣпныхъ комнатъ, наполненныхъ учтивыми оффиціантами. Всѣ были полны народу. Нѣсколько генераловъ и тайныхъ совѣтниковъ играли въ вистъ; молодые люди сидѣли, развалясь, на штофныхъ диванахъ и курили трубки. Въ гостиной, за длиннымъ столомъ, около котораго

тѣснилось челоуѣкъ двадцать игроковъ, сидѣлъ хозяинъ и металъ банкъ. Онъ былъ челоуѣкъ лѣтъ шестидесяти, самой почтенной наружности; голова покрыта была серебряной сѣдиною; полное и свѣжее лицо изображало добродушіе; глаза блистали, оживленные всегдашнею улыбкою. Нарумовъ представилъ ему Германна. Чекалинскій дружески пожалъ ему руку, просилъ не церемониться и продолжалъ метать.

Талья длилась долго. На столѣ стояло болѣе тридцати картъ. Чекалинскій останавливался послѣ каждой прокидки, чтобы дать играющимъ время распорядиться, записывалъ проигрышъ, учтиво вслушивался въ ихъ требованія, еще учтивѣе отгибалъ лишній уголъ, загибаемый разсѣянною рукою. Наконецъ талья кончилась. Чекалинскій стасовалъ карты и приготовился метать другую.

— Позвольте поставить карту, сказалъ Германнъ, протягивая руку изъ-за толстаго господина, тутъ же понтировавшаго.

Чекалинскій улыбнулся и поклонился молча, въ знакъ покорнаго согласія. Нарумовъ, смѣясь, поздравилъ Германна съ разрѣшеніемъ долговременнаго поста и пожелалъ ему счастливаго начала.

— Идетъ! сказалъ Германнъ, надписавъ мѣломъ кушъ надъ своею картою.

„Сколько-съ?“ спросилъ, прищуриваясь, банкюметъ: „извините-съ, я не разгляжу.“

— Сорокъ семь тысячъ, отвѣчалъ Германнъ.

При этихъ словахъ всѣ головы обратились мгновенно и всѣ глаза устремились на Германна.

„Онъ съ ума сошелъ!“ подумалъ Нарумовъ.

„Позвольте замѣтить вамъ“, сказалъ Чекалинскій съ неизмѣнною своею улыбкою, „что игра ваша сильна;

никто болѣе двухъ сотъ семидесяти пяти семпелемъ¹² здѣсь еще не ставилъ.“

— Что жь? возразилъ Германнъ: бьете вы мою карту или нѣтъ?

Чекалинскій поклонился съ видомъ того же смиреннаго согласія.

„Я хотѣлъ только вамъ доложить“, сказалъ онъ: „что, будучи удостоенъ довѣренности товарищей, я не могу метать иначе, какъ на чистыя деньги. Съ моей стороны я, конечно, увѣренъ, что довольно вашего слова, но, для порядка игры и счетовъ, прошу васъ поставить деньги на карту.“

Германнъ вынулъ изъ кармана банковый билетъ и подалъ его Чекалинскому, который, бѣгло посмотрѣвъ его, положилъ на Германнову карту.

Онъ сталъ метать. Направо легла девятка, налѣво тройка.

— Выиграла! сказалъ Германнъ, показывая свою карту.

Между игроками поднялся шопоть. Чекалинскій нахмурился; но улыбка тотчасъ возвратилась на его лицо.

„Изволите получить?“ спросилъ онъ Германны.

— Сдѣлайте одолженіе.

Чекалинскій вынулъ изъ кармана нѣсколько банковыхъ билетовъ и тотчасъ разсчелся. Германнъ принялъ свои деньги и отошелъ отъ стола. Нарумовъ не могъ опомниться. Германнъ выпилъ стаканъ лимонаду и отправился домой.

На другой день, вечеромъ, онъ опять явился у Чекалинскаго. Хозяинъ металъ. Германнъ подошелъ къ столу; понтеры тотчасъ дали ему мѣсто. Чекалинскій ласково ему поклонился.

Германнъ дождался новой тальи, поставилъ карту,

положивъ на нее свои сорокъ семь тысячъ и вчерашній выигрышъ.

Чекалинскій сталъ метать. Валетъ вышелъ направо, семерка налѣво.

Германнъ открылъ семерку.

Всѣ ахнули. Чекалинскій видимо смутился. Онъ отсчиталъ девяносто четыре тысячи и передалъ Германну. Германнъ принялъ ихъ съ хладнокровіемъ и въ ту же минуту удалился.

Въ слѣдующій вечеръ Германнъ явился опять у стола. Всѣ его ожидали; генералы и тайные совѣтники оставили свой висгъ, чтобъ видѣть игру, столь необыкновенную. Молодые офицеры соскочили съ дивановъ, всѣ оффиціанты собрались въ гостиной. Всѣ обступили Германна. Прочіе игроки не поставили своихъ картъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, чѣмъ онъ кончитъ. Германнъ стоялъ у стола, готовясь одинъ понтировать противу блѣднаго, но все улыбающагося Чекалинскаго. Каждый распечаталъ колоду картъ. Чекалинскій стасовалъ. Германнъ снялъ и поставилъ свою карту, покрывъ ее кипой банковыхъ билетовъ. Это похоже было на поединокъ. Глубокое молчаніе царствовало кругомъ.

Чекалинскій сталъ метать, руки его тряслись. Направо легла дама, налѣво тузъ.

— Тузъ выигралъ! сказалъ Германнъ и открылъ свою карту.

„Дама ваша убита“, сказалъ ласково Чекалинскій.

Германнъ вздрогнулъ: въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто туза у него стояла пиковая дама. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, не понимая, какъ могъ онъ обдернуться.

Въ эту минуту ему показалось, что пиковая дама

прищурилась и усмѣхнулась. Необыкновенное сходство поразило его...

— Старуха! закричалъ онъ въ ужасѣ.

Чекалинскій потянулъ къ себѣ проигранные билеты. Германнъ стоялъ неподвижно. Когда отошелъ онъ отъ стола, поднялся шумный говоръ. „Славно спонтировалъ!“ говорили игроки. Чекалинскій снова стасовалъ карты; игра пошла своимъ чередомъ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Германнъ сошелъ съ ума. Онъ сидитъ въ Обуховской больницѣ, съ семнадцатомъ номерѣ, не отвѣчаетъ ни на какіе вопросы и бормочетъ необыкновенно скоро: „Тройка, семерка, тузъ! Тройка, семерка, дама!...“

Лизавета Ивановна вышла замужъ за очень любезнаго молодого человѣка; онъ гдѣ-то служить и имѣетъ порядочное состояніе: онъ сынъ бывшаго управителя у старой графини. У Лизаветы Ивановны воспитывается бѣдная родственница.

Томскій произведенъ въ ротмистры и женится на княжнѣ Полинѣ.



VIII.

Египетскія ночи.

(Клеопатра.)

(1835.)

„Черновая подготовка матеріаловъ“, говоритъ П. В. Анненковъ (Мат., 393), „длилась у Пушкина иногда чрезвычайно долго. Затѣмъ уже вдохновеніе скоро обращало ихъ въ свѣтлыя и мощныя произведенія искусства. Такъ оправдывается глубокая истина любимой поговорки самого Пушкина: вдохновеніе нужно въ поэзіи такъ же точно, какъ и въ геометріи.“

Еще въ 1824 - 25 гг., въ уединеніи своего Михайловскаго, поэтъ, вдохновившись рассказомъ римскаго писателя Аврелія Виктора о Клеопатрѣ, продававшей свои ночи, набросалъ на эту тему стихотвореніе — и, какъ видно изъ его черновыхъ тетрадей, нѣсколько разъ возвращался къ нему, то измѣняя отдѣльныя его части, то переходя къ новому размѣру стиха. Мысль о Клеопатрѣ не покидала его среди „Подражаній Корану“, черновыхъ набросковъ изъ „Цыганъ“ и „Годунова“, среди пестрыхъ строфъ „Онѣгина“... Но стихотвореніе такъ и осталось неотдѣланнымъ и неоконченнымъ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Онъ вспомнилъ о немъ только въ 1835 г. и задумалъ ввести его въ рамку соотвѣтствующаго рассказа. Подбирая эту рамку, поэтъ сначала остановился на мысли написать рассказъ изъ древне-римской жизни, — изъ временъ Нерона, — и набросалъ три небольшіе отрывка, ожививъ ихъ стихотвореніями изъ Анакреона и Горация; затѣмъ онъ измѣнилъ это первоначальное намѣреніе и рѣшилъ перенести дѣйствіе рассказа въ современный кругъ петербургскаго общества: вечеромъ, на дачѣ у княгини, одинъ молодой человѣкъ рассказываетъ, что его пріятель, поэтъ, „началъ-было, да бросилъ“ поэму о Клеопатрѣ, — и передаетъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, содержаніе этой поэмы; этотъ рассказъ, какъ можно судить по сохранившемуся отрывку, долженъ былъ послужить прологомъ къ романическому приключенію между повѣствователемъ и г-жей „Лидиной.“ Но и такая обработка темы не удовлетворила Пушкина. Онъ перешелъ къ новому и по-

слѣдному плану: вложилъ стихотвореніе о Клеопатрѣ въ уста случайно заѣхавшаго въ Петербургъ импровизатора-итальянца, введеннаго въ свѣтское общество поэтомъ „Чарскимъ“, изображенію котораго Пушкинъ придалъ многія собственныя черты, высказавъ отъ его имени свои завѣтныя мысли о литературѣ и поэзіи. И здѣсь, увлекшись ходомъ этихъ мыслей, поэтъ сначала далъ имъ болѣе подробное развитіе, — видимо, желая воспользоваться формою сказа для того, чтобы бросить въ лицо свѣтской и литературной „черни“ тѣ упреки, которые онъ такъ долго таилъ про себя, повѣряя ихъ только своимъ тетрадямъ, въ видѣ бѣглыхъ, отрывочныхъ замѣтокъ, не назначавшихся для печати; но потомъ отбросилъ этотъ листокъ, — хотя ему и жаль было его уничтожить, — и, значительно сокративъ первоначальное вступленіе, написалъ три главы повѣсти о Чарскомъ и импровизаторѣ. Онъ довелъ эту повѣсть до стихотворенія о Клеопатрѣ, — но не успѣлъ уже докончить ни этого стихотворенія, ни повѣсти...

Такимъ образомъ, „Египетскія ночи“, въ томъ видѣ, въ какомъ это произведеніе сохранилось въ черновыхъ тетрадяхъ Пушкина (рук. Моск. Муз. №№ 2372, 2386 и 2387 Б) состоятъ изъ пяти отрывковъ: 1) начало и программа повѣсти изъ древне-римской жизни; 2) и 3) два варіанта начала повѣсти изъ жизни петербургской, въ которыхъ еще нѣтъ импровизатора; 4) вступленіе къ разсказу о Чарскомъ и 5) повѣсть въ окончательной обработкѣ, первая глава которой передѣлана изъ только что указаннаго вступленія. Въ этомъ порядкѣ мы и печатаемъ всѣ указанные отрывки, отличая подготовительные отъ послѣдняго болѣе мелкимъ шрифтомъ.

Первый изъ этихъ отрывковъ напечатанъ Анненковымъ въ Мат., стр. 390 - 393; второй и третій сообщены также Анненковымъ и П. И. Бартеневымъ, но крайне неточно и въ спутанномъ видѣ; они исправлены по рукописи въ изд. Лит. Фонда, IV, 400 - 404; четвертый отрывокъ явился въ „Современникѣ“ 1837, кн. VIII, съ примѣчаніемъ П. А. Плетнева: „Очеркъ и даже нѣкоторыя частности этого отрывка авторъ успѣлъ уже употребить въ неоконченной повѣсти своей подъ названіемъ „Египетскія ночи“. Издатели не считаютъ за излишнее помѣстить здѣсь этотъ отрывокъ и въ томъ видѣ, какъ онъ приготовленъ

былъ авторомъ еще до назначенія ему мѣста въ пьесѣ, какъ онъ набросанъ былъ въ видѣ запаснаго матеріала. Не бесполезно учиться у хорошаго писателя, наблюдая, какъ онъ самъ сочиненіе свое критикуетъ, иныя части сжимая въ немъ, иныя развертывая." Наконецъ, пятый отрывокъ подъ заглавіемъ: „Египетскія ночи“, напечатанъ былъ въ той же VIII книгѣ „Современника“.

А.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ОТРЫВКИ.

І.

Повѣсть изъ древне-римской жизни.

І.

Цесарь путешествовалъ; мы съ Титомъ Петроніемъ¹ слѣдовали за нимъ издали... По захожденіи солнца намъ разбивали шатеръ, разставляли постели — мы ложились пировать и весело бесѣдовали. На зарѣ снова пускались въ дорогу и сладко засыпали каждый въ лектикѣ своей, утомленные жаромъ и ночными наслажденіями.

Мы достигли Кумъ и уже думали пуститься далѣе, какъ явился къ намъ посланный отъ Нерона. Онъ принесъ Петронію повелѣніе цесаря возвратиться въ Римъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи, вслѣдствіе ненавистнаго обвиненія. Мы были поражены ужасомъ; одинъ Петроній равнодушно выслушалъ свой приговоръ, отпустилъ гонца съ подаркомъ и объявилъ свое намѣреніе остановиться въ Кумахъ. Онъ послалъ своего любимаго раба выбрать ему домъ, и сталъ ожидать его возвращенія въ кипарисной роцѣ, посвященной Эменидамъ.

Мы окружали его съ безпокойствомъ. Флавій Аврелій спросилъ его: долго ли думаетъ онъ оставаться въ Кумахъ и не страшится ли раздражить цесаря ослушаніемъ?

— Я не только не думаю ослушаться его, отвѣчалъ Петроній съ улыбкою, но даже намѣренъ предупредить его желанія. Но вамъ, друзья мои, совѣтую возвратиться: путникъ въ ясный день отдыхаетъ подъ тѣнію дуба, но во время грозы отъ него благоразумно удаляется, страшась ударовъ молніи.

Мы всё изъявили желаніе съ нимъ остаться, и Петроній ласково насъ благодарилъ. Слуга возвратился и повелъ насъ въ домъ, уже выбранный. Онъ находился въ предмѣстьѣ города...

2.

[Программа: Описаніе дома. Мы находимъ Петронія съ своимъ лѣкаремъ; онъ продолжаетъ разсужденіе о родѣ смерти — избираетъ теплыя ванны. Греческій философъ исчезъ. Петроній улыбается и скаываетъ о ду. Описаніе приготовленій; онъ перевязываетъ рану и начинаются разсказы. Первый вечеръ: о Клеопатрѣ — наши разсужденія о томъ. Второй вечеръ: Петроній приказываетъ разбить драгоценную чашу — диктуетъ Satyricon — разсужденіе о паденіи чело-вѣка — паденіи боговъ, объ общемъ безвѣрїи — о превращеніяхъ Нерона. Рабъ-христіанинъ].

...Имъ управлялъ старый отпущенникъ въ отсутствіи хозяина, уже давно покинувшего Италію. Нѣсколько рабовъ подъ его надзоромъ заботились о чистотѣ комнатъ и садовъ. Въ широкихъ сѣняхъ нашли мы кумиры девяти музъ; у дверей стояли два кентавра. Петроній остановился у мраморнаго порога и прочелъ начертанное на немъ привѣтствіе: „Здравствуй!“² Печальная улыбка изобразилась на лицѣ его. Старый управитель повелъ его въ бібліотеку, гдѣ осмотрѣли мы нѣсколько свитковъ и вошли потомъ въ спальню хозяина. Она убрана была просто. Въ ней находились только двѣ семейныя статуи: одна изображала матрону, сидящую въ креслахъ, другая — дѣвочку, играющую мячемъ. На столикѣ, подлѣ постели, стояла маленькая лампада. Здѣсь Петроній остался и отпустилъ насъ, пригласивъ вечеромъ къ нему собраться.

Я не могъ уснуть. Печаль наполняла мою душу. Я видѣлъ въ Петроніѣ не только благодѣтеля, но и друга искренно ко мнѣ привязаннаго. Я уважалъ его обширный умъ, любилъ его прекрасную душу. Въ разговорахъ его почерпалъ я знаніе свѣта и людей, извѣстныхъ мнѣ болѣе по умозрѣніямъ божественнаго Платона, нежели по собственному опыту. Его сужденія обыкновенно были быстры и вѣрны: равнодушіе избавляло его отъ пристрастія. Искренность въ отношеніи къ самому себѣ дѣлала его проникательнымъ. Жизнь не могла представить ему ничего новаго: чувства его дремали, притупленныя привычкою, но умъ его хранилъ удивительную свѣжесть. Онъ любилъ игру мыслей,

какъ и гармонію словъ, охотно слушалъ философскія разсужденія и самъ писалъ стихи не хуже Катулла.

Я сошелъ въ садъ и долго ходилъ по извилистымъ его тропинкамъ, осѣненнымъ старыми деревьями. Я сѣлъ на скамейку подъ тѣнь широкаго тополя, у котораго стояла статуя молодого сатира, прорѣзывающаго тростникъ. Желая развлечь какъ-нибудь печальныя мысли, я вынулъ записныя дощечки и перевелъ одну изъ одъ Анакреона, которую и сберегъ въ память этого печальнаго дня.

Порѣдѣли, побѣлѣли, и пр. (см. II, 195).

3.

...Солнце клонилось къ западу: я пошелъ къ Петронію. Онъ расхаживалъ въ библіотекѣ, съ нимъ былъ его домашній лѣкарь Септимій. Петроній, увидя меня, остановился и произнесъ шутливо:

Узнаемъ коней ретивыхъ, и пр. (II, 195).

— Не скромничай, продолжалъ Петроній, вынимай изъ-подъ тоги свои дощечки и прочти.— „Ты угадалъ,“ отвѣчалъ я Петронію и подаль дощечки. Онъ прочиталъ мои стихи. Облако задумчивости прошло по его лицу и тотчасъ разсѣялось. Когда читаю подобныя стихотворенія, сказалъ онъ, мнѣ всегда любопытно знать, какъ умерли тѣ, которые такъ сильно были поражены мыслию о смерти. Анакреонъ увѣряетъ, что тартаръ его ужасаетъ, но не вѣрю ему, такъ же какъ не вѣрю трусости Горация. Вы знаете оду его:

Ты помнишь часъ ужасной битвы, и пр. (II, 197).

Хитрый стихотворецъ хотѣлъ разсмѣшить Августа и Мecenата своею трусостью, чтобъ не напомнить имъ о другомъ...

II.

Мы проводили вечеръ на дачѣ у княгини Д.

Разговоръ какъ-то коснулся m-me de Stael. Баронъ Дальбергъ, на дурномъ французскомъ языкѣ, очень дурно рассказывалъ извѣстный анекдотъ — вопросъ ея Бонапарту, „кого почитаетъ онъ первую женщиною въ свѣтѣ“, и за-

бавный его отвѣтъ: „Ту, которая народила болѣе дѣтей, — celle qui a fait le plus d'enfants.“

— Какая славная эпитаграмма! замѣтилъ одинъ изъ гостей.

— И подѣломъ ей, сказала одна дама. Какъ можно такъ неловко напрашиваться на комплименты?

„А мнѣ такъ кажется“, сказалъ Сорохтинъ, дремавшій въ гамбовыхъ креслахъ,— „мнѣ такъ кажется, что ни m-me de Stael не думала о мадригалѣ, ни Наполеонъ объ эпитаграммѣ. Она сдѣлала вопросъ изъ единого любопытства, очень понятнаго, а Наполеонъ буквально выразилъ настоящее свое мнѣніе. Но вы не вѣрите простодушію геніевъ.“

Гости начали спорить, а Сорохтинъ задремалъ опять.

— Однако, въ самомъ дѣлѣ, сказала хозяйка,— кого почитаете вы первую женщиною въ свѣтѣ?

„Берегитесь: вы напрашиваетесь на комплиментъ.“

— Нѣтъ, шутки въ сторону.

Тутъ пошли толки: иные называли m-me de Stael, другіе—Орлеанскую дѣву, третьи—Елизавету, англійскую королеву, m-me de Maintenon, m-me Roland и проч.

Молодой человѣкъ, стоявшій у камина (потому что въ Петербургѣ каминъ никогда не лишнее), въ первый разъ вмѣшался въ разговоръ.

— Для меня, сказалъ онъ, женщина самая удивительная — Клеопатра.

„Клеопатра“, сказали гости — „да, конечно!... Однако, почему жь?“

— Есть черта въ ея жизни, которая такъ врѣзалась въ мое воображеніе, что не могу взглянуть почти ни на одну женщину, чтобы тотчасъ не подумать о Клеопатрѣ.

„Что жь это за черта?“

— Не могу, мудрено рассказать.

„А что? развѣ неблагопрістойно?“

— Да, какъ почти все, что живо рисуетъ ужасные нравы древности.

„Ахъ, расскажите, расскажите!“

— Ахъ, нѣтъ, — не рассказывайте, прервала Вольская, вдова по разводу, опустивъ чопорно огненные свои глаза.

„Полноте“, вскричала хозяйка съ нетерпѣніемъ. Qui est-ce donc que l'on trompe ici? Вчера мы смотрѣли Antony, а вонъ тамъ, у меня на каминѣ, валяется la Physiologie du

Marriage. Нашли, чѣмъ насъ пугать... Неблагопристойно! Перестаньте насъ морочить, Алексѣй Ивановичъ! вы не журналистъ... Разкажите просто, что знаете про Клеопатру; однако, будьте благопристойны, если можно..."

Всѣ размѣялись. — Ей-богу, сказалъ молодой человекъ, я робѣю, я сталъ стыдливъ, какъ цензура... Ну, такъ и быть...

Надобно знать, что въ числѣ латинскихъ историковъ есть нѣкто Аврелій Викторъ, о которомъ, вѣроятно, вы никогда не слыхивали.

— Aurelius Victor? прервалъ Вершневъ, ³ который учился нѣкогда у иезуитовъ. Аврелій Викторъ — писатель IV столѣтія... Сочиненія его приписываются Корнелію Непоту и даже Светонію. Онъ написалъ книгу: *de viris illustribus* — о знаменитыхъ мужахъ города Рима. Знаю!

— Точно такъ, продолжалъ Алексѣй Ивановичъ; книжонка его довольно ничтожна, но въ ней находится то сказаніе о Клеопатрѣ, которое меня такъ поразило... и — что замѣчательно! -- въ этомъ мѣстѣ сухой и скучный Аврелій Викторъ силою выраженія равняется Тациту: „*Haec tantae libidinis fuit, ut saepe prostiterit: tantae pulchritudinis, ut multi noctem illius morte emerint*“.

— Прекрасно! воскликнулъ Вершневъ: это напоминаетъ мнѣ Саллюстія — помните? *Tantae...*

„Что жъ это, господа?“ сказала хозяйка: „ужъ вы изволите разговаривать по-латыни! Какъ это для насъ весело! Скажите, что значитъ ваша латинская фраза?“

— Дѣло въ томъ, что Клеопатра торговала своей красотой и что многіе купили ея ночи цѣною своей жизни.

„Какой ужасъ!“ сказали дамы. „Что же вы тутъ нашли удивительнаго?“

— Какъ что? Кажется мнѣ, Клеопатра была не пошлая кокетка и цѣнила себя не деньгами... кажется, одной Клеопатрѣ вошло въ голову оцѣнить себя такой цѣною... Я предлагалъ *⁴ сдѣлать изъ этого поэму etc.

Молодая графиня К., дурнушка, постаралась придать важное выраженіе своему носу, похожему на луковицу, воткнутую въ рѣпу, и сказала:

— Есть и нынче женщины, которыя цѣнятъ себя по дорожке.

Мужъ ея, польскій графъ, женившійся по расчету (го-

ворять, ошибочному), покраснѣлъ, потупилъ глаза и выпилъ свою чашку чаю.

„Что вы подѣ этимъ разумѣете, графиня?“ спросилъ молодой человѣкъ, съ трудомъ сдерживая улыбку.

— Я разумѣю, отвѣчала графиня К., что женщина, которая себя уважаетъ, которая... Тутъ она запуталась...

Вершневъ подоспѣлъ ей на помощь.

— Вы думаете, что женщина, которая себя уважаетъ, [не сдѣлаетъ подобнаго условія] не хочетъ смерти грѣшнику, — не такъ ли?..

III.

— Ахъ, расскажите, расскажите!

„Ахъ, нѣтъ, не рассказывайте!“ прервала Лидина, вдова по разводу, опутивъ чопорно огненные свои глаза.

— Полноте, вскричала хозяйка съ нетерпѣніемъ. Нашли, чѣмъ насъ пугать! Неблагопристойностью! Вчера въ театрѣ мы всѣ смотрѣли Антони, а вонъ тамъ, на каминѣ, валяется *la Physiologie du Mariage*. Алексѣй Иванычъ, перестаньте насъ морочить, расскажите намъ про Клеопатру. Однако, постарайтесь быть благопристойны.

„Ей-Богу“, сказалъ молодой человѣкъ, „я робѣю. Я сталъ благовоспитанъ какъ журналистъ и стыдливъ какъ цензура... Ну, такъ и быть. Извольте видѣть: въ числѣ латинскихъ историковъ есть нѣкто Аврелій Викторъ, о которомъ, вѣроятно, вы никогда не слыхивали.“

— Аврелій Викторъ? прервалъ Вершневъ, одинъ изъ тѣхъ людей, одаренныхъ убійственною памятью, которые все знаютъ и все читали, и которыхъ стоитъ только тронуть пальцемъ, чтобъ изъ нихъ полилась ихъ всемірная ученость. Знаю! Секвъ Аврелій Викторъ, писатель IV столѣтія; сочиненія его приписываются Корнелію Непоту и даже Светонію. Онъ написалъ, помнится, книгу *de viris illustribus*, о знаменитыхъ мужахъ Рима, книгу довольно сухую... Знаю.

„Такъ точно“, продолжалъ Алексѣй Иванычъ; „книжонка его довольно суха и ничтожна. Не помню, какимъ образомъ она мнѣ попалась. Но въ ней находится сказаніе о Клеопатрѣ, которое такъ меня поразило, и, что замѣчательно, — въ этомъ мѣстѣ Аврелій Викторъ, сухой и

скучный, силою выраженія равняется Тациту. Наес tantaе Iibidinis...“

— Прекрасно! воскликнулъ Вершневъ. Это напоминаетъ мнѣ фразу Саллюстія: tantaе contumeliae...

— Что это, господа? прервала хозяйка: вы ужь при дамахъ говорите по-латыни? а что значить по-русски ваша латынь?

„Дѣло въ томъ, что Клеопатра торговала своей красотою и что многіе изъ ея любовниковъ добровольно купили ночь ея цѣною своей жизни.“

— Какой ужасъ! сказали дамы.

„И только - то? И вы совѣстились намъ рассказать эту историческую черту?“ спросила хозяйка. „Но это ничего не значить въ сравненіи съ новыми романами. Но что же вы тутъ находите восхитительнаго?“

— Какъ что? Кажется, одной Клеопатрѣ вошло въ голову оцѣнить себя такою цѣною. [И что еще удивительнѣе, — она имѣла духъ получить условленную плату]. Я предлагалъ ** сдѣлать изъ этого поэму; онъ было и началъ, да бросилъ.

„И хорошо сдѣлалъ“, сказала одна дама.

— Что жь изъ этого хотѣлъ онъ извлечь? [спросилъ юноша] какая тутъ главная идея? не помните ли?

— [Если вамъ угодно, я расскажу. Я помню первые стихи]. Онъ начинаетъ описаніемъ пиршества въ садахъ царицы египетской. На берегу четвероугольнаго озера, выложеннаго мемфисскимъ мраморомъ, Клеопатра угощаетъ своихъ [друзей] поклонниковъ. Порфирные львы съ птичьими головами изливаютъ воду изъ позолоченныхъ клювовъ. Евнухи разносятъ вина Итали. Народъ тѣснится на порфирныхъ ступеняхъ. Гости на ложахъ изъ слоновой кости. Гремить сладострастная музыка. Сирійскій өиміамъ курится въ кадилъницахъ. Широкія опала навѣвають прохладу...

И вдругъ надъ чашей золотой

Она задумалась и долу

Поникла дивною главою...

Пиръ утихъ, будто задремалъ, гости въ недоумѣніи...

— „Этотъ предметъ должно бы доставить маркизѣ Жоржъ-Зандъ, такой же безстыдницѣ, какъ ваша Клеопатра. Она вашъ египетскій анекдотъ передѣлала бы на нынѣшніе нравы.“

— Невозможно! Не было бы никакого правдоподобія, Этого анекдотъ совершенно древній. Таковой торгъ нынче несбыточенъ, какъ сооруженіе пирамидъ, какъ римскія зрѣлища, игры гладиаторовъ и звѣрей.

„Отчего же несбыточенъ? Неужто между нынѣшними женщинами не найдется ни одной, которая на самомъ дѣлѣ захотѣла бы испытать то, что твердятъ ей поминутно любовники: что любовь ея была бы дороже имъ жизни?“

— Положимъ, это и любопытно было бы узнать; но какимъ образомъ можно сдѣлать это ученое испытаніе? Клеопатра имѣла всевозможные способы заставить должниковъ своихъ расплатиться. А мы? Вѣдь нельзя же такія условія написать на гербовой бумагѣ и засвидѣтельствовать въ гражданской палатѣ?

„Можно въ такомъ случаѣ положиться на честное слово.“

— Какъ это?

„Женщина можетъ взять съ любовника честное слово, что на другой день онъ застрѣлится.“

— Онъ на другой день уѣдетъ въ чужіе края, и она останется въ дурачѣ.

„Если онъ согласится остаться навѣкъ безчестнымъ въ глазахъ той, которую любить. Да и самое условіе неужели такъ тяжело? Развѣ жизнь уже такое сокровище, что ея цѣною жаль и счастье купить? Посудите сами: первый шалунъ, котораго я презираю, скажетъ обо мнѣ слово, которое не можетъ мнѣ повредить никоимъ образомъ, и я подставляю лобъ подъ его пулю. Я не имѣю права отказать въ этомъ удовольствіи первому забіякѣ, которому вздумается испытать мое хладнокровіе. И я стану трусить, когда дѣло идетъ о моемъ блаженствѣ? Что жизнь! Она отравлена уныніемъ, пустыми желаніями, и что въ ней, когда наслажденія ея истощены?“

— Неужели вы въ состояніи заключить такое условіе?

Въ эту минуту Лидина, которая во все время сидѣла молча, опустивъ глаза, быстро устремила ихъ на Алексѣя Иваныча.

„Если бъ я былъ истинно влюбленъ, то, конечно, не усомнился бы ни на одну минуту.“

— Какъ! Даже для такой женщины, которая бы васъ не любила? А та, которая согласилась бы на ваше пред-

ложеніе, ужь вѣрно бы васъ не любила. Одна мысль о такомъ звѣрствѣ должна уничтожить самую безумную страсть...

„Нѣтъ! Я въ ея согласіи видѣлъ бы одну только пылкость воображенія. А что касается до взаимной любви, то я ея не требую. Я люблю тебя: какое тебѣ до того дѣло?..“

— Перестаньте! Богъ знаетъ, что вы говорите. Такъ вотъ, чего вы не хотѣли рассказать. Конечно, всякій въ правѣ оцѣнить себя въ какую вздумаетъ цѣну; однако ваша Клеопатра не кстаети такъ дорожилась.

Разговоръ перемѣнился. Алексѣй Иванычъ сѣлъ подлѣ Лидиной, наклонился, будто разсматривая ея работу, и сказалъ ей въ полголоса:

— Что вы думаете объ условіи Клеопатры?

Лидина молчала. Алексѣй Иванычъ повторилъ свой вопросъ.

„Что вамъ сказать? Иная женщина дорого цѣнитъ себя; но мужчины девятнадцатаго столѣтія слишкомъ хладнокровны, благоразумны, чтобы заключать такія условія.“

— Вы думаете? сказалъ Алексѣй Иванычъ голосомъ вдругъ измѣнившимся. Вы думаете, что въ наше время въ Петербургѣ, здѣсь, найдется женщина, которая будетъ имѣть довольно гордости, довольно силы душевной, чтобы предписать любовнику условія Клеопатры?..

„Думаю; даже увѣрена...“

— Подумайте. Это было бы слишкомъ жестоко; болѣе жестоко, нежели самое условіе...

— Вы не обманываете меня? Скажите...

Лидина взглянула на него огненными, пронзительными глазами, и произнесла твердымъ голосомъ: нѣтъ!

Алексѣй Иванычъ всталъ и тотчасъ исчезъ.

IV.

Не смотря на великія преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться, кромѣ права ставить винительный вмѣсто родительнаго падежа послѣ частицы не ⁴ и кой-какихъ еще такъ называемыхъ стихотворныхъ вольностей, мы никакихъ особенныхъ преимуществъ за нашими стихотворцами не вѣдаемъ); какъ бы то ни было, не смотря на

всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвержены большимъ невздамъ и непріятностямъ. Не говорю о ихъ обыкновенномъ гражданскомъ ничтожествѣ и бѣдности, вошедшей въ пословицу; о зависти и клеветѣ братіи, коихъ они дѣлаются жертвами, если они въ славѣ; о презрѣніи и насмѣшкахъ, со всѣхъ сторонъ падающихъ на нихъ, если произведенія ихъ не нравятся. Но, кажется, что можетъ сравниться съ несчастіемъ, для нихъ неизбѣжнымъ, — разумѣмъ сужденія глупцовъ? Однакожъ, и это горе, какъ оно ни велико, не есть крайнимъ еще для нихъ. Зло само, горькое, самое нестерпимое для стихотворца, есть его званіе, прозвище, коимъ онъ заклеименъ и которое никогда его не покидаетъ. Публика смотритъ на него, какъ на свою собственность, считаетъ себя въ правѣ требовать отъ него отчета въ малѣйшемъ шагѣ. По ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея удовольствія и дышетъ для того только, чтобъ подбирать риѣмы. Требуютъ ли обстоятельства присутствія его въ деревнѣ — при возвращеніи его, первый встрѣчный спрашиваетъ его: „не привезли ли вы намъ чего нибудь новаго?“ Явится ль онъ въ армію, чтобъ взглянуть на друзей и родственниковъ, — публика требуетъ непременно отъ него поэмы на послѣднюю побѣду, и газетчики сердятся, почему долго заставляеть онъ себя ждать. Задумается ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ, о предположеніи семейственномъ, о болѣзни милаго ему человѣка — тотчасъ уже пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое восклицаніе: „вѣрно, изволите сочинять!“⁵ Влюбится ли онъ — красавица его нарочно покупаетъ себѣ альбомъ и ждетъ ужь элегіи. Приѣдетъ ли онъ къ сосѣду поговорить о дѣлѣ или просто для развлеченія отъ трудовъ, — сосѣдъ кличетъ своего сынка и заставляеть мальчишку читать стихи такого-то, и мальчишка самымъ жалостнымъ голосомъ пронзаеть стихотворца его жъ изуродованными стихами. А это еще называется торжествомъ! Каковы жъ должны быть невзгоды? Не знаю; но послѣднія легче, кажется, переносить.⁶ По крайней мѣрѣ, одинъ изъ моихъ пріятелей, извѣстный стихотворецъ, признавался, что сіи привѣтствія, вопросы, альбомы и мальчишки до такой степени бѣсили его, что поминутно принужденъ онъ былъ удерживаться отъ какой-нибудь грубости и твердить себѣ, что эти добрые люди не имѣли, вѣроятно, намѣренія вывести его изъ терпѣнія. Мой пріятель былъ самый простой и обыкновенный человѣкъ, хотя и

стихотворецъ. Когда находила на него такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе), то онъ запирался въ своей комнатѣ и писалъ въ постели съ утра до поздняго вечера, одѣвался наскоро, чтобъ пообѣдать въ рестораціи, выѣзжалъ часа на три; возвратившись, опять ложился въ постелю и писалъ до пѣтуховъ. Это продолжалось у него недѣли двѣ-три, много — мѣсяць, и случалось единожды въ годъ, всегда осенью. Пріятель мой увѣрялъ меня, что онъ только тогда и зналъ истинное счастье; остальное время года онъ гулялъ, читая мало и не сочиняя ничего, и слыша поминутно неизбѣжный вопросъ: скоро ли вы насъ подарите новымъ произведеніемъ пера вашего? Долго дожидалась бы почтеннѣйшая публика подарковъ отъ моего пріятеля, если бъ книгопродавцы не платили ему довольно дорого за его стихи. Имѣя поминутно нужду въ деньгахъ, пріятель мой печаталъ свои сочиненія и имѣлъ удовольствіе потому читать о нихъ печатныя сужденія (см. выше), что называлъ онъ въ своемъ энергическомъ простонарѣчьи — подслушивать у кабака, что говорятъ объ насъ холопья. ⁷

Пріятель мой происходилъ отъ одного изъ древнѣйшихъ дворянскихъ нашихъ родовъ, чѣмъ и тщеславился со всевозможнымъ добродушіемъ. Онъ столько же дорожилъ тремя строчками лѣтописца, въ коихъ упомянуто было о предкѣ его, какъ модный камеръ-юнкеръ — тремя звѣздами двоюроднаго своего дяди. ⁸ Будучи бѣденъ, какъ почти и все наше старинное дворянство, онъ, подымая носъ, увѣрялъ, что никогда не женится, или возьметъ за себя княжну Рюриковой крови, именно одну изъ княженъ Елецкихъ, коихъ отцы и братья, какъ извѣстно, нынѣ запашутъ сами и, встрѣчаясь другъ съ другомъ на своихъ бороздахъ, отряхаютъ сохи и говорятъ: „Богъ помочь, князь Антипъ! Сколько твое княжое здоровье сегодня напахало?“ — Спасибо, князь Ерема Авдѣевичъ. — Кромѣ этой маленькой слабости, которую, впрочемъ, относимъ мы къ желанію подражать лорду Байрону, продававшему также очень хорошо свои стихотворенія, пріятель мой былъ человѣкъ круглый, un homme tout rond, какъ говорятъ французы, homo quadratus, человѣкъ четырехугольный, по выраженію латинскому, — по нашему, очень хорошій человѣкъ.

Онъ не любилъ общества своей братьи-литераторовъ. Онъ, кромѣ весьма немногихъ, находилъ въ нихъ слишкомъ много притязаній, у однихъ — на колкость ума, у другихъ — на

пылкость воображенія, у третьихъ на—чувствительность, у четвертыхъ—на меланхолію, на разочарованность, на глубокомысліе, на филантропію, на мизантропію, иронию и проч. Иные казались ему скучными по своей глупости; другіе несносными по своему тону; третьи гадкими по своей подлости; четвертые опасными по своему двойному ремеслу; вообще—слишкомъ самолюбивыми и занятыми исключительно собою да своими сочиненіями. Онъ предпочиталъ имъ общество женщинъ и свѣтскихъ людей, которые, видя его ежедневно, переставали съ нимъ чиниться и избавляли его отъ разговоровъ о литературѣ и отъ извѣстнаго вопроса: „Не написали ли вы чего нибудь новенькаго?“

Мы распространились о нашемъ пріятелѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что онъ есть единственный литераторъ, съ которымъ удалось намъ коротко познакомиться; во-вторыхъ, что повѣсть, предлагаемая нынѣ читателю, слышана нами отъ него.

Сей отрывокъ составляетъ, вѣроятно, предисловіе къ повѣсти не написанной или потерянной. Мы не хотѣли его уничтожить... °

26 октября (1835).

Б.

Египетскія ночи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

„Quel est cet homme?“ — Ha, c'est un bien grand talent: il fait de sa voix tout ce qu'il veut. — „Il devrait bien, madame, s'en faire une culotte.“

Чарскій былъ одинъ изъ коренныхъ жителей Петербурга. Ему не было еще тридцати лѣтъ; онъ не былъ женатъ; служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывшій вице-губернаторомъ въ хорошее время, оставилъ ему порядочное имѣнiе. Жизнь его была очень прiятна; но онъ имѣлъ несчастiе писать и печатать стихи. Въ журналахъ звали его поэтомъ, а въ лакейскихъ — сочинителемъ.

Не смотря на великiя преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться, кромѣ права ставить винительный падежъ вмѣсто родительнаго послѣ частицы *не* и еще кой-какихъ, такъ называемыхъ, поэтическихъ вольностей, мы никакихъ особенныхъ преимуществъ за русскими стихотворцами не вѣдаемъ), какъ бы то ни было, не смотря на всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвержены большимъ невыгодамъ и неприяностямъ. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званiе и прозвище, которымъ онъ заклеименъ и кото-

рое никогда отъ него не отпадаетъ. Публика смотритъ на него, какъ на свою собственность; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея пользы и удовольствія. Возвратится ли онъ изъ деревни,—первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чего-нибудь новенькаго? Задумается ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ или о болѣзни милаго ему чело-вѣка,—тотчасъ пошлая улыбка сопровождаетъ пош-лое восклицаніе: „Вѣрно, что нибудь сочиняете?“ Влюбится ли онъ, — красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ и ждетъ ужь элегіи. Пріѣдетъ ли онъ къ чело-вѣку, почти съ нимъ незнакомому, поговорить о важномъ дѣлѣ, — тотъ ужь кличетъ своего сына и заставляетъ читать стихи такого-то, и мальчишка угощаетъ стихотворца его изуродованными стихами. А это еще цвѣты реме-сла! Каковы же должны быть невзгоды? Чарскій при-знавался, что прі-вѣтствія, запросы, альбомы и маль-чишки такъ ему надоѣдали, что поминутно онъ при-нужденъ былъ удерживаться отъ какой-нибудь гру-бости.

Чарскій употреблялъ всевозможныя старанія, что-бы сгладить съ себя несносное прозвище. Онъ избѣгалъ общества своей братаи — литераторовъ и предпочиталъ имъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ пустыхъ; но это не помогало ему. Разговоръ его былъ самый пошлый и никогда не касался литера-туры. Въ своей одеждѣ онъ всегда наблюдалъ самую послѣднюю моду, съ робостію и суевѣріемъ моло-дого москвича, въ первый разъ отъ роду пріѣхав-шаго въ Петербургъ. Въ кабинетѣ его, убранномъ какъ дамская спальня, ничто не напоминало писателя: книги не валялись по столамъ и подъ столами; ди-ванъ не былъ обрызганъ чернилами; не было того без-

порядка, который обличает присутствие музы и отсутствие метлы и щетки. Чарскій былъ въ отчаяніи, если ктонибудь изъ свѣтскихъ его друзей заставлялъ его съ перомъ въ рукахъ. Трудно повѣрить, до какихъ мелочей могъ доходить человекъ, одаренный, впрочемъ, талантомъ и душою. Онъ прикидывался то страстнымъ охотникомъ до лошадей, то отчаяннымъ игрокомъ, то самымъ тонкимъ гастрономомъ, хотя никакъ не могъ различить горской породы отъ арабской, никогда не помнилъ козырей и втайнѣ предпочиталъ печеный картофель всевозможнымъ изобрѣтеніямъ французской кухни.¹⁰

Онъ велъ жизнь самую разсѣянную; торчалъ на всѣхъ балахъ, объѣдался на всѣхъ дипломатическихъ обѣдахъ и былъ на всякомъ званомъ вечерѣ такъ же неизбѣжимъ, какъ Резановское мороженое. Однакожь, онъ былъ поэтъ, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе), Чарскій запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ съ утра до поздней ночи.

Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что только тогда и зналъ истинное счастье. Остальное время онъ гулялъ, чинясь и притворяясь, и слыша поминутно славный вопросъ: „Не написали ли вы чего-нибудь новенькаго?“

Однажды утромъ Чарскій чувствовалъ то благодатное расположеніе духа, когда мечтанія явственно рисуются передъ вами, и вы обрѣтаете живыя, неожиданныя слова для воплощенія видѣній вашихъ, когда стихи ложатся подъ перо ваше, и звучныя риѣмы бѣгутъ на встрѣчу стройной мысли.¹¹ Чарскій погруженъ былъ душою въ сладостное забвеніе... и свѣтъ, и мнѣнія свѣта, и его собственныя причуды для него не существовали. Онъ писалъ стихи.

Вдругъ дверь его кабинета скрипнула, и незнакомая голова челоѣка показалась. Чарскій вздрогнулъ и нахмурился.

„Кто тамъ?“ спросилъ онъ съ досадою, проклиная въ душѣ своихъ слугъ, никогда не сидѣвшихъ въ передней.

Незнакомецъ вошелъ. Онъ былъ высокаго росту, худощавъ и казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго его лица были выразительны; блѣдный, высокій лобъ, осыненный черными клоками волосъ, черные, сверкающіе глаза, орлиный носъ и густая борода, окружающая впалыя желто-смуглыя щеки, обличали въ немъ иностранца. На немъ былъ черный фракъ, побѣлѣвшій уже по швамъ; панталоны лѣтнія (хотя на дворѣ стояла уже глубокая осень); подъ истертымъ чернымъ галстукомъ на желтоватой манишкѣ блестялъ фальшивый алмазь; шершавая шляпа, казалось, видала и ведро, и ненастье. Встрѣтаясь съ этимъ челоѣкомъ въ лѣсу, вы приняли бы его за разбойника; въ обществѣ — за политическаго заговорщика; въ передней — за шарлатана, торгующаго эликсирами и мышьякомъ.

„Что вамъ надобно?“ спросилъ его Чарскій на французскомъ языкѣ.

— Signor, отвѣчалъ по-итальянски иностранецъ съ низкими поклонами: *Lei voglia perdonarmi se...* (простите меня великодушно, если...)

Чарскій не предложилъ ему стула и всталъ самъ; разговоръ продолжался на итальянскомъ языкѣ.

— Я неаполитанскій художникъ, говорилъ незнакомый: обстоятельства принудили меня оставить отечество; я пріѣхалъ въ Россію въ надеждѣ на свой талантъ.

Чарскій подумалъ, что итальянецъ собирается

дать нѣсколько концертовъ на віолончели и развозить по домамъ свои билеты. Онъ уже хотѣлъ вручить ему двадцать пять рублей и скорѣе отъ него избавиться, но незнакомецъ прибавилъ:

— Надѣюсь, *signor*, что вы сдѣлаете дружеское вспоможеніе своему собрату и введете меня въ дома, въ которые сами имѣете доступъ.

Невозможно было нанести тщеславію Чарскаго оскорбленія болѣе чувствительнаго. Онъ спѣсиво взглянулъ на того, кто назывался его собратомъ.

„Позвольте спросить, кто вы такой, и за кого вы меня принимаете?“ спросилъ онъ, съ трудомъ удерживая свое негодованіе.

Неаполитанецъ замѣтилъ его досаду.

— *Signor*, отвѣчалъ онъ, запинаясь, *ho creduto... ho sentito... la vostra eccellenza... mi perdonera...* (я осмѣлился думать, что... ваше превосходительство не сочтете дерзостію...)

„Что вамъ угодно?“ повторилъ сухо Чарскій.

— Я много слыхалъ о вашемъ удивительномъ талантѣ; я увѣренъ, что здѣшніе господа ставятъ за честь оказывать всевозможное покровительство такому превосходному поэту, отвѣчалъ итальянецъ: и потому я осмѣлился къ вамъ явиться...

„Вы ошибаетесь, *signor*“, прервалъ его Чарскій. „Званіе поэтовъ у насъ не существуетъ. Наши поэты не пользуются покровительствомъ господъ; наши поэты—сами господа, и если наши меценаты (чортъ ихъ побери!) этого не знаютъ,—тѣмъ хуже для нихъ. У насъ нѣтъ оборванныхъ аббатовъ, которыхъ музыкантъ бралъ бы съ улицы для сочиненія *libretto*. У насъ поэты не ходятъ пѣшкомъ изъ дому въ домъ, выпрашивая себѣ вспоможенія.¹² Впрочемъ, вѣроятно, вамъ сказали въ шутку, будто я великій

стихотворецъ.. Правда, я когда-то написалъ нѣсколько плохихъ эпиграммъ; но, слава Богу, съ господами стихотворцами ничего общаго не имѣю и имѣть не хочу“.

Бѣдный итальянецъ смутился. Онъ поглядѣлъ вокругъ себя. Картины, мраморныя статуи, бронзы, горогія игрушки, разставленныя на готическихъ этажеркахъ, поразили его. Онъ понялъ, что между надменнымъ dandy, стоящимъ передъ нимъ въ холатой парчевой скуфейкѣ, въ золотистомъ китайскомъ халатѣ, опоясанномъ турецкой шалью, и имъ, бѣднымъ, кочующимъ артистомъ, въ истертномъ галстухѣ и поношенномъ фракѣ — ничего не было общаго. Онъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ извиненій, поклонился и хотѣлъ выйти. Жалкій видъ его тронулъ Чарскаго, который, вопреки мелочамъ своего характера, имѣлъ сердце доброе и благородное. Онъ устыдился раздражительности своего самолюбія.

„Куда жь вы?“ сказалъ онъ итальянцу. „Постойте... Я долженъ былъ отклонить отъ себя незаслуженное титло и признаться вамъ, что я не поэтъ. Теперь поговоримъ о вашихъ дѣлахъ. Я готовъ вамъ услужить, въ чемъ только будетъ возможно. Вы музыкантъ?“

— Нѣтъ, eccellenza! отвѣчалъ итальянецъ: я бѣдный импровизаторъ.

„Импровизаторъ!“ вскрикнулъ Чарскій, почувствовавъ всю жестокость своего обхожденія. „Зачѣмъ же вы прежде не сказали, что вы импровизаторъ?“ и Чарскій сжалъ ему руку съ чувствомъ искренняго раскаянія.

Дружескій видъ его ободрилъ итальянца. Онъ простодушно разговорился о своихъ предположеніяхъ. Наружность его не была обманчива. Ему деньги

были нужны: онъ надѣялся въ Россіи кое-какъ поправить свои домашнія обстоятельства. Чарскій выслушалъ его со вниманіемъ.

„ Я надѣюсь“, сказалъ онъ бѣдному художнику, „что вы будете имѣть успѣхъ: здѣшнее общество никогда еще не слыхало импровизатора. Любопытство будетъ возбуждено. Правда, итальянскій языкъ у насъ не въ употребленіи: васъ не поймутъ; но это не бѣда; главное, чтобъ вы были въ модѣ“.

— Но если у васъ никто не понимаетъ итальянскаго языка, сказали, призадумавшись, импровизаторъ, — кто жь поѣдетъ меня слушать?

„Поѣдутъ, не опасайтесь; иные—изъ любопытства, другіе — чтобъ провести вечеръ какъ-нибудь, третьи — чтобъ показать, что понимаютъ итальянскій языкъ; повторяю, надобно только, чтобъ вы были въ модѣ; а вы ужь будете въ модѣ — вотъ вамъ моя рука“.

Чарскій ласково разстался съ импровизаторомъ, взялъ себѣ его адресъ и въ тотъ же вечеръ поѣхалъ за него хлопотать.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ.
Державинъ.

На другой день Чарскій въ темномъ и нечистомъ корридорѣ трактира отыскалъ 35-й номеръ. Онъ остановился у двери и постучался. Вчерашній итальянецъ отворилъ ее. „Побѣда!“ сказалъ ему Чарскій: „ваше дѣло въ шляпѣ. Княгиня ** даетъ вамъ свою залу; вчера на раутѣ я успѣлъ завербовать половину Петербурга; печатайте билеты и объявленіе. Ручаюсь вамъ если не за триумфъ, по крайней мѣрѣ — за барышъ...“

— А это главное, вскричалъ итальянецъ, изъ-являя свою радость живыми движеніями, свойственными южной его породѣ. Я зналъ, что вы мнѣ можете. *Contra di Vasso!* Вы поэтъ, такъ же какъ и я; а что ни говори, поэты славные ребята! Какъ изъ-явлю вамъ мою благодарность? Пойдите... хотите ли выслушать импровизацію?

„Импровизацію!.. развѣ вы можете обойтись и безъ публики, и безъ музыки, и безъ грома рукоплесканій?“

— Пустое, пустое! гдѣ найти мнѣ лучшую публику? Вы поэтъ: вы поймете меня лучше ихъ — и ваше тихое одобреніе дороже мнѣ цѣлой бури рукоплесканій... Садитесь гдѣ-нибудь и задайте мнѣ тему.

Чарскій сѣлъ на чемоданѣ (изъ двухъ стульевъ, находившихся въ тѣсной конуркѣ, одинъ былъ сломанъ, другой заваленъ бумагами и бѣльемъ). Импровизаторъ взялъ со стѣны гитару и сталъ передъ Чарскимъ, перебирая струны костлявыми пальцами и ожидая его заказа.

„Вотъ вамъ тема“, сказалъ ему Чарскій: „поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ“.

Глаза итальянца засверкали; онъ взялъ нѣсколько аккордовъ, гордо поднялъ голову, и пылкіе стихи — выраженія мгновеннаго чувства — стройно излетали изъ устъ его... Вотъ они, вольно переданные однимъ изъ нашихъ пріятелей со словъ, сохранившихся въ памяти Чарскаго... ¹³.

Итальянецъ умолкъ... Чарскій молчалъ, изумленный и растроганный.

— Ну, что? спросилъ импровизаторъ.

Чарскій схватилъ его руку и сжалъ ее крѣпко.
— Что? спросилъ импровизаторъ, каково?

„Удивительно!“ отвѣчалъ поэтъ. „Какъ! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха — и уже стала вашею собственностью, какъ будто вы съ нею носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно. Итакъ, для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого безпокойства, которое предшествуетъ вдохновенію? Удивительно, удивительно!..“

Импровизаторъ отвѣчалъ: „Всякій талантъ неизъяснимъ. Какимъ образомъ ваятель въ кускѣ каррарскаго мрамора видитъ сокрытаго Юпитера и выводитъ его на свѣтъ рѣзцомъ и молотомъ, раздробляя еге оболочку? Почему мысль изъ головы поэта выходитъ уже вооруженная четырьмя рѣзами, разнѣренная стройными, однообразными стопами? Никто, кромѣ самого импровизатора, не можетъ понять эту быстроту впечатлѣній, эту тѣсную связь между собственнымъ вдохновеніемъ и чуждой внѣшней волею; тщетно я самъ захотѣлъ бы это изъяснить. Однако... надобно подумать о моемъ первомъ вечерѣ. Какъ вы полагаете? Какую цѣну можно будетъ назначить за билетъ, чтобы публикѣ не слишкомъ было тяжело, и чтобы я, между тѣмъ, не остался въ накладѣ? Говорятъ, *la signora Catalani* брала по двадцати пяти рублей. Цѣна хорошая...“

Непріятно было Чарскому съ высоты поэзіи вдругъ упасть подъ лавку конторщика; но онъ очень хорошо понималъ житейскую необходимость и пустился съ итальянцемъ въ меркантильные расчеты. Итальянецъ при семъ случаѣ обнаружилъ такую дикую жадность, такую простодушную любовь къ прибыли, что онъ опротивѣлъ Чарскому, который поспѣшилъ его оставить, чтобы не совсѣмъ утратить

чувство восхищенія, произведенное въ немъ блестящею импровизаціею. Озабоченный итальянецъ не замѣтилъ этой переменѣны и проводилъ Чарскаго по корридору и по лѣстницѣ съ глубокими поклонами и увѣреніями въ вѣчной благодарности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Цѣна за билетъ 10 рублей; начало
въ 7 часовъ,

А ф и ш к а.

Зала княгини ** отдана была въ распоряженіе импровизатора; подмостки были сооружены; стулья разставлены въ двѣнадцать рядовъ. Въ назначенный день, съ семи часовъ вечера, зала была освѣщена; у дверей, передъ столикомъ для продажи и приѣма билетовъ, сидѣла старая долгоногая женщина, въ сѣрой шляпкѣ съ надломленными перьями и съ перстнями на всѣхъ пальцахъ. У подъѣзда стояли жандармы. Публика начала собираться. Чарскій приѣхалъ изъ первыхъ. Онъ принималъ большое участіе въ успѣхахъ представленія и хотѣлъ видѣть импровизатора, чтобъ узнать, всѣмъ ли онъ доволенъ? Онъ нашелъ итальянца въ боковой комнатѣ, съ нетерпѣніемъ по-сматривающаго на часы. Итальянецъ одѣтъ былъ театрално. Онъ былъ въ черномъ съ ногъ до головы. Кружевной воротникъ его рубашки былъ откинутъ; голая шея своею странной бѣлизною ярко отдѣлялась отъ густой и черной бороды; волоса, опущенными клоками, осѣняли его лобъ и брови. Все это очень не понравилось Чарскому, которому непріятно было видѣть поэта въ одеждѣ заѣзжаго фигляра. Онъ, послѣ короткаго разговора, возвратился въ залу, которая болѣе и болѣе наполнялась. Вскорѣ всѣ ряды креселъ были заняты блестящими дамами; муж-

чины стѣсненной рамою стали у подмостковъ, вдоль стѣнъ, за послѣдними стульями; музыканты, съ своими пюпитрами, занимали обѣ стороны подмостковъ. Посреди стояла на столѣ фарфоровая ваза; публика была многочисленна. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали начала; наконецъ, въ половинѣ осьмого, музыканты засуетились, приготовили смычки и заиграли увертюру изъ „Танкреда“. Все усѣлось и примолкло. Послѣдніе звуки увертюры прогремѣли... Импровизаторъ, встрѣченный оглушительнымъ плескомъ, поднявшимся со всѣхъ сторонъ, съ низкими поклонами приблизился къ самому краю подмостковъ.

Чарскій съ безпокойствомъ ожидалъ, какое впечатлѣніе произведетъ первая минута; но онъ замѣтилъ, что нарядъ, который показался ему такъ неприличенъ, не произвелъ того же дѣйствія на публику; самъ Чарскій не нашелъ ничего смѣшного въ итальянцѣ, когда увидѣлъ его на подмосткахъ, съ блѣднымъ лицомъ, ярко освѣщеннымъ множествомъ лампъ и свѣчъ. Плескъ утихъ, говоръ умолкъ... Итальянецъ, изъясняясь на плохомъ французскомъ языкѣ, просилъ господъ посѣтителей назначить нѣсколько темъ, написавъ ихъ на особыхъ бумажкахъ. При этомъ неожиданномъ приглашеніи всѣ молча поглядѣли другъ на друга, и никто ничего не отвѣчалъ. Итальянецъ, подождавъ немного, повторилъ свою просьбу робкимъ и смиреннымъ голосомъ. Чарскій стоялъ подъ самыми подмостками; имъ овладѣло безпокойство: онъ предчувствовалъ, что дѣло безъ него не обойдется и что онъ принужденъ будетъ написать свою тему. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дамскихъ головокъ обратились къ нему и стали вызывать его сперва вполголоса, потомъ громче и громче. Услыша имя его, импровизаторъ отыскалъ его глазами у своихъ

ногъ и подаль ему карандашъ и клочекъ бумаги съ дружескою улыбкою. Играть роль въ этой комедіи казалось Чарскому очень непріятно; но дѣлать было нечего: онъ взялъ карандашъ и бумагу изъ рукъ итальянца и написалъ нѣсколько словъ; итальянецъ, взявъ со стола вазу, сошелъ съ подмостковъ, поднесъ ее Чарскому, который бросилъ въ нее свою тему. Его примѣръ подѣйствовалъ: два журналиста, въ качествѣ литераторовъ, почли обязанностію написать каждый по темѣ; секретарь неаполитанскаго посольства и молодой человекъ, недавно возвратившійся изъ путешествія, бредя о Флоренціи, положили въ урну свои свернутыя бумажки. Наконецъ, одна некрасивая дѣвица, по приказанію своей матери, со слезами на глазахъ, написала нѣсколько строкъ по-итальянски и, покраснѣвъ по уши, отдала ихъ импровизатору, между тѣмъ какъ дамы смотрѣли на нее молча, съ едва замѣтною усмѣшкой. Возвратясь на свои подмостки, импровизаторъ поставилъ урну на столъ и сталъ вынимать бумажки одна за другою, читая каждую въ слухъ:

Семейство Ченчи (*La famiglia dei Cenci*).—*L'ultimo giorno di Pompeia*.—*Cleopatra e i suoi amanti*.—*La primavera veduta da una prigione*.—*Il trionfo di Tasso*.

„Что прикажетъ почтенная публика?“ спросилъ смиренный итальянецъ: „назначить ли мнѣ сама одинъ изъ предложенныхъ предметовъ, или предоставить рѣшить это жребію?..“

— Жребій! сказалъ одинъ голосъ изъ толпы; жребій, жребій! повторила публика.

Импровизаторъ сошелъ опять съ подмостковъ, держа въ рукахъ урну, и спросилъ: кому угодно будетъ вынуть тему? Импровизаторъ обвелъ умоляющимъ взоромъ первые ряды стульевъ. Ни одна изъ

блестящихъ дамъ, тутъ сидѣвшихъ, не тронулась. Импровизаторъ, не привыкшій къ сѣверному равнодушію, казалось, страдалъ... Вдругъ замѣтилъ онъ въ сторонѣ поднимающуюся ручку въ бѣлой маленькой перчаткѣ: онъ съ живостію обратился и подошелъ къ молодой, величавой красавицѣ, сидѣвшей на краю второго ряда. Она встала безъ всякаго смущенія и со всевозможною простотою опустила въ урну аристократическую ручку и вынула свертокъ. „Извольте развернуть и прочесть“, сказалъ ей импровизаторъ. Красавица развернула бумажку и прочла въ слухъ: „Cleopatra e i suoi amanti.“ Эти слова произнесены были тихимъ голосомъ; но въ залѣ царствовала такая тишина, что всѣ ихъ услышали. Импровизаторъ низко поклонился прекрасной дамѣ, съ видомъ глубокой благодарности, и возвратился на свои подмостки. „Господа!“ сказалъ онъ, обратясь къ публикѣ: „жребій назначилъ мнѣ предметомъ импровизаціи Клеопатру и ея любовниковъ. Покорно прошу особу, избравшую эту тему, пояснить мнѣ свою мысль: о какихъ любовникахъ здѣсь идетъ рѣчь, perché la grande regina n'aveva molto?...“

При сихъ словахъ многіе мужчины громко засмѣялись. Импровизаторъ немного смутился.

„Я желалъ бы знать“, продолжалъ онъ: „на какую историческую черту намекала особа, изображавшая эту тему?.. Я буду весьма благодаренъ, если угодно ей будетъ изъясниться“.

Никто не торопился отвѣчать. Нѣсколько дамъ обратили взоры на некрасивую дѣвушку, написавшую тему по приказанію своей матери. Бѣдная дѣвушка замѣтила это неблагоклонное вниманіе и такъ смущилась, что слезы повисли на ея рѣсницахъ... Чар-

скій не могъ этого вынести и, обратясь къ импровизатору, сказалъ ему на итальянскомъ языкѣ:

„Тема предложена мною. Я имѣлъ въ виду показаніе Аврелія Виктора, который пишетъ, будто бы Клеопатра назначила смерть цѣною своей любви, и что нашлись обожатели, которыхъ такое условіе не испугало и не отвратило. Мнѣ кажется, однако, что предметъ немного затруднителенъ... Не выберете ли вы другого?..“

Но уже импровизаторъ чувствовалъ приближеніе бога... Онъ далъ знакъ музыкантамъ играть. Лицо его страшно поблѣднѣло; онъ затрепеталъ, какъ въ лихорадкѣ; глаза его засверкали чуднымъ огнемъ; онъ приподнялъ рукою черные свои волосы, отеръ платкомъ высокое чело, покрытое каплями пота... и вдругъ шагнулъ впередъ, сложилъ крестомъ руки на грудь... музыканты умолкли... импровизація началась.

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ.
Сердца неслись къ ея престолу;
Но вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главою..

И пышный пиръ какъ будто дремлетъ;
Безмолвны гости; хоръ молчитъ;
Но вновь она чело подѣмлетъ
И съ видомъ яснымъ говоритъ:
„Въ моей любви для васъ блаженство;
„Блаженство можно вамъ купить...
„Внемлите мнѣ: могу равенство
„Межь вами я возстановить.
„Кто къ торгу страстному приступитъ?

„Свою любовь я продаю; ¹⁴
 „Скажите: кто межъ вами купить
 „Цѣною жизни ночь мою?“

Рекла — и ужась всѣхъ объемлетъ,
 И страстью дрогнули сердца...
 Она смущенный ропотъ внемлетъ
 Съ холодной дерзостью лица ¹⁵
 И взоръ презрительный обводитъ
 Кругомъ поклонниковъ своихъ...
 Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
 Вослѣдъ за нимъ и два другихъ:
 Смѣла ихъ поступь, ясны очи;
 Она навстрѣчу имъ встаетъ.
 Свершилось: куплены три ночи,
 И ложе смерти ихъ зоветъ.

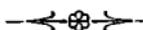
Благословенные жрецами,
 Теперь изъ урны роковой
 Предъ неподвижными гостями
 Выходятъ жребіи чредой:
 И первый — Флавій, воинъ смѣлый,
 Въ дружинахъ римскихъ посѣдѣлый;
 Снести не могъ онъ отъ жены
 Высокомѣрнаго презрѣнья;
 Онъ принялъ вызовъ наслажденья,
 Какъ принималъ во дни войны
 Онъ вызовъ яраго сраженья.
 За нимъ Критонъ, молодой мудрецъ,
 Рожденный въ рощахъ Эпикура,
 Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
 Харить, Киприды и Амура.—
 Любезный сердцу и очамъ,
 Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
 Послѣдній имени вѣкамъ
 Не передалъ. Его ланиты
 Пухъ первый нѣжно отгѣнялъ;
 Восторгъ въ очахъ его сіялъ;

Страстей неопытная сила
 Кипѣла въ сердцѣ молодомъ...
 И съ умиленіемъ на немъ
 Царица взоръ остановила.¹⁶

„Клянусь... о, матеръ наслажденій!
 „Тебѣ неслыханно служу:
 „На ложе страстныхъ искушеній
 „Простой наемницей схожу!
 „Внемли же, мощная Киприда,
 „И вы, подземные цари,
 „И боги грознаго Аида!
 „Клянусь, до утренней зари
 „Моихъ властителей желанья
 „Я сладострастно утолю,
 „И всѣми тайнами лобзанья
 „И дивной нѣгой утомлю!
 „Но только утренней порфирой
 „Аврора вѣчная блеснетъ,
 „Клянусь, подъ смертною сѣкирой
 „Глава счастливецъ упадетъ!“

И вотъ, уже сокрылся день,
 И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
 Александрійскіе чертоги
 Покрыла сладостная тѣнь;
 Фонтаны бьютъ, горятъ лампы,
 Курится легкій өиміамъ,
 И сладострастныя прохлады
 Земнымъ готовятся богамъ;
 Въ роскошномъ золотомъ покоѣ,
 Средь обольстительныхъ чудесъ,
 Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
 Блится ложе золотое...

.....



IX.

Русскій Пеламъ.

(Записки М*).

(1835).

Этот отрывокъ представляетъ начало романа, задуманнаго Пушкинымъ около 1835 г. Заглавіе: „Русскій Пеламъ“ взято отъ извѣстнаго въ свое время романа Бульвера: „Pelham, or the adventures of a gentleman“ (1828), въ которомъ, на фонѣ романическихъ приключеній двухъ друзей, Пельгама и лорда Гленвила, нарисована широкая картина современнаго автору англійскаго общества. Пушкинъ, видимо, увлекался мыслью воспользоваться этимъ приѣмомъ англійскаго романиста для изображенія жизни русскаго „свѣта“ первой половины 20-хъ гг. Онъ придумалъ романтическую интригу, основанную на борьбѣ между двумя двоюродными братьями, изъ которыхъ одинъ — человѣкъ честный, но слабохарактерный — терпитъ во всемъ неудачи, а другой — негодяй — преуспѣваетъ. Приключенія этихъ двухъ молодыхъ людей должны были привести ихъ въ соприкосновеніе съ различными представителями петербургскаго общества, которыхъ самъ Пушкинъ болѣе или менѣе близко зналъ; такимъ образомъ, въ романѣ „поззія“ должна была соединиться съ „правдой“, и это произведеніе, если бы Пушкину удалось довести его до конца, явилось бы чѣмъ-то вродѣ мемуаровъ самого автора объ эпохѣ, имъ пережитой. Но поэтъ остановился лишь на первой стадіи своего замысла: онъ успѣлъ набросать только небольшое вступленіе (рук. Моск. Муз. № 2387 Б), да пять отрывочныхъ и краткихъ программъ, смыслъ которыхъ теперь почти невозможно разгадать. Вотъ эти программы:

I.

Русскій Пеламъ — сынъ барина, воспитанъ французами. — Отецъ его *frivole* въ русскомъ родѣ. — Двоюродный братъ его... Пеламъ въ свѣтѣ — театръ, литераторы, картежники. — Онъ свидѣтель безчестія одного молодого человѣка. — Его дружба съ Ѳ. Орловымъ. Онъ помогаетъ

ему увезти любовницу — отказывается отъ игры фальшивой. — Братъ его въ игрѣ получаетъ пощечину; дуэль — братъ его струсилъ.

Θ. Орловъ увозитъ дѣвушку — ея несчастное положеніе — бѣдность — развратъ мужа — она влюбляется въ Пелама — связь ея съ нимъ — подозрѣнія мужа — смерть Θ. Орлова.

Пеламъ влюбляется въ женщину высшаго общества — Пеламъ въ большомъ обществѣ — любовь въ большомъ свѣтѣ — [Пеламъ ѣдетъ въ] — отецъ его умираетъ — Пеламъ въ деревнѣ — [Эпизодъ жены Θ. Орлова]. — Со-сѣди — жизнь русскихъ помѣщиковъ. — Слышитъ о свадьбѣ двоюроднаго брата — ѣдетъ въ Петербургъ. — Братъ его дѣлается ему врагомъ, чернить его въ глазахъ правительства. — Онъ высланъ изъ города — [Θ. Орловъ доходитъ до разбойничества — Пеламъ *son confident*] Онъ свидѣтель нападенія — онъ оправданъ самимъ Θ. Орловымъ.

II:

Пеламъ входитъ въ большой свѣтъ [влюбляется] и, на-скача имъ, вдается въ дурное общество.

Въ обществѣ актрисъ и литераторовъ встрѣчаетъ Θ. Орлова и съ нимъ дружится, отказывается отъ игры навѣрное, помогаетъ ему увезти дѣвушку.

Продолжаетъ свою безпутную жизнь — связь его съ танцоркой на счетъ гр. Завадовскаго.

Дуэль Θ. Орлова съ двоюроднымъ братомъ Шереметева [Несчастливая жизнь жены Θ. Орлова. — Орловъ доходитъ до нищеты и до разбойничества. Пеламъ узнаетъ обо всемъ — укрываетъ его у себя].

Пеламъ влюбляется — отецъ у него умираетъ — пере-мѣна его. Онъ ссорится съ танцоркой.

Онъ сватается, ему отказываютъ — онъ ѣдетъ въ деревню.

Разбой. — Доносъ. — Судъ. — Тайный непріятель. — Письмо къ брату, отвѣтъ Тартюфа. — Узнаетъ о свадьбѣ брата. — Отчаяніе.

Онъ [оправданъ] освобожденъ по покровительству Алек-сѣя Орлова и выѣхалъ изъ города.

Болезнь душевная — сплетни свѣта — уединенная

жизнь — Θ . Орловъ пойманъ въ разбоѣ, Пеламъ оправданъ и получаетъ позволеніе ѣхать въ Петербургъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Характеры. Всеволожскій и Орловъ. Отецъ и его любовница. Двоюродный братъ (выб...) Θ ед. Орловъ и Ал. Орловъ — Кочубей — дочь его — Кн. Шаховской, Ежова — Истомина, Грибоѣдовъ, Завадовскій — Домъ Всеволожскихъ — (Всевол. и Овошникова). — Котляревскій — Мордвиновъ, его общество — Хрущовъ. Общество умныхъ (Илья Долгоруковъ, Сергѣй Трубецкой, Никита Муравьевъ etc.).

Служба, юнкеръ гвардіи, офицеръ гвардіи. Нѣмецъ начальникъ. Отставка, долги, Неѣловъ, Шишкинъ.

Похороны отца — etc. Привычка къ роскоши. Обѣды литераторы — Ив. Козловъ.

Большое общество — семья Пашковыхъ etc.

Игроки. Орловъ, Павловъ.

III.

Исторія Θ ед. Ор. (un élégant, un Zavadovski), un mauvais sujet, des maîtresses, des dettes. Онъ влюбляется въ бѣдную вѣтреную дѣвушку, увозитъ ее (первыя годы роскошь), впадаетъ въ бѣдность, [cherche des distractions chez sa première maîtresse], devient escroc et duelliste, доходитъ до разбойничества, зарѣзываетъ Щепочкина, застрѣливается (или исчезаетъ).

Исторія Пельмова. Онъ знакомится съ Θ . Орловымъ dans la mauvaise société — помогаетъ ему увести дѣвушку, отказывается отъ фальшивой игры — на дуэли секундантомъ у него. Узнаетъ отъ него о убійствѣ Щепочкина, — devient l'exécuteur testamentaire de Θ . Орловъ — попадаетъ въ подозрѣніе. Онъ даетъ ломбард. билетъ [носитъ часы] Щепочкина. Обращается къ Ал. Орлову изъ крѣпости.

Эпизоды. (Уѣзжаетъ въ деревню — смерть отца его — эпизодъ крѣпостной любви).

Исторія брата его. Онъ зарывается въ канцеляріи — отрекается отъ своей матери — (является въ дурномъ обществѣ по страсти къ деньгамъ — получаетъ пощечину) — дѣлается врагомъ Пельмову, выходитъ въ люди (въ секретари Чуполея), преслѣдуетъ тайно своего брата — сватается

за его невѣсту и женится на ней. Мать его (княгиня Хованская) расточаетъ деньги. Всеволожскій... [его] для Норового, котораго обыгрываетъ шайка Θ . Орлова и который получаетъ пощечину etc.

Наталья Кочубей вступаетъ съ Пелымовымъ въ переписку, предостерегаетъ его etc.

Une danseuse — Пелымовъ съ нею знакомится, находитъ у ней Θ ед. Орлова.

Пелымовъ воспитанъ у отца 7-ю французами, нѣмцами, шведами, англичанами. — Отецъ имъ не занимается, но любить. Ссорится съ нимъ за Норового — отецъ назначаетъ ему 1000 въ годъ, и выгоняетъ его. Умираетъ въ нищетѣ — сынъ его хоронитъ — Батуринь (Пелымовъ) pour vivre traduit des vaudevilles. Шаховской, Ежова etc. etc.

IV.

I. Воспитаніе. Смерть матери. Явленіе княгини Хованской съ Наградскимъ, мои сшибки съ нимъ, его сплетни. Гувернеры. Жизнь отца; il reçoit bonne compagnie en fait d'hommes et mauvaise en fait de femmes. Я выхожу въ службу и въ свѣтъ.

II. Свѣтская жизнь петербургская [получаю часть моей матери], балы, скука большого свѣта, происходящая отъ бранчивости женщинъ; по примѣру молодежи удаляется въ холостую компанію, дружится съ Zavadovski; [Θ . Орловъ].

III. Общество Zavadovski — les parasites, les actrices — sa mauvaise réputation, il devient amoureux. Пелымовъ est son confident.

IV. Enlèvement. — Pelham devient aux yeux du monde un mauvais sujet. C'est alors qu'il est en correspondance avec Nathalie (Кочубей). Il recoit la première lettre au sortir de chez la Istomine qu'il console du mariage de Zavadovski.

V. La porte de Чоколей lui est refusé, il ne la voit qu'au théâtre; il apprend que son frère est secretaire du Чоколей (Чуполей)

VI. Vie splendide de Zavadovski — Il donne des diners et des bals. Embarras domestiques. Créanciers, jeu.

VII. Норовой et son duel.

VIII. Scène chez le père.

IX. Explication avec Zavadovski.

X. Pelham rompt avec Zavadovski.

V.

I. Continuation des amours de Pelham.

II. [Zav... brigand...] La femme de Zavadovski (misère), le mari devenu Θ. Орловъ. Ses nouveaux compagnons — leurs exploits. Ils arrêtent dans la rue Pelham. — Θ. Орловъ le reconnait et tourne la chose en plaisanterie.

Ce chapitre après la catastrophe.

III. Maladie, délaissement et mort du père de Pelham.

IV. Situation du frère.

V. Assassinat.

VI.

Въ этихъ наскоро набросанныхъ программахъ Пушкинъ обозначилъ дѣйствующихъ лицъ именами своихъ друзей и знакомыхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ всѣхъ выдающихся представителей петербургскаго общества двадцатыхъ годовъ; многіе изъ нихъ извѣстны и по другимъ произведеніямъ Пушкина или по его письмамъ (Федоръ и Алексѣй Федоровичи Орловы, Никита Всев. Всеволожскій, князь Шаховской, графъ В. П. Кочубей и его дочь (въ замуж. Строгонова), Грибоѣдовъ, декабристы, танцовщицы Истомина и Овошникова и др.), иные являются здѣсь въ первый разъ. Подробности объ этомъ романѣ см. въ статьѣ П. В. Анненкова: „Литературные проекты А. С. Пушкина“, Вѣстн. Евр. 1881, № 6, и С. И. Поварнина: „Русскій Пеламъ“, въ сборникѣ: „Памяти Пушкина“, препод. и слушат. ист.-фил. фак. Спб. унив., Спб. 1900, стр. 329—350.

Начало романа.

Я начинаю помнить себя съ самаго нѣжнаго младенчества; а вотъ сцена, которая живо сохранилась въ моемъ воображеніи.

Нянька приноситъ меня въ большую комнату, слабо освѣщенную. На постели, подъ зелеными занавѣсками, лежитъ женщина въ бѣломъ; отецъ мой беретъ меня на руки — рыдаетъ громко — бѣлая женщина цѣлуетъ меня и плачетъ; няня меня выносить, говоря: „Миша хочетъ бай, бай?“ Помню также большую суматоху, множество гостей; люди бѣгають изъ комнаты въ комнату. Солнце свѣтитъ во всѣ окошки, и мнѣ очень весело. Монахъ, съ золотымъ крестомъ на груди, благословляетъ меня; въ двери выносятъ красный гробъ. Вотъ все, что похороны матери оставили у меня въ сердцѣ. Она была женщина съ необыкновеннымъ умомъ и сердцемъ, какъ узналъ я послѣ, по разсказамъ людей, не знавшихъ ей цѣны.

Тутъ воспоминанія мои становятся сбивчивы. Я могу дать ясный отчетъ о себѣ не прежде, какъ ужъ съ осьмилѣтняго моего возраста. Но прежде долженъ я поговорить о моемъ семействѣ.

Отецъ мой былъ пожалованъ сержантомъ, когда еще бабушка была имъ брюхата.¹ Онъ воспитывался дома до осьмнадцати лѣтъ. Учитель его, М. Дерори, былъ простой и добрый старичекъ, очень хорошо

знавшій французскую орѳографію. Неизвѣстно, были ли у отца другіе наставники; но отецъ, кромѣ французской орѳографіи, кажется, ничего основательно не зналъ. Онъ женился, противъ воли родителей, на дѣвушкѣ, которая была старѣе его нѣсколькими годами; въ тотъ же годъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву. Старый Савельичъ, его камердинеръ, сказывалъ мнѣ, что первые годы супружества были счастливы. Мать моя успѣла примирить мужа съ его семействомъ, въ которомъ ее полюбили. Но легкомысленный и непостоянный характеръ отца моего не позволилъ ей насладиться спокойствіемъ и счастіемъ. Онъ вошелъ въ связь съ женщиной, извѣстной въ свѣтѣ своей красотой и любовными похождениями. Она для него развелась со своимъ мужемъ, который уступилъ ее отцу моему за десять тысячъ и потомъ обѣдывалъ у насъ довольно часто. Мать моя знала все — и молчала. Душевные страданія разстроили ея здоровье: она слегла и уже не вставала.

Отецъ имѣлъ пять тысячъ душъ, слѣдственно былъ изъ тѣхъ дворянъ, которыхъ покойный гр. Шереметевъ называлъ мелко-помѣстными, удивляясь отъ чистаго сердца, какимъ образомъ они могутъ жить! Дѣло въ томъ, что отецъ мой жилъ не хуже графа Шереметева, хотя былъ ровно въ 20 разъ бѣднѣе. Москвичи помнятъ еще его обѣды, домашній театръ и роговую музыку. Года два послѣ смерти матери моей, Анна Петровна Вирлацкая, виновница этой смерти, поселилась въ его домѣ. Она была, какъ говорится, видная баба, впрочемъ, уже не въ первомъ цвѣтѣ молодости. Мнѣ подвели мальчика въ красной курточкѣ съ манжетами, и сказали, что онъ мнѣ братецъ. Я смотрѣлъ на него во всѣ глаза.

Мишенька шаркнулъ направо, шаркнулъ налѣво и хотѣлъ поиграть моимъ ружьецомъ; я вырвалъ игрушку изъ его рукъ. — Мишенька заплакалъ, и отецъ поставилъ меня въ уголь, подаривъ братцу мое ружье.

Такое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. И въ самомъ дѣлѣ, пребываніе мое подъ отеческою кровлею не оставило ничего пріятнаго въ моемъ воображеніи. Отецъ, конечно, меня любилъ, но вовсе обо мнѣ не беспокоился и оставилъ меня на попеченіе французовъ, которыхъ безпрестанно принимали и отпускали. Первый мой гувернеръ оказался пьяницей; второй, человѣкъ неглупый и не безъ свѣдѣній, имѣлъ такой бѣшенный нравъ, что однажды чуть не убилъ меня полѣномъ за то, что я пролилъ чернила на его жилетъ; третій, проживши у насъ цѣлый годъ, былъ сумасшедшій, и въ домѣ тогда только догадались о томъ, когда пришелъ онъ жаловаться Аннѣ Петровнѣ на меня и на Мишеньку за то, что мы подговорили клоповъ всего дома не давать ему покою, и что сверхъ того чертенокъ повадился вить гнѣзда въ его колпакѣ. Прочіе французы не могли ужиться съ Анной Петровной, которая не давала имъ вина за обѣдомъ, или лошадей по воскресеньямъ; сверхъ того, имъ платили очень неисправно. Виноватымъ остался я: Анна Петровна рѣшила, что ни одинъ изъ моихъ гувернеровъ не могъ сладить съ такимъ несноснымъ мальчишкою.

Впрочемъ, и то правда, что не было у насъ ни одного, котораго бы въ двѣ недѣли по его вступленіи въ должность не обратилъ я въ домашняго шута; съ особеннымъ удовольствіемъ воспоминаю о жене-невцѣ, котораго увѣрилъ я, что Анна Петровна была въ него влюблена.

Надобно было видѣть цѣломудренное выраженіе

лица его, съ нѣкоторою примѣсю лукаваго кокетства, когда Анна Петровна косо поглядывала на него за столомъ, говоря вполголоса: „экой обжора!“

Я былъ рѣзвъ, лѣнивъ и вспльчивъ, но чувствителенъ и честолюбивъ, и ласкою отъ меня можно было добиться всего. Къ несчастію, всякій вмѣшивался въ мое воспитаніе, и никто не умѣлъ за меня взяться.

Надъ учителями я смѣялся и проказилъ; съ Анной Петровной бранился зубъ за зубъ; съ Мишенькой имѣлъ безпрестанныя ссоры и драки; съ отцомъ доходило часто дѣло до ручныхъ объясненій, которыя съ обѣихъ сторонъ оканчивались слезами. Наконецъ, Анна Петровна уговорила отца отослать меня за границу, въ университетъ. Я отправился; мнѣ тогда было пятнадцать лѣтъ. Университетская жизнь моя оставила мнѣ пріятныя воспоминанія, которыя, если ихъ разобрать, относятся къ происшествіямъ ничтожнымъ, иногда непріятнымъ; но молодость — великій чародѣй. Дорого бы я далъ, чтобъ сидѣть за кружкою пива, въ облакахъ табачнаго дыма, съ лубиною въ рукахъ и съ засаленной бархатной фуражкой на головѣ. Дорого бы я далъ за мою комнату, вѣчно полную народа, и Богъ знаетъ какого народа, за наши латинскія пѣсни, студенческіе поединки и ссоры съ филистрами.

Вольное университетское ученіе принесло мнѣ болѣе пользы, нежели домашніе уроки. Но вообще выучился я порядочно только фехтованію и дѣланію пунша. Изъ дому получалъ я деньги въ разные не положенные сроки. Это пріучило меня къ долгамъ и къ безпечности. Прошло три года, и я получилъ отъ отца изъ Петербурга приказаніе оставить университетъ и ѣхать въ Россію служить. Нѣсколько

словъ о разстроенномъ состояніи, о лишнихъ расходахъ, о перемѣнѣ жизни показались мнѣ странными; но я не обратилъ на нихъ большого вниманія. При отъѣздѣ моемъ далъ я прощальный пиръ, на которомъ поклялся быть вѣчно вѣрнымъ дружбѣ и человечеству и никогда не принимать должности цензора. На другой день, съ головою болью и съ книгою, отправился въ дорогу.

Х.

СЦЕНЫ ИЗЪ РЫЦАРСКИХЪ ВРЕМЕНЪ

и

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

Заглавіе: „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“ дано Посм. изданіемъ, въ которомъ эти сцены были впервые напечатаны, съ обычными неточностями и пропусками, по рукописи Моск. Муз. № 2384, гдѣ онѣ написаны въ пережку со статьей: „Мысли на дорогѣ“; въ той же тетради находятся стихотворенія: „Вновь я посѣтилъ...“ (II, 205) и „На выздоровленіе Лукулла“ (II, 203), а заключается она „Памятникомъ“ (II, 214); два листа, занятые сценой (29-й и 30-й), были изъ этой тетради вырваны и оказались въ бумагахъ А. А. Краевского, съ которыми поступили въ Имп. Публ. Б-ку. Такимъ образомъ, по времени написанія, эти сцены относятся къ 1835 году. П. В. Анненковъ (Мат., 380), замѣтивъ, что въ рукописи сцены не имѣютъ заглавія, вмѣсто котораго написано только: „Планъ“, прибавляетъ, что Пушкинъ, „вмѣсто того, чтобы изложить программу драмы въ описаніи, прямо началъ сцены — и, разъ начавъ, дописалъ ихъ. Такъ составились онѣ, не получивъ послѣдующаго развитія и представляя еще одинъ остовъ произведенія и сухость, свойственную плану вообще, хотя бы онѣ былъ и въ драматической формѣ“. Но Анненковъ не обратилъ вниманія на то, что въ рукописи сценамъ предшествуетъ еще программа:

„Un riche marchand de draps. Son fils — poète — amoureux d'une jeune demoiselle noble. Il fuit et se fait écuyer dans le château du père (de la demoiselle) — vieux chevalier. La jeune demoiselle le dédaigne. Le frère arrive avec un prétendant. Humiliation du jeune homme. Il est chassé par le frère, à la prière de la demoiselle.

„Il arrive chez le drapier. Colère et sermon du vieux bourgeois. Arrive frère Berthold. Le drapier le sermonne aussi. On saisit frère Berthold et on l'enferme en prison.

„Berthold en prison s'occupe d'alchimie. Il découvre la poudre. Révolte des paysans fomentée par le jeune poète. Siège du château. Berthold le fait sauter. Le chevalier —

la médiocrité personnifiée — est tué d'une balle. La pièce int par des réflexions et par l'arrivée de Faust sur la queue du diable (découverte de l'imprimerie — autre artillerie)*.

Такимъ образомъ, „планъ“ явился исполненіемъ уже намѣченной программы, — какъ бы второй степенью обработки драмы. Ея основная мысль, какъ можно видѣть изъ программы, состояла въ изображеніи борьбы средневѣковаго феодализма съ разрушительнымъ духомъ новаго времени, воплощеніемъ котораго является сначала изобрѣтатель пороха Бертольдъ Шварцъ, а затѣмъ — изобрѣтатель книгопечатанія, этой „другой артиллеріи“, чернокнижникъ Фаустъ. Этотъ новый духъ долженъ доставить побѣду васаламъ, угнетаемымъ рыцарями, и измѣнить строй общественныхъ отношеній...

Н. П. Демидовъ (въ Изв. Ак. Н. по отд. рус. яз. и слов., 1900, т. V, кн. 2, стр. 631 - 640) указаль любопытныя совпаденія нѣкоторыхъ сценъ пушкинскаго отрывка съ „Жакеріей“ Мериме.

Вслѣдъ за сценами мы помѣщаемъ, подъ заглавіемъ: „Драматическіе отрывки“, три наброска, изъ которыхъ первыя два напечатаны были Анненковымъ по рукописи, намъ неизвѣстной, а третій напечатанъ съ автографа у Шляпкина, стр. 44 - 45.

Въ той же рукописи Муз. № 2384 находимъ (л. 23) планъ большой фантастической драмы, сюжетомъ которой должна была послужить средневѣковая легенда о папессѣ Иоаннѣ:

Acte I. La papesse — fille d'un honnête artisan, étonné du son savoir. La mère vulgaire n'y voyant rien de bon. Gilbert (отецъ) invite un savant à venir voir sa fille — le prodige de famille. Préparatifs où la mère est seule à faire tout.

Jeanne devant St. Simon. Le savant (le démon de savoir) arrive au milieu de tout ce monde invité par Gilbert. Il ne parle qu'avec Jeanne et s'en va. Comméragе des femmes — joie du père — soucis et orgueil de la fille. Elle fait tout pour aller en Angleterre étudier à l'université.

Acte II. Jeanne à l'université sous le nom de Jean de Mayence. Elle se lie avec un jeune gentilhomme espagnol (amour, jalousie, duel — en récit). Jeanne soutient une thèse et est fait docteur.

Jeanne prier d'un couvent; règle austère qu'elle y établit. Le moines se plaignent.

Jeanne à Rome; cardinal. Le pape meurt; elle est faite pape.

Acte III. Jeanne commence à s'ennuyer. Arrive l'ambassadeur d'Espagne — son condisciple; leur connaissance. Elle le menace de l'Inquisition et lui d'un éclat. Il pénètre jusqu'à elle. Elle devient sa maîtresse. Elle accouche entre le Colisée et le couvent de. . Le diable l'emporte.

Пушкинъ, однакоже, оставилъ мысль объ этой драмѣ, приписавъ тотчасъ же вслѣдъ за программю: „Si c'est un drame, il rappellera trop le Faust; il vaut mieux en faire un poeme dans le style de Christabel *) ou bien en octaves“. Поэма также осталась не написанною.

Отмѣтимъ, кстати, что въ тетрадахъ болѣе ранняго времени также находятся наброски программы пьесы (а можетъ быть, — разсказа) изъ русской исторіи:

(Муз. № 2365, л. 59а). „Стрѣлецъ, влюбленный въ боярскую дочь — отказъ — приходитъ къ другу-заговорщику — вступаетъ въ заговоръ“.

(№ 2378, л. 45). „Софья во дворцѣ [монастырѣ]. — Нищія, скоморохъ. — Скоморохъ и старый раскольникъ. — Молодой стрѣлецъ; заговоръ“.

„Стрѣлецъ влюбляется въ Ржевскую, сватается, получаетъ отказъ; онъ становится унылъ; товарищъ открываетъ ему заговоръ; онъ объявляетъ обо всемъ правительницѣ. Софья принимаетъ его, какъ заговорщика; объясненіе; Софья — сваха, комедія у боярина“.

„Стрѣлецъ, сынъ стараго раскольника, видитъ Ржевскую въ окошко, переодѣтую горничной дѣвушкой, — сватается черезъ мамушку-раскольницу, получаетъ отказъ“.

„Полковникъ стрѣлецкій имѣетъ большое вліяніе на своихъ; Софья хочетъ его къ себѣ переманить“.

„Онъ разсказываетъ ей, какимъ образомъ онъ узналъ о заговорѣ...“

Софья. О чемъ же ты такъ печаленъ?

— Объ отказѣ.

— Я сваха.

— Но будь же, etc.

*) „Кристалль“ — неоконченная поэма Кольриджа (1816).

„Бунтъ стрѣлецкій, бояринъ спасенъ имъ, обѣщаетъ выдать за него дочь.

„Ржевская замужемъ. [Мать торопится], [выдаетъ ее за боярина] [думнаго дворянина].“

Любопытно, что въ этой программѣ, написанной въ тетради, гдѣ находятся черновыя „Арапа Петра Великаго“, повѣсти, посвященной прадѣду поэта Ганнибалу, находится фамилія прабабки поэта: Сара Юрьевна Ржевская, дочь одного изъ любимцевъ Петра Великаго, была замужемъ за Алексѣемъ Федоровичемъ Пушкинымъ; отъ этого брака родилась Марья Алексѣевна, вышедшая за Осипа Абрамовича Ганнибала, — мать Надежды Осиповны Пушкиной, матери поэта.

Мастерская Мартына.

МАРТЫНЪ. — Послушай, Францъ! въ послѣдній разъ говорю тебѣ, какъ отецъ: я долго терпѣлъ твои проказы, а долѣе терпѣть не намѣренъ. Уймись, или худо будетъ.

ФРАНЦЪ. — Помилуй, отецъ! за что ты на меня сердисься? Я, кажется, ничего не дѣлаю.

МАРТЫНЪ — Ничего не дѣлаю! то-то и худо, что ничего не дѣлаешь. Ты, лѣнивѣцъ, даромъ хлѣбъ ѣшь, да небо коптишь. На что ты надѣешься? На мое богатство? Да развѣ я разбогатѣлъ, сложа руки и сочиняя глупыя пѣсни? Какъ минуло мнѣ четырнадцать лѣтъ, покойный отецъ далъ мнѣ два крейсера въ руку, да два пинка въ *спину*, да примолвилъ: „Ступай-ка, Мартынъ, самъ кормиться, а мнѣ и безъ тебя тяжело.“ Съ той поры мы ужъ и не видались. Слава Богу, нажилъ я себѣ и домъ, и деньги, и честное имя — а чѣмъ? бережливостію, терпѣніемъ, трудолюбіемъ. Вотъ ужъ мнѣ и за пятьдесятъ, и пора бы ужъ отдохнуть, да тебѣ передать и счетныя книги, и весь домъ. А могу ли о томъ и подумать? Какую могу имѣть къ тебѣ довѣренность? Тебѣ бы только гулять съ господами, которые насъ презираютъ, да забираютъ въ долгъ товары.¹ Я знаю тебя: ты стыдишься своего состоянія. Но

слушай, Францъ: если ты не перемѣнишься, не останешься отъ дворянъ, да не примешься порядкомъ за свое дѣло, то, видитъ Богъ, выгоню тебя изъ дому, а своимъ наслѣдникомъ назначу Карла Герца, моего подмастерья.

ФРАНЦЪ. — Твоя воля, батюшка! дѣлай, какъ хочешь.

МАРТЫНЪ. — То-то же, смотри. (Входитъ братъ Бертольдъ).

МАРТЫНЪ. — Вотъ и другой сумасбродъ. Зачѣмъ пожаловаль?

БЕРТОЛЬДЪ. — Здравствуй, сосѣдъ. Мнѣ до тебя нужда.

МАРТЫНЪ. — Нужда! Опять денегъ?

БЕРТОЛЬДЪ. — Да... не можешь ли одолжить полтораста гульденовъ?

МАРТЫНЪ. — Какъ не такъ! Гдѣ мнѣ ихъ взять? Я вѣдь не кладъ.

БЕРТОЛЬДЪ. — Пожалуй, не скупись. Ты знаешь, что эти деньги для тебя не пропадшія.

МАРТЫНЪ. Какъ не пропадшія? Мало ли я тебѣ передавалъ денегъ? Куда онѣ дѣлись?

БЕРТОЛЬДЪ. — Въ дѣло пошли; но теперь прошу тебя ужъ въ послѣдній разъ.

МАРТЫНЪ. — Обѣ этихъ послѣднихъ разѣхъ я слышу ужъ не въ первый разъ.

БЕРТОЛЬДЪ. — Нѣтъ, право. Послѣдній мой опытъ не удался отъ бездѣлицы; теперь ужъ я все рассчиталъ: опытъ мой не можетъ не удался.

МАРТЫНЪ. — И это я слышу не впервые.

БЕРТОЛЬДЪ. — Сосѣды! не будь самъ себѣ врагомъ. Не потеряй случая сдѣлаться первымъ изъ земныхъ богачей.

МАРТЫНЪ. — Эхъ, Бертольдъ, Бертольдъ! Если

бъ ты не побросалъ въ алхимическій огонь всѣхъ денегъ, которыя прошли чрезъ твои руки, то былъ бы богатъ. Ты сулишь мнѣ сокровища, а самъ приходишь ко мнѣ за милостыней. Какой тутъ смыслъ?

ВЕРТОЛЬДЪ. — Золото мнѣ не нужно: я ищу одной истины.

МАРТЫНЪ. — А мнѣ чортъ ли въ истинѣ? мнѣ нужно золото.

ВЕРТОЛЬДЪ. — Такъ ты не хочешь повѣрить мнѣ еще?

МАРТЫНЪ. — Не могу и не хочу

ВЕРТОЛЬДЪ. — Такъ прощай же, сосѣдь.

МАРТЫНЪ. — Прощай.

ВЕРТОЛЬДЪ. — Пойду къ барону Раулю: авось дастъ онъ мнѣ денегъ.

МАРТЫНЪ. — Баронъ Рауль? Да гдѣ взять ему денегъ? Вассалы его разорены. А слава Богу, нынче на большихъ дорогахъ не такъ-то легко наживаться.

ВЕРТОЛЬДЪ. — Я думаю, у него деньги есть, потому что у герцога затѣвается турниръ, и баронъ туда отправляется. Прощай.

МАРТЫНЪ. — И ты думаешь, дастъ онъ тебѣ денегъ?

ВЕРТОЛЬДЪ. — Можетъ быть, и дастъ.

МАРТЫНЪ. — И ты употребишь ихъ на послѣдній опытъ?

ВЕРТОЛЬДЪ. — Непремѣнно.

МАРТЫНЪ. — А если опытъ не удастся?

ВЕРТОЛЬДЪ. — Нечего будетъ дѣлать. Если и этотъ опытъ не удастся, то алхимія вздоръ.

МАРТЫНЪ. — А если удастся?

ВЕРТОЛЬДЪ. — Тогда я возвращу ребѣ съ лихвой и благодарностью всѣ суммы, которыя занялъ у тебя, а барону Раулю открою великую тайну.

МАРТЫНЪ. — Зачѣмъ барону, а не мнѣ?

БЕРТОЛЬДЪ. — И радъ бы, да не могу: ты знаешь, что я обѣщался Пресвятой Богородицѣ раздѣлить мою тайну съ тѣмъ, кто поможетъ мнѣ при послѣднемъ и рѣшительномъ моемъ опытѣ.

МАРТЫНЪ. — Эхъ, отецъ Бертольдъ, охота тебѣ разоряться! Куда же ты? Пстой: ну, такъ и быть, на этотъ разъ дамъ тебѣ денегъ въ займы. Богъ съ тобою. Но смотри жь, сдержи свое слово: пусть этотъ опытъ будетъ послѣднимъ и рѣшительнымъ.

БЕРТОЛЬДЪ. — Не бойся, другого уже не понадобится.

МАРТЫНЪ. — Погоди же здѣсь; сейчасъ тебѣ вынесу... сколько, бишь, тебѣ надобно?

БЕРТОЛЬДЪ. — Полтораста гульденовъ.

МАРТЫНЪ. — Сто пятьдесятъ гульд... Боже мой, и еще въ какія крутыя времена!

Бертольдъ и Францъ.

БЕРТОЛЬДЪ. — Здравствуй, Францъ! О чемъ ты задумался?

ФРАНЦЪ. — Какъ мнѣ не задумываться? Сейчасъ отецъ грозился меня выгнать и лишить наслѣдства.

БЕРТОЛЬДЪ. — За что это?

ФРАНЦЪ. — За то, что я знакомство² веду съ рыцарями.

БЕРТОЛЬДЪ. — Онъ не совсѣмъ правъ, да и не совсѣмъ виноватъ.

ФРАНЦЪ. — Развѣ мѣщанинъ недостойнъ дышать однимъ воздухомъ съ дворяниномъ? Развѣ не всѣ мы произошли отъ Адама?

БЕРТОЛЬДЪ. — Правда, правда. Но видишь, Францъ, уже этому давно: Каинъ и Авель были родные

братья, а Каинъ не могъ дышать однимъ воздухомъ съ Авелемъ, и они не были равны передъ Богомъ. Въ первомъ семействѣ уже мы видимъ неравенство и зависть.

ФРАНЦЪ. — Виновать ли я въ томъ, что не люблю своего состоянія, что честь для меня дороже денегъ?

ВЕРТОЛЬДЪ. — Всякое состояніе имѣетъ свою честь и свою выгоду; мы мѣшаемъ той и другой, когда оставляемъ то состояніе, въ которомъ родились: дворянинъ воюетъ и красуется, мѣщанинъ трудится и богатѣетъ; рыцарь почтенъ на конѣ и въ замкѣ за рѣшеткою своей башни, но ему неприлично считать барыши. Купца почитаетъ народъ въ его лавкѣ, но онъ былъ бы смѣшонъ на турнирѣ.

МАРТЫНЪ (входитъ). — Вотъ тебѣ полтора ста гульденовъ; смотри же, тѣшу тебя въ послѣдній разъ.

ВЕРТОЛЬДЪ. — Благодаренъ, очень благодаренъ; не будешь раскаяваться.

МАРТЫНЪ. — Ну, а если опытъ твой тебѣ удастся, и у тебя будетъ и золота, и славы вдоволь, будешь ли ты спокойно наслаждаться жизнью?

ВЕРТОЛЬДЪ. — О, конечно! Я тогда займусь еще однимъ изслѣдованіемъ. Мнѣ кажется, есть средство открыть *perpetuum mobile*.

МАРТЫНЪ. — Что такое *perpetuum mobile*?

ВЕРТОЛЬДЪ. — *Perpetuum mobile* есть вѣчное движеніе. Если найду вѣчное движеніе, то я не вижу границъ творчеству человѣческому... Видишь ли, добрый мой Мартынъ: дѣлать золото -- задача заманчивая, открытіе, можетъ быть, любопытное и выгодное; но найти *perpetuum mobile*... о!..

МАРТЫНЪ. — Убирайся къ чорту съ твоимъ *per-*

petuum mobile... Ей Богу, отецъ Бертольдъ, ты хоть кого изъ терпѣнія выведешь. Ты требуешь денегъ на дѣло, а говоришь Богъ знаетъ что.

БЕРТОЛЬДЪ. — Экой онъ брюзга!

МАРТЫНЪ. — Экой онъ сумасбродъ!

(Расходятся въ разныя стороны).

2.

ФРАНЦЪ. (одинъ). — Чортъ побери наше состояніе! Отецъ у меня богатъ, а мнѣ какое дѣло? Дворянинъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ зазубреннаго меча да заржавѣвшаго шлема, счастливѣе и почетнѣе отца моего: отецъ мой сьмааетъ передъ нимъ шляпу, а тотъ и не смотритъ на него. Деньги! Потому что деньги достались ему не дешево, такъ онъ и думаетъ, что въ деньгахъ вся сила. Какъ не такъ! Если онъ такъ силенъ, попробуй отецъ ввести меня въ баронскій замокъ? Деньги! деньги рыцарю не нужны: на то есть мѣщане. Какъ прижметъ ихъ, такъ у нихъ и забрызжетъ кровь червонцами. Чортъ побери наше состояніе! Да по мнѣ лучше быть послѣднимъ минстрелемъ; этого, по крайней мѣрѣ, въ замкѣ принимаютъ; госпожа слушаетъ его пѣсни, наливаетъ ему чашу и подноситъ изъ своихъ рукъ.

Купецъ, сидя за своими книгами, считаетъ, считаетъ, клянется передъ всякимъ покупщикомъ: „Ей Богу, сударь, самый лучший товаръ, дешевле нигдѣ не найдете.“ — „Врешь ты, жидъ.“ — „Никакъ нѣтъ, честію васъ увѣряю...“ Честью! Хороша честь. А рыцарь? Онъ воленъ какъ соколъ, онъ никогда не горбился надъ счетами, онъ идетъ прямо и гордо; онъ скажетъ слово — ему вѣрятъ...

Да развѣ это жизнь? Чортъ ее побери! Пойду лучше въ минстрели. Однако, что это сказалъ Бертольдъ? Турниръ въ... и туда ѣдетъ баронъ... ахъ, Боже мой! тамъ будетъ и Клотильда. ³ Дамы обсядутъ кругомъ, трепеща за своихъ рыцарей; трубы затрубятъ, выступятъ герольды, рыцари объѣдутъ поле, преклоня копыя предъ благосклонной красавицей. Трубы опять затрубятъ, рыцари разъѣдутся, помчатся другъ на друга... дамы ахнутъ. Боже мой! и никогда не подыму я пыли на турнирѣ, никогда герольдъ не возгласитъ моего имени, презрѣннаго, мѣщанскаго имени, никогда Клотильда не ахнетъ... Деньги! кабы зналъ онъ, какъ рыцари презираютъ насъ, не смотря на наши деньги...

АЛЬБЕРТЬ (входитъ) — А! это Францъ. На кого ты раскричался?

ФРАНЦЪ. — Ахъ, господинъ рыцарь, вы меня слышали. Я самъ съ собою разсуждалъ.

АЛЬБЕРТЬ. — А о чемъ ты разсуждалъ самъ съ собою?

ФРАНЦЪ. — Я думалъ, какъ бы мнѣ попасть на турниръ.

АЛЬБЕРТЬ. — Ты хочешь попасть на турниръ?

ФРАНЦЪ. — Точно такъ.

АЛЬБЕРТЬ. — Ничего нѣтъ легче. У меня умеръ мой конюшій — хочешь ли на его мѣсто?

ФРАНЦЪ. — Какъ! бѣдный вашъ Яковъ умеръ! Отчего же онъ умеръ?

АЛЬБЕРТЬ. — Ей Богу, не знаю. Въ пятницу онъ былъ здоровешенекъ; вечеромъ воротился я поздно (я былъ въ гостяхъ и порядочно подпилъ); Яковъ сказалъ что-то... я разсердился и ударилъ его, помнится, по щекѣ, а можетъ быть и въ високъ... однако, нѣтъ: точно по щекѣ; Яковъ пога-

лился, да ужь и не всталъ. Я легъ, не раздѣвшись, а на другой день узнаю, что мой бѣдный Яковъ — умрѣ.

ФРАНЦЪ. — Ай, рыцарь! видно, пощечины ваши тяжелы.

АЛЬБЕРТЬ. — На мнѣ была желѣзная рукавица. Ну, что же, хочешь быть моимъ конюшимъ?

ФРАНЦЪ (почесывается). — Вашимъ конюшимъ?

АЛЬБЕРТЬ. — Что жь ты почесываешься? соглашайся. Я возьму тебя на турниръ, ты будешь жить у меня въ замкѣ. Быть оруженосцемъ у такого рыцаря, какъ я, не шутка: вѣдь это ужь ступень. Современемъ, какъ знать, тебя посвятимъ и въ рыцари; многіе такъ начинали.

ФРАНЦЪ. — И я буду жить у васъ въ замкѣ?

АЛЬБЕРТЬ. — Конечно. Ну, согласенъ, что ли?

ФРАНЦЪ. — Вы не будете давать мнѣ пощечинъ?

АЛЬБЕРТЬ. — Нѣтъ, нѣтъ, не бойся; а хотя и случится такой грѣхъ, что за бѣда? не всѣ-жь конюшіе убиты до смерти.

ФРАНЦЪ. — И то правда: коли случится такой грѣхъ, посмотримъ, кто кого...

АЛЬБЕРТЬ. — Что... что ты говоришь? Я тебя не понялъ.

ФРАНЦЪ. — Такъ, я думалъ самъ про себя.

АЛЬБЕРТЬ. — Ну, что же? соглашайся!

ФРАНЦЪ. — Извольте, согласенъ.

АЛЬБЕРТЬ. — Нечего было и думать. Достань же себѣ лошадь и приходи ко мнѣ.

ФРАНЦЪ. — А что скажетъ мой отецъ?

АЛЬБЕРТЬ. — А ему какое дѣло до тебя?

ФРАНЦЪ. — Онъ меня проклянетъ и наслѣдства лишитъ.

АЛЬБЕРТЪ. — А ты плюнь. Тебѣ же будетъ легче!..

3.

Замокъ рыцаря Альберта.

Берта и Клотильда.

КЛОТИЛЬДА. — Берта, мнѣ скучно; скажи мнѣ что-нибудь.

БЕРТА. — О чемъ же я буду вамъ говорить? Не о нашемъ ли рыцарѣ?

КЛОТИЛЬДА. — О какомъ рыцарѣ?

БЕРТА. — О томъ, который остался побѣдителемъ на турнирѣ.

КЛОТИЛЬДА. — О Ротенфельдѣ! Нѣтъ, я не хочу говорить о немъ; вотъ уже двѣ недѣли, какъ мы возвратились, а онъ и не думалъ приѣхать къ намъ; это съ его стороны неучтивость.

БЕРТА. — Погодите; я увѣрена, что онъ будетъ завтра.

КЛОТИЛЬДА. — Почему ты такъ думаешь?

БЕРТА. — Потому, что я его во снѣ видѣла.

КЛОТИЛЬДА. — И, Боже мой! Это ничего не значить; я всякую ночь вижу его во снѣ.

БЕРТА. — Это совсѣмъ другое дѣло: вы въ него влюблены.

КЛОТИЛЬДА. — Я влюблена! Прошу пустяковъ не выдумывать. Говори мнѣ о комъ-нибудь другомъ.

БЕРТА. — О комъ же? О конюшемъ брата, объ Францѣ?

КЛОТИЛЬДА. — Пожалуй, говори мнѣ хоть о Францѣ.

БЕРТА. — Вообразите, сударыня, что онъ отъ васъ безъ ума.

клотильда. — Франць отъ меня безъ ума? Кто тебѣ сказалъ?

берта. — Никто; я сама замѣтила: когда вы садитесь верхомъ, онъ всегда держитъ вамъ стремя; когда онъ служить за столомъ, онъ не видитъ никого, кромѣ васъ; если вы уроните платокъ, онъ всѣхъ проворнѣе его подыметъ, а на насъ и не смотритъ.

клотильда. — Или ты дура, или Франць дерзкая тварь.

(Входятъ Альбертъ, графъ Ротенфельдъ и Франць).

альбертъ. — Сестра! представляю тебѣ твоего рыцаря; графъ пріѣхалъ ночевать въ нашемъ замкѣ.

графъ. — Позвольте, благородная дѣвица, недостойному вашему рыцарю еще разъ поцѣловать ту прекрасную руку, изъ которой получилъ онъ драгоценную награду.

клотильда. — Графъ! я рада, что имѣю честь принимать васъ у себя. Братецъ! я буду васъ ожидать въ сѣверной башнѣ.

(Уходитъ).

графъ. — Какъ она прекрасна!

альбертъ. — Она предобрая дѣвушка. Графъ, что же вы не раздѣваетесь? гдѣ ваши слуги? Франць! разуй графа. (Франць медлитъ). Франць! развѣ ты глухъ?

франць. — Я не всемірный слуга, чтобы всякаго разувать.

графъ. — Ого, какой удалый.

альбертъ. — Грубіянь! (замахивается) Я тебя прогоню.

франць. — Я самъ готовъ оставить замокъ.

альбертъ. — Мужикъ, подлая тварь! Извините, графъ, я съ нимъ управлюсь. Вонъ!.. (Толкаетъ его въ спину). Чтобы духу твоего здѣсь не было!

ГРАФЪ. — Пожалуйста, оставь этого дурака; онъ, право, не стоитъ.

4.

КЛОТИЛЬДА. — Братецъ! мнѣ до тебя просьба.

АЛЬБЕРТЬ. — Чего ты хочешь?

КЛОТИЛЬДА. — Пожалуйста, прогони своего конюшаго, Франца: онъ осмѣлился мнѣ нагрубить...

АЛЬБЕРТЬ. — Какъ! и тебѣ?.. Жаль же, что я ужь его прогналъ; онъ отъ меня такъ скоро бѣ не отдѣлался. Да что же онъ сдѣлалъ?

КЛОТИЛЬДА. — Такъ, ничего. Если ты ужь его прогналъ, такъ нечего и говорить. Скажи, братецъ, долго ли графъ пробудеть у насъ?

АЛЬБЕРТЬ. — Думаю, сестрица, что это будетъ зависѣть отъ тебя. Что жь ты краснѣешь?..

КЛОТИЛЬДА. — Ты все шутишь, а онъ и не думаетъ.

АЛЬБЕРТЬ. — Не думаетъ? о чемъ же?

КЛОТИЛЬДА. — Ахъ, братецъ, какой ты несносный! Я говорю, что графъ обо мнѣ и не думаетъ.

АЛЬБЕРТЬ. — Посмотримъ, посмотримъ. Что будетъ, то будетъ.

5.

ФРАНЦЪ. — Вотъ нашъ домикъ... Зачѣмъ было мнѣ оставлять его для гордаго замка? Здѣсь я былъ хозяинъ, а тамъ — слуга... и для чего? Для гордыхъ взоровъ нагой, благородной дѣвицы. Я переносилъ униженіе, я унился въ собственныхъ глазахъ моихъ; я сдѣлался слугою того, кто былъ моимъ товарищемъ; я привыкъ сносить дѣтскія обиды глупаго, избалованнаго повѣсы; я не примѣчалъ ничего... Я,

который не хотѣлъ зависѣть отъ отца, я сталъ зависимъ отъ чужого. И чѣмъ все это кончилось? Боже! кровь кидается въ лицо, кулаки мои сжимаются... О, я самъ отомщу, отомщу... Какъ-то приметь меня отецъ? (Стучится).

КАРЛЬ (выходить). — Кто тамъ такъ стучить? А! Францъ, это ты. (Про себя). Вотъ чортъ принесъ!

ФРАНЦЪ. — Здравствуй, Карль; отецъ дома?

КАРЛЬ. — Ахъ, Францъ! давно же ты здѣсь не былъ. Отецъ твой съ мѣсяцъ какъ ужь померъ.

ФРАНЦЪ. — Отецъ мой умеръ! Невозможно!

КАРЛЬ. — Такъ-то возможно, что его и схоронили.

ФРАНЦЪ. — Бѣдный, бѣдный старикъ!.. И мнѣ не дали знать, что онъ боленъ; можетъ быть, онъ умеръ съ горести: онъ меня любилъ, онъ чувствовалъ сильно. Карль! и ты не могъ послать за мною? Онъ меня бы благословилъ.

КАРЛЬ. — Онъ осердился на прикащика и выпилъ сгоряча три бутылки пива, оттого и умеръ. Знаешь ли что еще, Францъ? Вѣдь онъ лишилъ тебя наслѣдства, а отдалъ все свое имѣнiе...

ФРАНЦЪ. — Кому?

КАРЛЬ. — Не смѣю тебѣ сказать... ты такой вспльчивый...

ФРАНЦЪ. — Знаю: тебѣ...

КАРЛЬ. — Богъ видитъ, я не виноватъ. Я готовъ былъ бы тебѣ все отдать... потому что, видишь ли, хоть законъ и на моей сторонѣ, однако, вотъ, по совѣсти чувствую, что все-таки сынъ — наслѣдникъ отца, а не подмастерье... Но, видишь, Францъ... я ждалъ тебя, а ты не приходилъ, я и женился; а вотъ теперъ, какъ женатъ, ужь я и не знаю, что дѣлать... и какъ быть.

ФРАНЦЪ. — Владѣй себѣ моимъ наслѣдствомъ, Карль; я у тебя его не требую. На комъ ты женился?

КАРЛЬ. — На Юліи Фурстѣ, мой добрый Францъ, на дочери Томаса Фурста, нашего сосѣда; я тебѣ ее покажу. Если хочешь остаться, то у меня есть по-рожній уголокъ...

ФРАНЦЪ. — Нѣтъ, благодарствую, Карль; кланяйся Юліи и, вотъ, отдай ей эту серебряную цѣпочку отъ меня, на память.

КАРЛЬ. — Добрый Францъ! Хочешь съ нами ото-бѣдать? Мы только что сѣли за столъ.

ФРАНЦЪ. — Не могу, я спѣшу...

КАРЛЬ. — Куда же?

ФРАНЦЪ. — Такъ, самъ не знаю; прощай.

КАРЛЬ. — Прощай, Богъ тебѣ помоги. (Францъ уходитъ). А какой онъ добрый малый, и какъ жаль, что онъ такой безпутный! Ну, теперъ я совершенно спокоенъ: у меня не будетъ ни тяжбы, ни хлопотъ!

6.

ВАССАЛЫ, вооруженные косами и дубинами.

Ходить во полѣ коса,
Золотая полоса
Вслѣдъ за ней ложится.
Ой, ходи, моя коса!
Сердце веселится.

ФРАНЦЪ. — Они пробѣдутъ черезъ эту лужайку: смотрите же, не робѣть; подпустите ихъ какъ можно ближе, продолжая косить. Рыцари на васъ гаркнутъ и наскочутъ; тутъ вы размахнитесь косами по лошадинымъ ногамъ, а мы изъ лѣсу и приударимъ .. Чу! вотъ они.

(Францъ съ частію вассаловъ скрывается за лѣсъ. Нѣсколько рыцарей, между ними Альбертъ и Ротенфельдъ).

РЫЦАРИ. — Гей, вы! долой съ дороги. (Вассалы снимають шляпы и не трогаются). Долой, говорятъ вамъ... Что это значить, Ротенфельдъ? Они ни съ мѣста.

РОТЕНФЕЛЬДЪ. — А вотъ, пришпоримъ лошадей, да потопчемъ ихъ порядкомъ.

КОСАРИ. — Ребята, не робѣть...

(Лошади, раненныя, падаютъ съ сѣдоками, другія бѣсятся).

ФРАНЦЪ (бросается изъ засады). — Впередъ, ребята! У! у!

ОДИНЪ РЫЦАРЬ. — Плохо, братъ, ихъ болѣе ста человѣкъ.

ДРУГОЙ. — Ничего, насъ еще пятеро верхомъ.

РЫЦАРИ. — Подлецы, собаки, вотъ мы васъ!

(Сраженіе. Всѣ рыцари падаютъ одинъ за другимъ. Вассалы ихъ бьютъ дубинами и косами).

ВАССАЛЫ. — У! у! у! Наша взяла!.. Теперь вы въ нашихъ рукахъ... Кровопійцы! разбойники! гордецы поганые!

ФРАНЦЪ. — Который изъ нихъ Ротенфельдъ? Друзья, поднимите забрала, гдѣ Альбертъ?

(Ѣдетъ другая толпа рыцарей).

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ. — Господа! посмотрите, что это значить? здѣсь дерутся.

ДРУГОЙ. — Это бунтъ: подлый народъ бьетъ рыцарей.

РЫЦАРИ. — Господа! господа! копыя въ упоръ, пришпоривай!

(Наѣхавшіе рыцари нападаютъ на вассаловъ).

ВАССАЛЫ. — Бѣда! бѣда! Это рыцари!..

ФРАНЦЪ. — Куда вы? оглянитесь, ихъ нѣтъ и десяти человѣкъ!..

(Онъ раненъ; рыцари его хватають за воротъ).

ОДИНЪ РЫЦАРЬ. — Постой, братъ, успѣешь имъ проповѣдать.

другой. — И эти подлая твари могли побѣдить благородныхъ рыцарей! Смотрите: одинъ, два, три, девять рыцарей убито. Да это ужасъ!

(Лежащіе рыцари встають одинъ за другимъ).

рыцари. — Какъ! вы живы?

альбертъ. — Благодаря желѣзнымъ латамъ... (Всѣ смѣются). Ага! Францъ, это ты, дружокъ? Очень радъ, что встрѣчаю тебя. Господа рыцари! благодаримъ за великодушную помощь.

одинъ изъ рыцарей. — Не за что; на нашемъ мѣстѣ вы сдѣлали бы то же самое.

альбертъ. — Смѣю ли просить васъ въ мой замокъ дня на три, отдохнуть послѣ сраженія и на досугъ попить?

рыцари. — Извините, что не можемъ воспользоваться вашимъ благороднымъ гостепріимствомъ: мы спѣшимъ на похороны эльсбергскаго принца и боимся опоздать.

альбертъ. — По крайней мѣрѣ, сдѣлайте мнѣ честь у меня отужинать.

рыцари. — Съ удовольствіемъ. Но у васъ нѣтъ лошадей: позвольте предложить вамъ нашихъ; мы сядемъ за вами, какъ освобожденныя красавицы (салятся). А этого молодца, такъ и быть, доведемъ до первой висѣлицы. Господа, помогите его привязать къ хвосту моей лошади.

7.

Замокъ Ротенфельда.

(Рыцари ужинають).

одинъ рыцарь. — Славное вино:

ротенфельдъ. — Ему болѣе ста лѣтъ... Прадѣдъ мой поставилъ его въ погребъ, отправляясь въ

Палестину, гдѣ и остался. Этотъ походъ ему стоилъ двухъ замковъ и ротенфельдской рощи, которую продалъ онъ за безцѣнокъ какому-то епископу.

рыцарь. — Славное вино! За здоровье благородной хозяйки!

рыцари. — За здоровье прекрасной и благородной хозяйки!

клотильда. — Благодарю васъ, рыцари. За здоровье вашихъ дамъ!

ротенфельдъ. — За здоровье нашихъ избавителей!

рыцари. — За здоровье нашихъ избавителей!

одинъ изъ рыцарей. — Ротенфельдъ! праздникъ вашъ прекрасенъ; но ему чего-то недостаетъ.

ротенфельдъ. — Знаю: кипрскаго вина; что дѣлать — все вышло на прошлой недѣлѣ.

рыцарь. — Нѣтъ, не кипрскаго вина: недостаетъ пѣсенъ миннезингера.

ротенфельдъ. — Правда, правда... Нѣтъ ли въ сосѣдствѣ миннезингера? Ступайте-ка въ гостиницу.

альбертъ. — Да чего жъ намъ лучше? Вѣдь Францъ еще не повѣшенъ: кликнуть его сюда!

ротенфельдъ. — И въ самомъ дѣлѣ, кликнуть сюда Франца.

рыцарь. — Кто этотъ Францъ?

ротенфельдъ. — Да тотъ самый негодяй, котораго вы взяли сегодня въ плѣнъ.

рыцарь. — Такъ онъ еще и миннезингеръ?

альбертъ. — О! все, что вамъ угодно. Вотъ онъ.

ротенфельдъ. — Францъ! Рыцари хотятъ послушать твоихъ пѣсенъ, если страхъ не отшибъ у тебя памяти, а голосъ еще не пропалъ.

ФРАНЦЪ. — Чего мнѣ бояться? Пожалуй, я вамъ спою пѣсню моего сочиненія. Голосъ мой не дрожить, и языкъ поворачивается.

РОТЕНФЕЛЬДЪ. — Посмотримъ, посмотримъ. Ну, начинай.

ФРАНЦЪ (поеть).

Жиль на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму, —
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему...

Съ той поры, сгорѣвъ душою
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

Онъ себѣ на шею четки
Вмѣсто шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ.

Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.

И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ, какъ по скаламъ
Мчались въ битву паладины,
Именуя громко дамъ, —

Lumen coeli, sancta Rosa!
 Восклицалъ онъ дикъ и рьянъ,
 И какъ громъ его угроза
 Поражала мусульманъ.

Возвратясь въ свой замокъ дальный,
 Жилъ онъ, строго заключенъ,
 Все безмолвный, все печальный,
 Какъ безумецъ умеръ онъ. ⁴

РОТЕНФЕЛЬДЪ. — Славная пѣсня! да она слишкомъ заунывна. Нѣтъ ли чего повеселѣе?

ФРАНЦЪ. — Извольте, есть повеселѣе.

РОТЕНФЕЛЬДЪ. — Люблю за то, что не унываетъ. Вотъ тебѣ кубокъ вина.

ФРАНЦЪ (поеть).

Воротился ночью мельникъ...
 „Жонка! Что за сапоги?“ —
 Ахъ ты, пьяница, бездѣльникъ!
 Гдѣ ты видишь сапоги?
 Иль мутить тебя лукавый?
 Это ведра. — „Ведра? Право?“
 „Вотъ ужь сорокъ лѣтъ живу,
 „Ни во снѣ, ни на яву
 „Не видалъ до этихъ поръ
 „Я нигдѣ на ведрахъ шпоръ.“ ⁵

РЫЦАРИ. — Славная пѣсня! Прекрасная пѣсня!
 Ай да Францъ!

РОТЕНФЕЛЬДЪ. — А все-таки тебя повѣшу.

РЫЦАРИ. — Конечно, пѣсня пѣснью, а веревка веревкой: одно другому не мѣшаетъ.

КЛОТИЛЬДА. — Рыцари! Я имѣю просьбу до васъ; общайтесь не отказать.

РЫЦАРИ. — Что изволите приказать?

одинъ. — Мы готовы во всемъ повиноваться.

клотильда. — Нельзя ль помиловать этого бѣднаго человѣка? Онъ уже довольно наказанъ и раной, и страхомъ висѣлицы.

ротенфельдъ. — Помиловать его!.. Да вы не знаете подлаго народа. Если не пугнуть ихъ порядкомъ, да пощадить ихъ предводителя, то они завтра же взбунтуются опять.

клотильда. — Нѣтъ, я ручаюсь за Франца. Францъ! Не правда ли, что если тебя помилуютъ, то уже болѣе бунтовать не станешь?

францъ (въ чрезвычайномъ смущеніи). — Сударыня... сударыня...

одинъ рыцарь. — Ну, Ротенфельдъ, чего дама требуетъ, въ томъ рыцарь отказать не можетъ. Надобно его помиловать.

всѣ рыцари. — Надобно его помиловать.

ротенфельдъ. — Такъ и быть: мы его не повѣсимъ, но запремъ его въ тюрьму, и даю мое честное слово, что онъ до тѣхъ поръ изъ нея не выйдетъ, пока стѣны замка моего не подымутся на воздухъ и не разлетятся.

рыцари. — Быть такъ...

клотильда. — Однако...

ротенфельдъ. — Клотильда! Я далъ честное слово.

францъ. — Какъ! вѣчное заключеніе! Да по мнѣ лучше умереть.

ротенфельдъ. — Твоего мнѣнія не спрашиваютъ. Отведите его въ башню...

(Франца ведутъ).

францъ. (уходя). — Однако жь, я ей обязанъ жизнію.

15 августа.

Драматическіе отрывки.

I.

тюремщикъ. — Отъ этихъ знатныхъ господъ покою нѣтъ и нашему брату, тюремщику. Простыхъ людей, слава Богу, мы вѣшаемъ каждую пятницу, и никогда съ ними никакихъ хлопотъ. Прочтутъ имъ приговоръ, священникъ причастить ихъ на скорую руку, — дадутъ бутылку вина; коли есть жена или ребятишки, коли отецъ или мать еще живы, вступишь ихъ на минуту, а чуть лишь слишкомъ завоютъ или заболтаются, такъ и вонъ милости просимъ. На разсвѣтъ придетъ за ними Жакъ-палачъ — и все кончено. А вотъ, посадили къ намъ графа Конрада, такъ я и жизни не радъ; я у него на посылкахъ. Принеси то-то, скажи то-то, кликни того-то. Начальство поминутно меня требуетъ: все ли у тебя исправно? да не ушелъ ли онъ? да не зарѣзался бы онъ? да доволенъ ли онъ? Чортъ побори знатныхъ господъ! А съ тѣхъ поръ, какъ судьи приговорили его къ смерти, такъ тюрьма моя сдѣлалась трактиромъ — ей Богу, трактиромъ. И друзья, и родня, и знакомые, — всѣ лѣзутъ съ нимъ прощаться; отпирай всякому, да смотри за всѣми, да не смѣй никого обидѣть, и хоть бы что нибудь въ руку перепало, — да нѣтъ, все народъ благородный, — свободенъ отъ всѣхъ податей. Право, ни на что не похоже, — слава Богу, что утромъ отрубятъ ему го-

лову! А уж эту ночь напляшемся (стучать). Это кто стучится? (Идетъ къ дверямъ и отворяетъ окошко). Что вамъ надобно?

СЛУГА (за дверью). — Отворяй, графиня съ дочерью!

ТЮРЕМЩИКЪ. — А гдѣ пропускъ?

СЛУГА (бросаетъ ему бумагу). — На! скорѣе жь, поворачивайся!

ТЮРЕМЩИКЪ. Сейчасъ, сейчасъ. Экая каторга!

(Отворяетъ двери. Входитъ графиня и дочь ея, обѣ въ черномъ платьѣ. Тюремщикъ имъ низко кланяется)

II.

— И ты тутъ былъ? Расскажи, какъ это случилось?

— Изволь; я только расплатился съ хозяиномъ и хотѣлъ уже выйти, какъ вдругъ слышу страшный шумъ, и графъ сюда входитъ со всей своей свитою. Я скорѣе снялъ шляпу, и по стѣнкѣ сталъ пробираться до дверей, но онъ увидѣлъ меня и спросилъ, что я за человѣкъ. „Я кровельщикъ Гаспаръ Дикъ, готовый къ вашимъ услугамъ, милостивый графъ,“ отвѣчалъ я съ поклономъ, и сталъ пятиться къ дверямъ; но онъ опять со мною заговорилъ, и безъ всякаго ругательства. — „А сколько ты зарабатываешь въ день, Гаспаръ Дикъ?“ — Я призадумался: зачѣмъ зтотъ вопросъ? На всякій случай я отвѣчалъ ему осторожно: „Милостивый графъ, день на день не похожъ: въ иной заработаешь пять и шесть копѣекъ, а въ другой ничего.“ — „А женатъ ли ты, Гаспаръ Дикъ?“ Я тутъ опять призадумался: зачѣмъ ему знать, женатъ ли я? Однако, отвѣчалъ ему смѣло: женатъ. — „И дѣти есть?“ — (Я рѣшился говорить

всю правду, ничего не утаивая). Тогда графъ оборотился къ своей свитѣ и сказалъ: „Господа! Я думаю, что будетъ ненастье; моя абервильская рана что-то начинаетъ ныть. Пospѣшимъ до дождя доѣхать; велите скорѣе сѣдлатъ лошадей.“

III.

ГРАФИНЯ (одна, держитъ письмо). — „Черезъ недѣлю буду въ Парижѣ непременно...“ Письмо отъ 12-го, сегодня 18-е; онъ пріѣдетъ завтра. Боже мой, что мнѣ дѣлать? (Входитъ Дорвиль).

ДОРВИЛЬ. — Здравствуйте, мой ангелъ! Каково вамъ сегодня? Послушайте, что я вамъ расскажу: умора!.. Что съ вами? Вы въ слезахъ!

ГРАФИНЯ. — Вы чудовище!

ДОРВИЛЬ. — Опять! Ну, что за бѣда? Все дѣло останется въ тайнѣ. Слава Богу, никто ничего не подозрѣваетъ: всѣ думаютъ, что у васъ водяная. На дняхъ все будетъ кончено. Вы, для виду, останетесь еще недѣль шесть въ своей комнатѣ, потомъ опять явитесь въ свѣтъ — и всѣ вамъ обрадуются.

ГРАФИНЯ. — Удивляюсь вашему краснорѣчію. А мужъ?

ДОРВИЛЬ. — Графъ ничего не узнаетъ. Мужья никогда ничего не узнаютъ. Мѣсяца черезъ три онъ пріѣдетъ къ намъ изъ арміи; мы примемъ его, какъ ни въ чемъ не бывало; одного боюсь: онъ въ васъ опять влюбится — и тогда...

ГРАФИНЯ. — Прочтите это письмо.

ДОРВИЛЬ. — Ахъ, Боже мой!

ГРАФИНЯ. — Нечего глаза таращить. Я пропала, — вы погубили меня.

дорвиль. — Ангель мой! Я въ отчаяніи, — что съ нами будетъ?

графиня. — Съ нами! Съ вами ничего не будетъ, а меня графъ убьетъ.

дорвиль. — Кто его звалъ? Какая досада!

графиня. — Досада! Вамъ досадно потому, что вамъ некуда будетъ ѣздить на вечеръ, пока не заведете себѣ другой любовницы, — баронессы д'Оврэ, напримѣръ. Несносная мигушка! (Передразниваетъ ее). Видите, что вы чудовище: я гибну, а вы смѣетесь!

дорвиль. — Я не допущу его до Парижа. Я поѣду навстрѣчу къ графу, мы поссоримся, я вызову его на дуэль и проколю его.

графиня. — Какой ужасъ! Я не позволю вамъ проколоть моего мужа. Онъ для меня былъ всегда такъ добръ. Я передъ нимъ кругомъ виновата, — я могла забыть всѣ свои обязанности, измѣнить ему... и для кого? Для изверга, который не посовѣстился... Оставьте меня; говорятъ вамъ, оставьте меня!

дорвиль. — Поѣзжайте въ свою деревню, въ Бретанію.

графиня. — Это зачѣмъ? Развѣ графъ за мною не поскочетъ?

дорвиль. — Скройте въ мой замокъ.

графиня. — Вотъ еще! А шумъ? А соблазнъ? Но, можетъ быть, вамъ того и надобно: вы хотите, чтобъ весь свѣтъ узналъ о моемъ безчестіи, — самолюбіе ваше того требуетъ.

дорвиль. — Какъ вы несправедливы! Но что же намъ дѣлать?

графиня. — Вотъ, до чего довели вы меня! Ахъ, Дорвиль! Я говорила вамъ, вы не хотѣли мнѣ вѣрить, вы поставили на своемъ; посмотрите, что

изъ этого вышло! Нечего ко мнѣ ласкаться, — по-
дите прочь. Дорвиль, Дорвиль! Перестаньте, вы
съ ума сошли!.. Ахъ, постойте: какая прекрасная
мысль!

дорвиль. — Что такое?

графиня. — Я умру со стыда, но нѣтъ иного
способа.

дорвиль. — Что жъ такое?

графиня. — Послѣ узнаете.



Примѣчанія.

Въ Рус. Стар. 1884, XLI, 654 - 655, по рук. Моск. Муз. № 2364, л. 57, и въ изд. Лит. Фонда, IV, 336, впервые напечатана одна изъ самыхъ раннихъ попытокъ Пушкина написать рассказъ въ прозѣ, въ которомъ, вѣроятно, должны были выступить дѣйствующими лицами „минутные друзья минутной молодости“ поэта. Попытка была брошена на первой же страницѣ и надолго затерялась въ старѣйшей по времени изъ извѣстныхъ намъ пушкинскихъ тетрадей. Приводимъ здѣсь этотъ отрывокъ, относящійся къ 1819 г.

У гусара ** [было дружеское собраніе]. Нѣсколько молодыхъ людей, по большей части—военные, [весело] проигрывали свое имѣніе поляку Ясунскому, который держалъ маленькій банкъ для проведения времени и важно передергивалъ по двѣ карты. Тройки, разорванные короли, загнутые валеты сыпались [на полъ и пыль] etc.

— Неужто два часа ночи? Боже мой, какъ мы засидѣлись! Не пора ли оставить игру? — сказала Викторъ N молодымъ своимъ товарищамъ. Всѣ бросили карты, встали изъ-за стола... Всякій, докуривая трубку, сталъ считать свой или чужой выигрышъ, и облака стираемаго мѣла смѣшивались съ дымомъ турецкаго табаку. Пospорили... и разѣхались.

— Поѣдемъ вмѣстѣ, не хочешь ли вмѣстѣ отужинать?—сказалъ Виктору вѣтрый Вельверовъ:—

я безъ ужина никакъ не могу обойтись, а ужинать могу только въ... *). Я познакомлю тебя съ очень милой дѣвченкой; ты будешь меня благодарить. — Викторъ одобрилъ эту похвальную привычку. Оба сѣли въ дрожки и полетѣли по мертвымъ улицамъ Петербурга.

Викторъ N...

I. Арапъ Петра Великаго (стр. 1—48).

¹ Герцогъ Филиппъ Орлеанскій, племянникъ Людовика XIV, былъ регентомъ Франціи во время малолѣтства Людовика XV, съ 1715 по 1723 г. Для характеристики этой эпохи и „оргій Пале-Рояля“ см. ст. проф. А. С. Трачевскаго: „Государственные висѣльники во Франціи и Петръ Великій“, въ Истор. Вѣстн. 1888, февр.

² Джонъ Ло (1671 - 1729), извѣстный финансистъ, основатель ассигнаціоннаго банка и американской акціонерной компаниі.

³ Герцогъ Ришелье (Луи-Франсуа-Арманъ Дюплесси, 1696 - 1788), двоюродный внукъ знаменитаго кардинала, маршалъ Франціи, типичный представитель французской знати XVIII вѣка. Его мемуары изданы въ 1793 г.

⁴ Аруэтъ (Jean-Marie Arouet) — Вольтеръ; Шолье — см. I, 441; Монтескье (1689 - 1755) — извѣстный политическій писатель и общественный дѣятель, авторъ „Персидскихъ писемъ“ (1721), „Разсужденій о причинахъ величія и упадка Рима“ (1734) и „Духа законовъ“ (1748); Фонтенель (1657 - 1757)—авторъ множества поэтическихъ, риторическихъ, историческихъ и философскихъ произведеній, изъ которыхъ особенною извѣстностью пользовались „Разговоры о множествѣ міровъ“, переведенные на рус. яз. кн. А. Д. Кантемиромъ.

⁵ Далѣе зачеркнуто: „Графиню почитаютъ, сказалъ онъ Ибрагиму, женщиной умной, холодной, имѣющей любовниковъ отъ нечего дѣлать. Это мнѣніе несправедливо. Она проста, имѣетъ пылкія чувства, и любовь—главное дѣло ея жизни. Въ обществѣ она разсѣяна и лѣнива. Это придаетъ какую-то заманчивость ея словамъ. Ея странные во-

*) Два слова не разобраны.

просы, загадочные отвѣты — вольно принимать за эпиграмматическія выходки или за глупости. Мы, т. е. близкіе ея пріатели, изъ дружбы прославили ея оригинальность и остроту. Впрочемъ, она — женщина самая добрая, самая милая. Познакомьтесь съ нею короче: вы ее полюбите и удостовѣритесь, что ограниченность ея ума почти незамѣтна отъ избытка простодушія и чувствительности*.

⁶ Далѣе зачеркнуто: „Цѣлый день онъ думалъ о графинѣ, слѣдовалъ сердцемъ за нею, казалось,—былъ свидѣтелемъ каждаго ея движенія, каждой ея мысли. Въ часы, когда онъ обыкновенно съ нею видался, онъ мысленно собирался къ ней, входилъ въ ея комнату, садился подлѣ нея, разговаривалъ съ нею,—и мечтаніе постепенно становилось такъ сильно, такъ ощутительно, что онъ совершенно забывался“.

⁷ Долгорукой, князь Яковъ Ѳедоровичъ (1659 - 1720), сенаторъ и генераль-кригсъ-коммисарь, предсѣдатель Ревизіонъ-коллегіи, строгій и неподкупный контролеръ казенныхъ суммъ. Его любимое выраженіе: „Царю правда—лучшій слуга. Служить, такъ не картавить; картавить, такъ не служить“. — Брюсъ, графъ Яковъ Вилимовичъ (1670-1735), одинъ изъ любимцевъ Петра В., фельдмаршалъ, участвовавшій во многихъ военныхъ дѣйствіяхъ и сопутствовавшій Петру въ заграничномъ путешествіи. Ему принадлежитъ столѣтній календарь съ предсказаніями, извѣстный подъ именемъ Брюсова календаря. Рагузинскій, графъ Сава Владиславлевичъ, извѣстный дипломатъ, заключившій съ Китаемъ нерчинскій договоръ, ум. 1738.

⁸ Девіеръ, графъ Антонъ Мануиловичъ (ум. 1745) — португалецъ, взятый Петромъ въ свою свиту въ Лондонѣ, сначала былъ денщикомъ царя, а потомъ — генераль-майоромъ и съ 1718 г.—петербургскимъ генераль-полицеймейстеромъ.

⁹ Шереметевъ, графъ Борисъ Петровичъ, фельдмаршалъ.—Головинъ, Автономъ Михайловичъ, помогалъ Петру въ устройствѣ регулярной арміи, былъ преображенскимъ полковникомъ; 18 лѣтъ (1700 - 1718) провелъ въ плѣну у шведовъ. Его братъ Иванъ, адмиралъ, вмѣстѣ съ Петромъ изучалъ морское дѣло въ Голландіи и въ 1722 г. сопровождалъ царя въ персидскомъ походѣ.

¹⁰ Бутурлинь, Александръ Борисовичъ (1694 - 1767)

въ 1720 г. взятъ былъ Петромъ въ денщики, сопровождалъ царя въ походахъ и пользовался большимъ его довѣріемъ.

¹¹ Ѳеофанъ Прокоповичъ (1681-1736), архіепископъ новгородскій, знаменитый проповѣдникъ, составитель „Духовнаго Регламентъ“, „Правды воли монаршей“ и пр.; Гавріиль Бужинскій (1680-1731)—также извѣстный проповѣдникъ, переводчикъ Пуффендорфа, книги „О должностяхъ челоуѣка и гражданина“ и пр.; Копіевичъ, Илья Ѳедоровичъ, амстердамскій пасторъ, занимавшійся, по порученію Петра, переводами разныхъ книгъ по астрономіи, навигаціи, военному искусству и политикѣ.

¹² Молодые блистали всею роскошью моды (1834); ¹³ блистало (1834); ¹⁴ блистали (1834); ¹⁵ чѣмъ (1834); ¹⁶ смѣясь и разговаривая (1834); ¹⁷ [Корсаковъ не могъ опомниться] (рук.); ¹⁸ за однимъ изъ сихъ столовъ (1834); ¹⁹ фамилія „Ржевскій“ принадлежала одному изъ предковъ Пушкина; но этого Ржевскаго, одного изъ любимцевъ Петра, звали не Гаврилой, а Юріемъ. ²⁰ плѣнный шведъ (1834); ²¹ перевести (1834); ²² воевода (1834); ²³ убоится (1834); ²⁴ катятъ (1834); ²⁵ слезы смѣха (1834); ²⁶ слуги разбѣгались, иные даже думали... (1834); ²⁷ наполнилъ (1834); ²⁸ здѣсь кончается отрывокъ, нап. въ изд. 1834 г.

²⁹ Далѣе зачеркнуто: „Слѣдуя во всемъ совѣтамъ государя, на другой день пріѣхалъ онъ къ Гаврилу Афанасьевичу и былъ принятъ какъ женихъ, хотъ и не могъ видѣть свою невѣсту. Ему сказали, что она ушиблась, прыгая неосторожно съ своими подружками. Съ тѣхъ поръ Ибрагимъ всякій день ѣздилъ къ своему будущему тестю и своимъ почтительнымъ и ласковымъ обхожденіемъ, кроткимъ и образованнымъ умомъ, во время болѣзни Натальи Гавриловны снискалъ не только дружество отца, но и уваженіе князя Лыкова и благосклонность доброй Татьяны Афанасьевны, которая не разъ со вздохомъ говорила своему брату: „Лучшаго жениха грѣхъ намъ и желать; а жаль, что онъ арапъ!“

II. Повѣсти Бѣлкина (стр. 49—142).

¹ Въ черновой рукописи предисловіе начиналось иначе: „Рукописное собраніе повѣстей, предлагаемыхъ нынѣ публикѣ, доставлено намъ М. И. Б., ближайшей родствен-

ницей и наслѣдницей покойнаго автора. Взявшись хлопотать объ изданіи книги, предлагаемой нынѣ публикѣ, мы желали"—и т. д.

² Мы возстановили названіе села „Горохинымъ“, измѣненное въ печати Пушкинымъ. См. ниже, введеніе къ „Ист. с. Горохина“.

³ Въ рукописи:

„Смерть его родителей, почти въ одно время приключившаяся, понудила его подать въ отставку и пріѣхать въ село Горохино, свою отчину. Описаніе пріѣзда его, почерпнутое мною изъ его рукописи, мнѣ имъ подаренной, полагая, что вамъ оно, какъ любителю, любопытно будетъ — здѣсь прилагаю“.

Къ этимъ словамъ, подъ чертой внизу страницы, сдѣлано примѣчаніе отъ лица издателя повѣстей: „Здѣсь выпущенъ довольно длинный отрывокъ изъ одного пространнаго рукописнаго сочиненія, нами пріобрѣтеннаго и которое надѣемся издать, если сии повѣсти благосклонно приняты будутъ публикой“... Очевидно, дѣло идетъ объ Исторіи села Горохина. Такъ и названа въ рукописи предисловія родина Бѣлкина; въ печати Пушкинъ поставилъ „Горюхино“.

⁴ Въ рукописи далѣе слѣдовало: ... „ни образомъ мыслей, ни нравомъ мы большею частью другъ съ другомъ не сходились. Въ доказательство сего приведу примѣръ. Передъ обѣдомъ, какая бы ни была погода, обыкновенно ѣзжу я верхомъ, или осматривая поля и работы, или просто прогуливаясь, или занимаясь охотой, что моему здоровію отменно полезно и даже необходимо. Иванъ Петровичъ не имѣлъ привычки къ верховой ѣздѣ, долго опасался слѣдовать моему примѣру и, наконецъ, рѣшился потребовать лошадь. Я приказалъ для него осѣдлать самую смирную изъ всей моей конюшни — и поѣхалъ шагомъ, ибо рысь могла показаться ему съ непривычки ѣздой слишкомъ опасною и безпокойною, къ тому же и лошадь отъ нея отвыкла. И. П. сидѣлъ довольно бодро и начиналъ уже приноравливаться къ движенію коня, какъ я, подѣхавъ къ ригѣ, на которой молотили, остановился поговорить со старостою. Слѣдуя моему примѣру, лошадь И. П. стала также, но онъ отъ внезапнаго сотрясенія потерялъ равновѣсіе, упалъ и расшибъ себѣ руку. Сіе несчастіе и смѣхъ, отъ коего не могъ я

воздержаться, не помѣшали ему и впредь сопровождать меня въ моихъ прогулкахъ, и впоследствии приобрѣлъ онъ нѣкоторый навыкъ въ верховой ѣздѣ, семь столь же полезномъ, какъ и благородномъ упражненіи.

„Иванъ Петровичъ вель жизнь самую умѣренную“, и т. д.

1. Выстрѣлъ (стр. 60—76).

⁵ Повѣсть Марлинскаго: „Вечеръ на бивуакѣ“ нап. въ „Полярн. Звѣздѣ“ 1823 г., стр. 326; но въ этой повѣсти нѣтъ цитированной Пушкинымъ фразы. Въ письмѣ къ Плетневу, написанномъ въ августѣ 1831, съ разными распоряженіями касательно изданія „Повѣстей Бѣлкина“, П. просилъ его разыскать этотъ эпиграфъ въ другомъ произведеніи Марлинскаго: „Романъ въ семи письмахъ“ („Пол. Зв.“ 1824), но тамъ его также не оказалось, — и Пушкинъ, чтобы выйти изъ затрудненія, просто самъ сочинилъ эпиграфъ, приписавъ его Марлинскому.

⁶ Извѣстное посланіе Давыдова къ Бурцову:

Бурцовъ, ера, забіяка,
Собутыльникъ дорогой!
Ради рома и арака
Посѣти домишко мой, и пр.

⁷ Словъ: „Наконецъ... добро есть“ нѣтъ въ изд. 1834.

⁸ Сраженіе подъ Скулянами происходило 27 іюня 1821 г. См. въ т. VII рассказъ „Кирджали“.

О повѣсти „Выстрѣлъ“ см. этуодъ Н. И. Черняева, въ книгѣ: „Крит. статьи и зам. о Пушкинѣ“, Харьк. 1900, стр. 92-143.

2. Метель (стр. 77—92).

⁹ Vive Henri quatre,
Vive ce roi vaillant!
Ce diable á quatre
Eût le triple talent:
De boire, de battre
Et d'être un vers-galant.

¹⁰ Комическая опера Николо Изуара: „Жокондъ или искатель приключеній“ имѣла огромный успѣхъ въ 1814 г. въ Парижѣ. Она переведена на русскій яз. П. А. Корсаковымъ и представлена въ первый разъ въ Петербургѣ

26 января 1815, съ В. М. Самойловымъ въ роли Жоконда. (Араповъ, Лѣт. рус. театра, 235).

¹¹ Романъ Руссо: „Юлія или Новая Элоиза“. Ср. письмо Онѣгина къ Татьянѣ, IV, 197.

О повѣсти „Метель“ см. этюдъ Н. И. Черняева, *op. cit.*, 233-292.

3. Гробовщикъ (стр. 93—102).

¹² Лавка гробовщика Адриана Прохорова дѣйстви- тельно находилась въ 1830 г. на Никитской ул., возлѣ того дома, гдѣ жила тогда невѣста Пушкина, Н. Н. Гончарова, съ матерью (см. письмо къ ней отъ 4 ноября 1830).

¹³ Разгуляя—мѣстность въ Москвѣ, близъ Басманной улицы, гдѣ прежде жилъ гробовщикъ.

¹⁴ Повѣсть Антонія Погорѣльскаго (псевдонимъ А. А. Перовскаго, 1789 - 1839): „Лафертовская Маковница“, напечат. въ „Новостяхъ Литературы“ 1825.

¹⁵ Выраженіе А. Е. Измайлова, въ сказкѣ: „Дура Па- хомовна“:

Явился въ лавочку Ѡадеичъ съ миной важной,
Съ сѣкирою, въ бронѣ сермяжной.

4. Станціонный Смотритель (стр. 103 — 118).

Вариантъ начала повѣсти, о которомъ сказано во введеніи (стр. 54):

„4 мая 1825 г. произведенъ я въ офицеры и получилъ повелѣніе отправиться въ полкъ, [въ кіевскую губернію], въ мѣстечко В.—9-го выѣхалъ изъ Петербурга.

„Давно ли я былъ еще кадетомъ? Давно ли будили меня въ 6 часовъ утра, давно ли я твердилъ [вокабулы] нѣмецкій урокъ при [безпрерывномъ] вѣчномъ шумѣ кор- пуса? Теперь я прапорщикъ, имѣю въ сумкѣ 475 рублей, дѣлаю, что хочу, и скачу на перекладныхъ въ мѣстечко В., гдѣ буду спать [сколько душъ будетъ угодно] до 8 час. и гдѣ уже никогда не молвлю ни единого нѣмецкаго слова. [Я все еще не могу привыкнутьъ къ этой тишинѣ]. Въ ушахъ моихъ все еще отзываются шумъ и крики играю- щихъ кадетовъ и однообразное жужжаніе прилежныхъ уче- никовъ, повторяющихъ вокабулы: [le laboureur — земле- дѣлецъ], le bluet, le bluet—василекъ, amaranthe—амарантъ, amaranthe, amaranthe...

„Теперь одинъ [звукъ колесъ, громъ моей] стукъ те-

лѣжки да звонъ колокольчика нарушаютъ [вокругъ меня мирное] окрестное безмолвіе... а все еще не могу привыкнуть къ этой тишинѣ. Дорогою изъ Петербурга [радостная мысль о превратностяхъ путешествія радовала меня. На всякой станціи смотрѣлъ я на движеніе] при мысли о моей свободѣ, объ удовольствіяхъ пути и приключеніяхъ, меня ожидающихъ, чувство несказанной радости, доходящее до восторга, наполняло мою душу... Успокоиваясь мало-помалу, наблюдалъ я движеніе переднихъ колесъ и дѣлалъ математическія исчисленія. Нечувствительнымъ образомъ сіе занятіе меня утомило, и путешествіе уже казалось мнѣ не столь пріятнымъ, какъ сначала. Я попытался - было завести рѣчь съ моимъ ямщикомъ, но онъ какъ будто избѣгалъ порядочнаго разговора, на вопросы мои отвѣчалъ одними: „Не можемъ знать, ваше благородіе, а Богъ знаетъ, а нешто...“ Пріѣхавъ на станцію, я отдалъ кривому смотрителю свою подорожную и потребовалъ скорѣе лошадей; но съ неизъяснимымъ неудовольствіемъ услышалъ я, что [всѣ] лошадей нѣтъ. Я заглянулъ въ почтовую книгу: отъ города ** до Петербурга ѣдущій VI класса чиновникъ съ будущимъ *) взялъ 12 лошадей, генеральша Б.—8, двѣ тройки пошли съ почтою, нашъ братъ прапорщикъ, какъ и я, взялъ остальные двѣ лошади. Я попытался подкупить его совѣсть, но онъ остался непоколебимъ и рѣшительно отвергнулъ мой двугривенникъ. На станціи стояла одна курьерская тройка, и смотритель не могъ мнѣ ее дать: если, паче чаянія, [прискочетъ] наскочетъ курьеръ или фельдъегеръ и не найдетъ лошадей, — то что тогда будетъ? Бѣда! Онъ можетъ лишиться мѣста, пойти по міру. Нечего дѣлать! Я покорился необходимости.

— „Угодно ли чаю или кофею?“ спросилъ меня смотритель. Я благодарилъ и занялся разсмотрѣніемъ картинъ, украшающихъ его смиренную обитель. [Онѣ изображали] Въ нихъ изображены были исторіи блуднаго сына. Въ первой почтенный старецъ въ колпакѣ и въ шлафрокѣ отпускаетъ безпокойнаго юношу, который [съ благодарностью] принимаетъ послѣшно его благословеніе и [кошелекъ] мѣшокъ съ деньгами. Въ другой [изображена роскошная жизнь, развратъ] изображено яркими чертами дурное пове-

*) См. II, 445.

деніе развратнаго молодого человѣка: онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и безстыдными женщинами; далѣе промотавшійся юноша въ французскомъ кафтанѣ и въ треугольной шляпѣ [и въ оборванномъ рубищѣ] пасеть свиней и [питается желудями] раздѣляетъ съ ними [желуди] трапезу. Въ его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе; онъ вспоминаетъ о домѣ отца своего, гдѣ послѣдній рабъ etc. Наконецъ, представлено возвращеніе [блуднаго сына] его къ отцу своему: добрый старикъ, въ томъ же колпакѣ и шлафроку, выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу, блудный сынъ стоитъ [предъ нимъ] на колѣнахъ, вдали поваръ убиваетъ упитаннаго тельца, и старшій братъ съ досадою вопрошаетъ о причинѣ таковой радости. Подъ картинками напечатаны нѣмецкіе стихи; [сколько я разумѣю, я читалъ] я прочелъ ихъ съ удовольствіемъ и списалъ, чтобъ на досугѣ перевести.

„Прочія картины не [удостоены почести] имѣютъ рамъ и прибиты къ стѣнѣ гвоздиками, [какъ изображающія погребеніе кота] такъ какъ по изображенію не стоятъ [обратить] вниманія [любителя художества] образованнаго человѣка и въ нравственномъ, и въ художественномъ отношеніи. Онѣ изображаютъ погребеніе кота, споръ краснаго носа съ сильнымъ морозомъ и тому подобное. Я сѣлъ подъ окно. Вижу никакого. [На улицѣ мужики на работѣ]. Тѣсный рядъ однообразныхъ избъ, прислоненныхъ [другъ къ другу] одна къ другой, [заборъ, осѣненный двумя-тремя рябинами] кое-гдѣ двѣ - три яблони, двѣ - три рябины, окруженная худымъ заборомъ *), отпряженная телѣга съ моимъ чемоданомъ и погребцомъ. День жаркій, ямщики разбрелись. На улицѣ [бѣгаютъ] играютъ въ бабки амуры златовласые, замаранные ребятишки. Противъ меня старуха сидитъ передъ избою, подгорюнившись. Изрѣдка поютъ пѣтухи. Собаки валяются на солнцѣ, или бродятъ, высунувъ языкъ и опустя хвостъ, [курица] да поросята съ визгомъ выбѣгаютъ изъ - подъ воротъ и мечутся въ сторону безо всякой видимой причины. Какая скука! Пойду въ поле гулять. Развалившійся колодезь и около его мелкая лужица; въ ней рѣзвятся желтенькіе [утенки] утята подъ надзоромъ глупой утки, какъ балованныя дѣти при французской мадамѣ.

*) Ср. IV, 224: „Иныя нужны мнѣ картины“, и пр.

Я пошелъ по большой дорогѣ: справа — тощей озимь, слѣва — кустарникъ и болото, кругомъ — плоское пространство, навстрѣчу — однѣ полосатыя версты *), [и между ими ничего въ небѣ], въ небесахъ — медленное солнце и кое-гдѣ облако. Какая скука! Дошедъ до третьей версты, возвращаюсь къ станицѣ] иду назадъ, удостовѣрясь, что до слѣдующей станціи осталось еще 22. Я сѣлъ опять подъ окномъ и спросилъ у [смотрительницы, толстой женщины] толстой работницы, которая [возилась около печки] бѣгала поминутно мимо меня то въ заднія сѣни, то въ чуланъ, — нѣтъ ли [какой книги] чего-нибудь почитать. Она принесла мнѣ [цѣлую кипу] нѣсколько книгъ; я обрадовался и кинулся съ жадностію ихъ разбирать, но тотчасъ успокоился, увидѣвъ затасканную азбуку и ариметику, изданную [въ пользу] для народныхъ училищъ. Сынъ смотрителя, [шалунъ] буянъ лѣтъ девяти, [играющій въ бабки съ маленькимъ ямщикомъ], обучался по нимъ, какъ говорила она, [нѣмецкому] всѣмъ наукамъ царскимъ, да выдралъ затверженные листы, за что [и досталось ему отъ отца] выдрали его за волосы, по закону естественнаго возмездія".

¹⁶ Далѣе зачеркнуто: „И теперь, при мысли о немъ, кажется, вижу ея томные глаза и вдругъ исчезнувшую улыбку; кажется, чувствую теплоту ея дыханія и свѣжее впечатлѣніе губокъ.

„Читатель вѣдаетъ, что есть нѣсколько родовъ любви. любовь чувственная, платоническая, любовь изъ тщеславія, любовь пятнадцати-лѣтняго сердца и проч.; но изо всѣхъ любовь дорожная — самая пріятная. Влюбившись на одной станціи, нечувствительно доѣзжаешь до другой, а иногда — и до третьей. Ничто такъ не сокращаетъ дороги. Воображеніе, ничѣмъ не развлеченное, вполнѣ наслаждается своими мечтаніями. Любовь безгорестная, любовь безпечная! Она живо занимаетъ насъ, не утомляя нашего сердца, и угасаетъ въ первомъ городскомъ трактирѣ“.

Тутъ же, сбоку, приписана программа: „Смотритель прогулка, фельдъегерь, дождикъ, коляска, gentleman, любовь, — родина...“

¹⁷ Повѣсть И. И. Дмитріева: „Отставной вахмистръ“.

*) Ср. II, 42: „Навстрѣчу мнѣ только версты полосаты попадаютъ однѣ“.

¹⁸ Съ этимъ изображеніемъ кладбища проф. Шляпкинъ („Изъ неизд. бум.“, 13-14) сопоставляетъ слѣдующій черно-вой набросокъ, найденный имъ въ подлинникѣ и неточно напечатанный Анненковымъ (см. I, 381 и II, 596):

Стою печалень, на кладбище
Гляжу кругомъ, — обнажено
Святое смерти пепелище,
И степью лишь окружено.
И мимо вѣчнаго ночлега *)
Дорога сельская лежитъ;
По ней рабочая телѣга
[Могилы пылить и] стучить.

Первоначальные варианты этого наброска:

Послѣднее мірское пепелище,
Таинственный, привѣтливый ночлегъ,
Поклонъ тебѣ, печальное кладбище...

.....

Неогражденное кладбище,
Ночлегъ усопшихъ поселянь,
Святое смерти пепелище

.....

...влѣво

Лежитъ широкая дорога
по рубежу могилъ,

Ни деревца, ни ручейка,
Ни хоть березы, гдѣ бы дѣва
Могла...

[Однообразныя] могилы
И деревянные кресты,
Однообразны и унылы...
Вездѣ равнина, — справа, слѣва,
Ни рѣчки, ни холма, ни древа,
Кой-гдѣ чуть... кусты...

5. Барышня-крестьянка (стр. 119—142).

¹⁹ Жанъ-Поль (Фридрихъ Рихтеръ, 1763-1825), одинъ изъ выдающихся представителей нѣмецкаго романтизма, авторъ романовъ: „Невидимая ложа“, „Зибенкейзъ“, „Гесперусъ“, „Титанъ“, „Годы испытаній“ и др.

*) [И вдоль послѣдняго], [И мимо тайнаго] ночлега.

³⁰ Памела романъ Ричардсона, гдѣ героемъ является Грандисонъ (см. Евг. Онѣгина).

III. Исторія села Горохина (стр. 143—169).

¹ „Письмовникъ“ составл. Н. Г. Кургановымъ, см. II, 471.

² Драма Августа фонъ-Коцебу (1761-1819), плодовитаго нѣмецкаго писателя, пользовавшагося у насъ въ началѣ XIX вѣка большимъ успѣхомъ.

³ Далѣе зачеркнуто: „Старинное вступленіе: Пою, или О, муза справедливо казалось мнѣ рабскимъ подражаніемъ, недостойнымъ свободнаго, оригинальнаго генія. Что касается до размѣра, то, не учившись никогда версификаціи, но получивъ нѣкоторый навыкъ, переписывая стишки, я избралъ тотъ, которому болѣе всего...“

⁴ Тверской бульваръ и Прѣсенскіе пруды были въ началѣ XIX вѣка излюбленными мѣстами прогулокъ московской аристократической публики. Въ ту пору въ Москвѣ ходили по рукамъ сатирическіе куплеты, въ которыхъ изображались разные, всѣмъ извѣстные, представители этой публики; куплеты были очень длинны и постоянно пополнялись новыми. Кое-что изъ нихъ напечатано въ книгѣ М. И. Пыляева: „Старая Москва“ (Спб. 1891, стр. 513-530 и 532-540). Вотъ, напр., начало стиховъ „на бульварѣ“:

Жаль разстаться мнѣ съ бульваромъ,
Туда нехотя идешь,
Тамъ на милыхъ смотришь даромъ
И утѣхи даромъ рвешь.
Вездѣ группою прекрасны
Представляются глазамъ.
О, сколь стрѣлы ихъ опасны
И сколь пагубны сердцамъ!
Тамъ въ зелененькомъ корсетѣ
Тихо Дурова идетъ,
Ее въ плисовомъ жилетѣ
Братецъ подъ руку ведетъ, и пр.

Стихи „На Прѣсенскіе пруды“ начинались такъ:

Я приду къ прудамъ широкимъ,
То къ сему, къ тому приду,

И съ почтеніемъ глубокимъ
 Ницъ Валуеву паду *).
 Тамъ мы слушаемъ каскады,
 Здѣсь лѣсокъ къ себѣ манить,
 За усталость ногъ награду
 Часто мягкій лугъ дарить.
 Но милѣй лѣсковъ и луга
 Женщинъ-бабочекъ здѣсь рой:
 Между нихъ любовь-подруга
 Поздней тащится порой, и т. д.

⁵ Всеобщая Исторія, см. I, 634.

⁶ Сначала написано было: „2400 десятин“, а далѣе зачеркнуто: „Издревле славилась она своимъ плодородіемъ, благораствореннымъ климатомъ и пріятностію видовъ“.

⁷ Первоначально было: „Однакожь россіянину легче понять горохинца, нежели обратно, горохинцу — русскаго, особенно воспитаннаго въ ** университетѣ“.

IV. Орывки и наброски неоконченныхъ повѣстей (стр. 171—227).

1. Орывки изъ романа въ письмахъ (стр. 177—193).

¹ Ловеласъ — герой романа Ричардсона: „Кларисса Гарлоу“; Адольфъ (1816) — романъ Бенжамена Констана (1767-1830), гдѣ изображается любовь самого автора къ г-жѣ de Chaggière, которая была на 27 лѣтъ его старше. Герой романа — типичный „денди“ романтической поры, съ холоднымъ сердцемъ и аффектаціею демоническихъ страстей.

² Объ упрекахъ въ безнравственности см. III, 363-367.

³ Въ рукописи есть еще приписка, вѣроятно, сюда же относящаяся: „Аристократія чиновная не замѣнитъ аристократіи родовой. Семейственныя воспоминанія должны быть историческія воспоминанія народа. Но какія воспоминанія у дѣтей коллежскаго ассесора?“ Ср. IV. 233.

⁴ Намекъ на стихи Грибоѣдова: „Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ, а потому что патріотки“.

*) Петръ Степановичъ Валуевъ, главноуправляющій Кремлевскою Экспедиціею и Оружейною Палатою, устроилъ Прѣсенскіе пруды на мѣстѣ грязнаго болота.

⁵ Ср. III, 454: „Гвардейцы затяжные, — вы хрипуны...“

⁶ „Dominus dominorum, servus servorum Domini“—одинъ изъ титуловъ папы.

2. Участь моя рѣшена... (стр. 194 - 197).

⁷ Пѣснь Чайльдъ Гарольда (I, 13): „Adieu, adieu, my native shore“ и „My native land—good night!“ См. I, 570.

3. Рославлевъ (стр. 198 - 211).

⁸ Кребильонъ - младшій (Claude - Prosper Jolyot de S., 1707 - 1777), сынъ драматурга, авторъ нѣсколькихъ довольно циничныхъ романовъ, имѣвшихъ въ свое время большой успѣхъ. Лучшимъ изъ нихъ считается „Le Sopha“, гдѣ подъ видомъ глупаго султана изображенъ Людовикъ XV.

⁹ „Юрій Милославскій“ переведенъ на франц. яз. par M-me Sophie Conrad, née Ott (4 vol, Paris 1831).

¹⁰ Ср. IV, 323: „Сокровища родного слова“ и пр.

¹¹ Анна-Луиза-Жермена баронесса Сталь-Гольштейнъ (1766 - 1817), дочь Неккера, знаменитая французская писательница, авторъ романовъ: „Дельфина“ (1802) и „Коринна“ (1808), была изгнана изъ Франціи Наполеономъ въ 1803 г. Она отправилась въ Италію, затѣмъ изучала германскую философію въ Веймарѣ, Іенѣ и Берлинѣ. Ея книга: „О Германіи“ (1810) положила начало позднѣйшей романтической поэзіи во Франціи. Въ 1812 г. г-жа Сталь посѣтила Москву и Петербургъ, затѣмъ уѣхала въ Стокгольмъ и здѣсь издала книгу: „Десять лѣтъ изгнанія“. Послѣ реставраціи Бурбоновъ вернулась въ Парижъ, гдѣ и умерла въ 1817 г. См. въ т. VI замѣтку Пушкина по поводу статьи Муханова.

Съ разсказомъ Пушкина о пребываніи г-жи Сталь въ Москвѣ любопытно сравнить отзывъ знаменитаго прусскаго министра барона Штейна о пребываніи ея въ Петербургѣ: „Я видѣлся съ г-жею Сталь; ея лицо выражаетъ добродушіе и простоту, когда она не старается нравиться. Она какъ-то умѣетъ увлекаться, отдаваться порывамъ,—и здѣсь ключъ къ разнымъ опрометчивостямъ въ ея обращеніи и въ ея рѣчахъ, опрометчивостямъ, которыя оправдываются ея положеніемъ въ столицѣ, среди испорченнаго, мятежнаго, волнуемаго всякими страстями народа... Я думаю, что она не понравится здѣсь (въ Петербургѣ): здѣсь нѣтъ

вкуса къ литературѣ, а женщины крайне лѣнны.“
(С. Вайнштейнъ, „Госпожа Сталь“, Спб. 1902, стр. 327).

¹² Этотъ абзацъ впервые появился въ печати только въ 1884 г. (Рус. Стар., XLIV, 555).

¹³ Графъ Матвѣй Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ (1790 - 1863), единственный сынъ извѣстнаго любимца Екатерины II, въ іюль 1812 г. сформировалъ на собственный счетъ особый полкъ, подъ именемъ Мамоновскаго казачьяго, и сдѣланъ былъ его командиромъ, причемъ изъ камеръ-юнкеровъ переименованъ былъ въ генераль-майоры. Вызовъ желающихъ поступить въ этотъ полкъ напечатанъ, въ видѣ особаго объявленія, при № 59 Моск. Вѣд. 1812 г. Небольшая замѣтка о немъ — въ Рус. Архивѣ 1868, ст. 96 - 97.

6. Гости съѣзжались... (стр. 217 - 226).

¹⁴ Далѣе зачеркнуто: „Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ испанецъ, — вотъ уже два мѣсяца, какъ я въ Петербургѣ, и въ первый еще разъ нахожу я разговоръ, напоминающій мнѣ парижскую *causerie*.“

— Между тѣмъ, общество наше скучно для тѣхъ, которые не танцуютъ. Всѣ чувствуютъ необходимость разговора общаго, — но гдѣ его взять, и кто захочетъ выступить первый на сцену? Кто-то предложилъ нанимать на вечеръ разговорщика, какъ нанимаютъ на маленькіе балы фортепьянщика.“

¹⁵ Ср. IV, 232 - 234.

¹⁶ *Liaisons dangereuses* — романъ Laclos (P. 1782, 4 vol.).

7. Марія Шонингъ (стр. 227 - 233).

Въ рукописи этому разсказу предшествуетъ французскій текстъ, послужившій для него программой и неизвѣстно откуда заимствованный. Приводимъ его въ переводѣ.

Марія Шонингъ и Анна Гарлинь, осужденныя въ Нюрнбергѣ въ 1778 году.

Марія Шонингъ, дочь нюрнбергскаго рабочаго, лишилась отца на 17-мъ году. Она ухаживала за больнымъ одна, такъ какъ бѣдность заставила ее отпустить единственную свою служанку, Анну Гарлинь.

Возвратившись съ похоронъ отца, она застала у себя

двоихъ чиновниковъ податного вѣдомства, которые потребовали разсмотрѣнія бумагъ покойнаго, съ цѣлью удостовѣриться, платилъ ли онъ налоги, соотвѣтствующіе его имуществу. По разсмотрѣніи этихъ бумагъ они нашли, что старикъ Шонингъ платилъ не соотвѣтственно своему состоянію, и опечатали его домъ. Молодая дѣвушка заняла пустую комнату, въ ожиданіи, пока податное вѣдомство постановитъ свое рѣшеніе по этому дѣлу.

Чиновники возвратились съ рѣшеніемъ начальства и съ приказомъ, чтобы Марія Шонингъ оставила свой домъ, отбираемый въ казну.

Г. Шонингъ былъ бѣденъ, но бережливъ. Трехлѣтняя болѣзнь поглотила всѣ его сбереженія. Марія пошла къ чиновникамъ, плакала, но начальство было неумолимо.

Ночью она пошла на кладбище св. Іакова. — Она ушла оттуда утромъ.

Нюрнбергская полиція выдаетъ полкроны ночнымъ сторожамъ за каждую женщину, арестованную послѣ десяти часовъ вечера. Марію отвели въ полицейское управленіе. На другой день ее привели къ судѣ, который отпустилъ ее съ угрозою отправить въ исправительный домъ, если она попадется вторично.

Марія хотѣла броситься въ Пегницъ... Ее зовутъ, — она видитъ Анну Гарлинъ, бывшую служанку своего отца, вышедшую замужъ за инвалида. Анна утѣшила ее: „Жизнь коротка“, сказала она ей: „а небо вѣчно, дитя мое.“

Семейство Гарлинъ пріютило у себя Марію. Здѣсь она жила годъ почти въ нищетѣ. Въ концѣ года она захворала. Наступила зима, работы не было; сѣстные припасы вздорожали. Пришлось постепенно распродать всю мебель, кромѣ кровати инвалида, который къ веснѣ умеръ.

Одинъ бѣдный врачъ лѣчилъ мужа и жену безденежно. Иногда онъ приносилъ имъ бутылку вина, но денегъ у него не было. Анна выздоровѣла, но сдѣлалась ко всему равнодушною; работы не было никакой.

Однажды, вечеромъ, въ началѣ марта, Марія вдругъ ушла изъ дому.

Она была захвачена ночнымъ обходомъ. Капраль велѣлъ солдатамъ окружить ее и сказалъ ей, что на утро ее высѣкутъ. Марія вскричала, что она виновна въ дѣтубійствѣ.

Когда ее привели къ судѣ, она объявила, что она родила при помощи Анны Гарлинъ, которая и похоронила ея ребенка гдѣ-то въ лѣсу. Анна Гарлинъ была тотчасъ же арестована и на очной ставкѣ съ Марією ни въ чемъ не сознавалась.

Принесли орудія пытки. Марія ужаснулась, схватила связанная руки своей мнимой сообщницы и сказала ей: „Анна, признайся въ томъ, чего отъ тебя требуютъ! Добрая моя Анна, для насъ все будетъ кончено, а Франкъ и Нани будутъ помѣщены въ сиротскій пріютъ“.

Анна догадалась, въ чемъ дѣло, обняла ее и сказала, что бросила ребенка въ Пегницъ.

Дѣло было рѣшено быстро; обѣихъ приговорили къ смертной казни. Утромъ въ день, назначенный для казни, ихъ повели въ церковь, гдѣ онѣ молитвою приготовились къ смерти. На колесницѣ Анна была спокойна. Марія волновалась. Гарлинъ взошла на эшафотъ и сказала ей: „Еще минута, и мы будемъ тамъ (на небѣ!). Мужайся, еще одна минута, и мы явимся предъ Богомъ!“

Марія воскликнула: „Она невинна, я показала ложно...“ Она бросается въ ноги палачу и священнику и рассказываетъ все. Палачъ въ изумленіи останавливается. Въ народѣ слышатся крики... Анна, на вопросы священника и палача, говоритъ съ отвращеніемъ (простотою): „Разумѣется, она сказала правду. Я виновата въ томъ, что солгала и усомнилась въ благости Провидѣнія.“

Магистрату было послано объ этомъ донесеніе. Посланный вернулся черезъ часъ съ приказаніемъ исполнить приговоръ. Палачъ, отрубивъ голову Аннѣ Гарлинъ, упалъ въ обморокъ. Марія была уже мертва.

8. На углу маленькой площади... (стр. 234—237).

¹⁷ Далѣе зачеркнуто: „А,— тотъ, который получилъ когда-то пощечину и не дрался?— Совѣмъ нѣтъ. Его били палкою. А все это—штуки его жены; я не имѣлъ счастья ей понравиться.“

¹⁸ Зачеркнуто: „цѣловальника, нажившаго миллионы“.

¹⁹ Въ рук. Муз. № 2371, л. 89, находится еще набросокъ, повидимому, сюда же относящійся:

„Аристокрація! прервала съ усмѣшкою блѣдная дама. Что ты зовешь аристокраціей?“

— Да, да,— аристокрація! возразилъ съ жаромъ Володской. Развѣ...*

V. Дубровскій (стр. 245—333).

¹ Этого абзаца нѣтъ въ рукописи Моск. Музея.

² Зачеркнуто: „Ступивъ на свой дворъ“.

³ Первоначально встрѣча Владиміра съ кузнецомъ была описана подробнѣе:

„Владиміръ съ отвращеніемъ прошелъ мимо ихъ въ переднюю. Двери были заперты. Не нашедъ ключа, Владиміръ возвратился въ залу,—ключъ лежалъ на столѣ. Владиміръ отворилъ дверь и наткнулся на человѣка, прижавшагося въ уголь; топоръ блестѣлъ у него [въ рукахъ]. — „Кто здѣсь?“ спросилъ онъ —Ахъ, Владиміръ Андреевичъ, это вы! отвѣчали ему. Господь помилуй и спаси! Хорошо, что вышли со мною.—Владиміръ глядѣлъ на него съ изумленіемъ.— „Что ты здѣсь прятался“, спросилъ онъ кузнеца, „и зачѣмъ у тебя топоръ?“ — Виновать, сказалъ кузнецъ, ставъ на колѣни: лукавый подстрекнулъ! Эти окаянные подъячіе,—экъ они храпятъ,—всѣхъ бы ихъ разомъ, такъ и концы въ воду...— „Встань“, сказалъ Дубровскій: „ты вѣрно пьянъ; брось топоръ, поди, выпипись“. — Батюшка Владиміръ Андреевичъ, Богъ свидѣтель“, и пр.

⁴ Послѣднихъ двухъ абзацевъ нѣтъ въ рукописи Моск. Музея.

Къ стр. 255. Определеніе уѣзднаго суда, которое Пушкинъ предполагалъ включить въ свою повѣсть, соответственно измѣнивъ имена.

„1832 года октября... дня Козловскій уѣздный судъ разсматривалъ дѣло о неправильномъ владѣніи поручикомъ Иваномъ Яковлевымъ сыномъ Муратовымъ имѣніемъ, принадлежащимъ гвардіи подполковнику Семену Петрову сыну Крюкову, состоящимъ Тамбовской губерніи Козловской округи въ сельцѣ Новопанскомъ, мужеска 186-ю душами, да земли съ лугами и угодьями 932 десятины. Изъ коего дѣла видно: означенный гвардіи подполковникъ Крюковъ прошлаго 1826 года іюня 9-го дня взошелъ въ сей судъ съ прошеніемъ въ томъ, что покойный его отецъ, коллежскій ассессоръ и кавалеръ Петръ Ефимовъ сынъ Крюковъ, въ 1759 году августа 14-го дня, служившій въ то время въ

Тамбовскомъ намѣстническомъ правленіи провинціальнымъ секретаремъ, купилъ изъ дворянъ у канцеляриста Фаддея Егорова Спицына имѣніе, состоящее Козловской округи въ помянутомъ сельцѣ Новопанскомъ, которое селеніе тогда по ревизіи называлось Новопанскими выселками, всего значащихся по 4-й ревизіи мужеска пола 113 душъ со всѣмъ ихъ крестьянскимъ имуществомъ, усадьбою, съ пашенною и непашенною землею, лѣсами, сѣнными покосы, рыбными ловли по рѣчкѣ, называемой Новопанкѣ, и со всѣми принадлежащими къ оному имѣнію угодьями и господскимъ деревяннымъ домомъ, и словомъ все безъ остатка, что ему послѣ отца его, изъ дворянъ урядника Егора Терентьева сына Спицына, по наслѣдству досталось и во владѣніи его было, не оставляя изъ людей ни единыя души, а изъ земли ни единого четверика, цѣною за 2500 рублей, на что и купчая въ тотъ же день въ Тамбовской палатѣ суда и расправы совершена, и отецъ его тогда же, августа въ 26-й день, Козловскимъ земскимъ судомъ введенъ былъ во владѣніе и учиненъ за него отказъ. А наконецъ, 1782 года сентября 6-го дня, отецъ его волею Божіею помре, а между тѣмъ онъ, проситель, подполковникъ Крюковъ, съ 1799 года, почти съ малолѣтства, находился въ военной службѣ и по большей части былъ въ походахъ за границами, почему онъ и не могъ имѣть свѣдѣнія какъ о смерти отца его, равно и объ оставшемся послѣ его имѣніи. Теперь же, по выходѣ своемъ изъ той службы въ отставку и по возвращеніи въ имѣнія отца своего, состоящія Тамбовской и Рязанской губерній въ Козловскомъ, Пронскомъ и Ряжскомъ уѣздахъ, въ разныхъ селеніяхъ, всего до 3000 душъ, находитъ, что изъ числа таковыхъ имѣній вышеписанными козловскими 113-ю душами (коихъ по нынѣшней 7-й ревизіи значится въ томъ сельцѣ всего 186 душъ) съ землею и со всѣми угодьями владѣть безъ всякихъ укрѣпленій вышеписанный поручикъ Иванъ Муратовъ, почему, представляя при ономъ прошеніи ту подлинную купчую, данную отцу его продавцомъ Спицынымъ, просить, отобрать помянутое имѣніе изъ неправильнаго владѣнія Муратова, отдать по принадлежности въ полное его, Крюкова распоряженіе. А за несправедливое онаго присвоеніе, съ коего онъ пользовался получаемыми доходами, по учиненіи объ оныхъ надлежащаго дознанія, положить съ него, Муратова, слѣдую-

щее по законамъ взысканіе и онымъ его, Крюкова удовлетворить.

„По учиненіи жъ Козловскимъ земскимъ судомъ по сему прошенію изслѣдованія открылось, что помянутый нынѣшній владѣлецъ спорнаго имѣнія, поручикъ Муратовъ, далъ на мѣстѣ дворянскому засѣдателю объясненіе, что владѣемое имъ нынѣ имѣніе, состоящее въ означенномъ сельцѣ Новопанскомъ, 186 душъ съ землею и угодьями, досталось ему по наслѣдству послѣ смерти отца его, артиллеріи подпоручика Якова Сергѣева сына Муратова, а ему дошедшее по покупкѣ отъ отца его, просителя, прежде бывшаго провинціального секретаря, а потомъ коллежскаго ассесора Крюкова, по довѣренности, данной отъ него въ 1759 году августа 30-го дня, засвидѣтельствованной въ Козловскомъ уѣздномъ судѣ, титулярному совѣтнику Григорью Васильеву сыну Соболеву, по которой должна быть отъ него на имѣніе сіе выдана отцу его купчая, потому что въ оной именно сказано, что онъ, Крюковъ, все доставшееся ему по покупкѣ отъ канцеляриста Спицына имѣніе, 113 душъ съ землею, продалъ отцу его, Муратова, и слѣдующія по договору деньги, 3,200 рублей, всѣ сполна съ отца его безъ возврата получилъ и просилъ онаго довѣреннаго Соболева выдать отцу его указную крѣпость. А между тѣмъ отцу его въ той же довѣренности по случаю заплаты всей суммы владѣть тѣмъ покупнымъ у него имѣніемъ и распоряжаться впредь до совершенія оной крѣпости, какъ настоящему владѣльцу, и ему, продавцу Крюкову, впредь и никому въ то имѣніе уже не вступаться. Но когда именно и въ какомъ присутственномъ мѣстѣ таковая купчая отъ повѣреннаго Соболева дана его отцу, — ему, Ивану Муратову, неизвѣстно, ибо онъ въ то время былъ въ совершенномъ малолѣтствѣ, и послѣ смерти его отца таковой крѣпости отыскать не могъ, а полагаетъ, что не сгорѣла ли съ прочими бумагами и имѣніемъ во время бывшаго въ 1790 году въ домѣ ихъ пожара, о чемъ извѣстно было и жителямъ того селенія. А что онымъ имѣніемъ со дня продажи Крюковымъ, или выдачи Соболеву довѣренности, т. е. съ 1759 года, и по смерти отца его съ 1793 года и понынѣ, они, Муратовы, безспорно владѣли, въ томъ свидѣлствуется на окольныхъ жителей, которые, всего 52 человека, на спросъ подѣ присягою показали, что дѣйствительно, какъ

они могутъ запомнить, означеннымъ спорнымъ имѣніемъ начали владѣть помянутые господа Муратовы назадъ тому лѣтъ 70 безъ всякаго отъ кого-либо спора, но по какому именно акту или крѣпости, — имъ неизвѣстно. Упомянутый же по сему дѣлу прежній покущикъ сего имѣнія, бывшій провинціальный секретарь Петръ Крюковъ, владѣлъ ли симъ имѣніемъ, — они не запомнятъ. Домъ же гг. Муратовыхъ назадъ сему лѣтъ 30 отъ случившагося въ ихъ имѣніи въ ночное время пожара сгорѣлъ; причемъ сторонніе люди показали, что доходу означенное спорное имѣніе можетъ приносить, полагай, съ того времени въ сложности ежегодно не менѣе, какъ до 2,000 рублей.

„Напротивъ же сего гвардіи подполковникъ Семень Петровъ сынъ Крюковъ 3-го января сего года взошелъ въ сей судъ съ прошеніемъ, что хотя помянутый поручикъ Иванъ Муратовъ и представилъ при учиненномъ слѣдствіи къ дѣлу сему выданную покойнымъ его отцомъ Петромъ Крюковымъ титулярному совѣтнику Соболеву довѣренность на запроданное Муратову имѣніе, но по оной не только подлинной купчей, но даже и на совершеніе когда-либо оной никакихъ ясныхъ доказательствъ по силѣ генеральнаго регламента 19-й главы и указа 1752 г. ноября 29-го дня не представилъ. Слѣдовательно, самая довѣренность нынѣ, за смертью самого дателя оной, отца его, по указу 1818 г. мая... дня, совершенно уничтожается. А сверхъ того... велѣно спорныя имѣнія отдавать крѣпостныя по крѣпостямъ, а не крѣпостныя по розыску; на каковое имѣніе, принадлежащее отцу его, представленъ уже отъ него въ доказательство крѣпостной актъ, по которому и слѣдуетъ, на основаніи означенныхъ узаконеній, изъ неправильнаго владѣнія помянутаго Муратова отобрать, отдать ему по праву наслѣдства. А какъ означенный помѣщикъ, имѣя во владѣніи не принадлежащее имѣніе, безъ всякаго укрѣпленія пользовался съ онаго неправильно... не принадлежащими доходами, то по исчисленіи, сколько такихъ будетъ причитаться по силѣ . . . , съ помѣщика Муратова взыскать и его, Крюкова, оными удовлетворить. По разсмотрѣніи какового дѣла и учиненной изъ онаго и изъ законовъ выписки въ Козловскомъ уѣздномъ судѣ опредѣлено:

„Какъ изъ дѣла сего видно, что гвардіи подполковникъ и кавалеръ Семень Петровъ сынъ Крюковъ на означенное

спорное имѣніе, находящееся нынѣ во владѣніи у поручика Ивана Яковлева сына Муратова, состоящее въ сельцѣ Новопанскомъ, по нынѣшней 7-й ревизіи всего мужеска пола 186 душъ, съ землею и угодьями, представилъ подлинную купчую на продажу онаго покойному отцу его, провинціальному секретарю, который потомъ былъ ассессоромъ, въ 1759 году, изъ дворянъ канцеляристомъ Фадеемъ Спицынымъ, и что сверхъ того сей покупатель (Крюковъ), какъ изъ учиненной на той крѣпости надписи видно, былъ въ томъ же году Козловскимъ земскимъ судомъ введенъ во владѣніе, которое имѣніе уже за него отказано; и хотя напротивъ сего со стороны поручика Ивана Муратова и представлена довѣренность, данная тѣмъ умершимъ покупщикомъ Крюковымъ титулярному совѣтнику Соболеву для совершения купчей на имя отца его, Муратова, но по такимъ сдѣлкамъ не только утверждать крѣпостныя недвижимыя имѣнія, но даже и временно владѣть по указу... воспрещено, къ тому жъ и самая довѣренность смертію дателя оной совершенно уничтожается. Но чтобъ сверхъ сего дѣйствительно была по оной довѣренности совершена гдѣ и когда на означенное спорное имѣніе купчая; со стороны Муратова никакихъ ясныхъ доказательствъ къ дѣлу съ начала производства, т. е. съ 1828 года, и по сіе время не представлено. А потому сей судъ и полагаетъ: означенное имѣніе, 186 душъ, съ землею и угодьями, въ какомъ нынѣ положеніи тое окажется, утвердить по представленной на оное купчей за подполковника Крюкова; о удаленіи отъ распоряженія онымъ поручика Муратова и о надлежащемъ введѣніи во владѣніе за него, г. Крюкова, и объ отказѣ за него, какъ дошедшаго къ нему по наслѣдству, предписать Козловскому земскому суду. А хотя сверхъ сего подполковникъ Крюковъ и проситъ о взысканіи съ поручика Муратова за неправо владѣніе наслѣдственнымъ его имѣніемъ воспользовавшихся съ онаго доходовъ, — но какъ оное имѣніе, по показанію старожилыхъ людей, было у господъ Муратовыхъ нѣсколько лѣтъ въ безспорномъ владѣніи, и изъ дѣла сего не видно, чтобъ со стороны г. Крюкова были какія - либо до сего времени прошенія о такомъ неправильномъ владѣніи Муратовыми онаго имѣнія, къ тому жъ по уложенію... велѣно, ежели кто чужую землю засѣтъ или усадьбу загородитъ, и на того о неправильномъ вла-

дѣни станутъ бить челомъ, и про то сыщется допряма, тогда правому отдавать тую землю и съ посѣяннымъ хлѣбомъ, и городьбою, и строеніемъ, — а посему подполковнику Крюкову въ изъявленномъ на поручика Муратова искѣ отказать, ибо принадлежащее ему имѣніе возвращается въ его владѣніе, не изъемля изъ онаго ничего, и что при вводѣ за него оказаться можетъ, все безъ остатка, представивъ между тѣмъ подполковнику Крюкову, буде онъ имѣетъ о таковой своей претензіи какія - либо ясныя и законныя доказательства, можетъ просить, гдѣ слѣдуетъ, особо. Каковое рѣшеніе напередъ объявить истцу, равно и отвѣтчику, на законномъ основаніи, апелляціоннымъ порядкомъ, коихъ и вызвать въ сей судъ — для выслушанія сего рѣшенія и подписи удовольствія или неудовольствія — черезъ полицію.

„Каковое рѣшеніе подписали всѣ присутствующіе того суда.

„И подполковникъ Крюковъ, явясь въ присутствіе уѣзднаго суда, выслушалъ таковое рѣшеніе при открытыхъ дверяхъ и подписалъ свое совершенное удовольствіе.

„А поручикъ Муратовъ, по выслушаніи такимъ же порядкомъ онаго рѣшенія, подписалъ свое явное неудовольствіе съ объясненіемъ, какъ онъ, по совѣсти чувствуя, что дѣло его есть правое, и по собраніи нѣкоторыхъ свѣдѣнійъ будетъ, въ положенное законами время, просить по апелляціи куда слѣдуетъ.

„Но только поручикъ Муратовъ положенный на подачу апелляціонной жалобы срокъ пропустилъ, хотя и чувствуя по совѣсти свою правоту, но требующихся по законамъ доказательствъ не могъ еще представить, почему таковое рѣшеніе приведено въ исполненіе, т. е. объ отбраніи отъ него имѣнія и объ отдачѣ онаго подполковнику Крюкову предписано Козловскому земскому суду. А между тѣмъ во время производства сего дѣла поручикомъ Муратовымъ къ открытію истины приняты были слѣдующія мѣры...“ [По рук. Моск. Муз. № 2380, лл. 8 - 11, 56, - 58, напеч. въ Рус. Старинѣ 1887, LV, 546 - 551].

VI. Капитанская Дочка (стр. 342 — 493).

¹ Въ печатномъ: „Всѣ мои братья и сестры умерли въ младенчествѣ. Я былъ записанъ въ семеновскій полкъ

сержантомъ, по милости майора гвардіи князя Б., близкаго нашего родственника. Я считался въ отпуску до окончанія наукъ“.

Рук.: ² свои намѣренія. ³ Гдѣ его абшидь? ⁴ Со-скупа ⁵ на четверинкахъ ⁶ предложилъ мнѣ ⁷ отъ ⁸ не знаешь ли ты ⁹ у [этого] мужика ¹⁰ вся комната была полна ¹¹ небось, небось ¹² въ это время я проснулся ¹³ въ головѣ его ¹⁴ вожатаго своего ¹⁵ мой бѣдный ¹⁶ его абшидь ¹⁷ Шешлимскій драгунскій ¹⁸ на крутомъ ¹⁹ сѣрую ²⁰ въ Шешлимскій драгунскій полкъ? ²¹ Да не худо обоихъ наказать ²² накрывали столъ ²³ всего - то душъ одна ²⁴ сиди себѣ ²⁵ лѣтъ на пятьдесять.

²⁶ Въ печатномъ: „...которая лѣвая. У Швабрина...“

Рук.: ²⁷ Степанидой.

²⁸ Въ печатномъ: „Не смотря на предсказанія, башкирцы...“

Рук.: ²⁹ не сказывать ³⁰ всѣ они люди безпутные ³¹ взяла у насъ наши шпаги ³² онъ меня сваталъ ³³ Сва-талъ? Онъ васъ сваталъ? ³⁴ объяснили мнѣ ³⁵ на Его милость ³⁶ когда — Богъ видитъ — бѣжалъ я ³⁷ изволь - ка прочитатъ ³⁸ ничего мнѣ ³⁹ и что люди посторонніе ⁴⁰ прощайте жь, Петръ Андреичъ ⁴¹ нѣтъ, этому ⁴² изво-лите ⁴³ а конь ⁴⁴ показалось мнѣ ⁴⁵ коимъ ⁴⁶ сымая ⁴⁷ спросила комендантша, позабывшись ⁴⁸ ни единого ⁴⁹ корова ихъ ⁵⁰ для его наказанія.

⁵¹ Далѣе въ рук. слѣдуетъ: „Помню даже, что Марья Ивановна была недовольна мною за то, что я слишкомъ разговорился съ прекрасною гостьей, и во весь день не сказала мнѣ ни слова и вечеромъ ушла, со мною не простившись; а на другой день, когда подходилъ я къ комендантскому дому, то услышалъ ея звонкій голосокъ: Марья Ивановна распѣвала простыя и трогательныя слова старинной пѣсни:

„Во бесѣдахъ во веселыхъ не засиживайся,
На хорошихъ, на пригожихъ не заглядывайся.“

⁵² свой палашъ ⁵³ за нимъ ⁵⁴ палашъ ⁵⁵ объ успѣхахъ ⁵⁶ [Ступай ко мнѣ въ службу — и я пожалую тебя въ князя Потемкины].

⁵⁷ Въ печатномъ: „...и въ фельдмаршалы, и въ князья.“

Въ рук.: ⁵⁸ отпустишь меня ⁵⁹ пожалованный твоей милости отъ дитяти спроста на постояломъ дворѣ ⁶⁰ поклонился ей, какъ нѣжный сынъ поклоняется гробу отца.

⁶¹ Въ печатномъ: „Отецъ нашъ жалуеъ вамъ лошадь“.

Въ рук.: ⁶² вору - то и стало совѣстно ⁶³ не выдадутъ вамъ ⁶⁴ давно ли былъ въ Бѣлогорской крѣпости? ⁶⁵ „Батюшка Петръ Андреичъ! Богу угодно было. . ⁶⁶ каковъ Швабринъ ⁶⁷ иди за него ⁶⁸ Armer Kerl! ⁶⁹ остальное ⁷⁰ Чтобъ я пустилъ одного дитятю! ⁷¹ въ Бѣлогорской крѣпости, у попады ⁷² Добре ⁷³ чтобъ тебѣ ⁷⁴ генералы ⁷⁵ ссориться изъ бездѣлицы ⁷⁶ съ нашими ⁷⁷ а они вѣдь ⁷⁸ ее бы ⁷⁹ во многомъ глаголаніи ⁸⁰ Ивановичъ ⁸¹ съ самозванцемъ ⁸² извиняться ⁸³ въ прислугѣ здѣсь я ⁸⁴ Андреевичъ.

⁸⁵ Въ печатномъ: „...доходило до крайности. Правленіе было...“

⁸⁶ Ср. слова Радищева („Путешествіе“, глава: „Зайцово“): „Я примѣтилъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, что русскій народъ очень терпѣливъ и терпитъ до самой крайности; но когда положить конецъ своему терпѣнію, то ничто не можетъ удержать его, чтобъ не преклонился на жестокость“.

Въ рук.: ⁸⁷ Буланина ⁸⁸ потомство ихъ существуетъ до нынѣ ⁸⁹ домовъ ⁹⁰...оправданіе сына его. Петръ Андреевичъ умеръ въ концѣ 1817 года. Рукопись его досталась старшему внуку его, который и доставилъ намъ оную, узнавъ, что мы заняты были историческимъ трудомъ, относящимся ко временамъ, описаннымъ его дѣдомъ. Къ сожалѣнію, мы получили ее слишкомъ поздно, и рѣшились, съ дозволенія родственниковъ, напечатать ее особо, приискавъ къ каждой главѣ приличный эпиграфъ, и тѣмъ сдѣлать книгу достойною нашего вѣка. — А. Пушкинъ. 23 іюня.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ откывки изъ народныхъ пѣсенъ, приведенные Пушкинымъ въ видѣ эпиграфовъ или упоминаемые въ текстѣ повѣсти. Такъ, эпиграфъ къ гл. II (стр. 352) взятъ изъ слѣдующей пѣсни, напечатанной въ сборничкѣ, приложенномъ къ книгѣ „Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ: перваго—россійскаго славнаго вора, разбойника и бывшаго: московскаго сыщика Ваньки Каина, со всѣми его сысками

розысками, сумасбродною свадьбою, забавными разными его пѣснями и портретомъ его; второго — французскаго мошенника Картуша и его сотоварищей“. Спб. 1779, 1788, 1794:

Породила меня матушка,
 Породила сударыня
 Въ зеленомъ - то саду гуляючи,
 Что подъ грушею подъ зеленою,
 Что подъ яблонью подъ кудрявою,
 Что на травушкѣ, на муравушкѣ,
 На цвѣточкахъ на лазоревыхъ.
 Пеленала да меня матушка
 Во пеленочки во камчатныя,
 Во свивальнички во шелковые.
 Берегла - то меня матушка
 Что отъ вѣтру и отъ вихорю.
 Что пустила меня матушка
 На чужу дальну сторонушку.
 Сторона-ль ты моя, сторонушка,
 Сторона-ль ты моя незнакомая!
 Что не самъ-то я на тебя зашелъ,
 Что не добрый меня да конь завель,
 Занесла меня кручинушка,
 Что кручинушка великая,
 Служба грозная государева,
 Прыткость, бодрость молодецкая
 И хмелинушка кабацкая.

Три подчеркнутые стиха выпущены Пушкинымъ, вѣроятно, по цензурнымъ соображеніямъ.

Въ гл. IV (стр. 377) приведены два стиха изъ пѣсни, напечатанной въ сборникѣ Прача, изд. 1815 г., ч. II, стр. 47

Капитанская дочь, не ходи гулять въ полночь,
 Не ходи гулять въ полночь, не прокладывай слѣдовъ,
 Не прокладывай слѣдовъ мимо моего двора.
 Какъ у моего двора пріукатана гора,
 Пріукатана, углажена, водою улита.
 И я скокъ - поскокъ — подломился каблукъ,
 Подломился каблукъ, я упала на бочекъ;
 Я упала на бочекъ, — погляжу, млада, лежу,
 Погляжу, млада, — лежу я на правомъ на боку;

Ужь я глядь - поглядь, — меня некому поднять.
 Со гостиного двора идетъ купчикъ молодой;
 Я не знала какъ назвать, — поучилася солгать,
 Поучилася, какъ солгать я, — Павлушею назвать:
 „Павлушенька, душенька, сердце, радость, — подыми!“
 — Ахъ, я радъ, душа, поднять, — съ стороны люди глядятъ,
 Съ стороны люди глядятъ, поймать съ тобой хотятъ.
 Поведутъ тебя рядами, меня лавочками,
 Тебя стануть батогами, меня палочками.

Передъ гл. V (стр. 382) выставлено два эпитафия изъ обще-извѣстныхъ пѣсенъ любовнаго содержанія.

Стихами, взятыми въ эпитафъ къ гл. VI (стр. 391) начинается пѣсня про взятіе Казани, напеч. въ „Полномъ собраніи російскихъ пѣсенъ“, М. 1780, ч. I, стр. 141.

Эпитафомъ къ гл. VII (стр. 403) взята запѣвка къ одной изъ Петровскихъ пѣсенъ о казни стрѣлецкаго атамана, напеч. въ сборникъ Новикова, 2-е изд., Спб. 1777.

Наконецъ, эпитафъ къ гл. XII (стр. 450) взятъ изъ широко распространенной свадебной сиротской пѣсни.

Ср. интересный этюдъ П. В. Шейна: „Народная пѣсня и Пушкинъ“ въ журналъ „Ежемѣсячныя Сочиненія“ (И. Ясинскаго) 1900, т. II, июнь, стр. 89 - 109.

VII. Пиковая дама. (стр. 495 - 582).

¹ Играть „мирандролемъ“ значить — не увеличивать первоначальной ставки.

² Рутѣ — такое положеніе игры, при которомъ игроку „везетъ“, т. е. дается нѣсколько картъ подъ рядъ.

³ Пароли — ставка, увеличенная вдвое противъ первоначальной; пароли пе — вчетверо.

⁴ Герцогъ Ришелье — см. выше, стр. 610.

⁵ Графъ Сенъ-Жерменъ (ум. 1795) — алхимикъ и авантюристъ неизвѣстнаго происхожденія (кажется, португальскій еврей), выступившій въ Италиі, Голландіи, Англии и Парижѣ: въ 40-хъ гг. XVIII столѣтія. Онъ увѣрялъ легковѣрныхъ людей, что живетъ на свѣтѣ уже нѣсколько сотъ лѣтъ, что обладаетъ эликсиромъ вѣчной молодости, умѣнъемъ дѣлать золото, предсказывать будущее и пр.

⁶ Джованни-Джакопо Казанова де-Сейнгальтъ (1725 - 1798) — извѣстный шарлатанъ, занимавшійся магіей и раз-

ными спекуляціями. Его записки изданы въ Лейпцигѣ, 1826—1838.

⁷ Выиграть „соника“ — выиграть сразу всѣ деньги, поставленные въ банкъ.

⁸ Этотъ эпиграфъ заимствованъ изъ разговора Дениса Давыдова съ М. А. Нарышкиной. См. письма Д. въ изд. 1860 г., стр. 145, и Рус. Арх. 1884, II, 140.

⁹ Ожидала (1834).

¹⁰ Нога (1834).

¹¹ Елизавета - Луиза Лебрень, рожд. Вижé (1755 - 1842),— знаменитая въ свое время портретистка, приближенная Маріи-Антуанеты. Во время революціи бѣжала сначала въ Италію, потомъ жила въ Дрезденѣ, Берлинѣ, а въ 1795 г. пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ пробыла цѣлыхъ шесть лѣтъ. Многочисленные портреты ея работы разсѣяны по дворцамъ и аристократическимъ домамъ. Ей принадлежатъ, между прочимъ, портреты императрицъ Маріи Ѳеодоровны, Елизаветы Алексѣевны, Станислава Понятовскаго, графа Толстого и мн. др.

¹² Жозефъ-Мишель Монгольфье (1740 - 1810) изобрѣтатель воздушныхъ шаровъ, поднимающихся съ помощью нагрѣтаго воздуха (1783). Месмеръ — французскій врачъ (1733 - 1815), авторъ сочиненія „О вліяніи планетъ“ и теоріи такъ наз. животнаго магнетизма.

¹³ Эммануилъ Сведенборгъ (1688 - 1772) — шведскій натуралистъ, впоследствии—извѣстный духовидецъ и выдающійся представитель „теософіи“, многихъ увлекавшій повѣствованіями о своихъ чудесныхъ видѣніяхъ.

¹⁴ Ставить „семпелемъ“ (simple) — ставить кушъ на одну карту.

VIII. Египетскія ночи (стр. 533 — 565).

¹ Петроній (Titus Petronius Arbiter), писатель перваго вѣка римской имперіи, авторъ сочиненія „Satyricon“, рисующаго развратные нравы цезарей.

² Salve — обычная надпись на порогѣ римскаго дома.

³ Первоначально въ рукописи Вершневъ названъ былъ Титовымъ и далѣе слѣдовало: „одинъ изъ тѣхъ юношей, которые воспитывались въ Московскомъ университетѣ, служатъ въ Московскомъ архивѣ и толкуютъ о Гегелѣ.“

⁴ Пушкинъ касается этого „преимущества“ и въ крити-

ческихъ замѣткахъ, напр. — по поводу своего стиха въ Онѣгинѣ: „Два вѣка ссорить не хочу“ (IV, 20).

⁵ Далѣе зачеркнуто: „Не имѣю чести быть въ числѣ гг. стихотворцевъ, но чувствую, что они должны быть настоящіе мученики, не смотря на великія свои преимущества.“

⁶ Ср. „Отвѣтъ анониму“ (II, 128).

⁷ Черта автобиографическая: ср. въ т. VI „Отрывки изъ разговоровъ“.

⁸ Ср. выше, стр. 189 - 190.

⁹ Сюда же, вѣроятно, относится и слѣдующій отрывокъ, находящійся въ рук. Муз. № 2386 А:

„Но главною непріятностью платится мой пріятель: приписываніе ему множества чужихъ сочиненій, какъ-то: эпитафія вродѣ покойнаго Курганова; посланіе о женитьбѣ, въ коемъ такъ остроумно сказано, что коли хочешь быть уменъ — учись, коли хочешь быть въ аду — женись; стихи на бракъ, достойные Баркова, начитавшагося Ламартина... Безпристрастные наши журналисты, которые обыкновенно не умѣютъ отличать стиховъ Нахимова отъ стиховъ Баркова, важно укоряли его въ безнравственности, отдавая полную справедливость ихъ поэтическимъ достоинствамъ...“

¹⁰ Пушкинъ писалъ женѣ 21 сент. 1835 изъ Михайловскаго: „Ѣмъ я печеный картофель, какъ маймистъ, и яйца въ смятку, какъ Людовикъ XVIII. Вотъ мой обѣдъ.“

¹¹ Ср. „Осень“ (II, 138): „И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ, и риѣмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ...“

¹² На поляхъ приписано и потомъ зачеркнуто: „а отъ своихъ меценатовъ (чортъ ихъ побери!) требуютъ одного: чтобы они не входили на нихъ въ тайные доносы, — и того не могутъ добиться.“

¹³ Стиховъ импровизатора въ рукописи нѣтъ. Можетъ быть, Пушкинъ имѣлъ въ виду одинъ изъ своихъ набросковъ о вдохновеніи въ „Родословной моего героя“, напр.: „Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ“ или: „Поэтъ идетъ — открыты вѣжды“ и т. п. (IV, 235 - 236, 366 - 367).

¹⁴ Кто къ торгу новому приступить

Свои я ночи продаю

¹⁵ Я жду — вѣщаетъ — что жь молчите?

[Или теперъ бѣжите прочь?]

Вась было много, — приступите,
 [Купите радостную ночь].
 И гордый взоръ она обводитъ
 Кругомъ поклонниковъ своихъ...
 16 И грустный взоръ остановила
 Царица гордая на немъ.

Стихотвореніе о Клеопатрѣ много разъ передѣлывалось Пушкинымъ. Вотъ первоначальный его набросокъ, по рук. Муз. № 2370:

* * *

И снова гордый гласъ возвысила царица:
 „Забыты мною днесъ вѣнецъ и багряница!
 „Простой наемницей на ложе восхожу,
 „Неслыханно тебѣ, Киприда, я служу.
 „Се новый даръ тебѣ, ночей моихъ награда.
 „О боги грозные! Внемлите жъ, боги ада,
 „Подземныхъ ужасовъ печальные цари!
 „Примите мой обѣтъ: до сладостной зари
 „Властителей моихъ послѣднія желанья
 „И дивной нѣгою, и тайнами лобзанья,
 „Всею чашею любви послушно упою...
 „Но только сквозь завѣсъ во храмину мою
 „Блеснетъ Авроры лучъ, — клянусь моей порфирой, —
 „Главы ихъ упадутъ подъ острою сѣкирой!“

* * *

Благословенные священною рукой,
 Изъ урны жребіи выходятъ чередой.
 И первый — Аквила, клеветръ Помпея смѣлый,
 Изрубленный въ бояхъ, въ походахъ посѣдѣлый.
 Презрѣнья хладнаго не снесъ онъ отъ жены —
 И гордо выступилъ, суровый сынъ войны,
 На вызовъ роковыхъ, послѣднихъ наслажденій,
 Какъ прежде выступалъ на славный крикъ сраженій.
 Критонъ за нимъ, — Критонъ, изнѣженный мудрецъ,
 Воспитанный подъ небомъ Арголиды,
 Отъ самыхъ юныхъ дней ^а поклонникъ и пѣвецъ
 И пламенныхъ пировъ, и пламенной Киприды.
 Послѣдній имени вѣкамъ не передалъ,
 Никѣмъ не знаемый, ничѣмъ не знаменитый;

^а Безпечный, вѣтрениый.

Чуть отроческій пухъ, темнѣя, покрываль
 Его стыдливыя ланиты,
 Огонь любви въ очахъ его пылаль,
 Во всѣхъ чертахъ любовь изображалась,
 Онъ Клеопатрою, казалось, дышалъ,
 И, молча, долго имъ царица любовалась.

Позднѣйшій набросокъ изъ рук. № 2384, лл. 54 - 55:

* * *

Зачѣмъ печаль ее гнететь?
 Чего еще недостаётъ
 Египта древняго царицѣ?
 Въ своей блистательной столицѣ
 Спокойно властвуетъ она,
 И часто предъ ея глазами
 Пирѣ смѣняются пирами,
 И величавыя искусства
 Ей тѣшатъ дремлющія чувства.
 Горитъ ли африканскій день,
 Свѣжѣетъ ли ночная тѣнь, —
 Покорны ей земные боги,
 Полны чудесъ ея чертоги.
 Въ златыхъ кадилахъ вѣчно тамъ
 Сирійскій дышетъ оміамъ,
 Звучать тимпаны
 Весь міръ царицѣ угождаетъ:
 Сидонъ ей пурпуръ высылаетъ...
 вдоль Нила
 вѣтрила...
 Она въ триремѣ золотой
 Плыветъ
 Она пошла
 Въ покои тайные дворца,
 Гдѣ ключъ угрюмаго скопца
 Хранить невольниковъ прекрасныхъ
 И юношей стыдливо-страстныхъ...

Можетъ быть, къ импровизатору относятся слѣдующія строки, сохраненныя рукописью № 2384, л. 58 об.:

О бѣдность! Затвердилъ я, наконецъ,
 Урокъ твой горькій. Чѣмъ я заслужилъ
 Твое гоненье?...

IX. Русский Пеламъ (стр. 567—578).

¹ Ср. выше, „Капит. Дочка“, стр. 342.

X. Сцены изъ рыцарскихъ временъ (стр. 579 - 603).

¹ Далѣ въ рукописи зачеркнуто: „Презирають! А того не вѣдаютъ, нахалы, что старый Мартынъ не промѣняетъ своей лавки, убранной сверху до низу испанскими сукнами, на ихъ голые каменные замки, гдѣ они съ голоду свищутъ, да побрякиваютъ шпорами!“

² За то, что я [не люблю нашего состоянія и что я] знакомство...

³ Ср. начальныя строки [зачеркнутыя] „Скупого Рыцаря“:

Самъ герцогъ звалъ меня на балъ,—Матильда

Тамъ будетъ,—нѣтъ, во что бы то ни стало...

(III, 648).

⁴ Романсъ „Жилъ на свѣтѣ“, какъ видно изъ рукописи, несомнѣнно принадлежитъ къ „сценамъ“, но написанъ раниѣе, именно — въ началѣ 30-хъ годовъ, и въ иномъ видѣ. Желая включить его въ „сцены“, Пушкинъ переписалъ его изъ прежней тетради (Муз. № 2371, л. 77 об.) въ другую (№ 2384, л. 49 об.), набѣло, съ передѣлками и сокращеніями. Вотъ первоначальный, черновой текстъ этого романа:

* * *

Былъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему:

Разъ поѣхалъ онъ въ Женеву
И увидѣлъ у креста,
На пути, Марію дѣву,
Матерь Господа-Христа.

Съ той поры, заснувъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ
И до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

И на грудь себѣ онъ четки
Вмѣсто шарфа навязалъ;
Никогда стальной рѣсетки
Онъ съ лица не поднималъ.

Проводилъ онъ цѣлы ночи
Предъ иконою Пресвятой,
Устремивъ къ ней [томны] очи,
Тихо слезы лилъ рѣкой.

Пѣтъ псалмы Отцу и Сыну
И святому Духу—вѣкъ
Не случилось паладину:
Былъ онъ странный человѣкъ.

Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ

И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву паладины,
Именуя громко дамъ,—

Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ, дикъ и рыанъ,
И какъ громъ, его угроза
Поражала мусульманъ.

Возвратясь въ свой замокъ дальный,
Жилъ онъ, будто заключенъ,
Все влюбленный, все печальный,
Безъ причастья умеръ онъ.

Какъ боролся онъ съ кончиной,
Бѣсъ лукавый подоспѣлъ;

Душу рыцаря сбирался
Унести онъ въ свой предѣль:

— „Онъ-де Богу не молился,
„Онъ не вѣдалъ и поста,
„Онъ за
„Непрестанно волочился.“

Но Пречистая сердечно
Заступилась за него
И пустила въ царство вѣчно
Паладина своего.

̣ Я на ведрахъ [мѣдныхъ] шпоръ.

